Ларри Нивен

Джерри Пурнелл

ЗОЛОТОЙ ФОНД ФАНТАСТИКИ

МОШКА В ЗЕНИЦЕ ГОСПОДНЕЙ

«Возможно, величайший научно-фантастический роман, который я когда-либо читал».
Роберт Хайнлайн

Мошка в зенице Господней

Ларри Нивен, Джерри Пурнелл

Аннотация
Ларри Нивен, Джерри Пурнелл. Мошка в зенице Господней
Хронология
Действующие лица
Пролог
Часть первая. Зонд безумного Эдди
1. Приказ, 3017 г. н. э
2. Пассажиры
3. Званый обед
4. Экстренное сообщение
5. Лик Господа
6. Солнечный парус
7. Зонд Безумного Эдди
8. Чужак
9. Его Высочество принимает решение
10. Убийца планет
11. Церковь Его Имени
12. Спуск в Ад
Часть вторая. Точка безумного Эдди
13. Взгляд вокруг
14. Инженер

15. Работа
16. Ученый-идиот
17. Выселение мистера Кроуфорда
18. Каменный Улей
19. Второй по популярности канал
20. Ночная вахта
21. Послы
22. Словесные игры
23. «Элиза», рассекающая льды
24. Домовые
25. Мошкита капитана
Часть третья. Встреча с безумным Эдди
26. Мошка-1
27. Экскурсия
28. Kaffee Klatsch
29. Часовщики
30. Кошмар
31. Поражение
32. «Ленин»
33. Падение на планету
34. Правонарушители
35. Беги, кролик, беги
36. Рассудительность
37. Урок истории
38. Окончательное решение
Часть четвертая. Решение безумного Эдди

39. Отступление
40. Прощание
41. Дареный корабль
42. Мешок битого стекла
43. Жалоба торговца
44. Военный совет
45. Прыжок Безумного Эдди
46. Лично и срочно
47. Возвращение домой
48. Штатский
49. Парад
50. Искусство ведения переговоров
51. После бала
52. Право выбора
53. Джинны
54. Вырваться из бутылки
55. Козырь Реннера
56. Последняя надежда
57. Искусство измены
58. А может, лошадь запоет
Эпилог

Аннотация

Ларри Нивен и Джерри Пурнелл – классики научной фантастики, лауреаты премий Хьюго и Небьюла, ими вместе написаны романы «Молот Люцифера», «Клятва верности», «Инферно».

«Мошка в зенице Господней» – их общепризнанный шедевр, эпический роман о контакте человечества с иным разумом, ставший знаковым событием в истории жанра.

Ларри Нивен, Джерри Пурнелл
Мошка в зенице Господней

Мерилин и Роберте, приютившим нас, пока мы работали над этой книгой, а также Луртону и Джинни, снова и снова заставлявшим нас проделывать эту работу

Хронология

1969

Нил Армстронг ступает на поверхность Луны.

1990

Серия договоров между Соединенными Штатами и Советским Союзом приводит к образованию СоВладения.

2008

Первый успех в испытаниях двигателя для межзвездных перелетов. Создание движителя Олдерсона.

2020

Первые колонии в других звездных системах. Начало Великого Исхода.

2040

Бюро Переселения начинает массовую отправку заключенных СоВладения за пределы Солнечной системы. Колонизация Спарты и Святой Екатерины.

2079

Сергей Лермонтов становится гранд-адмира-

лом Объединенных Военных Космических Сил.

2103

Начало Великих Патриотических войн. Конец СоВладения. Исход Флота.

2110

Коронация Лисандра I на планете Спарта. Флот присягает на верность Спартанскому трону. Династический брак приводит к союзу Спарты и Святой Екатерины.

2111

Начало Формационных войн.

2250

Леонид I провозглашает Империю Человечества.

2250–2600

Империя Человечества устанавливает и поддерживает мир между мирами.

2450

Джаспер Мёрчисон исследует район за пределами Угольного Мешка. Изменение климата и освоение Новой Шотландии.

2609

Начало Сепаратистских войн. Появление са-

уронских суперменов. Святая Екатерина почти полностью уничтожена.

2640

Сепаратистские войны продолжаются. Наступление Темных Веков для многих звездных систем. Истребление сауронских суперменов.

2800

Прекращение межзвездной торговли. Пиратство и разбой. Темные Века.

2862

Когерентный световой луч от Мошки достигает Новой Шотландии.

2870

Конец Сепаратистских войн.

2882

Говард Гроут Литлмид создает на Новой Шотландии церковь Его Имени.

2902

Когерентный луч от Мошки внезапно пропадает.

2903

Леонид IV провозглашает Вторую Империю Человечества. Произнесение Клятвы Возрождения

Единства.

3016
Мятеж на Нью-Чикаго.

3017
ПЕРВЫЙ КОНТАКТ.

Действующие лица

Родерик Гарольд, лорд Блейн, командор, Имперский военно-космический флот.

Эркли Келли, канонир Имперских десантных войск, слуга семейства Блейнов.

Адмирал сэр Владимир Ричард Джордж Плеханов, вице-адмирал Имперских космических сил Нью-Чикаго, исполняющий обязанности генерал-губернатора Нью-Чикаго.

Капитан Бруно Кзиллер, Имперский военно-космический флот, командующий ИКК «Макартур».

Командор ДжЕК Каргилл, ИВКФ, старший помощник капитана «Макартура».

Гардемарин Хорст Стейли, ИВКФ, старший гардемарин на борту ИКК «Макартур».

Командор Джок (Сэнди) Синклер, ИВКФ, старший механик «Макартура».

Гардемарин Джонатон Уитбрид, ИВКФ.

Лейтенант Кевин Реннер, штурман-инструктор, резерв ИВКФ.

Леди Сандра Лидделл Леоновна Брайт-Фаулер, бакалавр искусствоведения, магистр естествен-

ных наук, доктор антропологии, Имперский университет Спарты.

Его превосходительство Гораций Хусейн Бери, торговец и магнат, председатель совета компании «Империал Автонетикс».

Гардемарин Гэвин Поттер, ИВКФ.

Адмирал флота ХОулАнд Кранстон, Верховный главнокомандующий силами Его Величества в Трансугольном секторе.

Его Высочество Ричард Стефан Меррилл, вице-король Владений Его Величества в Трансугольном секторе.

Доктор Энтони Хорват, министр науки Трансугольного сектора.

Доктор Джекоб БАкман, астрофизик.

Отец Дэвид Харди, капеллан, капитан, резерв ИВКФ.

Адмирал Лаврентий Кутузов, вице-адмирал, командующий экспедицией Его Величества к Глазу Мёрчисона.

Сенатор Бенджамин Брайт-Фаулер, лидер большинства в Сенате и член Тайного Совета.

Доктор Зигмунд Горовиц, профессор ксенобиологии, Университет Новой Шотландии.

Герберт Колвин, бывший капитан Республиканских космических сил Союза, бывший

капитан крейсера «Дерзкий».

И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?

Евангелие от Матфея, 7:3

Пролог

«За минувшее тысячелетие сложилось мнение, что движитель Олдерсона — несомненное благо. Без сверхсветовых скоростей, которые стали доступны благодаря открытию Олдерсона, человечество оставалось бы в заточении в границах Солнечной системы, и Великая Война Наций уничтожила земное СоВладение. Однако вышло так, что мы, напротив, успели заселить более двух сотен миров…

Конечно, движитель принес нам громадную пользу: без него мы бы уже давным-давно вымерли. Но несомненное ли это благо?.. Давайте разберемся. Те самые открытия, что дали нам возможность колонизовать планеты, те же наладившиеся межзвездные контакты между колониями, что положили начало Первой Империи, — все это стало причиной смертоубийственных войн. Все миры, уничтоженные за двести лет Гражданских войн, и заселялись, и сжигались кораблями, на которых применялся движитель Олдерсона…

Благодаря открытию Олдерсона нам не пришлось ломать себе голову, выстраивая сложней-

шую сетку координат. Но надо отметить, что наши корабли способны мгновенно преодолевать огромное расстояние и без движителя, хотя признаемся, что в данном случае уместно говорить именно о межпланетном пространстве.

Тем не менее мы не устаем заявлять, что во Вторую Империю Человечества входят две сотни миров и все необозримое пространство между ними — более пятнадцати миллионов кубических парсеков…

Попробуем увидеть истинное положение дел. Представьте мириады крошечных пузырьков пены на поверхности бескрайнего черного океана. Мы властны лишь над некоторыми из пузырьков. О водах меж ними нам ничего не известно…»

Из выступления доктора Энтони Хорвата в Институте Блейна, 3029 г. н. э.

Часть первая
Зонд безумного Эдди

1
Приказ, 3017 г. н. э

— Адмирал приветствует вас и приглашает незамедлительно прибыть к нему! — объявил гардемарин Стейли.

Командор Родерик Блейн оглядел мостик, где изредка общались его офицеры, и подумал о том, что в минуты важных переговоров флотские напоминают врачей, ассистирующих главному хирургу на сложной операции. Да и сейчас в сером стальном отсеке кипела работа. Все были заняты делом, но общее впечатление всегда оставалось неизменным: здесь царил хаос. На экранах, висящих над пультом управления, застыло уже привычное изображение: планета, окруженная военными кораблями, размещенными на орбите рядом с «Макартуром». Почти все панели были сняты со своих консолей — из распоротых внутренностей торчало диагностическое оборудование. Техники, держа наготове маркированные разными цветами сменные блоки, заменяли детали, которые внушали им хотя бы малейшее подозрение. Вдобавок откуда-то с кор-

мы, где ремонтники занимались корабельным корпусом, доносились глухие удары и скрежет металла.

Повсюду виднелись следы битвы: безобразные ожоги там, где защитное поле Лэнгстона на мгновение отказало из-за перегрузки. В одной из консолей прожгло дыру неправильной формы размером с кулак, и двое техников копались в паутине проводов. Род Блейн покосился на черные пятна, покрывающие бронеткань обмундирования. Слабый запах испарившегося металла и горелого мяса как будто застрял в его ноздрях, и даже теперь перед его внутренним взором стояла та сама жуткая картина: огонь и расплавленный металл, который выплеснулся из корпуса и окатил левый бок Блейна.

Левая рука Блейна висела на эластичной перевязи, и лишь по пятнам на повязке он мог восстановить в памяти события минувшей недели.

«А ведь я всего час на борту, — подумал он. — Капитан внизу, а тут кавардак… Я не могу уйти прямо сейчас».

Он повернулся к гардемарину.

— Незамедлительно?

— Да, сэр. Требование из разряда «первостепен-

ной важности».

Что ж, ничего не попишешь, придется вытерпеть головомойку, которую ему устроит адмирал. Первый лейтенант Каргилл и механик Синклер — компетентные ребята, но сейчас капитана замещает он, Блейн, так что именно он и обязан следить за тем, как парни латают «Макартур» (пусть даже Блейна и не было на борту, когда корабль «заработал» большую часть своих боевых отметин).

Ординарец Рода осторожно кашлянул и деликатно указал на запятнанную форму.

— Сэр, вы успеете переодеться во что-то более… приличное.

— Отличная идея, — Род взглянул на экран корабельного навигатора.

Пожалуй, у него еще есть полчаса, но это вовсе не означает, что не надо спешить: адмирал не любит, когда опаздывают. Кроме того, Блейну понадобится помощь, чтобы снять мундир: он не раздевался после того, как его ранило.

Послали за помощником хирурга. Разрезая ножницами армированную ткань, прилипшую к левой руке Рода, медик буркнул:

— Не дергайтесь, сэр. Руку вам здорово поджарило, — в его голосе звучала укоризна. — Вам

следовало обратиться в лазарет неделю назад.

— «Следовало» и «у меня имелась такая возможность» — разные вещи, — возразил Род.

Неделю назад «Макартур» сражался с мятежным военным кораблем, и тот, прежде чем капитулировать, разделал имперский крейсер как бог черепаху. После победы Род возглавил «призовую» команду, но на вражеском судне не оказалось никакой возможности заняться лечением. Когда бронеткань сняли, Род поморщился: вонь была просто невыносимой: гораздо хуже, чем запах застарелого пота и грязи.

А если у него начинается гангрена?

— Да, сэр, — перерезано еще несколько нитей синтетических волокон, прочных как сталь. — Вам надо срочно к хирургу, командор. Нужно продезинфицировать рану, а уж потом использовать заживляющие средства. А в лазарете вам заодно и нос подправим.

— Меня он вполне устраивает, — холодно ответил Род.

Блейн легонько дотронулся до своего кривого носа и вспомнил сражение, в котором ему сломали перегородку. Но везде есть свои плюсы: теперь он выглядел старше своих двадцати четырех стандартных лет. Род считал это признаком

опытности и успешности. Род гордился своим происхождением, хотя порой фамилия Блейн казалась ему чересчур тяжким бременем.

Обмундирование из бронеткани срезали с раны, после чего руку Блейна щедро намазали намбитолом. Стюард помог Роду облачиться в светло-голубую форму с красным шарфом-перевязью, золотыми позументами и эполетами. Ткань сразу туго натянулась и стиснула его плечи, но Род постарался не обращать внимания на дискомфорт: лучше уж перетерпеть, чем мучиться в коконе из моноволоконной бронеткани. Правда, жесткий китель бередил рану (и обезболивающее тут не помогло), но, в конце концов, Род обнаружил, что способен двигать рукой и может опереться локтем на рукоять пистолета.

Приведя себя в подобие порядка, он направился в ангар «Макартура» и сел в шлюпку. Рулевой направил ее в громоздкие двери подъемника: шлюпка лихо вылетела наружу, не дожидаясь, когда «Макартур» замедлит свое безостановочное вращение. Опасный маневр, но Род экономил время. Двигатели глухо заурчали, и юркий крылатый флаер нырнул в атмосферу планеты.

Нью-Чикаго. Населенный мир сектора за пределами Угольного Мешка, примерно в двадцати

парсеках от Столичного сектора. Планета вращается вокруг желтого солнца F9, которое обычно называют бетой Гортензии.

Атмосфера практически соответствует земной, дышать можно без помощи фильтров. Сила тяжести составляет 1,08 земной. Радиус планеты — 1,05, а масса 1,21 массы Земли; плотность выше земной. Наклон оси вращения Нью-Чикаго — 41 градус, расстояние до светила — 1,06 а.е., орбита умеренно эксцентрическая. Ввиду значительных сезонных колебаний температуры заселена только относительно узкая полоса в южной температурной зоне.

Спутник — один, на среднем расстоянии, прижившееся название — Эванстон. Происхождение названия неизвестно.

70 % Нью-Чикаго покрыты водой. Материки гористые, заметная вулканическая активность. Развитая промышленность периода Первой Империи почти полностью уничтожена во время Гражданских войн. Со времени присоединения Нью-Чикаго ко Второй Империи в 2940 г. н. э. начинает восстанавливаться промышленная база — работы ведутся удовлетворительными темпами.

Большая часть населения проживает в един-

ственном городе, носящем то же название, что и планета. Прочие населенные пункты разбросаны на обширных территориях — нигде число жителей не превышает сорока пяти тысяч. Общая численность населения планеты согласно переписи 2990 г. — 6,7 миллиона человек. Железодобывающие и железоплавильные центры находятся в горах. Экстенсивное сельское хозяйство.

В целом население планеты обеспечивает себя лишь половиной продуктов питания.

Нью-Чикаго владеет растущим торговым флотом. Благодаря удачному расположению планета стала центром трансугольной межзвездной торговли. Управляется генерал-губернатором и Советом, назначаемым вице-королем Трансугольного сектора, имеет выборную ассамблею и двух делегатов в Имперском Парламенте.

Род Блейн нахмурился, читая строки, бегущие по экрану карманного компьютера. Физические данные остались прежними, но прочая информация безнадежна устарела. Мятежники изменили даже название планеты, превратив ее из Нью-Чикаго в «Госпожу Свободу». Что ж, правительству придется проделать двойную работу.

Возможно, «Госпожа Свобода» потеряет свое

место в Парламенте и даже утратит право на выборную ассамблею.

Род отложил компьютер в сторону и посмотрел в иллюминатор. Флаер летел над гористой местностью, где не было никаких следов войны.

Слава богу, что эти районы не подверглись бомбардировке.

Иногда такое случалось: города-крепости держались благодаря спутникам планетарной защиты. У военно-космического флота не было времени на затяжную осаду, а имперская полиция получила приказ покончить с мятежниками — возможно, малой кровью, но все-таки покончить. Упорствующую мятежную «Госпожу Свободу» постепенно превращали в поля сверкающей лавы, где не выживал никто. Впрочем, над некоторыми поселениями были воздвигнуты черные купола поля Лэнгстона. И что потом? Кораблей, чтобы доставлять продукты, преодолевая межзвездное пространство, не хватало — и на планете начались эпидемии и голод.

«Но иного пути нет», — подумал Род.

Человечество необходимо сплотить под властью единого правительства — убеждениями или силой, — чтобы столетия Сепаратистских войн никогда больше не повторялись. Каждый

имперский офицер видел ужасы, порожденные кровопролитными войнами, — именно поэтому академии разместили на Земле, а не в столице.

На подлете к городу Род увидел первые отметины сражений. Круг перепаханной земли, вдали — развалины крепостей, разрушенные бетонные трассы транспортных систем. Затем показался почти нетронутый городок, уцелевший в границах круга защитного поля Лэнгстона. Он не слишком пострадал: когда поле было снято, сопротивление тут же прекратилось. Только фанатики продолжали сражаться с имперскими космодесантниками.

Флаер пролетел над руинами высотки, разрушенной упавшей посадочной шлюпкой. Видимо, ее сбили, но пилот успел поквитаться с обидчиками.

Флаер обогнул городок, снизив скорость, чтобы подлететь к посадочным докам и заодно не выбить ни единого оконного стекла в зданиях. Дома были старые, в основном созданные по углеводородной технологии, для чего, похоже, сносили целые кварталы, заменяя их свеженькими современными постройками. Ничто не напоминало о городе Первой Империи, когда-то возведенном на этой земле.

Флаер сел на площадку на крыше Дома правительства, и Род понял, что скорость можно было и не снижать. Почти все стекла в оконных рамах уже повылетали.

На улицах бурлили толпы людей, но ездили исключительно колонны военных машин. Некоторые прохожие просто стояли, другие стремительно вбегали в магазины или вылетали обратно на улицу.

Изгородь под током, возведенную вокруг Дома правительства, охраняли солдаты в серых мундирах имперских космодесантников.

Блейн вылез из флаера, перебрался в лифт и спустился на этаж, принадлежащий генерал-губернатору. Во всем здании не было видно ни одной женщины, хотя обычно имперские правительственные учреждения кишели ими. Вероятно, Блейн слишком долго пробыл в космосе — но ничего не поделаешь, надо привыкать. Он назвал свое имя пехотинцу, сидевшему за столиком администратора — парень держался так прямо, будто проглотил шомпол, — и стал ждать.

Блейну совершенно не хотелось думать о том, что произойдет в кабинете через несколько минут, и потому он коротал время, разглядывая пустые стены. Все декоративные украшения,

трехмерная звездная карта с имперскими флагами, реющими над провинциями, и прочее, чему полагалось быть в приемной генерал-губернатора планеты первого класса, исчезло. Остались лишь безобразные пятна на стенах.

Наконец охранник провел его в кабинет. За массивным столом восседал адмирал сэр Владимир Ричард Джордж Плеханов, кавалер орденов Св. Михаила и Св. Георгия.

«А где же его превосходительство господин Гарун, — удивился Блейн. — Неужто придется беседовать с адмиралом наедине?»

Но спустя мгновение Блейн понял, что ошибся: возле окна стоял капитан Кзиллер, непосредственный начальник Блейна на «Макартуре».

Блейн заметил, что система прозрачности окон полностью вышла из строя и стены кабинета украшали только глубокие царапины. Мебель тоже куда-то подевалась. Даже Великие Символы — корона и космический корабль, орел, серп и молот — словно испарились, а ведь они всегда висели над дюралепластовым столом. Кстати, Род не помнил, чтобы в кабинете генерал-губернатора имелся стол из простого дюралепласта.

— Командор Блейн по вашему приказанию прибыл, сэр.

Плеханов рассеянно отсалютовал, а Кзиллер даже не повернул голову, чтобы поприветствовать Блейна.

Род вытянулся по стойке «смирно»: адмирал пристально смотрел на подчиненного.

— Доброе утро, командор, — произнес адмирал, нарушив тишину.

— Доброе утро, сэр.

— Впрочем, не совсем доброе. По-моему, мы не виделись с моего последнего визита в Круцис-Корт. Как поживает маркиз?

— Когда я был дома, сэр, он пребывал в добром здравии.

Адмирал кивнул, продолжая критически изучать Блейна. «Он ничуть не изменился», — подумал Род. Весьма образованный человек, ведущий борьбу с тучностью путем упражнений в поле повышенной гравитации. Плеханова флот присылал, когда ожидалось особенно жестокое сражение. Адмирал не признавал никаких оправданий нерадивых офицеров и по слухам, ходившим в кают-компаниях, однажды разложил кронпринца — теперь императора — на большом столе и выпорол ракеткой для спетбола. Его Высочество служил в те дни гардемарином на «Платее».

— У меня есть ваш рапорт, Блейн. Вы должны были отбить у мятежников генератор поля, а вы умудрились потерять роту имперских десантников.

— Да, сэр. Генераторную станцию защищали фанатики, и бой был жарким.

— А за каким дьяволом вы ввязались в наземные боевые действия? — требовательно спросил адмирал. — Ведь Кзиллер распорядился, чтобы захваченный крейсер сопровождал наш штурмовой транспорт. Вы получали приказ спуститься на шлюпках?

— Нет, сэр.

— Может быть, вы думаете, что аристократам позволено не подчиняться военной дисциплине?

— Разумеется, нет, сэр, я так не думаю.

Плеханов пропустил реплику Блейна мимо ушей.

— Затем вы затеяли какие-то делишки с вождем мятежников. Как же его звали? — Плеханов заглянул в бумаги. — Стоун. Джонас Стоун. Освобождение из-под ареста и возврат всего имущества. Проклятье, вы что, решили, что всякий армейский офицер уполномочен вести переговоры с бунтовщиками? Или у вас была тайная дипломатическая миссия, о которой я ничего

не знаю?

— Нет, сэр, — ответил Род и плотно сжал губы.

Он приготовился к выволочке и визгливому крику, но ничего подобного не было и в помине.

«К черту традиции военно-космического флота, — подумал он. — Я-то ведь выиграл главную битву».

— Но вы можете объяснить мне ваши действия? — настаивал адмирал.

— Да, сэр.

— Итак?

Род заговорил, с трудом извлекая звуки из гортани, сведенной спазмом.

— Командуя захваченным «Дерзким», сэр, я получил сообщение из мятежного города. Именно тогда городское поле Лэнгстона было включено, а капитан Кзиллер с «Макартуром» занимались орбитальными оборонительными спутниками. Мозгом флота стал адмирал, сражавшийся с бунтовщиками. Мистер Стоун предложил впустить имперские войска в город лишь на том условии, что он получит полное прощение и сохранит личную собственность. Он дал нам час на раздумья и заодно захотел взять в заложники кого-нибудь из аристократической семьи. Если его условия примут, сказал он, война закончится. Я знал,

что генератор поля играет краеугольную роль. Не имея возможности посоветоваться с начальством, я решил возглавить отряд и дал мистеру Стоуну слово чести.

Плеханов нахмурился.

— Ясно. Слово лорда Блейна, а не офицера военно-космического флота…

— Это был единственный способ договориться с ним, адмирал.

— Понимаю, — процедил Плеханов.

Если адмирал не примет объяснений Блейна, с Родом будет покончено и на флоте, и в правительстве, и вообще везде. С другой стороны, адмиралу придется объясняться с палатой пэров.

— Что заставило вас поверить в искренность Стоуна?

— Сэр, послание было закодировано имперским шифром и подписано офицером военной разведки.

— И вы рискнули кораблем…

— …ради возможности закончить войну без уничтожения планеты. Да, сэр, следует добавить, что в сообщении мистера Стоуна имелось подробное описание лагеря, где держали имперских офицеров и гражданских лиц.

— Понимаю, — повторил Плеханов и его руки

гневно взметнулись. — Я не люблю сотрудничать с предателями, даже если они помогают нам. Но я признаю необходимость вашей сделки, а значит, можно сказать, что я дал вам официальное разрешение спуститься со шлюпками. Однако мне это не нравится, Блейн. Совершенно идиотская выходка!

«Однако она сработала», — мысленно возразил Род.

Он продолжал вытягиваться по струнке, но почувствовал, что тугой узел в его желудке ослаб.

Адмирал хмыкнул.

— Ваш отец тоже сильно рисковал. Нас обоих чуть не прикончили на Таните. Просто чудо, что в вашей семье выжили одиннадцать маркизов. Полагаю, что настоящим чудом будет, если вы станете двенадцатым. Ладно, садитесь.

— Благодарю, сэр. — Род продолжал стоять. Голос его был холодно-вежлив.

Черты лица адмирала слегка смягчились.

— Я не рассказывал вам, что ваш отец являлся моим командиром на Таните? — спросил Плеханов.

— Нет, сэр. Он сам говорил мне об этом, — сурово отчеканил Род.

— Он был моим лучшим другом и лучшим из

моих флотских командиров. Он косвенно помог мне занять это место и попросил, чтобы вы служили под моим командованием.

— Да, сэр.

«Я уже в курсе, но не могу понять, зачем вы пустились в давние воспоминания», — подумал он.

— А вас не интересует, командор, каких конкретно действий я от вас ожидал?

От неожиданности Род вздрогнул.

— Интересует, сэр.

— Скажите, что бы вы предприняли, если бы послание Стоуна оказалось фальшивкой? Вы бы попали в ловушку, не так ли?

— Мятежники уничтожили бы мою команду.

— Верно, — голос Плеханова был холоден как сталь. — Но вы решили, что надо рискнуть, поскольку существовала возможность завершить войну малыми жертвами с обеих сторон. Да?

— Да, сэр.

— Как бы следовало поступить моему флоту, потеряй я своих десантников? — Адмирал хлопнул обеими ладонями по столу. — У меня не осталось бы выбора! — рявкнул он. — Каждая неделя, проведенная здесь, сулит новые опасности! Любая из наших планет может быть уничтожена, Блейн! И в таком случае вам было бы некогда отдавать

приказы насчет штурмового транспорта и очередного отряда космодесантников! Так что если бы вы лишились своей команды, я превратил бы эту планету в каменную глыбу! Аристократ вы или нет, не вздумайте еще раз сделать что-либо подобное! Усекли?

— Да, сэр… — Адмирал, конечно, прав, но… Что может сделать пехота, если город защищен полем?

Род ссутулился. Ну… Он бы что-нибудь сделал. Но что?..

— Впрочем, все кончилось хорошо, — произнес Плеханов. — Возможно, вы приняли верное решение. А может, нет. Еще одна такая выходка, и я сам отберу у вас табельное оружие. Ясно? — Он взял со стола распечатку личного дела Рода. — «Макартур» готов выйти в космос?

— Сэр? — Голос Плеханова прозвучал по-прежнему угрожающе, что на мгновение сбило Рода с толку. — В космос, сэр, но в бой идти рано. И я бы не хотел, чтобы корабль отправлялся в межзвездное пространство без ремонта.

За безумный час, проведенный на борту, Род успел провести полный осмотр «Макартура», но в суматохе не смог даже побриться. Сейчас он недоумевал. Капитан «Макартура» до сих пор сто-

ял у окна, прислушиваясь к разговору, но упорно молчал. Почему адмирал не спросит *его*?

Пока Блейн недоумевал, Плеханов снова пошел в атаку.

— Бруно, вы командующий флотом. Изложите свои соображения.

Бруно Кзиллер повернулся к адмиралу, и Род едва не задохнулся от изумления: на груди Кзиллера уже не сверкала серебром эмблема «Макартура», которая как будто говорила всем и каждому, что он, Бруно, его капитан.

Зато теперь вместо серебряного кругляша там сияли комета и солнце штаба военно-космического флота, а кроме того, появилась широкая полоса — адмиральский шеврон.

— Как самочувствие, командор? — спросил Кзиллер и ухмыльнулся. Кривую усмешку Кзиллера прекрасно знали на «Макартуре». — Выглядите недурно. По крайней мере, если смотреть на ваш правый бок. Значит, вы провели час на борту «Макартура». Какие повреждения вы обнаружили?

Род сбивчиво доложил о нынешнем состоянии «Макартура», включая недавнее состояние корабля. Упомянул он и о ремонте «Макартура».

Кзиллер кивал и задавал новые вопросы. Нако-

нец он сказал:

— И вы сделали вывод о том, что корабль выдержит очередную небольшую вылазку, но не жаркое сражение, верно?

— Да, сэр.

— Согласен с вами. Адмирал, вот мои рекомендации. Командор Блейн заслужил продвижение. Можно доверить ему «Макартур». Пусть корабль сперва хорошенько залатают в Новой Шотландии, а затем отгонят в столицу. Ну а сам Блейн пусть возьмет на борт племянницу сенатора Фаулера.

Что? Ему доверят «Макартур»? Род слушал Кзиллера как в тумане, потрясенный до глубины души. Он боялся поверить, но ему выпадал шанс показать Плеханову — и остальным, — чего он стоит.

— Он молод, и не стоит оставлять «Макартур» под его командованием, — пробурчал Плеханов. — Но, пожалуй, это лучший выход. Вряд ли он доставит нам много хлопот, следуя к Спарте через Новую Каледонию. Корабль ваш, капитан!

Поскольку Род молчал, адмирал опять рявкнул:

— Очнитесь, Блейн! Я произвожу вас в капитаны и назначаю командиром «Макартура»! Мой

секретарь подготовит приказ через полчаса.

Кзиллер скривился в привычной ухмылке.

— Скажите же что-нибудь, — обратился он к Блейну.

— Спасибо, сэр. Я… я думал, вы не одобряете моих действий.

— Не думайте, что они мне по душе, — перебил его Плеханов. — Будь у меня другой выход, вы бы остались помощником. Вполне допускаю, что из вас получится неплохой маркиз, хотя для военно-космического флота у вас не тот темперамент. Разумеется, это не главное, но подозреваю, что карьера офицера — не ваша стезя.

— Теперь уже — да, сэр, — осторожно произнес Род.

Он еще переживал утрату. Большой Джордж, в двенадцать лет заставивший спальню штангами, а в шестнадцать выглядевший настоящим атлетом, — его брат Джордж погиб в сражении на окраине Империи. Планировал ли Род свое будущее или с грустью думал о доме, к нему всегда приходили воспоминания — и в такие минуты как будто кто-то колол его иглой в сердце.

Джордж — живой и здоровый. И вдруг он умер…

Джордж должен был унаследовать поместья

и титулы, а Рода интересовали только карьера офицера и возможность однажды стать гранд-адмиралом. Но теперь… десяти лет не пройдет, и он займет парламентское кресло.

— У вас будут два пассажира, — проговорил Кзиллер. — С одним вы уже встречались. Вы ведь знакомы с леди Сандрой Брайт-Фаулер? Она — племянница сенатора Фаулера.

— Да, сэр. Я не видел ее несколько лет, но ее дядя обедает в Круцис-Корте довольно часто… Я нашел ее в лагере для пленных. Как она себя чувствует?

— Не очень, — ответил Кзиллер и сразу же стал серьезным. — Она полетит с вами до Новой Шотландии, а если пожелает, то и до столицы. Что вполне возможно. Второй ваш пассажир — совсем другое дело.

Род уставился на Кзиллера, а тот посмотрел на Плеханова, дождался кивка и проговорил:

— Его превосходительство Гораций Хусейн Бери, магнат, председатель совета компании «Империал Автонетикс» и важная шишка в Имперской Торговой Ассоциации. Он будет с вами до самой Спарты, то есть я хочу сказать, до самой Спарты он *будет на борту* вашего корабля. Ясно?

— Не совсем, сэр, — признался Род.

Плеханов фыркнул.

— Кзиллер выразился достаточно прямолинейно. Мы считаем, что за спинами мятежников стоял Бери, но пока у нас слишком мало улик, чтобы его арестовать. Бери обратился к императору. Что ж, мы отправим его вместе с его обращением в Спарту — в качестве почетного гостя военно-космического флота. Но кого я могу послать вместе с ним, Блейн? У него — куча денег! Легко ли найти человека, который откажется от взятки в виде целой планеты? А Бери способен предложить любому золотые горы.

— Я… Да, сэр, — выпалил Род.

— И не делайте такого удивленного лица! — зарычал Плеханов. — Я не хочу обвинять в продажности никого из своих офицеров, но дело в том, что вы богаче Бери. *Ему не надо ввести вас в искушение*. Вот основная причина, почему вы получили «Макартур». И я не желаю беспокоиться о дальнейшей судьбе нашего богатого дружка.

— Понимаю. Но — спасибо, сэр.

Я докажу тебе, что ты не ошибся.

Плеханов кивнул, словно читая мысли Блейна.

— Вы можете стать превосходным офицером. Вот ваш шанс. А Кзиллер будет помогать мне держать в узде «Госпожу Свободу». Имейте в виду, что мятежники убили генерал-губернатора.

— Убили господина Гаруна? — воскликнул Род в шоке.

Блейн помнил генерал-губернатора. Дряхлый морщинистый старик… Когда Гарун приезжал к ним в последний раз, ему уже перевалило за сто.

— Он был другом моего отца.

— И он не единственный, кого убили бунтовщики. Отрубленные головы они насадили на копья вокруг Дома правительства. Они впали в ярость и продолжали сражение. Думаю, они боялись сдаваться. Конечно, у них имелись на то свои причины… Но вернемся к вашим делам со Стоуном. Итак, были еще какие-то условия?

— Да, сэр. Он потеряет все, если откажется сотрудничать с разведкой. Он знает имена всех заговорщиков.

Плеханов многозначительно взглянул на Кзиллера.

— Отправьте за ним своих людей, Бруно. Для начала. Хорошо, Блейн, приводите корабль в порядок и отправляйтесь. — Адмирал встал — беседа была окончена. — У вас много забот, капитан. Займитесь «Макартуром».

2
Пассажиры

Гораций Хусейн Шамун аль-Шамлан Бери указал на последнюю вещицу, которую собирался взять с собой, и отпустил слуг. Бери знал, что они будут ошиваться в коридоре, готовые поделить оставленные здесь богатства хозяина, однако ему нравилось заставлять их ждать.

Пусть поволнуются в предвкушении.

Когда комната опустела, Бери налил себе полный стакан вина. Оно оказалось прескверным, завезенным после блокады, но он едва ли это замечал. Официально алкоголь в Леванте был под запретом, и это означало, что орды виноторговцев могли всучивать покупателям — даже таким богатым, как Бери, — любое спиртное. Но дорогие напитки никогда не внушали Горацию Бери особого благоговения. Он покупал их, чтобы щеголять богатством и для развлечения, но не для личного пользования.

А кофе — совсем другое дело.

Гораций был типичным левантинцем: невысоким, стремительным, с торчащим носом,

горящими глазами и острыми чертами лица. А еще его отличала сильная воля (о чем знали только родные и друзья). Сейчас, сидя в одиночестве, он разрешил себе нахмуриться. На столе лежало послание от секретаря адмирала Плеханова, в котором тот в вежливых выражениях предлагал Горацию покинуть Нью-Чикаго и сожалел, что в наличии нет гражданских кораблей.

Похоже, у военно-космического флота возникли подозрения насчет него.

Несмотря на хмель, ударивший в голову, Бери почувствовал, что вокруг него все туже стягивается прочная стальная сеть. Но внешне он оставался спокоен: он продолжал сидеть за столом, постукивая по нему пальцами.

А что у флота есть против него? У военной разведки имеются подозрения, но нет улик. «Обычная ненависть военных к имперским торговцам, только и всего», — подумал он.

А возникла она оттого, что во флоте много евреев, которые, как правило, ненавидят левантинцев. Но у флота нет осязаемых улик, иначе его не пригласили бы на борт «Макартура» в качестве гостя, а заковали бы в кандалы.

Вывод: Джонас Стоун пока молчит.

И он должен молчать. Бери заплатил ему сто

тысяч крон и обещал добавить еще. Впрочем, он сомневался в Стоуне, поэтому два дня назад встретился на улице Костюшко с некими людьми и заплатил им пятьдесят тысяч крон под покровом ночи. Скоро Стоун умолкнет навсегда. Его тайны сойдут вместе с ним в могилу.

«Все ли я сделал?» — подумал он.

Да. Чему быть, того не миновать, хвала Аллаху… Бери скорчил гримасу. Подобные мысли часто влетали в голову, и он презирал себя за суеверную глупость. Пусть отец восхваляет Аллаха за любые успехи и достижения: удача приходит к людям, которые ничего не оставляют на волю случая, а у Бери в его девяносто стандартных лет оставались незавершенными еще несколько дел.

Империя «пришла» в Левант спустя десять лет после рождения Бери, и поначалу ее влияние оказалось незначительно. В те годы имперская политика была иной, и планета вступила в имперские ряды почти на равных с большинством развитых миров. И отец Горация Бери вскоре понял, что Империю можно заставить платить. Один из тех, кого имперцы использовали для управления планетой, он нажил огромное богатство. Он продавал аудиенции у губернатора и торговал правосудием как капустой на рынке,

впрочем, аккуратно, всегда делая других мишенями для разгневанных ребят из имперской разведки.

Помимо прочего, его отец крайне осторожен со вкладами, вдобавок он умело использовал свое влияние, чтобы воспитать Горация Хусейна на Спарте должным образом. Он даже дал ему имя, подсказанное каким-то офицером.

Лишь позже он обнаружил, что имя Гораций едва ли можно назвать обычным для Империи и иногда оно даже вызывает насмешки.

Воспоминания о Столичной школе Бери издавна топил в вине. Однако он выучился и сейчас распоряжался и деньгами отца, и собственными накоплениями. Гораций Бери был не из тех, над кем можно смеяться. Он потратил тридцать лет, но его агенты нашли офицера, который когда-то подсказал его отцу имя Горация.

Стереозапись агонии офицерской крысы была спрятана в доме Бери на Леванте. Все-таки Бери посмеялся последним.

А теперь он покупал и продавал людей, которые смеялись над ним. Бери покупал и голоса в Парламенте, и корабли и практически приобрел целую планету — Нью-Чикаго. Власть над Нью-Чикаго должна обеспечить семье Бери влияние

— отсюда и до Угольного Мешка, где Империя слаба, а новые планеты открывают ежемесячно.

Мужчина должен заботиться обо всем!

Мечта помогала Бери. Он уже вызвал своих агентов, которые охраняли его интересы здесь, — и не забыл про Набиля. Тот полетит вместе с ним на военном корабле в качестве слуги. Набиль — миниатюрный мужчина, ростом даже поменьше Горация — выглядел старше своих лет и смахивал повадками на хорька. Зато он умел отлично маскироваться и прекрасно обращаться с кинжалом и ядом, отточив смертоносные навыки на дюжинах планет.

Гораций Хусейн Бери улыбнулся. Имперцы хотят держать его пленником на борту военного чудища? Что ж, пожалуйста… пока они не встретят корабль с Леванта, кроме того, в оживленном порту они поймут, что иметь дело с Бери очень и очень непросто.

Три дня Род трудился на «Макартуре». Протекающие цистерны с горючим требовали срочной замены. Не хватало запасных частей, и команда «Макартура» часами обдирала в открытом космосе корпуса военных кораблей Союза, круживших по орбите вокруг Нью-Чикаго.

Но постепенно «Макартур» приобретал преж-

нюю боеспособность. Блейн работал с Джеком Каргиллом, первым лейтенантом — теперь старшим помощником капитана, и командором Джоком Синклером, старшим механиком. Подобно многим офицерам инженерной службы, Синклер был с Новой Шотландии и говорил с акцентом, типичным для шотландцев всех обозримых и необозримых миров. Неведомо как шотландцам удалось сохранять свой говор, знак своей независимости, со времен Сепаратистских войн даже на тех планетах, где гэльский давно позабыли! Род подозревал, что шотландцы специально учились изъясняться подобным образом, чтобы их не понимало человечество, расползшееся по Вселенной.

В конце концов пластины корпуса были сварены, а с военных кораблей Союза сняты огромные куски обшивки — их кое-как использовали в роли заплаток. Синклер творил чудеса, монтируя на «Макартуре» изготовленное на Нью-Чикаго оборудование: ведь эти части едва ли соответствовали проекту корабля.

Офицеры-штурманы днями и ночами корпели над чертежами, описывая внесенные изменения для главного корабельного компьютера.

Каргилл и Синклер придерживались проти-

воположных мнений относительно некоторых «усовершенствований». Синклер упирал на то, как важно подготовить корабль к выходу в космос, а первый лейтенант утверждал, что никогда уже не сможет руководить текущим ремонтом во время сражений, поскольку даже господь не знает, что сотворили с «Макартуром».

— Не желаю слушать такие кощунства! — кипятился Синклер (Род как раз оказался в пределах слышимости). — Я-то как раз знаю, какие изменения внесены!

— Ну и что с того? Ты ведь не хочешь стряпать на всех сам, безумный лудильщик! Сегодня утром кок кают-компании не сумел сварить нам кофе! Один из твоих ремесленников забрал микроволновый нагреватель! А ты сам, клянусь богом, должен сию минуту принести его обратно!..

— Ладно, мы вытащим его из третьего бака, как только ты найдешь ему подходящую замену. Может, тебе не нравится, что корабль снова может вести бой? Или кофе для тебя важнее, а?

Каргилл глубоко вздохнул и начал снова:

— Корабль действительно может вести бой, пока в нем не проделают дыры, — терпеливо сказал он, как будто что-то объяснял неразумному ребенку. — Поэтому надо ее залатать. Допустим,

нужно отремонтировать вот это, — добавил Каргилл, положив ладонь на панель, которая — Род почти в этом не сомневался — являлась регенератором воздуха. — Проклятая штуковина кажется расплавленной. Как я могу определить, что повреждено? И повреждено ли вообще? Полагаю…

— Оставь все хлопоты мне и не будешь горя знать… — перебил его с заметным акцентом Синклер.

— Да перестань ты слова коверкать! Когда ты на взводе, то говоришь совсем по-другому!

– *Наглая ложь!* — заорал Синклер уже без всякого акцента.

Род решил, что пора развести спорщиков. Он отправил старшего механика на корму, чтобы тот немного поостыл, а Каргилла — на капитанский мостик. Решить их спор было невозможно. Пусть сперва «Макартур» пройдет тщательный осмотр в доках Новой Шотландии.

Ночь Блейн провел в лазарете, подчинившись требованию лейтенанта-хирурга. Он покинул палату рано утром, причем его неподвижная рука была закована в громоздкий ватный бандаж, похожий на подушку.

Следующие несколько суток Блейн поглядывал по сторонам и прислушивался, но, к счастью, не

услышал язвительных шуток и смеха.

На третий день после того, как он принял командование, Блейн проверил корабль. Основные работы уже завершились, и «Макартур» снова стал вращаться.

Затем Блейн обратился к Каргиллу: вместе они еще раз внимательно осмотрели корабль.

Роду очень хотелось применить свой опыт, полученный в должности помощника капитана «Макартура». Он знал все потаенные уголки «Макартура», где ленивый офицер мог сэкономить время за счет халтурного ремонта. Однако это была его первая инспекция, корабль только-только залечил раны, полученные в бою, а Каргилл, честный офицер, едва ли пропустил бы что-то, требующее доводки. Блейн не спеша прогулялся по «Макартуру» и проверил главные отсеки, но в целом он в данный момент полагался на Каргилла. Впрочем, он решил, что это не станет прецедентом. Когда у него появится свободное время, он снова обойдет корабль и отыщет все недоделки.

Космопорт Нью-Чикаго охраняла рота здоровенных космодесантников. После отключения городского генератора поля Лэнгстона боевые действия прекратились, и большая часть насе-

ления встретила имперские силы с облегчением более убедительным, чем парады и приветственные возгласы. Однако, поскольку мятеж на Нью-Чикаго стал для Империи ошеломляющей новостью, было решено не допустить его повторения.

Десантники патрулировали космопорт и охраняли имперские шлюпки. Салли Фаулер шла в сопровождении слуг к массивному кораблю и чувствовала на себе взгляды вояк, но чужое любопытство к собственной персоне не вызывало у нее беспокойства. Племянница сенатора Фаулера привыкла, что ее разглядывают.

«Прелесть, — подумал один из охранников, — но какая-то блеклая. Вроде бы должна радоваться, что вырвалась из вонючего лагеря, а по ней не скажешь. — Обливаясь потом, он продолжал размышлять: — А вот она не потеет. Ее высек изо льда лучший скульптор на свете».

Шлюпка оказалась вместительной и вдобавок на две трети пустой. Салли заметила только двух темнокожих мужчин — Бери и его слугу (спутать, кто из них кто, было невозможно) — и четверку парней, которые буквально излучали страх и неприязнь. На спинах их формы красовались эмблемы Нью-Чикаго.

«Новые рекруты», — догадалась Салли.

Она заняла заднее сиденье, не желая ни с кем разговаривать. Адам и Энни тревожно покосились на нее и сели через проход.

Они все понимали.

— Как здорово улететь отсюда, — робко произнесла Энни, но Салли не откликалась.

Она ничего не чувствовала. Вообще ничего.

Это началось, когда в лагерь ворвались десантники. Затем, конечно, вернулся былой комфорт. Появилась вкусная еда, чистая одежда и заодно — уважение окружающих… но ничто теперь уже не трогало Салли. Месяцы, проведенные в лагере, что-то выжгли в ее душе, возможно, навсегда. Впрочем, ее теперь мало что волновало.

Когда Салли Фаулер закончила обучение в Имперском университете Спарты и получила степень магистра антропологии, ей удалось убедить дядю, что ей лучше вместо аспирантуры отправиться в путешествие по Империи, осматривая вновь завоеванные провинции и лично изучая примитивные культуры. Вероятно, она даже сумеет написать книгу!

— А чему я научусь здесь? — с жаром говорила она. — Зато там, за Угольным Мешком, от меня будет хоть какая-то польза.

Мысленно Салли уже видела свое триумфальное возвращение, публикации, научные статьи, и ей казалось, что работать по специальности значительно интереснее, чем праздно ждать заключения брачного союза с каким-нибудь юнцом-аристократом. Конечно, Салли собиралась выйти замуж, но не сейчас. Она хотела жить по собственным законам и служить Империи, не только рожая сыновей, которых позже уничтожат вместе с военными кораблями.

А дядя неожиданно дал свое согласие. Если Салли хочет побольше узнать о людях и не корпеть в лаборатории над вопросами теоретической психологии — пожалуйста, так тому и быть. Младший брат ее отца, Бенджамин Брайт-Фаулер, не унаследовал ничего и добился положения лидера в Сенате лишь благодаря своим способностям. Он не имел своих детей, относился к единственному ребенку брата как к собственной кровной дочери и не хотел, чтобы его любимица Салли походила на девушек, для которых главное — родня и деньги. В итоге Салли вместе с подругой (и, разумеется, со своими неизменными слугами Адамом и Энни) покинула Спарту, готовая изучать примитивные человеческие культуры, которые то и дело обнаруживал Космофлот.

К тому времени некоторые планеты звездолеты не посещали по триста лет, а войны так сократили их население, что вернулось варварство.

По пути к древним колониям они сделали остановку на Нью-Чикаго, чтобы пересесть на другой корабль, и именно тогда на планете и вспыхнул мятеж. Подруга Салли — Дороти — была в тот день за городом. С тех пор ее никто не видел. Гвардейцы Комитета общественной безопасности бесцеремонно выволокли Салли из ее номера в отеле. Конфисковали все ценные вещи девушки и бросили Салли в лагерь.

В первые дни в лагере сохранялся относительный порядок. Имперская знать, гражданская прислуга и солдаты, облаченные в имперскую форму, сделали его безопаснее улиц Нью-Чикаго. Но постепенно аристократов и правительственных чиновников куда-то уводили, причем без возврата, — а число обычных преступников возрастало. К счастью, Адам и Энни каким-то образом отыскали свою хозяйку, да и соседи по палатке были имперскими гражданами, а не уголовниками.

Так она прожила первые дни, потом недели и месяцы в заключении, в нескончаемой черной ночи городского поля Лэнгстона.

Поначалу местопребывание в лагере показалось Салли приключением — пугающим, неприятным и будоражащим нервы.

Но спустя некоторое время ситуация ухудшилась. Все началось с еды: порции пищи урезали и урезали, и в конце концов пленники начали голодать. Затем в лагере и вовсе воцарился хаос. Санитарные нормы не соблюдались, трупы умерших от истощения грудами валялись у ворот, а люди, отвечающие за похороны, похоже, не торопились их забирать.

Это был бесконечный кошмар. А однажды имя Салли попало в список, вывешенный на тех самых лагерных воротах: Комитет общественной безопасности искал ее. Другие заключенные присягнули, что Салли Фаулер умерла, а поскольку охрана редко брала на себя труд проверять подобные заявления, это спасло ее от трагической участи, постигшей других членов правящих семейств.

Когда условия жизни стали совсем невыносимы, Салли нашла в себе новые силы, стремясь подавать пример «сокамерникам» по палатке. Соседи видели в ней вождя, а Адам оказался ее премьер-министром. Если она плакала, все пугались. В те дни — а ей исполнилось двадцать два

стандартных года — волосы Салли сбились в колтун, одежда перепачкалась и изодралась, а руки стали шершавыми и грязными. Салли не могла даже забиться в угол и повздыхать. Ей оставалось только терпеть и стараться выживать.

Тогда же в лагере и начали циркулировать слухи об имперских военных кораблях, зависших в небе над черным куполом. А кое-кто утверждал и клялся, что узников уничтожат, если возникнет угроза прорыва. В ответ Салли лишь улыбалась, притворяясь, что не верит глупым байкам.

Притворялась ли она? Может, и нет. Ведь кошмар всегда нереален.

А вскоре в лагерь ворвались и десантники: их возглавлял высокий окровавленный мужчина с манерами придворного и рукой на перевязи. После этого кошмар закончился, и Салли захотела проснуться. Ее вымыли, накормили, одели… но она отчего-то не просыпалась. Душа ее как будто оказалась укутана толстым слоем ваты.

Ускорение сдавило грудную клетку. Тени в кабине стали резкими, четкими. Рекруты Нью-Чикаго столпились возле иллюминаторов, о чем-то возбужденно переговариваясь. Вероятно, корабль уже вышел в космос. Адам и Энни смотрели на Салли с тревогой. До Нью-Чикаго ее

слуги были упитанными, даже полными: сейчас их лица осунулись. Салли знала, что Адам и Энни отдавали ей часть своих скудных пайков, однако теперь, несмотря на изможденность, они выглядели лучше хозяйки.

«Я точно разревусь, — подумала она. — Надо погоревать — например, о Дороти. Я надеялась, мне скажут, что Дороти нашли, но нет. Она исчезла — навсегда».

Голос, записанный на пленку, пробормотал что-то непонятное, и все в шлюпке взмыло вверх. «Невесомость», — поняла Салли.

И она поплыла.

Поплыла…

Куда ее доставят сейчас?

Салли повернулась к иллюминатору. «Госпожа Свобода» сверкала, как всякая похожая на Землю планета. Светлые моря и континенты, все оттенки голубого, тут и там запятнанного облаками. Когда планета уменьшилась, Салли отвернулась и спрятала лицо в ладонях. Никто не должен увидеть ее в таком состоянии.

В эту минуту с нее сталось бы приказать превратить Нью-Чикаго в оплавленный каменный шар.

Закончив проверку, Род провел на ангарной палубе богослужение. Едва допели последний

псалом, как вахтенный гардемарин объявил, что на борт прибыли пассажиры. Блейн приказал команде возобновить работу. У них не будет выходного до тех пор, пока «Макартур» не обретет прежний щеголеватый облик, и неважно, каковы традиции, соблюдаемые на околопланетной орбите. Напряженно выискивая признаки возмущения, Блейн следил, как люди расходятся, но вместо негодующего ворчания услышал ленивую болтовню.

— Ладно, я знаю, что такое мошка, — заявил Стокер Джексон своему собеседнику. — Я могу понять, как мошка попала в мой глаз. Но как, бога ради, в глазу может оказаться *бревно*? Объясните мне, как человек может не замечать бревна в глазном яблоке? Это просто невозможно!

— Вы совершенно правы. Но что такое бревно?

— Бревно? Хо-хо, вы со Столешницы, да? Я вам сейчас объясню. Бревно — это древесина… Оно… как бы поточнее выразиться… получается из дерева. А дерево — оно большое, *огромное*…

Стокер и его спутник удалились, а Блейн поспешил на мостик. Будь Салли Фаулер единственной пассажиркой, он бы с удовольствием встретился с ней на ангарной палубе, но ему хотелось, чтобы Бери сразу же понял, как здесь к нему относятся.

Пусть не воображает, что капитан корабля Его Величества торопится к торговцу.

Стоя на мостике, Блейн смотрел на экраны. Он пристально наблюдал за тем, как клинообразная шлюпка подошла к кораблю. Ее втянуло в огромную прорезь шлюза, обрамленную прямоугольными крыльями. Пассажиры прибыли на борт «Макартура».

Рука Блейна инстинктивно дернулась в сторону переключателя селектора: подобные операции — штука серьезная.

Пассажиров встретил гардемарин Уитбрид. Первым шел Бери, его сопровождал низенький темнокожий человек, которого торговец не потрудился представить. Оба были одеты для космических путешествий: широкие брюки с застежками на щиколотках, подпоясанные туники, все карманы на молниях или липучках.

Бери, похоже, был не в духе. Он ругал слугу, и Уитбрид постарался запомнить его слова, чтобы позже пропустить их через корабельный мозг. Отправив торговца вперед вместе с младшим офицером, гардемарин стал ждать мисс Фаулер.

Бери разместили в каюте священника, а Салли — в каюте первого лейтенанта. Предлогом для того, чтобы выделить ей больше места, послужило

присутствие Энни, служанки, которую полагалось поселить вместе с госпожой. Мужчину-лакея можно запросто отправить вниз, к команде, но любой женщине в возрасте (что, конечно, касалось и Энни) не стоит жить среди мужчин.

Обитатели окраинных планет имели особые представления о красоте. Они никогда не стали бы приставать к племяннице сенатора, но ее экономка — совсем другое дело. Благоразумие восторжествовало, и, хотя каюта первого лейтенанта соседствовала с жилищем капитана Блейна, тогда как комнатушка священника помещалась уровнем ниже и тремя отсеками ближе к корме, никто и не вздумал протестовать.

— Пассажиры на борту, сэр! — доложил гардемарин Уитбрид.

— Отлично. Их устроили с комфортом?

— Мисс Фаулер — да, сэр. Торговцу его каюту показал старшина Эллот.

— Разумно. — Блейн занял свое место командира.

Леди Сандра — нет, она предпочитала, чтобы ее звали Салли, — выглядела не слишком хорошо, когда попадалась ему на глаза в лагере. Уитбрид, правда, сказал, что сейчас она немножко «приободрилась».

Когда Род впервые увидел, как она выходит из лагерной палатки, ему захотелось убежать и спрятаться: ведь он был измазан кровью и грязью… Но Салли быстро приблизилась к нему. Она двигалась величаво, как придворная дама, но была худой, осунувшейся и голодной, с темными кругами вокруг глаз. Да и смотрели эти глаза бессмысленно… Что ж, за минувшие две недели она вернулась к жизни и сейчас покинет Нью-Чикаго навсегда.

— Полагаю, вы дадите мисс Фаулер инструкции насчет противоперегрузочного кресла? — произнес Род.

— Да, сэр, — ответил Уитбрид.

«Ей будет чем заняться в невесомости», — добавил Уитбрид про себя.

Блейн с улыбкой взглянул на гардемарина, без труда читая его мысли. Что ж, пусть надеется… но звание тоже имеет свой вес. Кроме того, он знал девушку — встречал ее, когда ей было десять.

— Вызов из Дома правительства, сэр, — доложил дежурный, и тотчас раздался бодрый, беззаботный голос Кзиллера:

— Привет, Блейн! Готовы к отлету? — На экране появился начальник службы снабжения: он ссутулился на стуле, попыхивая огромной трубкой.

— Да, сэр, — произнес Блейн и нервно закашлялся.

— Пассажиров разместили нормально?

Род мог поклясться, что бывший капитан смеется над ним.

— Да, сэр.

— А ваш экипаж? Недовольных нет?

— Вам прекрасно известно… Мы справимся, сэр, — Блейн подавил гнев. Не следовало сердиться на Кзиллера, ведь тот отдал Блейну свой корабль, но… — У нас здесь не тесно, места хватает всем.

— Послушайте, Блейн, я обобрал вас не шутки ради. У нас здесь некому управлять, поэтому отправьте сюда команду, прежде чем улетать. Я отправил к вам двадцать рекрутов, здоровых местных парней, которые считают, что им понравится в космосе. Что не исключено. Мне ведь понравилось.

Сопляки, у которых нет жизненного опыта. Пожалуй, их придется учить уму-разуму. Впрочем, это забота старшин. Двадцать мужчин лишними не будут.

Род повеселел.

Кзиллер порылся в бумагах.

— И еще я верну вам пару отделений ваших

космодесантников, хотя вряд ли на Новой Шотландии вы найдете, с кем сражаться.

— Слушаюсь, сэр! Спасибо, что оставили мне Уитбрида и Стейли. — Кзиллер и Плеханов забрали всех гардемаринов и многих старшин. — Но у нас пока достаточно сил, чтобы продолжать работу.

«Макартур» был по-прежнему жив, хотя часть коек пустовала, как после боя.

— Удачи! «Макартур» — замечательный корабль, Блейн. Вполне возможно, Адмиралтейство отберет его и у вас, но вдруг вам повезет? А я буду вынужден возглавлять Нью-Чикаго буквально в вакууме. Тут нет даже денег! Только оккупационные бумажки Республики! Мятежники забрали имперскую валюту и отпечатали свои банкноты. Каким образом нам пустить в обращение настоящие деньги?

— Да, сэр, — отчеканил Род, проигнорировав последний вопрос, который, впрочем, и не требовал ответа.

Теоретически капитан Блейн был в одном чине с Кзиллером. Адмиральское звание — простая формальность, и Кзиллер мог без стеснения отдавать приказания тем, кто прежде был старше его чином. Но правила продвижения по службе на

борту корабля требовали подтвердить назначение Блейна. Кстати, сам он был достаточно молод и не тревожился из-за предстоящего серьезного испытания. Возможно, через шесть недель его опять разжалуют в командоры.

— И еще, — продолжал Кзиллер. — Я упомянул, что на планете нет денег, но это не вся правда. Есть несколько *очень* богатых персон, и среди них — Джонас Стоун, человек, впустивший в город ваших людей. Он говорит, что сумел спрятать сбережения от мятежников. Вероятно, он не врет: ведь он был одним из них. Однако мы нашли мертвецки пьяного шахтера, а при нем — целое состояние в имперских кронах. Он не сказал, где взял деньги, но мы считаем, что они от Бери.

— Да, сэр.

— Поэтому следите за его превосходительством. Ну, ладно, ваш груз и новые члены экипажа прибудут на борт в течение часа. — Кзиллер взглянул на карманный компьютер. — Точнее, через сорок три минуты. Как только они прибудут, можете отправляться. — Кзиллер спрятал портативное устройство в карман и принялся набивать трубку. — Передайте от меня поклон Макферсону с верфей и запомните: если выяснится, что ремонтные работы на корабле продвигаются еле-еле — а

уж это я вам гарантирую, — не посылайте докладные записки адмиралу. Не надо расстраивать Макферсона. Лучше пригласите Джимми на борт и угостите его выдержанным виски. Вам не удастся перепить его, но вы все-таки попробуйте: это поможет вам больше, чем десяток донесений.

— Так точно, сэр, — неуверенно сказал Род.

Он вдруг понял, до какой степени не готов командовать «Макартуром». Техническую сторону он изучил досконально и, возможно, лучше Кзиллера, но существовали десятки хитростей, вникнуть в которые он пока что не мог.

Кзиллер понимающе ухмыльнулся — каждый, кто служил под его руководством, знал об адмиральской интуиции.

— Успокойтесь, капитан! Вас не заменят, пока вы не доберетесь до столицы, и, значит, у вас будет время на борту старины «Мака». Не тратьте его на муштровку команды: незачем создавать себе лишние проблемы, — Кзиллер пыхнул трубкой и выпустил густую струю дыма. — У вас сейчас куча дел, поэтому не буду вас задерживать. Но, когда подойдете к Новой Шотландии, обратите внимание на Угольный Мешок. В Галактике всего несколько мест, похожих на него. Некоторые называют его Ликом Господа.

Лицо Кзиллера исчезло с экрана, но его улыбка, казалось, осталась на мониторе, как улыбка Чеширского кота.

3
Званый обед

«Макартур» постепенно перестал вращаться. Теперь он удалялся от Нью-Чикаго с ускорением, соответствующим стандартной силе тяжести. Экипаж продолжал трудиться на полную катушку, обеспечивая смену орбитальной ориентации в пространстве на ориентацию ускорения полета. В отличие от торговых судов — которые, оказавшись в точке «прыжка Олдерсона», отходили от обитаемых планет на большие расстояния, как правило, не торопясь, — в случае военных кораблей разгон был непрерывным.

Спустя два стандартных дня после отлета из Нью-Чикаго Блейн устроил званый обед.

Команда достала белоснежные скатерти и тяжелые подсвечники, серебряные тарелки и столовые приборы. Утварь и хрустальные кубки и бокалы на ножках изготовили искусные мастера, проживающие на самых разных планетах, но все эти сокровища принадлежали не Блейну, а «Макартуру». Мебель, снятая с внешних переборок и установленная на внутренних, уже находилась

на своих местах, за исключением вращающегося стола — тот превратился в цилиндрическую стену офицерской кают-компании.

Этот округлый обеденный стол, кажется, сильно нервировал Салли Фаулер. Она увидела его еще в тот день, когда «Макартур» вращался вокруг своей оси и внешние переборки представляли собой округлую и гладкую палубу.

Блейн заметил, что Салли успокоилась, когда, спустившись по лестнице, девушка кинула взгляд на стол и с облегчением вздохнула.

Заметил он и то, что Бери держался молодцом. Бери был весел, порой вел себя несколько развязно и явно наслаждался времяпрепровождением. Определенно уже бывал в космосе, решил Блейн. Вероятно, даже провел там больше времени, чем Род.

Прием стал удобным случаем для официального знакомства с пассажирами. Сидя во главе стола и ожидая, пока стюарды в безупречно белых куртках подадут первое блюдо, Блейн пытался выглядеть хладнокровным и суровым.

Он так гордился «Макартуром»! На борту корабля было все… наверное, за исключением деликатесов.

— Боюсь, обед уступает сервировке, — сказал

Блейн, обратившись к Салли. — Давайте посмотрим, удастся ли нам вас удивить.

Келли и стюарды полдня совещались с новым шеф-поваром, прежде готовившим для старшин, но Род не ждал от них чудес.

Разумеется, на корабле было вдоволь провизии, среди прочего — биопласт, дрожжевые стейки и зерно с Нью-Вашингтона. Однако Блейн не смог пополнить на Нью-Чикаго личные запасы, а то, что у него имелось прежде, сгинуло в сражении с мятежниками. Капитан Кзиллер забрал то, что принадлежало лично ему. И увел с собой шеф-повара с канониром из третьего орудийного расчета, помогавшим обслуживать капитана.

Но вот на огромном деревянном блюде внесли первое яство, накрытое тяжелой крышкой из кованого золота. По краю крышки мчались друг за другом сверкающие драконы, а над ними парили магические шестиугольники. Сделанные на Ксанаду, блюдо и крышка стоили столько же, сколько шлюпка с «Макартура».

За стулом Блейна — великолепный в своем белом одеянии с пурпурным поясом — вытянулся в струну канонир Келли. Настоящий мажордом! Трудно было узнать в нем сержанта, который водил космодесантников в бой против гвардии

Союза. Отработанным движением Келли поднял золотую крышку.

— Бесподобно! — воскликнул Стейли.

Пусть даже из обычной вежливости, сказано это было с чувством, и Келли просиял. На блюде покоилась бисквитная копия «Макартура», нависшего над черным куполом мятежной крепости, причем каждая деталь была вылеплена с особой тщательностью. Шедевр мог потягаться со скульптурами императорского дворца! Такими же были и другие яства, включая закуски, горячие блюда и те же пресловутые десерты. Конечно, в действительности последние являлись обычными тортами и пирожными, но так поражали воображение, что, конечно, способствовали созданию праздничной атмосферы на корабле.

В итоге Род откинул все лишние мысли и принялся наслаждаться обедом.

— Что вы собираетесь делать дальше, мадам? — спросил Синклер. — Вы раньше бывали на Новой Шотландии?

— Нет. Я путешествовала не ради развлечения, а ради дела, командор Синклер. Думаю, вашей родине не может польстить мой визит, — она улыбнулась, но ее глаза по-прежнему были непроницаемы и загадочны, словно она провела

в космосе добрую тысячу световых лет.

— Почему же нам не польстит ваш визит? Во всей Империи нет места, где думали бы о вас плохо!

— Благодарю… но я антрополог, специалист по примитивным культурам. Вряд ли Новую Шотландию можно отнести к таким… цивилизациям, — заверила его Салли.

Акцент Синклера вызвал у нее профессиональный интерес. Неужели на Новой Шотландии и впрямь так говорят? Его говор напоминал ей реплики персонажей из доимперских повестей. Впрочем, думая о лингвистике, Салли — исключительно из соображений осторожности — старалась не смотреть на Синклера. Ей не хотелось задеть самолюбие механика.

— Неплохо сказано. — Бери зааплодировал. — В последнее время я встречаю множество антропологов. Похоже, недавно во вселенной появилась новая специальность?

— Да. К сожалению, еще сто лет назад нас было очень мало. И потому на множестве планет, вошедших в Империю, уничтожалось немало хорошего. Надеюсь, ошибки прошлого не повторятся.

— Думаю, вы глубоко потрясены нынешней

ситуацией, — произнес Блейн. — Неожиданно оказаться в составе Империи, нравится тебе это или нет, даже если нет никаких других проблем… Полагаю, вам следовало остаться на Нью-Чикаго. Капитан Кзиллер говорил, что у него возникли некие трудности, и вы могли бы с ним сотрудничать.

— Нет. — Салли уныло уставилась в свою тарелку, затем подняла голову и вымученно улыбнулась. — Наша первая заповедь гласит, что мы должны сочувствовать людям, культуру которых изучаем… А я ненавижу эту планету, — добавила она с внезапной яростью.

Но эмоции пошли ей на пользу — ненависть была лучше безразличия.

— Естественно, — согласился Синклер. — Любой бы чувствовал то же самое, проведя несколько месяцев в концентрационном лагере.

— Есть кое-что похуже, командор. Исчезла Дороти… Девушка, с которой мы прибыли сюда. Она… пропала. — За столом воцарилась тишина, и Салли смутилась. — Прошу вас, не позволяйте мне испортить такой чудесный обед.

Блейн безуспешно пытался найти тему для разговора, и ее невольно подсказал Уитбрид. Сперва Блейн увидел, что младший гардемарин возится

под столом. Но зачем? Что он еще затеял? Дергает скатерть… Может, проверяет эластичность ткани? И почему он так таращится на хрусталь?

— Да, мистер Уитбрид, — сказал Род, — все весьма прочное.

Уитбрид взглянул на него и покраснел, но Блейн не собирался смущать мальчика.

— Скатерть, серебро, тарелки, блюда, хрусталь… да, эти вещи сделаны на славу, — небрежно вымолвил он. — Обычное стекло не пережило бы первого сражения. А наш хрусталь — это кое-что другое! Взгляните, к примеру, на мой кубок! Его вырезали из стекла обзорного окна разбитого посадочного шлюпа времен Первой Империи! Во всяком случае, так мне рассказывали. Сейчас мы не умеем производить такие прочные материалы. А скатерть соткана не из обычного полотна: тут использовалась волокнистая ткань времен Первой Империи. Крышки на блюдах — из кристаллического железа под тончайшим слоем кованого золота.

— Меня очень заинтересовал хрусталь, — неуверенно пробормотал Уитбрид.

— Как и меня несколько лет назад. — Блейн улыбнулся гардемаринам.

Они были офицерами, но по сути — мальчиш-

ками-подростками. Блейн помнил себя в их возрасте.

Большинство блюд уже подали, наконец, стол освободили для кофе и вина.

— За здоровье вице-короля! — официально провозгласил Блейн.

Уитбрид, который был младше Стейли на две недели, поднял бокал.

— Капитан… Мадам… Выпьем за Его Императорское Величество!

Офицеры дружно подняли бокалы за своего монарха, подражая морякам далекого прошлого.

— Вы позволите провести мне экскурсию по моему родному краю? — галантно спросил Синклер.

— Конечно. Благодарю. Однако я не знаю, надолго ли мы там задержимся. — Салли выжидательно посмотрела на Блейна.

— Как и я, — произнес он. — Нам надо сдать «Макартур» в ремонт, а уж столько продлятся работы, зависит только от ребят, которые трудятся на верфях.

— Надеюсь, я пробуду с вами не слишком долго. Кстати, командор, а корабли часто летают в столицу из Новой Шотландии?

— Чаще, чем с большинства планет по эту

сторону Угольного Мешка, хотя есть некоторые проблемы. Однако в порту найдется дюжина кораблей, вполне прилично оборудованных для перевозки пассажиров. Вероятно, мистер Бери просветит вас на данный счет: его лайнеры садятся на Новой Шотландии.

— Но пассажиров не перевозят. Вы же в курсе, что наш бизнес нацелен на подрыв межзвездной торговли. — Бери заметил удивленные взгляды собравшихся и продолжил: — «Империал Автонетикс» занимается транспортировкой автоматических заводов. Но если что-то дешевле производить на самой планете, чем перевозить на космических кораблях, мы, конечно же, возводим заводы, так сказать, на твердой почве. Вот главный принцип торговой конкуренции!

Бери налил себе второй бокал вина, выбрав то, о котором Блейн говорил, что его почти не осталось. (Наверняка оно неплохое, иначе его малое количество не беспокоило бы капитана).

— Именно поэтому я и оказался на Нью-Чикаго, когда вспыхнул мятеж.

Салли Фаулер и Синклер согласно кивнули, Блейн сохранил невозмутимое выражение лица, а Уитбрид толкнул локтем Стейли: мол, подожди, я еще кое-что знаю.

Бери невольно напрягся: похоже, его подозрения подтвердились — против него здесь строятся козни. Надо быть начеку.

— А у вас — увлекательнейшая профессия, — обратился он к Салли, прежде чем в воздухе снова повисла пауза. — Расскажите нам что-нибудь любопытное. Вы видели много примитивных миров?

— Ни одного, — печально ответила девушка. — Я о них только читала. Мы думали отправиться на Арлекин, но мятеж… — Она замолчала.

— Я однажды был на Макассаре, — заявил Блейн.

Девушка оживилась.

— В книге ему посвящена целая глава. Совсем примитивный мир, да?

— Да, и ничего не меняется. С самого начала там была просто крошечная колония. Промышленные комплексы благополучно сгинули в Сепаратистских войнах, и около четырехсот лет никто не посещал ту глушь. Мы застали на Макассаре культуру эпохи железного века. Мечи, кольчуги, деревянные парусные суда…

— Но что там за люди? — нетерпеливо осведомилась Салли. — Как они живут?

Род смущенно пожал плечами.

— Я провел на планете лишь пару-тройку дней. Вряд ли такого срока достаточно, чтобы понять чужой уклад. Кроме того, я тогда был ровесником Стейли. Я запомнил только хорошую таверну, — усмехнулся он.

«Я же не антрополог», — добавил он мысленно.

Разговор свернул в новое русло. Род почувствовал усталость и поглядывал по сторонам в поисках повода встать из-за стола. Однако присутствующие буквально приросли к своим местам.

— Вы изучаете различные культуры, — серьезно произнес Синклер, — и, возможно, вы сделали правильный выбор. Но почему бы вам не заняться и другими вещами? Первая Империя была огромна и практически безгранична. В ней хватало места для всех. Не найдем ли мы где-нибудь в заброшенном уголке Империи планету суперменов?

Гардемарины переглянулись, а Бери спросил:

— Что может дать людям дальнейшее эволюционное развитие?

— Нас учили, что эволюция разумных существ невозможна, — ответила Салли. — Для слабых цивилизация изобретает кресла-каталки, очки и слуховые аппараты. Когда общество начинает войну, мужчины, как правило, проходят провер-

ку на физическую выносливость, прежде чем получить разрешение рискнуть жизнью. Думаю, это помогает выигрывать войны, — она улыбнулась. — Однако в таких случаях у нас остается не много возможностей для стопроцентного естественного отбора.

— Но разве нет планет, — вмешался в беседу Уитбрид, — отброшенных в прошлое еще дальше, чем Макассар? Миров, где царит полное варварство: дубины и костры? Там может идти речь о прогрессе?

Три бокала вина прогнали черную тоску Салли, и ей хотелось поговорить на профессиональные темы. Дядя всегда утверждал, что для леди она чересчур болтлива, и она старалась следить за собой, но вино оказалось сильнее.

После времени, проведенного в лагере, она чувствовала себя очень неплохо.

— Несомненно, — сказала она. — Но сперва должна сложиться хотя бы примитивная общественная структура. Естественный отбор продолжается до тех пор, пока не соберется достаточное количество людей, которые будут защищать друг друга от опасностей окружающего мира. Но интересно другое… Мистер Уитбрид, есть планеты, где практикуется обряд детоубийства. Старейшины

экзаменуют детей и убивают тех, кто не отвечает их представлениям о совершенстве. Разумеется, такая жестокость не способствует развитию, хотя некоторых результатов подобные цивилизации иногда добиваются. Правда, это не может продолжаться долго.

— Люди разводят лошадей, — заметил Род. — И собак.

— Верно. Но не выводят новых видов. Никогда. Общество не может поддерживать одни и те же законы на протяжении тысячелетий. Человечество постоянно изменяется, но этот процесс должен быть естественным, а не навязанным извне. Разумеется, попытки вывести суперменов предпринимались. Например, в системе Саурона.

— Ох уж эти бестии! — проворчал Синклер и выругался. — Именно они начали Сепаратистские войны и чуть не перебили нас! — он осекся на полуслове, услышав, что Уитбрид кашлянул.

— Саурон — вторая система, которой я не могу симпатизировать, — сказала Салли в воцарившейся тишине. — Хотя сейчас она лояльны по отношению к Империи… — произнесла Салли и прикусила язык: все как-то странно смотрели на нее, а Синклер вообще пытался спрятаться за

шеренгой бутылок.

Угловатая физиономия гардемарина Хорста Стейли казалась высеченной из камня.

— В чем дело? — тихо спросила Салли.

Ей никто не ответил. В конце концов Уитбрид сказал:

— Мистер Стейли из системы Саурона, мадам.

— Я… простите, — промямлила Салли. — Полагаю, я зашла слишком далеко. Нет, правда, мистер Стейли, я…

— Мой юный друг имеет явную склонность к стоицизму, иначе ему не нашлось бы места на корабле, — примирительно заметил Род. — Кроме того, вы не единственная, кто перегибал палку в данном вопросе, — он многозначительно посмотрел на Синклера. — Не нам судить их за события многовековой давности. — Проклятье! Как же он высокопарно выражается! — Итак, вы говорили об эволюции?

— Она… она почти недоступна для разумных существ, — продолжала Салли. — Они не подлаживаются под окружающую среду, а трансформируют ее сообразно своим нуждам. Но следует иметь в виду, что как только вид становится действительно разумным, его развитие замедляется и сходит на нет.

— К сожалению, нам не с чем сравнивать, — ухмыльнулся Бери. — Вселенная таит столько загадок!

И он разрядил обстановку, рассказав анекдот о невероятно смышленом осьминоге, встретившем кентавра.

Когда все перестали смеяться, Бери посмотрел на Блейна.

— Очень славный обед, капитан.

— Пожалуй. — Род встал и предложил Салли руку.

Остальные тоже поднялись. Девушка снова притихла. Она молчала, пока он провожал ее до каюты, и лишь вежливо поблагодарила его на прощанье.

Род отправился на мостик. Он хотел посоветоваться с корабельным мозгом насчет последних ремонтных работ «Макартура».

4
Экстренное сообщение

Путешествие в гиперпространстве может удивить — или разочаровать.

Оно занимает неизмеримо малое время по сравнению с межпланетным перелетом, но сама траектория движения, или «рельсы», существует только вдоль единственного ключевого пути между каждой парой звезд. (Надо сказать, что это вовсе не прямая линия, хотя траектория в принципе близка к прямой.) В целом конечные пункты назначения расположены довольно далеко от зон пространственных искажений, порождаемых присутствием звезд и крупных планетарных масс, вследствие чего корабль при перемещении большую часть времени переползает от одной точки к другой.

Однако хуже всего то, что не каждая пара звезд соединена «рельсами». Перемещение возможно вдоль эквипотенциальных термоядерных потоков, а присутствие поблизости других светил может помешать возникновению потенциальных путей перемещения. Впрочем, и те, что

существовали, не всегда оказывались на картах, поскольку найти их было нелегко.

Пассажиры «Макартура» вскоре пришли к выводу, что путешествие на военном космическом корабле сродни тюремному заключению. Экипаж продолжал текущий ремонт даже во время вахт, и пассажиры довольствовались обществом друг друга. На борту не было развлечений, какие предоставляют комфортабельные лайнеры.

В итоге пассажиры маялись от скуки. К тому моменту, когда «Макартур» был готов к последнему прыжку, они почти сгорали от нетерпения: так сильно им хотелось попасть на Новую Каледонию. Они чувствовали себя настоящими узниками «Макартура» и считали дни, оставшиеся до освобождения.

НОВАЯ КАЛЕДОНИЯ. Звездная система за пределами Угольного Мешка; главная звезда внесена в каталоги как Мёрчисон А. Ее спутник, Мёрчисон Б, не относится к системе Новой Каледонии. У Мёрчисона А — шесть планет на пяти орбитах: четыре внутренние; относительно широкий промежуток, заполненный обломками несформировавшейся планеты, а также — две внешние. Четыре внутренние планеты в порядке их удаления от звезды называются соответственно

Конхобар, Новая Ирландия, Новая Шотландия и Фомор. Звезду в системе планет называют Калед, Старина Калед или просто Солнце. Две средние планеты заселены. Обе подверглись террафор-мированию в эпоху Первой Империи благодаря Джасперу Мёрчисону, который, состоя в родстве с Александром IV, убедил Совет, что система Новой Каледонии — самое подходящее место для раз-мещения Имперского университета. Отметим, что Мёрчисона интересовало главным образом наличие населенной планеты рядом с красным гигантом под названием Глаз Мёрчисона и, когда его не устроил климат Новой Ирландии, он потре-бовал сделать обитаемой и Новую Шотландию.

Фомор — относительно небольшая планета почти без атмосферы, но с некоторыми инте-ресными особенностями. На ней обнаружены плесневые грибы, биологически родственные грибам, найденным в Трансугольном секторе, и вопрос об их появлении на Фоморе породил бесконечные статьи в «Имперском ксенобиоло-гическом журнале», поскольку никаких других жизненных форм на Новой Каледонии нет.

Две внешние планеты, Дагда и Мидер, занима-ют одну орбиту. Они названы так в соответствии с принятой в системе традиции давать имена,

заимствованные из кельтской мифологии. Дагда — газовый гигант. Империя содержит заправочные станции на двух лунах планеты, Энгусе и Бригид. Торговым судам дают предупреждение, что Бригид является военной базой и туда нельзя попасть без особого разрешения.

Мидер — холодный металлический шар, интенсивно разрабатываемый, источник мучений для космогонистов, поскольку его возникновение не укладывается ни в одну из многочисленных теорий образования планет.

На Новой Шотландии и Новой Ирландии, населенных планетах системы, на момент открытия имелась богатая атмосфера, состоявшая из водяных паров и метана. Тем не менее свободного кислорода там не обнаружили. Заброс огромного количества биоматериалов превратил планеты в обитаемые миры, хотя обошлось это недешево. Постепенно Мёрчисон утратил свое влияние в Совете, но вложенный капитал был настолько велик, что проект в конце концов довели до ума. Через сто неполных лет интенсивных работ купольные колонии превратились в открытые, что стало одним из наиболее крупных достижений Первой Империи.

Обе планеты потеряли часть населения во

время Сепаратистских войн, причем Новая Ирландия примкнула к восставшим, тогда как Новая Шотландия сохранила верность правительству. После прекращения межзвездных перелетов в Трансугольном секторе Новая Шотландия продолжала борьбу, пока не была повторно открыта Второй Империей. Как следствие, Новая Шотландия превратилась в столицу Трансугольного сектора.

«Макартур» содрогнулся и выскочил в нормальное пространство за орбитой Дагды. Еще некоторое время команда и пассажиры сидели в гиперпространственных креслах, преодолевая помутнение сознания, которое всегда сопровождало мгновенные перемещения.

Откуда оно возникало? Кафедра физики Имперского университета на Сигизмунде придерживалась теории, что гиперпространственный переход требует не нулевого, а неограниченного времени и именно это вызывает характерный хаос в людских головах и сбой в логических цепях компьютеров. Другие теоретики утверждали, что Прыжок ведет к сжатию локального пространства, одинаково воздействуя на нервные синапсы и элементы компьютерной схемы. Кое-кто вообще заявлял, что не все части корабля

перемещаются одновременно и сама материя после перемещения изменяется на субатомном уровне.

Что происходило в действительности, не знал никто, но эффект был налицо.

— Рулевая рубка! — пробасил Блейн, и его взгляд с трудом сфокусировался на экранах.

— Слушаю, сэр, — голос звучал безжизненно и непонимающе, как будто человек отвечал машинально.

— Курс на Дагду.

— Есть, сэр.

На заре гиперпространственных путешествий корабельные компьютеры пытались начать разгон сразу после перехода, но долгое время никто не знал, что техника подвержена «расстройствам» даже больше, чем простые смертные. Сейчас всю автоматику временно просто-напросто отключали.

Экраны замигали и включились: похоже, кто-то из экипажа активировал компьютер «Макартура» и проверил его системы.

— Будем садиться на Бригид, мистер Реннер, — продолжал Блейн. — Не сбавляйте скорость. Мистер Стейли, вы будете помогать штурману.

— Да, сэр.

Мостик начал оживать. Команда «Макартура» медленно приходила в себя и возвращалась к рутинной работе. Когда начался разгон и с ускорением вернулась сила тяжести, стюарды принесли кофе. Очередной гиперпрыжок был успешно завершен. Гардемарины отстегнули ремни безопасности и возвращались к своим обязанностям, а искусственные глаза «Макартура» уже сканировали космос в поисках врагов. На пульте один за другим вспыхивали зеленые огоньки — посты докладывали, что переход прошел нормально.

Прихлебывая кофе, Блейн удовлетворенно кивал. Все как всегда, как после сотен переходов. Впрочем, в мгновенном перемещении было нечто принципиально *дурное*, что-то, грубо нарушавшее восприятие, — то, чего не мог принять разум. Но привычки, приобретенные на службе, укореняясь на базовом уровне, более глубинном, чем уровень интеллектуальной деятельности, помогали людям пройти через это испытание.

— Мистер Уитбрид, передайте привет старшему дежурному по связи и отправьте донесение в штаб-квартиру флота на Новой Шотландии. Узнайте у Стейли наш курс и скорость и сообщите на Бригид, на заправочную станцию, что мы приближаемся. Да, и информируйте их о пункте

нашего назначения.

— Слушаюсь, сэр. Связь через десять минут?

— Да.

Уитбрид выбрался из своего кресла за спиной у капитана и, пошатываясь как пьяный, поплелся в рулевую рубку.

— Через десять минут мне понадобится полный форсаж, Хорст, — пробормотал он. — Нужно отправить сообщение.

Однако по дороге он быстро пришел в себя: именно поэтому на борту любого корабля всегда держали несколько здоровых парней.

— ВНИМАНИЕ ВСЕМ! — объявил Стейли, и его голос разнесся по всему «Макартуру». — ВНИМАНИЕ ВСЕМ! СБРОС УСКОРЕНИЯ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ МИНУТ! КОРОТКИЙ ПЕРИОД НЕВЕСОМОСТИ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ МИНУТ!

— Но почему? — услышал вдруг Блейн.

Он оглянулся и у входа на мостик обнаружил Салли Фаулер. Он лично пригласил пассажиров заходить на капитанский мостик в спокойные минутки, что принесло прекрасные плоды: Бери очень активно пользовался привилегией.

— Невесомость… Почему уже через десять минут? — спросила она.

— Нам необходимо некоторое количество

энергии, чтобы послать сообщение на такое расстояние, — ответил Блейн. — Поэтому придется затратить значительную часть мощности двигателей, чтобы сформировать луч мазера. Конечно, можно и перегрузить двигатели, но сейчас лишней энергии нет.

— Ох! — Салли села на место Уитбрида.

Род развернулся вместе с креслом, чтобы не показаться невежливым, и задумался. Пора бы уже кому-нибудь из умников изобрести одежду для девушек, которая бы не прикрывала женские ножки — или пусть бы в моду снова вошли шорты! Нынешние юбки доходили до самых икр, и в провинции тоже копировали столичную моду. А для космических перелетов модельеры придумали панталоны, весьма удобные, но мешковатые…

— Когда мы прибудем на Новую Шотландию? — полюбопытствовала Салли.

— Все зависит от того, надолго ли мы задержимся на Дагде. Синклер хочет проверить обшивку «Макартура», пока мы будем на темной стороне. — Род вытащил из кармана компьютер и принялся быстро писать прикрепленным к нему стилусом. — Смотрите, мы находимся примерно в полутора миллиардах километров от Новой

Шотландии — это около двухсот часов полета. Плюс время, которое мы проведем на Дагде. А ведь еще надо учитывать время, чтобы добраться до Дагды. Полагаю, мы потратим на перелет около двадцати часов.

— Значит, мы застряли по меньшей мере на две недели, — сказала она. — А я-то думала, что, едва мы окажемся здесь… — Салли осеклась и рассмеялась. — Как глупо, правда? И почему нельзя придумать двигатель, позволяющий кораблю прыгать через межпланетное пространство? Какая нелепость — мгновенно преодолев пять световых лет, мы теряем недели, чтобы добраться до Новой Шотландии!

— Мы вам уже надоели?.. Да, в космосе полным-полно парадоксов! Прыжки отнимают незначительную часть нашего водорода. На борту не так много горючего, чтобы идти напрямик, но вполне достаточно для прыжка. Хотя нам хватает энергии лишь на то, чтобы уйти в гиперпространство.

Салли получила от стюарда чашку кофе и сделала глоток. Она уже привыкла к военно-космическому крепкому напитку с терпким вкусом.

— Значит, нам остается смириться? — улыбнулась она.

— Боюсь, что да. У меня бывали полеты, когда следовало дойти до очередной точки Олдерсона, совершить прыжок, дойти до новой точки и в один-два прыжка вернуться в исходную систему в другом месте оказывалось быстрее, чем лететь в нормальном пространстве на обычном двигателе. А сейчас у нас другой случай: все портит расположение звезд!

— Как жаль, — снова рассмеялась Салли. — А то мы увидели бы большую часть Вселенной — за те же деньги!

Она не упомянула, что ей скучно, но Род уже догадался о состоянии Салли, хотя ничем не мог помочь. Род редко беседовал с девушкой: у него было дел по горло.

—

ВНИМАНИЕ ВСЕМ, СОСТОЯНИЕ НЕВЕСОМОСТИ! — прогремел голос из динамиков, и Салли едва успела пристегнуться.

Старший дежурный по связи Лад Шаттак искоса поглядывал в прицел, добиваясь точной настройки приборов. Невероятно, но с такими неловкими узловатыми пальцами можно было получить по-настоящему отличные результаты! Телескоп, размещенный на корпусе «Макартура», по указке Шаттака обшаривал пространство,

пока не нашел крошечную точку света. Легкая дополнительная настройка — и она оказалась точно в центре. Шаттак удовлетворенно хмыкнул и щелкнул переключателем. С телескопом была спарена антенна мазера. Корабельный компьютер тем временем решал, где должна находиться световая точка в момент отправки сообщения. Пока прокручивалась лента с закодированным сообщением, почти вся мощность кормовых двигателей «Макартура», превращающих водород в гелий, уходила на отправку сигнала — можно сказать, что та самая энергия, излучаемая антенной, модулированная тонкой лентой в каюте Шаттака, и неслась теперь прямо к Новой Шотландии.

Когда пришел ответ, Род в одиночестве обедал у себя. Дежурный связист взглянул на заголовок и позвал Шаттака. Четыре минуты спустя гардемарин Уитбрид постучал в дверь капитанской каюты.

— Да, — раздраженно отозвался Блейн.

— Сообщение от адмирала флота Кранстона, сэр, — отчеканил Уитбрид, замерев на пороге.

Род раздраженно вздохнул. Он, конечно, не собирался и дальше сидеть здесь в одиночестве, но ему хотелось сделать перерыв.

Правда, он знал, что в кают-компанию уже

пригласили Салли Фаулер, и тоже планировал туда заглянуть. А если в кают-компанию явится он, Блейн, можно было надеяться свидеться и с мистером Бери…

Но у Блейна было еще десять минут, которые он мог провести в тишине и спокойствии. И вот теперь даже этот жалкий обед прервали!

— Оно что, не может подождать?

— Срочное сообщение, сэр.

— Срочное сообщение для нас? — Блейн резко поднялся, забыв о белковом заливном. — Прочтите-ка, мистер Уитбрид.

— Да, сэр. МАКАРТУРУ ИМПФЛОТ НОВАЯ ШОТЛАНДИЯ ЭКСТР ВОСЕМЬ ОДИН СЕМЬ ПЯТЬ…

— Можно пропустить кодовые данные, гардемарин. Полагаю, вы проверили их.

— Да, сэр. Дальше дата, код… НАЧАЛО СООБЩЕНИЯ СО ВСЕЙ ВОЗМОЖНОЙ СКОРОСТЬЮ… ПОВТОРЯЮ СО ВСЕЙ ВОЗМОЖНОЙ СКОРОСТЬЮ ДВИГАЙТЕСЬ К БРИГИД ДЛЯ ДОЗАПРАВКИ С ОЧЕРЕДНОСТЬЮ ДВОЙНОЕ А ТЧК ДОЗАПРАВКУ ПРОВЕСТИ В КРАТЧАЙШИЙ СРОК АБЗАЦ

ЗАТЕМ ВАМ НАДЛЕЖИТ ОТПРАВИТЬСЯ… сэр, тут даны координаты точек в системе Новой Каледонии… ИЛИ ЛЮБЫМ ДРУГИМ КУРСОМ ПО ВАШЕМУ ВЫБОРУ ПЕРЕХВАТИТЬ И ИЗУЧИТЬ

ТАИНСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ ВТОРГШИЙСЯ В СИСТЕМУ НОВОЙ КАЛЕДОНИИ ИЗ ОБЫЧНОГО КОСМОСА… ПОВТОРЯЮ ИЗ ОБЫЧНОГО КОСМОСА ТЧК ОБЪЕКТ ДВИЖЕТСЯ ВДОЛЬ ГАЛАКТИЧЕСКОГО ВЕКТОРА… они дают курс относительно главной оси Угольного Мешка, сэр… СО СКОРОСТЬЮ ОКОЛО СЕМИ ПРОЦЕНТОВ СКОРОСТИ СВЕТА ТЧК ОБЪЕКТ БЫСТРО ТЕРЯЕТ СКОРОСТЬ ТЧК АСТРОНОМЫ ИМПЕРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА УТВЕРЖДАЮТ… СПЕКТР ОБЪЕКТА СОВПАДАЕТ СО СПЕКТРОМ СОЛНЦА НОВОЙ КАЛЕДОНИИ ТЧК НАПРАШИВАЕТСЯ ОЧЕВИДНЫЙ ВЫВОД — ОБЪЕКТ ДВИЖЕТСЯ С СОЛНЕЧНЫМ ПАРУСОМ ТЧК АБЗАЦ

КРЕЙСЕР ЛЕРМОНТОВ ВЫСЛАН НА ПОМОЩЬ — ОН РАЗОВЬЕТ НУЖНУЮ СКОРОСТЬ НА СЕМЬДЕСЯТ ОДИН ЧАС ПОЗЖЕ МАКАРТУРА ТЧК СОБЛЮДАТЬ ОСТОРОЖНОСТЬ ТЧК СЧИТАТЬ ПРИШЕЛЬЦА ВРАГОМ ТЧК ПРИКАЗЫВАЮ ПРИМЕНИТЬ СРЕДСТВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ — И НЕ РАЗВЯЗЫВАТЬ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ — ПОВТОРЯЮ НЕ НАЧИНАТЬ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ТЧК

ПЕРЕДАТЬ КЗИЛЛЕРУ ТЧК ХВАТАЙ ЕГО ТЧК ХОТЕЛ БЫ Я БЫТЬ ПОДАЛЬШЕ ОТСЮДА ТЧК ЖЕЛАЮ УДАЧИ ТЧК КРАНСТОН КОНЕЦ

СООБЩЕНИЯ. Вот и все, сэр. — Уитбрид замер, переводя дыхание.

— Ну и ну, Уитбрид! — Блейн ткнул в переключатель общей связи. — Кают-компанию.

— Кают-компания слушает, капитан, — ответил гардемарин Стейли.

— Дайте Каргилла.

Первый лейтенант что-то обиженно буркнул, когда его вызвали: Блейн отвлек от обеда и его. Род в глубине души порадовался.

— Джек, живо на мостик! Мне нужно, чтобы наша птичка полетела еще быстрее. У нас минимум времени для посадки на Бригид. Хоть подталкивайте нас сзади, но мы должны прибыть туда как можно скорее!

— Слушаюсь, сэр. Пассажирам это вряд ли понравится…

— Да плевал я… впрочем, передайте им мои извинения и скажите, что флот в опасности. Мол, простите, что испортил послеобеденный отдых. Джек, отправьте наших пассажиров в гидравлические кресла и начинайте разгон. Я буду на мостике через минуту.

— Да, сэр.

Динамик умолк, а по всему кораблю загремел голос Стейли:

— ВНИМАНИЕ ВСЕМ! ВНИМАНИЕ ВСЕМ! НАЧИНАЕМ ДЛИТЕЛЬНЫЙ РАЗГОН, УСКОРЕНИЕ БОЛЬШЕ ДВУХ *G*. РУКОВОДИТЕЛЯМ СЛУЖБ ДОЛОЖИТЬ О ГОТОВНОСТИ К УСКОРЕНИЮ!

— Отлично, — Блейн повернулся к Уитбриду. — Отправьте чертов вектор в компьютер и посмотрите, где преисподняя, из которой явились наши пришельцы.

Род вдруг понял, что чертыхнулся, и попробовал успокоиться. Пришельцы — чужаки? Боже, ну и номер! Быть в команде первого корабля, установившего контакт с инопланетянами…

Дайте только посмотреть, откуда они!

Уитбрид подбежал к компьютерной консоли за столом Блейна. Экран замигал, после чего взорвался цифрами.

— Да чтоб тебя, Уитбрид! Я ж не математик! Переведите эту мешанину в нормальные графики!

— Так точно, сэр, — гардемарин повозился с консолью, и экран превратился в черное поле, заполненное разноцветными кружочками и ломаными линиями. Большие кружки обозначали звезды разных типов, векторы скорости были представлены тонкими зелеными линиями, векторы ускорения — бледно-лиловыми, предполагаемые траектории — тускло-красными. А

длинная зеленая черта…

Блейн недоверчиво уставился на экран и погладил горбинку на носу.

— Они идут от Мошки! Вот и пусть катятся к черту! Подумайте только — от Мошки, в обычном пространстве!..

Точка прыжка к звезде пришельцев оказалась неизвестна, и потому сама звезда, желтое пятно возле сверхгиганта Глаза Мёрчисона, находилась в изоляции. Перед мысленным взором Блейна затанцевали осьминоги.

«Допустим, у них враждебные намерения, — внезапно подумал он. — Если старине «Маку» придется драться с чужаками, нужно кое-что доделать. Мы пока не брались за самую грязную работу, потому что ремонт следует делать на орбите или на темной стороне, а теперь мы вынуждены заняться починкой корабля при ускорении в два *g*.

Ладно, как-нибудь справимся».

5
Лик Господа

Блейн добрался до мостика, занял капитанское кресло, застегнул ремни и потянулся к кнопке громкой связи. С экрана на него взглянул из капитанской каюты испуганный гардемарин Уитбрид.

Блейн рискнул:

— Прочтите мне, что там написано, Уитбрид.

— Сэр?

— У вас же на столе лежит устав, да? И он раскрыт на положении о контакте с пришельцами, верно? Прошу зачитать. — Блейн помнил, что когда-то давно проглядывал устав забавы ради — как и большинство кадетов.

— Да, сэр.

Уитбрид удивился прозорливости капитана, но потом, похоже, решил, что старшему по званию это положено по статусу. Кроме того, о сегодняшнем происшествии еще сложат легенды.

— Статья под номером четыре тысячи пятьсот. Зачитываю.

«Первый контакт с негуманоидными мысля-

щими существами. Примечание. Мыслящими существами считаются создания, использующие орудия труда и характеризующиеся совместными целенаправленными действиями. Дополнение к примечанию. Здесь необходимо учитывать некоторые факторы. Ульевые крысы Макассара, к примеру, при сооружении гнезд пользуются орудиями труда, но не являются мыслящими.

Параграф один. При встрече с мыслящими негуманоидными существами старший начальник обязан доложить о контакте в ближайший штаб флота. Все прочие распоряжения подлежат исполнению во вторую очередь уже после завершения контакта.

Параграф два. Объективно описав обстановку, важно попытаться установить с чужаками контакт, не подвергая риску свою команду и не действуя без приказа вышестоящего начальства. Хотя начинать первыми военные действия нецелесообразно, надо помнить о том, что чужаки могут быть настроены враждебно.

Параграф третий…»

Уитбриду помешало последнее предупреждение об ускорении. Блейн признательно кивнул гардемарину и откинулся на спинку кресла. Вряд ли им сейчас пригодятся подобные правила!

Они имели дело с внезапным контактом первого вида.

Да и командование знало, что «Макартур» отправился на перехват корабля чужаков.

Сила тяжести на «Макартуре» возрастала постепенно, давая команде время подготовиться, и через минуту достигла трех *g*. Блейн чувствовал, как двести шестьдесят килограммов вдавливают его в противоперегрузочное кресло. Те, кто еще не пристегнулся, передвигались с крайней осторожностью: резко увеличившийся вес давал о себе знать. Тем не менее такое ускорение не могло искалечить. Впрочем, на Бери оно могло сказаться… если торговец вздумает вылезти из постели.

Зато Блейн чувствовал себя довольно комфортно. Противоперегрузочное кресло, снабженное подголовником, управлялось при помощи легких касаний и могло поворачиваться во все стороны, и теперь Блейн без труда видел весь мостик.

Кстати, в кресле имелись и индивидуальные медицинские приспособления: взять хотя бы тот же гибкий шланг… Что ни говори, а военные корабли создавались для длительных периодов высокой силы тяжести.

Блейн нажал несколько кнопок, и у него над

головой развернулся трехмерный монитор с графиками. Затем Род активировал функцию приватности, и никто из команды не мог видеть, что выведено у него на экран. Вокруг сновали офицеры, Каргилл и штурман Реннер стояли возле астронавигационного поста, гардемарин Стейли уселся у рулевой консоли, готовый помочь в случае необходимости (правда, главным образом, он изучал навыки управления кораблем).

Длинные пальцы Блейна забегали по клавишам…

Протяженная зеленая линия скорости, короткий лиловый вектор, указывающий в противоположную сторону… а между ними — белый шарик. Итак, пришельцы явились сюда прямо из системы Мошки и тормозят, входя в систему Новой Каледонии. Белый шарик оказался побольше земной Луны. Объект величиной с корабль выглядел бы на экране крохотной точкой.

Хорошо, что Уитбрид ничего не заметил. По «Макартуру» разлетелись бы сплетни, пересуды… среди рекрутов началась бы паника… Блейн ощутил во рту металлический привкус собственного страха.

Боже, неужели корабль пришельцев настолько *огромен?*

— Каким образом можно создать махину таких размеров? — пробормотал Род.

На строительство ушло бы тридцать пять световых лет по обычному космосу! Никакая человеческая цивилизация не могла бы изобрести такую штуковину! Как вообще Адмиралтейство предполагает «исследовать» объект? Его же надо сперва «перехватить»… и высадить на него десант!

— Расчет курса на Бригид готов, сэр, — доложил штурман Реннер.

Блейн отогнал прочь посторонние мысли и прикоснулся к соседнему монитору, связанному с управлением. Курс корабля выглядел живописной диаграммой под столбиками цифр. Род с усилием выдавил:

— Хорошо, — и снова вернулся к видневшемуся на экране гигантскому объекту.

Торопливо выудил из кармана компьютер и схватил стило.

В ответ по экрану побежали слова и цифры. Блейн кивнул.

Разумеется, световое давление можно применять для полета. Фактически «Макартур» делал именно это, используя реакцию синтеза гелия из тяжелого водорода для получения фотонов,

которые потом собирались в гигантский конус света. Отражающее зеркало «складировало» и любые другие источники света, тем самым удваивая собственную эффективность. Конечно, зеркалу следовало быть максимально большим и отражать весь падающий на него свет.

Блейн что-то недовольно пробурчал себе под нос. Ему вовсе не хотелось атаковать на своем залатанном боевом крейсере махину — да еще набитую чужаками, путешествующими в открытом космосе!

Ага, ясно: компьютер показывал, что объект имеет размеры планеты, а в действительности это, вероятно, полотнище серебряной ткани несколько тысяч километров в поперечнике, прикрепленное к чему-то, что должно быть собственно кораблем.

При таком альбедо… Блейн торопливо прикинул в уме и опять закивал. Итак, площадь солнечного паруса должна превышать восемь миллионов квадратных километров. Если он круглый, то его диаметр — более трех тысяч километров.

Они используют давление света, значит… Блейн запросил данные о торможении корабля пришельцев, посчитал его соотношение с общим

отраженным светом и улыбнулся.

Вес паруса вместе с полезным грузом составлял около четырехсот пятидесяти тонн.

Данный факт не внушал никаких опасений.

В принципе подобные параметры не тянули на настоящий космический корабль, по крайней мере, на такой, который мог бы преодолеть тридцать пять световых лет в обычном пространстве. Пилоты чужаков наверняка уже свихнулись от тесноты — конечно, если они не маломерки, которые обожают ютиться в замкнутом пространстве или не провели пару сотен лет в надувных баллонах с матовыми непроницаемыми стенками… Впрочем, пока о чужаках ничего не известно, и оставалось лишь гадать, с кем и чем столкнется экипаж «Макартура» и его капитан.

Но сейчас Блейн ничего не мог поделать.

Он погладил горбинку на носу, хотел было выключить экран, передумал и добавил увеличение. Довольно долго глазел на изображение, а затем вполголоса выругался.

Пришельцы направлялись именно к солнцу.

Тормозя на трех *g*, «Макартур» вышел на орбиту Бригид и спустился прямо в защитное поле Лэнгстона. Залитая светом равнина являлась прекрасной посадочной площадкой.

Со стороны все выглядело так, словно угольно-черная стрела спикировала на громадную черную подушку. Защитное поле поглотило энергию удара, и ландшафт Бригид остался неповрежденным — иначе бы не обошлось без огромных выбоин кратеров.

Персонал заправочной станции незамедлительно занялся делом. Жидкий водород, получаемый электролизом из пористого льда Бригид и очищаемый после сжижения, полился в емкости «Макартура». Тем временем Синклер вывел своих людей наружу. Они сновали вокруг корабля, пользуясь преимуществами низкой силы тяжести и теневой стороны. Боцманы орали на снабженцев, те тоже не давали себя в обиду: в общем, все шло как по маслу.

— Командор Френзи просит разрешения подняться на борт, сэр, — доложил вахтенный офицер.

Род скорчил гримасу.

— Пусть поднимается, — сказал он и повернулся к Салли Фаулер, скромно сидевшей на месте вахтенного гардемарина. — Поймите, мы проделаем весь путь с максимальным ускорением, а вы в курсе того, как перегрузки действуют на организм. Кроме того, наш перелет сам по себе

— нешуточное испытание!

— Фу! Но вам же приказано доставить меня на Новую Шотландию, — обиженно напомнила она, — а о высадке на Бригид ничего не говорилось.

— Приказ был слишком расплывчатый. Знай Кзиллер, что нам, возможно, предстоит очередная бойня, он ни за что не позволил бы вам находиться на борту корабля. Теперь ответственность за вашу жизнь лежит на мне, и поскольку я капитан «Макартура», я, конечно же, не позволю, чтобы племянница сенатора Фаулера хоть как-то пострадала из-за военного конфликта.

— Ох! — Она на мгновение задумалась, подыскивая другой подход. — Род, выслушайте меня! Для вас началось новое увлекательное приключение, верно? А что, по-вашему, чувствую я? Нам неизвестно, чужаки это или просто заблудившиеся колонисты, которые пытаются вернуться в Империю… Зато я понимаю, что теперь я не могу упустить свой шанс! Изучение чужих культур — вот моя профессиональная сфера. Это то, для чего я училась. Я — единственный антрополог на борту. Я вам просто *необходима*.

— Мы можем обойтись без вас. Вы сильно рискуете.

— Но вы позволили мистеру Бери остаться на борту.

— Не по своей воле. Адмиралтейство приказало не выпускать Бери с корабля. Меня не волнует его судьба, но небезразлична безопасность — не только ваша, но и ваших слуг…

— Я не собираюсь спорить с вами по поводу Адама и Энни. Вдобавок они плохо переносят ускорение. Но меня вы не сможете переубедить. И я тоже кое-что умею, капитан лорд Родерик Блейн. После гиперпространственного прыжка вы ошеломленно таращились по сторонам и не знали, что предпринять, зато я сумела выйти из каюты и приковылять к вашему капитанскому мостику! Поэтому вам не стоит обвинять меня в беспомощности! В общем, или вы позволите мне остаться, или…

— Или — что?

— Ничего, конечно. У меня нет козырей в рукаве, капитан. Пожалуйста, Род! — взмолилась Салли и надула губы, после чего устремила на Блейна чарующий взгляд.

Род даже рассмеялся.

— Командор Френзи, сэр, — доложил часовой, охраняющий трап на мостик.

— Входите, Ромео, входите, — произнес Род с

наигранной сердечностью.

Френзи уже было тридцать пять, на добрый десяток лет больше, чем Блейну, и Род однажды целых три месяца служил под его руководством, выполняя самые жалкие поручения старшего по званию. Надо отдать Френзи должное: он оказался превосходным администратором, хотя и являлся отвратительным служакой.

Френзи осмотрел мостик и выпятил челюсть.

— А-а, Блейн… Где капитан Кзиллер?

— На Нью-Чикаго, — вежливо ответил Род. — Теперь я командир «Макартура». — Он повернулся так, чтобы Френзи мог видеть кольца на его рукавах, по четыре на каждом.

Френзи прищурил глаза и скептически поджал губы.

— Поздравляю… сэр, — проговорил он.

— Спасибо, Ромео.

— В таком случае я ухожу и скажу своим людям, чтобы они не торопились с заправкой, — заявил Френзи холодным тоном.

— Черт возьми, что значит «чтобы не торопились»? У меня очередность — «двойное А». Хотите взглянуть на сообщение?

— Я уже с ним ознакомился. Копию передали на мою станцию, Блейн… то есть капитан. Но из

сообщения совершенно ясно следует, что командиром «Макартура» адмирал Кранстон считает Кзиллера. Я полагаю, сэр, он не послал бы корабль на перехват чужаков, если бы знал, что его капитан… молодой офицер, впервые принявший командование… сэр.

Прежде чем Блейн успел ответить, Салли произнесла:

— Я тоже видела сообщение, командор, и оно адресовано на «Макартур», а не Кзиллеру. И дает кораблю право на первоочередную заправку.

Френзи неодобрительно покосился на Салли.

— Что ж, для перехвата вполне достаточно «Лермонтова». А теперь, если позволите, капитан, я должен вернуться на станцию. — Он опять взглянул на Салли. — Странно, что женщин стали принимать в гардемарины.

— Я имею честь быть племянницей сенатора Фаулера и нахожусь на корабле по приказу Адмиралтейства, командор, — сурово отчеканила девушка. — Меня удивляет ваша невоспитанность. В моей семье не привыкли к подобному обращению, и мои друзья при дворе будут шокированы, узнав, что имперские офицеры могут быть настолько грубы.

Френзи покраснел и запыхтел от сдерживаемой

ярости.

— Прошу прощения, леди. Поверьте, я и не думал вас оскорбить… однако меня поразило ваше присутствие на «Макартуре». Мы редко встречаем на борту военного корабля девушек… и, разумеется, если видим, то они не столь привлекательны, как вы, юная леди… Еще раз простите… — единым духом выпалив это, Френзи стремительно покинул мостик.

— Скажите, вы-то почему мямлили? — спросила Салли у Блейна.

Он что-то промычал и выскочил из кресла.

— Он сообщит Кранстону, что здесь командую я! У нас есть… ага! Сообщение идет до Новой Шотландии около часа и столько же времени требуется для ответа… — Род ткнул пальцем в кнопку интеркома. — ВНИМАНИЕ! ГОВОРИТ КАПИТАН. СРОЧНЫЙ СТАРТ ЧЕРЕЗ СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ МИНУТ. ПОВТОРЯЮ. СРОЧНЫЙ СТАРТ ЧЕРЕЗ СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ МИНУТ. ЛЮДЕЙ, НЕ ВЕРНУВШИХСЯ НА БОРТ, ОСТАВЛЯЕМ ЗДЕСЬ.

— Здорово придумано! — пылко воскликнула Салли. — Пусть теперь отправляет свои сообщения!

Блейн опять начал подгонять экипаж «Макартура», а Салли покинула мостик и отправилась

в свою каюту.

Род отдал новое распоряжение:

— Командор Синклер, в случае непредвиденных обстоятельств сразу же введите меня в курс дела.

«И пусть Френзи только попробует помешать!» — подумал Блейн.

У него прямо руки чесались, так хотелось вмазать Френзи по физиономии. Если он столкнется с Френзи, то он наверняка это сделает…

Когда-то Блейн мечтал пристрелить Френзи.

Вскоре пошли рапорты. Довольный Каргилл явился на мостик с пачкой приказов о переводе. Боцманы «Макартура», получив копии сообщения о первоочередности, задействовали лучших специалистов Бригид.

Команда «Макартура» сгрудилась вокруг корабля. Кто-то убирал поврежденное оборудование, а кто-то торопливо монтировал новые детали, доставленные из складских помещений станции, и проверял обшивку корабля. Ремонтные работы были в самом разгаре.

Новые запасные части, необходимые «Макартуру», по мере поступления аккуратно складировали. Позднее их тоже можно будет использовать, правда, сначала надо будет разобраться, что к

чему. Ничего, у них на борту есть умелец Синклер — уж он-то постарается на славу!

Род посмотрел на шеренгу стандартных черных ящиков и пожал плечами. Заметив микроволновый кипятильник, он отправил его в офицерскую кают-компанию. Каргиллу понравится.

Когда заправка почти завершилась, Род надел вакуумный скафандр и выбрался наружу. Он мог не присматривать за экипажем, но его присутствие морально поддерживало команду, знавшую, что Старик тут, рядом.

Воспользовавшись свободной минутой, Род уставился вверх.

Через пустоту космоса на него, казалось, смотрел Лик Господа.

Угольный Мешок был не слишком крупной газово-пылевой туманностью — от двадцати четырех до тридцати световых лет протяженностью, — но плотной и достаточно близкой к Новой Каледонии, чтобы закрывать четверть небосвода. Землю и Спарту — столицу Империи — отсюда было не видать. Бескрайняя чернота закрывала большую часть Империи, но служила превосходным темным бархатным фоном для двух ближних ярких звезд.

Впрочем, Глазу Мёрчисона, пожалуй, и не тре-

бовался подобный контраст. Глаз Мёрчисона был ярчайшей звездой на небе — огромный красный гигант в тридцати пяти световых годах отсюда. А белой точкой слева от Глаза Мёрчисона являлся его желтый спутник-карлик, мелкий, тусклый и малоинтересный. Мошка.

Оттуда, откуда смотрел Род, Угольный Мешок напоминал человека в капюшоне (его голову и плечи), а красный сверхгигант — бдительное недоброжелательное око великана.

Лик Господа… Вся Империя знала, как необычен Угольный Мешок, если наблюдать за ним из системы Новой Каледонии, но быть здесь и смотреть на него, мерцающего в черной пустоте космического пространства, — совсем другое дело. На снимках он выглядел как… просто как Угольный Мешок. А тут он становился реальностью.

А теперь прямо от Мошки в Зенице Господней к ним летело нечто, что они пока не могли толком разглядеть.

6
Солнечный парус

Всего одно *g* — и дополнительное головокружение, когда «Макартур» корректировал курс перехвата. Эластичная паутина крепко удерживала Блейна в противоперегрузочном кресле: Род терпел и помалкивал. Он, конечно, подозревал, что скоро дискомфорт пройдет и уляжется на задворках сознания рядом с иными «приятными» воспоминаниями.

До того как стать штурманом «Макартура», Кевин Реннер был помощником на межзвездном торговом судне. Кевин — худощавый, узколицый — оказался лет на десять старше Блейна. Пока Род отсиживался в противоперегрузочном кресле, Реннер следил за кривыми линиями на экране и что-то бормотал. В такие минуты Кевин смахивал на ученого, а вовсе не на военного.

— Вы определили наш курс, лейтенант Реннер?

— Да, сэр, — удовлетворенно отозвался Кевин Реннер. — Мчимся к солнцу на четырех *g!*

По кораблю разнесся сигнал предупреждения,

и «Макартур» начал разгон. Экипаж и пассажиры почувствовали, что их физический вес постепенно растет, вдавливая их в кресла и койки.

— Вы шутите, мистер Реннер? — осведомился Блейн.

Штурман насмешливо взглянул на капитана.

— Вам известно, сэр, что нашему «Макартуру» помогает именно солнечный парус?

— Естественно.

— Тогда взгляните сюда, — палец Реннера указал на зеленую параболу на экране, которая резко сворачивала вправо. — Количество солнечной энергии, приходящейся на квадратный сантиметр паруса, уменьшается по мере удаления от звезды. Ускорение корабля зависит от количества света, отраженного от паруса.

— Да, мистер Реннер. Продолжайте.

Реннер показал на соседнюю параболу, очень похожую на первую, но синюю.

— Звездный ветер тоже может толкать парус вперед, и его давление изменяется по тем же законам. Основное и важное отличие заключается в том, что звездный ветер — это атомные ядра, которые вонзаются в парус в месте удара. Момент движения преобразуется непосредственно, а солнечный свет отражается от паруса.

— И отвернуть мы не можем, — запоздало сообразил Блейн. — Бороться со светом, запрокидывающим парус, — да, но звездный ветер всегда будет толкать нас прямо от солнца. Лавировать невозможно.

— Верно. А теперь, капитан, представьте, что вы входите в систему на скорости, равной семи процентам скорости света, не дай бог, конечно, и хотите остановиться. Что делать в таком случае?

— Максимально избавиться от лишней массы… — заявил Род. — Гм… А в чем, собственно говоря, проблемы? Они тоже, должно быть, запускали корабль тем же способом.

— Вряд ли. Они движутся слишком быстро, и если не остановятся, то и в самом деле подойдут совсем близко к солнцу! Фактически корабль чужаков летит прямо на солнце, и, вероятно, его будет сложно притормозить в достаточной степени, не разрушив космическое судно и не порвав парус. Впрочем, выбора у них нет: либо так… либо столкновение с солнцем. Похоже, это транспортник, которому и надлежит упасть на светило, а экипаж покинет его незадолго до крушения.

— Ого! — вырвалось у Блейна.

— Едва ли нужно напоминать, — продолжал Реннер, — что, следуя их курсом, мы тоже будем

двигаться прямо к солнцу.

— На семи процентах скорости света?

— На шести. Корабль пришельцев будет слегка замедлять ход. У нас это займет сто двадцать пять часов, в основном при четырех *g* и некотором замедлении — под конец.

— Тяжеловато нам придется, — сказал Блейн и вдруг осознал, что Салли Фаулер осталась с ними. — Особенно для пассажиров. Нельзя ли подобрать курс попроще и полегче?

— Пожалуйста, сэр, — незамедлительно согласился Реннер. — Тогда мы потратим сто семьдесят пять часов при ускорении не больше двух с половиной *g* и сэкономим топливо, поскольку у самого зонда будет вдоволь времени для торможения. Курс, которым мы движемся сейчас, приведет нас на Новую Ирландию с пустыми топливными баками, а ведь и корабль чужаков нам придется тащить на буксире.

— С пустыми топливными баками? Зачем же вы выбрали этот курс? — удивился Род.

Он недолюбливал штурмана за его ворчание, подразумевавшее, что капитан всегда забывает что-то решающее и очевидное.

— Объясните — почему? — попросил он.

— Я полагаю, что пришельцы могут быть на-

строены весьма враждебно.

— Точно. Итак?

— Если мы догоним корабль и он лишит нас возможности пользоваться двигателями…

— То мы рухнем на солнце со скоростью шесть процентов от скорости света. Конечно! Поэтому вы намереваетесь выполнить перехват как можно дальше от Каледа, чтобы иметь возможность что-то предпринять.

— Да, сэр. Вы правы.

— Вы предпочли бы именно такой расклад. Я угадал, мистер Реннер?

— Я хотел бы иметь резервы для маневров, сэр. А как по-вашему?

— Хорошо, принимаю этот курс, мистер Реннер. — Блейн развернул противоперегрузочное кресло к другому экрану и стал изучать расчеты, после чего попросил штурмана перепроверить результаты и дать экипажу час форы перед захватом, чтобы команда могла восстановить силы при одном *g*.

Реннер — с истинным энтузиазмом идиота — тут же согласился и занялся внесением изменений.

«Мне нужны друзья на борту, — говаривал капитан Кзиллер своим гардемаринам, — но я

отдал бы их всех за опытного штурмана».

Реннер оказался тем самым штурманом, пусть и несносным. В принципе, Рода он вполне устраивал.

При четырех *g* никто не расхаживал по кораблю, не занимался ремонтом и не перемещал никаких грузов. Черные ящики с запасными частями спокойно стояли на местах, а стремительный полет «Макартура» обеспечивали приспособления Синклера, сделанные им на скорую руку.

Основная часть команды работала в передвижных креслах на колесиках — или не работала вовсе.

В кубрике играли в словесные игры, обсуждали предстоящую встречу с чужаками и травили байки. Половина экранов корабля показывала одно и то же: диск, похожий на солнце, Глаз Мёрчисона и за ним фоном — Угольный Мешок.

Датчики в каюте Салли показывали повышенный расход кислорода. Блейн пробормотал пару крепких выражений в адрес излишней активности девушки и хотел было вызвать Салли, но в последнюю минуту передумал и вызвал Бери.

Магнат лежал в противоперегрузочной ванне, покрытой тонкой эластичной майларовой плен-

кой. Из ванны торчали только лицо и костлявые руки. Лицо казалось очень старым, выдавая почти истинный его возраст.

— Капитан, вы предпочли не оставлять меня на Бригид. И таким образом взяли с собой в потенциальное сражение гражданское лицо. Интересно, почему?

— Мистер Бери, я решил, что вам будет весьма некомфортно застрять на военной базе, расположенной на ледяном шаре, безо всякой возможности выбраться оттуда на свободу. Но, вероятно, я ошибся.

Бери натужно растянул губы в улыбке. Под воздействием четырех *g*, оттягивающих кожу лица, все на борту выглядели так, будто состарились вдвое. Кривая усмешка Бери придала магнату сходство со штангистом, поднимающим тяжести.

— Нет, капитан, вы абсолютно правы. Я видел в кают-компании полученный вами приказ. Что ж, продолжим путь к встрече с кораблем чужаков.

— Похоже, именно к тому все идет.

— Думаю, у них есть товары на продажу. Особенно если учитывать тот факт, что они с планеты иного, чем Земля, типа. Я могу надеяться на вашу помощь, капитан, — я имею в виду, вы ведь може-

те выступать в качестве посредника, не так ли?

— К сожалению, у меня не будет времени на завязывание торговых отношений, — возразил Блейн, выбирая самый уместный из ответов, пришедших ему на ум.

— Да, понимаю, капитан. Кстати, у меня возникли еще кое-какие вопросы. Мне бы хотелось узнать побольше о нашем полете. В моем возрасте лучше не вылезать из ванны на протяжении всего путешествия. Сколько минут или часов продлятся перегрузки?

— Сто двадцать пять часов. Впрочем, уже сто двадцать четыре.

— Спасибо, капитан, — и Бери исчез с экрана.

Род опять погладил горбинку на носу. Знает ли Бери о своем положении на борту «Макартура»? Впрочем, неважно. Он вызвал каюту Салли.

Девушка выглядела так, как будто не спала неделю или была вынуждена безостановочно улыбаться целый год напролет. Черты ее лица были напряженными и осунувшимися.

— Приветствую! — бодро произнес Блейн. — Не жалеете, что остались?

— Я же вам говорила, что у меня тоже имеется кое-какой опыт, — ответила Салли.

В доказательство своих слов она ухватилась за

стул, встала и вытянула руки вперед.

— Осторожнее, — сказал Блейн, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — не делайте резких движений и держите колени прямо. Усаживаясь, вы можете сломать позвоночник. Оставайтесь в таком положении и вытяните руки назад. Потом возьмитесь за оба подлокотника, прежде чем попробовать наклониться. Перегрузки на борту любого корабля — опасная штука.

Салли, похоже, не поверила Блейну — но лишь до тех пор, пока не попробовала сесть. Мышцы ее рук свела судорога, в глазах заплескалась паника, и Салли плюхнулась на стул. Можно было подумать, что гравитация «Макартура» припечатала ее к сиденью.

— Вы в порядке? Не пострадали?

— Нет, — ответила она, — разве что гордость…

— Вот и сидите здесь, черт возьми! Разве я сейчас стою? Нет. И вы тоже — не смейте!

— Хорошо, — она повертела головой и заморгала.

Салли показалась ему испуганной, хотя и не подавала виду.

— Ваши слуги на базе?

— Да, но пришлось их обмануть: они не хотели меня бросать, — Салли рассмеялась старушечьим

смехом. — Поэтому я не взяла с собой багаж. Теперь у меня минимум вещей — только то, что на мне, и так будет до Новой Каледонии.

— Обмануть? Вы тем самым обманули и меня. Мне следовало приказать Келли высадить вас, — в голосе Блейна чувствовалась горечь. Он знал, что выглядит вдвое старше своих лет, да еще сидит в кресле на колесиках, как калека. — Ладно, вы на борту, и я не могу вышвырнуть вас.

— Но я буду для вас полезной. Я — антрополог. — Она неловко пошевелилась: может, снова хотела встать? — Могу я вызывать вас по общей связи?

— Лучше вызывать вахтенного гардемарина. Передадите через него, если вам действительно понадобится поговорить со мной. Но, Салли, послушайте, мы находимся на военном корабле. Чужаки, за которыми мы летим, запросто могут оказаться враждебными. Ради бога, запомните: в разгар сражения у моих вахтенных офицеров не будет ни минуты для научных дискуссий!

— Я знаю, поверьте! — она попыталась улыбнуться. — Знаю это так же твердо, как и то, что при четырех *g* все-таки лучше не вставать.

— Хорошо. А сейчас сделайте одолжение: отправляйтесь в противоперегрузочную ванну и

расслабьтесь.

— Раздеваться нужно?

Блейн не покраснел лишь потому, что ускорение не дало крови прилить к лицу.

— Отличная мысль, особенно если учесть, что у вас много застежек. И поверните камеру в сторону.

— Поняла.

— Будьте осторожны. Я могу прислать на помощь одного из женатых рядовых…

— Нет, спасибо.

— Тогда ждите. Нам предстоят пятиминутки, во время которых произойдет ослабление перегрузок. Нас будет трясти. Поэтому ни в коем случае не покидайте кресло в одиночку!

Теперь Салли не стала спорить с капитаном — опрометчивой попытки оказалось вполне достаточно.

— «Лермонтов» снова вызывает, сэр, — доложил Уитбрид.

— Забудьте о нем. Никаких ответов.

— Слушаюсь, сэр. Никаких ответов.

Род догадывался, что нужно крейсеру. «Лермонтов» хотел первым встретиться с пришельцами, но не успевал своевременно подобраться к чужакам: никому не хотелось поджариться на солнце

— и превратиться в космическую пыль.

Лучше начать маневрировать и перехватить чужаков в другом месте.

По крайней мере так думал Род. И он мог положиться на Уитбрида и своих связистов: сообщения с «Лермонтова» не попадут в вахтенный журнал.

Прошло уже три дня… Две минуты полуторного ускорения через каждые четыре часа для смены вахт, чтобы взять что-нибудь нужное и немного размяться… затем «Макартур» оглашали предупредительные сигналы, и непомерная тяжесть возвращалась.

Поначалу «Макартур» отвернул свой нос от Каледа ровно на шестьдесят градусов. Потом они встали на курс пришельца, и тогда «Макартур» выровнялся.

Сейчас его нос смотрел на ярчайшую звезду неба.

Калед постепенно увеличивался, меняя цвет. Впрочем, невооруженный глаз не мог зафиксировать переливы голубого мерцания. Команда «Макартура» смотрела на экраны и видела лишь то, что ярчайшая звезда приближается и с каждым часом становится все больше и больше.

Впрочем, ее яркость отнюдь не возрастала —

мониторы показывали ее неизменной. Тем не менее крошечный солнечный диск уже перестал быть яркой точкой — он зловеще разросся и пылал теперь прямо по курсу «Макартура». Позади появился другой диск такого же цвета — белая звезда F8. Она тоже увеличивалась в размерах с каждым часом.

«Макартур» висел меж двух сближающихся солнц.

На второй день Стейли привел на мостик свежеиспеченного гардемарина (оба передвигались в креслах на колесиках). Если не считать короткой беседы на Бригид, Род видел его впервые. Гардемарина звали Гэвин Поттер. Шестнадцатилетний парень прибыл с Новой Шотландии. Поттер был слишком рослым для своих лет: он постоянно горбился и пугливо озирался по сторонам. Подросток!..

Блейн подумал, что Поттеру просто показывают корабль. Удачная мысль: если пришельцы проявят враждебность, парню, возможно, придется перемещаться по «Макартуру» в темноте и при меняющейся силе тяжести.

Однако у Стейли, вероятно, было и кое-что другое на уме.

В конце концов Блейн заметил, что Стейли

кидает на него многозначительные взгляды, и произнес:

— Да, мистер Стейли?

— Гардемарин Гэвин Поттер, сэр, рассказал кое-что, о чем, мне кажется, вы должны знать, сэр, — заявил Стейли.

— Слушаю,

При перегрузках горячо приветствовались любые «развлечения» подобного толка.

— На нашей улице была церковь, сэр. В городе на Новой Шотландии, — неторопливо пробасил Поттер. Говорил он так медленно, что оставался только призрачный след того резкого акцента, который делал речь Синклера столь характерной.

— Церковь, — подбодрил Блейн. — Надо понимать, не православная?

— Нет, сэр. Церковь Его Имени. У нее было много прихожан. Однажды мы с другом в шутку пробрались в здание.

— Вас поймали?

— Я знаю, что плохой рассказчик, сэр. На стене церкви висела старая голограмма — Глаз Мёрчисона на фоне Угольного Мешка. Лик Господа… совсем как на почтовой открытке. Только… там имелось отличие, на той картине. Глаз был гораздо ярче, чем сейчас. Ослепительный, сине-

зеленый, а не красный. Но с красной точкой у одного края.

— Наверное, это была картина, — предположил Род.

Он выудил из кармана портативный компьютер, набрал на клавиатуре «Церковь Его Имени» и нажал на кнопку «поиск». Устройство соединилось с корабельной библиотекой, и по экрану побежала вереница строк. «Согласно утверждениям последователей Церкви Его Имени, Угольный Мешок с красным глазом действительно является Ликом Господа. Вероятно, красный цвет придавал глазу наибольшую выразительность».

Род оторвался от монитора и с интересом приготовился слушать дальше — о напрасной трате времени можно сказать и позже, когда словарный запас гардемарина иссякнет. И если действительно теряют время зря, то позже его можно наверстать.

— Но… — начал Поттер.

— Сэр… — перебил его Стейли, подавшись вперед на кресле.

— Давайте по очереди. Мистер Стейли?

— Я расспрашивал не только Поттера, сэр, но и поговорил с Синклером. Он заявил, что его дед рассказывал, будто когда-то Мошка сияла ярче

Глаза Мёрчисона и была ярко-зеленой. И то, как Поттер описал голограмму… Сэр, ведь свет звезды не может иметь четко выраженной окраски! Поэтому…

— Все больше оснований предполагать, что голограмму специально подкрасили. Кстати, весьма любопытно, что пришелец идет прямо от Мошки…

— Да, но все как-то странно. Свет звезды… — пробормотал Поттер.

— Солнечный парус! — воскликнул Род во внезапном озарении. — Здорово придумано! — добавил он, и люди на мостике обернулись к своему капитану. — По-вашему, корабль чужаков летит быстрее, чем должен?

— Да, сэр, — ответил Реннер, сидевший в кресле неподалеку. — Быстрее, чем если бы его запустили с обитаемой планеты, вращающейся вокруг Мошки.

— Использование батареи лазерных пушек дает подобный эффект?

— А почему бы и нет? По сути, корабль можно запустить с обычной батареей и по мере удаления добавлять орудий. Таким образом можно добиться огромной выгоды. Если хоть какая-то пушка выйдет из строя, экипаж тотчас сообщает о по-

ломке в систему, и ее сразу же отремонтируют.

— Оставить двигатель дома! — удивился Поттер. — И продолжать пользоваться им!

— Это вопрос эффективности. Все зависит от того, какой луч мы можем получить, — ответил Реннер. — Жаль, что нельзя использовать его для торможения. Есть у вас основания верить…

Род перестал слушать гардемаринов. Пусть пока обсуждают изменения Мошки со штурманом: его такие вопросы не слишком заботили. Блейна волновало другое: контакт с чужаками и истинные намерения пришельцев.

Когда до встречи оставалось двадцать часов, к Блейну обратился Реннер: он попросил разрешения воспользоваться капитанскими экранами. Похоже, ему было трудно работать без мониторов, соединенных с головным компьютером «Макартура».

— Вот, капитан, — произнес Реннер, указывая на изображение локального скопления звезд. — Корабль летит как раз отсюда. Кто бы его ни запустил, пользуясь лазерной пушкой — возможно, не одной, а множеством пушек, расположенных на астероидах, — на расстояние в тридцать пять лет… в общем, кто бы его ни запустил, но должен быть луч, который служит ориентиром для судна

пришельцев. А вывод таков — и луч, и корабль действительно идут прямо из системы Мошки.

— Но ведь должны быть записи, — сказал Блейн. — Кто-нибудь наверняка заметил, что Мошка излучает когерентный свет.

Реннер пожал плечами.

— Насколько хороши записи Новой Шотландии?

— Нужно их хотя бы увидеть. Кроме того, я уверен, что новошотландские данные астрономических наблюдений довольно сомнительны, и поэтому их нет в библиотеке «Макартура», — возразил Реннер.

— Ладно, допустим, вы правы.

— Капитан, но в том-то и дело, что я ошибался. Корабль с солнечным парусом *может* развернуться. Смотрите! Вот что они и должны сделать…

Новый курс уходил к Мошке — под небольшим углом к первому.

— Кроме того, большую часть пути они идут на инерции. В этой точке — где корабль должен миновать Новый Калед — можно просто зарядить судно на десять миллионов вольт, чтобы магнитное поле Галактики наполовину развернуло его и он подошел к системе Новой Каледонии с про-

тивоположной стороны. Затем те, кто управляет лучом, опять включают его! А потом зонд использует луч, разгоняющий корабль для торможения.

— Вы уверены, что магнитный эффект непременно сработает?

— Задачка из курса физики для старших классов, капитан! И межзвездное магнитное поле легко картографируется, капитан.

— Но тогда почему они ничего не делают?

— Не знаю, — раздраженно буркнул Реннер. — Возможно, они даже не думали об этом. Боятся, что лазеры откажут — или не доверяют тем, кто остался позади. Капитан, мы до сих пор практически ничего не знаем о пришельцах.

— Увы, Реннер! Но зачем гадать? Если повезет, мы сможем спросить у них самих.

Реннер не сумел сдержать улыбки, которая озарила его хмурую физиономию.

— Так нечестно, капитан.

— Ступайте-ка лучше выспитесь.

Рода разбудила система оповещения.

— ИЗМЕНЕНИЕ СИЛЫ ТЯЖЕСТИ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ МИНУТ. ПРИГОТОВИТЬСЯ К ПЕРЕХОДУ НА НОРМАЛЬНУЮ СИЛУ ТЯЖЕСТИ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ МИНУТ.

Блейн улыбнулся — наконец-то! — но улыбка

тотчас исчезла с его лица. Оставался один-единственный час состязания в скорости с кораблем пришельцев. Блейн включил обзорные экраны и уставился на две огненные вспышки, маячившие впереди и сзади «Макартура». Итак, «Макартур» находился между двумя солнцами.

Сейчас Калед казался размером с Солнце, как его видно с Венеры, но был ярче. Оно и понятно: Калед — по-настоящему горячая звезда.

А рядом летел корабль чужаков — яркий диск меньшего размера. С вогнутым парусом.

Род протянул руку к селектору.

— Синклер?

— Да, капитан.

Род удовлетворенно отметил, что старший механик полулежит в гидравлическом кресле.

— Как держится поле, Сэнди?

— Отлично, капитан. Температура постоянная.

— Спасибо, — Род был доволен.

Поле Лэнгстона поглощало энергию — в этом состояло его основное назначение. Даже кинетическую энергию взрывающегося газа или радиоактивных частиц оно поглощало с эффективностью, пропорциональной кубу скорости поступления энергии. В сражении поле могло рассеять, поглотить и сохранить адскую ярость

водородных торпед и концентрированную энергию лазеров. Когда уровень энергии возрастал, поле начинало светиться, превращаясь из угольно-черного в абсолютно красное, оранжевое, желтое и даже фиолетовое.

Но тут и была главная загвоздка поля Лэнгстона: энергию требовалось излучать наружу. Перегруженное поле грозило высвободить всю накопленную энергию в слепящей белой вспышке, излучая ее и наружу, и внутрь. Чтобы избежать этого, корабельные двигатели должны были расходовать энергию, которая, тем не менее, добавлялась к уже накопленной полем. Когда поле чересчур разогревалось, корабли уничтожались. Причем молниеносно.

Обычно военное судно могло чертовски близко подойти к солнцу, не подвергаясь смертельной опасности. Пределом накала для его поля являлась сама температура звезд — плюс то, что расходовалось на поддержание корабля в рабочем состоянии, включая и управление судном.

Однако сейчас, когда «Макартур» находился между двух светил, излучение поля следовало жестко контролировать — оно становилось все более узконаправленным, и «Макартур» мог развить боковое ускорение. Участки излучения поля

продолжали суживаться, солнца росли, ну а само поле раскалялось. Экраны Рода запульсировали красным, что означало неминуемую беду для корабля.

Вернулась нормальная сила тяжести. Род встал. Быстро направившись на мостик, капитан на ходу кивнул вахтенному гардемарину.

— Всем занять посты. Боевая тревога.

По «Макартуру» прокатился рев сирен.

За сто двадцать четыре часа корабль пришельцев ничем не выдал, что знает о приближении «Макартура». И вел себя как ни в чем не бывало, пока они приближались к нему.

Солнечный парус маячил на экранах обширным белым пространством. Вскоре Род заметил маленькую черную точку. Он настраивал монитор, пока точка не превратилась в четкий кружок, расположенный, по данным радара, на четыре тысячи километров ближе к «Макартуру», чем парус за ним.

— Вот наша цель, сэр! — объявил Реннер. — Они, вероятно, затолкали в зонд все что можно! За исключением грузиков на концах строп, чтобы парус оставался развернутым.

— Верно. Подведите нас к нему, мистер Реннер. Мистер Уитбрид! Передайте дежурному связно-

му, пусть отправит открытое сообщение! На всех частотах, какие только возможно.

— Есть, сэр. Записываю.

— «Приветствуем вас, корабль с солнечным парусом! Говорит имперский корабль «Макартур»...» Здесь вставьте наши опознавательные сигналы. «Добро пожаловать в Новую Каледонию и Империю Человечества. Мы хотим подойти к вам вплотную. Пожалуйста, ответьте». Передайте послание на англике, русском, французском, китайском и прочих языках, какие знаете. Если это люди, что в принципе маловероятно, они могут быть родом откуда угодно.

Пятнадцать минут до встречи. Корабельная сила тяжести изменилась — а потом еще раз, — когда Реннер начал выравнивать скорость и положение «Макартура», ориентируясь на зонд корабля чужаков.

Род на минуту отвлекся, чтобы ответить на вызов Салли.

— Давайте живее, Салли. У нас объявлена боевая готовность.

— Да, Род, я в курсе. Можно прийти к вам на мостик?

— Боюсь, что нет. Кресла заняты.

— Неудивительно. Род, но я хотела кое о чем

напомнить вам. Не ждите, что они окажутся простаками.

— Простите?

— Вы можете счесть их примитивными лишь потому, что они не используют движитель Олдерсона. Но в таком случае вы заблуждаетесь. И даже если они примитивны, это не означает простоты. Их технология и образ мышления могут быть весьма сложными.

— Буду иметь в виду. Что-то еще? Тогда пока, Салли! Уитбрид, когда освободитесь, дайте знать мисс Фаулер, что происходит. — Род выключил общую связь, взглянул на экран заднего обзора… и услышал, как вскрикнул Стейли.

Солнечный парус корабля чужаков покрылся рябью. Отраженный свет шел по нему жирными извилистыми линиями. Род поморгал и потряс головой, но ничего не помогало: было слишком тяжело смотреть на это кривое зеркало.

— Должно быть, поступил ответ на наш сигнал, — догадался Род. — Они используют зеркало!..

Когда сияние стало ослепительным, все экраны «Макартура» одновременно погасли.

Зато носовые сканеры «Макартура» работали и продолжали запись. Они показали крупный

белый диск звезды Новой Каледонии, который продолжал стремительно надвигаться на «Макартур» со скоростью, равной шести процентам скорости света. При этом большая часть света отфильтровывалась.

На мгновение сканеры также продемонстрировали и несколько зыбких черных силуэтов на белом фоне. Никто не заметил их в тот страшный миг, когда «Макартур» внезапно ослеп, а в следующую секунду изображение уже исчезло.

Оцепенелое молчание нарушил Кевин Реннер.

— Мне кажется, можно было ответить и не так громко, — произнес он.

— Спасибо, мистер Реннер, — ледяным тоном ответил Род. — Может, у вас есть другие — конкретные предложения?

«Макартур» двигался рывками, сотрясаясь, но солнечный парус неотступно следовал за ним.

— Да, сэр, — проговорил Реннер. — Хорошо бы нам уйти из фокуса этого зеркала.

— Контроль повреждений, капитан, — доложил Каргилл с кормового поста. — Поле получило слишком много энергии и чертовски быстро. Мы даже не успели ее потратить. Если энергия будет накапливаться, в корпусе «Макартура» прожжет дыру, но минут десять мы выдержим.

— Капитан, я буду идти за парусом, — заявил Реннер. — У нас есть хотя бы сканеры солнечной стороны, и я помню, где был зонд…

— Неважно. Курс сквозь парус! — скомандовал Род.

— Но мы не знаем…

— Выполняйте мой приказ, мистер Реннер, вы находитесь на военном корабле.

— Точно, сэр.

Поле приобрело кирпичный оттенок и становилось ярче с каждой минутой, но краснота была не опасной. До поры.

Пока Реннер менял курс, Род небрежно заметил:

— Похоже, чужаки используют невероятно прочный материал. Как по-вашему?

— Возможно, сэр.

«Макартур» затрясло. Реннер нахмурился и погрузился в размышления.

— Но чем крепче материал, мистер Реннер, тем искуснее должна быть выработка, чтобы при том же весе поймать больше солнечного света, верно? — предположил Род. — Если у чужаков есть крепкая нить, они уже могли сшить несколько полотнищ и сделать огромный парус. Даже если метеориты вырвут несколько квадратных кило-

метров материи, это не сильно повредит парус. Вы согласны со мной, мистер Реннер?

— Да, сэр, — ответил Реннер.

Он вел корабль на четырех *g*, следя, чтобы Калед оставался прямо за кормой, и вроде бы оправился от потрясения.

«Пожалуй, я убедил его», — подумал Род.

Поле Лэнгстона уже пожелтело.

Внезапно сканеры на солнечной стороне показали черноту, в которой было только два цветных пятна — зеленый край поля «Макартура» и зазубренный горящий белый контур там, где корабль прошел сквозь парус пришельцев.

— Дьявольщина! Мы ничего не почувствовали! — расхохотался Род. — Мистер Реннер, сколько времени до столкновения с солнцем?

— Сорок пять минут, сэр, если ничего не предпринимать.

— Спасибо за информацию, мистер Реннер. Удерживайте нас возле паруса, точно на месте, — Род подключил другую линию, чтобы соединиться с канонирами. — Кроуфорд? Осветите-ка парус и посмотрите, можно ли найти соединительные стяжки. Я хочу, чтобы вы отрезали этот парашют, прежде чем они снова обожгут нас!

— Слушаюсь, сэр! — Кроуфорд явно обрадовался

возможности действовать.

Всего оказалось тридцать две стяжки: двадцать четыре вдоль края круглого тканевого зеркала и круг из восьми ближе к центру. Конические вздутия ткани показывали, где они находятся. Изнанка паруса оказалась черной, и от попадания огня из носовых лазерных батарей парус испарялся.

Наконец парус отсоединился и поплыл к «Макартуру», подергиваясь рябью. И опять корабль прошел сквозь него, словно тот был гигантским многокилометровым полотнищем из папиросной бумаги.

Спустя мгновение зонд пришельцев начал свободное падение к звезде класса F8.

— Тридцать пять минут до столкновения! — воскликнул Реннер, хотя его никто не спрашивал.

— Спасибо, мистер Реннер. Командор Каргилл, принимайте управление. Будем брать зонд на буксир, — сказал Род, искренне веселясь при виде изумленного Реннера.

7
Зонд Безумного Эдди

— Но ведь… — начал Реннер, указывая на изображение Каледа, растущее на экранах мостика.

Больше он ничего не успел сказать: «Макартур» рванулся вперед на шести *g*, тяжесть мгновенно выросла. Стрелки приборов бешено задергались — корабль несся прямо к солнцу.

— Капитан? — сквозь яростный стук крови в ушах Блейн услышал, что его вызывает помощник. — Капитан, какие допускаются повреждения?

Говорить было очень трудно.

— Любые, которые не помешают нам добраться до дому, — прохрипел Род.

— Вас понял, — отчеканил Каргилл и проговорил по громкой связи: — Мистер Поттер? Ангарная палуба полностью очищена? Посадочные шлюпы убраны?

— Да, сэр, — подобный вопрос был неуместен при боевой тревоге, но Каргилл предпочитал перестраховаться.

— Открыть ангар! — приказал он. — Капитан,

мы можем лишиться люков на ангарной палубе.

— Все в ваших руках.

— Я введу зонд на борт быстро, не тратя времени на выравнивание скоростей. Повреждения неизбежны…

— Сейчас вы командуете, командор. Поступайте, как знаете.

По мостику пополз красный туман. Род заморгал, но туман не исчез: он распространялся не в воздухе, а на сетчатке глаз. Шесть *g* — это уже чересчур. Если кто-нибудь потеряет сознание, все может пойти насмарку.

— Келли! — рявкнул Род. — Когда корабль развернется, берите космодесантников, отправляйтесь на корму и перехватывайте все, что движется от зонда! И пошевеливайтесь! Каргиллу не удержать разгон!

— Слушаюсь, сэр! — и при шести *g* голос Келли оставался прежним — похожим на скрежет гравия.

Зонд находился в трех тысячах километров впереди, неразличимый даже в самый лучший визир, но непрерывно растущий на экранах мостика — хоть и слишком медленно, тогда как Калед, казалось, стремительно несся к ним навстречу.

Четыре минуты ускорения в шесть *g*. Четыре мучительные минуты… а затем завыли сирены. Пришел миг радостного облегчения. Десантники Келли промчались по кораблю, двигаясь в поле низкой гравитации, пока «Макартур» неторопливо разворачивался в угольно-черном космосе.

В том месте, где им предстояло перекрыть выходы с ангарной палубы, не было противоперегрузочных кресел. Закрепившись с помощью тонких эластичных ремней, часть экипажа разместилась в коридорах, а остальные — в самом ангаре, повисли как мухи в паутине, с оружием наготове. Наготове… но для чего?

Взревели сирены, и снова приборы будто свихнулись, когда «Макартур» начал торможение перед зондом. Род приник к ближайшему монитору. Он показывал сумрачную холодную ангарную палубу. Род различил смутные контуры корабельного защитного поля.

«Вот и хорошо, — подумал Блейн. — Поле погасит вращение зонда, если оно есть, и так растянет столкновение, что «Макартур» сможет им управлять…»

Еще восемь минут при шести *g* — максимум, который способна выдержать команда, — и корабль чужаков исчез с курса, потому что «Ма-

картур» еще раз повернулся и подошел к нему боком. Сокрушительный разгон закончился: пол завибрировал от толчка — похоже, Каргилл дал залп из батарей левого борта, чтобы точнее скорректировать положение «Макартура» относительно зонда.

Тот оказался цилиндрическим, с одним закругленным концом. Но вскоре Род заметил на другом конце множество выступов. Блейн навскидку насчитал тридцать два и задумался. Странно, но там, где полагалось находиться стяжкам, вообще не было ничего.

Зонд продолжал уверенно надвигаться на «Макартур», однако он был чересчур велик, чтобы поместиться на ангарной палубе. Массивный, чертовски массивный, а у них оставался лишь один способ корректировать движение — снова дать залп!

Зонд *здесь!* Камера на ангарной палубе продемонстрировала закругленный торец инопланетного зонда. Тусклый, металлический, он протискивался сквозь поле Лэнгстона, постепенно замедляя движение. Он не вращался и подошел к «Макартуру» почти вплотную.

Итак, борт крейсера неминуемо приближался, закругленный торец зонда рос, и, наконец, раз-

дался *скрежет*…

Род помотал головой, чтобы избавиться от сгущающегося красного тумана.

— Уходим! Мистер Реннер, принимайте управление!

Стрелки приборов задергались раньше, чем взвыли сирены: вероятно, Реннер не терял даром ни минуты и уже лег на курс. Сквозь темно-багровые вспышки, мельтешащие в глазах, Блейн пытался вглядываться в шкалы.

Отлично. Реннер знает свое дело и выведет «Макартур» туда, куда нужно. Они начнут разгоняться возле Каледа, чтобы встретиться с «Лермонтовым» и заправиться водородом. Иначе у них кончится горючее…

Блейн коснулся переключателя и уставился на экран главного компьютера, где появился отрезок курса. Да, Реннер работал здорово и ловко.

«Пусть действует, — подумал Род. — Реннер — опытный офицер и штурман получше меня. А мне нужно осмотреть корабль. Что с ним случилось, когда мы взяли на борт чужеродную штуковину? Впрочем, мониторы, обслуживающие этот участок, вырубились из строя — камеры сожжены или разбиты. Снаружи, небось, еще хуже…»

— Летите вслепую, мистер Реннер, — приказал

Блейн. — Камеры могли запросто оплавиться. Подождите, пока мы отойдем от Каледа.

— Доклад о повреждениях, кэп!

— Продолжайте, командор Каргилл!

— Мы зажали пришельца дверьми ангара. Причем крепко. Вряд ли мы теперь сумеем двигаться с нормальным ускорением. Пока у меня нет полной картины, но в одном я не сомневаюсь — ангарная палуба уже никогда не станет прежней, сэр.

— Что-нибудь серьезное, жизненно важное?

— Нет, сэр. Я могу дать полный список — пустяки, мелкие проблемы: разболтавшиеся крепления, оборудование, вышедшее из строя из-за столкновения, — но все сводится к следующему: если нам не придется вести бой, то «Макартур» выдержит.

— Ясно. А сейчас подумайте, как бы мне связаться с космодесантниками. Связи с Келли вроде бы нет.

— Слушаюсь, сэр.

«Кому-то придется двигаться при шести *g*, чтобы выполнить приказ капитана», — пронеслось у Блейна в голове.

Дай бог, чтобы передвижное кресло не подвело парня из команды. При таком ускорении человек

способен ползать, но затем ему станет совсем плохо. Стоит ли игра свеч? Не велика ли плата за неприятную информацию?

А если она не будет неприятной?

— Капрал Петров вызывает капитана! — слабый акцент уроженца Святой Екатерины. — Объект не проявляет никакой активности, сэр!

— Каргилл прибыл, капитан, — добавил другой голос.

— Я понял.

— Нужен ли вам Келли? Мистер Поттер смог протянуть линию к Петрову, не покидая своего скутера, но дальше движение затруднено.

— Прекрасная работа, Поттер. Капрал, вы видите мистера Келли? Он в порядке?

— Канонир машет мне рукой, сэр. Он дежурит во втором воздушном шлюзе.

— Хорошо. О любой чужеродной активности докладывайте немедленно, капрал.

Блейн отключился, и опять заревели сирены. Пятьдесят килограммов свалились с его груди: «Макартур» уменьшил ускорение.

«Как хитро все устроено во вселенной, — сказал себе Род, — мы балансируем между жизнью и смертью. У нас появилась возможность подлететь к Каледу на опасное расстояние, а значит, сейчас

можно поджарить экипаж — или прикончить всех с помощью ускорения».

На передовом посту какой-то рулевой откинулся на спинку противоперегрузочного кресла. Напарник наклонился к нему, они оба едва не стукнулись шлемами и выключили микрофоны.

Помощник старшины, рядовой первого класса, пробурчал:

— Брат хотел, чтобы я помогал ему на ферме на Афродите, но я решил, что это очень рискованно, и завербовался в космический флот.

— Командор Синклер, хватит ли нам энергии, чтобы отослать рапорт командованию?

— Да, капитан. Двигатели работают безо всяких сбоев. Объект оказался не таким массивным, как предполагалось. Есть экономия водорода.

— Хорошо.

Блейн вызвал связистов и приказал передать его рапорт. «Чужак» на борту «Макартура» — это цилиндр с отношением осей четыре к одному. Выглядит цельнометаллическим, но подробный осмотр невозможен, пока не уменьшится ускорение. Предлагаем «Лермонтову» попробовать подобрать парус, который должен резко затормозиться, потеряв зонд. Приблизительное время прибытия на Новую Шотландию… Пред-

положительно «Макартур» выйдет на орбиту необитаемого спутника Новой Шотландии. Пока что нет никаких доказательств жизни или активности «чужака», но…

«И очень большое «но», — подумал Род. — Намеренно ли они стреляли в нас? Управлял кораблем разумный пилот или запрограммированный робот, проведший судно через световые годы обычного пространства? Впрочем, кто бы или что бы ни управляло им, сейчас он покоится на ангарной палубе линейного крейсера, отрезанный от родного паруса…»

Да уж… не слишком мирное завершение путешествия длиной в тридцать пять световых лет.

А самое главное заключалось в том, что он до сих пор не мог раскрыть тайну. У Блейна не было никаких догадок. Положение «Макартура» не являлось критическим, Реннер превосходно с ним управлялся, но ни Блейн, ни Каргилл не могли оставить свои посты или хотя бы отправить старшего офицера изучать чужеродный объект.

— Все уже позади? — голос Салли звучал уныло. — Вы справились?

— Да, — Блейн невольно вздрогнул, — да, объект на борту, и мы не знаем о нем ничего, кроме размеров. Он не отвечает на наши сигналы. — По-

чему-то он испытывал слабое удовлетворение.

Может, потому, что Салли тоже пребывала в неведении, как и экипаж «Макартура», включая капитана корабля?

«Макартур» мчался по орбите Каледа, такой близкой, что явственно чувствовалось тормозящее влияние пылающей короны, но Реннер был гениальным штурманом, а поле и не думало «рваться».

Оставалось набраться терпения.

При двух *g* Род смог покинуть мостик. Он с трудом встал, перебрался в скутер и отправился на корму. Лифт вез его вниз, и на каждой палубе он останавливался, чтобы взглянуть на членов команды, которые оставались на местах, несмотря на затянувшееся ожидание. Похоже, его ребята уже приготовились к сражению. «Макартур» — лучший корабль военно-космического флота… И останется им всегда!

Когда Блейн добрался до поста Келли у воздушного шлюза, новостей еще не поступало.

— Там видны люки, сэр, или нечто подобное, — сказал Келли и посветил фонарем.

Луч упал на чужой корабль, но Блейн заметил обломки своих шлюпок, придавленных к стальному полу.

— И пока ничего не происходит.

— Ничего, капитан. Он зашел сюда *жестко*, после чего все вообще стихло. Ни десантники, ни я, ни гардемарины, кишевшие вокруг, — никто из нас не видел самих пришельцев, капитан.

— Я тоже, — буркнул Род.

Он достал свой фонарь и посветил на огромный цилиндр, который практически сливался с чернотой защитного поля.

Луч скользнул по ряду конических вздутий. Каждое из них — диаметром в метр, в длину же достигало трех метров. Род внимательно разглядывал объект, пожимая плечами: ни петельчатых концов стяжек, которые должны соединяться между собой, ни отверстий, через которые стяжки могли бы проходить.

Ничего.

— Продолжайте наблюдение, Келли.

Капитан Блейн вернулся на мостик, не получив новых сведений, и сел в кресло, уставившись на экраны. Рука машинально терла переносицу.

Скажите на милость, *что* же он поймал?

8
Чужак

Блейн стоял, вытянувшись по стойке смирно. Адмирал Хоуланд Кранстон, командующий силами Его Величества за пределами Угольного Мешка, свирепо изучал Блейна, перегнувшись через массивный стол из розового тиса. Надо сказать, что сам стол, украшенный резьбой ручной работы, заворожил бы Рода, будь у него возможность немного расслабиться.

Адмирал ткнул пальцем в толстую пачку бумаг.

— Знаете, что здесь лежит, капитан?

— Нет, сэр.

— Требования выгнать вас со службы! Половина факультетов Имперского университета. Двое священников и один епископ! Секретарь Лиги Человечества. Все скорбящие сердца по эту сторону Угольного Мешка жаждут увидеть ваш скальп!

— Да, сэр, — отчеканил Род и замолчал.

А что ему еще сказать?

Он не шелохнулся и ждал, когда же закончится выволочка. Но что подумает его отец? Сможет

ли понять?

Кранстон посмотрел на Блейна безо всякого выражения. Мундир его уже успел измяться, а миниатюры на дюжине наград могли поведать знающему человеку историю командора, который безжалостно гнал от себя любую надежду на выживание.

— Тот, кто стрелял в первого инопланетянина, встреченного разумным человечеством, мог изуродовать его корабль, — холодно продолжал Кранстон. — Кстати, вы в курсе, что мы обнаружили лишь одного пассажира — *МЕРТВОГО?* Вероятно, вышла из строя система жизнеобеспечения. — Кранстон ткнул пальцем в пачку бумаг и зло отбросил ее в сторону. — Проклятые гражданские вечно лезут во флотские дела! Они не оставили мне выбора… В общем, слушайте меня, капитан Блейн. Как адмирал флота в данном секторе, настоящим я подтверждаю ваше назначение капитаном. Вы будете командиром линейного крейсера Его Величества «Макартур». Можете сесть.

Когда Род изумленно вытаращился, адмирал рявкнул:

— Мы покажем этим ублюдкам! Лезут указывать мне, как командовать флотом! Блейн, вы

самый удачливый офицер! Совету в любом случае придется утвердить ваше назначение, но не случись того, что случилось, вам бы не доверили «Макартур».

— Да, сэр.

«Адмирал говорил правду», — подумал Род с затаенной гордостью.

«Макартур» действительно его — по крайней мере пока.

— Сэр? Удалось ли что-нибудь найти на корабле чужаков? С тех пор как мы оставили его на орбите, я был занят на верфях ремонтом «Макартура».

— Мы вскрыли его, капитан. И вообразите себе, там оказалось существо. Вот что нашли мои люди, — и он вытащил из ящика цветную фотографию.

Пришелец был распростерт на лабораторном столе. На глянцевой бумаге имелась линейка масштабирования, и Род понял, что чужак сам по себе невелик. Примерно метр двадцать четыре сантиметра. То, что Род поначалу принял за обувь, оказалось ступнями. Вместо пальцев — узкие щупальца.

А все прочее было собранием кошмаров. Две гибкие правые руки оканчивались изящными ладонями с четырьмя пальцами, которым проти-

востояли два больших. С левой стороны — одна массивная ручища, настоящий клубок мышц — причем побольше обеих правых вместе взятых. На этой же руке было три толстых пальца, сжатых, как тиски.

Калека? Мутант? Пришелец оказался симметричным ниже пояса и несимметричным — выше.

Торс его был бугорчатым, а мускулатура — чрезмерно развитой, не то что у среднестатистического человека. В результате Род не сумел разглядеть даже костные структуры пришельца.

Верхние конечности существа вызывали странное чувство. Локтевые суставы правых рук идеально подходили один к другому и укладывались как пластиковые стаканчики — тут явно поработала эволюция.

Нет, пришелец не был калекой.

Однако хуже всего оказалась голова.

Во-первых, у чужака не было шеи. Массивные мышцы левого плеча постепенно переходили в темя. Левая сторона черепа сливалась с плечом и была гораздо крупнее правой. Левое ухо отсутствовало напрочь. Зато правую сторону головы украшало огромное перепончатое ухо, нависавшее над узеньким, почти человеческим плечом…

за которым имелось еще одно.

А лицо… Блейн оторопел. Если подумать о самой голове чужака, то *это* могло быть вовсе и не лицом, хотя Род смотрел на два симметричных раскосых глаза, широко раскрытых в момент гибели. И рот с чуть приоткрытыми губами, показывающими острия зубов.

— Ну, и как вам это понравится?

— Мне очень жаль, что он погиб, — ответил Род. — У меня есть к нему миллион вопросов… Он там один инопланетянин?

— К сожалению, да, — подтвердил адмирал. — А теперь взгляните сюда. — Кранстон коснулся угла своего стола, откуда выехала скрытая панель, служившая экраном.

Шторы на окне слева от Рода разошлись, и комнату залил тусклый свет. Экран светился однородной белизной.

Затем на нем появились тени, уменьшавшиеся по мере приближения к центру экрана. Внезапно тени исчезли. Все продолжалось лишь несколько секунд.

— Вот что успели зафиксировать камеры солнечной стороны. Это — единственные уцелевшие на корабле. Сейчас я замедлю скорость прокрутки.

На белом фоне вновь возникли тени. Когда их стало полдюжины, адмирал остановил запись.

— Итак?

— Они вроде бы похожи… на мертвого чужака… — проговорил Род.

— Рад, что вы заметили! Смотрите дальше.

Проектор снова заработал. Странные силуэты уменьшились, сокращаясь до темных точек — но не так, как если бы они удалялись в бесконечность: они буквально испарялись у Рода на глазах.

— Похоже на пассажиров, изгнанных с корабля и сожженных солнечным парусом, — предположил Род.

— Нет, вы ошибаетесь! Но если вы проконсультируетесь с университетскими профессорами, то получите не меньше сорока объяснений… Итак, картинка не очень четкая, но можно увидеть, насколько они изуродованы… Разные размеры, разные формы. У нас даже нет возможности воссоздать их первоначальный облик. И живые ли они вообще? Один из антропологов считает, что это статуи богов, которых выбросили наружу, чтобы защитить от осквернения. Антрополог подкинул свою теорию остальным, и ее приняли все, кроме тех, кто считает, что тени — просто

трещины на пленке, миражи, порожденные полем Лэнгстона, — или обычная фальшивка.

— Да, сэр, — услышанное не нуждалось в комментариях, и Блейн воздержался от замечаний.

Он еще раз взглянул на фотографию. Миллион вопросов… если бы только пилот не погиб.

После долгой паузы адмирал проворчал:

— Здесь копия отчета о том, что мы нашли на корабле. Возьмите ее и хорошенько изучите. Завтра после полудня вы приглашены к вице-королю, и он рассчитывает что-нибудь узнать. Писать доклад мне помогала ваша антрополог, побеседуйте с ней, если хотите. А затем можете пойти взглянуть на зонд — сегодня мы доставили его вниз. — Кранстон хихикнул при виде изумленного лица Блейна. — Уверен, вам будет интересно! Имейте в виду, у Его Высочества есть кое-какие планы… кроме того, Его Высочество хочет привлечь вас к работе, так что будьте в курсе, Блейн, и не оплошайте.

Род отсалютовал и вышел из кабинета, держа под мышкой доклад с пометкой «Совершенно секретно».

Доклад оказался не слишком содержательным, хотя некоторую информацию из него Род все же почерпнул.

Итак, большая часть внутреннего оборудования зонда представляла собой куски сплавившихся пластиковых блоков и интегральных схем, а еще — обрывки проводниковых и полупроводниковых материалов, хаотично перемешанных между собой. Не было ни тросов, управляющих стяжками, ни механизмов, созданных для их вращения, ни следа отверстий в тридцати двух выступах на одном из концов зонда. Имей стяжки чисто молекулярную структуру, это могло бы объяснить отсутствие всего перечисленного. В таком случае, зонд мог распасться на составные части, изменившись химически, когда пушки Блейна рассекли его… но это, конечно, очередные бездоказательные предположения.

И как вообще чужаки управляли парусом? Могли ли стяжки, к примеру, сокращаться и расслабляться, подобно мышцам?

Было и еще кое-что: некоторые из неповрежденных механизмов оказались совершенно загадочными. В зонде не имелось стандартных деталей. К тому же два соседних устройства почти одинакового назначения могли отличаться — и совсем слегка, и весьма значительно. Соединения и крепления, вероятно, изготовляли вручную, отчего зонд смахивал и на машину, и

на скульптуру.

Прочитав доклад, Блейн покачал головой и вызвал Салли.

Вскоре в его каюту постучали.

— Да, про крепления писала именно я, — заявила Салли с порога. — Понимаете, меня прямо озарило! Судите сами: все муфты и задвижки в зонде чужаков проектировались каждая в отдельности. Это будет не столь удивительно, если воспринимать зонд как предмет религиозного культа… Ой, и еще! Род, вы знаете, что такое дублирование?

— В машинах? Это когда два механизма делают одну и ту же работу. На случай, если что-то выйдет из строя.

— Верно. Похоже, мошкиты придерживаются подобной практики.

— Мошкиты?

Девушка улыбнулась.

— А что? По-моему, неплохое название для обитателей Мошки! Предположим, что инженеры-мошкиты изобрели два устройства для выполнения какой-то определенной задачи, причем второе устройство имеет несколько дополнительных функций и вдобавок снабжено биметаллическими термогенераторами. Гени-

ально, правда? Род, помогите мне не запутаться с терминами! Наши инженеры работают с модулями, не так ли?

— Конечно. Модули созданы для сложных работ.

— А у мошкитов дела обстоят по-другому! У них все является единым целым, иными словами, у всего есть дополнительные функции. Род, я могу утверждать, что мошкиты гораздо сообразительнее, чем мы.

Род присвистнул.

— Не пугайте меня, Салли! Но погодите минутку. У них есть движитель Олдерсона… или нет?

— Не знаю. Но у них имеются свои технологии. Взять те же биотемпературные сверхпроводники, нанесенные в виде тонкой пленки, — произнесла Салли заученным тоном.

Салли перевернула страницу.

— Взгляните на фото. Вот ямки от мелких метеоритов.

— Микрометеоритов.

— Ничто крупнее четырех тысяч микрон не смогло проникнуть через метеоритную защиту — правда, никто не нашел такой защиты! У них нет поля Лэнгстона или чего-то подобного!

— Но…

— Сам парус должен был иметь защитные свойства! Вы понимаете меня, Род? Автопилот атаковал нас, потому что принял «Макартур» за метеорит.

— А что с пилотом? Почему он не…

— Насколько можно судить, чужак спал в анабиозе. Система жизнеобеспечения вышла из строя, когда мы брали его на борт. Мы убили его.

— Точно?

Салли кивнула.

— Проклятье! Значит, Лига Человечества жаждет получить мою голову на блюде, с яблоком во рту, и я не осуждаю ее за это желание! — воскликнул Род и, перекосившись в лице, застонал.

— Перестаньте, — мягко произнесла Салли.

— Простите. Что дальше?

— Вскрытие. Мы добрались до середины доклада, — Салли принялась листать страницы, и Род содрогнулся.

Желудок Салли Фаулер оказался покрепче, чем у многих придворных дам.

Плоть мошкита была блеклой, а кровь — розовой, похожей на смесь древесного сока с человеческой кровью. Хирурги вскрыли спину инопланетянина, обнажив скелет — от черепа до того места, где у человека располагается копчик.

— Ну и ну! А где позвоночник?

— Его нет, — ответила Салли. — Эволюция на Мошке не дошла до позвоночных.

В спине виднелись три кости, каждая толщиной с бедренную. Верхняя сочленялась с черепом, как двадцатисантиметровая ручка. Сустав на ее нижнем конце приходился на уровне плеча. Таким образом, чужак мог кивать головой, но не поворачивать ее.

Главная спинная кость, более длинная и толстая, заканчивалась сложно устроенным сочленением. Нижняя кость расширялась к бедрам и соединялась с ними.

Имелся и спинной столб, главный нервный ствол, но он шел рядом с «позвонками», а не сквозь них.

— Чужак не мог вертеть головой, — пробормотал Род, — и не мог поворачивать корпус. Поэтому сам сустав так диковинно устроен. Да, Салли?

— Да. Я видела, как проверяли сустав. С его помощью пришелец и мог оборачиваться назад. Видите фотографию? Впечатляет?

Род кивнул и уставился на следующее фото, где хирурги возились с черепом инопланетянина.

Слишком маленькая голова показалась Роду несимметричной и кривоватой. Левое полу-

шарие мозга, отвечавшее за правые верхние конечности, было крупнее, чем правое.

Род перелистнул страницу и увидел очередную фотографию чужака.

Массивные сухожилия левого плеча обеспечивали пришельцу дополнительную силу и соединялись хрящеватыми узлами с левой стороной черепа.

— Все в первую очередь создано для рук, — объяснила Салли. — Подумайте о том, что мошкит — труженик, и поймете, в чем суть! Правые руки предназначены для точной работы вроде сборки часов, а левая — хватает и держит тяжелые предметы. Он мог, вероятно, приподнять одной рукой аэрокар и, пользуясь правыми, починить его двигатели. А идиот Горовиц считает, что это мутация! — Салли зашелестела страницами. — Вот!

— Я уже заметил. Лапы у него — что надо!

Род посмотрел на фотографии, которые запечатлели правые руки пришельца, зафиксированные в разных положениях. Вытянутые, они имели примерно одинаковую длину, но нижняя имела некоторые отличия — слишком длинное предплечье и до смешного короткое плечо.

Кончики пальцев верхней руки свисали до запястья нижней.

Род продолжил чтение. Биохимия чужаков отличалась от биохимии человека, но не так сильно, как можно было бы ожидать от инопланетян. Общеизвестные формы жизни всегда достаточно просты, и некоторые теоретики считали распространение спор в межзвездном пространстве основой жизни вообще. Теория не нашла широкой поддержки, но казалась обоснованной, и чужак, лежащий на лабораторном столе, конечно, не мог разрешить научный спор.

После ухода Салли Род еще долго изучал доклад. Когда он перевернул последнюю страницу, у него в голове уже сформировались три вывода.

Во-первых, мошкит — представить разумной расы, специализирующейся на сложных технологиях.

Во-вторых, он проделал путь в тридцать пять световых лет, чтобы найти человеческую цивилизацию.

А третий вывод звучал неутешительно: Род Блейн убил его.

9
Его Высочество принимает решение

Дворец вице-короля господствовал над единственным крупным городом Новой Шотландии. Салли восхищенно смотрела на величественное здание и возбужденно показывала на переливы красок, менявшиеся с каждым поворотом фасада.

— Как достигается такой эффект? — спросила она. — На масляную пленку не похоже!

— Дворец построен из лучших горных местных пород. Ручаюсь, вы никогда прежде не видели ничего подобного. Здесь не было жизни, пока Первая Империя не заселила планету: дворец возведен из камня, переливающегося всеми цветами по мере испарения микрочастиц.

— Красиво! — воскликнула Салли.

Дворец оказался единственным сооружением, имеющим вокруг себя участок свободного пространства. Новая Шотландия теснилась в перенаселенном районе, и с воздуха хорошо просматривался похожий на годовые древесные кольца концентрический узор, созданный за-

щитным генератором поля.

— А не проще было бы планировать городскую сетку, используя прямые углы? — поинтересовалась Салли.

— Вы правы, — согласился Синклер. — Но мы двести лет вели войну, и кое-кто не представляет жизни без генератора поля… Впрочем, это не относится к флоту и Империи, — торопливо добавил он. — Нелегко ломать старые традиции. Лучше мы будем жить впритык друг к дружке, зато сможем защититься.

Флаер приземлился на испещренную шрамами лавовую крышу дворца. Город, распростершийся внизу, походил на красочную мозаику: люди, одетые в шотландку и закутанные в клетчатые накидки, так и сновали по улицам. Салли удивилась, увидев, как мала столица Имперского сектора.

Род оставил Салли и офицеров в уютной гостиной и последовал за накрахмаленным проводником-космодесантником. Зал Совета сочетал в себе роскошь и аскетизм: оштукатуренные каменные стены контрастировали с узорчатыми шерстяными коврами и гобеленами. С балок свисали яркие боевые знамена.

Десантник проводил Рода к его месту. Перед

ним оказались помост для Совета и штата помощников и еще выше — трон вице-короля, господствующий над залом. Однако даже трон затмевало огромное трехмерное изображение Его Королевского и Императорского Высочества и Величества Леонида IX, милостью божьей Императора Человечества. Когда приходило послание с Тронного Мира, изображение оживало, но сейчас на Рода смотрел человек не старше сорока лет, в черном мундире адмирала флота, без каких бы то ни было наград и знаков отличия. Темные глаза буравили каждого вновь прибывшего насквозь.

Зал быстро заполнился. Явились фракции членов Парламента, армейских и флотских офицеров, суетящихся гражданских и, разумеется, чиновники. Род понятия не имел, чего ждать, но замечал беглые ревнивые взгляды визитеров. Он был самым младшим офицером, но сидел в первом ряду. Адмирал Кранстон занял место на два кресла левее Блейна и живо кивнул в ответ на его приветствие.

Прозвенел гонг. Угольно-черный дворцовый мажордом с церемониальным хлыстом, заткнутым за белоснежный ремень мундира, вышел на помост и ударил в пол посохом. В зал тот-

час вереницей вошли люди и заняли места на возвышении. «Имперские советники — менее внушительны, чем их звания», — решил Род. Большинство их вроде бы чем-то обеспокоены, но у некоторых выражение лиц обнаруживало сходство с портретом императора, способного увидеть такое, о чем прочие могли только догадываться.

Пока они бесстрастно рассаживались, гонг прозвенел снова.

Мажордом встал и трижды ударил о сцену посохом.

— Его Высочество Стефан Юрий Александрович Меррилл, вице-король Трансугольного сектора Его Императорского Величества! Да наградит господь мудростью Его Величество и Его Высочество!

Все встали. Род обдумывал происходящее. А ведь легко быть циником! В конце концов, Меррилл — обычный человек, да и Его Императорское Величество тоже всего-навсего простой смертный. Они сами натягивают штаны — сперва на одну ногу, потом на другую, — но несут ответственность за судьбу человечества.

Совет может консультировать их по особо важным вопросам, Сенат — обсуждать их решения, Ассамблея — кричать и требовать. И вот, когда все

противоречивые требования выслушаны и досконально обдуманы, кто-то начинает действовать от имени человечества… Нет, церемониальное появление, конечно, не лишнее! Человек, наделенный почти безграничной властью, может — и должен — внушать трепет.

Его Высочество оказался долговязым, с кустистыми бровями. Он был в мундире Космофлота, со звездами и кометами на груди, полученными в прежние годы на службе короне. Возле трона он повернулся к трехмерному изображению императора и поклонился. Мажордом произнес присягу на верность Короне. Меррилл сел и кивнул Совету.

Герцог Бонин, пожилой лорд-председатель Совета, встал со своего кресла, расположенного по центру стола.

— Лорды и джентльмены, по распоряжению Его Величества Совет собрался, дабы обсудить прибытие чужого корабля с Мошки. Заседание может затянуться, — добавил он без тени сарказма. — Вы получили отчет, посвященный изучению космического инопланетного судна. Могу подытожить результаты исследования: у чужаков нет ни движителя Олдерсона, ни поля Лэнгстона. С другой стороны, они владеют иными

технологиями, значительно превосходящими все, чем когда-либо располагала Империя… в том числе и Первая Империя.

По залу пронесся вздох изумления. Многие имперские губернаторы и их подданные испытывали мистическое благоговение перед Первой Империей. Бонин многозначительно кивнул.

— Сейчас мы обсудим, как нам поступить. Его превосходительство сэр Траффин Джерри, министр внешних сношений сектора! Прошу…

Сэр Траффин ростом почти не уступал вице-королю, но на этом сходство заканчивалось. Если у Его Высочества была поджарая, атлетическая фигура, то сэр Траффин напоминал бочку.

— Ваше Высочество, лорды и джентльмены. Мы отправили курьера на Спарту и в течение недели пошлем еще одного. Зонд был запущен более ста лет назад и двигался со скоростью, меньшей, чем скорость света. В ближайшие несколько месяцев мы можем только ждать. Пока не придут инструкции Его Величества, я предлагаю подготовить экспедицию к Мошке. — Джерри свирепо выпятил нижнюю губу и оглядел зал Совета. — Подозреваю, что это удивит многих, знающих мой нрав, но, по-моему, следует лучше обдумать данный вопрос. Наше решение может повлиять

на судьбу человеческой расы!

В зале одобрительно зашептались. Председатель покосился на мужчину, сидящего по его левую руку.

— Сэр Ричард Макдональд Армстронг, военный министр сектора!

Рядом с тушей сэра Траффина военный министр казался почти крохотным. Его мелкие черты лица были под стать сложению, а на самой физиономии застыло выражение кротости. Однако глаза смотрели жестко, а взгляд мог поспорить со взором трехмерного императора.

— Я отлично понимаю точку зрения сэра Траффина, — начал Армстронг. — Допускаю, что на Спарте умнейшие представители человечества исправят наши недавние ошибки и промахи.

«В его речи почти нет акцента Новой Шотландии, — подумал Род. — Лишь слабый намек, хотя лорд — явно местный уроженец».

— Однако мы можем не успеть, — мягко продолжал Армстронг. — Разрешите обосновать мою точку зрения. Из наших записей следует, что сто тридцать лет тому назад Мошка засветилась столь ярко, что затмила Глаз Мёрчисона. А затем все резко вернулось в норму. Очевидно, это произошло тогда, когда зонд развернулся на сто

восемьдесят градусов и начал торможение по пути к нашей системе. Следовательно, лазеры запустили его давным-давно. У его создателей было по крайней мере сто пятьдесят лет на развитие новых технологий. Но послушайте меня, лорды!.. Что, к примеру, сделали люди Земли за такой промежуток времени? Давайте посмотрим… У нас тоже есть чем гордиться: в восемнадцатом веке моря и океаны бороздили парусные военные корабли, а в двадцатом веке произошла высадка на Луну. От пороха к водородному синтезу — потрясающий темп развития, не так ли? Наши технологии тоже не стояли на месте. К моменту запуска инопланетного зонда чужаков у нас уже был движитель Олдерсона, поле Лэнгстона, десяток межзвездных колоний и СоВладение. Еще через пятьдесят лет флот покинул Землю и основал Первую Империю. Вот что означают полтора столетия для развивающейся расы, лорды! Но, вообразите себе, что было бы, если бы зонд прилетел к нам раньше? Кто знает, какой бы мы подверглись опасности?

— Поэтому мы не можем позволить себе ждать! — выкрикнул мужской голос из глубины зала. — Ждать указаний со Спарты? При всем уважении к советникам Его Величества, что они

могут сказать такого, чего мы не знали бы лучше их? Пока они отвечают, мы успеем отправить им новые отчеты! И, если положение дел изменится, их инструкции не будут стоить и ломаного гроша. Клянусь зубами господа, уж лучше делать собственные ошибки!

— Ваши предложения? — холодно спросил председатель Совета.

— Я бы приказал адмиралу Кранстону собрать все военные корабли, какие можно освободить от патрулирования и поддержания порядка. Кроме того, я передал бы Его Величеству настоятельное требование направить в этот сектор дополнительные силы. И я предлагаю отправить к Мошке военную экспедицию и, пока верфи переоборудуют достаточно кораблей, выяснить, что там творится, чтобы быть в курсе ситуации. Мы сможем уничтожить мир чужаков, если это понадобится!

И снова по залу прокатился вздох. Один из членов Совета вскочил, требуя провести разведку.

— Доктор Энтони Хорват, министр науки, — объявил председатель.

— Ваше Высочество, лорды и джентльмены, я не мастак говорить, — произнес Хорват.

— Дай-то бог, чтобы так и было, — пробормотал

адмирал Кранстон, сидящий слева от Рода.

Хорват, пожилой, тщательно одетый мужчина, заметно нервничал. Он произносил каждое слово так, как если бы собирался сказать только его и — ничего более. Хотя Хорват говорил тихо, его голос разносился по всему залу.

— Чужак ничем не угрожал нам, лорды. Он был единственным пассажиром на борту зонда, и у него не было шанса послать отчет тем, кто направил его сюда, — Хорват перевел взгляд на адмирала Кранстона. — Мы не нашли ни малейших признаков того, что у чужаков есть сверхсветовая технология, и ни малейшего намека на агрессию, однако лорд Армстронг призывает собирать флот. Он ведет себя так, как будто один мертвый чужак и солнечный парус — угроза для разумного человечества! Но есть ли тому доказательства?

— У вас есть какие-либо идеи, доктор Хорват? — спросил председатель.

— Нужно организовать научную экспедицию. Я согласен с военным министром: время поджимает, и нам нельзя надеяться на то, что Трон пришлет подробные указания. Необходимо послать военный корабль, если это вас успокоит, но отправить на нем ученых, сотрудников

министерства внешних сношений и торговых представителей. Лететь с миром, как сам чужак прибыл к нам, и не угрожать пришельцам. В общем, вести себя как цивилизованные люди, а не буйные пираты! Имейте в виду, лорды, что другого удобного случая может не представиться. Подумать только — первый контакт между человечеством и пришельцами! Конечно, есть шанс встретить и другие разумные виды — но когда это произойдет?.. Спустя тысячелетие?.. А все, что мы сейчас сделаем, навечно останется в анналах истории, поэтому нельзя сажать кляксу на этой странице!

— Спасибо, доктор Хорват, — сказал председатель. — Кто-нибудь еще?

Зал загудел, прошло несколько минут, прежде чем установился порядок.

— Джентльмены, нужно принять решение! — зычно произнес герцог Бонин. — Какой совет мы дадим Его Величеству? Послать экспедицию к Мошке — или нет?

Вопрос, связанный с экспедицией, решили быстро. Военные и ученые легко взяли верх над сторонниками сэра Траффина. Корабли нужно послать — и как можно скорее.

— Превосходно, — проговорил Бонин. — А сама

экспедиция? Она будет военной или гражданской?

Мажордом ударил в пол посохом, и все повернулись к высокому трону, на котором, бесстрастно следя за дебатами, восседал Меррилл.

— Благодарю Совет, но я не нуждаюсь в подсказке для решения последнего вопроса, — заявил вице-король. — Поскольку речь идет о безопасности королевства, это не может быть прерогативой сектора, — Меррилл пригладил волосы, слегка подпортив величественное выступление. Впрочем, поняв, что делает, он торопливо опустил руку, и на его губах заиграла слабая улыбка. — Впрочем, я верю Совету и полагаю, что он в любом случае сделает правильный выбор. Сэр Траффин, ваша группа настаивает на отправке чисто научной экспедиции?

— Нет, Ваше Высочество.

— Я думаю, что мнения лорда военного министра можно не спрашивать. Группа доктора Хорвата имеет перевес голосов. При планировании экспедиции такого рода требуется круг лиц, меньший, чем полный Совет. Поэтому я приглашаю в мой кабинет доктора Хорвата, сэра Траффина, лорда Армстронга и адмирала Кранстона. Адмирал, офицер, о котором мы говорили,

присутствует в зале?

— Да, Ваше Высочество.

— Пусть присоединится к нам.

Меррилл встал и, широко шагая, спустился с трона с такой скоростью, что у мажордома не было возможности соблюсти формальности.

Он запоздало стукнул посохом в пол и повернулся к трехмерному портрету Его Величества.

— ВОЛЕЮ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА СОВЕТ РАСПУЩЕН. ДА НАГРАДИТ ГОСПОДЬ МУДРОСТЬЮ ЕГО ВЫСОЧЕСТВО! БОЖЕ, ХРАНИ ИМПЕРАТОРА!

Когда все покинули зал, адмирал Кранстон взял Рода за руку и провел к незаметной дверке.

— А вы-то что думаете? — спросил Кранстон.

— Все очень любопытно, но вполне пристойно. Когда на Спарте я присутствовал на Совете, то решил, что они передерутся. Старый Бонин знает толк в собраниях.

— Да. А вы не запутались в нашей политической чепухе? Надеюсь, вы ориентируетесь в ней получше меня. Вы можете оказаться отличным кандидатом, капитан.

— Кандидатом, сэр? Куда?

— А разве не очевидно, капитан? Мы с Его Светлостью приняли решение еще накануне. Вы полетите на «Макартуре» к Мошке.

10
Убийца планет

У вице-короля Меррилла было два кабинета. Один — официальный, просторный, затейливо украшенный дарами и подношениями со множества планет. Со стены, возле которой красовался тисовый стол, инкрустированный слоновой костью и золотом, смотрело привычное трехмерное изображение Императора. Цветущие ковры из живых трав со Столешницы поглощали шум и очищали воздух, а для удобства репортеров, описывающих церемониальные торжества, в каменные стены были вделаны скрытые тривизийные камеры.

Род едва успел окинуть взглядом роскошный кабинет Его Высочества, а его уже провели в гораздо меньшую комнату, обставленную с почти монастырской простотой. Вице-король сидел за дюралепластовым столом. Волосы его были взъерошены, воротник форменного кителя расстегнут, а ботинки притулились у стены.

— Ага! Милости прошу, адмирал! А вот и младший Блейн! Как дела, парень? Ты, конечно, меня

не помнишь. Когда мы с тобой встречались, тебе стукнуло два года. Или три? Будь я проклят, память что-то меня подводит. Как поживает маркиз?

— Замечательно, Ваше Высочество. Я уверен, он послал…

— Разумеется. Твой батюшка — прекрасный человек. Кстати, бар — справа от тебя.

Меррилл схватил пачку бумаг и пролистал с бешеной скоростью — даже очертания страниц расплывались.

— Так я и думал, — пробормотал он, расписавшись на последнем листе и кинув документы в корзину — та кашлянула, и бумаги исчезли.

— Вероятно, я должен представить капитана Блейна остальным… — начал адмирал Кранстон.

— Конечно! Неужто я опять запамятовал? Доктор Хорват, мистер Армстронг, сэр Траффин — капитан Блейн, «Макартур». Сын маркиза Круциса.

— «Макартур»? — презрительно фыркнул доктор Хорват. — Понятно. Простите, Ваше Высочество, но я не понимаю, зачем *он* нужен вам здесь.

— Как — зачем? — переспросил Меррилл. — Прибегните к логике, доктор. Вы ведь знаете,

чему было посвящено наше совещание, верно?

— Я не говорю, что не уверен в сделанном мной выводе, Ваше Высочество, однако не вижу причин, почему этого… милитариста-фанатика нужно задействовать в планируемой экспедиции, имеющей столь серьезное значение для человечества.

— У вас претензии к одному из моих офицеров, сэр? — огрызнулся адмирал Кранстон. — Что ж, могу я спросить вас…

— Спросим, спросим, — заверил Меррилл, растягивая слова. Он швырнул в корзину очередную пачку бумаг и задумчиво смотрел, как она исчезает. — Доктор Хорват, полагаю, вы выскажете свои возражения, а мы их рассмотрим, — трудно было понять, кому предназначена улыбка вице-короля.

— Мои возражения очевидны. Неопытный юноша может вовлечь человечество в войну с первой негуманоидной цивилизацией, с представителем которой мы столкнулись. Адмиралтейство не сочло возможным уволить его, но я решительно возражаю против участия мистера Блейна в дальнейшем контакте с пришельцами. Сэр, вы же понимаете, какую гнусность он сотворил!

— Нет, сэр, не понимаю! — воскликнул воен-

ный министр Армстронг.

— Да ведь зонд прошел тридцать пять световых лет. В обычном космосе! Более ста пятидесяти лет полета! Такого не добивалась даже Первая Империя! И для чего? Чтобы в пункте назначения его искалечили, расстреляли, затолкали в трюм крейсера и доставили в… — голос министра науки сорвался.

— Блейн, вы расстреливали зонд? — спросил Армстронг.

— Нет, сэр. В нас стреляли. Я приказал перехватить зонд и осмотреть. После того как корабль чужаков атаковал «Макартур», я отсек его от солнечного паруса, который он использовал как оружие.

— Похоже, вам пришлось выбирать одно из двух: взять его на борт или дать ему сгореть, — добавил сэр Траффин. — Молодец, отлично сработали!

— Только потому, что зонд получил повреждения, — настаивал Хорват. — Когда в вас стреляли, почему вы не додумались зайти за парус и продолжать преследование? Использовать парус, как прикрытие? Не требовалось никого убивать!

— Инопланетная штуковина палила по имперскому военному кораблю! — взорвался

Кранстон. — И вы думаете, что мой офицер мог…

Меррилл поднял руку.

— Интересно, капитан, почему вы не поступили так, как сказал сейчас доктор Хорват?

— Я… — Блейн выпрямился, мысли путались. — Сэр, у нас заканчивалось топливо, и мы приближались к Каледу. Если бы мы продолжали следовать тем же курсом и ничего не меняли, то, в конце концов, потеряли бы контроль над ситуацией. Требовалась скорость, чтобы преодолеть гравитацию Каледа, и… я приказал идти на перехват, — он на мгновение замолчал и потер сломанный нос.

Меррилл улыбнулся.

— Еще вопрос, Блейн. Что вы думали, когда получили задание исследовать чужой корабль?

— Я был взбудоражен возможной встречей с пришельцем, сэр.

— Джентльмены, по-моему, он говорит вовсе не как безрассудный ксенофоб. Когда его корабль атаковали, он сумел защитить его. Доктор Хорват, если бы Блейн действительно расстрелял зонд — а это было бы простейшим решением, когда стало ясно, что тот может повредить его корабль, — я первый потребовал бы его отстранения от службы Его Величеству. В каком бы то ни было качестве.

А что делает Блейн? Осторожно разоружает зонд и идет на нешуточный риск — берет его на борт! Мне это нравится, джентльмены, — он повернулся к Армстронгу. — Дикки, объявите им наше решение по поводу экспедиции.

— Да, Ваше Высочество, — военный министр откашлялся. — Пойдут два корабля. Имперский линкор «Ленин» и линейный крейсер «Макартур». Естественно, «Макартур» будет переоборудован в соответствии с требованиями доктора Хорвата, и на его борту разместится гражданский штат экспедиции: ученые, коммерсанты, сотрудники Министерства внешней торговли и миссионеры, которых Его Преосвященство требует включить в экспедицию в дополнение к военному экипажу корабля. Как видите, «Макартуру» отводится ведущая роль в установлении контактов с пришельцами.

Меррилл многозначительно кивнул.

— Ни при каких обстоятельствах «Ленин» не берет на борт чужаков и не подвергает себя опасности захвата. А еще я должен быть уверен, что получу информацию о чужаках.

— А не слишком ли это?.. — спросил Хорват и осекся на полуслове.

— Нет, сэр, — отчеканил сэр Траффин. — Ричард

исходит из того, что у чужаков не должно быть возможностей завладеть полем Лэнгстона или движителем Олдерсона, и я полностью согласен с ним.

— Но если они… допустим, они захватят «Макартур»? — спросил Хорват.

— Тогда «Ленин» уничтожит «Макартур».

Блейн помрачнел, но промолчал.

— Подберите для принятия такого решения опытного человека, — произнес сэр Траффин. — Кого вы посылаете на «Ленине»?

— Адмирала Лаврентия Кутузова. Вчера мы отправили за ним курьерский корабль.

— Этого палача? — Хорват с размаху поставил стакан на стол и яростно посмотрел на вице-короля. — Ваше Высочество, я протестую! Из всех людей Империи вы выбрали худшего! Вы должны знать, что Кутузов был тем, кто зачистил Иштван! Он параноик! Сэр, умоляю вас пересмотреть свое решение! Человек вроде него способен на любое преступление! Сэр, одумайтесь! На Мошке — цивилизация разумных существ! Наш контакт может стать величайшим событием в истории, а вы хотите послать экспедицию под командой недоумка, который повинуется только рефлексам! Какое безумие!

— Еще большим безумием было бы послать экспедицию под командой человека вроде вас, — заметил Армстронг. — Не в обиду будет сказано, доктор, но вы смотрите на чужаков как на друзей и не видите потенциальной опасности. Похоже, я и мои друзья излишне бдительны, но лучше пусть уж ошибемся мы, а не вы…

— Совет… — слабо запротестовал Хорват.

— Это вопрос не для Совета, — заявил Мерилл. — Нам надо защищать Империю. Королевство не должно пострадать. А теперь давайте продолжим наше обсуждение. Кстати, подумайте о том, что скажет обо всем Имперский Парламент на Спарте? Признаюсь, независимо от мнения Совета я как представитель Его Величества в этом секторе уже принял решение.

— Ладно, — Хорват уныло сел, затем вновь вскочил. — Но вы упомянули, что «Макартур» будет переоборудован для научных нужд. И это будет исключительно научная экспедиция.

Мерилл помолчал.

— Вы правы, — наконец произнес он. — Надеюсь, вам не придется иметь дело с кораблем Кутузова. Он не должен вступать в какие-либо контакты и летит только для страховки.

Блейн осторожно прочистил горло.

— Говори, парень! — велел Армстронг.

— А что с моими пассажирами, сэр?

— Да-да! — спохватился Меррилл. — Племянница сенатора Фаулера и тот магнат. Думаете, они захотят присоединиться к вам?

— Я уверен, что Салли… то есть мисс Фаулер, захочет, — ответил Род. — Она отказалась отправиться на Спарту и каждый день заглядывает в Адмиралтейство.

— Студентка-антрополог, — буркнул Меррилл. — Если она сгорает от нетерпения, пожалуйста, пусть летит. Неплохо будет показать Лиге Человечества, что мы посылаем вовсе не карательный отряд. Если на борту «Макартура» будет молодая женщина — у Лиги Человечества не будет к нам никаких претензий. Но что нам делать с этим Бери?

— Не могу сказать, сэр.

— Узнайте, хочет ли он лететь, — вымолвил Меррилл. — Адмирал, у вас есть подходящий корабль, готовый отправиться в столицу?

— Корабль найдется, но я не доверяю Бери, — ответил Кранстон. — Вы ведь читали рапорт Плеханова.

— Да. Что ж… доктор Хорват хочет взять с собой торговцев. Думаю, его превосходительство с радо-

стью ухватится за удобный случай отправиться туда… В таком случае сообщите ему, что вы намерены вместо него пригласить его конкурентов. Блефуйте! Любой торгаш согласится пешком прогуляться по аду — лишь бы покончить с конкуренцией!

— Когда мы отправляемся, сэр? — спросил Род.

Меррилл помялся.

— Все зависит от людей Хорвата. Полагаю, работы много. «Ленин» будет здесь через месяц. Кутузова он заберет по пути. Почему бы вам не лететь, как только будет готов «Макартур»?

11
Церковь Его Имени

Монорельсовый вагон с громким шипением мчался на скорости сто пятьдесят километров в час. Пассажиры наслаждались воскресной поездкой и мало общались. Мужчины, расположившиеся в конце салона, пустили по кругу фляжку, но и они не шумели, а лишь улыбались и перемигивались между собой. Несколько ребятишек чинно сидели, вытянув шеи, и смотрели в окно, указывая на что-то и тихонько переговариваясь на непонятном диалекте.

Кевин Реннер вел себя подобным образом. Он наклонил голову и прильнул к чистому пластиковому окошку, чтобы получше рассмотреть чужой мир. На его губах блуждала улыбка.

Стейли сидел у прохода, Поттер расположился неподалеку.

Эти трое не были в отгуле, и хотя они уже закончили дежурство, их могли вызвать через карманные компьютеры. Военные техники на верфях Новой Шотландии занимались отскабливанием шлюпок «Макартура» от стен ангарной

палубы и заменой их на новые — под пристальным надзором Синклера. Поттер, их гид, конечно же, мог понадобиться Синклеру в любую минуту. Стейли помнил это, но виду не подавал. Он казался вполне довольным собой, несмотря на привычно напряженную позу.

В основном говорил Поттер.

— Видите два вулкана, мистер Реннер? — тараторил он. — Вон те, похожие на огромные коробки, образования возле их вершин? Это атмосферный контроль, без него наша атмосфера могла бы донельзя загрязниться!

— Но вы не могли очищать ее во время Сепаратистских войн! Как вы тогда вообще выживали?

— Плохо.

Ландшафт оказался изломанным: лоскутное одеяло возделанных полей сменял безжизненный, почти лунный пейзаж, правда, слегка смягченный эрозией. Странно было видеть широкие реки, беззаботно вторгавшиеся из полей в пустыню. Обычная придорожная сорная трава отсутствовала, как и другие дикие растения. У небольших рощиц, которые они сейчас проезжали, были такие же четкие границы, как и у геометрически ровных цветочных клумб, которые попадались им по пути.

— Люди начали осваиваться на Новой Шотландии еще триста лет тому назад, — сказал Реннер. — Почему окрестности до сих пор выглядят как в эпоху переселенцев?.. Я думал, у вас повсюду есть многокилометровые пахотные земли, но не увидел ничего подобного. Похоже, природа скоро возьмет свое.

— Часто ли вы встретите на колониальных планетах возделанную почву? В наше время люди расселяются быстрее, чем появляется пахотная земля. — Поттер резко выпрямился. — Ага! Мы въезжаем в Кветтин-Пэтч! Там вы и увидите настоящие поля!

Поезд мягко затормозил. Двери открылись, и часть пассажиров вышла. Военные с Поттером во главе тоже. Поттер шел чуть ли не вприпрыжку — наконец-то он попал в свой родной город.

Реннер замер.

— Потрясающе! Глаз Мёрчисона виден днем!

И верно, высоко на востоке горела звезда — красная искра, пылающая в голубом небе.

— Зато Лик Господа не разглядишь.

Кое-кто из горожан повернулся в сторону военных, и Поттер мягко произнес:

— Мистер Реннер, здесь не следует говорить «Лик Господа».

— Почему?

— Егоисты прибегают к иному названию. Его Лицо — вот так они говорят, и они никогда не упоминают Господа впрямую. Хороший прихожанин верит, что это — просто-напросто Угольный Мешок.

— Везде используют выражение «Лик Господа» — причем неважно, хорошие прихожане или нет.

— Везде, где нет егоистов. Если мы поторопимся, то еще засветло доберемся до Церкви Его Имени.

Деревушку Кветтин-Пэтч действительно окружали пшеничные поля. Дорогой служило бугристое базальтовое образование: можно было предположить, что здесь давным-давно лилась кипящая лава.

Однако Реннер предположил, что тут сел космический корабль, который и трансформировал ландшафт задолго до появления первых каменных зданий.

— А откуда взялись егоисты? — спросил Реннер.

— Есть легенда, — произнес Поттер и осекся. — А может, и не легенда. В общем, егоисты утверждают, что Лик Господа однажды проснулся.

— Что?

— Он открыл Свой единственный глаз.

— Думаю, именно тогда мошкиты использовали лазерные пушки для запуска солнечного паруса! И больше у вас нет никаких данных… кроме этой легенды?

— Нет, — Поттер поскреб подбородок. — Все произошло во время Сепаратистских войн. Вы же знаете, война нанесла нам громадный ущерб. Новая Шотландия осталась верна Империи, а Новая Ирландия — нет. Около пятидесяти лет мы сражались друг с другом, пока межзвездные корабли не переломались окончательно. Тогда связь с другими планетами оборвалась. Позже, в две тысячи восемьсот семидесятом году в систему вошел корабль. То был «Лей Кратер» — торговое судно, переделанное в военное, с мощным полем Лэнгстона и трюмом, напичканным торпедами. Даже при всех повреждениях «Лей Кратер» оказался самым мощным кораблем в Новой Каледонии. С его помощью мы уничтожили предателей Новой Ирландии.

— Битва произошла сто пятьдесят лет назад, а ты рассказываешь так, будто сам жил тогда.

Поттер улыбнулся.

— Мы принимаем свою историю очень близко

к сердцу.

— Да, конечно, — кивнул Стейли.

— Вы спрашивали о планах, — добавил Поттер. — В университетских записях ничего нет. Многие компьютерные файлы были уничтожены в дни войны. Что-то случилось и с Глазом, определенно, но наверняка — уже после главных сражений. Иначе бы это не произвело на людей впечатления.

— Почему? Лик… то есть Глаз — крупнейшая и самая яркая звезда на вашем небосклоне.

Поттер невесело рассмеялся.

— В годы войны мало кто любуется звездами. Я читал дневники. Люди прятались под университетским полем Лэнгстона. Когда опасность миновала, они вышли наружу, решились взглянуть на небо и обомлели. Прямо над полем боя мерцали загадочные огни и появлялись вспышки — как раз там, где еще совсем недавно взрывались корабли. Только по окончании войны люди вновь стали смотреть на небо без опаски. К примеру, те же астрономы, которые хотели понять, то же случилось с Глазом… В конце концов Говарда Литлмида посетило Божественное вдохновение.

— И он заявил, что Лик Господа является именно Ликом Господа.

— Верно. И многих убедил в этом… А мы уже на месте, джентльмены.

Церковь Его Имени оказалась одновременно и внушительной, и обшарпанной. Это было каменное строение, способное простоять века — и простоявшее. Но кладка уже истерлась, как будто ее ободрали песчаные бури, перемычки и карнизы потрескались, стены покрывали выжженные лазером инициалы и непристойные фразы.

Священник, высокий, с округлым лицом и мягким уступчивым взглядом, проявил неожиданную твердость, отказавшись пустить их внутрь. Поттер опрометчиво выпалил, что он горожанин. Церковь Его Имени много претерпела от горожан.

— Неужели вы думаете, что мы хотим ее осквернить? — возмутился Реннер.

— Вы — неверующие. Зачем вы пришли?

— Просто хотим увидеть изображение Лика… Его Лица во всем его величии. Посмотрим и уйдем. Если вы не впустите нас, мы вас заставим. Дело касается военно-космического флота.

Священник с презрением взглянул на него.

— Это Новая Шотландия, а не примитивная колония, оккупированная флотом. Понадобится приказ вице-короля, чтобы вломиться сюда. И вы

ведь не туристы, не так ли?

— Вы слышали про зонд чужаков?

Священник отчасти утратил свою самоуверенность.

— Да.

— Мы считаем, что его запустили лазерными пушками с Мошки.

Это привело священника в замешательство, но затем он захохотал и смеялся долго и громко. Сотрясаясь от смеха, он поманил визитеров за собой. Очутившись в церкви, священник молча прошел с ними по потрескавшейся плитке через весь зал, а затем вступил в главное святилище.

И встал в стороне, поглядывая на их лица.

Лик Господа занимал половину стены и напоминал гигантскую голограмму. Звезды у края оказались слегка размазаны, что бывало только с древними голограммами.

Глаз на Лике горел чистым зеленым огнем — пугающе ярким… и с красным пятнышком на нем самом.

Могло показаться, что Глаз пронизывает зрителя насквозь, а потом уводит за собой — прямо в бесконечность.

— Боже мой! — воскликнул Стейли и поспешно добавил: — То есть я хотел сказать… Ну и ну!

Какую индустриальную мощь должен иметь мир, чтобы послать такой свет на тридцать пять световых лет!

— Я не забыл ни единой детали… — прошептал Поттер.

— Полюбовались? — напевно произнес священник. — По-вашему, это игра красок? Ну, довольно с вас?

— Да, — ответил Реннер, и они покинули святилище.

Выйдя из церкви, они остановились. Реннер покачал головой.

— Нисколько не порицаю Литлмида, — сказал он. — Удивительно, как он не обратил в свою веру всю планету!

— Мы упрямы, — заметил Поттер. — Эта точка на ночном небе всегда слишком явственна и…

— Идеальна для простаков? — подсказал Реннер.

— Да. На Новой Шотландии люди не терпят, когда с ними обращаются как с тупицами, даже Он.

Вспомнив потрепанное временем здание, Реннер вздохнул.

— Думаю, Церковь Его Имени переживает худшие дни с тех пор, как Литлмид увидел свет.

— Да. А в две тысячи девятьсот втором году Глаз

погас… Сто пятнадцать лет назад. Событие хорошо задокументировано. И астрономия умыла руки — до возвращения Империи.

— Мошка погасла внезапно?

Поттер пожал плечами.

— Не могут вам сказать. Вероятно, это произошло постепенно… или нет… так или иначе, никто сперва ничего не заметил. Вы, конечно, понимаете, что людская цивилизация отвоевала у бесплодного мира не так уж много места, и люди чаще смотрели себе под ноги, а не обращали взоры к небу. Но, мистер Реннер, когда той ночью Угольный Мешок поднялся из-за горизонта, он уже смахивал на слепца. Для егоистов Господь словно опять погрузился в сон.

— Забыв про них?

— Говард Литлмид принял изрядную дозу снотворного. Егоисты говорят, торопился на встречу с Господом.

— Да… такое объяснение было необходимо, — протянул Реннер. — Что-то вы притихли, мистер Стейли.

Хорст мрачно взглянул вверх.

— Они в силах построить лазерную пушку, которая полыхает в нашем небе, а мы снаряжаем военную экспедицию! Мы полетим в самое

пекло!

12
Спуск в Ад

С большим трудом удалось собрать всех на ангарной палубе. Закрытые шлюзовые створы — их недавний ремонт бросался в глаза — оказались единственной просторной площадкой, способной вместить сразу и команду корабля и научный персонал, — но и здесь едва хватало свободного места.

Ангар был забит оборудованием и снаряжением: посадочная шлюпка, баркас, катер, научные приборы, корабельные запасы и устройства, о назначении которых Блейн даже не догадывался. Люди доктора Хорвата настаивали на погрузке всего оборудования на случай, если что-то вдруг срочно понадобится, военные с трудом сдерживали натиск ученых.

Экспедицию такого рода организовывали впервые, и на «Макартуре» воцарился хаос.

Огромное пространство было забито под завязку. Сюда прибыли вице-король Меррилл, министр Армстронг, адмирал Кранстон, кардинал Рэндольф и множество других высокопоставленных

(и не очень) гостей.

Сам Род надеялся, что его подчиненные сумели должным образом подготовиться к отлету. Дни выдались суматошными, а ведь еще следовало разобраться с горой бумаг и написать рапорты. В общем, для генеральной проверки «Макартура» оставалось совсем мало времени. Сейчас, в ожидании прощальной церемонии, Род мечтал поскорее покончить со столичной жизнью и осесть отшельником на борту «Макартура».

А теперь в течение года его начальником будет адмирал Кутузов. Род подозревал, что адмирал не вполне доволен командиром подчиненного ему корабля. Русский явно был далек от церемонии, проходившей в ангарном шлюзе «Макартура».

Не заметить Кутузова было невозможно. Массивный, плотный мужчина с грубоватым чувством юмора, он смахивал на общественного деятеля из учебника по русской истории и говорил точно так же. Частично это явилось следствием его воспитания на Святой Екатерине, но главную роль играли личные пристрастия. Долгие часы Кутузов проводил, изучая древнерусские обычаи и усваивая традиции своего народа. Мостик его флагманского корабля украшали иконы, в каюте кипел самовар, а команда разучивала

то, что Кутузов считал точным воссозданием казачьих танцев.

Во флоте укоренилось мнение, что Кутузов — настоящий универсал: чрезвычайно компетентный, неукоснительно выполняющий любые полученные приказы и настолько не нуждающийся в человеческом сострадании, что рядом с ним люди испытывали неловкость. Поскольку флот и Парламент официально одобрили действия Кутузова, приказавшего уничтожить восставшую планету, — а Имперский Совет постановил, что данная суровая мера предотвратила распространение мятежа по всему сектору, — адмирала приглашали на общественные мероприятия, но никто не огорчался, если он отказывался от приглашения.

— Похоже, наша главная проблема состоит в том, чтобы совладать с безумными русскими обычаями, — проворчал Синклер, когда офицеры «Макартура» обсуждали своего нового адмирала.

— Они ничем не хуже шотландских, — возразил первый лейтенант Каргилл. — По крайней мере, Кутузов не пытается заставить нас понимать свой родной язык. Кутузов неплохо изъясняется на англике.

— По-твоему, мы на Шотландии говорим не на

англике? — взвился Синклер.

— Думай что угодно, — ответил Каргилл, но затем что-то прикинул и произнес: — Сэнди, ты остынь немного. Порой, когда ты волнуешься, я ничего не могу понять, но… давай-ка лучше выпьем, ладно?

«А Каргилл хочет вести себя с Синклером по-дружески, — подумал Род. — Причина ясна: пока корабль — на Новой Шотландии и им занимаются люди с верфей под началом Макферсона, Каргилл не будет раздражать старшего механика. Иначе дело может дойти до переезда из каюты… или чего-нибудь похуже».

Вице-король Меррилл что-то вещал. Род отогнал посторонние мысли и принялся напряженно вслушиваться в журчание начальственного голоса.

— Повторяю, я действительно не вижу в этой затее смысла, капитан. Можно было провести церемонию и на земле — в прямом смысле этого слова… хотя бы ради вас, ваше преподобие.

— Прежде корабли покидали Новую Шотландию без моего благословения, — буркнул кардинал. — Но их никогда не отправляли на задания, столь озадачивающие церковь! Значит, юному Харди будет над чем поломать голову, — и он

указал на приданного экспедиции священника.

Дэвид Харди оказался вдвое старше Блейна, и потому характеристика, выданная кардиналом, была весьма относительной.

— Итак, вы готовы?

— Да, Ваше Преосвященство! — Блейн кивнул Келли.

— ЭКИПАЖ, ВНИМАНИЕ!

Бормотание как отрезало, хотя стихло оно не так быстро, как могло бы, не будь на борту штатских.

Отец Харди передал кардиналу серебряное ведерко и кропило — жезл, увенчанный полым шаром. Кардинал Рэндорф окунул шар в ведро и брызнул водой на собравшихся.

— Окропи меня, и буду чист. Омой меня, и буду белее снега. Во имя Отца, Сына и Святого Духа.

— Ныне, присно и во веки веков.

— Аминь, — машинально отозвался Род.

Верил ли он во все это? Или просто являлся дисциплинированным солдатом? Он не мог решить, но радовался, что увидел кардинала. «Макартуру» могла пригодиться любая помощь…

Официальные лица сели в атмосферный флаер, прозвучал предупреждающий гонг. Команда «Макартура» бросилась прочь с ангарной палубы, а

Род шагнул в камеру воздушного шлюза. Завыли помпы, выкачивая из ангара воздух, и громадные створки дверей распахнулись. «Макартур» тем временем замедлил вращение, сообщаемое ему центральным маховиком. Будь на борту флаера только военные, суденышко могли бы запустить и при вращении по дуге, но из-за вице-короля и кардинала это оказалось невозможно. Посадочная шлюпка легко стартовала со скоростью 150 см/сек и вылетела наружу.

— Закрыть и задраить! — приказал Род. — По местам! Начинаем разгон. — Он повернулся и поплыл к мостику: сила тяжести стала нулевой.

За его спиной через все пространство ангарной палубы протянулись телескопические стяжки.

«Наконец-то», — подумал Род.

Конечно же он знал, что конструкция ангаров военных космических кораблей была нарочно усложнена, поскольку шлюпки для корректировки огня должны запускаться быстро, а огромное пустое пространство ангара перед полетом следовало дополнительно укрепить, чтобы не нарушать жесткости конструкции. Сейчас, вместе с дополнительными шлюпками ученых Хорвата, добавленными к полному комплекту оборудования «Макартура», палуба превратилась

в лабиринт флаеров, стяжек и контейнеров.

Итак, «Макартур» был набит битком. Никто не занимался привычными делами в ожидании ускорения: люди так и сновали по коридорам «Макартура». Некоторые из ученых успели натянуть отдельные части комплекта полевого обмундирования из бронеткани, перепутав сигнал к началу ускорения с боевой тревогой. Другие замерли в узких проходах, преграждая дорогу членам экипажа и не зная, на что решиться. Старшины, лишенные права наподдать гражданским или сделать что-нибудь похлеще, громко орали.

Спустя несколько минут Род добрался до мостика: позади него офицеры и боцманы расчищали проходы и докладывали о готовности. Блейн не винил экипаж в неспособности справиться с учеными, но и махнуть рукой на происходящее не мог. Кроме того, если он простит своих людей, те утеряют возможность справляться со штатскими. Он не может угрожать ученым, министру и торговым представителям, но если проявит достаточно твердости с собственной командой, штатские могут последовать примеру офицеров и…

«Нет, такая теория никуда не годится», — подумал Род. Глядя на монитор, где два космодесантника и четыре гражданских техника запутались

и никак не могли разойтись возле следующей за кают-компанией переборки, Род мысленно выругался, предвидя будущую работу. Но ничего, в полете они как-нибудь справятся с ситуацией. Наверное.

— Сигнал от флагмана, сэр. Держать курс на «Редпайнз»?

— Есть, мистер Поттер. Мистер Реннер, принимайте командование и следуйте за танкером номер три.

— Есть, сэр, — буркнул Реннер. — Итак, отправляемся. Жаль, устав не предусматривает шампанское в такие минуты.

— Мне кажется, вам и так хватает дел, мистер Реннер. Адмирал Кутузов требует, чтобы мы соблюдали то, что у него называется «правильным построением».

— Да, сэр. Прошлой ночью я говорил об этом со штурманом «Ленина».

— Уф-ф! — Род плюхнулся в командирское кресло.

«Пожалуй, предстоит трудное путешествие, — пронеслось у него в голове. — И еще орава ученых на борту... — Доктор Хорват настоял на своем присутствии, что сулило нешуточные проблемы. Корабль был переполнен галдящими граждан-

скими, и большинство офицеров «Макартура» ютилось в ставших чересчур тесными каютах. Младшие лейтенанты развешивали свои гамаки в кают-компаниях младших же офицеров вместе с гардемаринами. Космодесантники теснились в комнатах отдыха, поскольку их казармы заполняло научное оборудование. Род уже начинал думать, что Хорват выиграл спор с адмиралом Кранстоном: ученый хотел взять в поход десантный корабль с его практически бездонными ангарами.

Адмиралтейство поставило крест на этой идее. Экспедиция должна состоять из кораблей, способных защититься, и только из них, — таков был вердикт. Танкерам полагалось сопроводить флот до Глаза Мёрчисона, но к Мошке они не летели.

Из уважения к штатским полет протекал при полутора *g*. Род страдал из-за шумных приемов и дискуссий между учеными и экипажем и отбивал попытки астрофизика доктора Бакмана монополизировать время Салли.

Первый прыжок оказался совершенно обычным. Точка перехода в Глазу Мёрчисона была хорошо известна. В миг перед тем как «Макартур» прыгнул, Новая Каледония превратилась в ослепительную белую точку, а затем красным

пламенем засиял Глаз Мёрчисона — он достигал размера бейсбольного мяча, если держать его на вытянутой руке.

Флот двинулся прямо к нему.

Гэвин Поттер поменялся гамаками с Хорстом Стейли. Это стоило ему недельной стирки белья, но сделка была выгодной.

Из гамака Стейли мог таращиться в иллюминатор.

Разумеется, сам иллюминатор был расположен под гамаком, в цилиндрическом вращающемся полу кают-компании младших офицеров. Поттер лежал ничком и улыбался.

Уитбрид лежал в своем гамаке навзничь, прямо за вращающейся переборкой. Прежде чем заговорить, он несколько минут наблюдал за Поттером.

— Мистер Поттер?

Новошотландец повернул к нему голову.

— Да, мистер Уитбрид?

Уитбрид продолжал смотреть на него, заложив руки за голову. Он отлично понимал, что одержимость Поттера Глазом Мёрчисона нисколько его не касается. Непостижимым образом Поттер продолжал сохранять вежливость. Как ему такое удавалось?

На борту «Макартура» устраивались увеселительные мероприятия, но гардемарин не мог на них просочиться. Свободным от дежурства гардемаринам полагалось развлекаться вдали от штатского общества.

— Поттер, помнится, ты пришел на борт старины «Мака» на Дагде, перед тем как мы отправились на перехват зонда.

Хорст Стейли, свободный от дежурства, растянулся на бывшей койке Поттера и покосился на него. Уитбрид, казалось, ничего не заметил.

Поттер заморгал.

— Да, мистер Уитбрид, вы правы.

— В таком случае кто-нибудь должен тебя просветить — и, судя по всему, выбор пал на меня. В твой первый полет мы двигались прямо на звезду F8. Надеюсь, то путешествие не оставило у тебя плохих впечатлений о службе.

— Вовсе нет. Это было очень волнующе, — вежливо произнес Поттер.

— Полет к солнцу. Такое редко бывает даже во время службы, — глубокомысленно сказал собеседник Поттера. — Вот так-то. Но я думал, кто-нибудь уже поговорил с тобой, — добавил он.

— Но, мистер Уитбрид, разве теперь мы не идем прямо к звезде?

— Что? — воскликнул Уитбрид.

— Корабли Первой Империи не обнаружили точку перехода от Глаза Мёрчисона к Мошке. Наверное, им это и не требовалось, хотя можно предположить, что подобные попытки предпринимались и раньше, — серьезно сказал Поттер. — Конечно, мой опыт работы в космосе очень мал, но я вовсе не невежда, мистер Уитбрид. Глаз Мёрчисона — красный сверхгигант, громадная враждебная звезда величиной с орбиту Сатурна в Солнечной системе. И, вероятно, что точка Олдерсона к Мошке — если она вообще существует — внутри самой звезды. Разве не так?

Хорст Стейли приподнялся на локте.

— По-моему, он не ошибается. Такая теория может объяснить, почему никто не говорил о точке перехода. Все знали, где она…

— Но никто не захотел взглянуть попристальнее. Бинго! — Уитбрид сел и скорчил гримасу отвращения. — И она именно там, куда мы идем! Значит, опять!..

— Именно, — Поттер усмехнулся и уставился в иллюминатор.

— Как странно! — запротестовал Уитбрид. — Можешь не верить, если не хочешь, но уверяю тебя, нам не часто приходится буквально влетать

в звезды. Не чаще чем в двух рейсах из трех, — он помолчал. — И того многовато.

Флот затормозил и завис неподалеку от размытого края Глаза Мёрчисона. Вопрос об орбитах не возникал. На таком расстоянии притяжение сверхгиганта было столь слабым, что могли пройти годы, прежде чем корабль «упадет» в него.

Танкеры пристыковались к военным кораблям, и началась заправка.

Между Горацием Бери и астрофизиком Бакманом крепла непонятная дружба. Бери порой недоумевал: чего Бакман хотел от него?

Бакман был худым, угловатым, с по-птичьи тонкими костями. Глядя на него, казалось, что иногда он целыми днями не вспоминает о еде. Похоже, его не заботило никто и ничто в мире, который Бери считал реальным. Люди, время, власть, деньги являлись лишь средствами, которые Бакман использовал для изучения загадочных процессов, протекающих в звездах. Почему же он искал общества магната?

Впрочем, Бакман любил поболтать, а у Бери было время послушать. В те дни «Макартур» напоминал улей, где роились сверхделовитые пчелы, а в каюте Бери всегда находилось свобод-

ное местечко.

«А может, — цинично рассуждал Бери, — новоиспеченному приятелю пришелся по вкусу мой кофе». Бери взял на борт дюжину сортов кофе, свою личную кофемолку и множество фильтров. Он отлично понимал, что его кофе отличается от того пойла, который заваривают в огромных корабельных чанах.

Вот и сейчас Набиль сварил им кофе, а они тем временем следили за заправкой по экрану Бери. Танкер, который заправлял «Макартур», не попал в поле обзора, зато «Ленин» и второй танкер можно было различить — вырисовывающиеся на фоне размазанного пурпура два абсолютно черных яйца, соединенные серебряной пуповиной.

— Вряд ли мы сильно рискуем, — пробормотал доктор Бакман. — Вы думаете об этом как о спуске на солнце, Бери. Технически, конечно, так и есть. Но звезда в принципе плотнее Каледа или любого другого желтого карлика. Думайте о ней как о раскаленном докрасна вакууме. Разумеется, за исключением ядра: оно, вероятно, крошечное и донельзя плотное.

— Нам откроется неизведанное, — продолжал Бакман, рассеянно глядя куда-то вдаль.

Бери, следивший за ним, немного разнервни-

чался. С ним и прежде такое случалось, но редко. Такое состояние буквально сигнализировало о том, что Бери столкнулся с человеком, которого нельзя купить ни за какие деньги — по крайней мере из тех, коими располагал магнат.

Но Бери использовал свое знакомство с физиком примерно так же, как и сам Бакман. Общаясь с ним, Гораций мог расслабиться, и ему это нравилось.

— Я думал, вы уже все знаете о Глазе, — заметил он, успокоившись.

— Вы об исследованиях Мёрчисона? Слишком много записей утрачено, а часть оставшегося не заслуживает доверия. После прыжка я снял показания с приборов. Бери, доля тяжелых частиц в солнечном ветре чересчур высока, а гелия — просто чудовищна! Однако сам корабль Мёрчисона никогда не входил собственно в Глаз. Только теперь мы *действительно* изучаем его, — Бакман нахмурился. — Надеюсь, приборы не подведут. Но им придется поработать за пределами поля Лэнгстона. Думаю, мы некоторое время пробудем внизу, в том разогретом докрасна тумане, и, если поле вырубится, они все разом сломаются.

Бери изумленно уставился на него и расхохотался.

— Да, доктор, несомненно!

Бакман поднял брови.

— А-а, я понял, на что вы намекаете! Мы и сами можем погибнуть, да? Об этом я как-то не подумал.

Раздались предупреждающие сирены. «Макартур» начал входить в Глаз.

В ухе у Рода прозвучал назойливый сигнал вызова.

— Рапорт механиков, капитан! Системы в порядке. Поле стабильно. Наши опасения пока не подтвердились — снаружи не очень жарко.

— Отлично, — произнес Блейн. — Спасибо, Сэнди.

Род посмотрел на танкеры, летевшие к звездам. Они были уже за тысячи километров — яркие точки света — и уменьшались с каждой секундой. Скоро их можно будет увидеть только в телескопы.

Соседний экран показывал белое пятно в красном тумане: «Ленин» спускался все глубже в багровое марево. Команда «Ленина» искала точку Олдерсона — если та вообще была именно здесь, а не на другом участке.

— Но поле рано или поздно перегрузится, — продолжал Синклер. — У нас не будет возможности

сбрасывать тепло, и оно станет накапливаться. Даже космическое сражение по сравнению с этим испытанием покажется вам детской забавой, капитан. Не излучая энергию в пространство, мы выдержим максимум семьдесят два часа. Что случится позже — неизвестно. Никто до нас не пытался проделать этот безумный трюк.

— Да.

— Кто-нибудь мог, — беспечно сказал Реннер.

Он прислушивался к их разговору со своего места на мостике. «Макартур» шел с одним *g*, но внимание штурмана все равно требовалось: сопротивление фотосферы оказалось выше, чем ожидалось.

— Думаю, Мёрчисон пробовал. У Первой Империи корабли были помощнее наших.

— Может быть, — отозвался Род.

Он смотрел, как «Ленин» уходит вдаль, прокладывая путь «Макартуру», и чувствовал беспричинное раздражение. «Макартур» мог быть первым…

Старшие офицеры сидели на рабочих постах.

Род задумался. Конечно, если поле действительно поглотит столько энергии, у него не будет никакого выбора, но он ведь останется капитаном «Макартура», верно? Кроме того, Род лучше

чувствовал себя в командирском кресле. Незачем ему слоняться без дела. Хотя вообще-то ясно было, что он тут не нужен.

От «Ленина», наконец-то, пришел сигнал, и «Макартур» заглушил двигатели. Громко взвыли сирены, и корабль начал вращение. Новое сообщение известило о завершении перегрузок. Экипаж и пассажиры отстегнули ремни и выбрались из кресел.

— Нижняя вахта свободна, — сказал Род, посмотрев на монитор.

Реннер встал и потянулся.

— Ничего не поделаешь, капитан. Мы замедлим движение, когда фотосфера уплотнится, но это обычное явление. Трение в любом случае будет тормозить нас. — Он взглянул на свой монитор и спросил: — Ого! Плотность меньше, чем мы полагали, атмосферы нет, но все показатели гораздо выше, чем у солнечного ветра?

Блейн кивнул. «Ленин» по-прежнему маячил впереди, у границы обнаружения, и двигатели корабля не работали. Он казался черной занозой в экранах, четыре тысячи километров раскаленного докрасна тумана размазывали его контуры.

Глаз сгущался вокруг них.

Род пробыл на мостике еще час, тщетно убеждая

себя, что ему надо размять кости и прогуляться по кораблю. В конце концов он махнул на себя рукой.

— Мистер Реннер?

— Да, сэр?

— Я вас отпускаю. Отправьте сюда мистера Кроуфорда.

— Слушаюсь, сэр. — И Реннер направился в свою каюту.

Он пришел к тому же выводу — что не нужен на мостике — еще пятьдесят восемь минут назад. Сейчас бы встать под горячий душ и поспать на койке, отдохнуть от жесткого кресла…

На трапе, ведущем к его каюте, как обычно, было не протолкнуться. Кевин Реннер целеустремленно протискивался сквозь толпу, когда кто-то, пошатнувшись, налетел на него.

— Черт побери! — прорычал он. — Доктор Хорват, я полагаю?

— Примите мои извинения, — министр науки попятился и попытался изобразить улыбку. — Я еще не привык к вращению «Макартура». Впрочем, как и остальные штатские. Кориолисовая сила швыряет нас из стороны в сторону!

— Не сила, а чужие локти, — шутливо поправил его Реннер и усмехнулся. — Пожалуй, на трапе

локтей в шесть раз больше, чем людей на борту корабля, док. Я недавно считал.

— Очень смешно, мистер… Реннер, кажется? Пилот Реннер. Видите ли, Реннер, толкотня беспокоит моих людей не меньше, чем ваших. Если бы мы могли держаться где-нибудь подальше, иметь свой отсек… Но так, увы, нельзя. Данные о Глазе необходимо собрать. Другого шанса у нас не будет.

— Понимаю, доктор, и сочувствую. Но если бы вы… — Мечта о горячем душе и чистых простынях отступила, когда Хорват схватил Реннера за лацканы.

— Еще минуточку, прошу вас! — Хорват пытался что-то вспомнить. — Мистер Реннер, вы были на борту «Макартура», когда захватили зонд, да?

— Да, доктор.

— Я бы хотел поговорить с вами.

— Сейчас? Но, док, в любой миг я могу понадобиться…

— Это крайне необходимо.

— Мы летим сквозь фотосферу звезды, как вы могли заметить. — «А я не мылся уже три дня, и вы наверняка это почувствовали», — мысленно добавил Реннер, но сдался, пристально посмотрев Хорвату в глаза. — Ладно, доктор, только давайте

уйдем с трапа.

В каюте Хорвата было тесно, как и везде на корабле, зато имелись крепкие стены. В основном экипаж «Макартура» считал такие стены незаслуженной роскошью, но Хорват имел другое мнение на данный счет.

Хорват убрал койку в переборку и быстро выдвинул откуда-то два раскладных кресла.

— Садитесь, Реннер! В этом перехвате меня кое-что беспокоит. Надеюсь услышать вашу объективную оценку. Вы-то ведь не кадровый военный.

Пилот Реннер и не думал ничего отрицать. Раньше он был помощником на торговом судне. Он мог бы даже стать капитаном, набравшись опыта и покинув флот. Но он не собирался возвращаться на торговое судно.

— Скажите мне честно, Реннер, было ли действительно так необходимо атаковать зонд? — спросил Хорват, усаживаясь в кресло.

Реннер расхохотался.

Хорват проглотил и это, хотя лицо у него сделалось таким, как будто он съел несвежую устрицу.

— Ладно, — сказал Реннер. — Смеялся я зря. Вас тогда на борту не было. Вам известно, что

зонд двигался прямо на Калед с максимальным ускорением?

— Естественно, но я ценю, что и вы поступили подобным образом, проявили недюжинную смелость. Но стоило ли так рисковать?

— Доктор Хорват, капитан Блейн удивил меня дважды. Чрезвычайно удивил!.. Когда зонд атаковал нас, я хотел обойти край его паруса, прежде чем нас поджарят. Может, я и увел бы нас вовремя, а может, и нет. Но капитан провел нас *СКВОЗЬ* парус. Как же он здорово все придумал! Вот о чем следовало догадаться мне самому в те минуты. Блейн — просто гений… конечно, помимо того, что он — маньяк-самоубийца.

— Что?!

Реннер вмиг стал серьезным.

— Мы потеряли много времени и едва не протаранили звезду. Я не верил, что мы сумеем поймать инопланетную проклятую штуковину так быстро…

— Блейн сделал это сам?

— Нет, он передал управление Каргиллу, который знаком с маневрами при высокой силе тяжести лучше всех на борту. Послушайте, док, капитан выбрал настоящего профессионала для той операции и не мешал ему.

— Значит, вы пошли на перехват?

— Решительно и без колебаний.

— А потом захватили зонд. Ясно, — Хорват скривился, как будто опять слопал несвежую устрицу. — Но «Макартур» еще и стрелял по нему. Первым…

— Нет. Первым выстрелил зонд.

— Это была противометеоритная защита!

— Ну и что?

Хорват поджал губы.

— Ладно, док, попробуем иначе. Допустим, вы оставили на холме свою машину с неисправными тормозами, она скатилась по склону и задавила насмерть четырех человек. Что вы скажете по этому поводу с точки зрения этики?

— Чудовищно! Но продолжайте, Реннер.

— Ну а мошкиты являются разумными созданиями, как и мы с вами, док. Вы согласны?.. Предположим, что они создают противометеоритную защиту. В таком случае они отвечают за то, чтобы она не выстрелила в нейтральный космический корабль.

Хорват надолго замолчал. А Реннер принялся тоскливо размышлять об ограниченном объеме бака с горячей водой в офицерской кают-компании.

Спустя некоторое время лицо Хорвата приняло обычное выражение и его мимические морщины слегка разгладились. «Вот и хорошо», — подумал Реннер.

— Спасибо, мистер Реннер, — наконец, произнес Хорват.

— Не за что, — ответил Реннер и встал.

И тотчас завыли сирены.

— Боже, это по мою душу! — и штурман помчался на мостик.

Похоже, они изрядно углубились в пределы Глаза — достаточно, чтобы звездная масса приобрела ярко-желтый цвет. Индикаторы поля тоже стали желтыми, но с оттенком зелени.

Реннер мельком взглянул на полдюжины экранов мостика. Затем он посмотрел на диаграммы на своем мониторе.

— А где линкор? «Ленин» прыгнул?

— Точно, — ответил гардемарин Уитбрид. — Теперь наша очередь, сэр.

Блейн выпрямился на мостике во весь рост.

— Принимайте командование, мистер Реннер! Ваше место может занять пилот.

— Слушаюсь, сэр. — Реннер повернулся к Уитбриду: — Я сменю тебя.

Пальцы Реннера забегали по клавишам, и вся-

кий раз, когда он нажимал «Ввод», на его экране бежали все новые и новые строчки. Данных было слишком много.

Предупреждения шли одно за другим:

— ПРЫЖКОВЫЕ ПОСТЫ, БОЕВЫЕ ПОСТЫ — ПРИГОТОВИТЬСЯ К ВЫСОКОМУ УСКОРЕНИЮ!

«Макартур» готовился к встрече с неведомым.

Часть вторая
Точка безумного Эдди

13
Взгляд вокруг

Она первая обнаружила пришельцев.

Она изучала бесформенную массу каменного астероида, который, как оказалось, состоял в основном из пустых помещений. Некоторые ранние цивилизации высекали здесь комнатки, укромные уголки, резервуары и хранилища, а затем объединяли их в более просторные помещения — и, в конце концов, астероид превратился в каменный улей. Но все это произошло давным-давно и не представляло для нее интереса.

Гораздо позже в этих астероидных конструкциях появились дюжины углублений. Толстые стены постепенно утончались: каким-то образом (возможно, с помощью химических реакций) из камня получали воздух. Но сейчас здесь не было кислорода. Исчез и металл. Мумии и камни… сплошные камни…

Еще немного — и для Инженера не осталось бы ничего.

Она выбралась из отверстия в стене астероида: все воздушные шлюзы были задраены и запечата-

ны вакуумной сваркой. Кроме того, с них были сняты металлические детали.

И теперь она увидела это, правда, очень далеко — крошечную мерцающую искру света напротив Угольного Мешка. Весьма ценное наблюдение! Но любое наблюдение в данном случае было ценным.

Инженер вернулась к кораблю.

Сперва ей показалось, что телескоп и спектрометр вышли из строя. Там мельтешили две золотистые черточки, каждая из которых была окутана непонятной темной массой. Что же случилось? Инженер принялась терпеливо возиться с приборами, перенастраивая и переградуируя их. Ее руки работали с неуловимой быстротой, ведомые инстинктами тысячи Циклов.

Нужно проникнуть сквозь силовое поле. И у нее есть прибор, позволяющий это сделать.

Вскоре, нечетко, но она все же сумела различить крупные объекты.

Не веря себе, она посмотрела еще раз.

Металл. Огромное количество металла.

Она задумалась. Надо бы осмотреть сокровище.

Но Инженер была не слишком вольна в своих поступках.

«Макартур» пребывал в обычном пространстве, а Род все еще старался справиться с предательски негнущимися мышцами. Когда красное марево перед глазами рассеялось, Род смог рассмотреть членов экипажа. Все были заняты делом.

Связь с «Лениным» была надежной, и Род вздохнул свободнее. Они справились. Почему бы не насладиться космическими видами?

Сначала он увидел Глаз. Пылающий ярче сотни полных лун и по-прежнему одинокий на черном бархате Угольного Мешка.

На противоположной стороне сверкала Мошка, окруженная россыпью звезд.

Род покосился на монитор. Все приборы показывали одно и то же: сотни звезд и одно далекое солнце. С правого борта виднелось пятно. Это был «Ленин». Поле Лэнгстона излучало энергию, собранную в Глазе.

Адмирал Кутузов провел последнюю проверку и вызвал Блейна. Пока потенциальная угроза сохранялась, ученые на борту «Макартура» были под его опекой.

Род приказал подать кофе и стал ждать данных.

Сначала поступало чрезвычайно мало новой информации. Мошку отделяли от Новой Каледо-

нии всего тридцать пять световых лет, и имелось множество докладов, часть которых подписал сам Джаспер Мёрчисон. Звезда типа G2, более холодная, чем Солнце, не столь крупного диаметра, не столь массивная и обладающая меньшим количеством энергии. Сейчас она почти не проявляла активности, и астрофизики считали ее «скучной».

Род знал о газовом гиганте еще до старта.

Астрономы прошлого пришли к выводу о его существовании на основании возмущений орбиты Мошки вокруг Глаза. Сейчас они обнаружили этот гигант там, где и предполагали. Он оказался тяжелее Юпитера, но меньше, более плотный, с ядром из «вырожденной» материи. Пока ученые занимались исследованиями, военные проложили курс к газовому шару, на тот случай, если какому-нибудь кораблю потребуется дозаправка. Черпать водород из его атмосферы, двигаясь по гиперболической орбите, — тяжкое испытание и для корабля, и для команды, но все же — это лучше, чем дрейфовать в чужой системе.

— Мы ищем троянские точки, капитан, — сказал Бакман Роду через два часа после перехода.

— Никаких признаков планеты Мошки?

— Пока нет, — и Бакман отключился.

И почему это Бакман такой дерганый?

В шестидесяти градусах перед газовым гигантом находились две точки устойчивого равновесия. Их называли троянскими — по аналогии с троянскими астероидами, расположенными на таких же участках на орбите Юпитера. В течение миллионов лет они собирали пылевые облака и обломки астероидов. Но почему именно они интересовали Бакмана?

Астрофизик позвонил, когда нашел троянцев.

— Набиты под завязку! — воскликнул он. — Каждая из них представляет собой систему беспорядочно расположенных астероидов, причем в одной хлама гораздо больше, чем в другой. Странно, почему из них не сформировалась пара лун…

— Вы нашли обитаемую планету?

— Пока нет, — повторил Бакман, и экран погас.

Прошло три часа после перехода.

Бакман вышел на связь спустя полчаса.

— У астероидов в троянских точках *очень* высокое альбедо, капитан. Они наверняка покрыты пылью. Это может объяснить, как могли быть захвачены такие крупные обломки. Облака пыли тормозили их, после чего гладко отшлифовывали…

— Доктор Бакман! В системе есть обитаемая планета, и нам необходимо ее обнаружить! Первая разумная раса может выйти с нами на прямой контакт…

— Будь я проклят, капитан, но мы ведем наблюдение! Ведем! — Бакман принялся озираться по сторонами.

Экран на мгновение потемнел, показывая только техника на заднем плане, а затем Блейн увидел министра науки Хорвата.

— Прошу прощения, что перебиваю, капитан, — произнес Хорват. — Насколько я понимаю, вы недовольны методами наших исследований?

— Доктор Хорват, я не собираюсь вмешиваться в ваши дела. Но вы забрали все мои приборы, а рассказываете только об астероидах. Что происходит?

Хорват миролюбиво ответил:

— Это не сражение, капитан. — Он помолчал. — В бою вы знаете свою цель. Вам, вероятно, известна эфемерность планет любой системы…

— Черт побери! Моя команда всегда обнаруживает планеты. Причем — быстро!

— Молниеносно, капитан?

— Нет.

— Давайте посмотрим фактам в лицо. До тех пор

пока мы не нашли газовый гигант и троянские астероиды, у нас не было точного плана системы. С помощью устройств, находящихся в зонде, мы сообразили, какой температурный режим предпочитают мошкиты, и сделали вывод о том, насколько далеко от солнца может размещаться их планета. Однако нам нужно изучить тороид с радиусами сто и двести километров. Вы слушаете меня, капитан? Теперь будет самое главное!

Блейн кивнул.

— Мы изучаем весь участок вдоль и поперек. Так как мы находимся над плоскостью системы, нам известно, что планета не прячется за солнцем. А когда мы закончим делать фотографии, мы будем вынуждены прочесать огромное пространство в поисках того самого — единственно нужного нам светового объекта.

— Возможно, я жду от вас слишком многого.

— Пожалуй. Но я пригласил в экспедицию самых опытных и проверенных людей, — министр улыбнулся — по лицу будто судорога прошла — и исчез с экрана.

Через шесть часов после перехода Хорват позвонил снова.

— Нет, капитан, пока мы не увидели обитаемую планету, но многочасовые наблюдения доктора

Бакмана позволили обнаружить следы цивилизации мошкитов! В троянских точках.

— В точках?

— Именно! Обе троянские точки буквально плавятся от микроволнового излучения. Можно предположить, что они обитаемы, и по высокому альбедо болидов. Блестящая гладкая поверхность — естественный продукт цивилизации… Боюсь, люди доктора Бакмана чересчур много болтали о неживой материи во Вселенной.

— Спасибо, доктор. Есть какие-нибудь послания для нас?

— Вряд ли, капитан. Ближайшая троянская точка находится в плоскости системы под нами… примерно в трех миллионах километров. Предлагаю идти к ней. Ввиду высокой плотности цивилизации в троянских точках может оказаться, что в действительности обитаемая планета не является центром цивилизации мошкитов. Быть может, она подобна Земле. Или еще хуже.

Род был потрясен. Земля ошеломила его, а ведь это случилось не так давно! Нью-Аннаполис сохранялся как Дом Человечества, и имперские офицеры знали, насколько насущна важнейшая задача Империи.

Если бы люди не получили движитель Олдер-

сона перед последними земными сражениями, а ближайшая звезда находилась бы в тридцати пяти световых годах, а не в четырех… Страшно подумать!

— Согласен. И хотя пока в нашем распоряжении лишь теории, капитан, мы можем утверждать, что по соседству находится вполне жизнеспособная цивилизация. Я думаю, нам надо продолжать идти прямо по курсу.

— Я на минутку! — на четвертом мониторе, возбужденно жестикулируя, появился старший связист Лад Шаттак.

— Мы использовали приемо-передающий сферический локатор, капитан! — закричал Шаттак. — Смотрите, сэр!

На экране возникло черное космическое пространство с булавочными точками звезд и голубовато-зеленой искрой, кружащейся по индикаторному световому кольцу.

Потом искра мигнула. Дважды.

— Вот и обитаемая планета! — удовлетворенно сообщил Род министру и, не удержавшись, добавил: — А мы обогнали вашу команду, док!

Вскоре события посыпались одно за другим.

Итак, планета, похожая на Землю, скрывалась за источником света и при этом находилась в

пространстве, которое изучали ученые, взятые в экспедицию. Сам свет маскировал любые объекты, но это не сбило с толку связистов. Они знали свою работу.

Команды Каргилла и Хорвата теперь объединили усилия, переговариваясь с помощью световых сигналов. Раз, два, три, четыре — и пауза, — а затем Каргилл, используя батареи, отвечал: пять, шесть, семь. Двенадцать минут спустя было получено следующее: три, один, восемь, четыре, одиннадцать. После того как последовательность повторилась, корабельный компьютер дал свой ответ: «пи» в двенадцатеричной системе. Используя компьютер, Каргилл нашел «е» (основание натурального логарифма) в той же системе и опять вышел на связь.

Но это была лишь внешняя сторона. Настоящее послание звучало так: «МЫ ХОТИМ ГОВОРИТЬ С ВАМИ», а ответ «Макартура» гласил: «ОТЛИЧНО». Оставалось ждать уточнений.

Тем временем подоспел второй вывод.

— Мы видим свет ядерного синтеза, — заявил штурман Реннер, уткнувшись носом в экран. Его пальцы как будто наигрывали на пульте управления беззвучную музыку. — Тут нет никакого поля Лэнгстона. Ясно! Они окружают водород

оболочкой, инициируют ядерную реакцию и отбрасывают его назад. Обычная плазменная бутылка. Разогрев меньше, чем у наших двигателей, что означает и меньшую эффективность. Если я правильно понимаю, выхлоп направлен от нас.

— То есть корабль идет на встречу с нами?

— Да, сэр. Он невелик. Дайте мне пару минут, и я скажу вам, с каким ускорением он летит. А пока его можно принять за одно *g*… — пальцы Реннера пробежались по кнопкам еще раз, — …и массу оценить примерно в тридцать тонн. Позже мы уточним цифры.

— Крупноват для ракеты, — задумчиво пробормотала Блейн. — Может, мы встретим его на полпути, мистер Реннер?

Реннер нахмурился.

— Хороший вопрос! Он держит курс туда, где мы сейчас и находимся. Мы не знаем, сколько у него топлива и насколько сообразителен его пилот.

— Давайте кое-что уточним. Дайте мне адмирала Кутузова.

Адмирал стоял на капитанском мостике — за спиной Кутузова так и сновал экипаж «Ленина».

— Что вы собираетесь делать? — произнес Кутузов.

— Хочу встретить корабль. Но если он не изме-

нит свой курс, а мы не сможем перехватить его, он придет сюда! «Ленин» мог бы его подождать.

— Для чего, капитан? У меня четкие инструкции. «Ленин» не должен иметь никаких дел с чужаками.

— Но вы могли бы выслать шлюпку, сэр. Катер с вашим человеком — для перехвата. Сэр.

— Сколько, по-вашему, у меня шлюпок, Блейн? Я повторю вам инструкции. «Ленин» здесь, чтобы информация, связанная с движителем Олдерсона и полем Лэнгстона, не просочилась наружу. Выполняя данную задачу, мы не должны связываться с чужаками. Более того — мы не вправе общаться и с вами: наш разговор могут перехватить.

— Да, сэр, — Блейн смотрел на приземистого адмирала. Неужели тот начисто лишен любопытства? Неужели можно быть только военной машиной? — Мы идем к чужому кораблю, сэр. Доктор Хорват хочет этого — во что бы то ни стало.

— Вот и отлично, капитан. Выполняйте.

— Да, сэр, — Род с облегчением отключился и повернулся к Реннеру: — Нам разрешили первый контакт с чужаками, мистер Реннер.

— Но ради этого мы сюда и прилетели, — Реннер

тревожно покосился на экран, желая убедиться, что адмирал исчез.

Едва только Гораций Бери покинул каюту — теоретически ему не следовало никуда выходить, — как на трапе появился Бакман.

Бери сразу же изменил свои намерения.

— Доктор Бакман! Не хотите выпить кофе?

Бакман моргнул своими выпуклыми глазами, и рассеянный взгляд ученого сфокусировался.

— Что? Спасибо, Бери! Тогда я наверняка проснусь. Нужно столько сделать… Что ж, можно заглянуть к вам, на полчасика…

Бакман опустился в кресло для гостей, бледный, как скелет на экране дисплея. Глаза его были красны, веки полуопущены, дыхание — слишком прерывисто, а руки безвольно свисали. Бери невольно задумался: интересно, что покажет вскрытие, если Бакман сейчас умрет: истощение, недоедание — или и то и другое?

Бери усмехнулся.

— Набиль, кофе! Мистеру Бакману — со сливками, сахаром и бренди.

— Бери, мне очень жаль, но в рабочее время… Впрочем, ладно. Спасибо, Набиль. — Бакман пригубил кофе, затем жадно отхлебнул из чашки. — Здорово! Спасибо, Бери, теперь-то я точно

проснусь.

— Похоже, такой крепкий напиток вам не помешает. Но обычно я никогда не смешиваю кофе с алкоголем. Доктор Бакман, вы ели?

— Не помню.

— Значит, нет. Набиль, подай горячее блюдо нашему гостю. И поскорее.

— Бери, мы так заняты, что у меня действительно нет свободного времени! Нужно изучить всю систему, не говоря уж о работе для флота… отслеживание нейтрино и этого проклятого света…

— Доктор, если бы вы умерли на борту, ваши записи никому бы не удалось расшифровать, верно?

Бакман улыбнулся.

— Как драматично, Бер! Но, полагаю, у меня все же найдется несколько минут. Сейчас мы просто ждем, когда световой сигнал сойдет на нет.

— Сигнал с планеты Мошки?

— Да! По крайней мере, он идет из нужной точки. Но мы не увидим планету, пока они не повернут лазер, а они почему-то медлят. Говорят и говорят, но о чем? Ведь мы изъясняемся на разных языках! — воскликнул ученый.

— Действительно. Разве они могут донести до нас какую-то информацию, если мы не знаем их

язык? Но мне кажется, что они сообразительные ребята: я имею в виду, они пытаются нас понять. Кстати, а у вас как обстоят дела?

Бакман недовольно проворчал:

— У Хорвата — куча приборов, поставляющих данные Харди и лингвистам. До сих пор приличных наблюдений Угольного Мешка не проводилось, никто вообще не приближался к нему! — голос Бакмана смягчился. — Но мы можем изучать троянские астероиды, — взгляд Бакмана устремился вдаль. — Там их многовато, а пыли, наоборот, — мало. Впрочем, я неверно выразился, Бери: там слишком мало пыли, чтобы захватить максимальное количество обломков и отшлифовать их все разом. Полагаю, их отполировывают мошкиты, и они, по идее, должны находиться внутри астероидов… А поток нейтрино там и впрямь фантастический! Но где, спрашивается, они набрали такое количество скальных обломков?

— Поток нейтрино? Это означает ядерный синтез.

Бакман улыбнулся.

— Думаете о выгодных торговых контрактах?

— Конечно. А как же иначе?

«Я был бы здесь, даже если бы флот не дал

мне понять, что альтернатива — официальный арест… Но Бакман не в курсе. Обо всем знает только Блейн», — подумал Бери.

— Чем более развита цивилизация, тем больше она может предложить на продажу.

«И тем она жуликоватее. Но последнее Бакмана не касается», — мысленно добавил магнат.

— Мы могли бы работать гораздо быстрее, если бы военные не пользовались нашими телескопами. А Хорват разрешает им! Представляете?..

Вошел Набиль с подносом, уставленным тарелками.

Бакман набросился на еду, как оголодавшая крыса.

— Разумеется, не все военные проекты неинтересны, — вещал он с набитым ртом. — Чужой корабль…

— Корабль?

— Нам навстречу идет корабль. Вам не говорили?

— Нет.

— Он вылетел с крупного каменного астероида, расположенного в стороне от основного скопления. И весьма яркого астероида. И очень странной формы, как будто газ проник сквозь скальное образование, которое…

Бери рассмеялся.

— Док, я заинтригован! Корабль чужаков, что может быть интереснее? Это вам не астероид!

Бакман удивленно воззрился на Бери.

— Вы и правда так считаете?

Черточки стали красными, а затем черными. Они явно остывали: но как же они сумели так разогреться? Инженер в изумлении замерла, но вдруг одна из черточек направилась к ней. В металлическом корпусе таился мощный источник энергии.

Двигались они самостоятельно. Кто они вообще такие? Инженеры, Хозяева или бесчувственные машины? А может, она видит Посредника, участвующего в загадочном проекте? Она была обижена на Посредников, уж очень легко и безрассудно те вмешивались в важную работу.

Вероятно, черточки являлись Часовщиками, но, скорее всего, они принадлежали Хозяевам. Инженер задумалась о бегстве, но у приближающихся объектов оказались мощные двигатели. Их ускорение составляло 1,14 g — почти предельное для ее корабля.

Делать нечего, придется встречать их.

Кроме того… столько металла! Вдобавок обработанного, насколько она могла судить.

Скопления изобиловали металлическими артефактами, но в виде сплавов, которые чрезвычайно трудно перерабатывать.

Столько металла…

Объект должен встретиться с ней, и разминуться с ним невозможно: у нее ни топлива, ни нужного ускорения. Инженер мысленно прикинула точки поворота. Впрочем, объект мог сделать то же самое. К счастью, данное решение было единственно правильным, особенно если принять во внимание постоянное ускорение.

А во время контакта они смогут обменяться информацией.

Хотя, сказать по правде, в качестве дипломатов Инженеры были не очень-то сильны.

14
Инженер

Чужой корабль оказался компактной массой, комком неправильной формы тускло-серого цвета — вроде куска модельной глины в руках лепщика. Во все стороны хаотично торчали разные отростки: к примеру, кольцо крюков, которое Уитбрид окрестил кормой. Сверкающая серебряная нить перепоясывала среднюю часть судна, на носу и кормовой части имелись прозрачные выпуклости, антенны были чудовищно изогнуты. В довершение всего корму венчало нечто вроде жала: шип во много раз длиннее корпуса, прямой и тонкий.

Уитбрид приближался к кораблю. Он сидел в ракете «космос — космос», в кабине из поляризованного пластика: округлый корпус покрывали толкательные пучки — множество позиционных дюз. Уитбрид мгновенно обучился пилотированию этого недорогого летательного аппарата, который можно было назвать скоростным катером. Кораблик, не приспособленный для посадки, был маневренным, чрезвычайно легким в управ-

лении и с огромным полем обзора. Кроме того, он не нес на себе никого военного снаряжения.

Зато чужак мог видеть пилота во всей красе.

МЫ ПРИШЛИ С МИРОМ И НИЧЕГО НЕ СКРЫВАЕМ — вот о чем свидетельствовал облик безоружного Уитбрида, сидящего в пилотском кресле.

— Думаю, шип генерирует плазменное поле, необходимое для полета, — произнес голос из коммуникатора. Экрана перед Уитбридом не было, а голос принадлежал Каргиллу. — Мы следили за ним во время торможения — через выступ под шипом, который смахивает на втулку, в поле впрыскивают водород.

— Пожалуй, лучше держаться подальше от него, — сказал Уитбрид.

— Точно. Энергия поля может разрушить твои приборы. И заодно воздействовать на твою нервную систему.

Чужой корабль был уже очень близко. Уитбрид притормозил и на секунду включил двигатели. Позиционные струи затрещали, как кукуруза, жарящаяся на гриле.

— Видно что-нибудь похожее на воздушный шлюз?

— Нет, сэр.

— Открой свой шлюз. Может, это натолкнет его

на ту же мысль.

— Слушаюсь, сэр. — И, наконец-то, Уитбрид увидел чужака — самого настоящего чужака!

И сейчас он наблюдал за ним, глядя в панорамное окно, изготовленное из сверхпрочного пластика.

Корабль чужаков завис неподалеку от ракеты. В кабине сидел инопланетянин: он напомнил Уитбриду своего мертвого собрата из зонда. У инопланетянина оказался скошенный череп. Он был покрыт гладким коричневым мехом и вообще не имел шеи. Его мощная левая рука что-то крепко сжимала, а две гибкие правые верхние конечности мельтешили и делали что-то совершенно непонятное Уитбриду.

Джонатон Уитбрид открыл воздушный шлюз и приготовился ко всему.

Но, во всяком случае, мошкит пока не пробовал стрелять.

Инженер, поглощенная происходящим, не сразу заметила крошечный кораблик. В нем не воплотили никаких новых принципов. Но зато большой корабль! Он стоил того, чтобы его рассмотреть!

Его обволакивало странное загадочное поле. Возможно, оно обладало парадоксальными свой-

ствами, которые еще предстояло изучить. Поле регистрировали полдюжины приборов Инженера. Силовая оболочка была прозрачной.

Вскоре Инженер выяснила о военном корабле то, что ей требовалось. Капитан Блейн пришел бы в ужас, узнав, что она узнала о «Макартуре» всю подноготную.

Какие любопытные приспособления! И какое количество металла...

Выпуклые двери микроскопического кораблика открылись. Сам кораблик временами ярко вспыхивал. Наверное, оба космических судна излучали сложные электромагнитные поля, но сигналы, подаваемые ими, ничего не значили для Инженера.

Ее внимание целиком и полностью приковали к себе корабельные приспособления. Поле, его интригующие свойства, принципы, лежащие в основе его работы, — все служило пищей для догадок. Она бы согласилась до конца жизни заниматься только этим делом. Хоть бы одним глазком взглянуть на генератор! Вот за что она действительно готова умереть! Силы, перемещавшие крупный корабль, не походили ни на одну из известных ей реакций синтеза. И там, похоже, использовали свойства этой таинственной сило-

вой оболочки.

Как ей попасть на борт? Как пройти сквозь оболочку?

Предчувствие, посетившее ее, было редкостью для Инженера. А маленький корабль… уж не пытаются ли вступить с ней в контакт?

Кораблик, конечно, отделился от большого судна — и поэтому…

Маленький корабль был связью с большим кораблем, и, разумеется, с силовой оболочкой! Значит, она сумеет докопаться до сути происходящего!

Инженер забыла об опасности, забыла обо всем, кроме настоятельной необходимости узнать побольше о манящем силовом поле. Инженер открыла воздушный шлюз и стала ждать, что будет.

— Мистер Уитбрид, чужак пытался зондировать «Макартур»! — сказал капитан Блейн. — Командор Каргилл говорит, что пресек попытки. Он не пробовал как-нибудь зондировать вас?

— Нет, сэр.

Род нахмурился и потер переносицу.

— Вы уверены?

— Я слежу за приборами, сэр.

— Хорошо. Вы меньше, но вы — ближе. Как,

по-вашему, он…

— Воздушный шлюз! — крикнул Уитбрид. — Сэр, мошкит открыл воздушный шлюз!

— Да. В корпусе появилось отверстие — вы это имели в виду?

— Да, сэр. Оттуда никто не вышел. Через отверстие я вижу кабину. Мошкит внутри. Разрешите войти, сэр?

— Ладно, но будьте крайне осторожны. Оставайтесь на связи и… удачи вам, Уитбрид!

Джонатон на мгновение замер. Он почти надеялся, что капитан запретит этот шаг как слишком рискованный. Но разве можно совладать с гардемарином?..

Уитбрид протиснулся в отверстие воздушного шлюза. Чужой корабль висел в космическом пространстве.

На глазах у экипажа «Макартура» Уитбрид оттолкнулся и вылетел в космос.

Часть корпуса чужого корабля была растянутой, словно смахивала на воронку. «Странный способ делать воздушный шлюз», — подумал Уитбрид. Пользуясь спинным реактивным двигателем, он притормозил, двигаясь прямо к воронке — и к мошкиту, — тот уже стоял в ожидании встречи.

Чужак оказался покрыт мягким коричневым мехом. Четыре широкие плетенки, сделанные из черной «шерсти» или какого-то другого непонятного материала, темнели у него под мышками и в паху.

— Никаких признаков того, что на борту имеется устройство для удержания кислорода, но, несомненно, оно там есть, — сказал Уитбрид в микрофон.

Секунду спустя он сообразил, в чем дело, — угодив в невидимые сети.

Воздушный шлюз запечатался у него за спиной.

Уитбрид едва не запаниковал. Поймали, как муху на липучку, — ни вперед, ни назад. Он находился в камере высотой сто тридцать сантиметров — по росту чужака, а тот стоял перед ним по другую сторону невидимой стены и таращился на Уитбрида с совершенно непроницаемым выражением.

Мошкит. Чуть ниже погибшего в зонде и другого цвета: у этого не было белых полосок-прожилок в коричневом меху. Теперь Уитбрид заметил и другие ускользающие различия… Возможно, различия между живым и мертвым — или иные признаки…

Мошкит не выглядел страшным монстром. Густой мех напоминал шерсть одного из доберман-пинчеров, которых держала мать Уитбрида, но, в отличие от собаки, в мошките не чувствовалось ничего злобного. Уитбриду захотелось потрогать мех чужака.

Черты лица инопланетянина казались карандашным наброском, углы безгубого рта были мягко приподняты в сардонической полуулыбке. Маленький, плоскостопый, меховой и с равнодушным лицом…

«Просто карикатура, — подумал Уитбрид. — Разве можно бояться карикатуры?»

Однако Джонатон Уитбрид был согнут в три погибели в чересчур тесном пространстве, а чужак вообще ничего не делал, чтобы исправить положение.

Кабина состояла из обилия панелей и темных углублений, из теней на Уитбрида таращились чьи-то морды. Паразиты! Корабль просто кишел ими! Крысы? Здесь, наверное, полно еды!.. Мошкит ничуть не обеспокоился, когда какой-то из паразитов нырнул в отверстие, а двое других зашевелились, перебираясь из угла в угол и подкрадываясь поближе, чтобы взглянуть на пришельца.

Что за странные создания! Покрупнее крыс, но, к счастью, гораздо меньше человека. Они продолжали глазеть на незваного гостя — любопытные, но робкие. Наконец один из них, посмелее, подобрался к Уитбриду почти вплотную и замер. Джонатон смог его разглядеть, едва не задохнувшись от изумления и отвращения.

Это же мини-копия мошкита!

Для Инженера настало трудное время. Приход пришельца должен был дать ей ответы на вопросы, однако они многократно умножились.

Кто он такой? Высокий, большеголовый, симметричный, как животное, но имеющий свой собственный корабль, подобно Инженеру или Хозяину. Она никогда раньше не сталкивалась с таким существом. Исполнитель ли он или командир?

А его руки!.. Они не приспособлены для работы… или лишь кажутся таковыми? Мутант? Монстр? Для чего он создан?

Его рот начал шевелиться — вероятно, чужак что-то говорил: наверное, в прибор связи, но это же ничего не объясняло! Даже Посыльные умеют разговаривать.

Инженеры не могут принимать столь трудных решений, зато у них есть кое-что другое. Они

обладают весьма полезным качеством.

Инженеры бесконечно терпеливы.

— Здесь есть воздух, — доложил Уитбрид, покосившись на датчики, которые виднелись в зеркале, укрепленном на уровне его глаз. — Кстати, мне бы совсем не хотелось вдыхать его даже на пробу. Давление нормальное, кислорода около восемнадцати процентов, примерно два процента углекислоты, гелия достаточно для обнаружения, а…

— Гелия? Какое его количество?

Уитбрид переключился на самую чувствительную шкалу и подождал, пока анализатор не выдаст результаты.

— Приблизительно один процент.

— Что-нибудь еще?

— Присутствуют и яды. Двуокись серы, окиси углерода и азота, кетоны, спирты, а еще есть вещества, которых прибор не различает. Цвет индикаторной лампочки — мерцающий желтый.

— Значит, воздух не убьет вас мгновенно. Вы можете вдохнуть его и успеете получить помощь и спасти легкие.

— Так я и думал, — проворчал Уитбрид и принялся ослаблять винтики, крепившие лицевую пластину его шлема.

— Что это значит, Уитбрид?

— Ничего, сэр,

Уитбрид слишком долго простоял, согнувшись в две погибели. Каждый сустав, каждая его мышца взывали о прекращении пытки. А проклятый мошкит в сандалиях по-прежнему улыбался и таращился на него…

— Уитбрид?

Уитбрид сделал глубокий вдох и задержал дыхание. Затем, преодолевая давление, поднял лицевую пластину, взглянул чужаку в глаза и заорал что было сил:

— Ради всего святого, убери, наконец, свое мерзкое силовое поле!

Затем Уитбрид снова опустил пластину.

Чужак повернулся к панели управления. Невидимый пружинящий барьер перед Уитбридом исчез.

Уитбрид сделал два шага вперед и выпрямился, чувствуя боль в затекших суставах. Он провел в тесном замкнутом пространстве часа полтора, разглядывая полдюжины кривляющихся домовых! Никто не проявил к нему ни капли сочувствия и не выказал доброжелательность, так что теперь он был глубоко обижен на мошкита.

В шлем все-таки попал воздух кабины. Злово-

ние было такое, что у Джонатона засвербило в носу. Он чихнул и опять сделал вдох: в любом случае следовало определить, чем он тут надышался.

Какое омерзительное буйство запахов! Вонь животных и горелого машинного масла, озона и бензина смешалась с запахом потных носков, отрыжки, клея и чего-то неизвестного — того, что Уитбрид никогда не чувствовал прежде. Слава богу, вакуумный скафандр быстро очистил воздух.

— Вы слышали мой крик? — спросил он.

— Да, как и все остальные на корабле, — ответил Каргилл. — Вряд ли найдется хоть один человек, который не следил бы за вами, если не считать Бакмана. Как ваши успехи?

— Мошкит отключил силовое поле. Как будто ждал, что я ему об этом напомню. Сейчас я нахожусь в кабине. Знаете, она сделана вручную, даже панель управления! Все рассчитано на то, чтобы мошкит чувствовал себя удобно. Я оказался чересчур крупным и боюсь пошевелиться. Те мелкие твари попрятались… хотя нет, кто-то выглядывает из угла. Они смахивают на главного мошкита. А он снова ждет, что я буду делать дальше. Лучше бы он перестал за мной следить. Мне как-то не по себе.

— Постарайтесь пригласить его на наш корабль.

— Я попробую, сэр.

Минуту назад чужак понял его — или Уитбриду померещилось? — но сейчас он снова впал в ступор или в транс. Уитбрид напряженно размышлял. Язык жестов? Его взгляд остановился на пустом скафандре мошкита.

Уитбрид вытянул скафандр из ниши, отметив его легкость: ни оружия, ни брони, — и передал чужаку, после чего указал на «Макартур», видневшийся через стекло.

Чужак сразу же начал послушно одеваться. В считаные секунды он облачился в скафандр, смахивающий на склеенные друг с другом десять мячей. Только «рукавицы» имели более сложный дизайн и не выглядели как надутая сфера.

Мошкит снял со стенного крючка прозрачный пластиковый мешок и резким движением поймал миниатюрного собрата. Не обращая внимания на сопротивление, он сунул его в мешок головой вперед, повернулся к Уитбриду и стремительно двинулся к гардемарину. Когда мошкит оказался у него за спиной, Уитбрид почувствовал, как тот прикоснулся к его плечу, и спохватился.

— Уитбрид! Что случилось? Отвечайте! — резко

спросил Каргилл. — Десант наготове!

— Ничего, командор Каргилл. Я в порядке. Я хочу сказать, что атаки не было. Я думал, чужак хочет… но нет. Он сунул в пластиковый мешок двух паразитов и надул его с помощью воздушного вентиля. Мелкая тварь устроилась у меня на плече, а я вообще ничего не заметил. В данный момент чужак что-то делает, но что? Я не понимаю. И он *знает*, что мы отправляемся на «Макартур»! Он уже в скафандре.

— Что конкретно он делает?

— Снял крышку с панели управления… что-то отсоединяет… Секунду назад я видел нечто, напоминающее тонкую нить… или серебряную зубную пасту, вытянувшуюся вдоль всей платы. Разумеется, я лишь описываю, на что это похоже. А-а-а-а!..

— Уитбрид?

Гардемарин очутился в эпицентре урагана. Барахтаясь, он попытался найти хоть какую-то опору. Уитбрида тащило в сторону воздушного шлюза, и гардемарин продолжал беспомощно барахтаться в воздушном потоке.

Потом в черном космосе завертелись звезды.

— Мошкит открыл воздушный шлюз! — доложил Уитбрид. — Без предупреждения. Я болтаюсь

в вакууме, — он раскинул руки, чтобы остановить вращение. — Вероятно, он выпустил наружу весь воздух. Вокруг меня дымка из ледяных кристаллов и… О боже, здесь повсюду кружат маленькие мошкиты! И они без скафандров. Их тут просто прорва!

— Должно быть, те мелкие твари, — догадался Каргилл.

— Верно. Мошкит уже успел поймать парочку собратьев-паразитов на своем корабле. Полагаю, он часто проводит у себя генеральную уборку. Конечно, он не знает, сколько времени он пробудет на борту «Макартура», и потому ему не захотелось, чтобы они размножались без присмотра — вот он и вышвырнул их в открытый космос. Он так чистит корабль.

— Ему следовало каким-то образом предупредить вас.

— Чертовски верное замечание! Прошу прощения, сэр.

— Вы в порядке, Уитбрид? — новый голос — капитана.

— Да, сэр. Я рядом с чужим кораблем. Ага! Вот и мошкит. Он прыгнул к ракете.

Уитбрид замедлил собственное вращение и повернулся, наблюдая за мошкитом. Чужак изящно

плыл в безвоздушном пространстве. Скафандр напоминал гроздь надувных мячей. Внутри прозрачного пластикового пузыря виднелись две яростно жестикулирующие паучьи фигурки. Чужак их игнорировал.

— Точный прыжок! — буркнул Уитбрид. — Если не… О боже! — Чужак затормозил и проник в шлюз ракеты, не коснувшись его краев. — Надо же! Он уже на месте! И даже не перекувырнулся!

— Уитбрид, скажите, мошкит проник в ваш корабль самостоятельно?

Уитбрид вздрогнул, услышав язвительность в голосе капитана.

— Да, сэр. Я плыву за ним.

Чужак сидел в кресле пилота, склонившись над панелью управления. Неожиданно он начал ловко выдергивать защелки на краю пульта. Уитбрид вскрикнул, бросился к мошкиту и схватил чужака за плечо. Тот не обратил на Уитбрида внимания.

Уитбрид прижал свой шлем к шлему чужака.

— Оставь это! — завопил он и указал на пассажирское кресло.

Чужак неторопливо поднялся, повернулся и пересел. Уитбрид вцепился в рычаги и начал маневрировать, направляя ракету к «Макартуру».

Он затормозил, лишь когда проскользнул в отверстие, проделанное Синклером в поле «Макартура». Корабль мошкита скрылся из виду, спрятавшись за корпусом военного судна. Внизу раскинулась ангарная палуба, и гардемарину захотелось туда спикировать, чтобы похвастаться перед мошкитом, но в последний момент он передумал. Он ведь не подросток! Кроме того, внизу уже собрались члены экипажа.

Палубу опутывали толстые кабели. Один из техников махнул Уитбриду, и тот ответил — через несколько секунд Синклер включил лебедку, и корабль втянули на борт «Макартура». Когда он миновал двери ангара, новые кабели устремились к носу кораблика, затаскивая его внутрь. Громадные двери закрылись.

Мошкит продолжал наблюдать, поворачиваясь всем телом направо и налево. Он напоминал Уитбриду сову, которую тот однажды видел в зоопарке Спарты. Самым удивительным было то, что мелкие твари в мешке тоже наблюдали, подражая крупному сородичу. В конце концов они угомонились, и Уитбрид махнул рукой в сторону воздушного шлюза. За толстым стеклом виднелись канонир Келли и дюжина десантников.

Род Блейн сидел перед двенадцатью экранами,

необходимыми для контроля во время сражения, и каждый ученый на борту «Макартура» бился за то, чтобы занять место рядом с капитаном корабля. Род проанализировал ситуацию и приказал поскорее очистить боевые корабельные посты и мостик от гражданских лиц. Толкотня только помешает.

Сейчас он следил, как Уитбрид забирается в катер.

Благодаря камере, укрепленной на шлеме Уитбрида, Род видел чужака, сидящего в пилотском кресле. Изображение постепенно увеличивалось — гардемарин приближался к мошкиту.

Блейн обратился к Реннеру.

— А что он делал?

— Чужак пытался… Капитан, я готов поклясться, что он хотел испортить панель управления.

— Мне тоже так показалось.

И они оба встревоженно переглянулись и замолчали.

Уитбрид повел катер к «Макартуру». Блейн не упрекал парня за невнимательность, но гардемарину все-таки следовало присматривать за мошкитом! Они ждали, пока кабели поймают катер в захват и лебедки втянут его в «Макартур».

— Капитан! — воскликнул Стейли, вахтенный

гардемарин.

Род напрягся. Несколько экранов и пара вспомогательных батарей были наведены на катер, но все прочие силы брошены на слежение за чужим кораблем. А тот внезапно ожил.

За кормой вспыхнул факел голубого огня. Пламя полыхало параллельно гибкому серебряному шипу, торчавшему позади корабля. Спустя мгновение за кормой возникла ослепительная белая полоса.

— Корабль уходит, капитан, — доложил Синклер.

— Проклятье!

Все мониторы передавали ту же самую картинку, что и экраны капитана: уход корабля мошкитов.

— Разрешите открыть огонь? — спросил офицер-артиллерист.

— Нет!

— Но что же случилось? — недоумевал Род.

Прошло уже некоторое время с тех пор, как Уитбрид прибыл обратно. Чужой корабль не мог улететь без хозяина, просто не мог…

— Келли!

— Да, сэр?

— Отделение к воздушному шлюзу! Доставить

Уитбрида и этого… в кают-компанию. Будьте вежливы, канонир, но ни в коем случае не упускайте мошкита из виду.

— Так точно, капитан.

— Номер первый! — позвал Блейн.

— Да, сэр, — ответил Каргилл.

— Вы вели наблюдение с помощью камеры на шлеме Уитбрида все время, пока он находился на чужом корабле?

— Да, сэр.

— Есть вероятность того, что на борту был второй мошкит?

— Нет, сэр. В кабине корабля слишком тесно. Верно, Сэнди?

— Да, капитан, — отчеканил Синклер. — Кроме того, мы не заметили других дверей.

— Сначала на корабле не было двери воздушного шлюза, а затем она появилась — возникла сама собой прямо в корпусе судна, — напомнил Блейн. — Имелось ли в кабине что-то вроде туалета?

— С правой стороны от воздушного шлюза, сэр.

— Значит, у штуковины может быть автопилот. Вы согласны? Но мы не видели, как мошкит его программировал.

— Он слишком быстрый, капитан, — произнес

Каргилл. — *Боже мой!* Неужели мы действительно ничего не заметили?

— Занятно, но мне кажется, что у инопланетных бестий нет ничего похожего на программируемый автопилот, — пробормотал Синклер. — И его торопливость… Капитан, по-вашему, он *сумел перенастроить* корабль на автопилот?

— А та голубая вспышка в воздушном шлюзе? Для чего она потребовалась?

— Для уничтожения мелких паразитов, — предположил Синклер.

— Вряд ли. Он уже выкинул их в вакуум, — возразил Каргилл.

Уитбрид поднялся на мостик и вытянулся перед креслом Блейна по стойке «смирно».

— Прибыл по вашему приказанию, сэр!

— Молодчина, мистер Уитбрид, — произнес Род. — Что вы думаете о тех паразитах, которых он принес на борт «Макартура»? Зачем они ему здесь?

— Не знаю, сэр. Может… хотел преподнести их в качестве подарка? Мы могли бы анатомировать их, сэр.

— Возможно. Но кто они такие? Ладно, взгляните-ка сюда. — Блейн указал на экраны.

Чужой корабль развернулся, и белое пламя его

двигателей прочертило в космосе дугу. Вероятно, он направлялся как раз к троянским точкам.

Джонатон Уитбрид был единственным из людей, побывавшим внутри корабля.

Когда Блейн распустил экипаж с боевых постов, рыжеволосый гардемарин с облегчением вздохнул. Он, решил, что тяжелое испытание позади.

15
Работа

У Инженера оказался широкий безгубый рот с приподнятыми уголками, отчего создавалось ложное впечатление радостной полуулыбки. Это было постоянное выражение ее карикатурного лица.

Но Инженер радовалась.

И ее радость возрастала с каждой минутой. Прохождение через поле Лэнгстона принесло новые ощущения — нечто подобное она испытывала, изучая черный пузырь замедленного времени. Ей даже приборы не понадобились: теперь у Инженера была информация о поле, и ей захотелось изучить чужой генератор.

Корабль, плавающий в защитном пузыре, выглядел чересчур примитивно, однако оснащен был весьма богато! Ангарная палуба была хаотично завалена загадочными деталями, кабелями и разнообразными механизмами, которые были совершенно непонятны Инженеру. Да, на борту было много такого, что она не могла распознать с первого взгляда.

Но кое-что наверняка представляло собой приспособления для создания поля или детали таинственного привода, работавшего во взаимосвязи с полем! Имелись на палубе и любопытные изобретения, выполняющие, правда, уже известные Инженеру функции.

Инженер, обладающая пытливым разумом, узнала и оружие. Сколько же тут оружия! И на большом корабле, и на шлюпках, стоявших на ангарной палубе, и у самих чужаков, столпившихся за воздушным шлюзом.

Но этот факт не стал для нее сюрпризом. Она давно поняла — данный класс существ относится к отдающим приказы, а к не получающим их. Естественно, у них должно быть оружие. И даже воины.

Двойная дверь воздушного шлюза оказалась слишком сложной и слишком подверженной неисправностям, для ее создания использовали чересчур много сплавов металлов и других материалов. Инженер кивнула. Она — Инженер, и она нужна им.

Похоже, новому классу требовался именно Инженер, а на борту явно не было ни одного, коль скоро тут использовали такие конструкции. Она решила разобрать ближайший механизм, но

пришелец дернул ее за руку, и эту мысль пришлось оставить. У нее не было никаких инструментов, и она не представляла, каким образом их можно изготовить. Впрочем, у нее еще будет время…

Вокруг нее уже сгрудились пришельцы, в основном напоминающие первого чужака. Одетые странно, похожие друг на друга. Вооруженные. Приказов они не отдавали. Один попробовал заговорить с ней.

Неужели они не видят, что она не Посредник? Они не очень-то сообразительны, какие примитивные представители нового класса. Однако чуть позже они начали отдавать приказы. Первый определенно выкрикнул команду.

Но они не знают Языка.

Обстановка не требовала от нее принятия решений. Инженеру следовало только идти, куда ее поведут, исправлять механизмы или переделывать их, когда представится удобный случай, и ждать Посредника. Или Хозяина. Здесь столько требовалось сделать!

У нее столько работы!

Кают-компанию для старшин превратили в приемную для посетителей-чужаков, а старшины заняли одну из кают-компаний космодесанта.

Орава гражданских, кажется, намеревалась

занять помещение штурмом. Как же ученым не терпелось поглядеть на мошкита!

Чтобы стать лабораторией, помещению явно чего-то не хватало, зато здесь были звуконепроницаемые стены. В кранах текла питьевая вода, имелась портативная плитка, а также переговорное устройство для доставки закусок и напитков, правда, стол оказался немного маловат.

После недолгого совещания решили не пытаться смастерить мебель, подходящую для чужака (или чужаков). Все, что они были способны собрать из имеющихся стульев и кресел, никуда не годилось.

Ситуация становилась абсурдной.

В приемной установили пару дюжин телекамер, и хотя в помещении присутствовали лишь несколько официально приглашенных ученых, почти каждый на борту мог следить за происходящим в бывшей кают-компании.

Тут же находилась и Салли Фаулер. Она твердо решила завоевать доверие мошкита. Ее не заботило, что за ней наблюдают.

А когда все собрались, выяснилось, что завоевать доверие мошкита очень легко. Он был доверчив, как ребенок. Выйдя из воздушного шлюза, он разорвал пластиковый мешок, в кото-

ром сидели малыши, и вручил их ближайшему гардемарину. И больше мошкит о них не беспокоился.

Он послушно шел между космодесантниками. Затем Салли взяла его за руку и ввела в приемную. По дороге мошкит озирался по сторонам, поворачиваясь всем телом. «Прямо как сова», — подумала Салли.

Когда Салли выпустила его руку, мошкит замер, ожидая дальнейших инструкций, глядя по сторонам все с той же мягкой улыбкой.

И он не понимал жестов. Салли, Хорват и другие пытались заговорить с ним, но безрезультатно. Доктор Харди, священник-лингвист, начертил математические графики, но ничего не произошло. Мошкита не интересовали подобные «каракули».

Зато его заинтриговали механизмы. Очутившись на борту, он сразу же потянулся к оружию канонира Келли. После приказа доктора Хорвата десантник неохотно разрядил пистолет и разрешил осмотреть мошкиту один из патронов, а потом передал чужаку пистолет. Мошкит тотчас разобрал его на части, к досаде Келли и на радость остальным, и снова собрал, несказанно изумив Келли. Затем мошкит осмотрел руку десантника,

до предела сгибая его кисть и изучая в отдельности каждый сустав и тщательно прощупывая их своими длинными пальцами. Не забыл мошкит и про мышцы, и про сложные кости запястья, а позже, вероятно, для сравнения, — чужак проделал то же самое с рукой Салли Фаулер.

Вытащив из-за пояса инструменты, мошкит принялся трудиться над рукоятью пистолета, нанося на нее пластик, который выдавливал из тюбика.

— Мелкие мошкиты являются самками, — объявил мужчина из команды биологов. — И наш главный чужак оказался чужачкой!

— Женщина — астероидный шахтер, — задумчиво произнесла Салли, глядя куда-то вдаль. — Если они используют женщин для столь рискованных работ, их культура весьма отличается от культуры Империи, — Салли посмотрела на *мошкиту.*

Та продолжала улыбаться.

— Лучше бы нам понять, что они употребляют в пищу, — буркнул Хорват. — Вряд ли она прихватила с собой еду. Между прочим, капитан Блейн сообщил мне, что ее корабль ушел в неизвестность, — он покосился на миниатюрных мошкитов, которые копошились на бильярдном

столе. — Конечно, если не они служат *для нее* пищей.

— Пожалуй, не стоит пытаться поджарить их на гриле! — заметил Реннер, вошедший в приемную. — Может, они просто дети. Незрелые мошкиты.

Салли вздрогнула от неожиданности. Способность рассуждать здраво вернулась к ней лишь спустя минуту.

Разумеется, не следует поступать подобным образом с мелкими мошкитами!

И вообще, сперва надо разобраться с крупным представителем внеземной расы.

— Мистер Реннер, — сказал Хорват, — почему штурман «Макартура» принимает участие в исследованиях в области внеземной биологии?

— Корабль находится в стабильном состоянии, и я свободен от дежурства, — ответил Реннер. Он явно решил не упоминать о приказе капитана экипажу не мешать ученым. — Вы приказываете мне уйти?

Хорват задумался. Род Блейн на мостике именно так бы и поступил, но он не слишком жаловал Хорвата. Министр науки покачал головой.

— Нет. Но я считаю ваше предположение насчет мелких чужаков легкомысленным.

— Нисколько. Они могут терять вторую левую руку точно так же, как мы теряем молочные зубы. — Один из биологов согласно кивнул. — А какие еще отличия у них есть? Размер?

— Онтогенез приводит к филогенезу, — заметил кто-то, на что тотчас последовал совет:

— Тебе бы лучше заткнуться!

Чужачка отдала Келли его оружие и огляделась. Реннер оказался единственным флотским офицером в комнате, поэтому мошкита потянулась за его пистолетом. Реннер разрядил оружие и передал ей, а затем смирился со столь же тщательным изучением его ладони. На сей раз мошкита работала гораздо проворнее, ее верхние конечности двигались с виртуозным изяществом.

— Я думаю, что они являются обезьянами, — заявил Реннер. — Потомки неразумных мошкитов, которые живут вместе со своими умелыми собратьями. Это может означать, что вы отчасти правы. На дюжине планет есть люди, которые считают мясо обезьян деликатесом. Но мы едва ли можем так рисковать.

Мошкита повозилась с оружием Реннера и, наконец, положила его на стол. Реннер поднял пистолет и нахмурился: плоская рукоять стала изогнутой. Мошкита согнула ее, словно он был

сделан из пластика! И она успела переделать спусковой крючок. Реннер сжал рукоять в ладони и внезапно проникся ее совершенством. Оружие стало как бы частью его руки и, казалось, целилось само.

Мгновение он наслаждался этим ощущением, а потом увидел, что Келли уже перезарядил и спрятал в кобуру свой пистолет.

А теперь, когда пистолет стал совершенен, Реннеру было жаль с ним расставаться даже на минуту.

Неудивительно, что десантник не сказал ни слова.

Штурман нехотя вручил оружие Хорвату.

Пожилой министр науки осторожно взял пистолет.

— Наша гостья, похоже, гений, — сказал он. — Конечно, я не знаток оружия, но оно сделано точно по человеческой руке.

Реннер забрал пистолет. В комментарии Хорвата ему что-то не понравилось. Ему явно не хватало энтузиазма. И вообще, пушка ложилась в его ладонь лучше, чем в ладонь Хорвата…

Мошкита оглядела приемную, поворачиваясь из стороны и сторону, разглядывая присутствующих и оборудование. Она чего-то ждала…

Мелкая мошкита присела перед Реннером на корточки и застыла, скрестив ножки. Она вовсе не выглядела испуганной. Реннер невольно потянулся к ней, чтобы потрепать ее за ухом. За *правым* ухом. Как и у чужачки, левого уха у нее не имелось: плечевые мышцы левой верхней руки крепились к темени. Похоже, ей понравилось почесывание. Реннер старался не касаться собственно уха — оно было крупным и казалось нежным и почти невесомым.

Салли вытаращила глаза. Она не понимала, что ее беспокоит в действиях Реннера. Не нелепый вид офицера, чешущего за ухом мошкиту, которая, вероятно, является инопланетной мартышкой, а нечто другое, как раз связанное с самим ухом…

16
Ученый-идиот

Доктор Бакман дежурил в обсерватории, когда мерцающий лазерный сигнал, поступавший изнутри системы, пропал с экранов.

Там действительно имелась планета размером с Землю с прозрачной атмосферой — край изображения выглядел размазанным. Бакман удовлетворенно кивнул: такое расстояние позволяло разглядеть множество подробностей. У военных оказалось превосходное оборудование, и ученые удачно его использовали. Кстати, некоторые из младших офицеров могли бы стать неплохими ассистентами астрономов, но, к сожалению, прозябали здесь…

Расположенная с правой стороны астрономическая секция продолжала анализировать данные наблюдения за планетой. Бакман вызвал капитана Блейна.

— Я бы хотел, чтобы вы вернули часть моих людей, — попросил он. — Они до сих пор толпятся в приемной и таращатся на мошкитов.

Блейн пожал плечами. Вряд ли он мог при-

казать ученым разойтись. Пусть Бакман сам руководит своим отделом.

— Давайте вы, доктор. Всех интересует чужак, да? Даже моего штурмана, которому совершенно нечего делать в приемной. А что можете сообщить вы? Планета земного типа?

— Да. На первый взгляд она меньше Земли и с водно-кислородной атмосферой. Но в ее спектре есть линии, которые меня заинтересовали. Линия гелия очень яркая! Хотя я считаю, что надо перепроверить данные.

— Яркая линия гелия? Один процент или около того?

— Возможно, если расшифровка верна, но, если честно… А почему вы спросили?

— Воздух на корабле чужака содержал один процент гелия и какие-то странные редкие компоненты. Думаю, расшифровка верна.

— Но, капитан, планета земного типа *не может* удержать такое количество гелия! Понимаете, капитан? Но еще хуже другие линии!

— Кетоны? Углеводородные соединения?

— Да!

— Доктор Бакман, думаю, вам нужно взглянуть на отчет мистера Уитбрида об атмосфере на борту корабля мошкита. Найдете его в компьютере. И

снимите показания о количестве нейтрино.

— Это будет трудно сделать, капитан.

— И все же снимите, — упрямо сказал Род, уставившись в костлявое лицо на экране интеркома. — Мы должны знать состояние их индустрии.

— Хотите воевать с ними? — фыркнул Бакман.

— Пока нет, — ответил Род и добавил: — Когда вернетесь к приборам, замерьте количество нейтрино на астероиде, откуда прибыл корабль чужака. Он на краю скопления троянской точки, поэтому фоновое излучение вам не помешает.

— Капитан, это помешает моей работе!

— Я пошлю вам в помощь офицера, — Род на мгновение задумался. — Поттер! Вам будет помогать мистер Поттер. — Ему это должно понравиться. — Пожалуйста, доктор Бакман, выполните мою просьбу! Чем больше мы узнаем о мошкитах, тем легче нам будет общаться. Чем скорее мы сможем говорить с ними, тем быстрее нам удастся истолковать наши собственные астрономические наблюдения,

Он замолчал.

Бакман насупился.

— Ладно. Но я буду очень занят в ближайшее время…

— Отлично, доктор! — И Род щелкнул выключателем, прежде чем Бакман успел придумать новое возражение. Затем он повернулся к гардемарину Уитбриду, стоявшему в дверях: — Входите и садитесь, мистер Уитбрид.

— Спасибо, сэр.

Стулья в обзорной кабине представляли собой стальные рамы с сетчатыми сиденьями, очень легкие и удобные. Уитбрид присел на самый краешек одного из капитанских стульев. Каргилл вручил ему чашку кофе, которую гардемарин обхватил обеими руками. Выглядел Уитбрид болезненно напряженным.

— Расслабься, парень, — произнес Каргилл.

Тщетно.

— Уитбрид, — обратился к нему Род, — позвольте вам кое-что сказать. Все до единого на корабле жаждут заполучить вас прямо *сейчас*. Я в очереди — первый, потому что я — капитан. Когда мы побеседуем, я передам вас Хорвату и его людям. Когда закончат они — если закончат, — вас освободят от вахты. Вы, конечно, думаете, что сможете пойти спать, но вы ошибаетесь. Экипаж жаждет услышать вашу историю. Люди будут ненадолго уходить с вахты, а вам придется повторять ее полдюжины раз. Представляете?

Уитбрид испугался — что Роду и требовалось.

— Вот и хорошо. Поставьте кофе в нишу. Спасибо. Теперь сядьте нормально, чтобы спина касалась спинки стула. И расслабьтесь, черт побери! Закройте глаза.

Удивленный Уитбрид повиновался и через секунду счастливо улыбнулся.

— Я выключил диктофон, — заметил Блейн — и не солгал. — Официальный рапорт оставим на потом. А сейчас мне нужны факты, впечатления — в общем, все, что вы захотите мне поведать. Мне надо решить, так ли необходимо гнаться за кораблем мошкита и останавливать его.

— Мы еще можем это?.. Сэр?

Блейн покосился на Каргилла. Первый лейтенант кивнул.

— Он улетел полчаса назад. Мы способны остановить его когда угодно в течение ближайших двух суток. У него нет такого мощного защитного поля, как у нас, верно? А его корпус показался нам довольно хрупким. Пара минут работы носовых батарей, и суденышко превратится в пар.

— А ведь мы можем перехватить его, выключить двигатель и взять на буксир, — прервал его Блейн. — Старший механик охотно отдаст годовое жалованье за то, чтобы разобрать на части

его электромагнитную систему. Или Имперская Торговая Ассоциация: кораблик отлично подойдет для разработки астероидов.

— Я против, — пробормотал Уитбрид, не открывая глаз. — Если, конечно, у нас демократия, сэр.

— Ее нет, и адмирал склонен захватить корабль. С ним согласны и некоторые из ученых, но Хорват возражает. А почему против вы?

— Такие действия станут первым проявлением враждебности, сэр. Я бы избегал их, пока мошкиты сами не попытаются уничтожить «Макартур», — Уитбрид открыл глаза. — Но и тогда — чего нам бояться с нашим полем? Мы находимся в их родной системе, капитан, и пришли взглянуть, сможем ли ужиться с ними. Я, во всяком случае, полагаю, что сможем, сэр.

Каргилл хихикнул.

— Похоже на высказывания Хорвата, да, кэп?

— Кроме того, сэр, разве кораблик может нам помешать?

— Он летит домой и, вероятно, с сообщением.

— Вряд ли там есть послание, сэр. Мошкит не включал никаких записывающих устройств и вообще молчал.

— Она, — уточнил Блейн. — Биологи говорят, мошкит — женщина. Можно называть ее *мош-*

кита. А те мелкие создания тоже женского пола. Кстати, одна даже беременна.

— Беременна… Я должен был заметить это, сэр?

Блейн усмехнулся.

— Каким образом? И когда? Вы даже не обратили внимания на то, что у мелких мошкит — по четыре руки.

— По четыре?.. — опять повторил Уитбрид.

— Забудьте, мистер Уитбрид. Вы утверждаете, что мошкита не отправляла сообщения своим сородичам, однако она с огромной скоростью запрограммировала — или собрала — автопилот, прежде чем корабль ушел. Да и сам пустой кораблик может оказаться посланием. Мы готовы принять гостей, Джек?

Каргилл кивнул.

— А если не мы, то можно держать пари, что «Ленин» готов.

— Не рассчитывайте на поддержку «Ленина», номер первый. Кутузову любопытно посмотреть, сможет ли «Макартур» выстоять против мошкитов. Он должен только понаблюдать и отправиться домой.

— Как-то не похоже на адмирала, сэр, — запротестовал Каргилл.

— Вы не сомневались бы в этом, если бы слышали его разговор с доктором Хорватом. Наш министр науки уговаривал адмирала держаться в сторонке, и Кутузов дал слово. — Блейн повернулся к гардемарину. — Уитбрид, болтать об этом в кают-компании вовсе не обязательно.

— Да, сэр.

— А сейчас, поскольку есть время, посмотрим, что вы запомнили о корабле мошкиты, — Блейн коснулся переключателя, и на его мониторах появились изображения чужого корабля. — Бортовой компьютер «Макартура» прекрасно поработал, — объяснил Род. — Мы уже воссоздали вид корабля изнутри. Мошкита не защищалась от нашего зондирования и ничего не прятала, но это не значит, что нам легко понять структуру судна.

Блейн взял световую указку.

— Здесь жидкий водород, а тут — техническая начинка. Вы видели нечто подобное?

— Нет, сэр. Но задняя панель вроде бы могла поворачиваться.

— Ясно, — произнес Блейн, и Каргилл набросал на экране своего компьютера эскиз.

— Так? — спросил первый лейтенант.

— Да.

— Спасибо, мистер Уитбрид.

Блейн коснулся кнопки записи.

— Нам известно, что на борту было много водородного топлива, помещенного в специальный контейнер. Двигатель корабля ионизирует его, разогревает и обогащает нагретыми парами углерода. Вот в чем заключается роль механизмов на борту корабля мошкиты. Вам все понятно, мистер, Уитбрид?

— Сэр, а почему бы не пригласить сюда старшего механика?

— Он *должен* быть здесь, мистер Уитбрид, но, к сожалению, на «Макартуре» постоянно случаются десятки поломок, и командор Синклер нужен везде. У него еще будет возможность встретиться с вами… Джек, не забудь об основах философии мошкитов. Мы создаем сотни механизмов для каждого вида работ, а в зонде было четыре или пять штуковин, отвечающих за все функционирование. Может, поэтому корабль мошкита кажется таким… простым с виду.

— Да, сэр… Но… Капитан, я думаю, что корабль создан для выполнения минимального количества функций. *СОЗДАН*. А мы не можем подобрать оборудования, чтобы выполнять и половину их.

— Да, наши технологии не позволяют, — про-

говорил Блейн. Потом дерзко, по-юношески, усмехнулся. — Мы, наверное, похожи на гибрид микроволновки, ионизатора топлива и сауны. Ладно, теперь сам чужак, вернее, чужачка. Ваши впечатления, мистер Уитбрид. Она разумна?

— Сперва она никак не реагировала и только молча смотрела на меня. Но когда я заорал, чтобы убрали силовое поле, она это сразу же поняла, причем мгновенно. Мне больше сказать нечего…

— Вряд ли, парень, — вскинул голову Каргилл. — Ну, ладно, проехали. И каково твое мнение? Она хотя бы чуть-чуть понимает англик? Или она прикидывается?..

Уитбрид пожал плечами.

— Она не проявляла реакции даже на мои жесты, за исключением того случая, когда я потянулся к ее скафандру… Вот намек она как раз уловила, сэр!

— Возможно, она немного глуповата, — сказал Род.

— Мы уверены в том, что она — астероидный шахтер, капитан, — заявил Каргилл. — По крайней мере, у нее корабль астероидного шахтера. Крючья и зажимы на корме могут служить для подвешивания образцов руды или камней, содержащих сплавы.

— И что?.. — поднял брови Блейн.

— Я знаком с несколькими астероидными шахтерами, капитан. Они умны, упрямы, независимы и молчаливы. Они доверяют друг другу свои жизни, но не своих женщин или имущество. И не думают о плохом… во всяком случае, так о них говорят.

Оба с надеждой взглянули на Уитбрида.

— Сэр… вы поставили меня в тупик. Правда. Она разумна. Вы ведь тоже видели, как она кинулась на панель управления. Она что-то переделывала, создавала новые схемы, переградуировала полдюжины приборов одновременно! Но, возможно, наш язык жестов не сработал. А почему — я и понятия не имею.

Род потер переносицу.

— Было бы удивительно, если бы сработал, — задумчиво вымолвил он. — Перед нами — единственный представитель совершенно чуждой расы. Будь мы чужаками и захвати мы астероидного шахтера, какие выводы мы могли бы сделать об Империи? — Блейн налил кофе себе, потом Уитбриду. — Что ж, команда Хорвата больше подходит для решения таких проблем. Пусть они и возятся с мошкитами.

Салли Фаулер недоуменно смотрела на мош-

киту.

— Не могу решить, кто из нас глуп — она или я. Вы видели, что произошло, когда я начертила ей доказательство теоремы Пифагора?

— Угу, — Реннер усмехнулся. — Она разобрала ваш карманный компьютер на части и снова собрала. И ничего не нарисовала. Все-таки кое в чем она глупа, — добавил он серьезным тоном. — Я не хочу вас обидеть — вы вполне компетентны, — но она чертовски доверчива. Ею управляет инстинкт самосохранения.

Салли кивнула, продолжая наблюдать за мошкитой.

— Она — настоящий гений, если дело касается механики, — заметил Реннер. — Но не понимает ни разговорной речи, ни жестов, ни рисунков. Разве можно быть гением и слабоумным одновременно?

— Ученый-идиот, — буркнула Салли. — У людей такое случается, хотя редко. Есть дети, которым постоянно нужна помощь, хотя они способны извлекать кубические корни и решать в уме логарифмы. А еще нам известно о взрослых талантливейших математиках, которые не умеют шнуровать ботинки.

— Но мы столкнулись с пришельцем, значит,

все дело в восприятии, — проворчал Хорват, отрываясь от изучения двух мошкит, которые копошились на полу. — Мне кажется, она поняла, что рисунок — это просто рисунок. Поэтому… Боже правый, что там еще стряслось?

Приемную огласил пронзительный вопль.

Каргилл вызвался проводить Уитбрида к ученым. Конечно, он не сомневался в том, что Уитбрид и сам найдет дорогу к приемной, куда временно поместили пришельцев (техники уже раздумывали над тем, какой вольер соорудить для малышек), но Джека Каргилла мучило любопытство.

Открыв дверь бывшей кают-компаниии, он обомлел. Чужачка разбирала кофейник: преступное вредительство — тем более дьявольское из-за ее вечной полуулыбки.

Услышав крик Каргилла, мошкита отпрянула, и первый лейтенант понял, что он опоздал. Миниатюрные винтики и детали валялись на столе. Чужачка разобрала верх кофейника, вероятно, желая изучить технику спайки. Детали реле времени, правда, оказались разложены изящным узором. Мошкита сняла цилиндрический корпус, открыв на всеобщее обозрение сварной шов.

А потом Каргилл обнаружил, что министр нау-

ки надвигается прямо на него.

— Вы ее испугали, — сдавленно произнес Хорват. — Выйдите, пожалуйста!

— Доктор, будьте добры, объясните… И я должен остаться!

— Хорошо! — Хорват кивнул на противоположный угол приемной.

Каргилл мельком взглянул на двух пришельцев. Их уже усадили на бильярдный стол, который окружили члены научной группы, допущенные в приемную. На суконной поверхности лежали тарелки с едой: тут был хлеб, морковь, сельдерей, различные образцы круп, ломтики размороженного сырого — и жареного мяса.

— А теперь объясните, что означает ваше вторжение! — прорычал Хорват.

— Капитан Блейн приказал проводить мистера Уитбрида. А ваше чудовище сломало кофейник!

— Нам еще повезло, — сказал не вполне к месту гардемарин Уитбрид, до сих пор хранивший молчание. — Она пыталась разобрать на части четвертый воздушный шлюз. Я ей помешал.

— Ее вообще интересуют только приборы и механизмы, — буркнул Хорват, не замечая волнения Каргилла. — И я в виде исключения согласен с адмиралом Кутузовым: чужачке нельзя разрешать

смотреть на движитель Олдерсона или генератор поля. Похоже, она способна понять, как действует любой механизм, даже не притрагиваясь к нему!

— Такого ей никто не позволит! — воскликнул Каргилл. — Но неужели вы не могли дать мошките что-нибудь другое? Кофейник был наполовину отремонтирован! Сэнди Синклер так старался! А она все испортила!

— В таком случае мистеру Синклеру следовало покрепче завинтить винты, — глубокомысленно произнес Хорват. — Послушайте, мы можем отдать вам кофейник из нашей лаборатории… или кипятильник… Мисс Фаулер, мошкита уже успокоилась? Мистер… Уитбрид? Мы рады, что вы заглянули сюда, мы ждали вас! Вы первым вступили в контакт с пришельцем! Командор Каргилл, пожалуйста, отойдите от мошкиты…

Каргилл тем временем действительно почти подобрался к мошките. Чужачка попятилась. Услышав окрик Хорвата, Каргилл нехотя остановился, время от времени кидая на мошкиту сердитые взгляды и изучая злосчастный кофейник.

Мошкита повертелась и быстро нашла конический пластиковый контейнер. Наполнив его водой из крана, она залила воду в кофейник.

Один из стюардов хихикнул.

Затем Мошкита поставила кофейник на стол и стала чего-то ждать.

Изумленный стюард взглянул на Каргилла. Тот кивнул. Пользуясь мерной ложкой, парень очистил посудину от гущи и включил кофейник. Чужачка внимательно следила за происходящим. Как и одна из малышек, несмотря на отвлекающие возгласы биологов, совавших ей под нос морковь.

— Она делала это и прежде, глядя, как мы варим кофе, сэр, — произнес стюард. — Наверное, ей хочется кофе, но ученые не додумались ее угостить.

— Через минуту, Эрни, здесь будет царить хаос, — сказал Каргилл. — Тебе придется прибраться. — Он повернулся к Салли: — Значит, монстр разбирает и собирает технику, да?

— И прекрасно справляется с задачей, — ответила Салли. — Она мгновенно собрала мой карманный компьютер.

Кофейник забурлил: вода в индикаторной трубке уже закипела.

Каргилл робко наполнил чашку и попробовал кофе.

— Нормально, — проговорил он и передал чаш-

ку мошките.

Она попробовала крепкое черное варево, пронзительно заверещала и швырнула чашкой в перегородку.

Салли увела Уитбрида в кладовую при офицерской кают-компании.

— Вы сделали так, что мошкита поняла вас. Каким образом вам это удалось?

— Всего один раз, — сказал Уитбрид. — Может, она решила дать мне побольше свободного места после того, как я заорал?

Салли нахмурилась.

— Она смотрела на вас. Похоже, она сперва не догадывалась, что вы говорите с ней. И она молчала, — Салли понизила голос и пробормотала: — Основная характеристика разумных видов — попытки общаться. Уитбрид, как вас зовут?

Уитбрид был поражен.

— Джонатон, мэм.

— Отлично, Джонатон, а я — Салли. Как мужчина женщине скажите, что я, черт побери, делаю не так? Почему она не общается со мной?

— Хорошо, Салли, — с готовностью отозвался Уитбрид. Ему нравилось произносить ее имя. И она оказалась старше его всего-то года на два. — Я могу придумать полдюжины причин! А если

она… читает мысли?

— И что она делает с…

— Она не знает нашего языка, верно? Может, она читает наши мысли только тогда, когда мы вопим как сумасшедшие? Как я?

— Или командор Каргилл, — отозвалась Салли. — Она отскочила от кофейника. Но ненадолго. Нет, не верю.

— Я тоже. Она притворяется!

— Притворяется?

— Прикидывается немой. Она не представляет, что нам сказать, поэтому ничего не говорит. Тянет время. Ее интересуют наши машины, и она потихоньку их изучает.

Салли кивнула.

— Один из биологов высказывал подобную мысль. Дескать, она ждет инструкций, а пока они не поступили, сканирует обстановку. Джонатон, как бы нам ее поймать на этом?

— Никак, — ответил Уитбрид. — Как разоблачить разумную крысу, притворяющуюся немой, если раньше вы никогда не видели крыс?

— Тогда остается только продолжать попытки, — она нахмурилась, думая о спектакле с кофейником, затем окинула Уитбрида долгим задумчивым взглядом. — Вы устали. Отдохните.

Пока нет ничего экстраординарного.

— Я вовсе не устал, — запротестовал Уитбрид и зевнул.

За его спиной послышался шорох, и они оба обернулись, но никого не увидели.

— Говорят, на «Макартуре» шныряют мыши, — сказал Уитбрид.

— Как они могут жить на стальном корабле? — спросила Салли.

Уитбрид пожал плечами.

— Попадают на борт с продовольствием. Они есть и в личных вещах! Изредка мы освобождаем отсеки «Макартура», выводим экипаж наружу и открываем люки корабля настежь. Но мы никак не можем избавиться от грызунов полностью. А в длительном полете, да еще с такой толпой на борту… Они, наверное, повсюду!

— Мыши могут жить почти везде, где может жить человек, — кивнула Салли. — А в Галактике мышей, пожалуй, столько же, сколько и людей. Мы буквально приносим их на каждую планету. Джонатон, а вдруг те малышки — мыши?

— Они явно ее не беспокоят. Она убила всех, кроме той парочки. И зачем она взяла их с собой? И почему выбрала именно их?

— Мы видели, как она их ловила, — Салли рас-

смеялась. — Вот удивится мистер Реннер, если они окажутся детьми мошкитов! Идите спать, Джонатон. Увидимся часов через десять.

17
Выселение мистера Кроуфорда

Гардемарин Уитбрид добрался до гамака быстрее, чем ожидал. Он блаженно повалился на сетку, смежил веки… и тотчас открыл один глаз, ощутив на себе чей-то пристальный взгляд.

— Да, мистер Поттер, — пробормотал он.

— Мистер Уитбрид, я буду вам весьма признателен, если вы побеседуете с мистером Стейли.

Уитбрид вздохнул и открыл второй глаз.

— Что еще?

— С ним что-то неладно. Вы знаете, каков он — скорее умрет, чем пожалуется. В последнее время он ходит как робот и почти не разговаривает, только вежливо отвечает на вопросы. И ест в одиночку… Вы знаете его дольше меня, и я подумал, что вы могли бы выяснить причину.

— Хорошо, Поттер, попробую. Когда проснусь, — он закрыл глаза. Поттер был еще здесь. — В восемь часов, Поттер. Это не может быть *настолько* важно.

В другой части «Макартура» штурман Реннер сидел в тесной каюте размером чуть больше,

чем его койка. Раньше здесь отдыхал и ночевал третий помощник, но двое ученых заняли каюту Реннера. В итоге помощник был вынужден переехать к офицеру из космодесанта.

Реннер сидел в темноте, а его рассудок судорожно пытался расслабиться. В конце концов Реннер включил свет и нащупал панель громкой связи. Ответивший ему рядовой проявил чудеса самоконтроля: он не выругался и проявил восхитительную вежливость.

— Дайте мне мисс Салли Фаулер, — велел Реннер.

Рядовой без комментариев послушался. «Робот он, что ли?» — подумал Реннер и потер лоб рукой.

Салли не спала. Она вместе с доктором Хорватом только что закончила устраивать пришельцев в каюте офицера-артиллериста.

— Да, мистер Реннер? — невозмутимо произнесла Салли.

Однако по выражению ее лица штурман понял, как плачевно он выглядит. Наверное, он смахивал на помесь человека с кротом. Но Салли совершила настоящий подвиг немногословного общения!

Реннер вскочил.

— Я кое-что вспомнил! Ваш карманный компьютер при вас?

— Конечно. — Она вытащила устройство из кармана.

— Пожалуйста, проверьте его для меня.

Изумленная Салли настрочила что-то на мониторе и быстро стерла, после чего небрежно написала простенькое уравнение, а затем — посложнее: для решения явно требовалась помощь корабельного компьютера. Девушка вызвала из памяти корабля произвольные личные данные и подняла взгляд.

— Он прекрасно работает.

— Или я спятил, или… Вы сами видели, как мошкита разобрала его на части и собрала снова?

— Она сделала то же самое и с вашим оружием.

— Но *карманный компьютер?* — Реннер вылупил глаза. — Вам известно, что это невозможно?

Салли решила, что он шутит.

— Разве?

— А между тем это так. Спросите у доктора Хорвата. — Реннер отключился и лег.

Салли поймала доктора Хорвата, когда тот возвращался в свою каюту.

— Компьютеры соединяются в огромную ин-

тегральную схему. Мы даже не пытаемся их чинить, — и Хорват забормотал что-то себе под нос.

Пока Реннер спал, Хорват и Салли разбудили ученых-физиков, и никто из них в ту ночь уже не ложился.

«Утро» на военном крейсере — вещь относительная. Утренняя вахта длится от четырех до восьми — в такие часы люди обычно крепко спят, — хотя космосу, пожалуй, нет дела до таких условностей. Независимо от времени суток на мостике и в машинном отделении должны находиться члены экипажа. Вахтенного офицера Уитбрида ожидало два дежурства, но после ремонта четкий график «Макартура» исчез в вакууме. В результате Джонатона освободили от утренней и предполуденной вахт, дав ему восемь часов великолепного сна.

Когда он проснулся, часы показывали девять.

— Ничего со мной не случилось, — запротестовал Хорст Стейли. — И откуда у тебя взялась эта мысль. Забудь.

— Лады, — мягко сказал Уитбрид и поставил на свой поднос сок и овсянку. В очереди в кафе он стоял сразу за Стейли.

— Впрочем, я ценю твой интерес, — равнодуш-

но произнес Стейли.

Уитбрид согласно кивнул. Он взял поднос и пошел дальше, глядя на неестественно прямую спину Стейли. Разумеется, Хорст выбрал свободный столик. Уитбрид присоединился к нему.

В состав Империи входило множество миров, где главенствовала белая раса. Парни с плакатов, зазывающих в военно-космический флот, все как один смахивали на Хорста Стейли. Квадратный подбородок, холодные голубые глаза, идеально симметричное лицо не выражает никаких чувств, широкие плечи, живот плоский и твердый, с рельефно выступающими мышцами. Внешне Стейли разительно отличался от Уитбрида, которому предстояло остаток жизни бороться с лишним весом.

Они поглощали завтрак в молчании. Наконец, как будто случайно, лишь бы что-то спросить, Стейли сказал:

— Как прошло?

Но у Уитбрида уже был наготове ответ.

— С переменным успехом. Худшие полтора часа я провел, пока мошкита глазела на меня. — Уитбрид встал, согнул колени и ссутулил плечи, как будто решил залезть в невидимый гроб высотой метр тридцать. — Полтора часа в такой позе! —

Он снова сел. — Настоящая пытка! Я-то надеялся, что выберут тебя.

Стейли покраснел.

— Я тоже вызвался добровольцем.

— Вот что меня потрясло! Ты же принял капитуляцию «Дерзкого»!

— И позволил тому маньяку украсть мою бомбу!

Уитбрид опустил вилку.

— Ого!

— Ты не курсе?

— Конечно, нет. Думаешь, Блейн рассказал об этом экипажу? Ты был в шоке, когда вернулся с задания, и мы толком не понимали — почему.

— Теперь ты знаешь. Какой-то болван пытался отказаться от своих слов, но капитан «Дерзкого» не позволил ему, хотя и мог. — Стейли сжал кулаки. — Он буквально вырвал у меня бомбу! А я позволил! Я бы отдал все за возможность… — Стейли внезапно поднялся, но Уитбрид схватил его за руку.

— Сядь, — приказал он. — Я могу объяснить, почему тебя не выбрали.

— Ты умеешь читать мысли капитана? — По молчаливому соглашению оба говорили вполголоса.

Внутренние переборки на «Макартуре» поглощали звук, но в некоторых помещениях голоса всегда звучали четко, и любой мог услышать их диалог.

— Угадай-ка — хорошая практика для гардемарина, — буркнул Уитбрид.

— Но почему? Из-за той бомбы?

— В определенном смысле да. Ты стремился проверить себя, но и без того в тебе слишком много от героя, Хорст. Совершенная физическая форма, здоровые легкие — и ни следа чувства юмора.

— У меня есть чувство юмора.

— Неправда.

— Ты хочешь сказать, что его нет?

— Ни тени. Ситуация не требовала героя, Хорст. Нужен был человек, который не будет заморачиваться по поводу того, что выглядит нелепо в тех или иных обстоятельствах.

— Ты смеешься надо мной! Проклятье, никогда не могу понять, когда ты говоришь серьезно, а когда нет!

— Сейчас не самое подходящее время для шуток, Хорст. Я не могу объяснить. Ты и сам видел, верно? Салли говорит, я появился на экранах интеркомов — во всей красе — и вдобавок объ-

емный.

— Да, — Стейли улыбнулся. — И мы увидели твою физиономию, когда ты начал ругаться. Но ты не застал нас врасплох. Изображение слегка дернулось, потом ты заорал на чужака, и аппаратура вышла из строя.

— А что бы сделал ты?

— Ну… что-нибудь другое. Полагаю, выполнил бы приказ, — ледяные глаза сузились. — Но точно не стал бы кричать.

— А как насчет выстрела из лазера в пульт управления? Чтобы обезопасить себя?

— Только после приказа.

— А может, ты бы прибегнул к языку жестов? Я несколько минут размахивал руками и надеялся, что меня поймут, но ничего не добился.

— Вот этого мы не видели.

— Ясно, — сказал Уитбрид, — Значит, требовался тот, кто будет выглядеть идиотом в любой ситуации. Вспомни, сколько раз ты слышал смех, пока я летел с мошкитом на «Макартур».

Стейли кивнул.

— Проехали, приятель. И вообще, лучше подумай о мошкитах. У нее есть чувство юмора, как ты думаешь? А понравится ли тебе, если мошкиты станут смеяться над тобой? Ты даже не можешь

быть уверен, радуется она или нет: ты не представляешь, как звучит ее смех…

— А ты выглядел действительно нелепо.

— Для первого контакта было необходимо послать человека, способного узнать, смогут ли чужаки общаться с нами. Здесь не требовалось защищать честь Империи. Пройдет еще немало времени, прежде чем мы поймем, с кем мы столкнулись. Еще будет место героям, Хорст. Как бывает всегда.

— Угу, — промычал Стейли.

Он доел овсянку, встал и ушел, держась все так же прямо и оставив изумленного Уитбрида сидеть за столиком.

«Ладно, — подумал Уитбрид, — я честно старался. И, может быть…»

Комфорт на военном крейсере — относительная вещь. Каюта офицера-артиллериста Кроуфорда была размером с его откидную койку: когда та поднималась, в распоряжении хозяина оказывалась каморка и крошечная раковина, пригодная разве что для чистки зубов. Раскладывая койку перед сном, Кроуфорд был вынужден открывать дверь каюты. А еще, будучи человеком высоким, Кроуфорд научился спать, свернувшись клубком.

Но узкая койка и дверь с замком — вместо гамака или ряда из трех дюжин коек — это все же подобие комфорта. Кроуфорд пытался сохранить его, но был выселен. Сейчас он водворился на катере «Макартура», а его помещение заняла чужачка.

— Она чуть выше метра, — рассудительно вымолвила Салли Фаулер. — И она у вас поместится. Хотя… в какой же вы ютитесь маленькой комнатушке! Вы думаете, ей действительно будет уютно? Может, оставить ее в бывшей кают-компании?

— Я видел кабину ее корабля — ничуть не больше. Ей будет удобно, — сказал Уитбрид.

Было уже поздно, но он предпочел поговорить с Салли обо всем, что знал. Теперь, по крайней мере, у него будет отмазка, если Каргилл спросит, зачем он надоедает Салли.

— Полагаю, кто-то постоянно следит за ней по общей связи?

— Да, — подтверила Салли и пошла в кают-компанию ученых.

Уитбрид пошел за ней.

Часть помещения оказалась отгорожена сеткой, за которую поместили обеих малышек. Одна грызла кочан капусты, держа его четырьмя ру-

ками сразу, другая, беременная, с раздувшимся животом, играла с карманным фонариком.

«Прямо как обезьяны», — подумал Уитбрид. Он впервые получил возможность разглядеть этих крошек. Их густой мех испещряли желтые пятна, а у крупной чужачки шкура имела однородный коричневый оттенок. Четыре руки были почти одинаковыми (включая и количество суставов): пять пальцев — на левых руках и шесть — на правых. Верхние конечности отличались удивительной гибкостью, не свойственной людям. Да, и еще одна подробность: мышцы внешней левой руки крепились к темени. Зачем, если не для увеличения усилия при подъеме тяжестей?

Когда он насмотрелся на малышек, Салли отвела его к угловому столику, где громко о чем-то спорили биологи. Уитбрид взял кофе себе и Салли и спросил у девушки, что она думает о странной мускулатуре пришельцев. Не то чтобы это его заинтриговало, но следовало с чего-то начать…

— Мы считаем, что это рудимент, — произнесла она. — Они вроде бы не нуждаются в ней: их левые руки не приспособлены для тяжелой физической работы.

— Значит, они не обезьяны! Они отпрыски той большой мошкиты.

— Или кого-то еще. Джонатон, у нас есть две классификации, — Салли повернулась к экрану общей связи, и на нем появилось изображение мошкиты.

— Она выглядит веселой, — сказал Уитбрид и усмехнулся. — А мистеру Кроуфорду не понравится то, что она сделала с его койкой.

— Доктор Хорват не позволил никому ей мешать. Она может делать что угодно и с чем угодно, кроме интеркома.

Койка Кроуфорда была укорочена и оконтурена. Сами контуры оказались чрезвычайно странными — вероятно, потому, что мошкита спала на правом боку. Матрас она разрезала и сшила заново, нижнюю стальную раму согнула и перекрутила. Там появились два углубления для двух правых рук, ямка для бедра и высокий гребень, служащий подушкой.

— Почему она спит только на правом боку? — спросил Уитбрид.

— Она может защититься левой рукой, если ее потревожат во сне. Та верхняя конечность гораздо сильнее.

— Бедняга Кроуфорд! Возможно, она боится, что он попытается ночью перерезать ей горло. — Он поглядел, как мошкита трудится над потолочной

лампой. — У нее однобокое мышление, верно? Надо извлечь из этого пользу. Она способна усовершенствовать любую вещь!

— Не исключено. Джонатон, вы изучали зарисовки вскрытия первого чужака?

Салли говорила, как школьная учительница. Она была достаточно взрослой для этого, но слишком хорошенькой, решил Уитбрид.

— Да, мадам, — сказал он вслух.

— Вы видите какие-нибудь отличия?

— Цвет меха. Но ведь тот чужак провел в анабиозе сотню лет!

— А еще?

— Наша, по-моему, выше. Впрочем, не поручусь.

— Взгляните на ее голову.

Уитбрид нахмурился.

— Я ничего особенного не вижу.

Салли достала карманный компьютер. Тот секунду помедлил, предупредив, что данные содержатся в памяти главного корабельного компьютера. Где-то в глубинах «Макартура» луч лазера двинулся по голографическим линиям. Корабельная память содержала все пока еще скудные знания человечества о мошкитах. Найдя запрошенную Салли информацию, машина

направила ее в карманный компьютер, и на мониторе возник рисунок.

Уитбрид изучил его, затем взглянул на экран и мошкиту.

— Ее лоб! Он покатый!

— Так же считаем и мы с доктором Хорватом.

— Это нелегко обнаружить — голова у мошкиты кривоватая.

— Да, но лоб покатый. Мы считаем, что отличаются и руки, правда, незначительно.

На переносице Салли появились три морщинки. Отправляясь в космос, девушка коротко подстриглась, и все это вместе с хмурым лицом и непроницаемыми карими глазами придавало ей весьма ученый облик.

Уитбриду это не нравилось.

— Получается, у нас есть три различных вида мошкитов, — резюмировала Салли. — Итак, всего мы изучили четыре мошкита. Высокий темп мутаций, вам не кажется?

— Неудивительно, — Уитбрид вспомнил лекции по истории, которые священник Харди читал гардемаринам во время полета. — Они в своей системе — как в ловушке, и, если у них была атомная война, им приходится жить дальше и как-то приспосабливаться, верно? — он подумал

о Земле и содрогнулся.

— Мы не видим никаких признаков, связанных с последствиями атомной войны.

— За исключением мутаций.

Салли рассмеялась.

— Ваши доводы идут по кругу. Ладно! Никто из трех типов не калека, Джонатон. Они прекрасно приспосабливаются к новым условиям, они здоровы… конечно, за исключением мертвеца, но его можно не считать. Вряд ли на зонде послали бы калеку.

— Конечно, нет. Но в чем же вопрос?

— Вы столкнулись с ними первым, Джонатон. Назовем существо в зонде «тип А». Каковы отношения между типами Б и В?

— Понятия не имею.

— Но вы видели их вместе.

— Какая-то ерунда получается! Малышки держались отдельно от крупной особи, и та ничего не имела против. Потом я намекнул главной чужачке, что хочу увезти ее на «Макартур». Она тотчас поймала первых попавшихся двух малюток, прихватила их с собой и ни с того ни с сего убила всех остальных!

Уитбрид примолк, думая о вихре, который вышвырнул его из воздушного шлюза корабля

мошкиты.

— А теперь скажите вы: кем являются эти мелкие… твари? Домашние зверьки? Дети? Но ведь она *убила* их! Паразиты? Тогда зачем двоих она спасла? Животные, употребляемые в пищу? Вы не пытались их… попробовать?

Салли скорчила гримасу. На ее хорошеньком личике отразились смешанные чувства.

— Поджарить одну из маленьких бестий и предложить главной мошките в качестве десерта? Будьте благоразумны.

Чужачка в каюте Кроуфорда набрала пригоршню каких-то зерен и съела.

— Жареная кукуруза, — объяснила Салли. — Мы сперва угостили маленьких. Может, для этого они и нужны? Пробуют пищу?

— Вероятно.

— Она и капусту ест. Хорошо, что она не умрет с голоду, но она может заболеть от недостатка витаминов. Мы можем только наблюдать и ждать… Надеюсь, вскоре мы отправимся к их родной планете. А пока, Джонатон, вы единственный, кто видел корабль мошкитов изнутри. Было ли оконтурено сиденье пилота? Я успела разглядеть лишь мельком, через камеру на вашем шлеме.

— Было. Фактически оно облегало ее, как пер-

чатка. Я заметил и кое-что еще: пульт управления располагался справа от сиденья. Только для правых рук…

Оказывается, он обнаружил на чужом корабле множество подробностей, что позволило ему до самой вахты наслаждаться приятным обществом Салли. Однако ничто из этого нельзя было использовать. Пока.

Уитбрид еще не успел занять свое место на мостике, когда доктор Бакман вызвал капитана.

— Корабль, Блейн, — сказал Бакман. — С обитаемой планеты, с Мошки-1. До сих пор мы не могли его засечь. Нам мешал проклятый лазерный сигнал.

Блейн кивнул. Его собственные мониторы показали судно мошкитов еще девять минут назад. Команда Шаттака не хотела, чтобы гражданские хвастались, будто они внимательнее военных.

— Он подойдет к нам через восемьдесят один час, — добавил Бакман. — Его ускорение составляет ноль целых восемьдесят сотых *g*, что соответствует гравитации на поверхности Мошки-1. Странное совпадение! В целом он похож на первый корабль, только гораздо массивнее. Я дам вам знать, если мы получим еще какие-нибудь данные.

— Хорошо. Продолжайте наблюдение, доктор.

Уитбрид отключил связь. Капитан повернулся к помощнику.

— Сравните наши данные с полученными Бакманом, номер первый.

— Так точно, сэр, — Каргилл пару минут возился с клавиатурой компьютера. — Капитан?

— Да?

— Взгляните на время старта. Чужой корабль взлетел с планеты не позднее чем через час после нашего перехода.

Блейн присвистнул.

— Вы уверены? Скажем, двадцать минут, чтобы обнаружить нас, и сорок, чтобы подготовиться и стартовать. Джек, какой корабль способен стартовать через сорок минут?

Каргилл насупился.

— Никогда не слышал о таком. Крейсер военно-космического флота *может*, если весь экипаж на местах и готов.

— Похоже, к нам летит военный корабль, номер первый. Сообщите об этом адмиралу, затем Хорвату. Уитбрид, дайте Бакмана.

— Да? — астрофизик казался встревоженным.

— Доктор, мне нужно все, что ваши люди могут дать о корабле пришельцев. И немедленно.

Кстати, что вы можете сказать о его странном ускорении?

— Разве не очевидно? Они стартовали с Мошки-1 или с расположенного рядом спутника спустя сорок минут после нашего прибытия сюда. В чем проблема?

— Если они взлетели настолько быстро, то это почти наверняка военный корабль.

Бакман стоял на своем.

— Думайте что хотите, но математика неумолима, капитан. Либо они стартовали через сорок минут, либо… Сейчас корабль мошкитов находится примерно в двух миллионах километров по нашу сторону Мошки-1… что дает им больше времени… Но я не верю.

— Я тоже. Но я хочу, чтобы вы меня поняли, доктор Бакман. Что заставляет вас предполагать, будто у них было больше времени для старта?

— Капитан, мне трудно размышлять, используя ракетную терминологию. Моя область — гравитационное ускорение. Но… — Глаза Бакмана остекленели, и на мгновение он стал похож на идиота. — Можно предположить движение по инерции и значительное стартовое ускорение. Действительно значительное, капитан!

— Долго ли продолжалось движение по инер-

ции?

— Несколько часов. Капитан, а что вас в принципе волнует? Почему бы им не запустить за сорок минут научно-исследовательский корабль? Почему обязательно военный? В конце концов, «Макартур» совмещает в себе обе функции, и все это требует от вас чрезмерно долгого старта. Кстати, я-то был готов еще задолго до взлета.

Блейн выключил экран. «Я еще сверну тебе костлявую шею, — подумал он. — Пусть меня судит Верховный суд, я буду настаивать на том, что мне было необходимо совершить убийство. Я вызову в суд всех до единого, кто знал его, и меня оправдают».

Он коснулся переключателей.

— Номер первый, что произошло?

— Они запустили корабль через сорок минут.

— Значит, это военный корабль.

— Так думает и адмирал. Доктор Хорват сомневается.

— Я тоже, но надо быть готовыми к любым неприятностям. И узнать о мошкитах все, что только можно. Надо перегнать людей Хорвата, которые заняты нашими новыми пассажирами. Номер первый, возьмите катер и отправляйтесь на астероид, с которого прибыла мошкита. Там

нет никаких признаков активности и наверняка безопасно. Я хочу знать, что мошкита там делала. Это будет наш ключ к разгадке!

18
Каменный Улей

Гораций Бери разглядывал малышку, играющую за проволочной сеткой.

— А они кусаются? — спросил он.

— Нет, — ответил Хорват. — Даже когда биологи брали у них пробы крови.

Бери пристально посмотрел на Хорвата. Министр Хорват считал себя знатоком людей — однажды он оставил науку, пошел в политику и быстро там освоился, — но не мог проникнуть в глубину мыслительных процессов Бери. Доброжелательная улыбка торговца была лишь маской. Прикрываясь ею, он разглядывал мошкиту с высоты своего роста — подобно богу, который судит слабых в вере.

«До чего же они безобразны! — подумал Бери. — Жаль! Их нельзя держать в качестве домашних любимцев, если...» — Он шагнул вперед и просунул руку в отверстие в загородке, слишком маленькое, чтобы малышки могли выбраться на свободу.

— За ухом, — подсказал Хорват.

— Спасибо. — Бери стало интересно, подойдет ли кто-нибудь из малышек поближе, чтобы познакомиться с ним.

Подбежала худощавая. Бери почесал ее за ухом. Он был осторожен, поскольку ухо казалось чрезвычайно хрупким. Малышке как будто бы понравилось.

Это будет бомба! Таких домашних зверюшек можно продавать по несколько тысяч в месяц, — решил Бери. — В первое время. Пока не пройдет ощущение новизны. Лучше бросить их на рынки всех планет сразу. Если разводить их в неволе и если удастся кормить их и продавать, пока людям не надоест покупать…

— Аллах! Она стащила мои часы!

— Они любят механизмы. Видите карманный фонарик, который мы им дали?

— Неважно, Хорват. Как мне получить часы обратно?

— Протяните руку и заберите. Или позвольте мне.

Однако Хорват не сумел дотянуться до мошкиты, которая забивалась в самый дальний угол. Она не хотела расставаться с часами, и Хорват задрожал от волнения.

— Я бы не хотел тревожить их!

— Хорват, мои часы стоят восемьсот крон! Они не только показывают время и дату, но… — Бери выдержал паузу. — Они еще и противоударные. Производители утверждают, что удар, который расколет их, должен быть смертельным и для владельца. Вряд ли ей удастся повредить их.

Мошкита внимательно изучала браслет часов, и Бери удивился, почему ее манеры кажутся ученым очаровательными. Ни один домашний зверек не ведет себя подобным образом. Даже кошки.

— Вы снимаете их на камеру?

— Конечно, — ответил Хорват.

— Моя фирма, возможно, захочет купить эти кадры. Для рекламных целей. — «В том числе», — добавил про себя Бери.

Сейчас к ним приближался корабль мошкитов, и Каргилл отправился куда-то на катере. Бери никогда не общался с Каргиллом, но оставался Бакман. В конце концов, должен же выпитый астрофизиком кофе принести дивиденды.

Эта мысль наполнила его печалью.

Катер оказался самым крупным летательным аппаратом на ангарной палубе «Макартура». На его корпусе была специальная плоская поверхность, иногда выполняющая роль площадки:

в данный момент катер прижимался ею прямо к стене ангара. Кроме того, катер оснастили входными «туннелями»: они соединяли воздушный шлюз с жилыми отсеками «Макартура», поскольку обычно в ангаре царил вакуум.

Ни генератора поля Лэнгстона, ни движителя Олдерсона на борту катера не было, зато имелся эффективный и мощный двигатель и запас топлива, довольно значительный даже без отделяющихся резервуаров. Защитное покрытие на носу обеспечивало одно вхождение в земную атмосферу на скорости двадцать километров в секунду — или несколько больше, конечно, на меньших скоростях. Рассчитанный на шестерых, катер мог взять на борт и больше пассажиров и лететь от планеты к планете, но не курсировать между звездами. В былые времена историю делали и совсем маленькие космолеты — катер «Макартура» относился к их числу.

Сейчас на его борту спали полдюжины человек. Одного выселили с «Макартура», дабы освободить место для Кроуфорда, которого тоже выставили из отдельной каюты, предоставив ее трехрукой чужачке.

Каргилл ухмыльнулся.

— Возьму Кроуфорда с собой, — решил он. — Не

вышвыривать же его еще раз. Лафферти пойдет штурманом. Трое космодесантников… — он проглядел список команды, — и Стейли гардемарином. Его обрадует возможность показать свои навыки, и он продемонстрирует образцовую исполнительность.

Внутри катер был вычищен и надраен, но и тут виднелись следы переделок Синклера — к примеру, вдоль левого борта, где лазеры «Дерзкого» пробили защитный слой. Хотя катер находился на значительном расстоянии, повреждения оказались серьезными.

Каргилл разместил свои вещи в единственном огороженном углу кабины и изучил план предполагаемого перелета. Полет должен проходить с ускорением в три *g*, хотя на практике это могло означать одно *g* по дороге туда и пять — на обратном пути. У астероида, естественно, не было ядерного реактора, но это не означало, что он необитаем.

Джек Каргилл вспомнил скорость, с какой чужачка заново собрала кофейник, ничего не зная о вкусе кофе! Может, на ее планете уже миновали стадию ядерной энергии? Джек разделся и облачился в вакуумный скафандр — плотно облегающий, но пористый, чтобы пропускать

микроскопические капли пота наружу. В скафандре имелся саморегулирующийся температурный переключатель, а благодаря особому материалу кожа человека могла выдерживать холод космического пространства. Шлем плотно прикреплялся к воротнику. В бою он не мог защитить от тяжелого оружия, но отлично подходил для осмотров и проверок.

Снаружи катера нельзя было заметить никаких следов повреждений или ремонта. Правда, часть жаропрочного покрытия немного отслоилась и висела у него под носом, точно огромная лопата, выставляя напоказ пузырь рулевой рубки, иллюминаторы и дуло главного оружия катера — лазерную пушку.

В сражении главными задачами катера были наблюдение и разведка, но иногда ему удавалось подобраться к ослепленному вражескому кораблю на расстояние пуска торпеды. Против корабля мошкитов, у которого не было поля Лэнгстона, лазерной пушки хватило бы с лихвой.

Каргилл осмотрел оружие с необычной тщательностью. Он побаивался мошкитов. Пока он в этом почти одинок, но вряд ли надолго.

Второй корабль чужаков оказался побольше первого, а оценка его массы была весьма нена-

дежна: она зависела от ускорения (известного), потребления топлива (можно рассчитать по температуре привода), рабочей температуры (по спектру излучения, который лежал в мягкой области рентгеновских лучей) и эффективности (чисто предполагаемой). Когда параметры свели воедино, масса оказалась куда меньше ожидаемой и равной примерно массе трехместного корабля людей.

— Но они — не люди, — заметил Реннер. — Четыре мошкита весят как два человека, но им не требуется столько места. Мы не представляем, какое у них оборудование, вооружение, защита. Тонкие стены, похоже, не пугают их, что позволяет им строить кабины под свои размеры…

— Ладно, — перебил Род. — Если блуждаете в потемках, так и скажите.

— Блуждаю.

— Спасибо, — терпеливо ответил Род. — А есть что-нибудь, в чем вы уверены?

— Ускорение, сэр. С тех пор как мы обнаружили корабль, оно постоянно с точностью до трех значащих цифр. Вот что непонятно, — признался Реннер. — Обычно мы, заставляя двигатель работать на полную мощность, вносим мелкие поправки в курс… а если оставить его без при-

смотра, погрешности неизбежны. Поддерживая подобное постоянное ускорение, они попусту теряют время.

Род потер переносицу.

— А если они подают своего рода сигнал? И указывают нам, куда направляются?

— Да, сэр. Прямиком сюда. И просят подождать их, — Реннер свирепо усмехнулся. — Да, мы узнали кое-что еще, капитан. Профиль корабля чужаков стал более узким после того, как мы заметили его. Вероятно, они сбросили топливные баки.

— Что?.. Вы не ошиблись? Для того чтобы быть в этом уверенным, надо наблюдать за объектом уже после того, как он проскочит солнце!

— Вы правы, сэр. Но нам помогает Угольный Мешок — его свет дает отличную возможность оценить площадь сечения корабля. Неужели вы не обратили внимания, что разные части Угольного Мешка имеют различные цвета, капитан?

— Нет, — Блейн снова потер нос. — Военный крейсер не стал бы сбрасывать топливные баки, верно? Но гарантии нет. Наверняка мы можем утверждать лишь то, что чужаки летят к нам.

Стейли и Бакман заняли задние сиденья в треугольной кабине катера. Катер рванулся вперед

на одном *g*, и Стейли увидел поле «Макартура», сомкнувшееся за ними. На фоне черноты Угольного Мешка военный корабль превратился в невидимку.

Они были в открытом космосе.

Половину неба занимал Угольный Мешок — беззвездный, за исключением яркой розовой точки в нескольких градусах от края. Будто Вселенная там заканчивалась. «Как стена», — подумал Хорст.

— Посмотрите-ка, — сказал Бакман, и Хорст вздрогнул. — На Новой Шотландии есть люди, называющие это Ликом Господа. Суеверные болваны!

— Угу, — пробормотал Хорст.

Он считал суеверия глупостью.

— Отсюда он и вовсе не похож на человеческое лицо, но как же он величественен! Хотел бы я, чтобы это увидел муж моей сестры. Он прихожанин Церкви Его Имени.

Хорст кивнул в полутьме.

Со всех заселенных людьми планет Угольный Мешок казался черной дырой в небе: можно было ожидать, что и сейчас он будет совершенно непроницаемым. Однако глаза Хорста различили в Угольном Мешке красноватое свечение:

туманность напоминала многослойный газовый занавес или струи крови, растекающиеся в воде. Зрелище завораживало. Вихревые газовые завитки и узоры космической пыли, собирающиеся в вакууме, формировались здесь миллионы световых лет.

— Представьте наши с зятем споры! — воскликнул Бакман. — Я пытался образумить глупца, но он и слушать не желал!

— А я, если честно, никогда не видел неба прекраснее! Доктор Бакман, этот свет идет от Глаза Мёрчисона?

— Казалось бы, невозможно, да? Мы хотели найти иные источники излучения… ультрафиолетовые звезды в глубине пыли. Будь там крупные объекты, их обнаружили бы индикаторы массы. Знаете, Стейли, Глаз расположен не так уж и далеко от Угольного Мешка.

— Два световых года!

— И что? Свет стремителен и не знает преград! — Зубы Бакмана сверкнули в мягком разноцветном свете, шедшем от пульта управления. — Мёрчисон упустил великолепную возможность изучить Угольный Мешок, хотя у него был шанс! Конечно, он находился не с той стороны Глаза и, вероятно, не рискнул чересчур

удалиться от точки перехода… Но нам повезло, Стейли! Судите сами! Густая межзвездная масса и красный сверхгигант у ее края для освещения! Смотрите, куда я указываю, Стейли! Видите, как поток буквально влечет к этому завитку. Похоже на водоворот, да? Если бы наш капитан перестал критиковать меня по любому поводу и пустил к корабельному компьютеру, я бы доказал, что завиток является как раз протозвездой в процессе сгущения! Или нет?..

Бакмана временно назначили на должность повыше, чем у самого Стейли, но он оставался гражданским. И вообще ему не следовало говорить о капитане подобным образом.

— Мы пользуемся компьютером для других целей, доктор Бакман.

Бакман отпустил руку Стейли. Глаза его стали пустыми, как будто его душа затерялась в огромном темном полотнище, озаренном багровым сиянием.

— Впрочем, мы справимся. Мошкиты должны были вести наблюдения за Угольным Мешком всю свою историю: десятки тысяч лет. Особенно если у них развита такая псевдонаука, как астрология. Если нам удастся войти в ними в контакт… — Он замолчал.

— Кстати, а почему вы хотели сопровождать нас? — спросил Стейли.

— Думаете, я отправился с вами, чтобы просто полюбоваться обломками астероидов? Стейли, меня не волнует, что делала мошкита в открытом космосе. Но мне надо выяснить, почему захламлены троянские точки!

— Думаете найти там разгадку?

— Полагаю, ее подскажет состав астероида. Надеюсь.

— А я смогу вам помочь, — произнес Стейли. — У Саурона — моей родины — есть пояс астероидов и горная промышленность. Мой дядя научил меня разбираться в горных породах. Думаю, когда-нибудь и я стану горняком. — Он вдруг осекся, ожидая, что Бакман сболтнет что-нибудь лишнее.

Но Бакман спросил:

— А что капитан надеется найти здесь?

— Он говорил мне. Могу сказать вам одно: нам известно, что астероидом интересовалась мошкита. Значит, все дело в ней. Но кое-что сейчас разведать мы можем.

— Маловато информации, — пробурчал Бакман.

Стейли успокоился. То ли Бакман не знал,

почему у Саурона дурная слава, то ли проявил тактичность. Хотя возможно ли такое? Едва ли.

Отпрыск мошкитов родился через пять часов после того, как катер «Макартура» ушел к астероиду. Роды напоминали щенение, хотя мать не имела с собаками ничего общего, да и родился у нее всего один-единственный детеныш размером с крысу.

Бывшая кают-компания в тот день была весьма популярна у экипажа, офицеров и ученых. Даже капитан нашел причину заглянуть в приемную.

— Какая крошечная у него левая нижняя ручка! — воскликнула Салли. — Мы стали свидетелями появления на свет новой жизни! Инопланетной, между прочим!

Кому-то из ученых пришло в голову привести с собой и крупную мошкиту. Она даже не взглянула на новорожденного и обратилась к мелким особям. Одна из них вытащила из-под подушки часы Горация Бери и передала главной мошките.

Род, когда имел такую возможность, наблюдал за детенышем. Тот выглядел очень развитым для новорожденного. Через час он уже грыз капусту и мог ходить, хотя мать предпочитала носить его на руках. Двигалась она стремительно, и, казалось, малыш вовсе не мешает ей.

Тем временем корабль чужаков подлетал все ближе, и если в его ускорении и происходили изменения, то компьютер «Макартура» пока их не зафиксировал — в отличие от других параметров.

— Они будут здесь через семьдесят часов, — сказал Род Каргиллу, который появился на экране. — Вы должны вернуться через шестьдесят. Не позволяйте Бакману встревать в наши дела. Если столкнетесь с чужаками, немедленно сообщите… И без необходимости не пытайтесь с ними контактировать.

— Слушаюсь, капитан.

— Это не мой приказ, Джек, а Кутузова. Ему не понравилась наша вылазка, поэтому взгляните на астероид и сразу возвращайтесь.

Астероид отделяло от «Макартура» тридцать миллионов километров: около двадцати пяти часов пути в каждую сторону при одном *g*. Четыре *g* сокращали время наполовину.

«Вряд ли следует терпеть из-за этого четыре *g*», — подумал Стейли.

— Можно идти на полутора *g*, сэр, — предложил он Каргиллу. — При четырех не только дорога будет короче, но и мы сразу вымотаемся.

— Великолепное предложение, мистер Стей-

ли, — произнес Каргилл.

— Значит, полтора?

— Нет.

— Но… почему, сэр?

— Не люблю добавочные *g*. Это требует топлива, а если мы израсходуем слишком много, «Макартуру», чтобы доставить нас домой, придется залезть в газовый гигант. Никогда не расходуйте топливо впустую, мистер Стейли, — оно может понадобиться. Кроме того, идея наивная.

— Да, сэр.

— Подобные мысли хороши в безвыходных положениях, когда уже нет выбора. Если они приносят успех, то попадают в «Книгу». Я имею в виду огромную коллекцию собранных идей, которые сгодятся для любого придурка, — он улыбнулся, посмотрев на изумленное лицо Стейли. — Давайте расскажу, как я попал в «Книгу»…

Для гардемарина служба оказалась процессом непрерывного обучения. Стейли сможет получить и звание повыше, чем остальные, если он покажет, на что способен… и выживет.

Закончив свой рассказ, Каргилл взглянул на часы.

— Вздремните, Стейли. На обратном пути пилотом будете вы.

Издалека астероид казался темным, шершавым и пористым. Один оборот он совершал за тридцать один час. «На редкость медленно», — подумал Бакман. Никаких признаков активности там вроде бы не имелось: ни излучения, ни аномалий нейтрино. Хорст Стейли исследовал изменения суточной температуры, но ничего не обнаружил.

— Он необитаем, — заявил он. — Формам жизни, которые развились на Мошке-1, требуется тепло, верно, сэр?

— Да.

Катер двинулся к астероиду. Сыпь, которая делала глыбу камней похожей на пористый обломок, превратилась в оспины, а затем в разнокалиберные ямки. Определенно следы метеоритов. Но сколько же их?

— Я же говорил, что в троянских точках яблоку негде упасть, — радостно затараторил Бакман. — Вероятно, астероид регулярно проходит через троянские группы… Хотя дайте-ка мне крупным планом вон ту яму!

Каргилл увеличил изображение вдвое, и половину экрана заполнила черная выбоина. Вокруг виднелись более мелкие.

— Никаких следов кратерного обода, — пробор-

мотал Каргилл.

— Вот-вот! Проклятая глыба внутри пуста. Поэтому у нее настолько низкая плотность! Да, сейчас он необитаем, но я полагаю, что раньше здесь жили! Пожалуй, пришельцы даже сумели изменить орбиту астероида. — Бакман заерзал в кресле. — Каргилл, я должен его изучить… и поскорее!

— Да, но сейчас им займетесь не вы, док. На астероид высадятся флотские.

— Черт побери! Но это же моя профессиональная область!

— Забота о вашей безопасности лежит на мне, док. Лафферти, взглянем на него повнимательнее.

Обратная сторона астероида представляла собой громадный чашеобразный кратер.

— Он усеян настоящими мелкими кратерами, и не ямами, — произнес Каргилл. — Как вы думаете, док, почему?

— Ну… если они не имеют естественного происхождения, то…

— Астероидом действительно управляли! — перебил его Стейли.

— Конечно! — оживился Каргилл. — Астероидом управляли с помощью термоядерных

приспособлений, взрывая бомбу в одном и том же кратере, но это было очень давно. Данные о радиации, гардемарин!

— Слушаюсь, сэр. — Гардемарин вышел и вернулся через минуту. — Ничего, сэр. Камень холоден.

— Правда? — Каргилл отправился проверить сам. Закончив, он взглянул на приборы и нахмурился. — Холоден, как сердце пирата! Если они пользовались бомбами, то дьявольски чистыми. Удивительно.

Катер продолжал кружить около астероида.

— Похоже на воздушный шлюз! — Стейли указал на выступающий каменный колпак, окаймленный блекло-оранжевыми узорами.

— Сомневаюсь, что мы сможем его открыть! Мы войдем внутрь через одно из метеоритных отверстий. А пока посмотрим на него сверху. Лафферти, летим туда.

В донесениях они называли астероид Ульем. Каменную глыбу пронизывали многогранные ячейки без пола, соединенные слишком узкими для человека проходами, заполненными высохшими асимметричными мумиями. Какие бы чудеса ни творили строители, искусственная гравитация в их число явно не входила. Коридоры

тянулись во всех направлениях: круглые комнатки и складские помещения усеивали выступы, служившие подпорками. Здесь же имелись и скобы, необходимые для привязывания веревок, и маленькие ниши.

Мумии были повсюду, худощавые и высохшие, с раскрытыми ртами, ростом от одного до полутора метров. Стейли выбрал несколько и отнес на катер.

Там были и машины, совершенно загадочные для Стейли и его людей. Механизмы полностью замерзли в вакууме. Стейли с усилием оторвал один из агрегатов от стены: он показался ему самым странным. К сожалению, ни одна из машин не сохранилась в целости.

— Металла нет, — доложил Стейли. — Каменные штурвалы и то, что смахивает на них, могут содержать интегральные схемы — нечто вроде керамики с разными примесями. Но металла крайне мало, сэр.

Они двигались наугад и, наконец, набрели на главный зал. Он был просторным, но почти все свободное пространство помещения занимала гигантская машина. Из развалин ветвились кабели — возможно, сверхпроводники, — и это убедило Стейли в том, что перед ними находится

источник питания астероида. Однако и тут они не обнаружили никаких следов радиации.

Продвигаясь в проходах между непонятными каменными блоками, они набрели на большой металлический ящик.

— Вскройте! — приказал Стейли.

Лафферти воспользовался лазером. Они сгрудились вокруг, глядя на зеленый луч, который ничего не мог сделать с серебристой обшивкой. «Куда уходит энергия? — задумался Стейли. — Может, мы просто закачиваем ее внутрь?» Тепло, бившее ему в лицо, подсказало ответ.

Стейли измерил температуру ящика. Она была чуть ниже, чем у раскаленного металла. Когда Лафферти выключил лазер, обшивка тотчас остыла. Температура во всех точках объекта стала одинаковой.

Сверхпроводник тепла. Стейли присвистнул во встроенный микрофон и решил, что неплохо было бы принести на борт хотя бы кусок ящика в качестве образца. Стейли попробовал воспользоваться щипцами, и металл уступил: он стал мягким, словно олово.

Спустя некоторое время им удалось оторвать от ящика полосу.

Картографировать Улей с его лабиринтом пет-

ляющих коридоров оказалось невозможно. С трудом определяя свое положение, астронавты помечали пройденный путь и использовали протонно-лучевые приборы для определения расстояния сквозь стены.

Сами же стены многочисленных коридоров напоминали яичную скорлупу. Наружные — чуть толще. Вряд ли астероид являлся комфортным и безопасным для проживания. Зато стены под кратером оказались многометровой толщины.

«В Улье должна быть остаточная радиация, — размышлял Стейли, — но ее нет. Иначе они срезали бы и эти стены, как поступили с остальными, освобождая для себя место. Вероятно, у них произошел демографический взрыв. А затем что-то их уничтожило. Итак, радиации нет. Почему? И еще один вопрос? Когда случилась катастрофа, в которой они погибли?»

Стейли взглянул на тяжелый предмет, который тащили по коридору Лафферти и Сол. Вакуумная цементация и движение частиц через границу раздела — вот что могло дать ответ на вопрос, связанный с превращением астероида в Улей.

Впрочем, Стейли не сомневался в том, астероид очень стар.

19
Второй по популярности канал

Священник Дэвид Харди разглядывал мелких пришельцев только на экранах связи: он не хотел принимать участия в бесконечных спорах о том, что они собой представляют. Это был вопрос из области научных интересов доктора Хорвата и его людей, а священник Харди ставил на кон нечто большее, чем любопытство. Он пытался понять мошкитов и соотнести их с людьми, тогда как ученых Хорвата интересовало, разумны ли чужаки.

Разумеется, Харди задействовал и логику. Невозможно поверить, что бог наделил каких-то существ душами, но не дал им разума, однако вполне вероятно, он создал мыслящих существ без души… или существ, чье спасение в корне отличалось от спасения человечества. Они могли даже оказаться кем-то вроде ангелов, хотя трудно представить ангелов с подобной наружностью. Харди улыбнулся и снова принялся изучать маленьких чужаков. Крупная мошкита крепко спала.

И хотя они не делали ничего интересного, Харди приходилось следить за ними непрерывно. Конечно, все записывалось камерами, и священника-лингвиста Харди сразу же должны были уведомить в том случае, если что-то произойдет. Но он был практически уверен в том, что мелкие мошкиты — неразумные существа и, конечно, не люди.

Харди глубоко вздохнул. «Что есть человек, о Господи? Почему Ты постоянно печешься о нас? И почему моя задача — узнать, какое место занимают мошкиты в Твоих Божественных планах?» По крайней мере, это честно. «Угадай-ка» была старинной забавой. Ну а сам Харди считался лучшим специалистом и наверняка лучшим в Трансугольном секторе.

Харди пятнадцать лет как был рукоположен и двенадцать лет прослужил во флоте, но только недавно начал думать об этом как о своей профессии. В тридцать пять лет он, доктор Дэвид Харди, полноправный профессор Имперского университета Спарты, эксперт по древним и современным человеческим языкам и в понятной лишь немногим сфере под названием «лингвистическая археология», был вполне счастлив. Харди изучал недавно обнаруженные колонии,

с которыми веками не поддерживалась связь, и ощущал себя при деле. Изучив их языки, Харди мог точно указать ту часть космоса, откуда вели свое происхождение колонисты. Обычно ему удавалось не только определить планету, но даже город.

Харди нравилось все, связанное с университетом, кроме студентов. Он не отличался особой религиозностью до тех пор, пока его жена не погибла при посадке космического корабля. Тогда — хотя он не помнил, как это вышло, — его навестил епископ. Харди долго анализировал свою жизнь — и поступил в семинарию. Его первым заданием после принятия сана стало чудовищное путешествие в качестве капеллана. Харди следовало сопровождать студентов. Он ничего не добился и понял, что не годится в приходские священники. Но в то время флот нуждался в священниках, к тому же там всегда можно было заниматься лингвистикой…

Сейчас он, пятидесятидвухлетний, сидел перед экраном общей связи, глядя на четырехруких монстров, играющих кочаном капусты. На столе лежал латинский кроссворд, и Харди лениво поглядывал в него — Domine… господин… Non — sum… не быть…

Конечно, dignis, достойный! Харди усмехнулся себе под нос. Слово в кроссворде связано с тем, что он сказал, когда кардинал поручил ему сопровождать экспедицию к Мошке.

— Господи, я недостоин…

— Как и все мы, Харди, — ответил кардинал. — Но тогда мы недостойны иметь приходы, ибо это большая самонадеянность, чем отправиться в космос и взглянуть на пришельцев.

— Да, сударь.

Харди склонился над кроссвордом. В данную минуту тот казался ему интереснее, чем чужаки.

У капитана Рода Блейна, в отличие от священника, было меньше возможностей наблюдать за чужаками. Работы ему хватало… но сейчас ею можно было пренебречь. Общая связь в каюте настойчиво зажужжала, и малышки исчезли с экрана, а вместо них появилось круглое, гладкое лицо клерка.

— Доктор Хорват хочет поговорить с вами.

— Давайте его, — сказал Род.

Как обычно, Хорват был сама сердечность. Он не мог позволить себе грубить человеку, от которого зависел.

— Доброе утро, капитан! Мы получили первые снимки корабля, и я подумал, что следует ввести

вас в курс дела.

— Спасибо, доктор. Данные закодированы?

— Пока нет. И они у меня.

Изображение разделилось: левую половину экрана занимало лицо Хорвата, а правую — размазанная полупрозрачная тень. Длинная и узкая, она расширялась к одному краю и была полупрозрачной. Узкий конец оканчивался острым шипом.

— Мы сделали снимок, когда он разворачивался на середине пути. Увеличение и устранение помех дали средненькое качество. Надо подождать, пока он не приблизится к «Макартуру».

«Разумеется, — подумал Род. — А сейчас корабль чужаков мчится к «Макартуру» на всех парах».

— Шип, вероятно, служит мошкитам двигателем. — Луч указки протянулся через снимок. — А образования на переднем плане… Позвольте показать вам плоскостную диаграмму.

Плоскостная диаграмма изображала серую карандашную тень, окруженную рядом блеклых и широких тороидов.

— Жесткое внутреннее ядро используют для запуска. Можно предположить, что на нем есть двигатель, воздух и водная регенерационная ка-

мера для экипажа. Мы полагаем, что именно эту секцию линейный ускоритель запустил резким толчком.

— А кольца?

— Мы думаем, что они являются надувными топливными баками. И сейчас некоторые их них абсолютно пусты. А вот эти могут служить отсеками, пригодными для временного обитания. Остальные, несомненно, сброшены.

— Угу… — Род изучал снимок, а Хорват следил за ним с экрана. Наконец Род сказал:

— Доктор, баки не могли быть на корабле, когда он стартовал.

— Да. Их могли запустить позже. Без пассажиров их можно настроить на максимальное ускорение.

— При помощи линейного ускорителя? Но баки не похожи на металлические!

— Верно, капитан.

— Топливо, должно быть, водород, да? Но каким же образом их запустили?

— Мы… не знаем, — замялся Хорват. — Может, у них была металлическая сердцевина, тоже сброшенная?

— Хорошо, спасибо.

Немного поразмыслив, Род ввел снимок в ко-

рабельный компьютер. Почти все делалось с помощью корабельного компьютера, который служил в пределах «Макартура» библиотекой, развлекательным центром и центром связи. В промежутках между сражениями один из каналов интеркома мог показывать что угодно: приемы в Каннах, шахматные турниры, матчи по бильярду между чемпионами вахт и другие игры, если у экипажа было на них время, — причем ставкой служили дежурства.

Главной темой разговоров в офицерской кают-компании был, разумеется, чужой корабль.

— А в этих маленьких пончиках мельтешат тени, — заметил Синклер.

— Пассажиры. Или мебель на колесиках, — предположил Реннер. — Значит, первые четыре секции используют как жилые помещения. Там наверняка полным-полно мошкитов.

— Особенно, если они скучены так же, как и на первом корабле, — заявил Род, входя в кают-компанию. — Садитесь, джентльмены. Продолжайте. — Он сделал стюарду знак принести кофе.

— По одной чужачке на каждого мужчину «Макартура», — сказал Реннер. — Может, скоро нам понадобится дополнительная площадь?

Блейн вздрогнул. Синклер выглядел так, словно

следующим репортажем по общей связи станет схватка между старшим механиком и штурманом. Раундов на пятнадцать…

— Сэнди, что вы думаете об идее Хорвата? — спросил Реннер. — Я не придаю значения его теориям о запуске топливных баков с металлическим сердечником. Не лучше ли металлическая оболочка вокруг резервуара? Структурная поддержка выше. Конечно, если не…

— Да? — вскинулся Синклер, но Реннер молчал.

— Что еще, Реннер? — требовательно спросил Блейн.

— Ничего, сэр. Праздные мечтания. Мне только предстоит научить дисциплине свой разум.

— Тогда поторопитесь, мистер Реннер.

Реннер был на флоте недавно, но уже познакомился с такими капитанскими интонациями.

— Да, сэр. Мне взбрело в голову, что при определенной температуре и давлении водород похож на металл. Если баки *действительно* заполнялись под давлением, водород должен проводить ток… но в таком случае нужно давление, которое бывает на газовых гигантах.

— Реннер, неужели вы всерьез считаете…

— Нет, капитан. Просто в голову пришло.

Идея Реннера беспокоила Сэнди Синклера всю следующую вахту. Обычно механики не выстаивали вахты на мостике, но техники Синклера как раз закончили ремонт систем жизнеобеспечения, и Синклер решил проверить их. Чтобы избавить вахтенного офицера от необходимости облачаться в полевое обмундирование, пока на мостике будет вакуум, Сэнди сам заступил на вахту.

Все работало превосходно, впрочем, как и всегда. Сняв вакуумный скафандр, Синклер расслабился в командирском кресле, глядя на мошкитов. «Мошкит-шоу» было чрезвычайно популярно на корабле: внимание зрительской аудитории разделилось между крупной особью, которую держали в каюте Кроуфорда, и тремя мелкими мошкитами. Большая мошкита уже закончила переделывать лампу в своей каюте. Теперь та горела красным рассеянным светом. Синклер восхищенно следил за мошкитой. Она оказалась весьма искусна и на редкость уверена в себе — ничего подобного Синклер никогда прежде не видел. «Пусть ученые спорят, — подумал Сэнди, — но инопланетные бестии разумны».

По второму каналу показывали играющих малышек. Гардемарины и офицеры глазели на них, явно предпочитая мелким пришельцам делови-

тую чужачку, и Бери, украдкой наблюдавший за зрителями, частенько улыбался.

Второй канал привлек внимание Синклера. Внезапно Синклер резко выпрямился. Мошкиты спаривались.

— Выключить интерком! — приказал Синклер.

Рядовой, сидевший рядом, поморщился, но послушался. Немного погодя на мостике показался Реннер.

— Что с интеркомом, Сэнди? — спросил он.

— Ничего плохого, — чопорно ответил Синклер.

— Вот и у тебя второй канал не работает.

— Да, мистер Реннер. Его отключили по моему приказу.

Реннер усмехнулся.

— А что ты думаешь о сегодняшней… э… программе? — произнес он.

— Мы не будем показывать на борту корабля никаких грязных сцен! С нами священник! Я не говорю о даме.

Упомянутая дама тоже смотрела второй канал. Когда изображение погасло, Салли Фаулер бросила вилку и выскочила из кают-компании. Она бежала по коридорам, игнорируя удивленные взгляды экипажа. Добравшись до кают-компании

(мелкие мошкиты по-прежнему оставались in flagrante delicto), она совсем запыхалась. Почти минуту она стояла на пороге, а потом пробормотала, ни к кому не обращаясь:

— Когда их видели в последний раз, обе были самками.

Никто не ответил ей.

— Они изменили пол! — воскликнула Салли. — Держу пари, сверху наша бывшая беременная! Доктор Хорват, что скажете?

— Вполне вероятно… Фактически… — промямлил Хорват. — Я почти уверен, что тот, кто сверху, был… была матерью новорожденного, — министр с трудом справлялся с заиканием и багрово покраснел.

— О небеса! — вымолвила Салли.

Ей только теперь пришло в голову, как выглядит она сама. Выскочила из кают-компании через секунду после того, как погас интерком, и примчалась сюда. А ведь трансугольные культуры, как правило, прививали в своих сообществах излишнюю щепетильность… А она, имперская леди, торопится увидеть двух чужаков, занимающихся любовью!

Она хотела крикнуть, объяснить, что сделала важное открытие. Перемена пола, вероятно,

свойственна мошкитам. Таков их образ жизни, таковы их личности, их истории. Значит, новорожденные мошкиты быстро перестают зависеть от родителей, уплачивая за это фантастически низкую цену… Интересно, детеныш уже отлучен от груди или у «матери» — теперь самца — молоко вырабатывается даже после смены пола? Вот оно — воздействие среды обитания мошкитов, причем *ВСЕЙ*. Это поэтому я так спешила.

Но она просто повернулась и ушла.

20
Ночная вахта

В кают-компании было на удивление тихо, хотя обычно благодаря усилиям трех младших лейтенантов и шести гардемаринов там всегда царил хаос. Поттер с облегчением вздохнул, увидев, что все, кроме Джонатона Уитбрида, спят. Несмотря на постоянное подшучивание, Уитбрид входил в число друзей Поттера на борту «Макартура».

— Как астрономия? — тихо поинтересовался Уитбрид, растянувшись в гамаке. — Дай-ка банку пива, Гэвин…

Поттер взял одну и себе.

— Внизу творится настоящий бедлам, Джонатон. Я думал, когда они найдут Мошку-1, станет лучше, но ничего подобного.

— Картографировать планету военному флоту совсем нетрудно, — заметил Уитбрид.

— Наверное, но я не думал, что мой первый полет в глубокий космос окажется таким! На меня взвалили кучу работы, а штатские и офицеры тем временем спорят о новых теориях, которых я не понимаю. Подозреваю, ты назовешь это хорошей

тренировкой.

— Верно.

— Спасибо, — Поттер отхлебнул из банки.

— И что вы успели узнать?

— Почти ничего. У планеты есть маленькая луна, которая кружится на очень низкой орбите. Гравитация на поверхности планеты равна примерно восьмистам семидесяти сантиметрам за секунду в квадрате.

— Ноль целых восемьдесят семь сотых от стандартной. Такая же, как ускорение корабля мошкитов. Неудивительно.

— Но у них есть атмосфера, — нетерпеливо перебил его Поттер. — И мы нанесли на карту участки активности цивилизации чужаков. Нейтрино, мутные воздушные столбы над ядерными реакторами, электромагнетизм… Они везде, на всех материках, даже в морях. Планета кишит жизнью, — в голосе Поттера звучал страх. — В общем, мы составляем карту — когда я уходил, они как раз заканчивали работу. Хочешь взглянуть?

— Конечно. — Уитбрид выбрался из паутины гамака. Они спустились на две палубы вниз и вступили во владения ученых. В основном гражданские трудились в зоне относительно высокой гравитации, около внешнего корпуса «Макарту-

ра», но спали ближе к центру корабля.

Глобус высотой в сто двадцать сантиметров стоял в тесной кают-компании, занятой астрономической секцией. В часы сражений отсек полагалось занимать группам контроля повреждений, но сейчас он пустовал. Колокол пробил три склянки последней вахты.

Планета была полностью картографирована, за исключением южного полюса, и глобусу придали ее точный осевой наклон. Светоусиливающие телескопы «Макартура» давали картину, какую можно видеть на любой планете земного типа: яркая голубизна атмосферы, испещренная пятнами облаков, красными пустынями и белоснежными горными вершинами. Снимки были сделаны в разное время суток и в разных диапазонах волн, поэтому облачный покров не слишком затемнял поверхность. Как и сказал Поттер, планету золотыми островками усеивали метки, связанные с индустриальной активностью чужаков.

Уитбрид внимательно изучал глобус, пока Поттер наливал кофе из фляги доктора Бакмана. По какой-то причине у Бакмана всегда был лучший кофе на корабле — по крайней мере, покрепче пойла, который доставался гардемаринам.

— Мистер Поттер, почему я сразу же вспомнил

о Марсе?

— Действительно, почему, мистер Уитбрид? А что такое Марс?

— Четвертая планета Солнечной системы. Вы никогда не бывали в Нью-Аннаполисе?

— Не забывайте, я из Трансугольного сектора.

Уитбрид кивнул:

— Возможно, вы еще там побываете. Но, кажется, обучение рекрутов, набранных в колониях, идет по сокращенному курсу. А жаль. Может, капитан сумеет устроить для вас путешествие. Забавная штука эта последняя учебная миссия! Сначала тебя заставляют рассчитывать минимальное количество топлива для посадки на Марс, а затем предлагают сесть с опечатанными баками. Приходится использовать для торможения атмосферу, а поскольку ее там совсем мало, ты буквально врезаешься в землю — без всякой пользы.

— Звучит как анекдот, мистер Уитбрид. «К сожалению, мне нужно на прием к стоматологу…»

Пока они мелкими глотками пили кофе, Уитбрид продолжал разглядывать глобус.

— Я уже сыт по горло, Гэвин. Надо бы пообщаться с другими ребятами.

— Командор Каргилл еще на Улье. — Как пер-

вый лейтенант, Каргилл официально отвечал за обучение гардемаринов и в отличие от многих офицеров был терпим к юнцам.

— Может, кто-нибудь еще не спит? — предположил Уитбрид.

Они направились к мостику и по дороге встретили чисто выбритого Реннера со следами мыльной пены на подбородке.

Уитбрид объяснил ему их затруднение.

— Планета похожа на Марс, мистер Реннер, но я не понимаю — почему.

— Ха! — вырвалось у Реннера. — Я никогда не бывал в Солнечной системе. Торговым судам незачем подходить к Солнцу ближе орбиты Нептуна, хотя родина человечества, Земля, являлась центральным пересадочным пунктом на пути к другим, более крупным системам! И я никогда не слышал о Марсе ничего хорошего! А почему это настолько важно для вас?

— Важно?.. Может, и нет.

— Но вы, похоже, считаете, что важно.

Уитбрид промолчал.

— Впрочем, Мошка-1 не внушает мне доверия. Она с виду ничем не отличается от любой из планет Империи, за исключением… А что, если ее населяют монстры-инопланетяне? Кстати,

через пять минут я должен заглянуть к капитану, распить бутылку вина. Сейчас я возьму китель, мы пойдем и спросим у него.

Прежде чем Уитбрид и Поттер успели возразить, Реннер кинулся к своей каюте. Поттер с упреком посмотрел на Уитбрида. В какие еще неприятности они сейчас влезут?

Реннер повел их вверх по приставной лесенке в башню высокой гравитации, где находилась капитанская наблюдательная кабина. Скучающий космодесантник сидел на палубе рядом с жилищем Блейна. Уитбрид узнал его — говорили, что перегонный куб сержанта Мэлони, устроенный в недрах левой торпедной камеры, давал лучший «Айриш Мист» на флоте. Мэлони боролся за качество, а не за количество.

— Разумеется, вы привели гардемаринов, — проворчал Блейн, открывая им дверь. — Ладно, пока катер не вернется, дел у меня нет. Входите, джентльмены. Вино, кофе или что-нибудь покрепче?

Уитбрид и Поттер решили взять хересу, хотя Поттер предпочел бы виски. Он пил его с тех пор, как ему исполнилось одиннадцать. Они уселись на маленькие складные стулья, расставленные по каюте Блейна. Обзорные иллюминаторы были

открыты, корабельное поле не активировано, и глыба «Макартура» нависала над ними. Блейн заметил тревожные взгляды гардемаринов и улыбнулся. Поначалу так бывало с каждым.

— Что вас сюда привело? — спросил Блейн.

Уитбрид объяснил.

— Ясно, мистер Поттер. Не могли бы вы дать изображение глобуса на мой интерком? Спасибо. — Род изучил картинку на экране. — Нормальная планета. Ага… В атмосфере — вся таблица Менделеева. Вам это знакомо, мистер Уитбрид?

— Да, сэр. — Джонатон сморщил нос. — Значит, у них — жуткая грязь.

— Точно. Именно гелий заставил Бакмана подскочить до переборки. А догадался ли он сам — почему? У него было несколько дней… Проклятье, Уитбрид, планета смахивает на Марс! Но почему?

Уитбрид пожал плечами. Он был не рад, что поднял этот вопрос.

— Сложновато разглядеть контуры. Впрочем, по-другому и не бывает, — Род рассеянно плеснул в чашку кофе «Айриш Мист» и уткнулся носом в экран интеркома. Официально он не знал, откуда берется спиртное, хотя Келли и его десантники говорили, что у капитана всегда найдется запас

своего «Айриш Мист». Кзиллер любил сливовицу, что обострило изобретательность Мэлони до предела.

Блейн медленно обвел контуры моря на глобусе.

— Здесь практически не удается отличить сушу от воды. Любопытно, не так ли? — он снова обвел силуэт. — И море почти круглое.

— Точно! — Реннер указал на прерывистый круг из островов, куда крупнее моря, которое изучал Блейн. — А тут видна только часть дуги, — и он ткнул в ту часть глобуса, где находилась изогнутая горная гряда.

— У них *все* круговое, — подытожил Блейн. — Прямо как на Марсе в Солнечной системе. На Марсе круги остались от падения крупных метеоритов из пояса астероидов. Но в данной системе астероидов не очень много, и все они раскиданы в троянских точках.

— Сэр, а не слишком ли круги малы для кратеров? — спросил Поттер.

— Правильно подмечено, мистер Поттер.

— Но что это означает? — громко осведомился Уитбрид, обращаясь главным образом к себе.

— Очередная загадка для Бакмана, — ответил Блейн. — Ему понравится. Но давайте-ка прове-

дем время более содержательно. Я рад, что вы привели сюда молодых джентльменов, мистер Реннер. Полагаю, вы оба любите бридж?

Они играли, пока Уитбрид, которому не везло, не потерял почти полный дневной заработок.

Очередная карточная партия была прервана как раз к моменту возвращения катера. Каргилл направился в каюту капитана и доложил об экспедиции. Он рассказал о паре таинственных механизмов, которые выгружали на ангарной палубе, и продемонстрировал Блейну кусок обшивки металлического ящика. Образец он принес лично, держа руками, облаченными в защитные рукавицы. Блейн поблагодарил Реннера и гардемаринов за игру, и они поняли слабо завуалированный намек, хотя Уитбриду хотелось остаться.

— Может быть, нужно… — задумчиво начал Поттер.

— Что? — вскинулся Уитбрид.

— Взглянуть на мистера Кроуфорда, когда он войдет свою каюту? — озорно спросил Поттер.

Улыбка озарила пухлое лицо Уитбрида.

— Да-да! Но поспешим!

Они стали свидетелями незабываемого зрелища. Гардемарины в каюте связи ангарной палубы

оказались не одиноки, когда связист, подзуживаемый Уитбридом, настроился на нужную каюту.

Кроуфорд не разочаровал их. Он наверняка бы совершил акт ксеноцида — первое подобное преступление в истории человечества, — не удержи его друзья. При этом он бессвязно нес такое, что, когда его услышал капитан, Кроуфорд из патруля тотчас отправился на вахту.

Бакман забрал Поттера и ринулся в астрономическую лабораторию, уверенный, что гардемарин устроил там кавардак. Он был приятно удивлен, обнаружив, что работа закончена. Кроме того, его ждал горячий кофе. Фляга *всегда* была полна, и Бакмана притягивало к ней словно магнитом. Однако он знал, что позаботился о кофе именно Гораций Бери.

Спустя полчаса после прибытия катера Бери уже знал о серебристой металлической полосе. Образец был из разряда диковинок, но таил в себе весьма ценный потенциал. Впрочем, казавшиеся древними механизмы мошкитов тоже могли пригодиться. Если бы он мог получить доступ к компьютеру катера! Но Набиль вряд ли сумел бы такое провернуть.

В конечном счете, он выпьет кофейку вместе с Бакманом, но и это — не срочно. К тому же зав-

тра должен прилететь корабль мошкитов. Слов нет, экспедиция оказалась захватывающей… хотя флотские думали, что их запреты удержат Бери в стороне! Конечно, он почти постоянно находится под надзором, но это же не самое страшное. Теперь он многое знает, и очень скоро его «Империал Автонетикс» станет самым могущественным партнером в Имперской Торговой Ассоциации. Если флот считает, что ИТА мешает им, пусть подождет, пока ею не начнет управлять Гораций Бери! Он лукаво усмехнулся. Набиль при виде улыбки хозяина сжался в комок, стараясь стать маленьким и незаметным.

Внизу, на ангарной палубе, Уитбрида подключили к работе, и он присоединился к остальным. Каргилл привез с Каменного Улья не только механизмы мошкитов, и все требовалось распаковать. Уитбрид был достаточно сообразителен, чтобы вызвать на помощь Салли, пока Каргилл не нашел ему другое задание.

Они выгружали скелеты и мумии для антропологической лаборатории. Там были малыши величиной с куклу, хрупкие, похожие на живых малюток, размещенных в кают-компании младших офицеров. Другие скелеты — Стейли упомянул, что они имеются на Улье в великом

множестве, — смахивали на шахтера-мошкиту, живущую в каюте Кроуфорда.

— Ого! — воскликнула Салли, когда они распаковывали мумию.

— Что? — спросил Уитбрид.

— Мертвый пришелец напоминает того, который прилетел в зонде. Покатый лоб является плохим признаком, но они выбрали самого разумного из всех, кого могли послать эмиссаром к Новой Каледонии. Для них это тоже был первый контакт с чужаками.

Уитбрид осмотрел миниатюрного мумифицированного мошкита. Он достигал метра в длину, обладал маленьким черепом и длинными руками. Пальцы на верхних конечностях оказались сломанными. Были здесь и отдельные высохшие руки, которые обнаружил Каргилл: они отличались от прочих, кости в них были крепкие и прямые, а суставы крупные.

— Артрит? — недоумевала Салли.

Они осторожно распаковали их и открыли ящик с останками ноги, которая тоже плавала в коридорах астероида. Уитбрид заметил острые шипы на пятке. Передняя часть ступни оказалась твердой, как копыто, и не походила ни на какую из других конечностей мошкитов.

— Мутации? — спросила Салли. Она повернулась к гардемарину Стейли, который делал эскиз удивительного груза. — Вы говорили, что радиации в Улье нет?

— Он был мертвенно-холоден, э… Салли, — откликнулся Стейли. — Но раньше в Улье наверняка было настоящее радиоактивное пекло.

Салли поежилась.

— Интересно, насколько давно? Тысячи лет назад? Подумать только! Мошкиты использовали бомбы для того, чтобы астероид двигался в нужном им направлении!

— Пока мы ничего не знаем, — сказал Стейли. — Но астероид старый, Салли. Пожалуй, по возрасту с ним сравнятся пирамиды на Земле. Но астероид постарше.

— Но у вас нет доказательств, Хорст.

— Нет. Но все равно — он древний.

Анализ находок они были вынуждены отложить. Разгрузка и складирование затянулись, и все вымотались. После полуночи пробили три склянки первой вахты, лишь тогда Салли отправилась к себе, а Стейли — в кают-компанию.

Джонатон Уитбрид был один.

Он выпил в каюте у капитана чересчур много кофе и поэтому не устал. Кроме того, он мог ото-

спаться позже, когда корабль мошкитов подойдет к «Макартуру», хотя до часа X оставалось еще девять часов. Но Уитбрид был молод.

Свет в коридорах «Макартура» горел вполовину слабее, чем днем. Здесь было почти пусто, двери отдельных кают закрыты. Голоса, которые звучали в каждом коридоре в течение дня и накладывались один на другой так, что ничего нельзя было разобрать, теперь смолкли. На «Макартуре» воцарилась тишина.

Впрочем, напряжение сохранилось. В чужой системе «Макартур» не мог расслабляться. Поэтому его экраны работали, а экипаж стоял двойные вахты. Где-то поблизости летела цилиндрическая громада «Ленина». Уитбрид подумал об огромных лазерных пушках линейного крейсера — многие из них нацелены на «Макартур».

Уитбриду нравились ночные вахты. Он мог спокойно поразмышлять о чем угодно или найти себе компанию: вахтенных, заработавшихся ученых… однако на сей раз, похоже, все спали. Ладно, он посмотрит по каналу общей трансляции «мошкит-шоу», выпьет последнюю порцию кофе и отправится на боковую. Достоинство первой вахты — всегда найдется свободная лаборатория, чтобы посидеть.

Когда он набрал номер каюты мошкитов, экран интеркома остался пустым. Уитбрид на мгновение нахмурился, затем усмехнулся и побрел к бывшей кают-компании младших офицеров.

Уитбрид надеялся застать мошкитов, занимающихся любовью. Что ни говори, а гардемаринам приходилось искать себе развлечения самостоятельно.

Он открыл дверь, и комок темного меха с желтыми вкраплениями прошмыгнул у него между ног. Семья Уитбридов держала собак, и общение с животными натренировало Джонатона. Он отскочил в сторону, захлопнул дверь, чтобы больше никто не вырвался на свободу, и осмотрел коридор.

За секунду до того, как беглец исчез в районе камбуза, Уитбрид вполне отчетливо разглядел, что беглец оказался не один. На плечах у мелкого пришельца сидел детеныш.

Вторая особь, должно быть, осталась в бывшей кают-компании. На миг Уитбрид заколебался. Он мог бы в два счета поймать убегающую от него собаку. Но мошкит (а какого, кстати, он был сейчас пола?), удравший на камбуз, не был приучен к голосу Уитбрида и, между прочим, *не являлся собакой*. Уитбрид нахмурился. Дело принимало

серьезный оборот. Он вернулся к интеркому и вызвал вахтенного офицера.

— Господи! — воскликнул Кроуфорд. — Значит, инопланетная тварь сидит в бывшей кают-компании одна-одинешенька? Вы уверены?

— Нет, сэр. Я не видел ее, но в коридор выскочил мошкит с детенышем.

— Вот и не заглядывайте туда, — приказал Кроуфорд. — Дежурьте у двери и никого не пускайте внутрь. Я вызову капитана.

Кроуфорд помрачнел. Блейн, поднятый с постели только потому, что зверюшка вышла прогуляться, не погладит его по голове, но устав требовал, чтобы о любых передвижениях чужаков капитану докладывали немедленно.

Блейн оказался в числе тех счастливчиков, которые умеют просыпаться мгновенно. Он выслушал доклад Кроуфорда.

— Возьмите двух космодесантников на смену Уитбриду и передайте гардемарину — пусть будет наготове. Я хочу поговорить с ним. Потом возьмите еще отделение десантников и поднимайте поваров. Пусть проверят камбуз. — Он задумался. — Опечатайте бывшую кают-компанию, пока на место происшествия не явится доктор Хорват.

И Род отключился.

«Нужно вызвать Хорвата, — подумал он. — И сообщить адмиралу. Впрочем, сейчас надо по горячим следам точно выяснить, *что* же все-таки случилось. Откладывать надолго нельзя». Род накинул китель и вызвал министра науки.

— Они *освободились?* Как? — завопил Хорват.

Министр науки явно не был из числа быстро пробуждающихся счастливцев. Глаза его были красны, редкие волосы взъерошены, и он постоянно жевал губы, не удовлетворяясь их вкусом.

— Мы не знаем, — терпеливо объяснил Род. — Камера не работает. Мой офицер отправился на разведку... — В любом случае этим придется заниматься ученым. — Доктор, мы сэкономим время, если вы спуститесь в кают-компанию немедленно.

Коридор, ведущий к кают-компании, был переполнен. Хорват в мятом шелковом халате, четверо десантников, Лейтон, младший вахтенный офицер, Уитбрид, Салли Фаулер в пеньюаре, но накрашенная и с банданой на голове. Два кока и с ними их старшина, что-то бормоча, гремели кастрюлями на камбузе — искали беглецов, пока остальные десантники беспомощно смотрели на них.

Уитбрид рассказывал:

— Я захлопнул дверь и начал изучать обстановку. В этот момент вторая могла сбежать в другую сторону…

— Но вы думаете, что она еще там?

— Да, сэр.

— Давайте посмотрим, если сумеем войти, не выпустив ее наружу.

— А они… кусаются, капитан? — спросил капрал-десантник. — Может, выдать людям рукавицы?

— Незачем, — объявил Хорват. — Они еще никого не укусили!

— Вас понял, сэр, — отозвался капрал.

Один из его людей пробормотал:

— Про ульевых крыс говорили то же самое.

Никто не обратил на его реплику внимания.

Шестеро мужчин и женщина образовали полукруг возле Хорвата, который приготовился открыть дверь. Они были собранны и суровы, а вооруженные десантники — готовы ко всему. Роду отчаянно захотелось рассмеяться, но он сдержался. Глупый мошкит — и столько народа!

Хорват быстро проскользнул через порог. Изнутри никто не выскочил.

Воцарилась тишина.

— Все в порядке, — раздался голос министра

науки. — Входите, но по одному. Он… или она… в общем, мошкит сидит под столом.

Малышка (Салли решила, что она, наверное, все-таки женского пола) внимательно наблюдала за людьми, которые гуськом входили в помещение и направлялись к столу, служившему ей убежищем. Возможности прорваться не было. Дверь закрылась. Силы были неравны, и малышка сдалась. Салли подхватила ее на руки.

— Бедняжка!

Та испуганно озиралась по сторонам.

Уитбрид занялся камерой. По какой-то причине ее закоротило, отчего металл и пластик расплавились. В воздухе отвратительно воняло: с запахом не смогли справиться растения, очищающие воздух на борту «Макартура». Сетка за камерой тоже расплавилась, образовав крупное отверстие. Блейн подошел поближе.

— Салли, как вы считаете, они разумны, чтобы додуматься до такого?

— Нет! — выкрикнули Салли и Хорват одновременно.

— У них неразвитый мозг, — добавил доктор Хорват.

— Ага, — сказал Уитбрид: однако он не забыл, что камера помещалась внутри вольера.

Двое военных техников начали латать сетку. Они быстро сварили поверх старой новую, и Салли запустила малышку обратно в вольер. Техники принесли другую видеокамеру и установили ее снаружи. Никто не прокомментировал их действия.

Поиски продолжались всю вахту, но ни мошкита, ни детеныша не обнаружили. Попытались привлечь на помощь главную мошкиту, но та определенно не понимала, чего от нее хотят. В конце концов Блейн вернулся к себе — поспать пару часов. Когда он проснулся, беглецов еще не нашли.

— Можно пустить по следу хорьков, — предложил Каргилл за завтраком в кают-компании.

Старший торпедист держал пару этих хищников размером с кошку, чтобы они охотились на крыс и мышей. Хорьки успешно справлялись с задачей.

— Они загрызут мошкитов! — запротестовала Салли. — А ведь они не опасны. Во всяком случае, крысы гораздо хуже, чем они! Их нельзя убивать!

— Если мы их не найдем в ближайшее время, меня *убьет* адмирал, — буркнул Род, но уступил.

Поиски продолжались, а Блейн отправился на

мостик.

— Дайте мне адмирала, — велел он Стейли.

— Слушаюсь, сэр.

Спустя несколько секунд на экране появилось бородатое лицо адмирала Кутузова. Адмирал был на мостике и пил чай. Роду вдруг пришло в голову, что он никогда не видел Кутузова вне мостика. Когда же он спит? Блейн доложил о беглецах.

— Вы еще не установили, кто они такие, капитан? — спросил Кутузов.

— Нет, сэр. Есть парочка теорий. Самая популярная гласит, что они по отношению к мошкитам то же самое что обезьяны по отношению к человеку.

— Забавно, капитан. Я полагаю, ваши теории объясняют, почему мартышки оказались в космолете? И почему мошкита прихватила на борт вашего военного корабля именно эту парочку? Я что-то не заметил, вы тоже таскаете с собой обезьян, капитан Блейн?

— Так точно, сэр.

— Корабль чужаков прибудет через три часа, — пробормотал Кутузов. — А мелкота удрала прошлой ночью. Весьма любопытное совпадение, капитан. Полагаю, это шпионы.

— Шпионы, сэр?

— Да, капитан. Вы утверждаете, что они неразумны. Вероятно, вы правы, но, предположим, что они могут запоминать любую информацию… По вашим словам, крупная мошкита, которая приказала воришке вернуть часы того торговца, — талантливый техник… В таком случае ей нельзя давать возможность общаться с беглецами! И вообще, никакие большие чужаки не должны их увидеть. Вы меня поняли?

— Да, сэр…

— Вам нужно знать причины? — спросил адмирал. — Если есть хотя бы один шанс, что мелкие бестии могут выведать секреты движителя Олдерсона и поля, капитан…

— Да, сэр, я понял.

— Я надеюсь, капитан.

Блейн посидел, глядя на пустой экран, затем повернулся к Каргиллу.

— Джек, вы однажды летали вместе с адмиралом. Что в действительности кроется за его легендарным обликом?

Каргилл сел на соседнее кресло.

— Я был юнцом-гардемарином, когда Кутузов дослужился до капитанского звания, сэр. Мы почти не разговаривали… А экипаж корабля уважал его. Кутузов очень упрям, он ничего никому

не прощает, особенно — себе. Но если предстоит жестокая битва, вы сможете остаться в живых, если командует Кутузов.

— Ясно. Он выиграл больше сражений, чем все флотские офицеры вместе взятые, но боже мой, какой же он ублюдок!

— Да, сэр, — Каргилл в упор разглядывал капитана. Не так давно оба они служили в чине лейтенантов, и ему легче было говорить с Родом Блейном, чем с прежним командиром. — Вы никогда не бывали на Святой Екатерине, капитан?

— Нет.

— У нас есть несколько человек оттуда. Конечно, на «Ленине» их побольше. Между прочим, на флоте чудовищно велик процент людей с Екатерины, капитан. И знаете почему?

— Почему?

— Ее планеты заселили русские из старого флота СоВладения, — объяснил Каргилл. — Когда флот СВ ушел из Солнечной системы, русские высадили своих женщин и детей на Екатерине. Во время Формационных войн им пришлось туго, а потом начались Сепаратистские войны, когда Саурон без предупреждения нанес удар по Святой Екатерине. Они сохранили лояльность…

— Как Новая Шотландия, — перебил его Род.

Каргилл с энтузиазмом кивнул.

— Да, сэр. Лояльные имперские фанатики. По причинам, обусловленным их историей. Единственный мир, какой они признают, — сильная и крепкая Империя, разумеется.

Род повернулся к мониторам. Существовал единственный способ сделать так, чтобы адмирал был доволен.

— Стейли! — рявкнул Блейн. — Передайте канониру Келли: приказ всему космодесанту искать сбежавших мошкитов и стрелять, как только увидят их. Конечно, беглецов нельзя убивать, просто припугните. И пусть выпустят в камбуз хорьков!

21
Послы

Когда корабль мошкитов приблизился, детали судна скрыло бушующее пламя двигателя. Экипаж «Макартура» затаил дыхание, как и «Ленин», находящийся в ста километрах от крейсера.

— Боевая тревога, мистер Стейли, — тихо произнес Блейн.

Стейли ухватился за красный рычаг, который означал «Уровень готовности 2», и передвинул его по часовой стрелке. Раздался сигнал, после чего по стальным коридорам прогремела команда «К оружию!»…

— ВНИМАНИЕ ВСЕМ! ВНИМАНИЕ ВСЕМ! БОЕВАЯ ТРЕВОГА! БОЕВАЯ ТРЕВОГА! УРОВЕНЬ — КРАСНЫЙ-1.

На боевые посты бросились офицеры и рядовые — канониры, торпедисты, космодесант. Корабельные монтеры, коки и каптерщики перегруппировались в команды, отслеживающие повреждения «Макартура». Ассистенты хирургов молча и молниеносно укомплектовали посты первой помощи на борту корабля. Род ощутил

гордость. Кзиллер передал ему отличный крейсер, и он не стал хуже.

— ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПОСТ ОБЪЯВЛЯЕТ УРОВЕНЬ ТРЕВОГИ КРАСНЫЙ-1, — проговорил диктор с мостика.

Помощник старшины, рядовой третьего класса, повторял то, что передали другие: все повиновались ему, хотя сам он вовсе не отдавал приказов. Он повторял слова, которые могли отправить «Макартур» на другой край космической бездны, заставить открыть огонь из лазерных пушек и запустить торпеды, атаковать или отступить, а затем докладывал о результатах, о которых Блейн, вероятно, уже знал из показаний своих приборов. Он никогда не проявлял инициативы, но благодаря ему «Макартур» бороздил космические просторы. Он уподобился всемогущему бездушному роботу.

— АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ ПОСТЫ ДОКЛАДЫВАЮТ: УРОВЕНЬ ТРЕВОГИ — КРАСНЫЙ-1.

— КОСМОДЕСАНТ ДОКЛАДЫВАЕТ: УРОВЕНЬ ТРЕВОГИ — КРАСНЫЙ-1.

— Стейли, передайте десантникам, свободным от вахты: пусть продолжают поиски пропавших чужаков! — сказал Блейн.

— Слушаюсь, сэр.

— КОНТРОЛЬ ПОВРЕЖДЕНИЙ ДОКЛАДЫВАЕТ: УРОВЕНЬ ТРЕВОГИ — КРАСНЫЙ-1.

Корабль мошкитов тормозил перед «Макартуром», и на экранах линейного крейсера запылало пламя его двигателей. Род занервничал.

— Сэнди, сколько энергии, исходящей от двигателя чужаков, мы сможем принять?

— Он не слишком горячий, капитан, — ответил Синклер по общей связи. — Поле способно поглощать энергию минут двадцать или даже полчаса. И она не сфокусирована, кэп. Там нет горячих пятен.

Блейн кивнул. Он пришел к тому же выводу, но разумнее было по возможности сдерживаться. Он снова перевел взгляд на изображение корабля чужаков.

— Довольно мирный, хоть и военный, — произнес Род, обратившись к Реннеру.

— Разрешите возразить, кэп, — невозмутимо откликнулся Реннер. Род решил, что если мошкиты атакуют «Макартур», Реннер будет скорее зрителем, а не участником. — По крайней мере пламя двигателя они нацелили мимо нас. Жест вежливости.

— Нет! Пламя полыхает все сильнее и сильнее. Он уже бьет в наше поле Лэнгстона, и они могут

видеть, что при этом происходит.

— Вряд ли.

—

КОСМОДЕСАНТ ДОКЛАДЫВАЕТ О ПРИСУТСТВИИ ШТАТСКИХ В КОРИДОРАХ. ПАЛУБА Б, ПЕРЕБОРКА ДВАДЦАТЬ.

— Будь они прокляты! — воскликнул Блейн. — Опять астрономы разбежались! Очистить коридоры!

— Наверняка там заправляет Бакман, — усмехнулся Реннер. — Им нелегко будет водворить его в каюту.

— Точно. Мистер Стейли, скажите десантникам, что они должны обязательно отправить Бакмана в каюту, даже если сначала его придется связать.

Уитбрид хмыкнул. На «Макартуре» царила невесомость, корабль не вращался. Интересно, каким образом десантники смогут связать Бакмана и волочь его в каюту?

— ТОРПЕДИСТЫ ДОКЛАДЫВАЮТ: СОСТОЯНИЕ — КРАСНЫЙ-1. ТОРПЕДЫ СНАРЯЖЕНЫ И ГОТОВЫ К ПУСКУ.

— Один из старших коков заявил, что видел беглецов, — произнес Стейли. — Десантники отправились к нему.

Чужой корабль продолжал приближаться:

двигатель изрыгал рваное белое пламя. «Оно может резать сталь, как нож — масло», — подумал Блейн. Торможение не являлось вражеской атакой — похоже, чужаки доверяли *всему*: простым и сложным механизмам, компьютерам, сенсорам…

— МАШИННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ДОКЛАДЫВАЕТ: УРОВЕНЬ ТРЕВОГИ — КРАСНЫЙ-1. ПОЛНАЯ МОЩНОСТЬ ПОЛЯ.

— Десантники заперли доктора Бакмана в его каюте, — доложил Стейли. — Доктор Хорват на общей связи, требует объяснений.

— Выслушайте его, Стейли. Но не очень долго.

— АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ ПОСТЫ ДОКЛАДЫВАЮТ: ВСЕ БАТАРЕИ НАПРАВЛЕНЫ НА ЧУЖОЙ КОРАБЛЬ. ВЕДУТ ЕГО.

«Макартур» привели в полную боевую готовность. Экипаж занял боевые посты. Все вспомогательное оборудование убрали на нижнюю палубу «Макартура».

Башенка с обзорной кабиной Блейна торчала из «Макартура» как дополнительная пристройка, мысль о которой пришла инженеру-конструктору в последний момент. При вращении она оказывалась достаточно далеко от корпуса, но в бою ее легко было отстрелить. Сейчас кабина

Блейна являлась пустой оболочкой: самые важные приборы предусмотрительно спрятали в специальные сейфы с нулевой гравитацией.

Все свободные отсеки на борту корабля тоже пустовали, просторные внешние палубы обеспечивали свободное перемещение групп, контролирующих повреждения «Макартура».

Корабль мошкитов шел прямо по курсу. Он был еще только яркой точкой, а реактивная струя уже веером била в поле «Макартура».

— АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ ПОСТЫ ДОКЛАДЫВАЮТ: ЧУЖОЙ КОРАБЛЬ ТОРМОЗИТ С УСКОРЕНИЕМ НОЛЬ ЦЕЛЫХ ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕМЬ СОТЫХ *G*.

— Ничего удивительного, — вполголоса произнес Реннер.

Картинка на мониторах ослепительно засверкала, но внезапно изображение корабля мошкитов потускнело. Спустя секунду судно чужаков оказалось возле линейного крейсера, и его двигатели отключились.

Могло показаться, что корабль плавно вошел в невидимый док и занял место, предназначенное для него еще неделю назад. Сам он был полностью неподвижен, но Род заметил тени, мелькающие в пузырях на носу чужака.

Реннер с перекошенным лицом прорычал:

— Ну и выпендрежники!

— Мистер Реннер, придержите язык!

— Простите, сэр. Я о таких чудесах астронавигации и не слыхал. Если бы кто-нибудь рассказал мне о чем-то таком, я назвал бы его лжецом. Кем они себя мнят? — Реннер разозлился. — Любой пилот, решившийся на подобный фокус, может остаться без хвоста, если вообще уцелеет!

Блейн кивнул. Пилот мошкитов не мог допустить ошибку.

— Я был не прав. Корабль явно не военный. *Взгляните*.

— Да, хрупкий, как бабочка. Я мог бы прихлопнуть его ладонью.

Род на мгновение задумался и отдал приказ:

— Вызовите добровольцев для первого контакта с пришельцами! Нужен один человек, который полетит на невооруженной ракете. И… уровень «Красный-1» остается.

Добровольцев нашлось много.

Гардемарин Уитбрид, разумеется, в их числе. Ему-то было не впервой.

Поэтому вскоре Уитбрид уже сидел в ракете и глазел на чуть-чуть приоткрытые двери ангара сквозь поляризованный пластик лицевой пластины. А ему повезло, он-то ведь вступил в

контакт с мошкитой-шахтером, и она не убила его, верно?

Уитбрид продолжал смотреть вперед. Вдруг чернота пошла рябью, и сквозь отверстие в поле Лэнгстона проступили звезды.

— Готово, — сказал ему в правое ухо голос Каргилла. — Можете стартовать, мистер Уитбрид. Удачи.

Уитбрид нажал пусковой рычаг. Ракета выплыла сквозь проем в звездный космос — очутившись под свирепым взором Глаза Мёрчисона. Поле Лэнгстона запечаталось, и Уитбрида отрезало от «Макартура».

Крейсер показался Уитбриду ломаным угольно-черным силуэтом. Уитбрид осторожного обогнул его и взял курс на чужой корабль.

Чужак постепенно вырастал перед ним. Более узкий в середине, он смахивал на копье, вдоль которого виднелись функциональные приспособления: крышки люков, приборные гнезда, антенны и что-то еще, для чего не удавалось найти нужных терминов. Возле центральной части корабля вверх вздымался одинокий темный прямоугольник киля: вероятно, теплообменная поверхность.

Внутри широких, полупрозрачных «пончиков»,

окружавших нос, двигались смутные силуэты. Однако они сразу же внушили Уитбриду ужас: они напоминали искривленные тени людей.

Четыре тороида — и уродливые тени, мельтешащие в каждом из них. Уитбрид доложил:

— Они используют топливные баки как жизненное пространство. Без нашей помощи им домой не вернуться.

— Вы уверены? — спросил капитан.

— Да, сэр. Может, у них есть дополнительный бак, но он не может быть огромным.

Ракета почти достигла чужого корабля. Уитбрид притормозил и завис около жилых отсеков. Потом открыл воздушный шлюз.

Возле металлического сердечника немедленно распахнулась дверь. В овальном отверстии появился мошкит в прозрачном одеянии… или без оного. Чужак ждал.

— Разрешите покинуть… — начал Уитбрид.

— Разрешаю. Докладывайте при каждом удобном случае и положитесь на здравый смысл. Космодесант наготове, поэтому не просите помощи, пока она действительно не понадобится. Они прибудут быстро. А теперь — удачи.

Когда умолк Каргилл, снова заговорил капитан:

— И не рискуйте, Уитбрид. Помните, вы должны прилететь обратно с готовым рапортом.

— Да, сэр.

Когда Уитбрид приблизился к воздушному шлюзу, мошкит грациозно выплыл наружу. Левая рука чужака ухватилась за кольцо, выступавшее из корпуса.

— Похоже, этот материал можно проткнуть чем угодно, — пробормотал Уитбрид в микрофон. — Корабль не мог стартовать с поверхности планеты и пройти через атмосферу.

Он приблизился к овальному отверстию почти вплотную и кивнул мягко улыбающемуся чужаку.

— Вы позволите мне войти? — немного сардонически, но весьма вежливо произнес он.

Чужак согнулся в талии — может, то был преувеличенный поклон? Его спинной сустав располагался ниже плеч. Обеими правыми руками он повел в сторону корабля.

Воздушный шлюз был рассчитан на габариты мошкита. Уитбрид обнаружил три кнопки, скрытые паутиной серебряных лент. Мошкит следил за раздумьями гостя и, наконец, потянулся мимо него и нажал одну, после чего — вторую.

Шлюз закрылся за Уитбридом.

Посредник замерла в пустоте, ожидая, пока шлюз завершит цикл. Она изумленно разглядывала странного пришельца: его симметрию и удивительное сочленение костей. Он определенно не подходил под известные ей параметры. А родной корабль гостя прибыл из места, которое Посредник называла Точкой Безумного Эдди.

Кроме того, он оказался неспособен справиться со шлюзом без посторонней помощи.

Вот где должны были проявиться умения Посредника! Сам же гость наверняка обладал разумом. Или нет?.. Может, пришельцы сначала прислали животное? Нет, конечно же нет. Они не могут быть настолько чуждыми: в любой культуре такой поступок должен считаться смертельным оскорблением.

Шлюз открылся. Она шагнула внутрь, и цикл начался. Пришелец стоял перед ней, перекрывая шлюз, как пробка — горлышко бутылки. Посредник заранее стянула с себя защитную оболочку и предстала перед ним практически обнаженной. Чужак легко мог вообразить, будто она — Воин. Она должна была убедить его, что она безоружна.

Затем она отправилась к надувным жилым секциям. Неуклюжий гость двинулся за ней следом.

Он оказался плохо приспособлен к невесомости, а еще без конца останавливался, чтобы заглянуть через оконные панели в секции корабля, и изучал механизмы, установленные Коричневыми в коридорах… Совершенно неразумное поведение!

Посредник могла взять его на буксир, но гость расценил бы ее помощь как нападение, чего нельзя было допускать.

Пока нужно обращаться с ним как с Хозяином.

В переполненной камере громоздились в три яруса двадцать шесть изогнутых коек, смахивающих на ту, что получилась из койки Кроуфорда, и все же — не совсем таких. Мошкит плыл перед Уитбридом, грациозный, как дельфин. Шкуру чужака украшал узор из волнистых темных и светлых полос с четырьмя белыми вкраплениями в паху и под мышками. Уитбриду такой окрас показался удивительно гармоничным.

Сейчас мошкит стоял и ждал его. «А он терпеливый», — сказал себе Уитбрид.

Он старался не думать о том, в какую идеальную ловушку угодил. У него мог начаться приступ клаустрофобии: коридор был чудовищно узким. Уитбрид заглянул в цепочку баков, соединенных насосами, — вероятно, охлаждающую систему для водородного топлива. Она, вероятно, связана

с черным «плавником» снаружи.

Внезапно мошкит замер возле отверстия, которое подходило под размеры Уитбрида. Из него в коридор просачивался тусклый свет, какой обычно бывает в сумерки или перед грозой. Уитбрид протиснулся в отверстие следом за мошкитом и очутился в тороиде, где его тотчас окружила дюжина чужаков. Впрочем, они быстро отпрянули.

Мошкиты были одинаковыми, с асимметричными улыбающимися лицами и узорчатым полосатым меховым покровом. Они что-то быстро щебетали, переговариваясь друг с другом писклявыми голосками.

Щебет резко стих. Какой-то мошкит шагнул к Уитбриду и произнес несколько коротких фраз, возможно, на разных языках. Впрочем, Уитбриду они показались бессмысленными.

Он театрально пожал плечами и вытянул руки.

Мошкит повторил его жест с невероятной точностью. Уитбрид беспомощно вытянулся в невесомости, изобразив согнутыми руками крылья, и закудахтал, как цыпленок-переросток.

— Ладно, Уитбрид, экипаж уже хохочет, — проговорил Блейн по каналу связи, причем в голосе капитана зазвучали стальные нотки. — Вопрос

в том…

— О нет, сэр! Я снова на общей связи?

— Вопрос в том, что подумают о ваших действиях мошкиты.

— Да, сэр. Я пытался изобразить третью руку, — Уитбрид успокоился. — Сэр, надо бы раздеться и мне. Пожалуйста, уберите меня с общих экранов…

Датчик на его подбородке, конечно, горел желтым: вот он, медленно действующий яд. Но теперь Уитбрид был начеку. Он глубоко вздохнул и снял шлем. Задержав дыхание, вынул обычный акваланг и вставил загубник между зубами. И сделал вдох: все работало отлично.

Джонатон не спеша начал раздеваться. Сперва избавился от мешковатого «чехла» с электроникой и прочими механизмами. Убрал полоски, закрывавшие застежки-молнии, и расстегнул вакуумный скафандр. Сами молнии тянулись вдоль рук, ног и перекрещивались на груди: без них на то, чтобы надеть или снять скафандр, который походил на чулок, ушел бы не один час! Эластичный материал повторял все изгибы тела и предохранял Уитбрида от воздействия вакуума: его собственная кожа являлась своеобразным датчиком давления, а потовые железы служили

системой терморегуляции.

Пока Уитбрид освобождался от скафандра, баки свободно кружились перед ним. Мошкиты грациозно двигались, а один из них — темно-коричневый, без полос! — подплыл, чтобы помочь гостю.

Уитбрид решил использовать универсальную присоску рабочего снаряжения, приложив шлем к полупрозрачной стене. Но она не держалась. Коричневый мошкит тотчас понял, в чем дело. Он (она, оно) извлек откуда-то непонятного вида трубку и приложил к шлему Уитбрида. И все получилось. Джонатон развернул шлем камерой к себе и продолжил раздеваться.

Люди при знакомстве стоят, сохраняя дистанцию, зато мошкиты приняли самые непринужденные позы. Они ждали и улыбались.

Уитбрид извивался до тех пор, пока не остался в чем мать родила.

И мошкиты принялись изучать его.

Коричневый оказался самым поразительным из всех. Пониже своих собратьев, с хрупкими руками и диковинным черепом. И вот что странно, он был копией чужачки, которая находилась на борту «Макартура»! Остальные же походили на мошкита, погибшего в зонде с солнечным

парусом.

Коричневый тоже изучал — или изучала — скафандр Уитбрида — вероятно, мошкита заинтересовало рабочее снаряжение, а остальные щупали мускулатуру Джонатона в поисках сочленений и тех мест, где тычки могли вызвать рефлекторные сокращения.

Пара мошкитов прощупывала крепко стиснутые челюсти Уитбрида. Другие чужаки прохаживались по костям и простукивали ребра, позвоночник, форму черепа, таз и суставы Джонатона. Они трогали его руки и водили по его коже своими длинными пальцами. И хотя они действовали осторожно, ему все равно было неприятно!

Щебет поднялся до крещендо. Звуки, которые издавали мошкиты, стали пронзительными, достигнув практически высоты ультразвука, но за ними следовали мелодичные тона нормального среднего тембра. Наконец все мошкиты сгрудились за спиной Уитбрида. Они дотрагивались до его позвоночника и взволнованно верещали.

Потом мошкиты снова встали перед Уитбридом, чтобы он мог их видеть. Один из них знаком велел гостю следить за ним, после чего перегнулся назад и быстро нагнулся вперед. Суставы выпирали из его спины, как будто она была сло-

мана в двух местах. Уитбрида замутило, но его тут же осенило. Он согнулся в три погибели, выпрямился, согнулся снова. Дюжина маленьких рук опять принялась ощупывать его позвоночник.

Когда все прекратилось, какой-то из мошкитов (тоже коричневый) замер перед Уитбридом и сделал пригласительный жест, означающий, что гость может изучить его (ее) анатомию. Уитбрид покачал головой и неторопливо отвернулся. Это дело ученых.

— Докладываю, сэр, — проговорил он в микрофон. — Я не знаю, что делать дальше. Привезти кого-нибудь из них на «Макартур»?

— Ни в коем случае, — напряженно ответил капитан. — Вы можете выйти из их корабля?

— Да, сэр, если нужно.

— Так выйдите. Доложите по безопасной линии, Уитбрид.

— Э… да, сэр, — Джонатон сделал знак мошкитам, указывая на свой шлем, а затем на воздушный шлюз.

Мошкит, который привел его сюда, кивнул. Уитбрид с помощью однотонного пришельца натянул вакуумный скафандр и закрепил шлем. Другой мошкит — светло-коричневый — проводил его до шлюза.

Снаружи не нашлось ни удобного, ни относительно безопасного участка, подходящего для этой цели. Уитбрид окинул беглым взглядом эскорт мошкитов: те уже копошились на корпусе корабля, схватившись за крюки. Джонатон решил не переживать, однако нахмурился. Где кольцо, за которое держался мошкит, когда Уитбрид прибыл сюда? Исчезло. Почему?

Ну и ладно, «Макартур» ведь совсем близко, верно? Уитбрид аккуратно оттолкнулся от обшивки судна мошкитов и повис в безвоздушном пространстве. Взмахнув руками, Джонатон поплыл вверх, а затем воспользовался видоискателем на шлеме и принял положение, чтобы находиться примерно на одной высоте с антенной «Макартура», торчащей из корпуса крейсера.

Уитбрид
нажал языком кнопку «БЕЗОПАСНОСТЬ», и из шлема вырвался узкий луч света. Другой ударил с «Макартура», тотчас обнаружив мини-рецептор в шлеме Уитбрида. Кольцо вокруг рецептора потемнело. Если обнаружится отклонение, система «Макартура» скорректирует его, а если луча коснется другая приемная антенна, связь прервется.

— Безопасный канал, сэр, — доложил Уитбрид дрожащим от волнения голосом.

«После такого приключения, — подумал он, — я имею право не скрывать свои чувства».

Блейн ответил немедленно:

— Мистер Уитбрид, причина перехода на данный канал состоит не в том, чтобы досадить вам. Мошкиты не понимают нашего языка, но могут вести запись. И позднее начнут понимать англик. Вы слышите меня?

— Да, сэр. Но… Да, сэр.

А у кэпа действительно есть голова на плечах!

— Мистер Уитбрид, нельзя позволить ни одному мошкиту попасть на борт «Макартура», пока не решена проблема беглецов. Кроме того, нельзя допустить, чтобы чужаки узнали о происшествии на борту нашего корабля. Ясно?

— Да, сэр.

— Отлично. А теперь, по проторенному пути, я высылаю к вам шлюпку с учеными. Вы справились. Но прежде чем я отправлю их — может, вы хотите что-нибудь добавить?

— Да, сэр. Во-первых, на борту — два… детеныша. Они сидят на спинах взрослых. Они крупнее мелких чужаков, которые удрали из каюты, и окрашены как взрослые.

— Очередное доказательство мирных намерений, — произнес Блейн. — Что еще?

— У меня не было возможности сосчитать всех, но меня встретили двадцать три коричнево-белых и двое коричневых, вроде шахтера с астероида. Оба ребенка с коричневыми. Интересно почему?

— Надеюсь, нам удастся спросить об этом у них самих. Уитбрид, мы отправляем ученых. Им дадут катер. Реннер?

— Да, сэр.

— Рассчитайте курс. Пусть «Макартур» остается в пятидесяти километрах от чужого корабля. Не знаю, что сделают мошкиты, когда мы раскачаемся… но катер вылетит первым.

— Вы хотите передвинуть корабль, сэр? — недоверчиво переспросил Реннер.

— Да.

Долгое время никто не говорил ни слова.

— Я объясню, — наконец, произнес Блейн. — Адмирала беспокоят беглецы. Он думает, что они могут переговариваться с мошкитами на корабле. Нам приказали найти их и помешать связаться с крупными особями.

Вновь воцарилась тишина.

— Отбой, джентльмены. Спасибо, мистер Уитбрид, — сказал Род. — Мистер Стейли, сообщите доктору Хорвату, что он может грузиться на катер

в любое время.

«Вот мы и здесь», — сказал себе священник Харди, пухлый человечек с мечтательными глазами и рыжими волосами, начавшими седеть. Если не считать воскресных богослужений, большую часть времени он проводил в каюте.

Дэвид Харди не был нелюдимым. Любой мог зайти к нему выпить кофе или чего-нибудь покрепче, сыграть в шахматы или поговорить. Просто-напросто ему не нравились скопления людей. В толпе он никого не узнавал.

Он также не выставлял напоказ свои профессиональные склонности, не обсуждал работу с дилетантами и не публиковал результаты, пока не набирал достаточно доказательств. «Сейчас это невозможно, — размышлял он. — И кто такие чужаки? Наверняка они разумны. Значит, в Божественном плане мироздания для них должно быть место. Но какое?»

Экипаж перенес снаряжение Харди на катер. Фильмотека, стопки детских книг, справочники (впрочем, немного: компьютер катера подключался к корабельной библиотеке, но доктору Харди нравились книги — при всей их непрактичности). Было и другое снаряжение: два дисплея со звуковыми преобразователями, электронные

фильтры, повышающие или понижающие частоту, меняющие тембр и фазу. Он хотел уложить приборы сам, но первый лейтенант Каргилл отговорил его. Десантники проявили чудеса ловкости, и Харди безосновательно опасался, как бы они что-нибудь не повредили. Сломай они хрупкий прибор, им пришлось бы иметь дело с Келли.

В воздушном шлюзе Харди встретил Салли. Она тоже отправлялась в путешествие не налегке. Ей хотелось взять *все*, включая кости и мумии с Каменного Улья, но капитан дал добро только на голограммы (их временно спрятали: сперва Салли следовало установить, как мошкиты относятся к «расхитителям гробниц»). Судя по описанию Улья, сделанному Каргиллом, у мошкитов не было похоронных обрядов… абсурд. Такие обряды есть и у самых отсталых народов!

Увы, Салли не могла взять с собой на катер мошкитов! И хорьки, и космодесант продолжали искать вторую особь с детенышем (и почему мошкит удрал с малышом, а не с его матерью?). Салли захотелось узнать, не суматоха ли, поднятая ею на «Макартуре», помогла ей получить место в катере. Конечно, она повела себя не слишком корректно по отношению к Роду. Он выполнял приказ адмирала. Но приказ-то был

неправильный! Мелкие мошкиты ничего не смогут повредить, и бояться их — паранойя.

Священник Харди скрылся в каюте катера, Салли последовала за ним. Доктор Хорват уже был там. Им троим предстояло стать первыми учеными, попавшими на инопланетный корабль, и Салли нервничала. Им откроется столько нового!

Антрополог (Салли думала о себе как о полноценном специалисте, и наверняка никто не стал бы оспаривать данный факт), лингвист и Хорват, который в прошлом, до того, как стать управленцем, был хорошим физиком. Но сейчас Хорват казался ей единственным бесполезным человеком в команде. Правда, должность давала ему неслыханные права. Салли не приходило в голову, что те же соображения применимы к ней самой — и половина ученых на борту «Макартура» завидовала девушке.

Трое ученых, рулевой, двое техников и Джонатон Уитбрид. Никакого космодесанта и никакого оружия на борту. Адреналин перекрыл страх, сковавший их души. Разумеется, Салли (как и остальные) чувствовала бы себя гораздо лучше, будь с ними Род Блейн. Но это было невозможно. Позднее к ним присоединятся и другие. Бакман

с его миллионом вопросов — как только Харди решит проблему общения. Биологи, офицер Космофлота — вероятно, Каргилл, — чтобы изучить оружие мошкитов. Офицер-механик… Кто угодно, кроме капитана. Кутузов ни за что не позволит Роду Блейну покинуть «Макартур», какими бы мирными ни были намерения мошкитов.

Внезапно Салли остро затосковала по дому. На Спарте она жила в особняке на Чаринг-Кросс и за считаные минуты могла добраться до столицы. В те годы Спарта являлась для Салли центром цивилизации — но потом все изменилось. Сперва Салли кочевала по космосу на небольших суденышках, а затем угодила в лагерь. Вот и все разнообразие!..

Салли задумалась. Получив диплом, она приняла решение стать личностью, а не трофеем богатого мужчины. Но теперь Салли не возражала против мужского общества. И если она встретит настоящего представителя сильного пола, то… Нет! Она будет принадлежать лишь самой себе.

Она принялась изучать каюту. В одном углу ютились покореженные приборы, в другом — два стола: обеденный и для настольных игр.

Хорват что-то пробурчал, посмотрев на Салли.

— Простите?

— Я спросил: «Вы уже бывали на катере?» Они вынесли все оружие, но легко понять, что катер был им напичкан. То же и с торпедами. Их убрали, но пусковые аппараты на месте. Какими же мы будем дипломатами?

Харди очнулся от грез.

— А что вы бы сделали на месте капитана?

— Использовал бы невооруженный катер.

— Таких здесь нет, — мягко заметил Харди. — Вы знали бы это, если бы хоть раз заглянули на ангарную палубу.

Там стояла часовня, которую Хорват не посещал. Конечно, это его дело, но нелишне иногда напомнить.

— Но ведь корабль у мошкитов совершенно точно не военный!

Харди кивнул.

— Мошкиты рано или поздно раскроют нашу ужасную тайну. Человек любит воевать. От природы не уйдешь, хотя мы прибываем на полностью разоруженном корабле. Однако вам не кажется, что это будет многое означать для мошкитов?

— Возможно. Но не забывайте и об Империи!

Дэвид Харди склонил голову. Министр науки прав, но священник подозревал, что его доводы

не выдерживают никакой критики. Катер слегка накренился, и полет начался. Род с беспомощным раздражением наблюдал за ним, уставившись в экран. Через мгновение, когда катер подойдет к борту корабля мошкитов, он окажется под прицелом батарии Кроуфорда. А Салли Фаулер находится на хрупком суденышке. Поначалу мошкитов собирались привезти на борт «Макартура», но пока беглецы не найдены, это было невозможно. Род порадовался, что «Макартур» все же неподвластен чужакам. «Учусь думать как параноик, — сказал он себе. — Как адмирал».

А мелких мошкитов как ветром сдуло. Да еще и Салли с ним не разговаривала. В общем, все были на взводе.

— Корабль готов к маневру, капитан, — доложил Реннер. — Я сменю вас, сэр.

— Хорошо. Продолжайте, штурман.

Прозвучал сигнал к началу ускорения, и «Макартур» двинулся в сторону, отдалившись от чужого корабля. В сторону от катера и от Салли.

22
Словесные игры

Душ: пластиковый мешок с мыльной водой и молодым человеком внутри, причем горловина мешка плотно завязана вокруг его шеи. Уитбрид пользовался щеткой на длинной ручке, чтобы отдраить все места, которые чесались, — и ему пришлось нелегко. Однако какое же удовольствие напрягать и расслаблять мышцы! Как некомфортно и неприятно было в тесном и темном корабле чужаков!

Вымывшись, он присоединился к остальным, собравшимся в кают-компании.

Священник, Хорват и Салли Фаулер — все в специальной обуви с подошвами, липнущими к полу, — выстроились в линию. Уитбрид вытаращил глаза.

— Министр науки Хорват, — сказал он, придя в себя. — Гардемарин Уитбрид прибыл в ваше распоряжение на срок пребывания здесь.

— Прекрасно, мистер Уитбрид. — Хорват казался встревоженным и озабоченным. Впрочем, как и остальные.

— Как видите, никто из нас не знает, что делать дальше, — выдавил священник. — Никогда прежде мы не контактировали с пришельцами.

— Они вполне дружелюбны и готовы общаться, — заявил Уитбрид.

— Но ваш ответ не удовлетворил мое любопытство, и я все еще у вас на крючке, — священник нервно рассмеялся. — На что это было похоже, Уитбрид?

Джонатон попытался объяснить: странные ощущения, пока добираешься до тороидов… первые бесплодные попытки пообщаться с мошкитами… «досмотр». Ясно только, что чисто коричневые чем-то отличаются от коричневых в полоску.

— Они не вооружены, — добавил он. — Я три часа изучал их корабль. На нем нельзя спрятать крупное оружие.

— У вас не появилось ощущения, что от вас что-то намеренно спрятали?

— Я… нет.

— Вы не очень-то уверены, — резко сказал Хорват.

— Это не так, сэр. Я просто вспомнил о лабораторном отсеке. Мы закончили обход в помещении со всевозможными инструментами на стенах, на

полу и на потолке. На двух стенах размещались ручные сверла, продольные пилы со странными рукоятями, винты и отвертки. Их я смог узнать. Я видел крючья и нечто вроде молотка с плоской головкой. В целом все смахивало на обычную мастерскую в каком-нибудь подвале. Но там хранились и другие — сложные вещи, назначение которых я не сумел определить.

Чужой корабль плыл совсем рядом: он хорошо виднелся в иллюминатор. Внутри него сновали ломаные тени. Салли приникла к иллюминатору.

— Продолжайте, мистер Уитбрид, — произнес Хорват. — По вашему мнению, чужаки были настроены миролюбиво?

— Пожалуй, да. Или они что-то от меня скрыли. Я уверен, что меня нарочно привели в мастерскую. Не представляю зачем, но, по-моему, это был тест на разумность. Если так, я его с треском провалил.

— Единственный крупный мошкит, с которым мы смогли общаться, даже не может усвоить простейших жестов, — проговорил священник Харди. — А вы утверждаете, что мошкиты устроили вам экзамен.

— И понимали жесты. Причем проявили

недюжинную сообразительность. Но, сэр, они — разные. Вы же видели снимки?

Харди намотал на шишковатый палец прядь редеющих рыжих волос и легонько дернул.

— Сделанные камерой вашего шлема? Да, Джонатон. Похоже, мы имеем дело с двумя видами мошкитов. Один — ученый-идиот, который не умеет говорить. Второй… по крайней мере, он хоть что-то говорит, — закончил он неубедительно.

Харди заметил, что ерошит себе волосы, пригладил их и привел в порядок.

«Они жутко испуганы, — догадался Уитбрид. — И Салли. И отец Харди, который всегда выглядел спокойным…»

Всех испугал первый полноценный контакт.

— Еще какие-нибудь впечатления? — спросил Хорват.

— Я по-прежнему считаю, что корабль спроектирован для невесомости. Липучки повсюду, надувная мебель… Кроме того, я обнаружил на борту небольшие коридорчики, которые соединяют тороиды. При ускорении они меняют конфигурации, становятся открытыми входами в ловушки. В общем, мошкиты весьма изобретательны.

— Да уж, — буркнул Хорват. — Кстати, еще четыре часа назад корабль летел с ускорением.

— Именно, сэр. Проходы должны быть новыми. — Внезапно Уитбрида осенило. — Соединения должны быть новыми…

— Интересно, — вполголоса вымолвил отец Харди. — Значит, мебель там во всех углах. И мошкитов не заботит их ориентация в пространстве, когда они общаются друг с другом. Они идеально приспособлены к невесомости. Может, они развивались в ней…

— Нет! — запротестовала Салли. — Такое невозможно, но… а вы действительно правы, доктор Харди! Люди всегда стараются удобно расположиться в пространстве. Даже старые десантники, проведшие в космосе всю жизнь! Но никто не может развиваться в невесомости.

— Старые расы могут, — произнес Харди. — И потом, их несимметричные руки… Успех эволюции? Нужно будет упомянуть данную теорию, когда мы будем говорить с мошкитами. Если мы сможем, — тихо добавил он.

— Они обезумели, увидев мой позвоночник, — заметил Уитбрид. — Как будто никогда не видели ничего подобного. — Он помолчал. — Я раздевался для них, и теперь они знают, с кем имеют дело.

Вот и отлично, — он отвел от Салли взгляд.

— Я и не думаю смеяться, — вырвалось у Салли. — Я и сама хочу перед ними разоблачиться!

Уитбрид поднял голову.

– *Что?*

«Помни о провинциальных нравах», — подумала Салли и скромно, потупившись, продолжила:

— Что бы ни собирались скрыть от чужаков капитан Блейн и адмирал Кутузов, это, конечно же, не то, что люди двуполы. Мошкиты имеют право знать, как мы устроены, а я — единственная женщина на борту «Макартура».

— Но вы племянница сенатора Фаулера!

Она улыбнулась.

— Ладно, — Салли встала. — Лафферти, мы отправляемся! — Девушка изящно повернулась, как дама при дворе, стараясь не подавать виду, что находится в невесомости. — Отец Харди, вы сможете присоединиться ко мне, когда я вас попрошу.

И Салли покинула кают-компанию.

Спустя некоторое время Уитбрид нарушил молчание.

— Хотел бы я знать, чего вы так опасаетесь.

Хорват, глядя прямо перед собой, ответил:

— Это ее идея.

Добравшись до корабля чужаков, Салли связалась с катером. Тот же мошкит, который приветствовал Уитбрида (или точно такой же), вежливо пригласил ее на борт. Камера ракеты зафиксировала контакт Салли с чужаком, заставив священника занервничать еще сильнее.

— А полупоклон, который он отвесил, очень смахивает на ваш, Уитбрид. Мошкит — великолепный мим.

Салли вызвала их через несколько минут. Она находилась в тороиде.

— Мошкиты столпились вокруг меня. Многие принесли с собой какие-то приборы. Джонатон, вы…

— У большинства из них в руках ничего не было. На что похожи устройства?

— Один — на наполовину разобранную камеру, у другого есть экран, как у осциллографа. — Пауза. — До связи. — Щелчок.

Следующие двадцать минут они ничего не знали о Салли Фаулер. Трое мужчин не сводили глаз с темного монитора интеркома. Когда Салли наконец заговорила, ее голос звучал живее:

— Я в порядке, джентльмены. Можете присоединиться ко мне.

— Уже иду. — Харди освободился от ремней и

поплыл к воздушному шлюзу катера. В его голосе звучало нескрываемое облегчение: ожидание кончилось.

На мостике вокруг Рода царила обычная суматоха — ученые таращились на главные наблюдательные экраны, рулевые следили за сохранением между кораблями безопасной дистанции в пятьдесят километров. Род с гардемарином Стейли разрабатывали нападение космодесанта на корабль мошкитов. Конечно, чисто теоретически, но это спасало Рода от мыслей о том, что творилось на борту чужого космического судна.

Вызов Хорвата разрядил атмосферу, и Род с искренней сердечностью ответил:

— Привет, доктор! Как у вас дела?

Хорват улыбался.

— Спасибо, капитан, просто превосходно! Доктор Харди отправился к Салли Фаулер. Я послал вашего парня Уитбрида следом.

— Хорошо. — У Рода вдруг защемило сердце.

Итак, Салли решилась…

— Капитан, мистер Уитбрид упомянул о комнате с инструментами на борту корабля чужаков. Он уверен, что ему устроили настоящий экзамен на наличие умственных способностей. Вероятно,

мошкиты будут проверять таким же образом и всех нас.

— Ясно. Изготовление и использование инструментов — основная…

— Да, капитан, но среди нас нет специалистов в этой области! — перебил его Хорват. — Мы просто лингвист, антрополог и управленец. Мы — и несколько солдат военно-космического флота. Суть вот в чем, капитан: мы долго обсуждали поведение мошкитов, но никто не счел, что они уже достигли *нашего* уровня разумности.

Блейн задумался.

— Да, ситуация сложная, док… И еще их корабль… Хорошо, я пришлю вам кого-нибудь. Мы найдем того, кто успешно справится с подобной проверкой.

Когда Хорват исчез с экрана, Род снова коснулся панели управления.

— Келли, можете снять с постов половину ваших людей.

— Слушаюсь, капитан. — Лицо Келли не выражало никаких эмоций, но Род знал, до чего Келли неудобно в полевом обмундировании.

Спустя минуту весь космодесант «Макартура» в полной боевой готовности собрался на ангарной палубе, и Род вызвал Синклера.

— Есть загвоздка, Сэнди. Нужен человек, который отлично разбирается в инструментах и не побоится контакта с чужаками на корабле. Если вы назовете мне таких людей, я отыщу добровольцев.

— Не беспокойтесь о добровольцах, капитан. Я — к вашим услугам.

Блейн был потрясен.

— Вы, Сэнди?

— А почему бы и нет, кэп? Разве я не разбираюсь в инструментах? Или, может, я когда-нибудь вас подвел? А мои парни запросто разберутся, что не так на «Макартуре», — я отлично вымуштровал их.

— Погодите минуту, Сэнди.

— Да, кэп?

— Вы же прекрасно осведомлены о принципах работы и поля, и самого движителя. Вероятно, по этой причине адмирал не разрешит вам пройти испытание.

— Верно. На борту нет никого другого, кто смог бы знать всю подноготную о «Макартуре», капитан. Но это и даст мне преимущество, не так ли? Надо рискнуть.

— Ладно, отправляйтесь на осмотр к врачам. И назовите мне еще кого-нибудь. Кого я могу

послать, если вас не отпустят?

— Джекса. Или Ли Бетсона. Вообще, любого из моих людей, кроме Меньшикова.

— Меньшиков… техник, который спас шестерых человек, закрытых в торпедной во время сражения с «Дерзким»?

— Да, капитан. Кроме того, он тот, кто установил вам душ за две недели до сражения.

— Ясно. Спасибо, Сэнди.

Род замолчал и осмотрел капитанский мостик. Дел у него здесь совсем мало. Экраны показывали корабль мошкитов в прицеле главной батареи «Макартура». Кораблю вроде бы ничего не угрожало, но Салли предстояло вступить в контакт с чужаками. Правда, с ней Харди и Уитбрид, но… Род повернулся к Стейли.

— Последний вариант неплох. Но сперва разработайте план спасения, исходя из того, что лишь половина десантников — в боевой готовности.

Салли услышала шум, когда мошкиты вели по кораблю Харди и Уитбрида, но не посмотрела на вновь прибывших. Она и так потратила много времени, чтобы одеться. Сейчас ее руки при тусклом, фильтрованном свете Мошки изучали тело коричневого мошкита со светлыми полосками. Салли, сгибая ее (его) плечевые суставы, отсле-

живала движения мускулов, она диктовала свои соображения в диктофон, прикрепленный к шее с помощью липучки.

— Я делаю вывод, что это другой подвид, однако близкородственный Коричневым, возможно, даже специально выведенный или скрещенный с ними. Все определит расшифровка генетического кода, когда мы доставим образцы на Новую Шотландию, где есть необходимое оборудование. Полагаю, мошкиты могли бы дать мне ответ, но пока следует проявлять осторожность при общении с пришельцами. Сначала нам нужно установить, какие у них есть табу.

У них явно нет половой дискриминации, такой, как в Империи. Фактически налицо — значительное превосходство женщин. Итак, один Коричневый — мужчина, который заботится о выводке. Детеныши отлучены от груди… по крайней мере, нет признаков кормления их женщинами — или самцом — на борту.

Моя гипотеза такова: в отличие от человечества, выжившего после Сепаратистских войн, у мошкитов не было недостатка в матерях и не исчезало желание иметь детей. Тем самым, у них отсутствовал культурный механизм сверхзащиты, который сохранился в Империи. У меня нет

никаких соображений, почему у всех детенышей коричневая шкура. В данной связи у меня возник еще один вопрос. Возможно ли, что незрелые мошкиты, за которыми я наблюдала, изменят окрас, когда подрастут? Так или иначе, но похоже на то, что Коричневые — учителя у детей. Заметна и тенденция использовать Коричневых для выполнения технической работы.

Отличия двух типов очевидны, пусть и не разительны. Руки — крупнее и лучше развиты, лоб — более покатый. Кроме того, Коричневые ниже ростом. Очередной вопрос: кто из мошкитов разбирается в инструментах? Конечно, Коричневые. У Пестрых — высокий интеллект, Коричневые лучше действуют руками. Все Пестрые, которых я пока видела, — женщины, а среди Коричневых есть по одному представителю каждого пола. Это случайность, ключ к разгадке их цивилизации или нечто из области биологии? Конец сообщения. Приветствую вас на борту, джентльмены!

— Какие затруднения? — спросил Уитбрид.

Голова Салли скрывалась в пластиковом колпаке, стянутом на шее, подобно душевому мешку: Салли не пользовалась носовым респиратором. Мешок чуть заглушал ее голос.

— Никаких. Что сейчас?

— Уроки языка.

Для начала имелось лишь одно слово: «финч'клик». Когда священник указал на себя и произнес: «Дэвид», мошкита, на которую он смотрел, таким же образом согнула нижнюю правую руку и сказала: «финч'клик», прищелкнув языком.

Вроде все шло хорошо… если бы Салли не выпалила:

— Моя мошкита тоже откликается на «финч'клик».

— Вы имеете в виду, что я выбрал того же чужака?

— Нет. Но «финч'клик» не относится к именам, — проговорила Салли, щелкнув напоследок языком, а потом испортив весь эффект хихиканьем. — Я уже проверяла.

Священник нахмурился.

— Возможно, все имена собственные звучат для нас одинаково. А может, «финч'клик» означает *рука*, — добавил он серьезным тоном.

На эту тему имелась даже классическая история, настолько старая, что, пожалуй, она пришла из доатомного периода.

Он повернулся к другой мошките, ткнул пальцем в грудь и произнес:

— Финч'клик? — его выговор был почти идеален, и он не хихикал.

— Нет, — ответила мошкита.

— Они быстро учатся, — заметила Салли.

Уитбрид решил присоединиться к остальным. Он плавал среди мошкитов, указывая на себя, и вопрошал:

— Финч'клик?

Он получил четыре идеально произнесенных «нет», прежде чем какая-то мошкита постучала по его колену и проверещала:

— Финч'клик? Да.

Итак, трое мошкит могли говорить людям «финч'клик». Причем каждая — определенному человеку и только ему.

— Это может означать «Я приставлен к вам», — заявил Уитбрид.

— Неплохая гипотеза, — согласился Харди.

«Хотя данных недостаточно», — мысленно добавил он. Но если парень прав?

Вокруг них столпились мошкиты. Часть принесенных ими приборов могли быть камерами или записывающими устройствами. Некоторые начинали жужжать, когда люди общались между собой, другие извергали ленту или чертили на мониторах оранжевые кривые. Мошкиты

обратили внимание и на оборудование Харди, в особенности мелкий Коричневый, который помалкивал. Он разобрал осциллограф Харди и у него на глазах собрал снова. Изображение на экране стало ярче, и вообще он работал гораздо лучше. Занятно. Наверное, только Коричневые были такими умельцами.

Вскоре уроки языка стали групповыми и превратились в игру — «Обучи мошкитов англику». Нужно было указывать на предмет и называть его — мошкиты почти сразу же запоминали слово.

Но в основном Пестрые продолжали возиться с приборами, настраивая их, а порой с каким-то птичьим присвистом передавая устройства Коричневым. Удивительный диапазон их голосов менялся от баса до сопрано. Харди предположил, что высота — часть кода.

Внезапно он понял, что они находятся на корабле уже долгое время. Желудок, чьи жалобы он с рассеянным презрением игнорировал, заурчал от голода. Вокруг крыльев носа появились потертости от респиратора. Глаза щипало: защитные очки практически не помогали. Харди жалел, что отказался от шлема или пластикового мешка, как у Салли. Мошкиты казались ему размазанными яркими пятнами, которые плавно

двигались вдоль вогнутых полупрозрачных стен. Сухой воздух, которым он дышал, постепенно обезвоживал его.

Он ощущал дискомфорт уже несколько часов, но игнорировал свое самочувствие.

«Вот так Дэвид Харди осуществляет свою миссию», — иронично подумал он.

Несмотря на уникальность ситуации, Харди решил воспользоваться традиционной лингвистикой, но моментально столкнулся с беспрецедентными трудностями. И проблемы, конечно же, были связаны со словами «*лицо*», «*рука*», «*уши*» и «*пальцы*». Дюжина пальцев на правых верхних конечностях мошкитов имела одно общее название, а три толстых пальца на левой — другое. Плоское ухо называлось так, а стоячее — иначе. Обозначения для *лица* вообще не было, поскольку мошкиты ухватились за словечко из англика и, похоже, погрузились в глубокие размышления о лингвистическом усовершенствовании.

Харди полагал, что его организм приспособился к невесомости, но понял, что ошибся. Мышцы сильно затекли и ныли. Салли куда-то пропала, но это его не слишком беспокоило. Он уже воспринимал мошкитов как коллег… сказалась и степень усталости. Однако позже он немного

занервничал. Харди считал себя просвещенным человеком, но то, что Салли назвала «чрезмерной опекой женщин», глубоко укоренилось в имперской культуре — особенно в монашеском военно-космическом флоте.

Только когда у Харди кончился воздух, остальным удалось убедить его вернуться на катер.

Они спешили покончить с ужином, чтобы обменяться впечатлениями, но дело застопорилось. К Харди милосердно приставали, и Хорват шикал на каждого, кто мог потревожить священника, хотя и сам сгорал от любопытства. Посуду создавали для невесомости, но никто не пользовался ею в периоды нулевой гравитации, и процесс поглощения пищи стал напоминать аттракцион. Наконец Харди позволил одному из команды забрать поднос с его колен и поднял взгляд. Трое его спутников буравили его нетерпеливыми взорами, телепатически посылали ему миллион вопросов.

— Они быстро изучили англик, — заметил Дэвид. — И, надеюсь, что с моей помощью.

— Они очень способны, — произнес Уитбрид. — Когда вы говорите им слово на англике, они повторяют его снова и снова, склоняют его так и сяк, в общем, пытаются изъясняться на чужом

языке. Я никогда прежде не видел ничего подобного.

— Вы мало наблюдали за доктором Харди, — вымолвила Салли. — Мы изучали эту методику в университете, но я не сильна в ней.

— С молодежью всегда так, — Харди расслабленно вытянул ноги.

Пустота в желудке заполнилась, и Харди почувствовал умиротворение. Он задумался. Удивительно, но мошкиты оказались более подкованными в лингвистике, чем он сам.

— У молодежи обычно нет терпения для изучения теории. Впрочем, в нашем случае ваш пыл помогает нам общаться с чужаками, поскольку мошкиты вполне профессионально направляют ваши усилия. Джонатон, а куда ходили вы?

— Я вывел свою финч'клик наружу и продемонстрировал ей катер. Мы показали ей все приборы, которые захватили с собой, а приводить ее на борт я пока не хотел. Ничего, что мы полюбовались на катер?

— Ничего страшного, — заверил его Хорват. — Я говорил с капитаном Блейном, и он оставил это на наше усмотрение. На катере нет ничего секретного. Но мне хотелось бы обставить это как-то торжественно. Можно устроить церемонию. В

конце концов, за исключением шахтера с астероида — и тех малышей, естественно, — ни один мошкит не посещал корабль людей.

Харди пожал плечами.

— Наших визитов тоже было немного. И вам следует помнить, что, если, конечно, не вся раса мошкитов фантастически способна к языкам — гипотеза, которую я отверг, — они специально подбирали экипаж своего корабля перед тем, как покинуть планету. Может, на борту находятся профессиональные лингвисты. Не удивлюсь, если финч'клик — то же, что наш профессор.

Уитбрид покачал головой. Все посмотрели на него, и он заговорил, страшно гордый, что придумал способ, позволяющий младшему офицеру перебивать старших.

— Сэр, корабль покинул планету мошкитов спустя час — или даже меньше, чем через час, — после появления «Макартура» в этой системе. Откуда у них могло быть время, чтобы собрать специалистов?

— Не знаю, — признался Харди. — Но там *должны быть* специалисты, верно? И неужели все население планеты обладает фантастическим талантом к изучению языков? Хотя «фантастический» — не самый подходящий термин. Но

позвольте и мне задать вопрос: мы поставили их в тупик?

— Мы?.. Может, в подсобке, — ответила Салли. — Полагаю, именно так вы назвали тот отсек на корабле мошкитов, мне позже сказал про это Джонатон. А мошкиты отвели меня туда сразу после того, как я покинула вас, доктор Харди, после чего настал ваш черед. Я заметила, что вы пробыли в подсобке гораздо дольше меня. Но мошкиты не выказывали никаких признаков удивления, когда вы вышли оттуда.

— Что вы там делали, Салли? — спросил Дэвид.

— Ничего. Глазела на разные вещи. Весь отсек был завален техническим хламом — по-моему, зажимы на стенах оказались не слишком прочными, чтобы использовать их в условиях гравитации. Они наверняка устроили подсобку, когда корабль держал курс на «Макартур». Но поскольку предназначение вещей являлось для меня загадкой, то я не уделила подсобке мошкитов особого внимания.

Харди молитвенно сложил руки и смущенно поднял взгляд вверх. Он приобрел эту привычку задолго до того, как получил приход, и никак не мог отучить себя от нее. Впрочем, жест означал сосредоточенность, а не почтение.

— Да, я тоже был в той подсобке, — задумчиво пробормотал он. — Я пытался узнать у чужаков названиях приборов и провел в отсеке довольно много времени, что, похоже, ввело мою финч'клик в изрядное недоумение. Может, я неверно толкую свои ощущения, но мне действительно кажется, что мой интерес к инструментам искренне удивил их.

— Вы хотели воспользоваться каким-нибудь приспособлением чужаков? — спросил Уитбрид.

— Нет. А вы?

— Да, я покрутил кое-что из вещей…

— Они заинтересовались?

Джонатон пожал плечами.

— Они постоянно наблюдали за мной. Я не заметил никакой разницы.

— Да, — Харди снова сложил молитвенно ладони, даже не заметив, что сделал это. — Вероятно, они приводили нас в подсобку неспроста. Они хотели посмотреть на нашу реакцию. Хотя сомневаюсь, что мы узнаем причину, пока капитан Блейн не пошлет на корабль мошкитов своего эксперта. Как считаете, кого он туда снарядит? — произнес он и сам же ответил: — Разумеется, старшего механика Синклера!

— Гм… — непроизвольно хмыкнул Джонатон

Уитбрид и улыбнулся, когда все посмотрели на него. — Если *мы* сумели хоть немного удивить мошкитов, сэр, то попробуйте вообразить, что будет твориться в их головах, когда они услышат командора Синклера!

У флотских, служащих на военном корабле, обычно скачет вес. За время долгих периодов безделья те, кто любит поесть, развлекаются едой в прямом смысле слова и быстро полнеют. Но среди флотских найдется и немало тех, кто часто забывает даже о приеме пищи. Еда не может привлечь их, пока капитан не укажет на тарелку пальцем. Сэнди Синклер сидел на краю лабораторного стола и напряженно сверлил взглядом стену. Это было обычно для Синклера — голый, он не мог смотреть человеку в глаза. Долговязый и тощий, он казался слабаком, но это не соответствовало действительности. Мышцы его грудной клетки были крепкими и сильными, хотя механика легко было принять за человека, получившего в материнской утробе скелет на три размера больше, чем требовалось.

Треть туловища Синклера покрывали розовые рубцы. Острые куски арматуры, разлетевшиеся после взрыва, расплавленные капли металла и языки пламени оставили на его теле многочис-

ленные раны и ожоги. Космические сражения ставят на тебе клеймо, если уж ты выживаешь после боя.

Доктору было двадцать три, и он беседовал с Синклером непринужденным тоном.

— Двадцать четыре года на службе, да? И участвовали в сражениях?

— Вы тоже получите свою порцию шрамов, если пробудете на флоте достаточно долго, — огрызнулся Синклер.

— Охотно вам верю. Что ж, командор, для сорока лет вы в великолепной форме. Думаю, вам можно провести месяц в невесомости, но мы будем соблюдать правила и станем дважды в неделю возвращать вас на «Макартур». Полагаю, не нужно напоминать вам о специальных упражнениях?

В течение следующего дня Род Блейн дюжину раз вызывал катер, но до вечера не мог застать никого, кроме пилота. Даже Хорват отправился на корабль мошкитов.

Отец Харди, с синяками под глазами, улыбаясь до ушей, казался утомленным, но довольным.

— Я воспринимаю все как урок смирения, капитан. Чужаки гораздо лучше разбираются в лингвистике, чем я сам. Я решил, что скорейший

путь усвоить их язык — научить их англику. Парадоксально, правда? Но, к сожалению, люди не способны подражать птичьему щебету мошкитов. Думаю, без помощи мощного компьютера, синтезирующего речь, нам не обойтись.

— Согласен. Нам понадобится целый оркестр. Я ознакомился с вашими отчетами. Их очень мало.

Харди улыбнулся.

— Увы, но мы стараемся наладить контакт! Кстати, в данный момент доктор Хорват показывает мошкитам катер. Особенно их заинтересовал двигатель. Коричневый хотел разобрать его на части, но штурман не позволил. А ведь вы говорили, что на катере нет секретов.

— Верно, но не стоит разрешать им ковыряться в источнике питания. Что говорит по этому поводу Синклер?

— Не знаю, капитан, — сказал Харди. — Они весь день держали его в своей подсобке. Он и сейчас там.

Блейн потер переносицу. Он получил важную информацию, но отец Харди был не тем человеком, с кем ему хотелось поговорить начистоту.

— Сколько мошкитов на борту катера?

— Четверо. По одному на каждого из нас: меня, доктора Хорвата, леди Салли и мистера Уитбрида.

Похоже, их назначили нам в сопровождающие.

— Четверо… — Род попытался осмыслить услышанное.

Катер не являлся стандартным полностью оборудованным космолетом, однако был одним из военных кораблей Его Величества, и запустить на его борт группу чужаков… Замечательно! Но Хорват понимал, на какой риск идет.

— Четыре? А у Синклера провожатого нет?

— Как ни странно, нет. Другие мошкиты следят за его работой в подсобке, но никто конкретно к нему не приставлен.

— И нет никого для пилота или техников на катере?

— Нет, — Харди на мгновение задумался. — Странно, да? Как если бы они объединяли командора Синклера с незаметными членами команды.

— Может, они не любят военно-космический флот?

Дэвид Харди пожал плечами и сказал, подбирая слова:

— Капитан, рано или поздно нам придется пригласить их на борт «Макартура».

— Я боюсь даже думать об этом.

Харди вздохнул.

— Потому я и поднял этот вопрос, чтобы мы могли сбросить с плеч бремя. Мошкиты доверяют нам, капитан. В их посольском корабле нет ни одного кубического сантиметра, который бы мы не видели или, по крайней мере, не изучили с помощью приборов. Уитбрид готов засвидетельствовать, что на борту нет оружия. Вполне вероятно, что они недоумевают и размышляют о том, какие секреты прячем мы на борту своего корабля.

— А поблизости от вас есть мошкиты?

— Нет. К тому же они только учат англик.

— Не забывайте, они *способны,* и помните, что у них прекрасные инженеры. А я, капеллан, собираюсь подкинуть вам задачку — мошкиты и Творение. Долгое время мы говорили о Великих Галактических Чародеях, которые наблюдают за нами и решают, позволить ли людям объединиться. Но здесь же все наоборот, не так ли? Теперь мы решаем, позволить ли мошкитам выйти из их системы, и, пока вопрос висит в воздухе, не хотим показывать им ни генераторы поля Лэнгстона, ни движитель Олдерсона, ни свое оружие… Да что там, мы даже не желаем провести экскурсию по «Макартуру»! Мы перестраховываемся. Мы многое скрываем и будем скрывать.

— Вы видите в них врагов, — мягко произнес Дэвид Харди.

— Но разве у нас есть выбор? Кроме того, я задаю вопросы и хочу получить ответы раньше, чем пойму, что мошкиты — действительно наши друзья и союзники. — Род посмотрел мимо священника, куда-то вдаль.

«Я ни о чем не жалею, — подумал он. — Но, в конечном счете, ответственность лежит на мне. Как на будущем маркизе Круцис-Корте, если ничего не случится».

Он знал, что проблем будет все больше и больше.

— Во-первых, почему корабль они послали к нам с Мошки-1? Почему не из троянской точки? Ведь она находится гораздо ближе.

— Я спрошу у них… когда смогу.

— Во-вторых, почему четыре мошкита? Может, это и не важно, но почему они назначили по провожатому к каждому нашему ученому и одного к Уитбриду, но никого не прикрепили к членам команды?

— Но чужаки правы! Мошкиты дали сопровождение четырем людям, наиболее ценным для их обучения.

— Именно. Но как они догадались? Например,

откуда они могли узнать, что на борту появится доктор Хорват? И, в-третьих, меня интересует, что они строят сейчас.

— Хорошо, капитан, — Харди смотрел грустно, но не гневно. Отказать ему было — и будет — труднее, чем Хорвату… отчасти потому, что Род — его прихожанин, а Хорват церковь не признает.

Род вздохнул. Он не сомневался, что самое трудное — еще впереди.

23
«Элиза», рассекающая льды

В течение следующих недель на «Макартуре» кипела суматошная деятельность. После каждой передачи данных с катера все ученые работали сверхурочно, и каждый ждал *срочной* помощи от Космофлота. Вопрос о сбежавших малышах оставался открытым, но теперь это превратилось в игру, в которой проиграть мог и «Макартур». В кают-компании даже заключали пари, что оба мошкита мертвы, однако найти тела чужаков не удавалось. Это беспокоило Рода Блейна, но он не мог ничего поделать.

Он разрешил космодесантникам заступать в караул в обычных мундирах. Катеру никто не угрожал, и нелепо было постоянно держать дюжину парней в полной боевой готовности. Однако Род удвоил караулы, продолжая наблюдать за космическим пространством вокруг «Макартура», но никто — или ничто — пока не пытался приблизиться к крейсеру, ударить или отправить сообщение. Тем временем биологи истово искали ключ к психологии и физиологии

мошкитов, астрономическая секция продолжала картографировать Мошку-1 (причем Бакман дрожал от страха, когда кто-нибудь пользовался астрономическими приборами). Сам же Блейн пытался сохранить на борту «Макартура» мир и спокойствие. Его уважение к Хорвату росло: вспоминая о дискуссиях между учеными, Род не мог не признать, что Хорват настоящий дипломат.

На катере жизнь тоже бурлила, правда, без Синклера. Командора забрали на корабль чужаков, где его тотчас окружили мошкиты. Тем не менее лишь спустя трое стандартных суток Пестрый мошкит начал ходить за Синклером по пятам. Он оказался до странности тихим мошкитом. В отличие от остальных, которые изучали людей днем и ночью, его вроде бы заинтриговали только механизмы катера. Синклер и его финч'клик проводили на борту космического судна долгие часы: Синклер простукивал всю обшивку корабля, а Пестрый молча наблюдал за человеком.

— Парень прав насчет технической подсобки, — сказал Синклер Блейну во время одного из ежедневных докладов. — Я прохожу там тесты на интеллект, вроде тех, которые дают рекрутам. Некоторые из инструментов мошкитов испорчены, и моя задача — привести их в порядок.

— Испорчены?

Синклер хихикнул, вспоминая. Было довольно трудно объяснить Блейну, в чем хохма. Молоток неизменно бил по пальцу: его головку требовалось подровнять. Лазер перегревался и излучал волну не той длины. Синклер исправил его, удвоив длину волны — бог весть как. Кроме того, он узнал о контактных лазерах много нового. Были и другие задания.

— Мошкиты отличные техники, кэп. Требуется немалая сообразительность, чтобы справиться с некоторыми приборами и выжать из них максимум. Но мошкиты не могут запретить мне изучать их корабль… Капитан, я уже способен усовершенствовать корабельные шлюпки. Или получить миллионы крон, спроектировав шахтерский корабль.

— Значит, вы покинете нас, когда мы вернемся, Сэнди? — спросил Род, но Синклер широко улыбнулся, показав, что уходить не намерен.

На вторую неделю Род Блейн тоже получил финч'клик — правда, заочно.

Это и пугало, и льстило. Мошкита походила на прочих: коричневые и белые полосы, застывшая улыбка на асимметричном лице и небольшой рост. Ее мордашка едва доставала до стола, а по-

рой несколько обескураженный Хорват решался погладить ее по голове (к немалому изумлению самого капитана).

Всякий раз, как он вызывал катер, она оказывалась в кают-компании. Она кидалась к монитору, явно намереваясь поговорить с Блейном. Ее английск улучшался с каждым днем, хотя пока что они обменивались лишь простейшими фразами — и только. У Рода не было ни свободной минуты для времяпрепровождения с финч'клик, ни потребности общаться с ней. Обучение мошкитов языку не входило в его обязанности — как не входило ни в чьи обязанности, — и он просто смотрел на экран. Зачем нужен сопровождающий, с которым ты никогда не встречаешься?

— Чужаки считают, что вы важная персона, — невозмутимо отвечал ему Харди.

Блейну было о чем подумать, пока он руководил этим сумасшедшим домом — своим кораблем. А чужаки ни на что не жаловались.

Месячная вспышка активности слабо сказалась на Горации Бери. Он не получал с катера никаких известий, не участвовал в научной работе. Внимательно собирая сплетни, которые могли оказаться полезными, он ждал новостей, отцеживая их из напластований ложных данных.

Связь с катером поддерживали только с капитанского мостика, а кроме Бакмана, у него не было настоящих друзей среди ученых. Вдобавок Блейн распорядился ничего не транслировать по общему каналу связи. Впервые с тех пор, как они покинули Нью-Чикаго, Бери почувствовал себя пленником.

Это сильно его тревожило, хотя он прекрасно понимал почему. Всю жизнь Бери пытался контролировать свое окружение, причем любыми средствами. Расстояние не имело значения: световые годы, которые он мог провести на борту линейного крейсера военно-космического флота, не пугали его. Однако экипаж относился к Бери как к гостю, но не как к хозяину, а если он не был хозяином, значит, превратился в пленника «Макартура». Что ж тут хорошего?

Где-то в замкнутых отсеках «Макартура», вне пределов досягаемости кого бы то ни было, трудились физики. Ученые изучали серебристое вещество с Каменного Улья. Минули недели, пока до Бери дошел слух, что это — сверхпроводник тепла.

Вещество могло оказаться бесценным. Бери понимал, что должен обязательно получить образец. Он даже знал, как все провернуть, но

принуждал себя бездействовать. Рано! Его час придет, когда «Макартур» встанет в док на Новой Шотландии. А пока — надо продолжать слушать, искать, выведывать, что еще прихватить, когда настанет пора покинуть «Макартур».

Он получил несколько сообщений о Каменном Улье, дополнявших друг друга, и, в конце концов, пробовал выудить информацию у Бакмана. Увы, словоохотливый Бакман не сумел ему ничего объяснить.

— Да забудьте вы о Каменном Улье! — воскликнул Бакман. — Когда-то его, грубо говоря, передвинули сюда. Улей не дал нам никакой дополнительной информации о скоплениях троянских точек, а мошкиты с воодушевлением поработали над его внутренней структурой! В итоге нам ничего толком не известно!..

В общем, чужаки могли работать со сверхпроводниками тепла! А ведь на борту корабля тоже были мошкиты… Они принесут Бери пользу, но — позже (хотя Бери не мог отделаться от мысли, что мошкиты не слишком-то разумны). Но он наслаждался, наблюдая за поисками беглецов. Разумеется, экипаж сочувствовал мелким тварям. И перевес был на стороне малышей.

Иногда «Макартур» казался Бери древним ле-

доколом «Элизой»: та бороздила холодный океан, рассекая льды, которым не было ни конца ни края. А малыши тем временем выигрывали. Пища исчезала из отдельных кают, кают-компаний — отовсюду, кроме камбуза. Хорьки не могли взять след.

«Может, малышам удалось заключить с ними перемирие?» — недоумевал Бери. Конечно, чужаки были… чужаками, но у хорьков никогда не было сложностей с обнаружением следов.

Бери наслаждался охотой, но… получил урок: поймать малышей оказалось труднее, чем удержать взаперти. Если он надеется торговать ими в качестве домашних зверьков, нужно продавать их в клетках. Затем возникнет вопрос приобретения пар и разведения. Чем дольше времени мошкиты останутся на свободе, тем меньше у Бери будет шансов убедить военно-космический флот в том, что они являются безвредными, дружелюбными созданиями.

Пока же он забавлялся, наблюдая за охотой. «Макартур» был в таком глупом положении! Но Бери болел и за мошкитов, и за людей, призывая на помощь все свое терпение, — и так проходили недели.

Пока шестеро финч'клик оставались на борту

катера, другие мошкиты работали. Нутро корабля менялось, как во сне: оно оказывалось иным всякий раз, как кто-либо прибывал туда с визитом. Целью периодических вылазок Синклера и Уитбрида стала слежка за чужаками: они бы не хотели, чтобы мошкиты сконструировали смертельное оружие. Впрочем, мошкиты могли его спрятать.

Однажды Харди и Хорват, проведя час в тренажерном зале «Макартура», заглянули в обзорную каюту капитана.

— К мошкитам прибывает топливный бак, — сказал Хорват Роду. — Его почти одновременно с кораблем запустил тот же линейный ускоритель, но по траектории, сберегающей топливо. Бак прибудет через две недели.

— Вот оно что! — Блейна и его офицеров беспокоил неопознанный объект, приближавшийся к ним.

— Вы уже в курсе, кэп? Следовало сообщить и нам.

— Интересно, сможет ли одна из наших шлюпок доставить его сюда? — спросил Род. — Они позволят нам сделать это?

— Не вижу причин для отказа, — заявил Харди. — И еще, капитан…

Род напрягся. Он знал, что Хорват заставлял Харди просить обо всем (министру капитан запросто мог отказать).

— Мошкиты намерены построить воздушный мост между катером и посольским кораблем, — закончил Харди.

— По-моему, такая конструкция пригодится всем нам. Кроме того, я считаю, что она — временная, — Хорват сделал паузу. — Понимаете, капитан, мы располагаем только гипотезами, но я бы хотел поделиться с вами кое-какими наблюдениями. Мошкиты прилетели сюда без запаса горючего на обратную дорогу, но почти наверняка за три часа после прибытия переделали всю систему жизнеобеспечения для невесомости.

— И мост тоже уберут, — добавил Харди. — Кстати, похоже, мошкитов ничего не беспокоит. Они довольны положением дел.

— Вот в чем состоит главное отличие психологии мошкитов от человеческой, — серьезно произнес Хорват. — Возможно, мошкиты вообще никогда не пытались создать что-либо на века. У них не будет ни сфинксов, ни пирамид, ни статуи Свободы, ни мавзолея Ленина.

— Док, мне не нравится, что они хотят соединить два корабля.

— Но, капитан, нам тоже необходим мост! Люди на катере и мошкиты постоянно снуют туда-сюда! Зачем нам зря расходовать топливо? И мошкиты уже готовы к работе!

— Стоит им построить мост, как вы — да и вообще все на борту — станете заложниками мошкитов!

Хорват задергался.

— Но чужакам можно доверять, капитан. В общении с ними мы достигли невиданного прогресса.

— Если говорить начистоту, то мы *уже* их заложники, — добавил Харди. — У нас нет выбора. Наш оплот — «Макартур» и «Ленин»… Коль скоро два военных судна не испугают их… Что ж, отправляясь к ним в гости, мы предвидели такую возможность.

Блейн стиснул зубы. Если катер можно потерять, то его экипаж — ни в коем случае. Синклер, Салли Фаулер, доктор Хорват, священник — на борту находились самые ценные люди с «Макартура». Но священник прав. Они в любой момент могли стать жертвами насилия, и спасало их лишь одно — отмщение «Макартура».

— Пусть строят, — пробурчал Род. — Мостик не увеличит опасность.

Возведение моста началось сразу же после получения разрешение от Блейна. Гофрированная труба из прочного металла выросла из корпуса корабля мошкитов и змеей поползла к землянам, извиваясь, как живая. Вокруг нее в тончайших скафандрах плавали мошкиты. Когда Салли смотрела на строителей через главный иллюминатор катера, мошкиты почти напоминали ей людей. Но у Салли слезились глаза, когда она наблюдала за чужаками. Освещение в космосе странное — тусклый свет Мошки и космически-черные тени, случайные вспышки мощных фонарей и их отражения от изогнутой металлической поверхности. Перспектива была совсем плохой, и у Салли болела голова.

— Я тут гадаю, где они берут металл, — пробормотал Уитбрид. Он сидел рядом с ней, как обычно, когда они работали вместе. — На борту нет ничего лишнего — не было, когда я только прилетел сюда, нет и сейчас. Они должны были бы уже разобрать свой кораблик на части.

— Может, так и есть, — вымолвил Хорват.

После обеда люди и мошкиты, которые находились на борту катера, взяли «груши» с чаем или кофе и направились к главному иллюминатору. Надо сказать, что мошкиты пристрастились к

чаю и горячему шоколаду, а вот кофе их желудки не переносили. Человек, мошкита, человек, мошкита… они расселись вокруг иллюминатора на скамьях, формой похожих на игрушечных лошадок: финч'клик переняли манеру людей смотреть в одном направлении.

— Как быстро они работают! — восхитилась Салли. — Они построят мост совсем скоро. — И снова в глазах у нее зарябило: руки мошкитов так и мелькали. — Та, с оранжевыми полосками… похоже, она старшая, верно?

— Однако она делает основную часть работы, — произнес Синклер.

— Но если она настолько опытна, чтобы отдавать приказы, она должна уметь делать эту работу лучше любого другого, не так ли? — пробормотал Харди и потер глаза. — Мне кажется или некоторые из мошкитов меньше, чем другие?

— Так и есть, — сказала Салли.

Уитбрид прищурился. Мошкиты продолжали слаженно трудиться, но находились на некотором отдалении от катера. Наконец, трое проплыли мимо иллюминатора.

— У меня есть идея! — воскликнул Уитбрид. — Лафферти, настройте для нас телескоп, наведите его на мошкитов-строителей и передайте изобра-

жение на монитор катера в кают-компании.

Через минуту на экране появилось четкое и максимально увеличенное изображение мошкитов. Некоторые из чужаков оказались миниатюрными по сравнению с остальными и могли пролезть в любую щель. И у каждого было по четыре руки.

— И часто вы используете их в качестве рабочих? — спросила Салли у финч'клик.

— Да. Мы находим их очень полезными. А разве на вашем корабле нет… таких… существ? — удивилась чужачка. Салли заметила, что чаще всего мошкиты выказывают удивление. — А Род… он встревожится?

— А кто они такие? — расспрашивала Салли, проигнорировав вопрос мошкиты.

— Они… рабочие, — ответила мошкита. — Полезные животные… Вас… поставил в тупик их размер? А ваши… они крупнее?

— Ага, — рассеянно произнесла Салли и пожала плечсами. — Мне нужно взглянуть на этих… животных… поближе. Кто-нибудь присоединится ко мне?

Уитбрид уже облачался в скафандр. Другие тоже последовали его примеру.

— Финч'клик, — сказала чужачка на экране.

— Боже всемогущий! — взорвался Род. — Вам позволяют отвечать на вызов?

Чужачка (а это была его мошкита) говорила медленно, заботясь о произношении. Ее грамматика была несовершенна, но знание идиом и словарный запас поразили Блейна.

— Почему бы и нет? Я говорю на англике неплохо, не правда ли? Могу с легкостью передать вам сообщение и воспользоваться диктофоном. У меня мало дел, сейчас я свободна.

— Ничем не могу помочь, — невпопад ответил Род.

— Знаю, — кивнула она с некоторым самодовольством и добавила: — Я испугала рядового.

— Господи, вы и меня испугали! Кто-нибудь есть рядом?

— Рулевой Лафферти. Остальные люди отсутствуют. Они отправились взглянуть на… туннель. Они называют его «мост». Когда он будет закончен, они смогут без труда посещать наш корабль. Могу я передать сообщение?

— Нет, спасибо. Я выйду на связь еще раз.

— Салли должна скоро вернуться, — сказала мошкита. — Как ваши дела? Как дела на корабле?

— Хорошо.

— Вы всегда осторожно говорите о корабле. Может, я затронула секреты военно-космического флота? Меня интересует не корабль, Род. Я ваша финч'клик. Это гораздо больше, чем просто сопровождающий.

Мошкита сделала руками загадочный жест. Род видел его раньше, когда ей мешали или досаждали.

— А что вообще делает финч'клик?

— Вы — мое задание, Род. Я изучаю все, что можно узнать о вас. Становлюсь экспертом по милорду Родерику Блейну. Вы — мое поле деятельности. Меня интересует не ваш огромный, примитивный, плохо спроектированный корабль, а ваше отношение к «Макартуру» и людям на его борту, степень вашего контроля над командой, ваша заинтересованность в благополучии экипажа… и так далее.

И как это воспримет Кутузов? Прервет контакт? Проклятье.

— Неприятно, когда тебя изучают. Любой почувствует неловкость, если на него будут смотреть как на подопытного кролика.

— Мы предполагали, что вы отнесетесь к нашей деятельности именно так. Но, Род, ведь вы здесь, чтобы изучать нас тоже, верно? Значит, у нас есть

право изучать вас.

— Да, — голос Рода поневоле прозвучал жестко. — Но если кто-то приходит в замешательство, когда вы говорите с ним, то, вероятно, не без причины.

— Черт побери! — вдруг выругалась мошкита. — Вы — первые разумные существа, с которыми мы… встретились! Вы — совсем другие! Почему же вы считаете, что нам всем должно быть комфортно? — и мошкита верхней правой конечностью потерла свой лоб, после чего опустила руку и застыла.

Тот же самый жест, который она сделала минуту назад. Внезапно в кают-компании раздался какой-то грохот.

— Подождите, — сказала мошкита. — Не волнуйтесь. Вернулись Салли и Уитбрид. — Она повысила голос: — Салли? На связи капитан.

Мошкита соскользнула со стула, и на него уселась Салли Фаулер. Когда она заговорила, ее улыбка казалась натянутой.

— Привет, капитан. Что нового?

— Ничего. Когда этот кошмар закончится?

— Род, вы взвинчены. Не беспокойтесь, она нас не услышит.

— Вот и отлично. Но кто их знает, этих мошки-

тов? Думаю, мне бы не понравится чужак-телепат. Впрочем, вряд ли она умеет читать чужие мысли.

— Мы их об этом уже спрашивали. Они утверждают, что среди них нет телепатов. Наверное, они не лгут. — Салли пригладила свои взъерошенные волосы, которые растрепались из-за того, что она сняла шлем скафандра. — А финч'клик командора Синклера поначалу даже не общалась с ним. Может, мошкиты думали, что он своего рода Коричневый? Помните тип ученого-идиота? Ну а вы… нашли малышей?

То был вопрос, которого они научились избегать, и Род оторопел.

— Нет, Салли. Никаких следов. Возможно, они погибли — а мы продолжаем их поиски. Но у нас остался… или осталась еще одна мошкита. Не знаю, какого пола… Салли, вам нужно взглянуть на мошкита, когда вы вернетесь. Проверить, не болен ли он?

Салли кивнула.

— Я прилечу завтра. Род, вы не следите за строителями?

— Не особенно. Воздушный мост почти закончен.

— Да… Род, они используют для работы дресси-

рованных малышей.

Род тупо уставился на нее.

В глазах Салли вспыхнуло беспокойство.

— Дрессированные малыши. В скафандрах. Они были у них на борту! По-моему, они застенчивы и прячутся, когда на корабле есть люди. Но это просто животные — мы спросили.

«Господи. Что скажет Кутузов?» — пронеслось у Рода голове.

— Салли, слушайте меня внимательно. Вы можете вернуться сегодня и вкратце все мне рассказать?

— Ладно. Сейчас за ними наблюдает командор Синклер. Род, они выдрессированы действительно фантастически. Они могут пролезть в любое отверстие. Они бы могли быть идеальными шпионами.

— Превосходно. Салли, скажите честно, есть хотя бы намек на то, что малыши разумны?

— Нет. Повторяю, Род, они дрессированные.

— Ага. — Если на борту «Макартура» появится хотя бы один такой дрессированный «мышонок», он изучит корабль вдоль и поперек. — Салли, как вы считаете, кто-то из чужаков сейчас слышит меня?

— Нет. Я пользуюсь телефоном с наушниками.

И мы не позволяем мошкитам возиться с нашим снаряжением.

— Допустим. Но позже я поговорю с каждым человеком на катере с глазу на глаз. Кто-нибудь из вас упоминал — все равно каким образом — о малышах, пропавших на борту «Макартура»?

— Нет. Вы ведь сами запретили, капитан, помните? Род, что в этом плохого? Что?..

— Ради Бога, молчите и дальше! Я передам свою просьбу остальным, когда вызову их. И хочу видеть всех вас — за исключением, пожалуй, команды катера — сегодня ночью. Мы объединим свои знания о мошкитах, поскольку уже завтра утром я должен докладывать адмиралу, — признался Род и побледенел. — Полагаю, что смогу дождаться вас, Салли.

— Конечно, — сказала она и очаровательно улыбнулась, но женская уловка подействовала слабо. Никогда прежде она не видела Рода таким обеспокоенным, что сбивало ее с толку. — Мы будем у вас в час. Сейчас я позову мистера Уитбрида, и, пожалуйста, Род, не переживайте.

24
Домовые

Офицерская кают-компания «Макартура» гудела. Все места за главным столом заняли офицеры и ученые, а остальные разместились за их спинами. Пока стюарды проталкивались сквозь толпу, связисты устанавливали на одной из переборок большой монитор. Все, кроме Салли, беззаботно переговаривались. Она помнила встревоженное лицо Рода Блейна и не могла радоваться предстоящей встрече.

Когда порог кают-компании переступил Род, офицеры и рядовые вскочили и вытянулись в струнку. Кое-кто из гражданских тоже последовал их примеру, но другие штатские притворились, будто не замечают капитана, а несколько ученых, взглянув на него, вообще отвели глаза, пользуясь своим статусом. Заняв место во главе стола, Род буркнул: «Вольно» и сел. Салли подумала, что он взвинчен до предела.

— Келли!

— Да, сэр?

— Кают-компания безопасна?

— Да, сэр. Четыре поста дежурят снаружи, кроме того, я лично слежу за обстановкой.

— Что еще такое? — требовательно спросил Хорват. — Почему вы решили, что нужны дополнительные меры предосторожности?

— Не сейчас, доктор, — раздраженно произнес Род и властно посмотрел на министра науки. — Должен сказать, что вопросы, обсуждаемые здесь, относятся к категории «совершенно секретно». Все читали имперские правила классификации данных?

Собравшиеся утвердительно закивали. Атмосфера сразу стала напряженной.

— Ни одного не читавшего? Следует внести это в протокол. Доктор Хорват, три часа назад мне сообщили, что малыши являются выдрессированными животными, способными выполнять под присмотром сложную техническую работу, верно?

— Да, капитан! Это весьма неожиданно, не так ли? И невероятно важно: насколько мы можем судить, они могут усовершенствовать любой корабль!

Род рассеянно кивнул.

— Был хотя бы шанс узнать об этом раньше? Кто-нибудь из вас был в курсе?

Раздалось сконфуженное бормотание, но никто не ответил. Род продолжал:

— Следует внести в протокол, что никто ни о чем подобном не подозревал.

— Что еще за протокол, который вы то и дело поминаете? — взвился Хорват. — И почему так печетесь о бумагах?

— Доктор Хорват, наша беседа будет записана и должным образом засвидетельствована, чтобы при необходимости служить доказательством в военном трибунале. Но, вероятно, судить будут меня. Теперь-то вам ясно?

— Господи! — задохнулась Салли. — Военный трибунал… Судить? Вас? За что?

— Полагаю, по обвинению в измене, — сказал Род. — А многие из офицеров вовсе не удивлены. Миледи, джентльмены, мы получили строгий приказ вице-короля — не выдавать никаких военных технологий Империи и уберечь от мошкитов движитель Олдерсона и поле Лэнгстона. Однако пришельцы, способные изучить нашу секретную технологию и, вполне возможно, передать данные соплеменникам, свободно разгуливали по «Макартуру»! Вы видите, насколько серьезна ситуация?

— Да, капитан, — задумчиво протянул Хорват,

не выказав никаких признаков паники. — И вы выставили охрану около каюты. Вы действительно верите, что малыши понимают нашу речь?

Род пожал плечами.

— Допускаю, что они могут запоминать разговоры и повторять их. Но живы ли они до сих пор? Келли?

— Сэр, их следов не обнаружено. Никаких рейдов за провизией. Хорьки ловят только мышей. Наверняка инопланетные бестии погибли, кэп.

Блейн потер нос и быстро вскинул руку.

— Канонир, вы когда-нибудь слышали о «домовых», живущих на корабле?

Келли оставался бесстрастным. Его лицо вообще ничего не выражало.

— О «домовых», кэп?

— Род, вы спятили? — вырвалось у Салли. Флотские посмотрели на нее весьма недружелюбно.

«Ого, — подумала она, — куда я лезу? Похоже, все знают, что Род имеет в виду».

— Да, Келли. Вам когда-нибудь рассказывали о них?

— Неофициально, капитан. Я говорил с несколькими ребятами, которым пришлось поверить в маленький народец. По-моему, вреда от них нет.

Теперь Келли выглядел смущенно. Он слышал о

«домовых» и не доложил о них Блейну, а сейчас у капитана — *его* капитана — могут быть крупные неприятности…

— Кто-нибудь еще? — спросил Род.

— Э… сэр…

Род вытянул шею, чтобы увидеть говорящего. Гардемарин Поттер подпирал стену, стоя за спинами двух биологов.

— Да, мистер Поттер?

— Кое-кто из моей наблюдательной секции, капитан… они утверждают, что, если оставить что-нибудь съестное — зерно, крупу, да, в принципе, что угодно — в коридоре или под койкой вместе с какой-нибудь сломанной вещью, то вещь починят… а еда исчезнет. — Поттер испытывал неловкость. Ему казалось, что он болтает чепуху. — Один парень назвал невидимых помощников «домовыми». Я решил, что он шутит.

После Поттера затараторила сразу дюжина других флотских — и не только. Даже ученые встрепенулись. Микроскопы, у которых фокусировка превосходила лучшие образцы компании «Лейка Оптикал». Лампа ручной работы в биологической секции. Сапоги и туфли, подогнанные по ноге. Род осмотрел обувь, которую ему продемонстрировали.

— Келли, у скольких ваших людей оружие переделано индивидуально, как у вас и у мистера Реннера?

— Не знаю, сэр.

— Я вижу здесь такой пистолет. Полизавский, когда вы получили оружие?

Десантник начал заикаться. Он не привык общаться с офицерами, тем более с капитаном, и в особенности — с капитаном, пребывающим в дурном настроении.

— Я… э… я, сэр, положил пистолет и пакетик попкорна под койку, а на следующее утро все было готово, сэр. Все точно так, как говорили другие.

— А почему вы не доложили об этом необычном происшествии канониру Келли?

— Э… сэр… э… мы думали, что надо… но Старджон рассказал о галлюцинациях в космосе, и мы… э…

— Кроме того, доложи вы мне об инциденте, я мог бы все сразу прекратить, — закончил за него Род.

Проклятье! И как ему объясняться с адмиралом? Он был занят, улаживая ссоры ученых из-за пустяков. Но факт налицо. Он пренебрегал своими обязанностями, и вот результат.

— Не слишком ли серьезно вы это воспринимаете, кэп? — спросил Хорват. — В конце концов, приказы вице-короля поступили, когда мы толком ничего не знали о мошкитах. А они не опасны и даже не враждебны.

— По-вашему, док, можно отменить имперскую директиву?

Хорват усмехнулся.

— Естественно, нет, кэп, — произнес он. — Такого у меня и в мыслях не было. Но я думаю, что, когда политический курс изменится — а это неизбежно, — то истории про домовых покажутся вам вздором, капитан Блейн. Детским лепетом.

— Эй! — вспыхнул Синклер. — Нельзя говорить с капитаном в таком тоне!

— Полегче, Сэнди! — воскликнул первый лейтенант Каргилл. — Доктор Хорват, вы никогда не сотрудничали с ребятами из военной разведки? Конечно же нет… а ведь мы всегда учитываем самые разнообразные варианты развития событий. Если противник *может* что-то сделать с вами, нужно проанализировать его поведение и быть начеку.

— Именно, — подытожил Род. Он порадовался вмешательству: Синклер жутко разозлился и мог вспылить в любую минуту, но Каргилл перевел

разговор в более мирное русло. — Поэтому сейчас нам надо определить потенциал малышей. Я видел, как мошкиты — и их дрессированные питомцы — конструируют воздушный шлюз, а теперь у меня есть сведения об этих «домовых». Полагаю, что возможности малышей довольно велики.

— Но они же просто животные! — напомнила Салли. Она смотрела на разъяренного Синклера, на язвительно улыбающегося Хорвата и на встревоженного Рода. — Их возня с инструментами… да, они справляются с техническими заданиями, но они неразумны. Их мозг мал и неразвит! Да, они умеют работать с инструментами, однако на анализ они не способны. У них практически нет ни обоняния, ни вкуса. Они близоруки, и их способности к языкам даже меньше, чем у шимпанзе. Они ориентируются в космическом пространстве и поддаются дрессировке, но не изготавливают инструменты. Они лишь исправляют или меняют вещи.

— Разве они могут шпионить за нами? — продолжала Салли. — Никто не мог их такому обучить! Их вывели совершенно случайно, — девушка оглядела лица собравшихся, пытаясь определить, убедила ли окружающих.

— А вы верите, что беглецы еще живы? — прозвучал добродушный голос с легким новошотландским акцентом. Род уставился на доктора Блевинса, колониального ветеринара, призванного в экспедицию. — Что, если их жизни скоротечны? Кроме того, они оказались в незнакомой среде обитания. Что их ждет в таком случае? Общее отравление организма, ухудшение деятельности желез — и смерть…

Блейн покачал головой.

— Я бы хотел разделить ваше мнение, док, но похоже, что слухи о корабельных домовых не стихают. Кстати, прежде чем собрать вас, я побеседовал со своими людьми. На всех палубах творится одно и то же, но никто из младших по званию не решался докладывать мне о проделках так называемых «домовых», пока я не спрашивал их об этом напрямую. Оно и понятно, разве кому-нибудь захочется прослыть сумасшедшим? Да и сами «домовые» пока приносили им пользу… Но я знаком с ирландскими сказками канонира Келли… и знаете что? На военных судах никогда не было маленького народца. Значит, на «Макартуре» орудуют малыши.

Воцарилась тишина.

— И они бесценны, капитан! — подал голос

Хорват.

— Ха! Неужели? — реплика Рода не нуждалась в комментариях. — Так или иначе, но после собрания экипаж стерилизует «Макартур». Синклер, подготовьте к эвакуации ангарную палубу.

— Да, капитан.

— И обязательно откройте все отсеки. Я хочу, чтобы на палубе не осталось *ничего* живого. Командор Каргилл, проследите, чтобы вахтенные были в полевом обмундировании! Это крайне важно! А другие пусть подумают о том, какое оборудование нельзя оставлять в вакууме. Когда закончим с ангарной палубой, десантники Келли помогут ученым перенести туда свои вещи, и мы разгерметизируем «Макартур». Нужно покончить с «домовыми» раз и навсегда.

— Но…

— Какая глупость!

— Мои образцы растений погибнут!

— Проклятие, везде хозяйничают военные…

— Он не имеет права!..

— Слушаюсь, капитан!

— Он воображает, что он…

— Молчать! — рев Келли перекрыл общий ропот.

— Капитан, вы будете настолько безжалост-

ны? — спросила Салли.

Он пожал плечами.

— Беглецы сообразительны. А куда мне деваться? И если я буду сидеть сложа руки, то за меня все сделает адмирал. И еще… вы согласны с тем, что малыши — не шпионы?

— Это и обсуждать незачем, — заявил Реннер. — Но, капитан, вам известно о случае с портативным компьютером?

— Нет.

— Крупная мошкита разобрала компьютер мисс Фаулер, а затем снова собрала. И он работает!

— Ага, — лицо Рода стало угрюмым. — Но с компьютером возилась большая мошкита.

— Которая разговаривала с малышами. Именно она заставила их отдать часы мистеру Бери, — добавил Реннер.

— Я поднял экипаж по тревоге, капитан, — доложил Каргилл, застыв у интеркома кают-компании. — Я никому ничего не объяснял, и они решили, что началась учебная тревога.

— Отлично придумано, Джек. Кто-нибудь возражает против уничтожения паразитов? Итак, крупная мошкита является разумным существом, а беглецы — всего лишь животные. Следовательно, на планете мошкитов их полным-полно.

Вряд ли мы расстроим нашу мошкиту. Как вы считаете?

— Пожалуй, нет, — пролепетала Салли. — Но…

Род посмотрел на Салли.

— Есть множество причин, чтобы их уничтожить, и я не услышал ни одного довода за их сохранение. И я уже принял решение.

— Что за жестокость, капитан! — возразил Хорват. — Как, по-вашему, что мы защищаем?

— Движитель Олдерсона, а косвенно — нашу Империю. Но главным образом — движитель Олдерсона, — ответил Каргилл. — И не спрашивайте, почему я считаю, что Империя нуждается в защите от мошкитов. Что-то я им не доверяю…

— Движитель?.. Да они уже получили его! — воскликнул Реннер и, когда присутствующие в кают-компании повернулись к нему, криво улыбнулся.

— Что?! — выкрикнул Род. — Как?

— На борту «Макартура» расплодились изменники! — рявкнул Синклер. — Я хочу знать имена подонков!

— Держи-хватай! Прекратите, Синклер! — потребовал Реннер. — У них есть движитель, капитан. Даю вам голову на отсечение. Все зафиксировано, можете посмотреть.

Он встал, направился к большому монитору и принялся нажимать кнопки на панели. В конце концов, Реннер нашел изображение, которое искал, и начал говорить.

— Как приятно быть в центре внимания, — произнес Реннер, словно бы не замечая яростного взгляда Рода. — Вот запись беседы между моей мошкитой и мной. Еще минуту… — он коснулся переключателя, и картинка ожила: Реннер с чашкой кофе на мостике «Макартура» и его финч'клик — в посольском корабле мошкитов.

Реннер прокручивал запись несколько секунд, после чего замедлил скорость воспроизведения.

— Вы могли явиться откуда угодно, — вымолвила мошкита Реннера. — Но наиболее вероятно, что вы прилетели с ближайшей звезды… впрочем, я могу показать ее.

За спиной мошкиты загорелся экран, по которому побежали карты звездного неба. Мошкита повернулась всем телом, вытянула верхнюю правую руку и ткнула пальцем в яркую точку — солнце Новой Каледонии.

— Вы мгновенно перемещаетесь в пространстве.

Реннер на большом мониторе шагнул вперед.

— Так откуда же мы прибыли?

— Вы… — мошкита замолчала и вроде бы погрузилась в раздумья. — Реннер, я поведаю вам об одном легендарном существе…

— Я вас слушаю, — произнес Реннер, прихлебывая кофе.

— Если позволите, я буду называть его Безумным Эдди. Иногда он похож на меня, а иногда ведет себя, как… вы бы сказали, как Коричневый или ученый-идиот. И он всегда поступает дурно, руководствуясь высшими целями. Он делает одно и то же — снова и снова, пока не разразится катастрофа… и он не хочет ничего понимать.

В кают-компании зашептались, а Реннер на экране спросил:

— Например?

Мошкита почти сразу же ответила:

— Когда город переполнен так, что ему грозит опасность немедленного коллапса… когда пища и чистая вода поступают в ограниченном количестве… и все должно постоянно работать, чтобы не стало хуже… когда многие заняты перевозкой товаров первой необходимости и никто не думает о населении… это значит, Безумный Эдди возглавил забастовку мусорщиков с требованием улучшения условий труда.

В кают-компании раздался смех. Реннер на

мониторе ухмыльнулся.

— А я знаю такого джентльмена. Продолжайте.

— Наш двигатель Безумного Эдди устроен именно так. Он заставляет корабли исчезать.

— Замечательно!

— Теоретически он является двигателем… молниеносного перемещения, ключом ко всей Вселенной, но на практике он заставляет корабли исчезать… причем навсегда. Его долго изобретали и много раз испытывали, но корабли пропадали — вместе с теми, кто был на борту, хотя выполнялись все правила. А сам корабль… он должен находиться в определенной точке, которую трудно обнаружить, и он должен работать в точном соответствии с теорией. Но ничего подобного не происходило.

Оба Реннера расхохотались.

— Сочувствую! И вдруг из точки Безумного Эдди выпрыгнули мы! И вы решили, что мы раскрыли секрет двигателя Безумного Эдди.

— Раскрыли.

Губы мошкиты раздвинулись в подобии уже человеческой улыбки… Реннер долго смотрел на нее.

В кают-компании вновь воцарилась тишина, которую нарушил Синклер.

— Потрясающе! У мошкитов есть движитель Олдерсона, но нет поля Лэнгстона.

— Вы уверены, командор Синклер? — спросил Хорват. Кто-то попытался объяснить, но его голос утонул в реве старшего механика.

— Корабли тварей пропадали, но только в определенном участке, верно? Поэтому-то у них и есть движитель. И их суденышки никогда не возвращались, потому что появлялись в обычном пространстве в другом месте — вон в той красной звезде. Разве не очевидно?

Хорват печально кивнул.

— И безо всякой защиты… Они сгорали дотла!

Салли содрогнулась.

— Ваша мошкита заявила, что проводились многократные испытания, — произнесла Салли и, поежившись, добавила: — Но, мистер Реннер, никто из других мошкитов не упоминал об астронавигации или о чем-то подобном. Правда, мне тоже рассказывали о Безумном Эдди… он был персонажем давно минувших времен.

— А мне говорили, что Безумный Эдди — гениальный инженер, использующий знания для решения любых проблем, — буркнул Синклер.

— Что-нибудь еще? — спросил Род.

Отец Харди что-то промычал. Он был явно в

затруднительном положении. Его полные щеки покраснели, как свекла.

— Моя мошкита сообщила мне, что Безумный Эдди основал религию или культ. Жуткий, логичный и невероятно порочный культ.

— Ладно, — сказал Род. — Ну а я — единственный, с кем мошкита так и не поделилась… — Род задумался. — В общем, пожалуй, можно сойтись на том, что у мошкитов есть движитель, но нет поля?

Присутствующие закивали. Хорват почесал ухо и произнес:

— Я вспомнил историю открытия Лэнгстона, и меня вовсе не удивляет, что у мошкитов нет поля. Однако у них имеется движитель, а ведь принципы его работы можно вывести из астрофизических наблюдений. А поле оказалось чисто случайным изобретением.

— Допустим, мошкиты знают о его существовании. Что тогда? — осведомился Род.

— Ну… я не могу вам сказать, — промямлил Хорват.

В кают-компании тотчас стало тихо. Затем послышался шепот, а Салли рассмеялась.

— Не все так серьезно! — воскликнула она. — Допустим, у них есть и движитель, и поле. Здесь

— всего одна планета, населенная мошкитами. Они не враждебны нам, а если бы и имели такие намерения, то, по-моему, не представляли никакой угрозы для Империи. Капитан, что может сделать «Ленин» с планетой мошкитов прямо сейчас и в одиночку, если адмирал Кутузов прикажет?

Напряжение схлынуло, все заулыбались. Конечно, Салли права. У мошкитов даже нет военных крейсеров. У них нет поля, а если бы они его создали, где бы они научились тактике ведения космических сражений? Бедняги мошкиты, что они могут противопоставить Империи Человечества?

Так думали все, за исключением Каргилла.

— К сожалению, нам пока ничего не известно, миледи, — мрачно произнес Каргилл.

Горация Бери на совещание не пригласили, однако он не слишком расстроился. И оно еще продолжалось, когда к его каюте подошел космодесантник и вежливо, но решительно увел его с собой. Охранник не говорил, куда они направляются, и, похоже, из него нельзя было вытрясти ни слова.

— Канонир велел мне оставаться с вами. Я должен сопровождать вас, мистер Бери.

Бери внимательно изучал охранника. На что он согласится за сотню тысяч крон? Впрочем, пока во взятке не было нужды. Не сейчас. Наверняка Блейн не собирается расстрелять его. На мгновение Бери испугался. Может, они заставили Стоуна заговорить и возвращаются на Нью-Чикаго?

О Аллах, никто не застрахован… Впрочем, что за нелепость. Даже если Стоун все им выложил, из Империи не могло поступить никакого приказа! Они отрезаны от нее — так же надежно, как мошкиты.

— И вы должны оставаться со мной? А ваш офицер не сказал, надолго ли?

— Не могу вам ответить, мистер Бери.

— Отведите меня в лабораторию доктора Бакмана.

А почему бы и нет? Нам обоим будет спокойнее.

Рядовой задумался.

— Хорошо.

Бери нашел своего приятеля в дурном расположении духа.

— Собираю то, что погибнет или разрушится в вакууме, — проворчал Бакман. — Это в особенности касается дорогостоящего оборудования. Никаких объяснений, просто делай — и все.

Бакман продолжал упаковывать приборы. Вдоль стен выстроились ряды ящиков и пластиковые пакеты, набитые образцами.

Тревога Бери прорвалась наружу. Бессмысленные приказы, охрана… он опять почувствовал себя пленником. Глядя на Бери, растерял спокойствие и Бакман. В конце концов астрофизик плюхнулся на стул и налил себе чашку кофе.

— Выглядите вы не лучшим образом, — произнес он. — Много дел?

— На корабле мне практически нечего делать, — Бери говорил спокойно, что, однако, требовало от него полнейшего самоконтроля. — Вы что, готовитесь к вылазке в открытый космос?

— Ха! Мне велели, я делаю. Пытался связаться с капитаном, но он на собрании в кают-компании. Хотел пожаловаться Хорвату, но и он тоже там! Если их нет на месте, когда они нужны, зачем они вообще нужны?!

Из коридора донесся шум: вроде бы тащили что-то тяжелое. Что творится на «Макартуре»? Впрочем, иногда экипаж корабля эвакуировали, чтобы избавиться от крыс…

Ясно! Они намерены уничтожить малышей! Слава Аллаху, капитан очнулся! Бери с облегчени-

ем улыбнулся. Он стал более высокого мнения об умственных способностях малышей после того, как однажды ночью на полчаса оставил коробку пахлавы у приоткрытой двери своей каюты.

— А вы разобрались с троянскими точками? — спросил он у Бакмана.

Тот вытаращил глаза и рассмеялся.

— Бери, я не думал о точках целый месяц! Мы изучали Угольный Мешок.

— Да?

— Мы обнаружили в нем некую массу… возможно, протозвезду. И источник инфракрасного излучения. Узоры сечения в Угольном Мешке фантастичны. Как если бы газ и пыль были вязкими… разумеется, причина — магнитные поля. Мы получили удивительные данные о динамике пылевого облака. Когда я думаю о времени, потраченном на астероиды троянских точек… до чего тривиальная проблема!

— Продолжайте, Бакман. Не оставляйте меня в неведении.

— Давайте покажу, — Бакман подошел к интеркому и набрал комбинацию цифр.

Ничего не произошло.

— Вот те раз! Какой-то идиот установил ограничение! — Бакман зажмурился, вспоминая другую

комбинацию.

Она сработала — и на экране появились фотографии.

— Глядите!

Астероиды носились по экрану, снимки расплывались и дергались. Некоторые объекты были перекошены, некоторые почти сферические, и все испещрены кратерами.

— Прошу прощения за качество. Ближайшие троянцы довольно далеко… к тому же нам бы не помешала тонкая наводка телескопов «Макартура». Вы поняли, что мы обнаружили?

— Не совсем. Хотя… кратеры, не так ли?

Бери уставился на изображение. Ряд из трех астероидов продолговатой формы — с черными глубокими кратерами. Один астероид смахивал на огромный орех кешью с выбоиной посередине.

Итак, у каждого астероида имелся кратер, причем линия, проходящая через его центр, проходила и через центр тяжести каменной громадины.

Бери почувствовал испуг, но, не подавая виду, рассмеялся.

— Вы обнаружили искусственные астероиды и потеряли интерес к троянским точкам.

— Да! Когда я вспоминаю, что надеялся открыть новые количественные законы… — Бакман пожал плечами и отхлебнул кофе.

— Полагаю, вы никому об этом не говорили?

— Я побеседовал с доктором Хорватом. Как вы думаете, он ограничил доступ?

— Вероятно. Бакман, сколько, по-вашему, потребуется энергии, чтобы сдвинуть с места такую глыбу?

— Много! Фактически… — Глаза ученого вспыхнули. — Вот так проблема! Я сообщу вам после того, как закончится свистопляска на корабле. — И Бакман вновь принялся собирать оборудование.

Бери сел и начал сверлить взглядом стену. Его руки тряслись.

25
Мошкита капитана

— Я ценю вашу заботу о безопасности Империи, адмирал, — произнес Хорват, посмотрев на экран, где появилось изображение Кутузова. — Поверьте мне! Но ситуация такова: либо мы принимаем предложение мошкитов, либо возвращаемся домой. Выбирать не приходится.

— А вы, Блейн? Вы согласны? — Выражение лица адмирала Кутузова не изменилось.

— Сэр, я прислушиваюсь к мнению ученых, а они утверждают, что на данный момент мы смогли узнать максимум информации о чужаках. Если мы хотим продолжить контакт, нам надо двигаться дальше в прямом смысле слова.

— Значит, вы намереваетесь стремглав полететь на орбиту планеты Мошка? Верно, Блейн? И мы должны это внести в протокол?

— Да, сэр. Или же мы возвращаемся обратно, но я не думаю, что такое решение будет правильным.

Кутузов вздохнул и сжал губы.

— Адмирал, — напомнил Хорват, — у вас много

забот на борту, да и у меня тоже куча проблем. Конечно, защита Империи от воображаемой угрозы со стороны мошкитов не может не вызывать уважения, но мне нельзя останавливаться на достигнутом. Я должен выдоить все возможное из их науки и технологий. А они вовсе не тривиальны. Мошкиты так далеко продвинулись в некоторых вопросах, что постоянно ставят меня в тупик.

— Именно, — отчеканил Кутузов, стуча стиснутым кулаком по подлокотнику командирского кресла. — Их технологический уровень опережает наш! Они научились говорить на англике и заявляют, что мы не способны освоить их речь. Они осведомлены не только об эффекте Олдерсона, но и о поле Лэнгстона. Доктор Хорват, нам пора уходить. Сейчас же.

— Но… — начал Хорват.

— И еще, — продолжал Кутузов. — Мне не хочется воевать с мошкитами, почти ничего о них не зная. Каким образом они будут обороняться, если разразится война? Как устроены властные структуры? Я заметил, что за все время экспедиции вы не сумели вытрясти из них ответы на эти вопрос. Вы даже не в курсе, кто командует их кораблем.

— Странно, не правда ли? — энергично кивнул Хорват. — Иногда я искренне верю, что у них нет капитана, с другой стороны, они ведь возвращаются на корабль за инструкциями… И потом, остается вопрос пола…

— Вы шутите, доктор?

— Нет! — раздраженно воскликнул Хорват. — Дело в том, что все Пестрые в момент прибытия сюда оказались самками. Однако там нашлась коричневая особь: она забеременела, родила детеныша и трансформировалась в самца.

— Хм… перемена пола у чужаков. Может, вы ошиблись и один Пестрый был самцом незадолго до прибытия корабля сюда?

— Позвольте поделиться с вами другой теорией. Допустим, что Пестрые не размножаются, поскольку популяция излишне велика. Они остаются самками… или могут быть «мулами», поскольку Коричневый стал матерью детеныша. Перекрестное спаривание между Коричневым и кем-то еще?.. Тогда на борту посольского корабля должны присутствовать мошкиты, которые не попадаются нам на глаза.

— Они привезли с собой адмирала-мошкита, — произнес Кутузов. — Как и мы. Я не сомневаюсь. Что вы говорили им, когда они спрашивали обо

мне?

Род услышал за своей спиной фырканье и подумал, что Кевин Реннер задохнется от смеха.

— Почти ничего, сэр, — ответил Род. — Только то, что мы подчиняемся приказам с «Ленина». Не думаю, что им известно ваше имя или же о чем идет речь — об одном человеке или о целом совете.

— Именно! — Теперь адмирал почти улыбался. — Ровно столько же вы знаете об их командире, да? Похоже, они доставили на своем корабле адмирала, и тот решил, что нужно заманить вас поближе к планете. Сейчас передо мной стоит вопрос: кто получит больше информации — я, если отпущу вас?.. Или мошкит, когда он заполучит в свои лапы крейсер «Макартур»?

Хорват отвернулся от экрана и послал умоляющий взор Небесам, Божественным Чудесам и Всем Святым.

«Ну как общаться с таким человеком?» — вопрошал его взгляд.

— Никаких следов мелких мошкитов? — спросил Кутузов. — Есть еще «домовые» на борту линейного крейсера Его Императорского Величества «Макартура»?

Род вздрогнул от саркастической реплики Ку-

тузова.

— Нет, сэр. Мы освободили ангарную палубу и открыли все отсеки. Затем я собрал на палубе экипаж и пассажиров и отдал приказ о разгерметизации корабля. Мы окуривали каюты цифогеном, продували проходы окисью углерода, распечатали все выходы, ведущие наружу. После возвращения с ангарной палубы мы провели дополнительную санитарную обработку «Макартура». Малышей нет в живых, адмирал. Мы нашли их тела. Мы насчитали двадцать четыре тела, хотя до вчерашнего дня мы не видели ни одного. Они достигают зрелости через три недели…

— С «домовыми» покончено! А мыши?

— Сэр. Крысы, мыши, мошкиты — все погибли. Умер даже тот малыш, который оставался в вольере. Ветеринар полагает, что от старости.

Кутузов слегка склонил голову.

— Хорошо. Проблема решена. А что со взрослым чужаком, находящимся у вас на борту?

— Он болен, — сказал Блейн. — Симптомы те же, что у малыша.

— Да, и еще, — перебил его Хорват. — Я хотел спросить у мошкитов, что можно сделать для больного шахтера, но Блейн не позволил без вашего разрешения.

Адмирал потянулся куда-то за край экрана. Когда его лицо снова появилось перед ними, он держал стакан с горячим чаем, на который принялся усердно дуть.

— Чужаки знают про шахтера на «Макартуре»?

— Да, — ответил Хорват, а когда Кутузов взглянул на него, продолжил: — И это обескураживает. Никто из нас не сообщал им о шахтере, адмирал.

— А они спрашивали о шахтере? Или, может, они случайно видели его?

— Нет, — Хорват нахмурился, и в голосе зазвучали скептические нотки. — Нет! Они не проявили к шахтеру никакого интереса, не больше, чем к своим малышам… Вы видели запись, где мошкиты чистят свой корабль, адмирал? Они тоже уничтожали маленьких бестий. Думаю, те размножаются, как крысы. — Хорват сделал паузу, и его брови сошлись на переносице. Внезапно он выпалил: — Но все равно я хочу спросить чужаков, что делать с больным шахтером. Нельзя, чтобы мошкита умерла!

— Но так было бы лучше для всех, — буркнул Кутузов. — Ладно, док, спрашивайте. Вряд ли Империи повредит, если мы признаемся, что не знаем, чем кормить мошкитов. Но если они захотят увидеться с шахтером, то вы, Блейн, отка-

жете им! И если понадобится, то шахтер должен умереть. Трагически и внезапно, в результате несчастного случая — но умереть. Вы меня поняли? Ему не следует давать возможность говорить с другими мошкитами ни сейчас, ни потом.

— Слушаюсь, сэр, — Род бесстрастно смотрел на Кутузова, сидя в командирском кресле.

«Неужели я согласился? — подумал он. — Я должен быть потрясен, но…»

— С учетом обстоятельств вы по-прежнему хотите задать очередной вопрос, док? — произнес Кутузов.

— Да. Кстати, ничего другого от вас я и не ждал, — процедил Хорват. — Главным для нас сейчас является следующее… Мошкиты пригласили нас перебраться на их околопланетную орбиту. Почему — не вполне ясно. Я считаю, они хотят развивать торговлю и дипломатические отношения, и по логике вещей мы можем принять их предложение. Иной точки зрения по отношению к их действиям у меня просто нет. У вас, разумеется, есть свои теории…

Кутузов рассмеялся, басисто, добродушно.

— Доктор, я, возможно, думаю так же, как и вы. Но это никак не влияет на мои поступки. Моя задача — защита Империи, а во что я верю

— не важно. — Адмирал холодно посмотрел на собеседников. — Хорошо, капитан, в данных обстоятельствах я разрешаю вам присоединиться к мошкитам. Но мишенью номер один для торпед моего корабля будете вы. И ни в коем случае нельзя допустить, чтобы «Макартур» попал в руки мошкитов!

— Да, сэр.

— Отлично. Можете отправляться, капитан. Мы будем наблюдать за вами. Каждый час передавайте собранную информацию и помните, что, коль скоро возникнет угроза «Макартуру», я и не подумаю спасать его, если для этого придется подвергнуть опасности «Ленин». Поскольку основной мой долг — вернуться обратно, с ценными данными в том числе, а если будет необходимо, и со сведениями о вашей гибели. — Адмирал помолчал и обратился к Хорвату: — Док, вы тоже горите желанием отправиться к Мошке-1?

— Конечно!

Кутузов сделал глоток чая.

— Действуйте, капитан Блейн.

Буксирные катера «Макартура» доставили похожий на барабан цилиндр диаметром в половину входного отверстия шлюза прямо к кораблю мошкитов. Устроен он был просто: тон-

кая твердая оболочка из пенистого материала, заполненная жидким водородом и медленно вращающаяся. Выпускной клапан располагался на оси вращения. Цилиндр прикрепили к посольскому кораблю позади тороидальных жилых блоков. Тонкий сердечник служил проводником для плазмы, текущей от реакторно-двигательной установки, которая сразу же изменилась, уйдя в противоположную сторону от нового центра масс. Корабль теперь был весьма далек от своего первоначального облика и смахивал на приземистую беременную на прогулке.

Мошкиты — Пестрые, возглавляемые Коричневым, — слаженно трудились, разбирали воздушный мост на части и превращали его в круговые каркасные опоры для хрупких тороидов.

На борту катера мошкиты теперь гостили не часто — они были заняты на стройке. Контакт, однако, поддерживался. Гардемарины, выказавшие склонность к физической активности, требующей участия крепких мускулов, приняли участие в работах на борту посольского корабля.

Уитбрид и Поттер вкалывали в противоперегрузочной камере, сдвигали койки, чтобы освободить место еще для трех, меньших по размерам. Задача оказалось несложной, но тре-

бовала немалых усилий. Испарина каплями оседала на фильтрах их шлемов, под мышками было мокро.

— А что напоминает запах человека вам, мошкитам? — пропыхтел Поттер и тотчас добавил: — Можете не отвечать, если сочтете вопрос оскорбительным.

— Вы задали хороший вопрос, — ответила мошкита Поттера. — Моя обязанность, мистер Поттер, — знать все о вас. Возможно, я слишком подхожу для этой роли. Запах чистого пота не оскорбит меня ни в коем случае. Что вас рассмешило, мистер Уитбрид?

— Простите. Но этот акцент…

— Какой акцент? — удивился Поттер.

Уитбрид и его мошкита расхохотались.

— Да, забавно, — произнесла мошкита Уитбрида. — А все из-за особенностей вашего языка.

— С ума сойти! — воскликнул Джонатон Уитбрид. — Возьмем, к примеру, мошкиту капитана Блейна. Только я расслаблюсь и выхожу из состояния «внимание», как она что-нибудь говорит, и я снова автоматически вытягиваюсь по стойке «смирно». Она командует так, словно она хозяйка катера, и мы повинуемся. Потом она говорит: «Подождите минуточку, мистер», — и как будто

приказывает забыть о ней. Вот что всегда сбивает с толку.

— Но иногда я гадаю, сумеем ли мы вас понять? — сказала мошкита Уитбрида. — То, что я могу подражать вашей речи, не означает, что я вас понимаю…

— Но повторение — наша стандартная методика, древняя, как горные цепи. И она действенна. Но на что же мы, люди, еще способны, финч'клик?

— Люди такие многосторонние создания… И нам не уследить за всеми вашими талантами, Уитбрид. У вас с легкостью получается и командовать, и подчиняться. Вы разбираетесь в технике, в инструментах…

— Вы тоже, — пробормотал Уитбрид, зная, что это явно преуменьшение.

— Но мы быстро устаем. Вы готовы продолжать работу?..

— Угу.

— А мы — нет. И мы не слишком хороши в бою. Но хватит о грустном. Каждый из нас играет одну роль, выполняя приказ понять вас, зато вы одновременно играете тысячу ролей. Вот что делает вас чрезмерно сложными для честных, трудолюбивых жукоглазых чудищ…

— А кто назвал вас жукоглазыми чудищами? — воскликнул Уитбрид.

— Мистер Реннер, конечно! Я расцениваю его слова как комплимент — свидетельство того, что он верит в мое чувство юмора.

— Доктор Хорват убьет его! Нам предписали проявлять крайнюю осторожность в общении с чужаками. Не нарушать всякие табу — и прочая, и прочая.

— Кстати, о Хорвате, — заявил Поттер. — Я вспомнил, что доктор Хорват просил нас кое-что узнать у вас. Вы в курсе, что у нас на борту есть мошкита из Коричневых?

— Да. Шахтер. Ее корабль посетил «Макартур» и вернулся обратно без нее. Мы сообразили, что она осталась у вас.

— Она больна, — продолжал Поттер, — и ей все хуже. Доктор Блевинс говорит, что у нее истощение, но мы не может ей помочь.

Уитбрид понял, отчего Хорват не спросил о Коричневой *свою* мошките: если бы они потребовали встречи с шахтером, пришлось бы отказать, ссылаясь на адмирала. Хорват, считавший приказ Кутузова глупым, в таком случае не смог бы и дальше отстаивать свою позицию. Уитбрид же с Поттером и не думали бы обсуждать запрет

— приказ есть приказ.

Мошкиты молчали, поэтому Джонатон добавил:

— Наши биологи в панике. Они испробовали все что можно. Приготавливали особую пищу, анализировали жидкости в желудке Коричневой, делали рентгеновские снимки… Они даже изменили состав воздух в ее кающе, приблизив его к атмосфере Мошки-1. Никакого положительного эффекта. Она несчастна. Жалобно стонет. Не способна даже двигаться. Кроме того, она худеет и у нее выпадают волосы.

Мошкита Уитбрида заговорила голосом, звучавшим на удивление ровно:

— И вы до сих пор не догадались, что с ней случилось?

— Не догадались, — подтвердил Уитбрид.

Как странно и неприятно общаться с мошкитами, глазеющими на них. Обе казались близнецами — скрючившиеся, уцепившиеся за что-то руками: одинаковые позы и узорчатая меховая шкура, одинаковые полуулыбки. Их индивидуальные различия вообще исчезли. Возможно, все дело в позе…

— Мы передадим для нее пищу, — вдруг произнесла мошкита Поттера. — Думаю, у нее

недоедание.

И обе мошкиты исчезли. Вскоре мошкита Уитбрида вернулась с прозрачным герметичным пакетом: внутри лежали какие-то зерна, плоды вроде слив и ломтик темно-красного мяса.

— Мясо сварите, фрукты дайте прямо так, зерно замочите, — пояснила мошкита. — И проверьте ионизацию воздуха в ее каюте.

Затем мошкита вывела людей наружу.

Парни забрались в скутер, чтобы вернуться на катер.

— Они вели себя немного… подозрительно, — проворчал Поттер. — И я не могу отделаться от мысли, что минуту назад произошло что-то очень важное.

— Да.

— Но что?

— Может, они решили, что мы дурно обращаемся с Коричневой. И недоумевают, почему мы не доставили ее сюда. А может, их шокировало, что мы заботимся о Коричневой.

— Или они вымотались, а нам все просто почудилось.

Поттер запустил двигатель скутера, и флаер помчался к катеру.

— Гэвин, оглянись!

— Не сейчас. Не могу бросить управление.

Только загнав скутер на место, Поттер посмотрел назад.

Возле корабля сгрудилась дюжина мошкитов. Стяжки для тороидов еще не были закончены… но все мошкиты направлялись к воздушному шлюзу.

Посредник в спешке влетела в тороид, отталкиваясь от стен и торопясь освободить дорогу другим. Кое-кто из них являлся финч'клик чужаков, но это не бросалось в глаза, их поведение и жесты были одинаковыми. Каждый из них предпочитал пользоваться нижними правыми руками и ловко поворачивал свой корпус из стороны в сторону.

Хозяин оказался белым. Пучки волос под мышками и в паху были длинными и шелковистыми, как шерсть ангорского кота. Когда все собрались, Хозяин повернулся к мошките Уитбрида.

– Говори.

Мошкита Уитбрида поведала ему об инциденте с гардемаринами.

– Я уверена, у них только дурные намерения, — закончила она.

Хозяин обратился к мошките Поттера:

– Ты согласна?

– Да, полностью.

По помещению покатилась волна шепота, частично — на англике, частично — на языке мошкитов. Но когда Хозяин повысил голос, сразу воцарилась тишина.

– Что вы сказали им?

– Та болезнь, возможно, связана с плохим питанием…

Ее слова вызвали у Посредников почти гомерический хохот — правда, те, кто еще не был назначен финч'клик, и вовсе не смеялись.

– …и дали им продукты для Инженера. Разумеется, еда ей не поможет.

– Может, они шутили?

– К сожалению, мы плохо распознаем ложь. Это не наша специальность, — призналась мошкита Поттера.

В тороиде снова послышался гул голосов. Хозяин позволил мошкитам поговорить пару минут, после чего произнес:

– Что это может означать?

– Они не могут настолько сильно отличаться от нас, — заметила какая-то мошкита. — Они умеют воевать. Мы слышали намеки на то, что целые планеты превращены в пустыни.

Вмешалась другая. Было нечто изящное, жен-

ственное в ее облике и манере общаться. Хозяину, однако, ее замашки показались гротеском.

– Думаю, я знаю, по каким причинам люди воюют между собой. Большинству животных и в нашем, и в их мире присущ рефлекс капитуляции, который не дает представителю вида пасть жертвой своего сородича. Пользоваться оружием людям велит рассудок, не инстинкт, и рефлекс капитуляции включается слишком медленно.

– Но то же самое когда-то было и у нас, — вскинула голову третья. — Конец этому положило появление в ходе эволюции Посредников. Неужели у людей нет Посредников?

– У них нет никого, кто вел бы переговоры между потенциальными врагами. Во всем, что делают, они дилетанты. Значит, переговоры у них не завершаются успешно, и поэтому они постоянно сражаются друг с другом.

– Все они дилетанты, играющие в Хозяев, — поддакнула первая, нервно потирая лоб. — На своих военных кораблях они держат отряды космодесанта на случай, если люди в других отсеках захотят стать хозяевами судна. Кроме того, когда говорит «Ленин», капитан Блейн повинуется, как Коричневый. Трудно быть финч'клик у человека, который является полновластным Хозяином

лишь несколько часов кряду, — добавила она.

– Согласна! — встряла мошкита Уитбрида. — Мой еще не дорос до Хозяина, хотя должен однажды им стать.

– Наша Инженер нашла в их инструментах много такого, что нуждается в усовершенствованиях, — сказала другая, — это нельзя классифицировать иначе…

– Достаточно, — оборвал ее Хозяин, и голоса смолкли. — Наши задачи узко направлены. Что вы узнали об особенностях их спаривания?

– Они не касаются данной темы. Вопрос остается неизученным. Кроме того, у них на борту лишь одна женщина.

– Только одна?..

– Да. А больше мы ничего не смогли узнать.

– А остальные особи — среднего пола?

– Вероятно, нет. Женщина не беременна и не была беременна в течение всего срока с момента их прибытия сюда.

– Разведайте обстановку на корабле, — сказал Хозяин. — Но скрытно. Вопросы задавать как бы между прочим. Спрашивать очень осторожно, стараясь не навлекать на себя подозрения. Если наши опасения оправдаются… Они еще могут оправдаться?

– Наша эволюция выступает против этого, — пропищала какая-то мошкита. — Индивиды, выживающие при воспроизводстве, — хранилище генов для последующего поколения. Как же тогда...

– Помните, что они — чужаки! — воскликнула мошкита Уитбрида.

– Нужно найти разгадку. Пусть кто-нибудь из вас правильно сформулирует вопрос и выберет человека, который сумеет дать развернутый ответ. Остальные должны воздерживаться от каких-либо замечаний, если, конечно, чужаки сами не затронут тему.

– А я думаю, что не надо ничего скрывать, — произнесла мошкита, потиравшая лоб. — От чужаков можно узнать нечто неожиданное. Вдруг с их помощью нам удастся разрушить древнюю структуру Циклов?

Хозяин удивился.

– Мы будем скрывать различия между человеком и мошкитами!

– Но зачем? Прошу вас, выслушайте меня! Они идут своей дорогой — и решают свои проблемы, причем всегда...

Остальные дружно набросились на нее.

– Безумный Эдди, Безумный Эдди, — задумчи-

во проворчал Хозяин. — Итак, вам необходимо продолжать наблюдения. Чужаки нам еще понадобятся. А насчет этой… держите ее в хороших условиях и будьте к ней внимательны: ее рассудок серьезно пострадал.

Блейн приказал катеру вести «Макартур» к Мошке-1 с ускорением ноль целых восемьдесят сотых *g*. Он отчетливо осознавал, что «Макартур» — военный крейсер, способный сжечь дотла половину планеты мошкитов, и не желал думать о том, какое оружие могут применить против врага встревоженные пришельцы. А еще ему хотелось, чтобы посольский корабль прибыл первым. Разумеется, Род не рассчитывал на то, что это сгладит острые углы, но все же…

Катер был почти пуст. Ученые работали на борту «Макартура». Они готовили отчеты для банков памяти, проверяя и перепроверяя информацию, затем кодируя ее и докладывая о результатах капитану. Данные должны были переслать прямо на «Ленин». Конечно, штатские могли бы докладывать и напрямую, но следовало уважать привилегии ранга.

Обеды на «Макартуре» и встречи за карточным столом часто превращались в жаркие дискуссии. Экипаж интересовало состояние чужачки на

борту. Коричневой становилось хуже с каждым днем. Она практически не притронулась к пище, полученной от мошкитов, и даже не смотрела в сторону продуктов из запасов «Макартура». Это огорчало, и доктор Блевинс постоянно делал анализы, не дававшие никаких результатов. Тела беглецов, найденных на корабле, были весьма упитанными, и однажды Блевинс всерьез предположил, что желудки малышей усваивали ракетное топливо и кабельную изоляцию. Он тщетно старался впихнуть в Коричневую хотя бы ложку овощной смеси: глаза чужачки стали совсем тусклыми, мех выпадал клочьями, и она то и дело выла.

Вскоре ее обнаружили лежащей на полу каюты без признаков жизни.

Хорват рассвирепел. Блейн решил, что о случившемся нужно сообщить на посольский корабль. Улыбающаяся Пестрая, которая появилась на экране, «принадлежала» Хорвату, хотя Блейн и под пыткой не смог бы сказать, как он это определил.

— Разрешите мне пообщаться с моей финч'клик, — произнес Блейн.

Мошкита Хорвата действовала на него угнетающе.

— Увы, она очень занята, капитан.

— Ладно. Я вызвал вас, чтобы сказать вам грустную новость. Коричневая, находящаяся на нашем корабле, умерла. Мы выбивались из сил, чтобы ее спасти. Научный персонал «Макартура» так хотел вылечить ее!

— Не сомневаюсь, капитан. Впрочем, неважно. Можем мы получить тело?

Род на мгновение задумался.

— К сожалению, нет.

Вряд ли мошкиты смогут вызнать что-либо особенное, анатомировав труп чужачки, с которой перестали контактировать, пока она была на борту, но тут, похоже, сказались наставления Кутузова. Кстати, вдруг у нее под мехом скрыта микротатуировка?.. И почему раньше мошкиты не интересовались Коричневой? Однако спросить об этом Род не мог.

— Передайте привет моей финч'клик.

— А у меня для вас тоже есть новости, — заявила мошкита Хорвата. — Капитан, у вас больше нет финч'клик. Она… сошла с ума.

— Что? — Род был потрясен до глубины души. — Почему? Как?

— Капитан, вам неведомо, ценой какого напряжения ей давалось общение с вами. Есть

мошкиты, которые отдают приказы, а есть и такие, которые просто чинят приборы. Мы же — ни те, ни другие: мы связные. Мы можем покориться старшим, что будет не так уж страшно, но *чужак*, командующий нами? Это перебор. Она… как бы объяснить? Взбунтовалась. Ваши речи стали для нее поводом к мятежу. У нас ничего подобного не бывает. Сейчас она находится в безопасности, и для нее будет лучше, если она никогда больше не станет говорить с чужаками.

— Спасибо, — выдавил Род.

Улыбающаяся мошкита исчезла с экрана, а сам Род на целых пять минут впал в оцепенение. Наконец, вздохнул и принялся наговаривать послание для «Ленина». Он работал в одиночестве. Род чувствовал себя так, словно потерял часть своей души, но вроде бы ждал, что она когда-нибудь вернется.

Часть третья
Встреча с безумным Эдди

26
Мошка-1

МОШКА-1. Периферийный обитаемый мир в Трансугольном секторе. Основные данные: желтая двойная звезда G2 находится приблизительно в двадцати парсеках от столицы Трансугольного сектора Новой Каледонии. Обычно называется Мошкой в Глазу Мёрчисона, или просто Мошкой. Масса — 0,91 солнечной, светимость — 0,78.

Атмосфера Мошки-1 ядовита, но годится для дыхания, если использовать специально разработанные или стандартные военные фильтры. Противопоказана страдающим сердечными заболеваниями или людям с угрозой возникновения эмфиземы. Кислород — 16 %, азот — 79,4 %, CO_2— 2,9 %, гелий — 1 %. Сложные углеводороды, включая кетоны, — 0,7 %.

Сила тяжести — 0,87 стандартной. Радиус планеты составляет 0,84, а масса — 0,57 от массы Земли. Плотность нормальная. Период обращения — 0,937 стандартных года, или 8 750 005 часов. Наклон оси — 18 градусов, среднее удаление — 0,93 а. е. (137 миллионов километров). Темпе-

ратуры довольно низкие, полюса необитаемы и покрыты льдом. В экваториальных и тропических районах температуры высокие. Локальный день составляет 27,33 часа.

Спутник один, маленький, близкорасположенный. По происхождению — астероид, и его обратная сторона имеет характерный зазубренный кратер, типичный для планетоидов системы Мошки. Расположенные на спутнике синтез-генератор и передающая энергетическая установка — самые мощные энергетические источники цивилизации Мошки-1.

Топография. 50 % поверхности планеты занимает океан, есть и обширные ледяные шапки. Суша в основном ровная. Горные цепи низкие и сильно выветренные. Лесов немного. Пахотные земли интенсивно возделываются.

Наиболее заметная особенность — круговые структуры, присутствующие повсюду. Более мелкие эродированы до предела обнаружения, крупные заметны только с орбиты.

Хотя среда Мошки-1 весьма любопытна, к примеру, для тех же экологов, изучающих воздействие разумной жизни на планетографию, особый интерес вызывают ее обитатели…

К катеру приблизились два скутера, на борт под-

нялись фигуры в скафандрах. Когда оба человека и мошкиты проверили корабль, рядовые, которые вывели его на орбиту, передали управление судна гардемаринам и вернулись на «Макартур». Парни нетерпеливо заняли места у пульта управления и тотчас принялись изучать ландшафт Мошки-1: планета не давала им покоя.

— Все контакты с нами будут осуществляться именно через катер, — сообщил Уитбрид своей мошките. — Увы, пригласить вас на борт «Макартура» нам не позволено!

Мошкита Уитбрида совершенно по-человечески пожала плечами, выражая свое отношение. Необходимость повиноваться не давила ни на нее, ни на человека.

— А что вы сделаете с катером, когда будете уходить?

— Это подарок, — заявил Уитбрид. — Вдруг вы захотите взять его в качестве музейного экспоната? Есть вещи, которые, по мнению капитана, вы должны знать. А катер создали люди…

— И есть вещи, которые он хочет скрыть. Разумеется.

Отсюда, с орбиты планета казалась испещренной кругами: моря, озера, дуги горных хребтов, контуры рек, заливов… Уитбрид присмотрелся

и увидел круг, который был изъеден эрозией и замаскирован лесом, и его можно было бы не заметить, если бы он не захватывал горную гряду, ломая континенту позвоночник, как человек ломает ногой хребет змеи. За ним виднелось море размером с Черное — с плоским островом в центре.

— Должно быть, истечение магмы в том месте, где астероид пробил кору, — пробормотал Уитбрид. — Представляете, какой был грохот?

Мошкита Уитбрида кивнула.

— Неудивительно, что вы собрали астероиды в троянские точки! Как раз по этой причине, верно?

— Возможно. Наши записи того периода далеко не полны. Полагаю, астероиды легче разрабатывать, когда они собраны в одном месте.

Уитбрид вспомнил, что промерзший Улей был безо всяких следов радиации.

— Давно произошла катастрофа?

— По крайней мере десять тысяч лет назад. Уитбрид, сколько лет самым старым записям, которые вели люди?

— Не знаю. Я спрошу, — гардемарин продолжал смотреть на Мошку-1. Они пересекали терминатор, представлявший собой цепочку дуг. Ночная

сторона сверкала галактикой городов. Так могла выглядеть Земля времен СоВладения, но миры Империи никогда не были столь густо заселены.

— Вот он! — Мошкита Уитбрида указала на огненное пятно у края планеты. — Трансферный корабль. Теперь мы можем показать вам нашу планету во всей красе.

— А ваша цивилизация, пожалуй, гораздо старше нашей, — произнес Уитбрид.

Все оборудование и личные вещи Салли были упакованы и готовы к погрузке в катер. Ее каюта опустела. Салли приникла к обзорному иллюминатору: девушка наблюдала за серебряным кораблем, который стрелой летел к «Макартуру». Ее мошкита смотреть в иллюминатор не стала.

— У меня есть один неделикатный вопрос, — сказала финч'клик.

Девушка повернулась к мошките. Корабль мошкитов приблизился почти плотную к «Макартуру», и из него выскользнула юркая шлюпка.

— Продолжайте.

— Что вы делаете, пока не хотите ребенка?

— Ну, дорогая! — Салли рассмеялась.

Салли была единственной женщиной среди без малого тысячи мужчин, находящихся на «Макартуре». Однако к ней не проявляли интереса:

женское кокетство не срабатывало на борту военного крейсера. Замужество и дети, домашнее хозяйство и семейные скандалы — все это было частью цивилизованной жизни, оставшейся в прошлом. Кроме того, жизнь Салли круто переменилась еще до того, как она очутилась на «Макартуре». Это случилось, когда она угодила в самое пекло Нью-Чикагского мятежа. Теперь же она пыталась привыкнуть к новому распорядку. Иногда ей становилось слишком тоскливо, и в отчаянной попытке хоть чем-то компенсировать недостаток общения она заводила с коками «Макартура» разговор о кулинарии, но тем дело и ограничивалось. Ее первой приятельницей в глубоком космосе оказалась чужачка финч'клик.

— Финч'клик, — напомнила та о себе. — Я не могу поднимать щекотливый вопрос, но считаю, что должна знать: у вас на борту «Макартура» есть дети?

— У меня? Нет! — заулыбалась Салли. — И я не замужем.

— Замужем?

Салли объяснила мошките, что это означает, стараясь говорить просто и логично. Порой ей было трудно помнить, что мошкита — с другой планеты.

— Должно быть, мои слова покажутся вам жутковатыми, — произнесла Салли напоследок.

— «Приходи, и я ничего от тебя не скрою», как говорит мистер Реннер, — подражание его тембру голоса было идеальным, включая и жесты. — Я считаю ваши обычаи странными. Сомневаюсь, что мы переймем многие из них… полагаю, что у нас — слишком разная психология.

— Точно.

— Вы выходите замуж, чтобы растить детей. А кто-то растит детей вне брака?

— Да. Сейчас это своего рода благотворительность, — мрачно призналась Салли, не в силах скрыть отвращения.

— И *вы* никогда… — Мошкита сделала вежливую паузу.

— Конечно, нет! — выпалила Салли и покраснела.

— Как «нет»? Я имею в виду не *почему*, а *с какой целью?*

— Я не хочу усложнять свою жизнь. И у нас… в общем, мужчина и женщина вступают в половую связь, чтобы зачать ребенка, — так же, как и у вас. Я вас вполне достаточно изучила, не так ли?

— Да. Но вернемся к вам. Если вы не замужем, то не должны соглашаться на близость?

— Верно. Конечно, есть таблетки, которые женщина будет принимать, если любит мужчину, но не хочет последствий.

— Таблетки? Как они действуют? Гормонально?

— Да.

И они обсудили гормоны. Медики мошкитов тоже использовали химические средства, но те химикалии имели иной состав.

— Но настоящие женщины не пользуются ими? — предположила мошкита Салли.

— Нет.

— А когда вы выйдете замуж?

— Когда найду подходящего мужчину, — Салли замешкалась и на мгновение задумалась. — Возможно, уже нашла, — сказала она.

«Только чертов глупец женат на своем корабле», — мысленно добавила Салли.

— Тогда почему вы не выходите за него замуж?

Салли расхохоталась.

— Не хочу прыгать в никуда.

«Жениться на скорую руку, да на долгую муку», — пронеслось у нее в голове.

— Я могу выйти замуж в любой момент, — сказала Салли, и привычка к объективности заставила ее дать чуть более развернутый от-

вет: — В ближайшие пять лет. Если за это время я не найду мужа, то стану старой девой.

— Старой девой?

— Женщиной, которая считает брак ненужным, — и Салли сама задала вопрос: — А если мошкита не хочет детей?

— У нас нет половых отношений, — чопорно вымолвила мошкита.

Снаружи донеслось еле неслышное «клак»: корабль «земля — орбита» состыковался с «Макартуром».

Посадочная шлюпка смахивала на стрелу в оболочке из защитного материала. Пилотская кабина обеспечивала круговой обзор, но больше нигде иллюминаторов не имелось. Салли вместе со своей мошкитой вошла внутрь и обомлела. Здесь уже находился Гораций Бери.

— Ваше превосходительство отправляется на Мошку? — пролепетала Салли.

— Да, миледи.

Бери, казалось, удивился не меньше Салли. Войдя в соединительный туннель, он сразу понял, что мошкиты применили старый флотский трюк — трубу загерметизировали с понижением давления к принимающему концу, поэтому пассажиров буквально засасывало в нее. Внут-

ри шлюпка оказалась неожиданно просторной — места хватило всем: Реннеру, Салли Фаулер, священнику Харди (Бери задумался, смогут ли они каждое воскресенье отправлять его на «Макартур»), доктору Хорвату, гардемаринам Уитбриду и Стейли, двум рядовым, которых Бери не знал, и чужакам, приставленным ко всем людям, кроме троих. Затем он обнаружил кресла и с изумлением уставился на них: они стояли по четыре в ряду, а возле них имелись и раскладные стулья для каждой из мошкит, приставленных к человеку.

Доктор Хорват прошел вперед, в рулевую рубку, и занял место возле коричневого пилота. Бери уселся в первом ряду, где сидений было два, и соседнее с ним место заняла мошкита. Страх сдавил ему горло. «Аллах милостив, — подумал он, — и нет иного Бога, кроме Него… Спокойно!» Бояться нечего, он ничем не рискует.

Ничем? Ладно, меховой чужак вроде бы настроен вполне мирно. А у Бери и так хватает проблем. Ведь достаточно цепкого взгляда, чтобы обнаружить, во что превратился его скафандр.

Дело в том, что скафандры охраняли строже любого снаряжения, предназначенного для работы в открытом космосе. Вдобавок они являлись не

просто защитными костюмами, а чем-то глубоко личным, даже более личным, чем курительная трубка или зубная щетка. Правда, на борту находились и те, кто выставлял их напоказ, лишь бы доказать существование невидимых «домовых». За время долгого пути к Мошке-1 Синклер изучил усовершенствования, внесенные «домовыми». Вернув все вещи их владельцам, он начал переоборудовать скафандры офицеров по новому образцу.

Через Набиля сам Бери узнал, что «домовые» удваивают эффективность регенерирующих систем. И он не спешил отдавать свой скафандр Синклеру, поскольку один из его воздушных баллонов был поддельным. В нем было пол-литра кислорода — и уцелевшие малыши, введенные в состояние анабиоза. Бери сильно рисковал: малыши могли погибнуть, а Бери рано или поздно понадобится дополнительный источник кислорода, которого не окажется. Но Бери любил риск, если это сулило прибыль. А события продолжали развиваться.

Когда до полета оставались сутки, Бери сидел в своей каюте. Внезапно экран канал связи загорелся, и Бери вздрогнул. Он почти уверился, что его засекли. На мониторе возникло изображение

рядового.

— Вас вызывают, мистер Бери, — произнес он и, кажется, злорадно улыбнулся.

Спустя секунду Бери увидел чужака.

— Финч'клик, — пискнул пришелец, приподняв голову. — А вы смущены? Наверняка вам знаком данный термин.

Бери быстро взял себя в руки.

— Конечно, но я не предполагал, что кто-то из вас будет меня изучать. — Мысль об этом ему совсем не понравилась.

— Мистер Бери, я только что назначен к вам. Мистер Бери, вы планировали путешествовать на Мошку заранее?

— Нет. Едва ли мне позволят покинуть корабль.

— Капитан Блейн дал разрешение на случай, если вы захотите увидеть нашу планету. Мистер Бери, мы глубоко признательны за ваши комментарии по поводу торговли между Мошкой и Империей. От этого выиграют обе стороны.

— Да! Клянусь бородой Пророка, при таких благоприятных обстоятельствах, как сейчас… — И Бери с радостью принял приглашение. Спрятанных «домовых» мог охранять Набиль.

Но сейчас, на борту посадочной шлюпки, страх

захлестнул Бери с головой. Он покосился на чужака (или это была чужачка?).

— Я — финч'клик доктора Хорвата, — представилась мошкита. — Вы боитесь полета? Не волнуйтесь. Наши шлюпки безопасны: они прекрасно сконструированы.

— О! — вырвалось у Бери, и он немного расслабился.

Худшие часы остались позади. Набиль переместил фальшивый баллон в главный воздушный шлюз «Макартура» — к сотням других. Чужой корабль был, несомненно, получше человеческих суденышек подобного типа, хотя бы потому, что мошкиты оказались гениями инженерной мысли. Но вовсе не путешествие к Мошке-1 заставляло Бери испытывать страх, который продолжал жалить его, словно остро заточенный кинжал.

Шлюпка слегка накренилась. Спуск начался.

К всеобщему удивлению, он оказался скучным. Иногда возникали случайные колебания силы тяжести, но обошлось без болтанки. Они почти подсознательно почувствовали троекратное «клак», как будто выпускалось посадочное шасси, а затем возникло ощущение, что они катятся. Корабль приземлился.

Вереницей они вышли в герметичную камеру. Воздух был хороший, но какой-то искусственный. Вокруг них еще вздымались стены надувной конструкции, но когда они оглянулись на корабль, то оцепенели.

Теперь он напоминал настоящий глайдер. Края «стрелы» раздались в стороны, превратившись во множество крыльев и закрылков.

— Хорошо прогулялись, — вежливо произнес Хорват, присоединившись к остальным. — А ведь корабль изменил форму! На крыльях ни единого шарнира — они выдвинулись как живые! Реактивные сопла открывались и закрывались совсем как рты! Вы бы видели! Если командор Синклер когда-нибудь спустится, мы дадим ему место у иллюминатора! — ликовал ученый, не замечая бросаемых на него свирепых взглядов.

Открылся надувной шлюз, и внутрь вошли трое Пестрых. Когда они разделились, Бери запаниковал: двое пошли к рядовым, а третий направился к нему.

— Финч'клик, — произнес он.

У Бери пересохло во рту.

— Не бойтесь, — добавил мошкит, — я не могу читать ваши мысли.

Если мошкит и хотел утешить Бери, то опреде-

ленно выбрал неподходящие слова.

— Но вы очень… проницательны.

Мошкит рассмеялся.

— Не переживайте! Я могу узнать лишь то, чем вы невольно себя выдадите! — Он говорил с акцентом. Наверное, мошкиты успели изучить людей только в общих чертах.

— Вы — мужчина, — заметил Бери.

— Потому что я еще молод. Остальные стали женщинами к тому времени, как достигли «Макартура». Мистер Бери, снаружи нас ждут машины, а неподалеку выбрано место для вашей резиденции. Давайте посмотрим наш город, а после поговорим о делах.

Мошкит галантно взял Бери под локоть двумя маленькими ручками; весьма странное прикосновение. Бери поплелся к воздушному шлюзу.

«Не бойтесь, я не могу читать ваши мысли», — сказал мошкит. Наверняка он лгал! На многих мирах Первой Империи ходили слухи о чтецах мыслей, но ни одного такого — хвала милости Аллаха! — пока не обнаружили. Да и мошкит заявил, что не умеет их читать… впрочем, кто его знает. Прикосновение чужака не вызвало отвращения, хотя люди, воспитанные в том же духе, что и Бери, терпеть не могли таких вольностей.

А мошкит подействовал на него умиротворяюще. Бери еще не слышал, чтобы чей-то финч'клик производил подобное впечатление. Может, он решил проявить добродушие и *успокоить* гостя?

Бери поджал губы. Его могла успокоить только гарантия неограниченной прибыли. Даже Первая Империя, преобразовавшая планеты Новой Каледонии в обитаемые, не проявила индустриальной мощи такого масштаба, чтобы переместить астероиды к троянским точкам.

— Хорошая коммерческая продукция не должна быть неуклюжей и массивной в прямом смысле этого слова, — тем временем вещал мошкит. — Мы сумеем найти товары, редкие для Империи и в изобилии имеющиеся здесь… или наоборот. Я предвижу сказочные прибыли от вашего визита!

Они присоединились к остальным в воздушном шлюзе. За панорамными окнами виднелся аэродром.

— Опасно хвастать совершенством своей техники, — буркнул Реннер, обращаясь к Бери, а когда магнат усмехнулся, повел рукой: — Вокруг город, а космопорт очень компактен и не занимает ни одного лишнего метра.

Бери кивнул. Крошечный пятачок земли окружали небоскребы, устремленные в небо и

стоящие друг напротив друга, — а на восток тянулась единственная взлетная полоса. Если тут потерпит катастрофу какой-нибудь флаер, это будет настоящее бедствие — хотя мошкиты вроде бы отличались предусмотрительностью.

Их ждали три вполне обычных автомобиля: два для пассажиров и один для багажа (Бери обнаружил, что сиденья для людей занимали почти весь салон). Когда гости разместились, водители (из Коричневых) рванули с места. Машины, сверкавшие полировкой, двигались почти бесшумно, создавая ощущение мощи, хотя никакой тряски не было и в помине. Двигатели располагались в центре высоких надувных шин, так же как и у автомобилей в имперских мирах.

На фоне неба смутно вырисовывались высокие безобразные здания. По широким проспектам и узким трассам мчались миниатюрные машинки. Однако уличное движение не было хаотичным. Бери прислушался к низкому ровному гулу, который издавали тысячи работающих моторов. Порой до него доносилось раздраженное чирикание мошкитов: возможно, так звучала даже местная ругань.

Когда люди перестали вздрагивать из-за каждого несостоявшегося столкновения, они заметили,

что прочие водители — тоже Коричневые. Почти все автомобили перевозили пассажиров, иногда Пестрых, но чаще — Белых. Последние оказались покрупнее Пестрых и могли похвастаться густым шелковистым мехом. Именно они и сыпали проклятиями, тогда как водители хранили молчание.

Министр науки Хорват повернулся к своим спутникам.

— Я смотрел на небоскребы, когда мы спускались: на их крышах мошкиты разбили настоящие садики!.. Мистер Реннер, вы довольны, что прилетели с нами? Мы ждали офицера, но, если честно, не вас.

— Разумнее всего было послать именно меня, — проворчал Кевин Реннер. — На борту я самый подходящий офицер из тех, кого капитан мог отправить. Прокладывать курс по картам могут и без меня.

— И поэтому вас отправили сюда? — спросила Салли.

— Нет, думаю, капитана убедило то, что я орал и визжал, рискуя задохнуться! Постепенно он проникся мыслью, что я горю желанием лететь. И вот я с вами.

Офицер-штурман подался вперед. Он напомнил

Салли собаку, с любопытством высовывающую голову в окно машины.

Вскоре гости увидели и подвесные пешеходные дорожки, протянувшиеся вдоль каждого здания на уровне второго этажа. По ним сновали мошкиты: Белые, Пестрые и кое-кто еще. Громадный чужак с симметричной фигурой двигался среди мошкитов подобно великану. Трехметровый пришелец обладал маленькой безухой головой, которая буквально тонула в мощных плечах. Под мышками он нес массивные ящики. Он шел по дорожке без остановки: от него так и веяло сокрушительной силой.

— Кто он? — поинтересовался Реннер.

— Рабочий, — ответила мошкита Салли. — Носильщик. Не очень-то и разумный…

Затем Реннер углядел мошкита с бурым мехом цвета свернувшейся крови. Он был не слишком высок и имел совсем крохотную голову. Когда мошкит поднимал и сгибал правые руки, становились видны пальцы, такие длинные и тонкие, что Реннер вспомнил амазонских пауков. Он коснулся плеча своей финч'клик.

— А это кто?

— Доктор, — сказала мошкита. — У нас — разнообразие видов, мистер Реннер. Они все, если

можно так выразиться, родственники…

— Да? А Белые?

— Отдают приказы. Полагаю, вы знаете, что на борту нашего корабля есть Белый мошкит.

— Да, — быстро кивнул Реннер.

Не стоит выказывать своего неведения. Лучше казаться умным.

— Что вы думаете о нашей архитектуре?

— Ужасная. Индустриально-отвратительная, — выпалил Реннер. — Ваши идеалы красоты отличаются от наших, но… У вас есть стандарт красоты?

— «Приходи, я ничего от тебя не скрою», — мошкита явно процитировала кого-то из древних. — Да, мы не похожи на вас. И что вы, люди, видите в арках и колоннах?

— Фрейдистская символика, — жестко отрезал Реннер.

Салли фыркнула.

— Об этом постоянно твердит мошкита Хорвата, но я пока не слышала логичного объяснения, — произнесла мошкита Реннера. — Кстати, каково ваше мнение о наших средствах передвижения?

Лимузины разительно отличались от мелких двухместных автомобилей, проносившихся мимо. Правда, и среди двухместных машинок не

было одинаковых — наверное, мошкиты еще не дошли до понимания выгод стандартизации. По дорогам носились и юркие двойные мотоциклы… Зато гостей везли в автомобилях побольше и попросторнее.

— Они прекрасны! — воскликнула Салли, чтобы разрядить атмосферу. — Вы сконструировали их специально для нас?

— Да, — ответила ее мошкита. — Вам нравится?

— Да. Спасибо вам! Вы так старались, — сказала Салли. — Думаю, вы понесли значительные расходы и… — Девушка замолчала. Реннер повернулся, чтобы взглянуть туда, куда смотрела она, и задохнулся от удивления.

Похожие замки были построены в Тирольских Альпах на Земле. Они до сих пор сохранились там, ведь их не бомбили, но Реннер видел только их копии — в музеях на других планетах. А здесь сказочный замок с изящными шпилями стоял прямо посреди высоченных небоскребов. Угловую башенку вроде минарета опоясывал узкий балкончик.

— Что это? — вырвалось у Реннера.

— Ваш дом, — ответила мошкита Салли. — Помещение герметизировано и наполовину

огорожено. Для вашего удобства там есть гараж и машины.

В салоне воцарилась тишина, которую нарушил Гораций Бери:

— Вы — изумительные хозяева!

Они сразу назвали свое пристанище Замком. Вне всякого сомнения, он был задуман и построен специально для них. Он мог запросто вместить тридцать человек, кое-что в нем было вполне приемлемым по людским меркам, зато многое озадачило гостей уже в первые минуты.

Чужаки изучили образ жизни Уитбрида, Стейли, Салли, докторов Харди и Хорвата, но люди старались сдерживать смех, когда финч'клик показывали им новенькие комнаты. Бывалые парни Джексон и Вейсс, перепуганные до немоты, лишь изредка осторожно вставляли какую-нибудь глупую реплику. Люди же вроде Горация Бери воспитывались в строгих традициях гостеприимства, поэтому он считал дикими все обычаи, кроме левантийских.

Однако Реннер ценил прямоту и откровенность, что, как выяснилось, сильно облегчило жизнь. Впрочем, на военно-космический флот это не распространялось: Реннер научился держать рот на замке, да и его финч'клик тоже была

не из болтливых.

Реннер осмотрел отведенные ему апартаменты. Двуспальная кровать, буфет, кушетка и кофейный столик — все смутно напоминало земную обстановку (Реннер иногда читал мошкитам исторические лекции). Помещение оказалось в пять раз больше его каюты на «Макартуре».

— Простор, — удовлетворенно пробормотал он и принюхался. Никаких запахов. — Все сделано на широкую ногу и щедрой рукой. Вы проделали огромную работу, чтобы профильтровать воздух.

— Спасибо. Что касается широких ног и щедрых рук… — Мошкита Реннера уставилась на свои плоские ступни и пошевелила локтями. — Можно подумать, что наши потребности в данном случае отличаются от ваших, но вы ошибаетесь.

От пола до потолка и от стены до стены тянулось панорамное окно. За ним вырастал город: небоскребы практически пропарывали облака. Реннер посмотрел вниз: на улицу, уходящую к величественному закату, сиявшему всеми оттенками красного. Пешеходные дорожки были запружены мошкитами: Бурыми, Коричневыми, хотя и Белых тоже хватало. Вдоволь насмотревшись на них, Реннер отвернулся от окна.

У изголовья его кровати имелась большая ни-

ша, в которой стояли буфет и два загадочных предмета мебели. Реннер усмехнулся. Чужачка на «Макартуре» примерно таким же образом переоборудовала койки в каюте Кроуфорда.

— Двое? — уточнил Реннер.

— Мы назначили вам Коричневого.

— Я научу вас новому слову. «Уединение». Оно относится к человеческим потребностям…

— Конечно, — мошкита взмахнула руками. — Но неужели вы полагаете, что уединение допустимо между человеком и его финч'клик?

Реннер торжественно кивнул.

— Но… но… Реннер, у вас нет никакого уважения к традициям?

— Каким?

— Ладно! Мы сделаем здесь дверь. С замком?

— Да. Должен заметить, что остальные, вероятно, тоже чувствуют неловкость.

Кровать, кушетка, стол — к счастью, все это было знакомо мошкитам и прежде. Матрац оказался жестковат, ну и черт с ним. Реннер заглянул в ванную и расхохотался. Они соорудили унитаз для невесомости, а золотую ручку для спуска воды вырезали в форме собачьей головы. Да уж, не чета гальюну на катере. Ну а сама ванна была… странноватой.

— Ну и ну! — воскликнул Реннер.

— Мы видели изображения ванн, но они выглядели нелепо, не соответствовали анатомии человека.

— Верно. До сих пор никто не создал ни одной приличной. Но на тех снимках не было ни одного унитаза, не так ли?

— Не было.

— М-м-м… — И Реннер стал объяснять.

— Сколько воды вам понадобится? — осведомилась мошкита, выслушав его до конца.

— Много. Слишком много для космического корабля.

— Хорошо. Мы посмотрим, как его можно усовершенствовать.

— И поставьте дверь между ванной и жилой комнатами.

— Снова уединение?

— Да.

Ужин в тот вечер немного походил на званый обед в особняке Салли на Спарте. В роли слуг — молчаливых, внимательных, почтительных, которыми руководил хозяин (им из уважения к служебному положению стала мошкита Хорвата), — выступали полутораметровые Рабочие. Провизию доставили из запасов «Макартура», за

исключением закуски — плодов, напоминающих дыню и подслащенных желтым соусом.

— Мы ручаемся, что они не ядовиты, — произнесла мошкита Реннера. — Мы выявили ряд продуктов, в которых уверены, и продолжаем поиски. Можете продегустировать.

Особый соус уничтожал кисловатый привкус «дынь» и делал их восхитительными.

— Годится для торговли, — заявил Бери. — Только нам удобнее перевозить семена, а не плоды. Их трудно выращивать?

— Вовсе нет, но они требуют обработки, — сказал мошкит Бери. — Мы дадим вам возможность изучить почву. Не подскажете, чем еще стоит торговать?

Бери нахмурился и уткнулся в свою тарелку. Никто не обращал внимания на посуду, а ведь она, наверное, была из золота: тарелки, столовые приборы, даже бокалы для вина, хотя формой они повторяли хрустальные. Нет, все-таки это не золото — материал не проводил тепло. Всего-навсего умелые копии пластиковой посуды, предназначенной для невесомости на борту катера «Макартура», даже с торговой маркой, оттиснутой по краям.

Все ждали его ответа. Торговые сделки могли

сильно повлиять на отношения между Мошкой и Империей.

— Во время поездки к Замку я высматривал у вас предметы роскоши, но не увидел ничего, кроме того, что создано специально для нас. Или я просто их не распознал?

— У нас мало предметов роскоши. Мы — я говорю, разумеется, от имени отдающих приказы — делаем упор на династии, силе, территории и ведении домашнего хозяйства. Кроме того, нас мало интересует, какое место наши дети выбирают в жизни.

Бери запомнил: «*Мы говорим от имени отдающих приказы*». Значит, он имел дело со слугами. Нет, с агентами. Нужно держать это в памяти и ждать, чем подкрепит свое обещание его финч'клик.

— Как жалко! — улыбнулся магнат. — Предметы роскоши удобно перевозить. Вы поймете мои трудности с выбором товаров, когда я скажу, что едва ли будет выгодно покупать у вас золото.

— Верно. Возможно, позже мы найдем что-нибудь по-настоящему ценное.

— К примеру, произведения искусства?

— Искусства?

— Позвольте мне, — вмешалась мошкита Рен-

нера и затараторила что-то высоким певучем голосом на местном языке, после чего оглядела собравшихся. — Простите, но так гораздо быстрее.

— Именно, — согласился мошкит Бери. — Итак, вы спросили нас об оригиналах?

— Да.

— Ясно. Хотя для нас копии ничем не хуже. Но у нас есть музеи. Я организую для вас несколько экскурсий.

Тотчас выяснилось, что все хотят принять в них участие.

После ужина Уитбрид вернулся в свои апартаменты. Он едва не расхохотался, увидев дверь в ванную.

— Мистер Реннер объяснил нам, что такое уединение, — заметила его мошкита и резко толкнула дверь, которая теперь закрывала и ее нишу.

— А вот это даже ни к чему! — воскликнул Уитбрид, который привык к общим каютам.

Если он проснется среди ночи, с кем можно будет поговорить, прежде чем снова захочется спать?

Кто-то постучал. Уибрид открыл дверь: в коридоре стоял Вейсс со Столешницы.

— Сэр, можно поговорить с вами с глазу на глаз?

Мошкита Уитбрида молча удалилась в свою нишу. Чужаки сразу поняли суть слова «уединение». Уитбрид пригласил Вейсса войти в комнату.

— Сэр, у меня возникла проблема, — начал Вейсс. — То есть у нас с Джексоном. Мы спустились вниз, чтобы помочь: отнести багаж, почистить вещи и тому подобное.

— Но от вас не требуется ничего такого. Мы здесь почетные гости.

— Да, сэр. Но… нам с Джексоном тоже назначили по Коричневому. Я… и…

— По финч'клик.

— Да.

— И есть кое-что, о чем вы не должны говорить, — добавил Уитбрид.

Оба рядовых работали на ангарной палубе и не могли знать о технологии поля слишком много, но Уитбрид решил перестраховаться.

— Да, сэр. Никаких военных историй, ничего о корабельном оружии или двигателе.

— Отлично. Если не считать этого, вы в отпуске. Путешествуете первым классом со слугой и местным гидом. Развлекайтесь. Не говорите ничего, за что Царь может вас повесить, и не беспокойтесь о расходах. Будьте хозяевами положения и надейтесь, что вас не отправят обратно следующей

шлюпкой.

— Слушаюсь, сэр. — Вейсс усмехнулся. — Именно поэтому я и попал в военно-космический флот. Странные миры — вот что нам обещают вербовщики.

— «Невероятные забытые города»... Я тоже.

Позже Уитбрид замер у панорамного окна. Город сверкал миллионами огней. Миниатюрные автомобили исчезли, и теперь по улицам катили тяжелые грузовики. Пешеходы умерили свою прыть. Уитбрид заметил кого-то высокого, веретенообразного — он ловко лавировал среди мошкитов. Увернувшись от громадного Носильщика, он скрылся за углом.

27
Экскурсия

Реннер проснулся еще до восхода. Пока он нежился в замечательной ванне, мошкиты выбрали и предложили ему одежду. Реннер решил согласиться с их выбором. Он был снисходителен: других слуг — не денщиков — у него, возможно, никогда и не будет. Его оружие мошкиты осторожно выложили вместе с одеждой, и, ненадолго задумавшись, Реннер пристегнул пистолет под штатскую куртку, сшитую из изумительной сияющей ткани. Пушка ему не требовалось, но правила есть правила…

Остальные тоже проснулись спозаранку. Теперь они завтракали, посматривали в панорамное окно и любовались рассветом. Он походил на закат — тоже все оттенки красного. День на Мошке-1 оказался на несколько часов длиннее стандартных суток, соответственно и ночь тянулась дольше, поэтому люди могли выспаться и вдоволь отдохнуть.

На завтрак подали нечто непонятное, правда, вкусом напоминающее яйца, сваренные вкру-

тую. Реннер недоверчиво уставился на смесь вишневого цвета в своей тарелке.

— Что за ерунда, — пробурчал он и не притронулся к блюду.

— Музей находится в паре кварталов отсюда, — мошкита доктора Хорвата неловко взмахнула своими правыми руками. — Предлагаю вам прогуляться. Погода хорошая, и верхняя одежда вам не понадобится.

У всех мошкитов возникла проблема: они не знали, какую пару рук использовать для имитации человеческих жестов. Реннер подумал, что мошкита Джексона определенно свихнется: Джексон был левшой.

Они действительно пошли пешком. Мошкита ошиблась: холодный ветер так и налетал на людей. Светило тусклое солнце: в столь ранний час можно было смотреть прямо на него. Внизу, в двух метрах под пешеходной дорожкой, сновали мини-автомобили. Чужие запахи уже просачивались сквозь фильтры шлемов, а уши гостей начинали привыкать к мерному гулу моторов и чириканью чужаков.

Хотя люди явно выделялись среди разномастных мошкитов, на них не обращали внимания. Вдруг из-за угла вывернула стайка Белых: вот

они-то и остановились, изучая гостей. Белые щебетали мелодичными голосами и с любопытством разглядывали незнакомцев.

Бери было не по себе, он озирался по сторонам и жался к своим спутникам. «А ему не позавидуешь», — подумал Реннер и заметил, что его самого разглядывает вроде бы беременная Белая (по крайней мере, у нее был выпуклый живот). Реннер улыбнулся, присел на корточки и повернулся к чужачке спиной. Его финч'клик что-то пропела на низких нотах: Белая приблизилась к Реннеру, как и остальные Белые. Вскоре дюжина меховых лап начала простукивать его спину вдоль и поперек.

— Ладно, — проговорил Реннер. — Пониже. Да, чесать можно здесь.

Когда Белые ретировались, Реннер поднялся и быстро пошел вперед. Его мошкита рысцой бежала рядом.

— Надеюсь, что не научусь вашей непринужденности, — внезапно произнесла она.

— А почему? — серьезно спросил Реннер.

— Когда вы уйдете, у нас будет другая работа. Нет, тревожиться незачем. Если вы можете довольствоваться военно-космическим флотом, то и мне не слишком трудно порадовать отдающих

приказы.

«Она говорит почти с грустью», — подумал Реннер. Впрочем, наверное, ему показалось. Если у мошкитов и существовала мимика, Реннер не сумел бы ее разгадать.

Музей находился довольно далеко. Прямоугольной формы, как и другие здания, но со стеклянным фасадом.

— У нас много мест, подходящих под ваше понятие «музей», — пояснила мошкита Хорвата, — и тут, и в других городах. Этот ближайший, специализируется на живописи и скульптуре.

Мимо них промчался трехметровый Носильщик, который нес на голове тяжеленный груз. «Не он, а *она*», — мысленно поправил себя Реннер. Налицо были все признаки беременности. Мошкита по-животному бездумно смотрела куда-то вдаль темными кроткими глазами. Она прошла мимо, не останавливаясь.

— А мошкиты не теряют проворства, вынашивая детей, — пробормотал Реннер.

Все финч'клик как по команде повернулись к Реннеру.

— Разумеется, нет. С чего бы? — фыркнула его мошкита.

Салли Фаулер взяла на себя труд объяснить.

Осторожно подбирая выражения, она попробовала описать состояние обычной беременной земной женщины.

— Вот единственная причина, по которой мы пока еще стремимся к обществу, ориентированному на мужчин. И… — Салли продолжала говорить о деторождении, даже когда они очутились перед музеем.

Дверь доходила Реннеру до переносицы. К счастью, потолок в холле был повыше, и Реннер лишь иногда задевал его макушкой. Зато Хорвату пришлось совсем несладко: он согнулся в две погибели.

Освещение в залах оказалось чересчур ярким, а картины висели слишком низко.

Условия осмотра были далеки от идеальных, а кроме того, краски на полотнах совсем поблекли и выцвели. Доктор Хорват и его мошкита принялись живо обсуждать тот факт, что для человеческого глаза голубой плюс желтый равняется зеленому. Выяснилось, что глаз мошкитов был устроен подобно глазу человека или осьминога, по той же схеме: глазное яблоко, приспосабливающийся хрусталик и нервные окончания. Однако рецепторы были другими.

Однако картины все же потрясали. В главном

зале — уже с трехметровыми потолками! — висели большие живописные полотна. Экскурсанты остановились перед изображением уличной сценки. Пестрый садился в машину, беседуя с кишевшими вокруг Коричневыми и Пестрыми. Небо пылало красным. И хотя на лицах нарисованных мошкитов была все та же полуулыбка, картина держала экскурсантов в напряжении. Ренер подошел поближе. Многие в толпе держали приборы, причем в левых руках, некоторые их устройства показались Реннеру сломанными. Да и город был в огне.

— Произведение называется «Вернитесь к вашим задачам». Вы скоро заметите, что тема Безумного Эдди повторяется довольно часто, — прочирикала мошкита Салли и двинулась дальше, прежде чем кто-нибудь успел попросить о более подробных объяснениях.

Соседняя картина изображала квазимошкита, высокого и сухощавого, с маленькой головой и длинными ногами. Он бежал из леса прямо на зрителей, дыхание тянулось за ним белым дымком.

— «Несущий послание», — произнесла мошкита Хорвата.

На следующем полотне художник вновь об-

ратился к групповым сценкам: пара десятков Коричневых и Белых что-то уплетали за обе щеки, сидя вокруг пылающего костра. В темноте желтым светом светились звериные глаза. Весь пейзаж был багровым, а на небе на фоне Угольного Мешка сиял Глаз Мёрчисона.

— Загадочная картина, не так ли? — спросила мошкита Хорвата. — Ее герои общаются без помощи слов. Это может испугать, верно? Кроме того, мы используем другие жесты.

— Полагаю, что картины можно продать, но не слишком дорого, — подал голос Бери. — Они всего лишь любопытны — хотя имеют определенную ценность. Но спрос на них будет невысок. Я как-никак знаю имперский рынок. Они — явно на любителя экзотики. Кто их автор?

— А вот довольно-таки старая картина, — проговорила мошкита, игнорируя Бери. — Ее писали прямо на фасаде здания, и сотрудники музея перенесли сюда кусок стены…

— Но кто же художник? Может, кто-то из Пестрых?

Мошкиты громко расхохотались, а финч'клик Бери произнес:

— Вы никогда не увидите произведения искусства, созданного Белыми. Общение — наша

специальность, а искусство — и есть общение.

— Значит, Белым нечего сказать?

— Конечно. У них есть Посредники, говорящие за них. Мы переводим, мы общаемся. Многие из картин — наглядные тому доказательства.

Вейсс шел последним и молчал. Реннер понизил голос и спросил:

— Ну как?

Вейсс поскреб подбородок.

— Сэр, я не посещал музеи со школы… но неужели у них нет приличных картин?

В зале обнаружилось лишь два портрета Пестрых — и оба были поясные. У нарисованных мошкитов были спокойные лица, но скрюченные руки выглядели неестественно и жутко. Художник уделил большое внимание освещению, которое придавало полотну зловещий настрой. Реннер решил, что мошкиты и олицетворяют зло.

— Нет! — возразила его мошкита. — Здесь изображен мошкит, отвечающий за конструирование зонда Безумного Эдди. А рядом с ним — создатель универсального языка, жил очень давно.

— Он еще в ходу?

— В модифицированном виде. Наши специалисты иногда к нему прибегают. Ведь и у вас

тоже так бывает, да? Например, Синклер, Поттер и Бери используют… как же вы это называете… кажется, профессиональный жаргон. А мы придаем значение и невербальным сигналам, которые весьма различны.

Добравшись до зала скульптур, Реннер обратился к Вейссу.

— Вы правы. В Империи есть картины настоящих гениев, а здесь — нет. И я не увидел ни одного пейзажа *без* мошкитов. Почти нет портретов, а эти два чересчур тенденциозны… как и остальные полотна. — Он помолчал и спросил у своей мошкиты: — Как вы считаете? Конечно, картины написаны до того, как ваша цивилизация изобрела камеру. Однако не отражают реальность, хотя от искусства этого и не требуется. Зато они могут напугать.

— Реннер, вы знаете, каких трудов требует живопись?

— Никогда не пробовал. Но могу вообразить.

— Тогда представьте трудности художника, если ему нечего сказать.

— А как насчет темы «горы прекрасны»? — спросил Вейсс.

Мошкита Реннера пожала плечами.

Статуи оказались получше картин. Различия

в восприятии цвета и странное освещение в зале тут не сказывались. И это были не просто скульптурные портреты, а целые композиции. К примеру, цепочка мраморных мошкитов уменьшающихся размеров: Носильщик, трое Белых, девять Коричневых и двадцать семь малышей. Скульптор явно усердно работал над своим произведением. Бери равнодушно потрогал мраморного мошкита и пробормотал:

— Думаю, мне придется долго объяснять смысл каменной махины, прежде чем я смогу ее продать. Или хотя бы подарить.

— Несомненно, — кивнул мошкит Бери. — Данная композиция олицетворяет религию прошлых веков. Отделившаяся душа родителя превращается в ребенка, снова обзаводится детьми — и так далее… до бесконечности.

Другая скульптура, из красного песчаника, озадачила экскурсантов. Они смотрели на группу одинаковых мошкитов, каждый из которых мог похвастаться множеством пальцев на слишком хрупкой левой руке. Может, скульптор изваял Докторов? Тем не менее их убивала нить зеленого стекла, гулявшая среди них, как коса: похоже, луч лазерного оружия, который держал невидимый враг. Люди засыпали мошкитов вопросами, но

вразумительного ответа не получили.

— Неприятное историческое событие, — проговорил мошкит Бери, и только.

Другая композиция воспроизводила битву нескольких мраморных мошкитов с двумя дюжинами пришельцев из красного песчаника. Красные были зубастыми, когтистыми, тощими и выглядели угрожающе. Центральное место в свалке занимала какая-то машина.

— А вот и наш шедевр, — произнесла мошкита Реннера. — По традиции Посредник — наш сородич — может официально потребовать у любого Создателя-конструктора любой нужный ему вид транспорта. Давным-давно, пользуясь своим правом, Посредник приказала построить машину времени. Могу показать вам и саму машину, если вы захотите, однако в таком случае нам придется пересечь материк.

— Работающая машина времени?

— Увы, Джонатон. Ее не доделали. Посредник пыталась что-то предпринять, но потерпела полное фиаско.

— Ну-у-у… — разочарованно протянул Уитбрид.

— Ее даже не опробовали, — продолжала мошкита. — В базовой теории, вероятно, имелись

изъяны.

Машина смахивала на миниатюрный циклотрон с кабиной… И она выглядела убедительно, подобно генератору поля Лэнгстона.

— Значит, вы можете в любое время официально затребовать любое транспортное средство? — уточнил Реннер у мошкиты.

— Именно! Мы — коммуникаторы, но главная наша задача — предотвращение стычек. Салли познакомила нас с вашими, если можно так выразиться, расовыми проблемами. Она рассказала нам и об оружии, и о рефлексе капитуляции. Мы — Посредники, и потому нам знакомы такие понятия. И мы умеем объяснить одному существу точку зрения другого. Некоммуникабельность порой способна расколоть общество — обычно так бывает перед войной, когда статистические случайности заставляют вас поверить в совпадение. Если каждый из нас может заказать для себя любое транспортное средство — или даже обычное средство связи, — вероятность войн снижается.

Люди насторожились.

— Ладно, — проворчал Реннер. — А вы можете потребовать для себя «Макартур»?

— По закону и традиции — да. На практике мы

не настолько глупы.

— А твари, сражающиеся с мошкитами…

— Легендарные Демоны, — объяснил мошкит Бери. — Защищают структуру реальности.

Реннер вспомнил старинные испанские полотна времен «черной смерти» — когда Европа умирала от чумы. На тех картинах живых мужчин и женщин атаковали мертвецы, восставшие из могил. Реннер опять взглянул на скульптурную композицию и поежился: костлявые монстры внушали ужас: их злоба была почти осязаема.

— А зачем понадобилась машина времени?

— Посредник почувствовал, что некое историческое событие — следствие недостатка общения. И решил все исправить. — Мошкита Реннера сделала неопределенный жест руками: дескать, хватит задавать глупые вопросы, но потом продолжила объяснение: — Безумный Эдди… и Зонд Безумного Эдди. Да, сам Зонд тоже был чем-то подобным. Но он требовал гораздо меньше затрат. Наблюдатель неба — Метеоролог — обнаружил другую жизнь на планете, вращающейся вокруг ближайшей звезды. Безумный Эдди сразу захотел связаться с пришельцами. Он собрал огромный капитал и промышленную мощь. Работа закипела. Зонд сконструировали, а затем усилили

солнечным парусом и батареей лазерных пушек для…

— Звучит знакомо.

— Да. Зонд Безумного Эдди запустили к Новой Каледонии, но позже и с другим экипажем. Мы полагали, что вы явитесь туда, откуда он был запущен.

— И мы явились. К несчастью, экипаж погиб, но Зонд к нам долетел. Только почему вы по-прежнему называете его Зондом Безумного Эдди? Впрочем, пустяки, — добавил Реннер.

Его мошкита хихикнула.

Перед музеем их ожидали два лимузина, к которым вела узкая только что сделанная лестница. Мини-автомобили ловко объезжали препятствие, не сбавляя скорости.

Стейли спустился со ступенек.

— Мистер Реннер! Смотрите!

Реннер взглянул. Одна из машинок затормозила рядом с соседним зданием: бордюра по краям дороги здесь не было. Коричневый шофер и его белоснежный пассажир вылезли из салона. Белый быстро свернул за угол. Коричневый потянул за какие-то, на первый взгляд незаметные, рычаги и дернул их на себя. Машинка сложилась, как гармошка: теперь она стала совсем крошечной,

где-то около полутора метров в ширину.

Сам же Коричневый побежал вслед за Белым.

— Они складные! — воскликнул Стейли.

— Конечно, — произнесла мошкита Реннера. — Представьте себе, как это у вас говорят… уличные пробки! Но — по машинам!

Когда они расселись, Реннер сказал:

— Я бы не поехал в том гробике даже за все деньги мистера Бери.

— Но они совершенно безопасны, — заявила его мошкита. — Я имею в виду не *машины,* а наших *шоферов.* Коричневые постоянно возятся со своими авто, поэтому поломок быть не должно.

Лимузины тронулись. Едва они отъехали, появились Коричневые и принялись демонтировать лестницу.

Городская сетка была строгой и геометрической. Хорват посмотрел на прямоугольные кварталы и понял: город мошкитов четко спланирован, а не «вырос» хаотично, как в иных местах на Земле. Кто-то приказал возвести все эти здания.

«А остальные города чужаков похожи на этот? Наверняка, — решил он. — Но не по сути, а в мелочах… вроде освещения улиц». Кое-где источниками света были широкие люминесцентные

полосы, прикрепленные к фасадам зданий, а иногда — плавающие в воздухе пузыри, которые ветер почему-то не уносил прочь. Еще где-то вдоль улиц тянулись флуоресцентные трубы, а где-то не было вообще ничего, но переулки все равно оказывались освещены.

А мини-машинки мошкитов… возможно, мошкиты сконструировали различные модели автомобилей, но каждая из них легко складывается в гармошку.

Лимузины остановились.

— Приехали! — объявила мошкита Хорвата. — Это зоопарк. Точнее, Заповедник Разнообразных Форм Жизни. Его обитатели живут в комфорте, а посетителям придется преодолевать препятствия.

Хорват и его спутники удивленно оглядывались по сторонам. Повсюду в небо вздымались небоскребы. Нигде не было ни намека на открытое пространство.

— Он — слева от вас. А вот и само здание, леди и джентльмены! Ведь никто не запрещает разместить зоопарк в здании, не так ли?

В доме-зоопарке, как выяснилось, было всего лишь шесть этажей — с потолками, несомненно, чересчур высокими для мошкитов. Вообще-то,

потолки напоминали небо. На первом этаже оно было ясное, голубое, с плывущими облаками и солнцем, перевалившим за полдень.

Сначала экскурсанты брели через дождевые леса, но вскоре ландшафт изменился. К счастью, животные не могли добраться до них (надо сказать, что обитатели зоопарка действительно не понимали, что находятся в огромном загоне).

Уитбрид обнаружил дерево, смахивающее на огромный хлыст, ручка которого глубоко ушла в землю, а собственно плеть выпустила пучки круглых листьев, обвивавшихся вокруг ствола. Под ним, таращась на Уитбрида, стоял гигантский мошкит. У него были длинные когти на двух правых руках и острые клыки.

— Неудачный вариант Носильщика, — объяснила мошкита Хорвата. — Его не удавалось приручить. Сами видите почему.

— Искусственный ландшафт великолепен! — воскликнул Хорват. — Потрясающе! Но почему бы не сделать зоопарк снаружи? Зачем создавать среду обитания, если уже существует естественная?

— Я не знаю, почему так сделали. Но все тщательно продумано.

На втором этаже раскинулась песчаная пусты-

ня. Воздух был сух и ароматен, небо — голубое, а на горизонте — тускло-коричневое. Здесь росли кустарники с редкими мясистыми листьями и без колючек. Некоторые походили на лилии. На многих виднелись следы зубов. Затем экскурсанты заметили и тех, кто оставил следы, — звери напоминали белых бобров (правда, без меха), а из их ртов торчали прямоугольные зубы. Животные скучающе глазели на людей, когда те проходили мимо.

На третьем этаже лил дождь и сверкали молнии. Экскурсанты жались у входа, поскольку даже не могли защититься от ненастья. Мошкиты сердились, но проявили снисходительность. Им не пришло в голову, что вода может беспокоить людей: сами они любили стихию.

— Мы изучили вас, — сказала мошкита Уитбрида, — но мы вас не знаем. Пожалуй, отложим посещение на другой раз, когда дождь кончится…

На четвертом этаже вообще не было «дикой природы»: на далеких иллюзорных холмах красовались круглые домики. На маленьких, выглядящих как зонтики деревьях с плоскими листьями покачивались красные и синевато-сиреневые плоды. Под одним деревом стояла пара

протомошкитов, оба низенькие и толстые. Их правые руки были заведены за спины. Печально посмотрев на людей, один из протомошкитов потянулся за сине-сиреневым фруктом. Его левая рука была как раз нужной длины.

— Очередной непригодный для работы представитель нашего вида, — пояснила мошкита Хорвата. — Ныне они остались только в Заповеднике.

И мошкита увлекла экскурсантов за собой.

Другую пару они обнаружили на клочке земли, где росли дыни — те самые дыни, что люди ели на обед.

На лужайке безмятежно паслось семейство каких-то копытных с косматыми гривами. Вожак, стоящий на страже, тотчас развернулся к посетителям.

Мошкита за спиной Уитбрида произнесла:

— Вы разочарованы. Почему?

Уитбрид оглянулся.

— Разочарован? Нет! Это… весьма увлекательно.

— Извините, — вымолвила мошкита Уитбрида. — Я думала, что говорю с мистером Реннером.

Данная часть Заповедника оказалась довольно протяженной. Но тут нельзя было заблудиться,

и люди наслаждались прогулкой. Под их ногами шелестела трава: свернутые кольцом зеленые стебли, более упругие, чем обычный газон, напоминали живые ковры в домах аристократии и богатейших торговцев.

Реннер обернулся, ощутив на себе чей-то взгляд.

— Да?

— Мистер Реннер, мне вдруг взбрело в голову, что наш зоопарк вас слегка разочаровал.

Уитбрид вздрогнул, а Реннер нахмурился.

— Да? Я пытаюсь разобраться в своих ощущениях. Вообще-то я не чувствую разочарования. Я попал в чужой мир и стараюсь хотя бы что-то понять. Уитбрид, вы тоже?..

Гардемарин неохотно кивнул.

— Верно. Вы наши гости, а это — наш мир. Такова наша цивилизация. Кстати, много ли зоопарков вы посетили прежде — и на скольких мирах?

Уитбрид мысленно сосчитал.

— Шесть, включая Землю.

— И они лишь немного похожи на ваш. И вашим обитателям живется вольготно. Мы ожидали увидеть зверей на открытом воздухе… в просторных вольерах… Но ведь мы оказались на другой

планете, нам надо быть готовыми ко всему.

— Резонно, — согласилась мошкита Уитбрида. В ее голосе прозвучала грусть, и Уитбрид вспомнил, что мошкиты никогда не видели чужих планет.

Следующий этаж поразил их.

Доктор Хорват вышел из лифта первым и застыл как вкопанный: он очутился на городской улице.

— Мы выбрали не ту дверь… — он попятился. На мгновение ему показалось, что рассудок покидает его.

Город был пустынным. На улицах стояло несколько машин, но они были разбиты, а некоторые обгорели. Часть зданий обрушилась, засыпав тротуар грудами обломков. Странная черная туша пошевелилась, потянулась к доктору щупальцами и тут же метнулась в дыру, расшвыряв по пути груду битого кирпича. У Хорвата по спине побежали мурашки. Когда мошкита коснулась его локтя, он дернулся, хватая ртом воздух.

— Что случилось, доктор? У вас ведь есть животные, обитающие в городской среде?

— Нет, — пролепетал Хорват.

— Крысы, — подсказала Салли Фаулер. — И еще вши… но они предпочитают людей.

— У нас их гораздо больше, — заметила мош-

кита Хорвата. — И мы покажем вам пару особей, хотя они очень робкие.

Неподалеку маячили мелкие зверьки, неотличимые от крыс. Харди сфотографировал стаю, которая дралась за укрытие. Позднее он надеялся увеличить снимок. Через минуту обнаружились и местные невидимки — почти совсем плоские и принимающие тот же цвет, что и среда, в которой они старались прижиться. Сейчас они были окрашены в темно-красный цвет кирпичной стены.

— Настоящие хамелеоны! — выпалила Салли и рассказала про них мошкитам.

— Здесь все иначе, — произнесла мошкита Салли и указала на зверька, принявшего серый оттенок. — Не надо его беспокоить. У него острые зубы.

— А где они находят пищу?

— В садах на крышах. Впрочем, они не брезгуют и мясом. А вот и насекомоядные…

Мошкита подвела их к площадке, поднятой на два метра над улицей. Там в полном беспорядке росли злаки и деревья, а мелкие безрукие, но двуногие животные стремительно выбрасывали из своих пастей длиннющие языки. Рты они вроде бы набивали орехами.

На шестом этаже людей встретил лютый холод.

Небо было свинцово-серым, над бесконечной тундрой ветер гнал темные тучи. Харди захотел остаться здесь, изучить жизнь этого ледяного ада: кусты и крошечные деревца, пробивавшиеся сквозь снег, крупных спокойных зверюг, которые не замечали пришедших, пушистых кроликов с тарелкообразными ушами и без передних лап. Пришлось уводить его чуть ли не силой, иначе он бы просто замерз до смерти.

В Замке их ждал обед: корабельные припасы и тонкие ломти плоского зеленого кактуса длиной семьдесят пять сантиметров и три — шириной. Красное желе внутри полосок имело мясной вкус. Реннеру понравился деликатес — в отличие от остальных. Правда, прочие блюда люди съели, оживленно переговариваясь между собой.

— Мы понимаем, что хотят посмотреть в незнакомом городе туристы, — вещала мошкита Реннера. — По крайней мере, мы видели ваши фильмы о путешествиях. Музеи. Правительственные здания. Памятники. Уникальные шедевры архитектуры. Магазины и ночные клубы. Кроме того, их интересует сам образ жизни местных жителей, — мошкита взволнованно жестикулировала. — Мы вынуждены пропустить кое-что из этого. У нас нет ночных клубов. Вы получите

возможность услышать нашу музыку, но, если честно, она вызовет у вас отторжение.

Правительство — это Посредники, собирающиеся для беседы. Такой диалог может происходить где угодно. Принимающие Решения живут там, где им нравится, и обычно считают, что связаны соглашениями со своими Посредниками. Вы увидите и наши памятники. Что же касается образа жизни, то через некоторое время вы сможете изучить и его.

— А как насчет образа жизни Белых? — спросил Харди и зевнул так, что у него захрустели челюсти.

— Он прав, — вмешалась мошкита Харди. — Мы сможем показать вам семейные резиденции отдающих приказы. Если мы получим разрешение… — она сбилась на невнятное бормотание.

Они посовещались, и мошкита Салли произнесла:

— Вы увидите их.

Изменение продолжительности дня сильно сказывалось на людях. Доктора Харди и Хорват извинились перед всеми и ушли. Однако Бери был еще вполне бодр.

«А сколько часов длятся сутки на моей планете?» — подумал Реннер. Самого Реннера космиче-

ские путешествия научили приспосабливаться к любым распорядкам дня.

Обед закончился. Салли пожелала всем доброй ночи и поднялась наверх по ступеням, заметно покачиваясь. Реннер предложил оставшимся спеть хором какие-нибудь народные песни, но не получил поддержки и тоже убрался восвояси.

Винтовая лестница вела в башенку. Реннер выбрался в коридор и, ведомый любопытством, зашагал по нему. Достигнув воздушного шлюза, он понял, что тот должен выходить на опоясывающий башню балкон. Реннер не стал выходить наружу. Вероятно, балкон даже не предназначен для того, чтобы глотнуть воздуха Мошки-1. Потом Реннер представил себе балконное кольцо вокруг башни и подумал, не играют ли мошкиты во фрейдистский символизм.

Пожалуй, так и есть. Реннер развернулся и направился в свои апартаменты.

Сперва он решил, что вошел не туда. Цветовая гамма ошеломляла: черная с оранжевым, она резко отличалась от утренней скромной бледно-коричневой. Однако вакуумный скафандр на стене принадлежал ему — на груди виднелись особые метки. Реннер осмотрелся, пытаясь решить, нравится ли ему эта перемена.

Кроме того, в апартаментах стало гораздо теплее. Прошлой ночью он жутко замерз. Подталкиваемый интуицией, он пересек комнату и заглянул в спальную нишу мошкиты. Там царила прохлада.

Мошкита Реннера выглянула из-за двери ванной комнаты, наблюдая за человеком с обычной полуулыбкой. Реннер сконфуженно усмехнулся и продолжил осмотр.

Ванная… унитаз… Он изменился — согласно описанию Реннера. Впрочем, в худшую сторону: воды в нем не было. Слив тоже отсутствовал.

Но есть только один способ проверить туалет!

Реннер заглянул в слив — унитаз сверкал чистотой. Реннер вылил туда стакан воды: она тут же скатилась вниз, не оставив в сливе ни единой капли. Значит, сама поверхность не создавала никакого трения.

«Надо будет рассказать Бери», — подумал Реннер. Существовали базы на лишенных атмосферы лунах — и миры, где воды и энергии для ее регенерации было впритык. Но он поговорит с магнатом завтра. Сейчас он слишком хочет спать.

Период обращения Леванта составлял двадцать восемь часов и сорок целых две десятых минуты. Бери привык к стандартным суткам «Макартура»,

но всегда легче приспособиться к более длинному дню, чем к более короткому.

Бери дождался, пока его финч'клик послал Коричневого за кофе. Набиля, который варил своему хозяину кофе, на Мошке не было… впрочем, возможно, мошкит проявит чудеса и даже превзойдет умения Набиля. Однажды Бери уже недооценил способности Пестрых. Вероятно, у мошкита Бери были кое-какие полномочия: может, он заранее сообщил кому-нибудь из своих подчиненных вкусовые пристрастия Бери… При этом он являлся агентом… кого-то, кого Бери никогда не видел. Сложная ситуация!

Коричневый вернулся с подносом, на котором стоял кофейник — стеклянный сосуд с бурой жидкостью.

— Ядовито? Возможно, — сказал финч'клик Бери. — Вещество имеет цвет, и там есть бактерии. Потенциально они могут вам повредить. Однако это всего лишь наша вода.

Бери любил действовать не спеша, безо всякой суматохи. Торопливого дельца легко одурачить. Но Бери не думал о тысячелетних традициях своего народа, он жил настоящим. Хорошо бы разговорить его мошкита… О чем же побеседовать с чужаком?

— «О башмаках и сургуче, капусте, королях…» — процитировал Бери старого автора и, заметив любопытство мошкита, описал ему все упомянутое.

Мошкита заинтриговали различные формы управления у людей.

— Я не думаю, что смогу читать Льюиса Кэрролла, — сказал он, — пока не узнаю человеческую культуру значительно лучше.

А потом Бери снова вернулся к вопросу о предметах роскоши.

— В принципе я с вами согласен, — прочирикал мошкит. — Если они успешно переносят транспортировку, это может окупиться с лихвой. Мы сможем сэкономить на топливе, упаковав максимальное количество груза. И ваш двигатель Безумного Эдди тоже пригодится. Но на практике есть ограничения.

Бери задумался.

— А нельзя ли поподробнее?

— Есть определенные категории товаров, которые нам надо будет тщательнее изучить. Кофе. Чай. Вина. Полагаю, вы торгуете винами?

— Моя религия запрещает алкоголь, — Бери опосредованно участвовал в перевозке вин с одной планеты на другую и решил, что мошкиты

не захотят покупать спиртное.

Ответ мошкита не вызвал у Бери удивления.

— Мы не переносим алкоголь и нам не нравится вкус кофе, — произнес мошкит. — Но то же самое может быть связано и с другими вашими деликатесами, хотя среди нас найдутся те, кто рискнет их попробовать.

— А пока вы сами еще не продаете предметы роскоши?

— Нет. Власть над другими, безопасность и долговечность обычаев и династий… как водится, я говорю от имени отдающих приказы. Мы торгуем только ради их выгоды, но мы торгуем и дипломатией. Мы заинтересованы в товарах длительного хранения и предметах первой необходимости… Кстати, что вы думаете о наших произведениях искусства?

— Их можно сбагрить за хорошую цену, пока они не примелькаются. Но мне кажется, что торговать мы будем в основном техническими идеями.

— Да?..

— Возьмите хотя бы унитаз без трения и принципы его устройства. Различные сверхпроводники, которые вы успешно производите. На одном астероиде мы уже обнаружили такой образец.

Можете снять с него копию?

— Коричневые справятся, — мошкит вяло махнул рукой. — Сложностей не будет. Вы, конечно, многое можете нам предложить. Например, участки земли. На других планетах нам понадобится своя личная собственность — для наших посольств.

«Но ее-то можно выпросить бесплатно», — подумал Бери. Однако для мошкитов земля, должно быть, без преувеличения бесценна: без людей ее у них никогда не будет больше, чем сейчас. Еще им понадобятся обширные территории для поселений. Планета мошкитов перенаселена. Бери видел с орбиты огни городов — гигантские поля света, окруженные океанами темноты.

— Земля, — кивнул он, — и зерно. У нас есть злаки, которые напоминают ваши сельскохозяйственные культуры. Вот и хорошо. Вероятно, здесь они будут расти даже лучше, чем ваши собственные посевы! Транспортировка громоздких или же, наоборот, чересчур хрупких предметов никогда не принесет прибыли, но с семенами можно попробовать.

— У вас тоже есть идеи, которые могут принести нам пользу.

— Сомневаюсь. Ваша изобретательность пора-

зительна и безгранична.

Мошкит опять махнул рукой.

— Спасибо. Кое-чего у нас нет. У нас есть собственный двигатель Безумного Эдди, но генератор силового поля, которое защищает…

— Если меня расстреляют, вы лишитесь единственного торговца в этой системе!

— Аллах, неужели ваши власти и впрямь так оберегают свои секреты?

— Они изменят мнение, когда узнают вас получше. Кроме того, я не физик, — усмехнулся Бери.

— Но мы еще не закрыли вопрос с искусством. Наши авторы талантливы, у них есть постоянный доступ к любым материалам и небольшой надзор. В принципе обмен произведениями искусства между Мошкой и Империей может облегчить процесс коммуникации. Правда, раньше мы никогда не пытались адресовать свое искусство пришельцам.

— Книги и фильмы доктора Харди вам помогут.

— Нужно изучить их, — мошкит Бери отхлебнул грязной воды. — Мы говорили о кофе и крепких напитках. Мои товарищи заметили, что ваши ученые и офицеры флота любят вино.

— Да. Место производства, даты, ярлыки, воз-

можность перевозки в невесомости, какие марки с какими продуктами можно перевозить… — Бери скорчил гримасу. — Я в курсе и нахожу весьма досадным — и затратным, — что часть моих кораблей вынуждена двигаться с постоянным ускорением, дабы защитить бутылки от выпадения осадка. Почему бы их просто не пропустить через центрифугу после прибытия в пункт назначения?

— А кофе? Они пьют его литрами. Сорта кофе меняются в зависимости от генетики, почвы, климата, способа обжарки. Я уже знаю это. И видел ваши запасы.

— На борту «Макартура» у меня целая коллекция. К тому же имеются различия и между ценителями кофе. Культурные различия. На планетах, заселенных выходцами из Америки — вроде Столешницы, — местные могут даже не пригубить тот самый маслянистый напиток, которому отдают предпочтение в Новом Париже, а там считают кофе Леванта слишком крепким и сладким.

— Неужели?

— Вы слышали про «Джамайка Блю Маунтин»? Данный сорт произрастает на Земле, на одном острове, который никогда не бомбили, поэтому

после развала СоВладения он остался таким же чистым, как и прежде. Его невозможно купить. Военные корабли возят его в Имперский дворец на Спарте.

— И каков он на вкус?

— Его берегут для императора… — Бери замялся. — Ладно, вы меня и так раскусили. Я не готов платить столь баснословную цену еще раз, но не жалею о покупке.

— Пожалуй, флот недооценивает вас исключительно потому, что вам не хватает знаний сомелье, — пошутил мошкит Бери вполне почеловечески. Однако лицо чужака оставалось бесстрастным — это он перенял у Бери. — Как глупо с их стороны! Уделите внимание именно кофе, Бери.

— Что вы предлагаете?

— У вас на борту есть запасы. Научите всех пить кофе. Используйте собственные ресурсы.

— Офицерам линейного крейсера их на неделю не хватит!

— Вы должны показать им сходство между вашей и их культурами. Или вам пришлось не по душе мое предложение? Не бойтесь, Бери, я не давлю на вас и не читаю ваши мысли. Вам не нравится военно-космический флот, и вы склон-

ны преувеличивать различия между вами и ими. Может, вы подумаете и решитесь?

«...не читаю ваши мысли». Бери сдерживал растущую ярость — и вдруг его осенило. Теперь он знал, почему чужак порой повторял эту фразу. Она приводила Бери в состояние боевой готовности — неплохой торговый подход.

Бери широко улыбнулся.

— Неделя доброй воли. Итак, я воспользуюсь вашей идеей, когда вернусь на орбиту и буду обедать на борту «Макартура». О Аллах, сколько же они смогут узнать о кофе! Думаю, я даже сумею научить их правильно пользоваться кофеваркой!

28
Kaffee Klatsch[1]

Род и Салли сидели вдвоем в капитанской наблюдательной кабине. Экраны общей трансляции были выключены, а монитор над столом Рода, показывающий местоположение корабля, демонстрировал лаконичный рисунок из зеленых огоньков. Род, вытянув длинные ноги, что-то отхлебывал из стакана.

— С тех пор как мы покинули Новую Каледонию, мы в первый раз остались вдвоем… Разве не прекрасно?..

Салли неуверенно улыбнулась.

— Но это ненадолго. Мошкиты ждут нашего возвращения, и мне предписано… — девушка замялась. — Род, сколько времени мы еще проведем в системе Мошки?

— Спросите у адмирала. Вице-король Меррилл горит желением нас увидеть, но доктор Хорват хочет изучить мошкитов. Что я и обеспечиваю. И, Салли, у нас пока нет никаких важных данных для полноценного отчета! Мы до сих пор не

---

[1] notes: 1
Сплетни за кофе (*нем.*).

поняли, представляют ли мошкиты угрозу для Империи — или нет.

— Род Блейн, когда вы перестанете вести себя как кадровый офицер флота и станете собой? Нет ни малейших доказательств того, что мошкиты враждебны. Мы не видели ни оружия, ни признаков войн или чего-то подобного…

— Да, — мрачно сказал Род. — И это меня тревожит. Салли, вы когда-нибудь слышали о человеческой цивилизации, у которой не было бы солдат?

— Нет. Но мошкиты — не люди.

— Муравьи — тоже, но солдаты у них есть… Хотя, пожалуй, вы правы и я перенял манеры Кутузова. Он требует более частых докладов. Между прочим, каждый обрывок информации передается прямо на «Ленин» в течение часа! Мы также посылаем туда образцы продукции мошкитов и некоторые из усовершенствований, сделанных Коричневыми…

Салли расхохоталась. Род скривился, но затем присоединился к ней.

— Простите, Род. Вам было очень трудно сказать Царю, что у нас на борту есть «домовые»… но это было так *забавно!*

— Верно. Так или иначе, мы отправляем лю-

бые образцы на «Ленин». Думаете, *я* параноик? Кутузов лично проверяет каждую вещицу, запаковывает экземпляр в контейнер, наполненный цифогеном, и складирует *вне* корабля! Наверное, он боится заражения. — Зажужжал интерком. — Проклятие! — Род повернулся к экрану. — Капитан слушает.

— К вам — священник Харди, капитан, — объявил часовой-космодесантник. — С мистером Реннером и учеными.

Род вздохнул и беспомощно взглянул на Салли.

— Пришлите их сюда вместе с моим стюардом. Думаю, они захотят выпить.

Род не ошибся. Когда все расселись, кабина оказалась переполнена. Род приветствовал членов экспедиции, после чего взял со стола стопку бумаг.

— Первый вопрос: нужны ли вам служащие флота? Похоже, им нечем заняться.

— В общем-то, никакого вреда от них нет, — заявил доктор Хорват, — но и пользы тоже. Их место могли бы занять ученые!

— Ясно, — произнес Род. — Отлично. Оставляю на ваше усмотрение решение вопроса. Подумайте о том, кто из ваших людей заменит флотских, док.

Следующий пункт: нужны ли вам десантники?

— Господи, конечно, нет! — воскликнула Салли. Она покосилась на Хорвата, и тот кивнул. — Капитан, мошкиты далеки от враждебных намерений, они построили для нас Замок. Он просто великолепен! Почему бы вам самому не посмотреть его?

Род невесело улыбнулся.

— Приказ адмирала гласит, что я не могу послать на планету ни одного офицера, который разбирается в принципе работы поля Лэнгстона, — объяснил он. — Мы с адмиралом согласны в одном: если у вас действительно возникнут проблемы, то двое десантников все равно не справятся с чужаками… кроме того, позволить мошкитам выделить финч'клик для пары солдат — вовсе не такая хорошая мысль, как может показаться. Но давайте перейдем к третьему вопросу. Доктор Хорват, мистер Реннер устраивает вас? Если хотите, я попрошу его покинуть кабину, пока вы будете отвечать.

— Ерунда! Мистер Реннер нам помог! Но, капитан, касаются ли ваши ограничения моих людей? Запрещено ли мне брать на Мошку-1 физиков?

— Да.

— А доктор Бакман считает, что должен ехать.

Мошкиты очень долго изучали Глаз Мёрчисона и Угольный Мешок! Сколько, мистер Поттер?

Гардемарин как-то съежился, прежде чем ответить.

— Тысячи лет, сэр, — произнес он наконец. — Только…

— Только что? — спросил Род. Поттер был чересчур застенчив, и с его стеснительностью следовало покончить раз и навсегда. — Отвечайте громко и четко.

— Слушаюсь, сэр. У них есть расхождения в наблюдениях, капитан. Мошкиты никогда об этом не упоминали, но доктор Бакман говорит, что все и так очевидно. Я сказал, что иногда они теряли интерес к астрономии, но доктор Бакман не понял меня…

— И не поймет! — рассмеялся Род. — А насколько важны подобные наблюдения, мистер Поттер?

— Для астрофизиков — весьма важны, капитан. Мошкиты наблюдают за сверхгигантом и Угольным Мешком в течение всей своей истории. Глаз Мёрчисона должен стать сверхновой, а затем превратиться в черную дыру. Мошкиты утверждают, что знают, когда произойдет трансформация.

Гардемарин Уитбрид расхохотался, и присут-

ствующие переключились на него. Уитбрид с трудом взял себя в руки.

— Извините, сэр, но я был там, когда Гэвин говорил с Бакманом! Предположительно, Глаз должен взорваться в 2 774 020 году нашей эры, двадцать седьмого апреля, между четырьмя и четырьмя тридцатью утра! Сначала мне показалось, что доктор Бакман задохнется от возмущения. Затем он решил сделать все расчеты лично, что заняло у него тридцать часов…

Салли усмехнулась.

— Он чуть не доконал свою финч'клик, — добавила она. — Ну а мошкита доктора Хорвата объясняла ему, когда распадется их солнце.

— В итоге он обнаружил, что они правы, — резюмировал Уитбрид. Гардемарин откашлялся и воспроизвел суховатый голос Бакмана: — Чертовски скоро, мистер Поттер. Я получил точнейшие математические данные.

— Ваш актерский талант бесподобен, мистер Уитбрид, — произнес первый лейтенант Каргилл. — К сожалению, в астронавигации вы не демонстрируете подобных успехов. Капитан, по-моему, доктор Бакман может получить все необходимое на борту «Макартура». Поэтому нет причин отправлять его на планету.

— Согласен. Доктор Хорват, ответ отрицательный. А вы и впрямь хотите провести неделю в обществе Бакмана? Можете не отвечать, — быстро добавил он. — Так кого же вы возьмете?

Хорват погрузился в раздумья.

— Де Ванд…

— Вот и прекрасно! — оживилась Салли. — Геолог нам понадобится. Я пыталась делать раскопки, чтобы получить образцы горных пород, но потом запуталась… У них нет ничего, кроме руин, состоящих из еще более древних руин.

— Значит, на планете нет коренных пород? — удивился Каргилл.

— У них есть коренные породы, командор, — ответила Салли. — Граниты и базальты. Но нет участков, где породы выходят наружу. Я натыкалась лишь на обломки черепиц, кирпичи и даже куски бетона. Я видела в музее камни, но не смогла получить от мошкитов никакого комментария.

— Подождите минуточку, — произнес Род. — То есть вы начинали копать наугад, но находили лишь останки города? Даже где-нибудь на открытой местности, к примеру в полях?..

— Да, капитан, и хотя у меня было мало времени, но под землей я всегда обнаруживала только

руины — и больше ничего! И вот что меня озадачило, капитан: один раз я наткнулась на часть странной архитектурной конструкции, которая явно не могла принадлежать к этому времени. Я уверена, что если провести раскопки, можно увидеть древний город, похожий на Нью-Йорк начала третьего тысячелетия. Думаю, у мошкитов была цивилизация, погибшая примерно две тысячи лет назад.

— И это может объяснить пропуски в астрономических наблюдениях, — пробормотал Род. — Но они же слишком сообразительные, чтобы так опростоволоситься. Как они допустили падение цивилизации?

— У меня есть кое-какие соображения, — заявила Салли. — На планете могла разразиться эпидемия или произойти экологическая катастрофа. Может, у них были двигатели внутреннего сгорания времен СоВладения, которые загрязнили атмосферу и сделали ее непригодной? Или их цивилизация развивалась с помощью полезных ископаемых, а потом вдруг топливо резко закончилось? Разве они не должны были вернуться в железный век, прежде чем сумели открыть ядерный синтез и физику плазмы? И у них почти нет радиоактивных руд.

Род пожал плечами.

— Значит, вам действительно пригодится именно геолог, а не доктор Бакман. Полагаю, вопрос решен, доктор Хорват?

Министр науки кивнул.

— Но все равно мне не по душе вмешательство военно-космического флота в нашу работу. Скажите ему, доктор Харди. Это необходимо прекратить.

Священник-лингвист встрепенулся. Он сидел в самой глубине комнаты и молчал, внимательно слушая.

— Энтони, для полевых исследований, конечно, понадобится помощь геолога, а не астрофизика. И… капитан, я оказался в беспрецедентном положении. Как ученый, я не могу одобрить ограничений, налагаемых на наши контакты с мошкитами. Как представитель Церкви, я стою перед невыполнимой задачей, а как офицер военно-космического флота… пожалуй, я должен согласиться с адмиралом.

Собравшиеся в кабине уставились на Харди.

— Вы видели хотя бы малейшие доказательства военной деятельности на Мошке-1? — спросил Хорват.

Харди стиснул кулаки и медленно проговорил:

— Нет. Но я очень сильно обеспокоен, Энтони. Мошкитам известны войны: класс Посредников был создан — вероятно, сознательно, — чтобы прекратить их. Вряд ли они всегда добиваются успеха. Но тогда почему мошкиты прячут от нас оружие? Напрашивается ответ: по той же причине, что и мы. И задумайтесь: мы не скрываем, что у нас есть оружие, не скрываем даже, какова его природа. Тогда почему они ведут себя подобным образом?

— Может, им стыдно перед нами, — предположила Салли. Посмотрев на Рода, она опустила взгляд. — Я не в буквальном смысле… Но я не сомневаюсь, что на планете была высокоразвитая цивилизация, которая погибла. А сейчас мошкиты — их потомки — могут стыдиться своего бурного прошлого.

— Вы правы, — признал Харди и понюхал рюмку с коньяком. — А может, и нет, Салли. Я подозреваю, мошкиты прячут нечто важное… у нас под носом.

Воцарилась тишина, которую нарушило фырканье Хорвата.

— Но как, доктор Харди? Их управление осуществляется через дипломатов-посредников, которые в свою очередь выполняют волю мошки-

тов, отдающих приказы. Тем не менее их города смахивают на автономии. На Мошке-1 едва ли есть планетарное правительство, а вы думаете, что они способны сговориться против нас? Верится с трудом.

Харди хмыкнул.

— Судя по тому, что мы видели, доктор Хорват, так и есть. Однако я не могу избавиться от ощущения, что они что-то скрывают.

— Они показали нам все, — не сдавался Хорват. — Даже владения отдающих приказы, где обычно не принимают посетителей.

— Салли уже говорила об этом перед вашим приходом, — перебил его Род. — А как живет правящий класс мошкитов? Подобно имперской аристократии?

— Сравнение лучше, чем можно бы подумать, — буркнул Хорват. Две порции мартини заметно опьянили его. — Есть много общего… хотя концепция их роскошного образа жизни совершенно отлична от нашей. Впрочем, есть и кое-что общее… земля… слуги… и тому подобное. — Хорват плеснул себе еще мартини и обхватил бокал ладонями, согревая спиртное.

— Мы побывали в гостях у пары местных богачей. Один живет в небоскребе возле Замка и

контролирует все здание — там, внизу, расположена торговая галерея… А еще на него трудятся сотни Коричневых, Красных, Рабочих и… дюжины неизвестных нам представителей других классов. Второй — кстати, он Фермер — смахивает на сельского барона. Рабочие живут в узких домиках, основную территорию землевладения занимают поля. Само поместье здешнего «барона» — просто огромное.

Род вспомнил родной дом.

— Круцис-Корт тоже окружен деревнями и полями, причем поселения неплохо укреплены после Сепаратистских войн.

— Забавно, — буркнул Хорват. — Там тоже имелся участок, укрепленный по меркам местного «баронства». И атриум в самом центре. Вообще, что касается укреплений, ни в одном жилом небоскребе нет окон на нижних этажах, и везде разбиты садики на крышах. Полное самообеспечение. Любопытно, правда. Мы не сообщили об этом адмиралу: он наверняка обнаружит милитаристские тенденции.

— Вот как? — произнес Каргилл. — Судя по тому, что я слышал, у каждого из отдающих приказы есть своеобразная крепость. Сады на крышах… «Домовые», ремонтирующие технику… Жаль,

мы не приручили нескольких и не сделали их помощниками Синклера. — Каргилл заметил, что капитан мрачно уставился на него, и торопливо добавил: — В любом случае у Фермера должны быть преимущества, если его владения подвергнутся натиску врага, поскольку его особняк похож на укрепленную крепость… Насколько я понял, так выглядят и остальные дома представителей высшего звена…

Доктор Хорват успешно сдерживался, а вот Салли Фаулер не сумела скрыть свое веселье. Наконец она рассмеялась.

— Командор Каргилл, мошкиты уже не одну сотню лет летают в космос и знают о ядерном синтезе! Если их здания до сих пор напоминают крепости, это наверняка старая традиция, не преследующая никакой цели! Вы — военный эксперт, так скажите: каким должен быть дом, чтобы вы могли пережить атомную бомбардировку?

Каргилл промолчал, судя по его виду, Салли его не убедила.

— Значит, мошкиты всегда учитывают потенциальные внешние угрозы? — уточнил Род. — Структура и городских, и сельских зданий отлично продумана. Но тут чего-то не хватает… Мошкитам ведь нужна вода, верно?

— Дождевой вполне достаточно, — заявил Реннер. — На планете бывают жуткие ливни.

Род взглянул на штурмана. Серьезно ли тот говорит?

— А вы знаете, что есть мошкиты-левши? — продолжал Реннер. — У них все наоборот. Две шестипалые левые руки, одна массивная правая и нарост на черепе — тоже справа.

— Мне потребовалось полчаса, чтобы заметить левшу! — воскликнул Уитбрид. — И он ведет себя точно так же, как тот, которого приставили к Джонсону. Думаю, его проинструктировали.

— Левша, — пробормотал Род. — А почему бы и нет? — По крайней мере, они сменили тему.

Стюард принес ланч. Когда они расправились с едой, пришло время возвращаться на Мошку-1.

— Мне надо побеседовать с вами, мистер Реннер, — сказал Род, обратившись к штурману. Он подождал, пока все, кроме Каргилла, уйдут. — Мне нужен свой человек, а вы — единственный старший офицер, на кого не распространяется приказ адмирала. У вас есть только табельное оружие, но дела это не меняет. У меня имеются некоторые опасения, мистер Реннер, так что, если ситуация станет критической и начнется конфликт, командовать придется вам.

— Да, сэр, — отчеканил Реннер, правда, слегка сбитый с толку.

— Если потребуется стрелять в человека или мошкита, сможете?

— Да, сэр.

— Вы ответили слишком быстро, мистер Реннер.

— Я обдумал данный вопрос еще тогда, когда решил поступить на флот. Если бы я решил, что не способен ни в кого выстрелить, я бы выбрал другую стезю.

Блейн кивнул.

— Хорошо. Можете вы определить, что необходимы военные действия, и успеть что-то предпринять? Даже если они могут показаться бессмысленными?

— Да, сэр. Капитан, могу я спросить кое о чем? Я хочу вернуться и…

— Говорите, мистер Реннер.

— Капитан, ваша финч'клик сошла с ума.

— Я в курсе, — холодно ответил капитан Блейн.

— Думаю, что гипотетический финч'клик Царя мог бы свихнуться гораздо быстрее. Позвольте сказать, что вам бы пригодился такой офицер на борту корабля, который бы обладал развитым

аналитическим мышлением, сэр.

— Отправляйтесь, мистер Реннер. И удачи вам.

— Слушаюсь, сэр. — Покидая кабину, Реннер не смог скрыть кривую ухмылку.

— Он все сделает, капитан, — сказал Каргилл.

— Надеюсь, номер первый. Джек, как вы читаете, наша воинственность довела мою мошкиту до безумия?

— Нет, сэр, — уверенно произнес Каргилл.

— Тогда что?

— Не могу вам ответить, кэп. Жукоглазые чудища часто ставят меня в тупик. Зато я не сомневаюсь, что они прекрасно нас изучили.

— Вы делаете успехи, номер первый. Чужаки показали свою планету и проявили удивительное гостеприимство. Однако вас мошкиты всегда пугали. Как по-вашему, почему?

— Даже не представляю, кэп. — Каргилл в упор взглянул на Блейна и подумал, что начальство не собирается обвинять его в трусости. — Мне просто они не нравятся. — Он посмотрел на дисплей своего карманного компьютера. — Мне пора, кэп. Надо помочь мистеру Бери с его кофейным бизнесом.

— Бери… Джек, я хотел бы поговорить с вами о нем. Его мошкит живет на посольском корабле.

Бери отправился на катер. О чем они разговаривают?

— Предположительно о торговле…

— Да, но Бери во многом разбирается. Экономика, промышленность, флот… с кем за пределами Империи мы имеем дело…

Каргилл усмехнулся.

— Он не позволит своей правой руке узнать, сколько пальцев у него на левой, кэп. Кроме того, я кое-что предпринял, чтобы Бери не наделал глупостей.

— Что именно?

— Сказал, что мы напичкали «жучками» каждый дюйм на катере, сэр, — улыбка Каргилла стала шире. — Конечно, он понимает, что мы не можем непрерывно прослушивать каждый из «жучков», но…

Род ответно улыбнулся.

— Надеюсь, сработает. Ладно, а теперь отправляйтесь к нашему кофейному магнату. Вас это действительно не затруднит?

— Кэп, послушайте, если Бери покажет кокам, как варить лучший кофе во время боевых тревог, я, пожалуй, готов изменить свое мнение о нем! Хотя Бери в любом случае остается пленником на корабле.

— Командор Каргилл…

— Кэп, экипаж понимает, что Бери — не простой пассажир. По слухам, он как-то замешан в мятеже на Нью-Чикаго, и вы держите его здесь по приказу Адмиралтейства. Я прав?

— Похоже, кто-то здесь слишком много болтает, Джек. Так или иначе, но я не могу вам ничего сказать.

— Да, сэр. Вы тоже выполняете приказы, кэп. Но вы не пытаетесь ничего отрицать. Что ж, можно понять. Ваш старик богаче Бери… Интересно, как часто флотские продаются? Довольно опасно держать пленником того, кто способен купить целую планету.

И Каргилл отправился на главный камбуз.

Накануне вечером за ужином разговор плавно перешел на кофе, и Бери, отбросив свою обычную скучную расчетливость, заговорил о нем обстоятельно. Он поведал собравшимся историю гибрида «Моха-Ява», еще растущего в местах вроде Макассара, и об удачном сочетании чистой явы с груа, очищенной на Принце Самуэле. Он знал историю «Джамайка Блю Маунтин», но заявил, что не пробовал данный сорт. Когда покончили с десертом, Бери предложил устроить «дегустацию кофе» в духе дегустации вин.

Вот что стало идеальным завершением превосходного ужина! Бери и Набиль двигались, точно фокусники, среди столов с воронками, коническими фильтрами и герметичными банками с этикетками, написанными от руки. Гости были в восторге, и это сделало Бери совершенно другим человеком: прежде с трудом удавалось вообразить, что он может проявить такую баснословную щедрость.

— Но главное — держать посуду идеально чистой, — вещал он. — Горькие масла из вчерашнего кофе при варке накапливаются, особенно в кофейнике.

В конце концов, Бери предложил собравшимся взглянуть на кофемашины «Макартура». Каргилл, считавший этот напиток для экипажа военного крейсера столь же жизненно важным, как и торпеды, сразу согласился. Сейчас он смотрел, как бородатый торговец изучает аппарат и в высшей степени осторожно нацеживает темную жидкость в чашку.

— Машина, безусловно, в хорошем состоянии, — заявил Бери. — Абсолютно чистая, и напиток разогревали не слишком часто. Для стандартного кофе великолепно, командор.

Сбитый с толку Джек Каргилл тоже нацедил

чашку и попробовал.

— Почему он лучше, чем то пойло, которое мы пьем в кают-компании?

Повара переглянулись, что не укрылось от Каргилла. Заметил он и еще кое-что. Каргилл провел пальцем по стенке машины изнутри, а когда вынул, на подушечке темнело коричневое масляное пятно.

Бери повторил жест Каргилла, понюхал свой палец и коснулся его кончиком языка. Каргилл тоже попробовал масло. У него был вкус самого скверного кофе, какой ему приходилось глотать, чтобы не уснуть на дежурстве. Каргилл снова заглянул в нутро машины.

— Опять малыши! — рявкнул Каргилл. — Разберите проклятую штуковину на запчасти!

Так они и поступили, по крайней мере, попытались. Детали, которым полагалось отвинчиваться, оказались намертво приварены друг к другу. Однако секрет чудо-машины, похоже, заключался в избирательной проницаемости металлической оболочки.

— Моя компания с удовольствием купит патент на производство таких машин у военно-космического флота, — произнес Бери.

— Пожалуйста, я не против! Зиффрен, долго вы

пили такой кофе?

Старший кок задумался.

— Может, месяца два, сэр.

— То есть до того, как мы дезинфицировали корабль и уничтожили мелких тварей? — требовательно уточнил Каргилл.

— Э… да, сэр, — промямлил кок.

Каргилл насупился и молча покинул помещение.

29
Часовщики

Каргилл направился прямо к Блейну.

— Мы снова обзавелись «домовыми», кэп. — И он все объяснил капитану.

— Вы говорили с Синклером? — осведомился Род. — Боже мой, номер первый, адмирал вконец спятит! Вы уверены?

— Нет, сэр. Но намерен убедиться. Кэп, мы проверили все углы, когда проводили дезинфекцию «Макартура»! Где они могли спрятаться?

— Над этим вы будете думать, когда убедитесь, что у нас на борту спрятались «домовые»! Возьмите старшего механика и пройдите по кораблю еще раз, Джек. И удостоверьтесь, что их нет, черт побери!

— Слушаюсь, кэп.

Блейн повернулся к мониторам интеркома и ударил по клавише. По экрану побежали данные, собранные о малышах. Их было не слишком много.

Члены экспедиция, приглашенные на Мошку-1, видели в городе мошкитов тысячи малышей.

Мошкита Реннера называла их Часовщиками, и они вроде бы являлись ассистентами Коричневых Инженеров. Мошкиты утверждали, что Часовщики неразумны, но наследуют умение обращаться с приборами и механизмами, как обычные мошкиты наследуют инстинкт подчинения высшим кастам. Их требовалось обучать, но заботу об этом брали на себя взрослые Часовщики. Подобно иным низшим кастам, они считались своеобразным признаком богатства, и способность содержать большое количество Часовщиков, Инженеров и других слуг была единственной мерой значимости Хозяина. Последнее заключение сделал отец Харди, однако оно не получило безоговорочных подтверждений.

Прошел час, прежде чем Каргилл вышел на связь.

— Мы поймали их, кэп, — мрачно сказал старший помощник. — Палуба Б, регенератор воздуха… помните полурасплавленную штуковину, которую ремонтировал Сэнди?

— Да.

— Сэнди говорит, что она, вероятно, не сможет работать, и сейчас копается в ней, но мне и этого достаточно. Мы их застукали.

— Поднимайте космодесант, номер первый. Я

иду на мостик.

— Так точно, сэр. — Каргилл повернулся к агрегату, с которым возился Синклер: он уже снял с него чехол и бормотал что-то себе под нос, изучая обнажившиеся внутренности машины.

А они и впрямь изменились: рама поменяла форму, второй фильтр, поставленный Синклером, исчез, а оставшийся вызывал серьезные опасения.

— Да, — проворчал Синклер. — А вот и второй типичный признак, командор. Винтовые соединения сплавлены в единое целое. Отсутствующие детали и остальное…

— Значит, «домовые».

— Да, — кивнул Синклер. — Мы думали, что выкурили их из «Макартура». Как раз на прошлой неделе я проверил свои записи. Тогда все было нормально.

— Но где они прячутся? — спросил Каргилл. Старший механик молчал. — Что теперь, Сэнди?

Синклер пожал плечами.

— Я бы посоветовал заглянуть на ангарную палубу, сэр. Ее используют не слишком часто.

— Верно, — Каргилл снова включил интерком. — Кэп, мы собираемся проверить ангарную палубу, но, боюсь, вопрос уже ясен. На борту есть

«домовые», кэп.

— Понял, Джек. А я доложу на «Ленин». — Род глубоко вздохнул и так стиснул ручки командирского кресла, словно собирался вступить в бой. — Дайте мне адмирала.

На экране появился Кутузов. Род торопливо доложил.

— Пока еще неизвестно их количество, сэр, — закончил он. — Мои офицеры продолжают поиски.

Кутузов склонил голову. Последовала пауза, во время которой адмирал смотрел в точку над левым плечом Блейна.

— Капитан, вы выполняете мои распоряжения о безопасности связи? — произнес он наконец.

— Да, сэр. Постоянный перехват всех излучений от «Макартура» — и к нему. Все чисто.

— Пока ничего, — уточнил адмирал. — И я полагаю, что мелкие мошкиты связаны с крупными особями. Если так, на борту «Макартура» для них не осталось никаких секретов. Если же нет… Капитан, предписываю вам немедленно вернуть членов экспедиции обратно на «Макартур» и приготовиться идти к Новой Каледонии. Вам ясно?

— Да, сэр, — буркнул Блейн.

— Вы не согласны?

Род сжал губы. Ему не хотелось даже думать о том, какой крик поднимут Хорват и остальные, когда он известит их, но неожиданно для себя он согласился.

— Согласен, сэр. Это действительно выход из положения. Надеюсь, мне можно уничтожить паразитов?

— А вы сумеете с ними справиться, капитан? — фыркнул Кутузов. — От меня советов не ждите. Покинув систему, мы сможем разобрать «Макартур» на кусочки, не боясь, что мошкиты свяжутся со своими… соплеменниками. Но пока мы здесь, они будут представлять собой потенциальную угрозу, а я не хочу рисковать своими людьми, да и вашими — тоже.

— Что мне сказать мошкитам, сэр? — спросил Род.

— Что на борту вашего корабля внезапно вспыхнула эпидемия и вам приказано вернуться в Империю. Объясните, что вы выполняете приказ вашего командира, и у вас нет выбора. Если им понадобится дополнительная информация, Министерство внешних сношений успеет все подготовить. Вы свободны.

— Да, сэр. — Экран погас, и Род повернулся к

вахтенному офицеру: — Мистер Кроуфорд, через несколько часов наш корабль должен отправиться домой. Вызовите по громкой связи командиров подразделений и дайте мне Реннера на Мошке-1.

В комнате запищал сигнал вызова. Кевин Реннер сонно взглянул на стену и увидел на экране интеркома, вделанном в одну из декоративных картин, свою мошкиту.

— Вас вызывает капитан, — прощебетала мошкита.

Реннер взглянул на свой карманный компьютер. На «Макартуре» — почти полдень, а здесь — почти полночь. Но делать нечего, он поднялся и поплелся к экрану. При виде лица Блейна сон как рукой сняло.

— Да, кэп?

— У нас на борту — неприятность, мистер Реннер. Все срочно должны вернуться на «Макартур».

— Доктор Хорват будет сопротивляться, сэр, — ответил Реннер. Его мозг напряженно работал. Наверняка случилось что-то плохое, а с мошкитами надо держать ухо востро: они не дураки и смогут быстро разобраться, что к чему.

— Желания дока не имеют значения, мистер Реннер, — сказал Блейн.

— Да, сэр. А как же наши мошкиты?

— Они могут быть на катере вместе с вами, — заявил Блейн. — Проблема не настолько серьезна. Просто положение ОС.

Потребовалась секунда, чтобы Реннер сообразил: «ОС» — особая срочность. Он сосредоточился. Во всяком случае, он на это надеялся.

— Так точно, капитан.

Реннер пересек комнату и присел на край кровати. Натягивая ботинки, Реннер пытался обдумать происходящее. Разумеется, мошкиты не могли знать кодовых сокращений военно-космического флота, но ОС означало высшую срочность… а Блейн произнес аббревиатуру слишком небрежно.

«Ладно, — подумал Реннер. — Мошкиты поймут, в чем суть. На корабле — критическая ситуация, а я должен действовать быстро. И как мне быть с Хорватом и с остальными?.. Тем не менее пока мошкиты ничего не знают о кризисе, а значит, у меня еще есть немного времени».

— Финч'клик, — напомнила о себе мошкита. — Что случилось?

— Не знаю, — ответил Реннер вполне искренне.

— И не хотите знать, — добавила мошкита. — У

вас неприятности?

— Понятия не имею, — пробурчал Реннер. — Вы слышали, что сказал капитан. Как мне поднимать людей посреди ночи?

— Предоставьте это мне, — отозвалась мошкита.

Обычно на ангарной палубе был вакуум, поскольку из-за огромных дверей утечка кислорода оказывалась неизбежна. Позднее Каргиллу придется заняться вопросом поддержания давления, но сейчас он был занят другими делами: они с Синклером прочесывали каждый дюйм палубы.

Все вроде бы было в порядке.

— А что бы ты сделал на их месте? — спросил Каргилл.

— Закрепил бы шлюпки на корпусе и использовал бы их в качестве укрытия. — Неплохо. Но мошкиты — хитрые твари. Избавиться от них будет очень нелегко.

Каргилл направился к громадной двери, которая занимала стандартное горизонтальное положение. Позднее он не мог объяснить, почему вдруг посмотрел себе под ноги. Потребовалось несколько секунд, чтобы понять — что-то не так.

Щель, которая разделяла две прямоугольные тяжеленные створки…

…исчезла.

Каргилл вытаращил глаза. Двери ангара стали частью корпуса. Шарнирные двигатели, весившие каждый по несколько тонн, тоже пропали.

— Сэнди?

— Да?

— Где двери?

— Почему, стоя на них, ты… Нет, не верю!..

— Они запечатали нас внутри. Зачем? Как? Как им удается работать в вакууме?

Синклер бросился к воздушному шлюзу: он был в порядке.

— Приборы дают зеленый свет, — проговорил Синклер. — Дескать, все в норме. Если «домовые» способны дурачить приборы, они и показания на ангарной палубе могут запросто изменить!

— Попробую-ка я кое-что сделать, — и Каргилл принялся покачиваться на одной из убирающихся заслонок.

— Приборы показывают, что двери открыты. Настежь!

Синклер начал озираться по сторонам. Палуба пуста, пол, испятнанный бежевым, выглядел таким же прочным и надежным, как любая другая часть корпуса.

А затем он услышал брань Каргилла, увидел,

что тот сорвался с убирающейся заслонки и упал на дверь ангара. В следующую секунду Каргилл провалился в пол, словно в воду.

Им пришлось вылавливать Каргилла из поля Лэнгстона. Каргилл по грудь погрузился в бесформенный черный плывун и продолжал тонуть. Ноги его были ледяными, пульс почти не прощупывался. Поле поглощало любое движение.

— Надо было сунуть туда голову, — прошептал он, когда очнулся. — Это же во всех учебниках написано! Надо отключить мозг, прежде чем остановится сердце. Но зубы, господи! Как же они стучали! Разве я мог предположить такое?

— А еще что-нибудь помнишь? — спросил Синклер.

Каргилл открыл рот, закрыл и снова открыл. Потом он ухитрился сесть в постели.

— Словами не опишешь. Какое-то чудо! Как будто гулял-гулял по водам, и вдруг вся моя святость исчезла. Сэнди, это и впрямь было жутко.

— Да выглядело странно.

— Да уж, точно! Мелкие твари переделали «Макартур»! Двери по-прежнему на месте, но корабли могут проходить *сквозь* них. В случае чрезвычайных обстоятельств нам не понадобится эвакуировать ангарную палубу!

— Я доложу капитану, — и Синклер повернулся к интеркому.

— Но где они прячутся? — задумчиво произнес Каргилл. Рядовые, которые вытаскивали его, вытаращили глаза. Синклер тоже. — Где?

Его ноги до сих пор не согрелись, и он принялся массировать икры. На экране появилось суровое лицо Рода Блейна. Каргилл попытался встать, и когда ему наконец удалось подняться, по кораблю прокатился рев сирен.

— ВНИМАНИЕ! УГРОЗА ВТОРЖЕНИЯ. ВСЕМУ ВОЕННОМУ ПЕРСОНАЛУ НАДЕТЬ БОЕВОЕ ОБМУНДИРОВАНИЕ. КОСМОДЕСАНТНИКАМ СОБРАТЬСЯ НА АНГАРНОЙ ПАЛУБЕ С ОРУЖИЕМ И В БОЕВОМ ОБМУНДИРОВАНИИ.

— Орудия! — воскликнул Каргилл.

— Что-что? — переспросил Синклер.

Блейн на экране помрачнел.

— Орудия, кэп! Мы же их не проверили! И почему я, проклятый дурак, про них совсем забыл?

— Действительно, почему? — признес Синклер. — Капитан, будьте добры послать за хорьками.

— Поздно, шеф, — сказал Блейн. — В их клетке дыра.

— Божья кара, — с благоговением пролепетал

Каргилл. — Господь проклял их! — Он посмотрел на вооруженных космодесантников, которые вбегали на ангарную палубу. — Следуйте за мной!

С самого начала он относился к сбежавшим малышам как к домашним животным или паразитам. Теперь они превратились во враждебных нахлебников.

Они направились к ближайшей орудийной башне. Испуганный рядовой кубарем слетел с поста, когда первый лейтенант, старший механик и отделение космодесанта в боевом обмундировании ввалились на его оперативный пост управления.

Каргилл уставился на приборную доску. Все выглядело нормально. На мгновение он замешкался, затем решительно открыл смотровой люк.

Линзы и фокусирующие кольца батареи номер три исчезли. Пространство внутри кишело «домовыми». Каргилл в ужасе отскочил, и тотчас огненная нить лазерной пульсации хлестнула по бронеткани его костюма. Он выругался, выхватил у ближайшего десантника баллон с цифогеном и запихнул в отверстие. Открывать запорный вентиль не пришлось — лазерный луч прошил баллон насквозь. Когда шипение стихло, Каргилла окружал желтый туман.

Третья батарея превратилась в могильник. Внутри валялись скелеты крыс, детали электронных устройств, старые ботинки и… мертвые малыши.

— Они держали здесь стадо крыс! — возмутился Каргилл. — И они размножались с чудовищной скоростью! Наверное, когда они уничтожили живые припасы, то стали каннибалами!..

— А другие батареи? — недоуменно спросил Синклер. — Нам лучше поспешить.

Из коридора донесся пронзительный возглас. Рядовой, которого сняли с поста, рухнул навзничь, на его бедре расплылось красное пятно.

— В вентиляторе! — прохрипел он.

Капрал космодесанта рванул решетку. В ту же секунду бронеткань его обмундирования задымилась, и он отскочил.

— Ущипни меня Господь! — воскликнул капрал, недоверчиво глядя на аккуратное отверстие в своем плече.

Трое десантников принялись стрелять из лазеров по маленькой проворной фигурке. Где-то на корабле завыла сирена.

Каргилл бросился к интеркому.

— Кэп…

— Я в курсе, — сказал Блейн. — Ваши действия

всполошили мелких мошкитов, и здесь тоже началось настоящее побоище!

— Сэр, что нам делать?

— Ведите свою группу ко второй батарее и очистите ее, — приказал Блейн. — И проведите контроль повреждений, — он повернулся к соседнему экрану. — Других инструкций нет, адмирал?

На мостике царила суматоха. Один из вооруженных рулевых встал с кресла и внезапно закрутился волчком.

— Над нами тоже! — в панике завопил он.

— Вы не контролируете свой корабль, — категорично сказал Кутузов.

— Так точно, сэр, — более трудной фразы Блейн никогда еще не произносил.

— ПОТЕРИ В ДВАДЦАТОМ КОРИДОРЕ! — разнеслось по каналам громкой связи.

— Территория ученых, — пробормотал Род. — Отправьте туда свободных десантников, пусть помогут гражданским надеть скафандры. Может, если пустить газ по «Макартуру»…

— Капитан Блейн, наша главная задача — вернуться в Империю с максимумом данных о чужаках.

— Да, сэр…

— Поэтому имейте в виду, что гражданский персонал, находящийся на борту вашего корабля, важнее линейного крейсера. — Кутузов сохранял спокойствие, но плотно сжимал губы. — Кроме того, на «Ленин» пока не переправлены артефакты мошкитов. Короче говоря, капитан, прикажите гражданским покинуть ваш корабль. И пусть шлюпки «Ленина» останутся снаружи вашего защитного поля. Выделите двух надежных офицеров для сопровождения гражданских. Проверьте все артефакты мошкитов, которые, по вашему мнению, стоит погрузить на «Ленин». Вы можете продолжать попытки вновь установить контроль над «Макартуром», но согласуйте ваши действия с моими приказами. И поторопитесь, капитан: при первых признаках реальной опасности, угрожающей «Ленину», я уничтожу «Макартур». Не забудьте, что мошкиты могут перехватить информацию по каналам связи.

Блейн кивнул.

— Слушаюсь, сэр.

— Значит, мы поняли друг друга, — лицо адмирала не изменилось. — Бог в помощь, капитан Блейн!

— А что с моим катером? — вырвалось у Блейна. — Сэр, я должен поговорить с ними…

— Я сообщу экипажу катера об инциденте, капитан. С вашего корабля не должно вестись никаких передач.

— Есть, сэр, — Блейн оглядел мостик.

Члены экипажа с надеждой смотрели на него. Десантники держали наготове оружие, а один из старшин хлопотал над упавшим товарищем.

«Как я могу верить интеркому?» — подумал Род, отдавая трем мечущимся космодесантникам приказ сопровождать людей.

— Вызов от мистера Реннера, сэр! — доложил кто-то Блейну.

— Подтверждения не давать! — рявкнул Род.

— Так точно, сэр. Подтверждения не давать.

И сражение за «Макартур» действительно началось.

30
Кошмар

На борту катера находились дюжина людей и двое Пестрых. Большая часть наземной группы мошкитов отправилась прямо на посольский корабль, но финч'клик Уитбрида и Стейли остались.

— Мы там не нужны, — безапелляционно заявила мошкита Уитбрида.

Возможно, она была права… а может, и нет. Катер оказался переполнен, а ракета с «Макартура» не прибывала.

— Что их задерживает? — пробурчал Реннер. — Лафферти, вызовите «Макартур».

Лафферти, пилот катера, изрядно побездельничал в эти дни. Теперь он, наконец, воспользовался коммуникационным лучом.

— Ответа нет, сэр, — удивленно произнес он.

— Вы уверены, что аппаратура работает?

— Час назад работала, — сказал Лафферти. — Есть сигнал, сэр! С «Ленина».

На экране возникла физиономия капитана Михайлова.

— Пожалуйста, попросите чужаков покинуть корабль, — сказал он.

Мошкитам каким-то образом удалось выразить с помощью жестов изумление, недоверие и легкую обиду одновременно. Уходя, они то и дело оглядывались, задавая немой вопрос. Уитбрид пожал плечами, Стейли не шелохнулся. Когда мошкиты очутились в воздушном шлюзе, Стейли захлопнул за ними дверь.

На экране появился Кутузов.

— Мистер Реннер, отправьте своих людей на «Ленин». Пусть наденут скафандры, одна из моих шлюпок прибудет, чтобы забрать их. Гражданские должны дождаться своей очереди: предупредите их, чтобы они не спорили с пилотом шлюпки. Каждому надлежит иметь с собой кислородный баллон, рассчитанный на пребывание в безвоздушном пространстве в течение часа. Ни в коем случае не пытайтесь связаться с «Макартуром». Вам ясно?

Реннер сглотнул слюну.

— Да, сэр.

— И не впускайте чужаков до отмены моего приказа.

— Но как им объяснить ситуацию, сэр? — спросил Реннер.

— Скажите, что адмирал Кутузов — дурак и параноик, мистер Реннер. А сейчас — за дело.

— Так точно, сэр. — Экран погас. Бледный Реннер прошептал: — Теперь *и он* читает мысли…

— Кевин, что здесь произошло? — всполошилась Салли. — Нас подняли среди ночи, забросили сюда… А теперь Род не отвечает, а адмирал хочет, чтобы мы рисковали своими жизнями и оскорбили мошкитов. — Сейчас Салли заговорила как племянница сенатора Фаулера: имперская дама, которой надоело сотрудничать с военно-космическим флотом.

Доктор Хорват негодовал еще сильнее.

— Я не буду в этом участвовать, мистер Реннер! И я не собираюсь натягивать скафандр!

— «Ленин» идет к «Макартуру», — небрежно произнес Уитбрид, глядя в обзорный иллюминатор. — Адмирал окружил его шлюпками. Похоже, его люди натягивают канаты…

Все повернулись к обзорному иллюминатору. Лафферти сфокусировал приборы и вывел изображение на экран.

Вереница людей в скафандрах гуськом двигалась вдоль канатов к шлюпкам «Ленина».

— Они покидают «Макартур», — констатировал Стейли, и на его угловатом лице появилась

кривая ухмылка. — Шлюпки «Ленина», значит… Понятно. Мадам, времени в обрез.

— Я останусь здесь, — упорствовал доктор Хорват.

Стейли притронулся к пистолету. Атмосфера накалилась до предела.

— Доктор, вы помните приказы вице-короля Меррилла, отданные адмиралу Кутузову? — осведомился Реннер. — Если не ошибаюсь, он должен уничтожить «Макартур», чтобы не позволить мошкитам получить важную информацию. — Голос Реннера звучал почти весело.

Хорват хотел возразить, но слова как будто застряли у него в горле. В итоге Хорват махнул рукой и молча повернулся к встроенному шкафу со скафандрами. Секундой позже Салли последовала его примеру.

После кофейного мастер-класса Гораций Бери отправился в свою каюту. Ему нравилось работать допоздна и дремать после обеда, и хотя в тот момент никакой работы не было, Бери придерживался давней привычки.

Разбудили его корабельные сирены. Кто-то приказывал космодесанту надеть боевое обмундирование. Бери ждал продолжения, но долгое время больше ничего не происходило. А затем

появилось зловоние. Бери едва не задохнулся — он не припоминал ничего подобного. Квинтэссенция машинных и человеческих запахов… причем вонь усиливалась.

А потом опять взвыли сирены.

— ВНИМАНИЕ. ВСЕМ ПРИГОТОВИТЬСЯ И НАДЕТЬ ВАКУУМНЫЕ СКАФАНДРЫ. ВОЕННЫМ — НАДЕТЬ БОЕВОЕ СНАРЯЖЕНИЕ. ПОВТОРЯЮ…

Набиль в панике запричитал.

— Болван! Натягивай скафандр! — крикнул Бери и стал напяливать свой.

Только после того, как Бери глотнул очищенного воздуха, он снова услышал сирены.

Но голоса… они звучали как-то неправильно. Они шли не из интеркома, а из коридора.

— ГРАЖДАНСКИМ ЛИЦАМ ПОКИНУТЬ КОРАБЛЬ. ВСЕМ ГРАЖДАНСКИМ ПРИГОТОВИТЬСЯ ПОКИНУТЬ КОРАБЛЬ.

Надо же. Бери едва сдержал смех. Такое происходило впервые. Действительно ли это учебная тревога? В коридоре что-то загрохотало. Бери выглянул наружу. Мимо тяжело протопало отделение космодесанта в боевом обмундировании и с оружием на изготовку. Улыбка Бери исчезла, и он начал прикидывать, что из имущества ему стоит захватить.

Снова раздались крики. Какой-то офицер появился в коридоре и принялся излишне громко оповещать: гражданским лицам покидать «Макартур» цепочкой. С собой можно взять минимум багажа, чтобы одна рука оставалась свободной.

Борода Пророка! Что стряслось? Что они будут спасать — астероидное золото, высокотемпературный сверхпроводник? Конечно, о чудесной кофемашине никто и не подумает. А что спасать ему, Бери?

Корабельная гравитация заметно уменьшалась. Пришли в движение особые маховики, гася вращение. Бери шустро собирал вещи, необходимые любому путешественнику, не обращая внимания на их стоимость. Предметы роскоши он еще сможет, но…

Малыши! Надо забрать воздушный баллон из шлюза Д. Но если он приписан к другому шлюзу?

Бери быстро закрыл два небольших чемоданчика (один понесет Набиль). Получив распоряжения, тот сразу взял себя в руки. Снаружи продолжали доноситься крики, и несколько раз мимо двери каюты проплывали отделения космодесанта и члены экипажа «Макартура». Парни в полном обмундировании из бронеткани были вооружены до зубов.

Скафандр Бери начал раздуваться — корабль терял воздух, — и последние надежды на то, что тревога учебная, истаяли. Оборудование ученых точно сломается в условиях вакуума, решил Бери и задумался. А ведь никто не заглянул в его каюту, чтобы проверить, как там Бери… а во время учебных тревог флот не рискует жизнями гражданских.

В коридоре показался какой-то офицер, который замер неподалеку от каюты Бери. Воцарилась тишина, но спустя несколько мгновений Бери услышал в динамиках своего скафандра строгий, подчеркнуто спокойный голос. Набиль замялся, не зная, что предпринять. Устройство связи, вмонтированное в его скафандр, было выключено, и Бери жестом приказал Набилю его включить.

— ВСЕМ ГРАЖДАНСКИМ ПРОСЛЕДОВАТЬ К БЛИЖАЙШИМ ВОЗДУШНЫМ ШЛЮЗАМ ПО ЛЕВОМУ БОРТУ КОРАБЛЯ, — изрек бесстрастный голос. Флотские всегда говорят так, если положение действительно критическое. Это окончательно убедило Бери в том, что на «Макартуре» случилось нечто серьезное. — ЭВАКУАЦИЯ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ БУДЕТ ПРОИСХОДИТЬ ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ ШЛЮЗЫ ЛЕВОГО БОРТА. ЕСЛИ ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ, КУДА ИДТИ, СПРОСИТЕ ЛЮБОГО

ОФИЦЕРА ИЛИ РЯДОВОГО. ПОЖАЛУЙСТА, БЕЗ СПЕШКИ. ВРЕМЕНИ ДОСТАТОЧНО ДЛЯ ЭВАКУАЦИИ ВСЕГО ПЕРСОНАЛА.

Офицер встрепенулся и проплыл в другой коридор.

Левый борт? Ладно. Сообразительный Набиль спрятал воздушный баллон в ближайшем шлюзе. Слава величию Аллаха, что это левый борт! Бери махнул слуге рукой и начал двигаться вдоль скоб, укрепленных в стальной стене. Набиль передвигался грациозно: напрактиковался после того, как их заперли.

В коридорах толпился перепуганный народ, а вдалеке Бери заметил отряд космодесантников. Парни вывалились из-за угла и оглядывались, отстреливаясь от невидимого врага. От огненных вспышек у Бери потемнело в глазах, но он успел увидеть шарики крови — они летали повсюду и словно преследовали людей. Лампы над головой мигали.

В проходе за спиной у Бери и Набиля появился младший офицер.

— Не останавливайтесь, — бормотал он. — Да поможет Господь пехоте…

— В кого они стреляют? — спросил Бери.

— В малышей, — буркнул офицер. — Они могут

занять коридор! Уходите поскорее, мистер Бери. У тварей есть оружие.

— У кого? — недоверчиво переспросил Бери. — У «домовых»?

— Да, сэр. Корабль кишит мелкими уродцами. Они перенастроили систему подачи кислорода. Живее, сэр. Пожалуйста. Тварей долго не удержать.

Бери потянулся к очередной скобе и поплыл в конец коридора. Там его ловко перехватил космодесантник, после чего перенаправил Бери к очереди на выход.

«Домовые»? Но ведь корабль очистили от них!

У воздушного шлюза собралась толпа. В основном гражданские. Тем не менее вскоре туда прибыли вольнонаемные служащие флота, которые увеличили давку. Бери толкался и пинался, прокладывая дорогу к шкафу с кислородными баллонами. Уф, нужный все еще был здесь! Бери схватил фальшивый баллон и передал Набилю: слуга тотчас пристегнул его к скафандру Бери.

— Это не требуется, сэр, — произнес какой-то офицер.

Бери понял, что слышит его через атмосферу, а не через динамик. Значит, тут был воздух… С ума сойти! Неужели и здесь постарались «домовые»?

Они создали барьеры для удержания воздуха, как на корабле у шахтера!

— На всякий случай, — буркнул Бери офицеру. Тот пожал плечами и отправил в шлюз пару штатских.

Потом пришла очередь Бери. Офицер космодесанта знаком велел ему следовать вперед.

Шлюз открылся. Бери коснулся плеча Набиля и указал ему на выход. Двигаясь вдоль каната, Набиль скрылся в кромешной темноте. Бери прищурился. Ну и темень! Никаких звезд, вообще ничего. Что с ними будет? Бери внезапно осознал, что затаил дыхание. «Нет Бога, кроме Аллаха…» На его плечах висел фальшивый баллон, а в нем — два малыша в анабиозе. Несметное богатство! Технология, превосходящая баснословные достижения Первой Империи! Бесконечный поток ноу-хау и усовершенствований. Только… не собирается ли он выпустить из бутылки джинна?

Они прошли через специально устроенное и сохраняемое отверстие в поле «Макартура». Снаружи был лишь космический мрак да неясный силуэт впереди. Другие канаты тянулись через соседние отверстия, вдоль них паучками ползли люди. За Бери двигался кто-то из штатских, облаченный в вакуумный скафандр, за ним — кто-то

еще. Впереди был Набиль и остальные…

Глаза Бери быстро привыкли к темноте, и теперь он различал багровое свечение Угольного Мешка и пятно впереди, которое наверняка было полем «Ленина». Неужели придется тащиться через космическую пропасть? Но нет, неподалеку парили шлюпки, и космические «пауки» ползли к ним.

Шлюпка подлетела к нему, и Бери обернулся, чтобы бросить последний взгляд на «Макартур». За свою долгую жизнь он прощался со множеством временных пристанищ, и «Макартур» оказался не лучшим из них. Бери подумал о технике, которая погибнет. Идеальные кофемашины, волшебный кофейник… Однако это было лишь секундное сожаление. Бери весьма преуспел. Экипаж «Макартура» искренне благодарен ему за помощь и мастер-классы, а сами «кофейные церемонии» для офицеров пользовались особой популярностью. Возможно, на «Ленине»…

Воздушный шлюз казался крошечным. Вдоль троса следом за Бери ползла вереница эвакуируемых, но катера со своим мошкитом Бери не заметил.

Увидит ли он его еще раз?

Он обернулся, чтобы посмотреть на штатского,

следовавшего за ним. У этого типа не было багажа, и он догонял Бери, перехватывая трос обеими руками. Свет с «Ленина» упал на его шлем и ударил прямо в лицевую пластину…

Бери оцепенел. Никакой это не штатский. На Бери таращились, по крайней мере, три пары глаз.

Позднее Бери пришел к выводу, что никогда в жизни не соображал столь быстро. Он уставился на то, что приближалось к нему, и его мысли неслись ураганом, а потом…

Те, кто услышал его крик, позже утверждали, что то был вопль безумца или человека, с которого заживо сдирают кожу.

…ну а Бери швырнул в *это* свой чемоданчик.

— Они в скафандре! Внутри! — проорал он.

Изогнувшись, Бери сорвал со спины баллон, вскинул его над головой и ударил по скафандру.

Те, что находились внутри, неловко увернулись от чемоданчика. Пара малышей в рукавах пыталась пошевелить пальцами, чтобы выпустить трос и отпрянуть, но Бери ударил по скафандру еще раз. Он не промахнулся, угодил прямо в щиток шлема и разнес его вдребезги.

Спустя долю секунды в открытый космос вылетел целый рой мелких мошкитов. Каждый

отчаянно молотил шестью конечностями, а воздух, выходящий из скафандра, разносил их в разные стороны. Вместе с ними в космическую пустоту выплыло нечто вроде футбольного мяча, нечто такое, что Бери почти сразу опознал. Вот как им удалось обмануть офицера у шлюза. Отрезанная человеческая голова.

Бери вдруг обнаружил, что плавает в трех метрах от каната, содрогнулся и судорожно вздохнул. Он швырнул в мошкитов настоящий кислородный баллон! Аллах милостив…

Бери дождался, когда от челнока с «Ленина» отделится десантник и, увлекаемый тягой ранцевого двигателя, возьмет его на буксир. От прикосновения чужих рук Бери дернулся. Наверное, парня удивило то, как внимательно Бери вглядывался в щиток его шлема. А может, и нет.

31
Поражение

«Макартур» резко накренился. Вцепившись в интерком, Род закричал:

— Синклер, что вы делаете?

Ответ пришел сразу же, но едва слышный:

— Это не я, капитан. Я практически не способен управлять корректировочными двигателями.

— Боже мой, — прошептал Блейн.

Изображение Синклера исчезло. Погасли и все остальные экраны. Мостик будто умер. Род попробовал переключиться, но тщетно.

— Компьютер отключен, — доложил Кроуфорд. — Я ничего не могу сделать.

— Попробуйте кабельную связь и дайте Каргилла, — сказал Род.

— Он на проводе, капитан.

— Джек, как у вас дела?

— Плохо, кэп. Я в осаде, связи нет, только кабельная… Не все они… — «Макартур» вдруг снова накренился, и на корме раздались крики. — Капитан! — возбужденно воскликнул Каргилл. — Лейтенант Пайпер доложил, что «до-

мовые» дерутся друг с другом на главном камбузе корабля! У них началась настоящая битва!

— Номер первый, сколько же монстров у нас на борту?

— Без понятия, кэп! Наверное, сотни! Они, должно быть, заняли все корабельные орудия, да и в других местах тоже поселились! Они… — Каргилл умолк.

— Джек! — закричал Род. — Эй, кто-нибудь! Можем мы протянуть дополнительную линию к первому лейтенанту?

Прежде чем помощник старшины отозвался, Каргилл заговорил:

— Двое вооруженных малышей выбрались из вспомогательного компьютера наведения. Мы убили их.

Блейн лихорадочно думал. Разве у него есть выбор? Компьютер отключился. Даже если они восстановят контроль над «Макартуром», вероятность того, что на корабле будет безопасно, невелика.

— Вы на связи, номер первый?

— Да, сэр.

— Я спускаюсь вниз, в воздушный шлюз! Мне надо посоветоваться с адмиралом. Если через пятнадцать минут я не вызову вас, уходите! Пят-

надцать минут, Джек!

— Так точно, сэр!

— Пересчитайте членов экипажа и ступайте к левому борту, Джек… конечно, если корабль останется в прежнем положении. Офицеры у шлюзов получили приказ закрыть проходы в защитном поле, если корабль будет постоянно крениться из стороны в сторону.

Род махнул рукой людям на мостике и направился к воздушным шлюзам. В коридорах, которые заволакивало желтыми облаками цифогена, царил хаос. Род надеялся покончить с угрозой мошкитов с помощью газа, но никаких результатов это не принесло.

— Гражданских эвакуировали? — спросил Род офицера, ответственного за шлюз.

— Да, сэр. Кэп, позвольте доложить… возле кают гражданских полно «домовых»! Похоже, они там поселились уже очень давно…

— Вас понял, Пайпер, — произнес Блейн.

Род двинулся к воздушному шлюзу и сориентировал канал связи своего скафандра прямо на «Ленин». Мигнул лазер, и Род завис в безвоздушном пространстве, удерживаясь в нужном положении.

— Как обстановка? — требовательно вопросил

Кутузов.

Род неохотно объяснил.

— Рекомендуемые действия?

— По-моему, сэр, «Макартур» непригоден к полетам. Надо уходить, как только будут спасены оставшиеся в ловушке члены команды.

— Где будете вы?

— Возглавлю спасательный отряд, сэр.

— Нет, — голос адмирала звучал спокойно. — Я принимаю ваши рекомендации, капитан, но приказываю вам покинуть «Макартур». Внесите приказ в вахтенный журнал, командор Борман, — добавил он, обращаясь к кому-то на мостике. — Передайте командование своему первому лейтенанту и явитесь на борт второго катера «Ленина». Немедленно.

— Сэр… я прошу разрешения оставаться на «Макартуре», пока экипаж не окажется в полной безопасности.

— Нет, капитан, — произнес Кутузов безжалостным тоном. — Вы весьма храбры, капитан. Но что же будет с вами после отстранения от командования?

— Сэр… — Чтоб его черти взяли!

Род повернулся к «Макартуру». В воздушном шлюзе продолжалось сражение. Дюжина малы-

шей прожгла переборку напротив баррикады десантников: теперь мошкиты стреляли в отверстие. Блейн скрипнул зубами:

— Адмирал, вы не можете приказать мне бросить команду и бежать!

— Думаете, вам будет трудно жить, капитан? Вы решили, что всю вашу оставшуюся жизнь люди будут перешептываться у вас за спиной, и боитесь сплетен? Вы что — осмелились бунтовать? Выполняйте приказ, капитан лорд Блейн!

— Нет, сэр!

— Вы отказываетесь, капитан?

— Сэр, «Макартур» — пока еще мой корабль.

Последовало долгое молчание.

— Ваша преданность традициям флота достойна восхищения, но глупа. Вероятно, вы единственный офицер в Империи, который может найти выход из ситуации. Вам многое известно о чужаках — больше, чем кому-либо на флоте. И знания о них дороже вашего корабля. Они бесценны, Блейн, и я не могу позволить вам погибнуть, капитан. Вы покинете «Макартур», даже если потребуется отправить туда нового командира.

— Он не найдет меня, адмирал. Простите, сэр, но мне пора.

— Нет, Блейн, — снова долгая пауза. — Ладно, капитан. Я согласен с вами. Оставайтесь на связи… и тогда я разрешу вам не покидать «Макартур», пока вы сами не надумаете уйти. Затем вы разорвете связь и с этой минуты прекратите командовать «Макартуром»… Посылать к вам командора Бормана?

«Как ни печально, — подумал Род, — он прав. «Макартур» обречен. Каргилл может позаботиться об экипаже, причем ничуть не хуже, чем я сам. Может, я действительно знаю нечто важное? *Но «Макартур» еще мой корабль!*»

— Я принимаю ваше предложение, сэр. Все равно связь с мостиком очень плохая.

— Прекрасно. Значит, вы дали мне слово.

И монитор погас.

Род посмотрел на воздушный шлюз. Космодесант победил в перестрелке. Пайпер махнул капитану рукой. Род вернулся на корабль.

В интеркоме раздался голос Каргилла.

— Говорит командор Каргилл. Кэп?

— Да, Джек?

— Мы пробиваемся к левому борту, кэп. Синклер собрал своих людей, и они полностью готовы. Однако Синклер утверждает, что не удержит машинное отделение. Кроме того, мне сообщили,

что несколько гражданских остались в ловушке в кают-компании младших офицеров на правом борту. И с ними отделение космодесанта.

— Нам приказано уходить с корабля и спасаться, номер первый.

— Да, сэр.

— Нужно освободить гражданских. Сможете пробиться через сто шестидесятую переборку?

— Думаю, да, сэр. Но, капитан, я не сумею попасть в генераторную! Как мы уйдем?

— Это моя забота. Отправляйтесь, номер первый.

— Так точно, кэп.

Бегство… Слово звучало нереально. Род глубоко вздохнул. У кислорода в скафандре был резкий металлический вкус. Впрочем, пожалуй, дело было вовсе не в составе воздуха.

Спустя час шлюпка «Ленина» подошла к борту катера. Они следили за ней молча.

— Передача с «Макартура» через «Ленин», сэр, — сказал рулевой.

На экране появился Род Блейн. Салли содрогнулась. Капитан изменился. Род выглядел старше своих лет, а его взгляд казался… мертвым. Он смотрел на них, а они — на него. Наконец Салли спросила:

— Род, что случилось?

Блейн посмотрел ей в глаза и отвел взгляд. Его лицо как будто окаменело. Род напомнил Салли заспиртованный в бутылке экспонат Имперского музея.

— Мистер Реннер, — произнес Блейн, — отправьте весь персонал вдоль троса на шлюпку с «Ленина» и очистите катер. Вы будете получать приказы — возможно, странные — от пилота шлюпки. Выполняйте их. У вас не будет второго шанса, поэтому не спорьте и делайте то, что вам велят.

— Подождите минуту, — промямлил Хорват. — Я…

Род перебил.

— Доктор, по причинам, которые вы поймете позднее, мы не намерены сейчас вам все объяснять. Просто делайте, что велят, — Род перевел взгляд на Салли и чуть-чуть изменился — самую малость. Возможно, в глазах появилось беспокойство. Что-то вроде крошечной искры жизни. Салли попробовала улыбнуться, но не сумела. — Пожалуйста, Салли, делайте то, что скажет пилот шлюпки. Все хорошо. Конец связи.

Некоторое время они стояли неподвижно, затем Салли повернулась к воздушному шлюзу.

— Ну и ладно, — вымолвила Салли и опять попробовала улыбнуться, что лишь подчеркнуло ее нервозность.

Воздушный шлюз правого борта снова соединили с посольским кораблем, поэтому они вышли через шлюз левого борта. Экипаж шлюпки с «Ленина» уже протянул тросы от вспомогательного судна к катеру. Шлюпка была почти близнецом катера «Макартура» — плосконосый конус с «лопатой» защитного экрана, висевшей под носом.

Салли перебралась вдоль троса к шлюпке с «Ленина» и осторожно спустилась в люк. В воздушном шлюзе она была вынуждена ненадолго задержаться. В конце концов механизм сработал, и девушка почувствовала давление воздуха.

Скафандр был сделан из многослойного материала, который можно было назвать второй кожей. Вдобавок Салли пришлось облачиться в защитное мешковатое одеяние, которое натягивалось поверх скафандра: оно не прикрывало только шлем (тот был соединен с плотно облегающим скафандром шейной перемычкой).

— Нам необходимо осмотреть вас, мэм, — просипел офицер.

Салли огляделась: в воздушном шлюзе стояли двое десантников. Они направили на нее оружие,

вернее, не совсем на нее.

Они казались настороженными… и испуганными.

— Что это значит? — строго спросила она.

— Всему свое время, мэм, — сказал офицер, помогая ей снять ранец с кислородными баллонами.

Их поместили в прозрачный пластиковый контейнер, после чего офицер стащил с ее головы шлем, заглянул в него и сунул в тот же контейнер вместе с защитным одеянием.

— Спасибо, — буркнул он. — Пожалуйста, пройдите на корму. Там к вам присоединятся остальные.

С Реннером и прочими военными обращались несколько иначе.

— Раздевайтесь, — сказал офицер. — Полностью.

Десантники даже не потрудились отвести оружие. Когда пришедшие разоблачились — Реннер бросил в пластиковый контейнер даже свое кольцо, — их отправили вперед. Другой офицер космодесанта указал на боевое обмундирование, и двое солдат помогли его надеть. Оружие тем временем куда-то исчезло.

— Более чудовищного стриптиза я в жизни не

видел, — заметил Реннер, обращаясь к пилоту. Тот кивнул. — Что вообще тут творится?

— Вам объяснит ваш капитан, сэр, — проговорил рулевой.

— Наверняка «домовые»! — воскликнул Реннер.

— Думаете, они опять распоясались, мистер Реннер? — спросил из-за его спины Уитбрид.

Гардемарин, как было приказано, натягивал боевое обмундирование.

Реннер пожал плечами. Положение было фантастическим. Катер набит космодесантом, причем многие десантники с «Макартура». Канонир Келли бесстрастно стоял на посту возле воздушного шлюза, целясь в дверь.

— Это все из-за них, — произнес какой-то офицер.

— Где отец Харди? — спросил Реннер.

— Он с гражданскими, сэр, — ответил рулевой. — Минуточку, — продолжал он, возясь с трансляцией. На экране появилось лицо Блейна. — Безопасный канал, сэр, — объявил рулевой.

— Спасибо. Стейли?

— Да, кэп? — отозвался старший гардемарин.

— Мистер Стейли, катер вскоре направится к

«Ленину». Гражданские лица и экипаж катера, кроме рулевого Лафферти, перейдут на линкор, где ими займется служба безопасности. После их ухода вы примете командование первым катером «Ленина» и отправитесь к «Макартуру». Сразу идите к правому борту, где находится кают-компания младших офицеров. Вам надо отвлечь внимание мошкитов и, если надо, вступить с ними в бой, чтобы помочь выбраться группе гражданских и космодесантников, очутившихся в ловушке. Отправьте туда Келли и отряд десантников в скафандрах и в полном боевом обмундировании. Думаю, двадцати пяти человек хватит. Снаряжение на борту. Ведите отряд вперед. Командор Каргилл гарантирует проход через переборку один шесть ноль.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Стейли. Несмотря на отсутствие гравитации на катере, он сумел выпрямиться во весь рост.

Блейн слабо улыбнулся — по крайней мере, его губы слегка изогнулись.

— Наши враги, Стейли, — это несколько сотен мелких мошкитов. Они вооружены, у некоторых имеются газовые маски. Организованы они не слишком хорошо, однако очень опасны. Вы должны убедиться, что в средних отсеках правого

борта «Макартура» нет ни пассажиров, ни членов экипажа. Надеюсь, операция пройдет успешно. И еще… не забудьте забрать кофейник. Но сначала, мистер Стейли, убедитесь, что он — *пуст*.

— Кофейник? — недоуменно переспросил Реннер.

Уитбрид покачал головой и что-то сказал Поттеру вполголоса.

— Именно, мистер Реннер. Чужаки усовершенствовали его — их технология представляет огромную ценность для Империи. Вы можете увидеть и другие переделанные ими вещи, мистер Стейли, — подумайте, нельзя ли доставить их сюда. Однако ни при каких обстоятельствах нельзя приносить никаких предметов, в которых могут спрятаться чужаки. И присматривайтесь к членам команды. Малыши убили нескольких людей, воспользовались их головами для маскировки и набились в их боевое обмундирование. Проверяйте всех, мистер Стейли. Мы пока не видели, чтобы мошкиты проделывали данный трюк с облегающими скафандрами, но осторожность не помешает.

— Да, сэр, — произнес Стейли. — А мы вернем контроль над кораблем, сэр?

— Нет, — Блейн с трудом сдерживался, чтобы

не закричать. — У вас мало времени, Стейли. Через сорок минут после того, как попадете на «Макартур», активируйте систему разрушения и включите таймеры на торпедах, которые есть на борту. Потом явитесь ко мне — к главному шлюзу левого борта. В любом случае через пятьдесят минут после вашего появления на борту «Ленин» начнет расстреливать корабль. Ясно?

— Да, сэр, — ответил Хорст Стейли и посмотрел на остальных.

Поттер и Уитбрид молча переглянулись.

— Капитан, — сказал Реннер. — Сэр, хочу напомнить вам, что старший офицер здесь я.

— Да, Реннер. У меня есть задание и для вас. Вы переправите капеллана Харди на катер «Макартура» и поможете ему забрать любое снаряжение или запасы, какие могут потребоваться. Позже придет шлюпка с «Ленина», и вы проследите, чтобы груз был упакован в опечатанные контейнеры.

— Но… сэр, я могу возглавить отряд, идущий на борт!

— Вы не строевой офицер, Реннер. Повторить, что вы сказали мне вчера за обедом?

Реннер повторил и добавил:

— Но я не уверял, что я трус!

— Я знаю. Но вы, пожалуй, самый непредсказуемый из моих офицеров. Капеллану нужно сказать, что на «Макартуре» началась эпидемия чумы и мы должны вернуться в Империю, прежде чем болезнь поразит всех. Вот официальная версия для мошкитов. Они могут усомниться, но у Харди больше шансов убедить их, если он сам будет верить в это. Но я хочу, чтобы рядом с ним находился кто-то, осведомленный об истинном положении дел.

— Один из гардемаринов…

— Мистер Реннер, отправляйтесь на катер «Макартура». Стейли, вы получили приказ.

— Да, сэр.

Реннер, кипя от злости, сдался.

В главной кабине катера с «Ленина» висели в аварийных сетях трое гардемаринов и дюжина космодесантников. Гражданские и экипаж ушли, шлюпка удалялась от черной туши «Ленина».

— Хорошо, Лафферти, — проговорил Стейли. — Подведите катер к «Макартуру» с правого борта. Если нас не атакуют, мы будем таранить. Цель — резервуар за переборкой.

— Слушаюсь, сэр.

Глядя на угловатое лицо Лафферти, невозможно было понять, что он думает о происходящем.

Это был ширококостный мужчина, житель равнин Столешницы. Его короткие волосы рано поседели: Лафферти многое повидал.

Аварийные сети предназначались для сильных столкновений. Гардемарины висели в них, как мухи в чудовищной паутине. Стейли покосился на Уитбрида, тот на Поттера, и оба оглянулись на десантников.

— Ладно, поехали, — приказал Стейли.

Двигатель взревел.

Настоящий защитный корпус любого военного корабля — это поле Лэнгстона. Однако ничто не сможет выдержать палящий жар ядерного взрыва или высокомощного лазера: если что-то подобное прошьет поле, корабельная огневая защита испарится. Поэтому-то корпус военного судна и делают не слишком толстым. Тем не менее корабль должен быть достаточно прочным, чтобы выдерживать перегрузки при ускорении и вибрацию.

Некоторые отсеки и резервуары оказались чересчур велики, но теоретически их удалось бы разрушить сильным направленным ударом. На практике же…

Стейли задумался. Еще никогда военный отряд не попадал на борт корабля вот так! Впрочем, в

«Книге» имелась одна глава… Можно попасть на борт искалеченного корабля с помощью таранного удара. Стейли хотелось узнать, какой дурак первым опробовал данный метод.

Черный шарик, закрывавший «Макартур», увеличивался с каждой секундой и вскоре превратился в огромную непроницаемую стену. Лопатообразное лезвие защитного экрана поднялось, и Хорст поверх плеча Лафферти всмотрелся в сгусток тьмы, к которому они приближались.

Катер качнуло назад. Мгновенный холод — они проходили сквозь поле — и скрежет металла. Катер затормозил.

Стейли расстегнул сеть.

— Выходим! — приказал он. — Келли, прорежь дорогу сквозь бак.

— Да, сэр.

Десантники проскочили мимо него. Двое направили лазер на изогнутый металл — внутреннюю стенку цистерны с водородом. От двигателя катера к оружию протянули толстый кабель.

Стенка цистерны лопнула, и целая секция отскочила в сторону, едва не задев десантников. Большая часть водорода вышла наружу, вместе с ним, как осенние листья, вылетели тела мертвых мошкитов.

Стены в коридорах исчезли. На их месте высились груды развалин, разрезанных переборок, сюрреалистических деталей от каких-то механизмов. Кое-где на полу валялись погибшие малыши. Похоже, никто из них не нашел для себя скафандр.

— Боже всемогущий, — пробормотал Стейли. — Келли, отнесите скафандры. — Он двинулся через руины к следующей герметичной двери отсека. — Проверьте давление на той стороне, — сказал он.

Дотянувшись до коммуникационного щитка на переборке, Стейли воткнул туда штекер микрофона от своего скафандра.

— Есть тут кто-нибудь?

— Капрал Хаснер, сэр, — тотчас откликнулся чей-то голос. — Будьте начеку, здесь повсюду кишат малыши.

— Уже нет, — сказал Стейли. — Сколько вас?

— Девять гражданских без скафандров, сэр, и трое уцелевших космодесантников. Мы не знаем, как вывести отсюда ученых.

— Мы принесли с собой скафандры, — мрачно заявил Стейли. — Можете защитить гражданских, пока мы будем прорываться? У нас вакуум.

— Да, сэр. Минуту.

Раздалось жужжание. Приборы показали, что

давление за переборкой падает. Наконец задрайки повернулись, и дверь распахнулась. За ней обнаружился парень в боевом обмундировании. Хаснер! За Хаснером, направив оружие на Стейли, стояла пара десантников. А еще дальше… Стейли задохнулся от изумления.

Гражданские в белых комбинезонах научного персонала сгрудились в дальнем конце помещения. Стейли увидел доктора Блевинса, ветеринара. Удивительно, но ученые о чем-то буднично переговаривались.

— Но ведь у вас совсем мало кислорода! — закричал Стейли.

— Так точно, сэр, — согласился Хаснер. — Но у нас есть одна штуковина. Она похожа на ящик и создает нечто вроде защитной завесы, мистер Стейли. Воздух не может пройти через нее, зато мы можем.

Келли проворчал что-то себе под нос и вошел в помещение. Скафандры передали гражданским, а Стейли удивленно покачал головой.

— Келли, вы будете за старшего. Ведите всех вперед… и возьмите эту штуку, если ее можно двигать!

— Можно, — отозвался Блевинс. Он говорил в микрофон шлема Келли, переданный ему, но

шлем не надевал. — А также включать и выключать. Капрал Хаснер убил нескольких малышей, которые с ним возились.

— Отлично, забираем его! — решил Стейли. — Уводите их, Келли!

— Сэр! — Канонир просунул руку сквозь невидимый барьер. — Это напоминает поле, мистер Стейли. Только не слишком плотное.

Стейли выругался и взглянул на гардемаринов.

— Кофейник, — неуверенно произнес он. — Лафферти, Круппман, Яновиц… вы — с нами, — и он кинулся к трапу — обратно к руинам.

В другом конце имелась двойная герметичная дверь, и Стейли знаком приказал Уитбриду открыть ее. Задрайки легко повернулись: за дверью оказался маленький воздушный шлюз. Сквозь толстое стекло виднелся главный соединительный коридор правого борта.

— Вроде бы все нормально, — прошептал Уитбрид.

Похоже, так и было. Они в два приема прошли через воздушный шлюз и, цепляясь за скобы, двинулись вдоль стен коридора, ведущего к кают-компании.

Стейли посмотрел в окошко, вырезанное в

двери.

— Ну и ну! — вырвалось у него.

— Что там, Хорст? — спросил Уитбрид, прижав свой шлем к шлему Стейли.

В помещении находились десятки малышей. Многие стреляли друг в друга из лазеров. На первый взгляд их действия выглядели совершенно беспорядочно: казалось, что каждый мошкит хаотично палит по соплеменникам, хотя в действительности это могло быть ошибочным впечатлением. Стены были забрызганы розовой кровью чужаков. Мертвые мошкиты лежали на полу, раненые кружились в безумном танце, помещение то и дело пересекали зеленовато-голубые лучи.

— Что делать? — прошептал Стейли, вспомнил, что говорит по каналу связи, и повысил голос: — Нам не пройти! Забудем о кофейнике.

Они двинулись по коридору, выискивая уцелевших людей, однако никого не обнаружили, и Стейли направился обратно к кают-компании.

— Круппман! — окликнул он. — Берите Яновица и принимайтесь за дело. Прожигайте переборки, пользуйтесь гранатами, но здесь должен быть вакуум! А потом устроим ад на корабле.

— Слушаюсь, сэр.

Когда десантники повернули за угол стального коридора, гардемарины потеряли с ними связь. Передатчики скафандров действовали только в пределах видимости. Впрочем, они кое-что слышали. Пронзительные крики, скрежет раздираемого металла, гудение и жужжание. Ни один из звуков не был знакомым.

— Корабль уже никогда не будет нашим, — посетовал Поттер.

Раздалось пронзительное шипение: в коридор проник вакуум. Стейли швырнул под переборку кают-компании термитную гранату и спрятался за угол. Сверкнула ослепительная вспышка, Стейли выглянул из-за угла и выстрелил из лазера по еще светящемуся пятну на переборке. Остальные присоединились к нему.

Стена начала вспучиваться — и лопнула. Воздух вырвался в коридор, вынося множество мелких трупов. Стейли повернул задрайки на двери — ничего не произошло. Они продолжили прожигать переборку, пока отверстие не увеличилось настолько, что в него мог пролезть взрослый мужчина.

Мошкиты были мертвы.

— Почему бы не поступить так со всем кораблем? — спросил Уитбрид. — Взять над ним

контроль и…

— Позже, — сказал Стейли. — Лафферти, заберите проклятый кофейник и несите к левому борту. Мы вас прикроем.

Рулевой кивнул и поплыл по коридору в ту сторону, где исчезли десантники.

— А почему бы не отправиться за ним следом? — предложил Поттер.

— Торпеды, — произнес Стейли. — Нужно взорвать торпеды.

— Но, Хорст, — запротестовал Уитбрид, — а как же «Макартур»? Я не заметил ни одного малыша в вакуумном скафандре…

— Они способны создать свои магические завесы, — напомнил им Стейли. — Кроме того, мы выполняем приказ, — добавил он.

И они двинулись вперед. Сейчас, когда гражданские покинули «Макартур», отряд спешил прожечь герметичные отсеки и взорвать коридоры. Поттер и Уитбрид содрогались, нанося кораблю смертельные раны, но продолжали свой путь по стальным коридорам. Ничего не поделаешь, приказ есть приказ.

Торпеды оказались на месте: в свое время Стейли и Уитбрид приваривали их по бокам генератора поля. Но… генератор пропал. Осталась

лишь пустая оболочка.

Поттер потянулся к таймерам, которые должны были взорвать торпеды.

— Подождите! — осадил его Стейли. Он нашел выход кабельного интеркома и подключил к нему скафандр.

— Всем, кто меня слышит. Говорит гардемарин Хорст Стейли из отсека генератора поля. Есть кто-нибудь на связи?

— Да, мистер Стейли, — ответил чей-то голос. — Сэр, соединяю вас с капитаном.

И к линии подключился капитан Блейн. Стейли обрисовал ему положение.

— Генератор поля исчез, сэр, но поле выглядит по-прежнему непроницаемым…

Последовала долгая пауза, затем Блейн зло выругался, но тотчас осекся.

— Вы не уложились в назначенные сроки, мистер Стейли. Получен приказ закрыть отверстия в защитном поле и через пять минут перейти на шлюпки с «Ленина». Вы не успеете уйти до того, как «Ленин» откроет огонь.

— Да, сэр. Что делать?

Блейн после секундной паузы ответил.

— Я доложу адмиралу. Оставайтесь на связи.

Внезапный рев урагана заставил их броситься

в укрытие. Когда все стихло, Поттер сказал:

— Мы снова в атмосфере. Наверное, «домовые» успели починить двери.

— И скоро они будут здесь, — заключил Уитбрид. — Мелкие уродцы! Кстати, чем занят кэп?

Получить ответ на данный вопрос оказалось невозможно, и они напряженно ждали с оружием наготове, пока «Макартур» возвращался к жизни. Его новые хозяева приближались.

— Я не уйду без гардемаринов, — сказал Род адмиралу.

— Вы уверены, что им не добраться до какого-нибудь шлюза левого борта? — спросил Кутузов.

— Не за десять минут, адмирал. «Домовые» контролируют эту часть корабля. Парням пришлось пробиваться.

— Что вы предлагаете?

— Разрешите им воспользоваться спасательными шлюпками, сэр, — произнес Род.

Шлюпки размещались в различных частях судна, метрах в двадцати от генераторной. С надувными кабинами, оснащенные твердотопливными двигателями, они предназначались для эвакуации уцелевших, но всего на несколько часов — в случае, если корабль был чрезмерно поврежден, а ремонт на борту попросту невозмо-

жен. И то и другое вполне определяло нынешнее положение «Макартура».

— «Домовые» могли установить в спасательных шлюпках записывающие устройства и передатчики, — заявил адмирал. — Неплохой способ передать крупным мошкитам все секреты «Макартура». — Он помолчал и добавил: — Как, по-вашему, такой расклад вероятен, Харди?

Блейн услышал, как Харди ответил адмиралу откуда-то издалека:

— Нет, сэр. Они — неразумные животные. Я всегда думал так, то же утверждают и про крупных особей, да и собранные нами данные подтверждают эту гипотезу. Они могут действовать только по прямому приказу. И, адмирал, если они хотели связаться с мошкитами, можете не сомневаться, что они уже давно так поступили.

— Да, — буркнул Кутузов. — Нет оснований попусту жертвовать своими офицерами. Капитан Блейн, передайте им, пусть воспользуются шлюпками, но предупредите, что ни один «домовой» не должен просочиться в кабину. И дайте мне знать, когда они покинут «Макартур».

— Слушаюсь, сэр. — Род с облегчением вздохнул и вызвал по общей связи генераторную: — Стейли, адмирал разрешил вам взять спасательные

шлюпки. Проследите, чтобы в них не было малышей, и помните, вас осмотрят, прежде чем пустить на борт катера. Активируйте торпеды и уходите. Ясно?

— Да, сэр. — Стейли повернулся к остальным. — Спасательные шлюпки, — сказал он. — Иде…

Над ними сверкнул зеленый луч.

— Опустить забрала! — крикнул Уитбрид.

Они укрывались за торпедами, пока луч метался по помещению. Он хлестал по переборкам, прожигая в них дыры, потом прошил стену отсека, а затем и корабельный корпус. Воздух мгновенно улетучился, луч перестал дергаться, но не погас и продолжал излучать энергию в поле, окружающее «Макартур».

Стейли поднял противосолнечное забрало, затемненное напыленным серебром. Пригнувшись, он прополз под лучом и посмотрел, где его источник.

Это был тяжелый переносной лазер. Потребовалось полдюжины малышей, чтобы нести его. Мертвые, иссохшие, они все еще цеплялись за скобы.

— Путь свободен, — произнес Стейли и вставил ключ в замок на панели торпеды.

Поттер сделал то же самое. Они повернули клю-

чи — и им осталось десять минут жизни. Стейли дотянулся до интеркома.

— Задача выполнена, сэр.

Они прошли через открытую герметичную дверь в главный коридор и двинулись к корме, переплывая от скобы к скобе. Соревнования в скорости при нулевой гравитации были излюбленной, хотя и редкой игрой гардемаринов, и они невольно порадовались, что могут попрактиковаться. За их спинами таймеры продолжали отсчет времени…

— Вот здесь, — проговорил Стейли.

Он заклинил герметичную дверь и прожег в корпусе корабля овальное отверстие. Воздух — малыши каким-то образом опять поместили их в вонючую атмосферу Мошки-1 — быстро улетучился. В вакууме повис туман из ледяных кристаллов.

Поттер нашел панель управления спасательными шлюпками и рукоятью пистолета разбил закрывавшее ее стекло. Они метнулись в сторону и принялись ждать, когда шлюпки наполнятся воздухом.

Но вместо этого поднялся пол, и открылись стоявшие под палубой конусы, каждый два метра в основании и около восьми метров длиной.

— Полуночные «домовые» снова наносят удар, — пробормотал Уитбрид.

Конусы оказались одинаковыми, но сделанными наспех. Правда, малыши наверняка неделями усердно трудились под палубой, разрезая на части спасательные шлюпки и другое оборудование, чтобы заменить их странными штуковинами. У каждого конуса имелось кресло, прикрепленное на широком конце, и ракетное сопло — на узком.

— Проверьте их, Поттер, — приказал Стейли. — Вдруг там прячутся «домовые»?

Похоже, внутри их не было. За исключением самого прочного конического корпуса, все остальное представляло собой открытую конструкцию. Поттер обстукал конусы и заглянул внутрь, пока друзья прикрывали его.

Он заглядывал в отверстие в очередном конусе, когда краем глаза заметил какое-то движение. Выхватив из-за пояса гранату, Поттер вытаращил глаза: из глубины коридора выплывал скафандр. Обеими «руками» он держал лазер.

Голос Стейли явственно выдал его нервозность.

— Эй, ты! Назовись!

Фигура подняла оружие, и Поттер швырнул гранату.

Яркий зеленый луч хлестнул через облако разрыва, осветив коридор зловещим светом, и разрубил коническую конструкцию.

— Это был человек? — крикнул Поттер. — Или нет? Руки у него плохо сгибались, а ноги не сгибались вовсе!

— Это враг, — быстро ответил Стейли. — Думаю, лучше убираться отсюда. Садитесь в шлюпки, пока они у нас еще есть.

Он взобрался на откинутое кресло одного из конусов. Остальные последовали его примеру.

Хорст нагнулся над панелью управления и развернул ее поудобнее. Нигде не было никаких надписей. Разумные или неразумные, мошкиты явно переделывали машины «на глазок».

— Жму на прямоугольную кнопку, — твердо сказал Стейли глухим голосом.

И нажал на кнопку.

Конус дернулся и вылетел в космос. Двигатели засияли. Мгновение ледяного холода и черноты — и он уже был за пределами поля.

Из черноты вынырнули два других конуса. Хорст торопливо направил радиопередатчик скафандра на смутные очертания «Ленина».

— Говорит гардемарин Стейли! Спасательные шлюпки переделаны. Нас трое, и мы на борту

одни…

Из черноты позади них появился четвертый конус. Стейли обернулся. Пилот смахивал на человека…

Три ручных лазера выстрелили одновременно. Четвертый конус вспыхнул и развалился, но они стреляли еще некоторое время.

— Один из… э… — замялся Стейли. Линия связи могла прослушиваться.

— Мы видим вас на экранах, гардемарин, — произнес мужской голос с сильным акцентом. — Уходите от «Макартура». Вас обязательно подберут. Вы выполнили свою задачу?

— Да, сэр, — Стейли взглянул на часы. Четыре минуты уже прошли.

— Тогда пошевеливайтесь!

«Но как?» — задумался Стейли. На переключателях не имелось никаких значков. Пока он размышлял, двигатели снова включились. Почему?.. Ведь он ни к чему не притрагивался.

— Мои двигатели тоже включились, — произнес Уитбрид. Его голос звучал гораздо спокойнее, чем чувствовал себя Стейли.

— Да, и мои, — добавил Поттер. — Дареному коню в зубы не смотрят. Главное, что мы выбрались.

Грохот продолжался. Их ускорение составило почти *g:* с одной стороны виднелся широкий зеленый полумесяц Мошки-1, а с другой Угольный Мешок и массивный корпус «Ленина». Шлюпки разгонялись долго — и продолжали разгон.

32
«Ленин»

Молодого русского гардемарина переполняла гордость. Его боевое обмундирование сверкало чистотой, а снаряжение было отлично подогнано согласно уставу.

— Адмирал просит вас пройти на мостик, — отрапортовал он на безупречном англике.

Род Блейн вяло двинулся за ним следом. Под шквал приветствий кутузовского космодесанта они проплыли через воздушный шлюз второй ангарной палубы «Ленина». Торжественная встреча только заставила прибывшего капитана горевать еще сильнее. Он отдал свой последний приказ и последним ушел с погибшего корабля. Сейчас он стал наблюдателем и, вероятно, в последний раз принимал почести.

На борту линкора все казалось слишком большим, хотя Род знал, что это иллюзия. За несколькими исключениями, отсеки и коридоры столичных кораблей были стандартизованы, так что Род мог бы вообразить, что находится на борту «Макартура». «Ленин» был приведен в боевую

готовность, все герметичные двери закрыты и задраены. Десантники занимали важнейшие посты вдоль соседних проходов, поэтому Род почувствовал облегчение. Он бы не смог столкнуться лицом к лицу с кем-нибудь из своей команды.

Однако мостик «Ленина» оказался огромен. На корабле, экипированном как флагманский, к экранам и командным постам добавили еще дюжину диванов — для штаба адмирала. Род сухо ответил на приветствие адмирала и опустился в кресло флаг-капитана. Он не поинтересовался, где командор Борман, флаг-лейтенант Кутузова и начальник его штаба. Они с адмиралом были на командном посту один на один.

С полдюжины экранов показывали изображение «Макартура». От него отчаливали последние шлюпки. «Стейли должен уже закончить, — подумал Род, — кораблю осталась всего пара минут. Он погибнет, и я буду окончательно уничтожен. Новоиспеченный капитан, потерявший «Макартур» во время первого задания… Даже влияние маркиза не поможет». Слепая ненависть к Мошке и ее обитателям переполняла Рода.

— Надо было попробовать отбить его у этого стада… поганых *животных!* — воскликнул он.

Кутузов поднял удивленный взгляд. Его брови

сошлись на переносице, но постепенно лоб Кутузова разгладился.

— Да. Если они действительно неразумные звери. Но, допустим, они больше, чем животные? Впрочем, в любом случае уже поздно.

— Да, сэр. Торпеды активированы.

Две водородные бомбы! Генератор поля испарится в миллисекунду, а «Макартур»… Род до боли стиснул челюсти. Когда мониторы вспыхнут, все будет кончено. Он вскинул подбородок.

— А где мои гардемарины, адмирал?

Кутузов что-то проворчал.

— Они затормозились на более низкой орбите и находятся за линией горизонта. Я пошлю за ними шлюпку.

«Странно, — подумал Род. — По приказу адмирала они не имели права идти прямо к «Ленину»… но шлюпки не дадут реальной защиты, когда «Макартур» взорвется». Гардемарины решились на ненужную предосторожность, поскольку торпеды переводили в рентгеновское излучение и нейтроны лишь малую часть своей энергии, но то была понятная предосторожность.

Стрелки таймеров приблизились к нулевой отметке. Кутузов мрачно выждал минуту, потом другую.

— Торпеды не взорвались, — произнес он обвиняющим тоном.

— Да, сэр, — страдания Рода возросли. — А теперь…

— Капитан Михайлов, подготовьте, пожалуйста, главную батарею к стрельбе по «Макартуру». — Кутузов перевел взгляд на Рода. — Мне это не нравится, капитан. Не так, как вам, конечно, но все же… Не хотите отдать приказ лично? Капитан Михайлов, вы разрешаете?

— Да, адмирал.

— Спасибо, сэр. — Род вздохнул. Хозяин должен сам убить свою смертельно раненную собаку… — *Огонь!*

Со стороны космические сражения выглядят даже красиво. Корабли, похожие на гладкие черные яйца, плавно сближаются, их двигатели излучают ослепительное сияние. Вспышки на черном фоне означают взрывы торпед, удачно избежавших лазерного уничтожения. Главные батареи гоняют между собой энергию защитных полей, а зеленые и красные лучи высвечивают межпланетную пыль.

Постепенно сами поля начинают пылать. Тускло-красный, солнечно-желтый, изумрудный — цвета меняются, когда поля аккумулируют

энергию. Цветные яйца соединены разноцветными линиями, идущими от батарей, и цвета меняются.

«Ленин» и «Макартур» соединяли три зеленые нити. Больше ничего не происходило. Линейный крейсер не двигался и не отвечал на огонь. Поле «Макартура» наливалось багровым сиянием, которое переходило в желтое мерцание там, где лучи сходились в одну точку. Когда поле станет белым, оно будет перегружено и энергию потребуется высвободить — внутрь и наружу. Кутузов в замешательстве смотрел на «Макартур».

— Капитан Михайлов, задний ход! — Брови адмирала опять сошлись на переносице, а «Ленин» стал удаляться от «Макартура».

Поле «Макартура» позеленело и зарябило синими всполохами. Картинка на главном экране уменьшилась, лучи лазеров слегка разошлись, и всполохи исчезли. Когда расстояние между кораблями достигло тысячи километров, «Ленин» остановился.

— Капитан, мы неподвижны относительно «Макартура»? — спросил Кутузов.

— Да, адмирал.

— Кажется, он приближается.

— Да, адмирал. Его поле расширяется.

— Что? — Кутузов повернулся к Роду: — Вы можете объяснить, Блейн?

— Нет, сэр. — Блейну хотелось забыться. Разговор причинял боль, его сознание агонизировало. Но он пытался думать: — Вероятно, «домовые» переделали генератор, а они всегда улучшают то, с чем работают.

— Жалко уничтожать, — проворчал Кутузов.

— Расширяясь подобным образом, поле с огромной излучающей поверхностью могло бы потягаться с полем любого корабля военно-космического флота.

А поле «Макартура» внезапно стало гигантским и засияло фиолетовыми огнями, и Кутузов был даже вынужден уменьшить изображение в десять раз. «Макартур» превратился в фиолетовый пузырь, привязанный к «Ленину» зелеными нитями. Люди зачарованно смотрели на экран. Прошло десять минут. Пятнадцать…

— Никакой корабль не способен так долго протянуть с фиолетовым полем, — пробормотал Кутузов. — Вы по-прежнему убеждены, капитан Блейн, что мы имеем дело с *животными?*

— В этом убедились ученые, сэр, — сказал Род. — И убедили меня, — добавил он. — Жаль, тут нет доктора Хорвата.

Кутузов коротко, шумно вздохнул, как будто получил удар в живот.

— Хорват! Глупец-пацифист! Он не смог бы понять того, что видит.

Они молча ждали еще минуту.

Зажужжал интерком.

— Адмирал, вызов с посольского корабля, — объявил офицер-связист.

Кутузов нахмурился.

— Капитан Блейн, вызов примете вы.

— Простите, сэр?

— Ответьте на вызов мошкитов. Я не буду говорить напрямую с чужаками.

— Так точно, сэр.

Чужак, который появился на мониторе, смахивал на любого другого мошкита, но принял настолько человеческую позу, что Род не удивился, услышав:

— Я финч'клик доктора Хорвата. У меня печальные новости для вас, капитан Блейн. Кстати, мы оценили ваше предупреждение. Мы не понимаем, зачем вам уничтожать ваш корабль, но, будь мы рядом…

Блейн потер переносицу.

— Мы боремся с эпидемией. Мы надеемся, что уничтожение «Макартура» остановит ее. Сейчас

мы слишком заняты. Что вы хотели сообщить?

— Капитан, три маленьких корабля с «Макартура» пытались войти в атмосферу Мошки-1. Мне очень жаль, но никто не уцелел.

Роду показалось, что мостик «Ленина» окутал туман.

— Войти в атмосферу на спасательных шлюпках?! Что за нелепость! Они не могли…

— Но они пытались приземлиться. Мы проследили часть их траектории. Капитан, у нас есть записи. Они сгорели дотла.

— Черт побери! Они были в безопасности!

— Нам очень жаль.

Лицо Кутузова превратилось в неподвижную маску, на которой шевелились только губы:

— Записи…

Род кивнул. Он чувствовал невероятную усталость.

— Мы должны увидеть записи. Вы уверены, что ни один из моих юных офицеров не выжил?

— Да, капитан. И мы искренне огорчены. Мы не предполагали, что они решатся на подобный шаг, поэтому абсолютно ничем не могли им помочь.

— Я понял. Спасибо. — Род отвернулся от экрана и уставился на соседний монитор невидящим взглядом.

— Итак, ни тел, ни обломков, — констатировал Кутузов. — Ловко придумано! — Он коснулся кнопки на подлокотнике командного кресла: — Капитан Михайлов, отправьте, пожалуйста, катер за гардемаринами! Конечно, мы там ничего не найдем, — произнес он, обратившись к Блейну.

— Вы не верите мошкитам, сэр? — спросил Род.

— А вы, капитан?

— Не знаю, сэр. И я не представляю, что еще можно сделать.

— Я тоже. Вряд ли мы их обнаружим. Нам ведь неизвестны их координаты, а планета мошкитов — большая. Даже если они уцелели и свободны, поиски могут растянуться на неопределенное время. А если они в плену… мы и подавно никогда их не найдем. — И Кутузов сказал по командной связи: — Капитан Михайлов, проследите, чтобы поисковые работы были проведены самым тщательным образом. И воспользуйтесь торпедами для уничтожения «Макартура».

— Да, сэр, — отчеканил капитан «Ленина» со своего поста по другую сторону мостика.

Два десятка торпед устремились к «Макартуру». Они не могли пройти сквозь поле: энергия немедленно взорвала бы их. Сдетонировали

они одновременно, и пылающую фиолетовым поверхность «Макартура» покрыла крупная рябь разноцветных огней и ослепительных всполохов.

— Прорыв в девяти местах, — доложил офицер-артиллерист.

— Прорыв куда? — уточнил Род.

«Макартур» его корабль, и «Макартур» доблестно сражался за свою жизнь…

Адмирал пожал плечами. Корабль отделяло от этой дьявольской фиолетовой поверхности пятьсот метров, и вспышки могли задеть его.

— Орудиям продолжать огонь. Готовность ко второй торпедной атаке, — приказал Кутузов.

Еще одна флотилия огненных дротиков прочертила пылающие дуги. Они взорвались под мерцающей фиолетовой поверхностью, по которой вновь пробежала рябь.

Но «Макартур» оставался прежним — чернильно-фиолетовым пузырем километрового диаметра, соединенным с «Лениным» зелеными нитями.

Стюард кают-компании подал Роду чашку кофе. Тот рассеянно отпил маленький глоток. Вкус был ужасен.

— Огонь! — скомандовал Кутузов с ненави-

стью. — *Огонь!*

И вдруг поле «Макартура» чудовищно расширилось, стало голубым, затем желтым и… исчезло. Загудели автоматические сканеры, изображения на экранах увеличились. Корабль никуда не делся.

«Макартур» оказался раскален докрасна и частично оплавлен. Впрочем, его вообще не должно было там быть: когда поле разрушалось, все внутри него испарялось.

— Они наверняка уже поджарились, — механически произнес Род.

— Да. Огонь!

Снова ударили зеленые лучи. «Макартур» изменился, разбух, выпуская в космическое пространство остатки воздуха. Очередная торпеда подлетела к нему и взорвалась. Лазерные батареи тоже продолжали обстрел. Когда Кутузов приказал прекратить огонь, на месте «Макартура» не осталось ничего, кроме пара.

Род и адмирал долго смотрели на пустой экран. Наконец, Кутузов покосился на Блейна.

— Вызывайте шлюпки, капитан Михайлов. Мы возвращаемся домой.

33
Падение на планету

Три маленьких конуса падали, и в каждом, подобно яйцу на подставке, сидел человек.

Хорст Стейли летел первым. Только оболочка скафандра отделяла его от космического пространства. Стейли осторожно повернулся в креслице, чтобы взглянуть на следующие за ним конусы. Где-то далеко в космическом вакууме зависли «Макартур» и «Ленин». Стейли понимал: нет ни единого шанса, что канал связи его скафандра пробьется к «Ленину», — однако перешел на рабочую частоту и послал позывной. Ответа не было.

Но события развивались стремительно. Включились тормозные двигатели, и к тому моменту, когда Стейли стал вызывать «Ленин», было уже слишком поздно. Пожалуй, связисты заняты чем-то другим, а может, конус летел низко. Хорсту внезапно стало одиноко.

Падение продолжалось, а потом тормозные двигатели отключились.

— Хорст! — раздался голос Уитбрида.

Стейли ответил.

— Хорст, конусы собираются войти в атмосферу!

— Да. Воткнуться прямо в землю! У тебя есть идеи?

Впрочем, он задал риторический вопрос. Наступила гробовая тишина. Три конуса мчались к зеленой Мошке-1. Вскоре они вошли в атмосферу.

Со всеми троими такое случалось не впервые. Им был знаком цвет плазменного поля, появляющегося перед носом корабля — оттенки различались в зависимости от химического состава защитного экрана. Но на сей раз они были практически «голыми». Возникнет ли излучение? Будет ли жар?

К Стейли сквозь помехи прорвался голос Уитбрида.

— Я пытаюсь рассуждать, как «домовые», и это не так-то легко. Они изучили наши скафандры. Наверное, они сообразили, какую часть излучения они задерживают. Сколько, по их мнению, мы можем выдержать? И не забудь про температуру…

— А я передумал, — вдруг к ним присоединился Поттер и рассмеялся. — Я не полечу вниз!

Стейли старался не обращать внимания на шутки. Он отвечал за их жизни и относился к ситуации серьезно. Он попробовал расслабиться и ждал жара, турбулентных потоков, радиации, падения конуса, смерти.

Сквозь плазменные искажения уже виднелась поверхность Мошки-1. Округлые моря и дуги рек. Огромные мегаполисы. Горные пики, покрытые льдами, и город, раскинувшийся у подножия и на склонах гряды. И океан (может ли проклятый конус балансировать на поверхности воды как поплавок?) — и снова суша. Конусы снижались, Мошка-1 продолжала увеличиваться. Свистел воздух. Лодочки на озере, окаймленном домами. Массив зеленого леса, резко ограниченный и рассеченные дорогами.

Обод конуса Стейли раскрылся, и назад рванулось кольцо парашюта. Стейли глубже вжался в кресло. С минуту он видел только голубое небо, после чего последовал сильный удар. Стейли мысленно выругался. Конус закачался и завалился набок.

В ушах Стейли зазвенело, и он услышал возглас Поттера:

— Я нашел рычаг управления! Если бестии сделали все одинаково, в центре должна быть

круглая рукоять. Это рычаг управления тягой, а двигая панель управления, можно удерживать конус от крена.

«Жалко, что он не обнаружил рычаг чуть раньше!» — подумал Стейли, а вслух сказал:

— Подлетайте ближе к земле и парите над ней — пусть топливо выгорит. Вы нашли способ высвобождать парашют, Поттер?

— Нет! Он пока подо мной, и пламя двигателя сразу сожжет его. Где вы?

— Внизу! Дайте только освободиться!

Стейли раскрыл аварийную сетку и повалился навзничь. Сиденье помещалось на тридцать сантиметров ниже края конуса. С помощью оружия Стейли прожег в конусе отверстие: нужно было хоть как-то проверить обстановку. Материал запенился и обдал Стейли белыми «снежными» хлопьями с головы до пят.

— Когда приземлитесь, убедитесь, что на борту шлюпки нет «домовых», — приказал он.

— Меня едва не вышвырнуло! — донесся до него голос Уитбрида. — До чего мудреные штуковины!

— Я вижу тебя, Джонатон! — крикнул Поттер. — И я смогу к тебе подлететь!

— Ориентируйтесь на мой парашют, — сказал

Стейли.

— А где ты? Что, если мы находимся в двадцати километрах друг от друга? Твой сигнал стал совсем слабым! — воскликнул Уитбрид.

Стейли поднялся и внимательно осмотрел спасательную шлюпку. В ней не было ни единого закутка, где малыш мог бы спрятаться во время полета, но Стейли проверил конус еще раз, для полной уверенности. Затем переключился на нужную частоту и попробовал вызвать «Ленин» — не надеясь на ответ и не получив его. Передатчики скафандров действовали только в пределах видимости, и их сознательно делали маломощными, иначе весь эфир заполнила бы людская болтовня. В спасательных шлюпках не обнаружилось ничего похожего на переговорное устройство. И как, интересно, «домовые» собирались выйти на связь с крупными сородичами?

Стейли чувствовал себя неуверенно: он пока не привык к силе тяжести. Он принялся озираться: во все стороны тянулись возделанные поля с рядами доходивших человеку до груди кустов с темной листвой и пурпурными плодами вроде баклажанов. Рядом произрастали кустики поменьше: их ветки были усеяны зернами. Стейли удивленно присвистнул: поля терялись за лини-

ей горизонта.

— Тебя по-прежнему не видно, Хорст, — доложил Уитбрид. — Хорст, взгляни-ка вон на то низкое здание, сверкающее, как зеркало! Оно смахивает на купол!

Стейли огляделся и обнаружил вдалеке металлически поблескивающее сооружение. Здание действительно могло оказаться его единственным ориентиром.

— Вот оно!

— Мы полетим туда и будем ждать тебя там.

— Ладно.

— Держи курс на него, Гэвин, — произнес Уитбрид.

— Хорошо, — донесся ответ.

Потом они говорили о чем-то еще, но Хорст Стейли не прислушивался. Ему опять стало одиноко.

— Ого! Мои двигатели смолкли! — воскликнул Поттер, и Уитбрид увидел, что спустя долю секунды конус Поттера ударился в землю острием, зашатался и рухнул в кусты.

— Гэвин! — закричал Уитбрид. — Ты в порядке?

Что-то зашелестело, потом раздался голос:

— Иногда в плохую погоду у меня ноет правый

локоть… старая футбольная травма. Держись, пока сможешь, Уитбрид. Я встречу вас у купола.

— Ясно! — маневрируя двигателем, Уитбрид направил конус к строению.

Еще издалека Уитбрид понял, что здание огромно. Даже с высоты птичьего полета размеры конструкции поражали воображение, правда, пока Уитбрид точно не мог определить его высоту: ему предстояло лететь минут десять, а то и больше.

Спустя некоторое время он сумел разглядеть детали строения, которое венчал идеально гладкий купол. Уитбрид не заметил ни окон, ни иных архитектурных «излишеств», за исключением прямоугольной выемки: наверняка двери, хотя та и казалась смехотворно маленькой для столь гигантской конструкции. Но, должно быть, его впечатление было ошибочным, да и отблески солнечного света на куполе слепили глаза.

Уитбрид начал неторопливо снижаться. В здании, возведенном посреди полей, было что-то зловещее, и именно это, а не страх перед тем, что двигатель в любую секунду может заглохнуть, застопорило его самого.

Но конус до сих пор не вышел из строя. Вероятно, малыши изменили компоненты в твердо-

топливном двигателе: среди устройств и вещей, усовершенствованных мошкитами, не было двух одинаковых. Уитбрид приземлился перед прямоугольной дверью, которая и впрямь была под стать зданию.

— Я на месте, — прошептал он и рассмеялся. — Докладываю. Вижу дверь. Она закрыта. Странно, что в полях не было тропинок, ведущих сюда. Растения доходят до самого края купола!

— Может, самолеты садятся на крышу? — предположил Стейли.

— Не думаю, Хорст. Крыша-то *скругленная*. И вряд ли сюда часто наведываются местные. Полагаю, тут устроили склад. Или внутри есть какой-нибудь автоматический агрегат.

— Будьте осторожны. Гэвин, как ты?

— Нормально, Хорст. Буду у здания через полчаса. Отбой.

Стейли готовился к долгому марш-броску. Выяснилось, что на спасательной шлюпке нет запаса продуктов. Подумав, он стащил с себя боевое обмундирование и надетый под броню вакуумный скафандр. В них не было ничего такого, что могло бы привлечь внимание мошкитов. Стянув с головы шлем, Стейли прикрепил его к шейной перемычке, чтобы использовать как воздушный

фильтр. Затем снял со скафандра рацию и повесил на пояс, предварительно попытавшись в последний раз связаться с «Лениным». Ответа он не получил. Что еще? Рация, баллончик с водой, оружие — все это он уже взял.

Стейли посмотрел по сторонам. Здание было всего одно, значит, он не заблудится. Стейли двинулся к сооружению, радуясь низкой гравитации и плавно покачиваясь на ходу.

Через полчаса он едва не налетел на мошкита, причем приблизился к нему практически вплотную: чужак оказался незаметным. И он отличался от мошкитов, которых Стейли видел раньше. Пришелец был небольшого роста и мог запросто спрятаться в кустах. Мошкит склонился над грядками, разравнивая руками почву, выдергивая сорняки и укладывая их между заботливо проведенными бороздками. Одновременно с этим мошкит умудрялся поглядывать на Стейли, но когда Стейли оказался рядом, продолжил работу.

Сам мошкит был не совсем коричневым, скорее пегим. Его мех, необычайно густой, покрывал три руки и даже ноги. Левая рука выглядела почти такой же, как у Коричневых, но на каждой из правых имелось по пять прямых и коротких пальцев плюс что-то вроде бутона. Ноги оказа-

лись толстыми, а ступни — плоскими. Голова была с сильно покатым лбом.

Если Салли Фаулер не ошибалась, это означало, что теменной области у него нет.

— Привет, — поздоровался Хорст.

Мошкит опять мельком посмотрел на него — и выдернул сорняк.

Только потом Стейли обнаружил остальных. Похоже, они следили за ним достаточно долго, чтобы убедиться, что он не уничтожает растений, после чего теряли к нему интерес. Хорст продолжал путь к сверкавшему в солнечных лучах зданию. До него было гораздо дальше, чем он предполагал.

Гардемарин Джонатон Уитбрид ждал. С тех пор как он поступил на флот, ему часто приходилось запасаться терпением, но ему было семнадцать стандартных лет, а в таком возрасте ждать нелегко.

Уитбрид сидел возле купола и смотрел вверх. В городе здания мешали ему видеть чужой мир, здесь же открывался весь горизонт. Темное небо становилось голубоватым только над его головой. На востоке клубились тучи, а с востока на запад проплывали редкие серые дождевые облака.

Солнце припекало. «Экватор где-то рядом», —

подумал Уитбрид и решил, что город мошкитов, где они жили, расположен гораздо дальше к северу. Крупный медный солнечный диск висел в небе — и, по мнению Уитбрида, светило выглядело «уютнее», чем маленькое солнце Новой Шотландии.

Уитбрид задумался. Теперь его взгляд рассеянно блуждал по зеркальному куполу здания. Наконец, он встал, чтобы исследовать дверь.

Она была добрых десять метров высотой. Слишком высокая для Уитбрида и, несомненно, гигантская для мошкитов. Но разве мошкиты стремились к архитектурной эстетике? Разумеется, нет, — сказал себе Уитбрид. Дверь должна быть функциональной… Тогда что значат эти десять метров высоты? Может, внутри находятся громоздкие машины? Однако, приложив микрофон к гладкой поверхности, он не услышал ни единого звука.

Сбоку от ниши, в которой помещалась дверь, имелась панель, удерживаемая сильной пружиной. За ней скрывалось нечто похожее на наборный диск. Пожалуй, так оно и есть. А что, если мошкиты любят решать головоломки? И вообще, кодовый замок мог означать «Вход воспрещен».

Значит, купол требовалось охранять — но от кого? От Коричневых? Белых? Рабочих? Наверное, от всех. Наборный диск мог быть задуман как форма общения.

Подошел Поттер. Он тяжело дышал, шлем покрылся конденсатом, на поясе висел баллончик с водой. Повернув микрофон, чтобы включить динамик, он отключил передатчик.

— Я попробовал воздух Мошки-1, — пропыхтел он. — Теперь я знаю, на что он похож. И ты нашел что-нибудь интересное?

Уитбрид показал. Он тоже приспособил свой микрофон к новым условиям. Не имело смысла передавать в эфир все, что они говорят.

— Жаль, рядом с нами нет доктора Бакмана. Это цифры мошкитов… Ясно, а вот солнечная система Мошки с диском на месте планеты. Надо же…

Уитбрид молча наблюдал за тем, как Поттер разглядывает изображение. Новошотландец скривил губы:

— Ничего себе! Газовый гигант расположен в три целых семьдесят две сотых раза дальше от Мошки, чем Мошка-1. Гм-м… — Он залез в карман и вынул компьютер. — Три запятая восемь… восемь, основание двенадцать. Как движется диск сейчас?

— В противоположном направлении, — ответил Уитбрид. — Какой же здесь код? А вдруг это чей-то день рождения?

Он обрадовался Гэвину. Если честно, Уитбрид был бы рад увидеть тут любого человека, однако возня новошотландца с дисками тревожила.

— Влево, вправо, влево, вправо, — бормотал Гэвин Поттер.

— Насколько я помню, Хорст приказал нам быть предельно осторожными, — произнес Уитбрид.

— Будьте осторожны — он именно так сказал. Едва ли его слова можно назвать приказом. Как думаешь, мы сейчас сумеем что-нибудь узнать о мошкитах или нет?

Уитбрид сдался. Будь что будет.

— Попробуй опять влево, — подсказал он и нажал на выпуклость, символизирующую Мошку-1. Та со щелчком сдвинулась. — Теперь опять влево.

— Да. Астрономические карты мошкитов показывают, что планеты движутся против часовой стрелки.

На третьей цифре дверь поддалась.

— Сработало! — воскликнул Уитбрид.

Дверь поднялась вверх и зависла на высоте полутора метров над землей. Поттер покосился

на Уитбрида.

— И что теперь?

— Ты что, смеешься?

— У нас есть приказ, — сказал Поттер.

Они плюхнулись на землю и переглянулись. Уставились на купол. В здании горел свет, и они могли запросто проверить, что находится внутри.

И, похоже, внутри были здания поменьше…

Стейли брел по полям мошкитов уже три часа, когда увидел самолет. Тот летел высоко в небе, но Стейли все равно отчаянно замахал руками, надеясь, что его заметят. Ничего подобного, конечно, не произошло, и он продолжил свой путь.

Спустя некоторое время он опять увидел самолет. Тот летел гораздо ниже. Через полминуты самолет еще больше снизился и исчез за пологими холмами, где, вероятно, и приземлился. Стейли пожал плечами. Наверняка они нашли его парашют и спасательную шлюпку и сейчас прочесывают поля в поисках человека. Можно не сомневаться, что его скоро обнаружат.

Через пару минут из-за холмов показался самолет, который взял курс прямо к Стейли. Сейчас он летел медленно, пилот явно осматривал местность. Стейли снова замахал руками, хотя

первым его порывом, разумеется, глупым, было спрятаться. Ему нужна помощь, хотя он понятия не имел, что скажет мошкитам.

Самолет пролетел мимо Стейли и завис. Реактивные сопла изогнулись, самолет приземлился на поле. В кабине сидели трое мошкитов: Пестрый быстро спрыгнул на землю.

— Хорст! — произнес он, копируя интонации Уитбрида. — А где остальные?

Стейли указал на блестящий купол. До него оставалось не менее часа ходьбы.

Мошкита Уитбрида поникла.

— Нужно спешить! Хорст, они точно там?

— Конечно. Они ждут меня уже часа три.

— Боже! Только бы они оставались снаружи! Уитбрид не должен войти внутрь! Поднимайтесь сюда, Хорст! Мы все поместимся, не беспокойтесь!

В кабине сидел еще один Пестрый и Коричневый пилот. Мошкита Уитбрида пропела что-то в пяти октавах, пользуясь по меньшей мере девятью тонами. Второй Пестрый всплеснул всеми руками одновременно. Мошкиты потеснились, а затем пилот повернул какие-то рычаги. Самолет взмыл в небо и помчался прямо к куполу.

— Только бы не опоздать, — твердила мошкита

Уитбрида. — Только бы не опоздать…

Хорст, скорчившись в кабине реактивного самолета, недоумевал. Все это ему не очень нравилось.

— Что случилось? — спросил он.

Мошкита Уитбрида взглянула на него.

— Может, и ничего.

Остальные мошкиты промолчали.

34
Правонарушители

Уитбрид с Поттером стояли рядом, вытаращив глаза.

Купол оказался футляром. Единственный источник света, похожий по яркости на послеполуденное солнце, сиял на вогнутом потолке. Мошкиты использовали этот способ освещения во многих зданиях, которые уже довелось увидеть Уитбриду.

То, что находилось внутри сооружения, напоминало маленький город. Впрочем, дома пустовали. Под куполом царила абсолютная тишина. Уитбрид не услышал ни единого шороха.

И город не знал гармонии. Здания были безобразны. Уитбрид содрогнулся при виде двух многоэтажных колонн. Они поддерживали конструкцию, напоминающую средневековый собор, где тысячи карнизов охраняли те, кого мошкит Бери назвал Демонами.

Здесь соперничали сотни архитектурных стилей и самые разнообразные технологии. Некоторые здания мошкиты возвели из бетона, стали

и стекла, а рядом с ними притулились хижины из обожженного кирпича. Уитбрид посмотрел на приземистый крепкий параллелепипед: стены из серебристого стекла перемежались каменными вставками, а крохотные оконца были закрыты ставнями.

— Понятно! Ставни от дождя. Должно быть, дом стоял здесь еще до того, как построили купол! — воскликнул Поттер.

— Конечно. Купол-то новенький. А собор в центре — или не знаю, как его назвать, — настолько стар, что вот-вот рассыплется.

— А вон там из стены торчит какая-то параболически-гиперболическая конструкция! С ума сойти!

— Это, наверное, часть соседнего здания. Какое же все древнее…

Стена толщиной более метра и зазубренная по краям и по гребню была сделана из узорчатых блоков, весивших не менее пятисот килограммов каждый. Какие-то ползучие растения, смахивающие на виноградные лозы, оплетали их, прорастая насквозь, и не давали сооружению развалиться.

Уитбрид склонился над растениями.

— Никакого цемента, Гэвин. Именно они

удерживают бетонные блоки и не дают зданию рухнуть. Потрясающе!

— Помнишь, что Хорст говорил о Каменном Улье?

— Он сказал, что чувствует его возраст. Верно подмечено!

— Здесь должны сойтись все эпохи. Думаю, мы нашли музей… Но чему он посвящен? Архитектуре? Значит, мошкиты столетие за столетием добавляли сюда экспонаты и поставили сверху купол для защиты от разгула стихии.

— Да…

— Ты сомневаешься?

— Но купол два метра толщиной и сделан из металла. Какие стихии!..

— Например, падение астероида. Впрочем, нет, что за ерунда!

— Я думаю, нужно изучить собор повнимательнее. Он тут самый древний.

А собор как раз и оказался музеем. Любой цивилизованный гражданин Империи сумел бы это определить — все музеи похожи.

Уитбрид посмотрел на стеклянные стеллажи, в которых стояли артефакты, снабженные табличками с датами и сведениями о них.

— Я могу прочесть тебе даты, — заявил Пот-

тер. — Они из четырех или пяти цифр. Видишь, Гэвин?

— Так… их год короче… Пять цифр. Счет идет от определенного события… и еще минус перед каждым числом! Нужно подумать… — он вынул компьютер и стал быстро писать на экране. — Это число, должно быть, — семьдесят четыре тысячи с хвостиком. Джонатон, таблички почти новые.

— Языки меняются, и мошкитам приходится часто переводить каждую табличку.

— Кстати, видишь значок. Это же — приблизительно! — Поттер не отрывался от экспонатов. — Вот он снова. Здесь нет… а тут есть. Джонатон, взгляни-ка!

Уитбрид уставился на ржавую железную конструкцию, превратившуюся в эскиз того, что она представляла собою когда-то. Гаубица.

— Есть и табличка. Двойной знак приблизительности означает догадки, предположения. Интересно, сколько раз переводили надпись?

Зал сменялся залом. Наконец, они обнаружили ведущую наверх лестницу с низкими, но достаточно широкими для человеческих ног ступенями. Поднявшись, они увидели вереницу помещений со стеллажами. Потолки были низкие, а освещались залы рядами грушевидных

лампочек с раскаленными нитями внутри: те зажигались, когда гардемарины входили, и гасли, когда они покидали помещение.

Все было продумано. Наверное, музей тоже являлся экспонатом.

Таблички везде были очень похожи, зато от артефактов за стеклом порой захватывало дух. Уитбриду это не казалось странным. Не существовало двух одинаковых вещей, сделанных мошкитами. Правда, один раз он чуть не засмеялся.

Стеклянный баллон несколько метров длиной и два метра шириной покоился на металлическом основании персикового оттенка. Уитбрид принялся изучать экспонат. На основании имелась табличка, а в самом баллоне лежал выцветший от времени, затейливо украшенный резьбой деревянный ящик вроде гроба — с проволочной сетчатой крышкой. Его тоже снабдили табличкой. Под ржавыми ячейками виднелась глиняная посуда со стенками толщиной с яичную скорлупу: частично разбитая, частично целая. У каждого обломка тоже была отдельная табличка с датой.

— Гнездо экспонатов, — улыбнулся Уитбрид.

Поттер, однако, сохранял серьезность.

— Что есть, то есть. Но экспонату около двух тысяч лет… Невероятно, правда?

— Нет, если… — Уитбрид провел классификационным кольцом по стеклянной поверхности. — Они оба царапаются. Это искусственный сапфир. — Он сделал то же самое с металлом — и тот поцарапал камень. — Согласен: два тысячелетия.

— Самому ящику около двадцати четырех веков, а посуде — более трех тысячелетий. Видишь, как меняются стили? Пожалуй, тут представлены различные ремесленные школы по изготовлению глиняной посуды.

— А деревянный гроб доставлен из другого музея?

— Да.

Уитбрид не выдержал и расхохотался. Они двинулись дальше. Наконец, Джонатон махнул рукой.

— Здесь тот же металл, верно?

На небольшом оружии с двумя ручками — должно быть, маленьком ружье — виднелась та же дата, что и на сапфировом баллоне.

Дальше, у стены, высилась удивительная конструкция. Она состояла из вертикального кружева шестиугольников, достигающих пары

метров в высоту. В некоторых «сотах» имелись пластиковые рамы, в других — их разрушенные остатки.

Поттер указал на мягкие изгибы сооружения.

— Вот и другой купол! Сферический, укрепленный каркасом. От него мало что осталось, да и не мог он накрывать все это.

— Ты прав. Но что же его разрушило? Интересно… видишь, как покорежены ребра около края? Может, смерч? Эта часть планеты довольно плоская.

Поттер на мгновение задуматься: на Новой Шотландии не бывало ураганов. Вспомнив уроки метеорологии, он кивнул:

— Да. Может быть…

За куполом Поттер нашел конструкцию из ржавого металла, покрытую пластиковой оболочкой. Пластик тоже выглядел потертым и изжеванным. На табличке были две даты, каждая состояла из пяти цифр. Следующая табличка была прикреплена к узкой машинке с тремя сиденьями в ряд, на вид весьма примитивной. Капот ее оказался приподнят.

— Внутреннее сгорание, — произнес Поттер. — А на Мошке-1 было очень мало топлива.

— Салли тоже так считает. Якобы их цивили-

зация пришла в упадок, когда они исчерпали все полезные ископаемые. Но я что-то в этом сомневаюсь.

Однако главная находка ждала их за углом. Они уставились на «колокольню», не обращая внимания на изящно выполненную бронзовую табличку, к которой тоже прилагалась табличка — более мелкая.

Внутри «колокольни» скрывался ракетный корабль. Несмотря на дыры в бортах и пятна коррозии, он еще сохранял форму: вытянутый цилиндрический резервуар, очень тонкостенный, с кабиной на истончающемся носу.

Они, не сговариваясь, направились к объекту. На первом ярусе были иллюминаторы.

Гардемарины встали на колени, чтобы заглянуть внутрь.

— Я не совсем… — начал Поттер.

— Атомный, — благоговейно прошептал Уитбрид. — Ранний тип! Пропускал инертное топливо через ядро из урана, плутония или чего-то подобного. Батарея расщепления, доатомная…

— Ты уверен?

Прежде чем ответить, Уитбрид посмотрел снова и кивнул:

— Да.

Они с детства знали, что расщепление открыли гораздо позже, но знали и то, что в Империи до сих пор кое-где пользовались двигателями внутреннего сгорания. Тем не менее аккумуляция энергии расщепления была для них мифом, и, пока они смотрели, годы словно срывались со стен и неслышно окутывали их обоих плащом, сотканным из столетий.

Самолет приземлился возле оранжевых обрывков парашюта и обломков конуса. Открытая дверь смахивала на обвиняющий рот.

Мошкита Уитбрида выскочила из самолета и бросилась к конусу. Она что-то прощебетала, и пилот тоже выскочил следом за ней.

— Они открыли дверь! — затараторила мошкита Уитбрида. — Никогда бы не подумала, что Джонатон решит эту задачу! Должно быть, Поттер постарался! Хорст, мы можем все-таки надеяться на то, что они не вошли?

Стейли покачал головой.

Мошкита снова что-то прощебетала Коричневому.

— Присмотрите за машиной, — обратилась она к Пестрому, который вылез из аэроплана и таращился в небо.

Коричневый поднял пустой вакуумный ска-

фандр Уитбрида и его боевое обмундирование. Потом быстро создал нечто вроде недостающего шлема и приладил его на место. Затем принялся за регенератор воздуха, копаясь в нем с помощью инструментов, извлеченных из поясного мешка. Вакуумный скафандр наполнился воздухом, встал вертикально, и Коричневый закрыл панель. Теперь вакуумный скафандр был тугим, объемным, как будто внутри скрывался человек. Коричневый обмотал его длинным шнуром, чтобы стянуть плечи, и пробил оба запястья.

Пустой вакуумный скафандр вскинул рукава: из пробитых запястий со свистом уходил воздух. Когда давление упало, рукава опустились. Еще несколько минут свиста — и они снова поднялись.

— Мы поступим с вашим скафандром точно так же. Температура там будет нормальной. Если повезет, его сожгут, не проверяя, есть вы внутри или нет.

– *Сожгут?*

— Впрочем, рассчитывать на это не следует. Жаль, нет способа отвести огонь от самолета!

Стейли коснулся плеча мошкиты. Коричневый глядел на людей со слабой полуулыбкой: похоже, он уже успокоился и ни о чем не думал. Эквато-

риальное солнце припекало.

— Зачем кому-то убивать нас? — спросил Стейли.

— Вам вынесен смертный приговор, Хорст.

— Но почему? Из-за купола? Он — табу?

— Купол — да, табу — нет. Вы что, считаете нас примитивными? Вы слишком много знаете. Мертвые свидетели ничего не рассказывают. А теперь войдем: нужно найти ваших товарищей и вывести их наружу.

Мошкита Уитбрида переступила порог здания, Стейли двинулся за ней следом. Пестрый пошел на ними, оставив снаружи беспечного Коричневого.

35
Беги, кролик, беги

Они нашли гардемаринов возле собора. Услышав глухой топот сапог Хорста Стейли, Уитбрид поднял голову. Заметив мошкитов, он произнес:

— Финч'клик?

— Финч'клик.

— Мы изучаем ваши…

— Джонатон, некогда, — оборвала его мошкита.

Второй Пестрый переминался с ноги на ногу.

— Нам грозит смерть за нарушение границ чужой собственности, — объяснил Стейли.

Наступила пауза. Наконец Уитбрид сказал:

— Но я ничего не сделал! Тут устроили музей древностей — и все!

— Да, — кивнула его мошкита. — Вы *должны* приземлиться рядом с куполом, и это не простое стечение обстоятельств. Часовщики должны были запрограммировать спасательные конусы так, чтобы те не свалились в воду, на городские здания или на горную вершину. В итоге вы сели среди сельскохозяйственных угодий. Кстати, где

именно находятся наши музеи?

— При чем тут ваши музеи? — спросил Поттер и добавил многозначительным тоном: — Ясно! Ведь рядом никаких мошкитов, кроме тех, кто работает в поле.

— И они даже близко к нему не подходят.

На некоторое время воцарилась тишина.

— Гэвин, а вы не особенно удивлены, — сказала мошкита.

Поттер хотел почесать подбородок, но ему помешал шлем.

— Полагаю, нет ни малейшего шанса убедить вас в том, что мы не поняли значения основных экспонатов?

— Вы пробыли под куполом целых три часа.

— Два! — возразил Уитбрид. — Хорст, место и впрямь фантастическое! Музеи внутри музея, которые уводят глубоко в прошлое. Может, это и есть секрет? Что здешняя цивилизация очень и очень стара? Но я не понимаю, зачем вам скрывать свой возраст?

— У вас было много войн, — вымолвил Поттер.

Мошкита втянула голову в плечи.

— Да.

— Долгих и кровопролитных.

— Верно. А также тех войн, которые быстро

завершались. И сколько же их было?

— Бога ради, Поттер! Кто сосчитает? Тысячи циклов. Тысячи разрушительных возвращений к варварству. Безумный Эдди постоянно пытался остановить этот круговорот! По-моему, каста Принимающих Решения состоит из копий Безумных Эдди. Они считают, что нарушат круговорот циклов, выйдя в космос и заселив другие солнечные системы!

Голос Хорста Стейли звучал спокойно. Он внимательно оглядывал купол, а его рука лежала на рукояти пистолета.

— Они так действительно считают? А о чем же мы узнали?..

— Вот я как раз и пытаюсь объяснить! Я попробую доставить вас обратно на корабль. Живыми, — мошкита указала на Пестрого, который не шевелился, и что-то просвистела и прогудела. — Можете звать ее Чарли, — произнесла она. — Вам не воспроизвести ее настоящее имя. Чарли прикреплена к отдающим приказы, и она, вероятно, захочет вам помочь… В любом случае я даю вам реальный шанс на спасение.

— И что нам делать? — спросил Стейли.

— Мы попытаемся добраться до Хозяина Чарли. Тогда вы будете под защитой, — (свист, щелчок,

свист). — Зовите его… хотя бы… Король Петр. У нас нет царствующих особ, но в данный момент он — мужчина, причем один из самых могущественных отдающих приказы. Поговорив с вами, он захочет отослать вас домой.

— Угу, — пробормотал Хорст. — Но что это за секрет, над которым вы так трясетесь?

— У нас нет ни минуты. Пора уходить.

Хорст Стейли вытащил пистолет.

— Нет! Поттер, есть в музее что-нибудь, что позволит нам связаться с «Лениным»? Поищите.

— Понял!

— Хорошо бы, если передатчик!

— Хорст, послушайте, — настаивала мошкита Уитбрида. — Принимающий Решения *знает*, что вы приземлились возле купола. Если вы попробуете выйти отсюда на связь, вам помешают, а если вы отправите сообщение, «Ленин» уничтожат. — Стейли хотел ее перебить, но мошкита настойчиво продолжала: — Да, они способны уничтожить корабль, хотя это будет нелегко. Ваше поле довольно мощное, но наши инженеры весьма талантливы. Кроме того, у нас есть *воины*. Мы наблюдали за уничтожением одного из ваших лучших военных кораблей и уже успели многое выяснить. Вы полагаете, что ваш малень-

кий линкор устоит против нашей флотилии, летящей отсюда… и со станций на астероидах?

— Хорст, а она права, — выдавил Уитбрид.

— Нужно сообщить адмиралу, — сказал Стейли неуверенно, хотя пистолет в его руке не дрожал. — Поттер, выполняйте приказ.

— Вы получите возможность вызвать «Ленина», как только окажетесь в безопасности, — визгливо заявила мошкита Уитбрида и замахала руками. — Хорст, поверьте, у вас нет выбора. Да и сами вы никогда не справитесь с коммутатором. Вам потребовалась бы наша техническая консультация, а мы не собираемся помогать в глупостях. У нас нет времени!

Пестрый что-то прощебетал. Мошкита Уитбрида ответила, и некоторое время они переговаривались. Затем мошкита Уитбрида перевела:

— Если сюда не придут войска моего Хозяина, то нагрянут Воины-Хранители Музея. Я не представляю, где главный Хранитель держит их. Чарли тоже. Хранители бесплодны и лишены честолюбия, но весьма ревностно относятся к своей собственности.

— Они будут нас… бомбить? — осведомился Уитбрид.

— Нет, конечно, они же не хотят разрушить Му-

зей, который имеет столь огромное значение. Но, повторяю, Хранитель пошлет войска… если мой собственный Хозяин не появится здесь первым, то вы погибнете.

— Тогда почему здесь до сих пор нет ни тех, ни других? — поинтересовался Стейли. — Они опаздывают?

— Хватит шутить! Хранители наверняка на подходе! А мой Хозяин… мой старый Хозяин… получил законное право изучать людей. Он… точнее она, одержима вами и не хочет, чтобы в это дело вмешивались другие мошкиты. Она постарается держать посторонних мошкитов в неведении, а поскольку ее владения расположены возле Замка, то ее Воины сейчас находятся там. Примерно за две тысячи километров отсюда.

— Но ваш самолет вроде бы скоростной, — напомнил Стейли.

— Им могут пользоваться только Посредники, да и то — в чрезвычайных обстоятельствах. Нам надо соблюдать крайнюю осторожность, как говорят у вас, у людей… не высовываться. Ваше появление здесь может развязать войну, а если кто-нибудь заметит отряд Воинов у самолета, нам всем несдобровать.

— Разве у ваших Хозяев нет четкой военной

стратегии? — спросил Уитбрид.

— Есть, но они очень медлительны. Впрочем, в любом случае мы постараемся спасти вас. Под куполом есть туннель…

— Туннель? — переспросил Стейли.

События развивались стремительно. Еще несколько минут назад он командовал здесь, но теперь не знал, что делать.

— Да. Музеи иногда посещают посетители, и туннель является удобным маршрутом. К тому же его используют, чтобы добираться сюда из Замка, — сказала мошкита и задумчиво добавила: — Но как быть с Хранителем? Он может запретить моему Хозяину вмешательство. Тогда, не сомневайтесь, он убьет вас, чтобы удержать остальных Хозяев от развязывания войны.

— Нашел что-нибудь, Гэвин? — крикнул Стейли.

— Ничего, что походило бы на коммуникатор. Я сейчас смотрю на свежие экспонаты, Хорст, остальное насквозь проржавело.

— Хорст, поторопитесь! — заверещала мошкита Уитбрида. — Некогда болтать!

— Воины могут долететь на своих флаерах до ближайшего населенного пункта, а оттуда по туннелю добраться до купола, — резюмировал

Уитбрид. — Хорст, есть какие-нибудь идеи?

Стейли кивнул.

— Хорошо. Но как мы отсюда смоемся? На вашем самолете?

— Он не рассчитан на такое количество пассажиров, — произнесла мошкита Уитбрида. — Но мы можем отправить двоих с Чарли, а я…

— Нет, — решительно отказался Стейли. — Мы останемся вместе. Можно вызвать самолет побольше?

— Не стоит. Сигнал могут засечь Воины других Хозяев. Думаю, вы правы и нам надо держаться вместе. Значит, мы идем в туннель.

— Который наверняка кишит врагами, — невесело усмехнулся Стейли.

Итак, возможно, непробиваемый купол неплохо предохранял от бомб, а зеркало отлично отражало лазерные лучи. Они могли бы держать осаду, но надолго ли? Его уже начинала охватывать паранойя солдата, попавшего во вражеский лагерь.

— Куда бы нам спрятаться, чтобы отправить сообщение на «Ленин»? — задал он самый главный вопрос.

— Во владения Короля Петра. Они — в тысяче километров, но лишь там найдется подходящее

оборудование, защищенное от перехвата. Имейте в виду, что это, как говорится, не панацея, но пока надежда еще есть.

— И улететь на самолете мы не можем. Ладно. Где же туннель? Мы устроим там засаду.

— Засаду? — Мошкита согласно кивнула. — Хорст, я не разбираюсь в тактике — Посредники не участвуют в сражениях… но я попытаюсь доставить вас к Хозяину Чарли. А потом вам придется самим разбираться с противниками. У вас мощное оружие?

— Обычное, ручное.

— Здесь найдется другое. Под него отведена часть Музея. Но я не знаю, какое именно находится в рабочем состоянии.

— Давайте рискнем, Уитбрид, Поттер, поищите оружие! Ну и где этот туннель?

Мошкита перевела взгляд на Чарли: та, кажется, поняла все, что говорилось, хотя не пыталась произнести ни слова на англике. Несколько секунд они пересвистывались, после чего мошкита Уитбрида махнула рукой в сторону собора.

— Здесь.

Немного помедлив, она показала на статуи Демонов вдоль карнизов.

— Все, что вы видели, безвредно, за исключе-

нием этих. Они — Воины. Можете называть их солдатами, телохранителями, полицейскими. Они убивают и знают толк в своем деле. Если увидите их где-нибудь, бегите.

— Сами бегите, — буркнул Стейли и крепче сжал пистолет. — Ищите нас внизу! — крикнул он остальным и повернулся к мошките: — А как быть с Коричневым… или это Коричневая?

— Я позову ее, — ответила мошкита Уитбрида и издала птичью трель.

Спустя полминуты они увидели Коричневую: она принесла с собой какие-то вещи, которые вручила Чарли. Мошкиты внимательно осмотрели их, после чего мошкита Уитбрида произнесла:

— Воздушные фильтры. Можете снять шлемы и надеть маски.

— Но наши радиопередатчики… — запротестовал Хорст.

— Снимите. Коричневая их доработает. Вы что, хотите, чтобы уши вам закрывали шлемы? Все равно баллонов с воздухом и фильтров вам хватит ненадолго.

— Спасибо, — сказал Хорст, взял фильтр и закрепил на лице.

Мягкая «чаша» закрывала нос, а трубка вела к баллончику, который Хорст прикрепил к поясу.

Но куда же девать громоздкий шлем? В конце концов он привязал его к поясу, где тот болтался, причиняя немалые неудобства.

— Можно двигаться, — без шлема говорить стало легче, но приходилось постоянно следить, чтобы не вдохнуть через рот.

Наклонная дорожка спиралью уходила вниз. Далеко. Все, кажется, было спокойно, Стейли почувствовал себя живой мишенью. А вдруг в туннеле затаились отряды мошкитов? Как было бы здорово иметь под рукой гранаты и дюжину парней из космодесанта! Но здесь были только он и два его собрата-гардемарина. И мошкиты. Посредники. А ведь, по словам мошкиты Уитбрида, Посредники не участвуют в сражениях… Стейли задумался. Как странно! Мошкита вела себя точь-в-точь как Джонатон Уитбрид, и Стейли только диву давался. И она не сражалась, как и другие ее «приятельницы».

Он осторожно шел вниз, держа пистолет наготове. Дорожка привела его к двери, и на мгновение Стейли замешкался. За дверью было тихо. «Ладно», — подумал он, толкнул створку и переступил порог.

Стейли очутился в наклонном цилиндрическом туннеле — широком и даже с рельсами.

Слева туннель оканчивался каменной стеной, а справа уходил в бесконечную темноту. В стенах Стейли сумел различить углубления, похожие на ребра гигантского кита.

Мошкита подошла к Стейли.

— Раньше здесь стоял металлический линейный ускоритель, но потом мошкиты из вырождающейся цивилизации разобрали его на запчасти.

— Я не вижу никаких машин. Откуда нам их взять?

— Я могу вызвать. Любой Посредник может.

— Пусть это сделает Чарли, — заявил Хорст. — Или ей нельзя… светиться?

— Хорст, если мы будем ждать машину, прибудет чужая — набитая Воинами. Хранитель *знает*, что вы забрались под купол. Но я не понимаю, почему здесь вообще никого нет. Вероятно, между ним и моим Хозяином идет сражение за юрисдикцию. Она крайне важна для Принимающих Решения…

— Значит, мы не можем удрать на самолете, не можем уйти пешком через поля и не можем вызвать машину, — подытожил Стейли. — Ладно, нарисуй мне эту машину.

Мошкита начертила ее на экране карманного

компьютера Стейли: ящик на колесах, универсальное раскладное средство передвижения, рассчитанное на десяток пассажиров.

— Двигатели распложены рядом с колесами. Управление может быть автоматическим.

— Только не у военной машины.

— В таком случае оно находится здесь, впереди. И Коричневые, и Воины могут вносить любые изменения. Им это нравится.

— Теперь вооружение. Бронированные стекла и борта, носовые орудия…

Вдруг все мошкиты оцепенели. Стейли затаил дыхание, однако ничего не услышал.

— Шаги, — прошептала мошкита. — Возможно, Уитбрид и Поттер.

— Ясно, — Стейли крадучись направился обратно.

— Хорст, я узнаю походку.

Парни были вооружены.

— Вот наша добыча, — похвастался Уитбрид, поднимая трубу с линзой на одном конце и прикладом, явно приспособленным под плечо мошкита, на другом. — Не знаю, насколько хватит заряда, но оно запросто разрежет каменную стену. Невидимый луч.

Стейли взял трубу.

— То, что нужно. Об остальном расскажете потом. Встаньте за дверь, — приказал Стейли и разместился у самого входа в туннель.

Не выйдя из туннеля, никто не мог увидеть его. Интересно, хороши ли «доспехи» мошкитов? Способны ли они выдержать луч рентгеновского лазера? Из туннеля не доносилось ни звука, и надо было только ждать.

Стейли чувствовал себя глупо, но понимал, что больше ничего не может сделать. А если Воины прилетят на реактивных самолетах или своих флаерах и приземлятся возле купола? Стейли вздохнул. Надо бы задраить дверь и оставить кого-нибудь дежурить наверху. Время еще есть.

Он уже открыл рот, но внезапно раздался низкий гул и рельсы завибрировали. Как ни странно, но звук помог Стейли обрести душевное равновесие. Выбора нет.

Хорст осторожно шевельнулся и получше ухватил незнакомое оружие.

По рельсам ехала машина, и она приближалась.

Она оказалась гораздо меньше, чем ожидал Стейли: игрушечный автомобильчик, приспособленный под рельсы, просвистел совсем рядом. Лица Стейли коснулся легкий ветерок. Машина

затормозила, и Стейли принялся водить трубой, как волшебной палочкой, — туда-сюда. Похоже, мошкиты были умельцами в области вооружения. Луч оказался невидим, но полосы докрасна разогретого металла крест-накрест перечеркнули машинку, которая замерла на рельсах. Стейли ударил лучом по стене, прыгнул вперед и выстрелил.

А из темноты тем временем появилась вторая машинка. Стейли нырнул в укрытие и продолжал стрелять, целясь в движущуюся мишень. Откуда ему было знать, когда батареи — или что там служило источником энергии — разрядятся? Все-таки музейный экспонат! Вторая машинка промчалась мимо, расчерченная вишнево-красными линиями. Стейли напоследок взмахнул трубой и отступил, снова стреляя в туннель. Однако там было пусто.

Третья машина еще не появилась. «Вот и хорошо», — подумал Стейли и методично расстрелял вторую. Что-то застопорило ее — система предотвращения столкновений? Он не знал.

Стейли бросился к машинам. Уитбрид и Поттер присоединились к нему.

— Я велел вам стоять на месте!

— Извини, Хорст, — сказал Уитбрид.

— Мы на военном положении, мистер Уитбрид. Вы можете звать меня Хорстом, когда в нас не стреляют.

— Да, сэр. Я только хотел заметить, что, кроме вас, никто не стрелял.

От оплавленных механизмов тянуло запахом горелого металла. Мошкиты выскочили из своего укрытия. Стейли приблизился к машинам и заглянул внутрь.

— Демоны, — пробормотал он.

Люди с интересом осмотрели тела. Если не считать каменных изваяний, они никогда прежде не видели подобных существ. Демоны — по сравнению с Посредниками или Инженерами — казались жилистыми, поджарыми и подвижными, совсем как борзые псы рядом с мопсами. Правые руки были гибкими, с четырьмя короткими толстыми пальцами — и далеко отставленным большим. Край левой ладони покрывала гладкая мозоль. Левая рука была чуть подлиннее, с пальцами, похожими на сосиски, а под самой верхней конечностью виднелось что-то еще, нечто совсем уже непонятное.

Вдобавок Демоны обладали острыми зубами, напоминающими клыки настоящих чудовищ из детских книг и полузабытых легенд.

Чарли что-то прощебетала мошките Уитбрида. Не получив ответа, защебетала снова, громче и посмотрела на Коричневую. Инженер подбежала к двери и принялась изучать ее вблизи. Мошкита Уитбрида таращилась на мертвых воинов.

— Берегись мин-ловушек! — крикнул Стейли. Инженер не обратила на него внимания и начала простукивать дверь. — Берегись!

— Коричневая обязательно их обнаружит, — неожиданно произнесла Чарли, причем безо всякого акцента. — Я велела ей быть осторожной, — добавила она.

— Вы знаете англик? — изумился Стейли.

— Да. Но мне трудно думать на вашем языке.

— Что-то неладно с моей финч'клик? — вмешался Уитбрид.

Вместо ответа Чарли опять что-то защебетала в разных тональностях. Мошкита Уитбрида встрепенулась.

— Простите, — сказала она. — Но это Воины моего Хозяина. Что я наделала!

— За дело, — нервно сказал Стейли и поднял свое оружие, чтобы разрезать борт машины.

Коричневая пока еще аккуратно простукивала дверь и не отрывалась от работы.

— Позвольте мне, сэр. — Уитбрид держал в руке

короткий меч с толстой рукоятью.

Хорст с удивлением следил за Уитбридом: тот ловко прорезал в металлическом борту машины отверстие.

— Думаю, это вибромеч, — заметил Уитбрид, оглянувшись.

Хорст ощутил вонь горелого металла. Мошкитам, наверное, тоже пришлось несладко, но они не подавали виду. Наконец, они проникли и во вторую машину.

— Осмотрите их повнимательнее, — велела мошкита Уитбрида, она, похоже, приободрилась. — Познакомьтесь со своими врагами. — Она что-то прочирикала, повернувшись к Коричневой.

Та склонилась над рычагами управления, осмотрела их и уселась на водительское сиденье, предварительно сбросив оттуда мертвого Воина.

— Загляните им под левую руку, — вымолвила мошкита Уитбрида. — Раньше там была дополнительная вторая левая рука, рудиментарная… От нее сейчас остался только коготь, похожий… — мошкита на мгновение задумалась, — …на копыто. Это нож-потрошитель. Но мышцы, конечно, достаточно сильны, чтобы он мог двигаться.

Уитбрид и Поттер скривились. По указанию Стейли они принялись выкидывать тела мертвых Демонов наружу. Воины были похожи друг на друга, отличаясь только расположением свежих ожогов, оставленных лучом рентгеновского лазера. На ногах у них имелись острейшие шипы, которые торчали на больших пальцах и на пятках как шпоры. Один пинок — назад или вперед, — и с врагом будет покончено. Головы оказались маленькими.

— Они разумны? — спросил Уитбрид.

— По вашим стандартам, да, но не слишком находчивы, — ответила мошкита Уитбрида. Она говорила как Уитбрид, цитирующий лекцию первого лейтенанта: слова звучали очень четко, но невыразительно. — Они могут исправить любое оружие, но не способны изобрести свое собственное. А это их медик: гибрид Доктора и Воина. Обладающий зачатками разума. Но нам надо действовать. Кстати, вам лучше отдать Коричневой на проверку все оружие, какое у вас есть.

Машина внезапно заурчала.

— Куда мы поедем? — спросил Стейли.

Мошкита Уитбрида по-птичьи защебетала. Звуки напоминали свист пересмешника.

— К ближайшему городу на линии…

— Противник блокирует дорогу или выставит там вооруженные отряды, — заявил Стейли. — Далеко до города?

— Пятьдесят километров.

— Проедем половину и остановимся, — приказал Стейли.

— Да, сэр, — мошкита полностью скопировала интонации Уитбрида. — Они недооценивали вас, Хорст. Вот единственное объяснение случившемуся! Я никогда не слышала, чтобы Воины убивали кого-то, кроме Воинов. Или иногда Хозяина… но очень редко. Мы сражаемся при помощи Воинов и таким образом сдерживаем их численность.

— Угу, — буркнул Уитбрид. — А может, вам… перестать разводить их?

Мошкита саркастически рассмеялась — совсем по-человечески, и Уитбриду даже стало неловко.

— Неужели никто из вас не понял, что убило Инженера на борту вашего корабля?

— Нет, — хором ответили люди.

Чарли что-то прочирикала.

— Пусть будут в курсе, — вымолвила мошкита Уитбрида. — Она умерла потому, что не нашлось никого, от кого она могла бы забеременеть.

Воцарилась тишина.

— Вот и весь секрет. *Такого* вы не предполагали? Каждая особь должна забеременеть после того, как станет женщиной. Ребенок, мужчина, женщина, беременность, мужчина, женщина, беременность — круг за кругом. Те, кто не зачнет ребенка, умирают. Всегда. А мы — Посредники — здесь бессильны. Мы — мулы, бесплодные гибриды.

— Но… — Уитбрид говорил как мальчик, которому только что рассказали правду о Санта-Клаусе. — Сколько лет вы живете?

— Около двадцати пяти ваших лет. Пятнадцать — по достижении зрелости. Но Инженеры, Фермеры и Хозяева — особенно Хозяева! — должны беременеть в течение двух наших лет. Та Инженер, которую вы подобрали, вероятно, уже близко подошла к последней черте.

Стейли было нечего сказать.

— Господи! — воскликнул Поттер. — Какой ужас!

— Конечно. Салли и ее…

— То, что она принимает? — перебил Уитбрид.

— Да. Противозачаточные таблетки. Мы спрашивали Салли Фаулер, что делает женщина, если не хочет ребенка. Она принимает таблетки. Но приличные девушки не пользуются ими, они во-

обще не занимаются сексом, — жестко закончила мошкита.

Машина мчалась по рельсам. Хорст сидел на капоте, превратившемся в нос, и вглядывался в темноту, держа оружие наготове. Потом он полуобернулся. Обе мошкиты смотрели на людей, их улыбки стали шире, но недавнее горькое признание опровергало показное дружелюбие.

— Они не занимаются сексом! — повторила мошкита Уитбрида. — Фью-юф-ву-ф-фл! Теперь вы знаете, почему мы воюем! Всегда воюем…

— Демографический взрыв, — сообразил Поттер.

— Да. Развитие любой цивилизации, поднявшейся из варварства, прекращает смерть от голода. А вы, люди, не понимаете, что такое давление популяции! Мы способны сдержать рост численности, уменьшив разведение других видов, но что могут сделать отдающие приказы, которые размножаются и размножаются? Ближе всего к противозачаточным таблеткам, пожалуй, только детоубийство!

— Тогда вы начинаете войны, — произнес Поттер, — и вскоре мошкиты, сражающиеся за пищу, погибают. Они уничтожают друг друга.

— Верно, — голос мошкиты Уитбрида зазвучал

спокойнее. — Чем выше уровень развития цивилизации, тем дольше период варварства. И всегда вмешивается Безумный Эдди: он пытается разрушить круговорот циклов — но лишь ухудшает положение. Если вы не заметили, джентльмены, скажу, что сейчас мы близки к упадку. Когда вы появились, здесь шло жуткое сражение за юрисдикцию. Мой Хозяин победил…

Чарли что-то просвистела и прогудела.

— Да. Король Петр старался одержать верх, но не получил поддержки. Впрочем, вряд ли он сумел бы выиграть сражение с моим Хозяином. Пожалуй, то, что мы делаем сейчас, приведет к войне… впрочем, неважно. Она бы все равно началась.

— Вас так много, что вы выращиваете растения даже на крышах, — догадался Уитбрид.

— Обычное явление. Как и поля в городских границах. Но всегда найдется кто-то, посматривающий на Циклы свысока.

— Непросто создавать цивилизацию без радиоактивных руд, — заметил Уитбрид. — Вы каждый раз приходите к водородному синтезу?

— Естественно. У вас должно быть то же самое.

— Не уверен.

— А у нас именно такой путь развития. Долгий

путь… Исключение — период, когда радиоактивные руды нашли на троянских астероидах. Там осталась уцелевшая группа, и они, образно говоря, привнесли свою цивилизацию сюда. Между прочим, там обнаружились следы древней цивилизации… удивительно, не правда ли? Мошкиты-шахтеры, которые работали на астероидах длительное время, даже переняли некоторых черты тех первопроходцев.

— Лопни мои глаза! — вырвалось у Уитбрида. — Но…

— Стоп! — приказал Стейли. Мошкита Уитбрида что-то пропищала, и машина с визгом затормозила. — Меня тревожит наша ситуация, — объяснил Стейли. — Противник *должен* ждать нас. Солдаты, которых мы убили, не успели отправить донесения… а если они принадлежали вашему Хозяину, то где же Воины-Хранителя? Как бы ни было, я хочу опробовать их оружие.

— Пусть сначала его проверит Коричневая, — сказала мошкита Уитбрида. — Возможны неприятные сюрпризы.

А оружие казалось смертоносным. И, разумеется, двух одинаковых образцов не нашлось. Самым привычным на вид оказалось нечто вроде пулемета, но имелись и ручные лазеры, и гра-

наты. Приклад каждого орудия был переделан индивидуально. Одни образцы прикладывались к верхнему правому плечу, другие — к обоим. Были и специальные модели для левшей. Стейли смутно припомнил, что они выносили тела с одной правой и двумя левыми верхними конечностями.

Он взглянул на ракетомет с диаметром ствола в пятнадцать сантиметров.

— Пусть она проверит и его, — попросил Стейли.

Мошкита Уитбрида вручила ракетомет Коричневой, та взяла его и положила сбоку от сиденья.

— Он с ловушкой, — сказала мошкита Уитбрида.

Коричневая покосилась на ракетомет и что-то пискнула.

— Порядок, — перевела мошкита Уитбрида.

— А заряды? — не унимался Стейли.

Они нашли несколько разных видов и ни одной одинаковой пары. Коричневая что-то защебетала.

— Круглая ракета взорвется, если вы попытаетесь ее зарядить, — объяснила мошкита Уитбрида. — Наверняка здесь полно других ловушек. Хозяева считали вас глупыми и бестолковыми.

Простите… Поначалу так думали и мы. Хотя, с другой стороны, ловушки означают, что они уже немного изменили свое мнение. Он считают вас способными убить Воинов.

— А по-моему, они до сих пор не сомневаются в том, что мы недоумки. Без оружия мы были бы уже давным-давно мертвы. А кстати, почему в ваших музеях хранится боевое оружие?

— Вы не поняли цели музея, Хорст. Он служит для… как бы поточнее выразиться… словом, для культурного подъема в следующем Цикле. Дикари, собравшись вместе, положат начало новой цивилизации. Чем быстрее они смогут это сделать, тем больше времени пройдет до очередного коллапса, поскольку сами мошкиты тоже будут развиваться, а их численность сперва не будет слишком высока. Понимаете? Они смогут выбирать то, что нужно, из целого спектра достижений предыдущих цивилизаций, а потом можно будет снова пустить в ход и оружие. Как вы справились с кодовым замком?

— Как? — переспросил Поттер. — Я вам отвечу: нам понадобилось вспомнить кое-что из астрономии. Полагаю, дикари не получат доступ к сокровищам цивилизации, пока они не будут к этому готовы.

— Вы правы.

Коричневая опять защебетала и передала Стейли тупоносую ракету.

— Все исправлено, — сказала мошкита Уитбрида. — Теперь она безопасна. Что вы собираетесь делать, Хорст?

— Подберите мне еще парочку таких же. Поттер, а вы возьмите рентгеновский лазер. Как близко мы сейчас к поверхности?

— Э… гм… — птичий пересвист. — Конечная станция — в одном лестничном марше под поверхностью. Местность здесь довольно ровная. Думаю, мы в тридцати метрах под землей.

— А далеко до других транспортных средств?

— Час ходьбы до… — птичий пересвист. — Хорст, вы хотите повредить туннель? Вы знаете, сколько времени его используют?

— Нет, — Хорст перебрался через борт машины, прошел в ту сторону, откуда они приехали, метров двадцать, затем еще столько же.

Здесь тоже могли таиться мины-ловушки.

Прямо перед ним тянулся бесконечный туннель. Вероятно, его подправляли лазером, который резал любой материал, как нож масло. Голос мошкиты Уитбрида догнал его.

— Одиннадцать тысяч лет!

Стейли выстрелил.

Снаряд коснулся потолка туннеля далеко впереди, и Хорст согнулся в три погибели, чтобы устоять перед воздушной волной. Когда он выпрямился, то увидел груду земли.

Он взял другой снаряд и выстрелил снова.

На сей раз вдалеке сверкнул тусклый дневной свет, и Стейли побежал туда, чтобы взглянуть на разрушения. Пожалуй, они смогут выбраться по этому откосу.

Одиннадцать тысяч лет… и все пошло насмарку.

36
Рассудительность

— Отправьте машину без нас, — заявил Хорст.

Мошкита Уитбрида заверещала, и Коричневая вскрыла пульт управления. Работа шла с головокружительной быстротой. Уитбрид вспомнил мошкиту-шахтера, которая жила и умерла целую вечность назад, когда «Макартур» был домом, а мошкиты — дружелюбными и одновременно загадочными пришельцами.

Наконец Коричневая перебралась через борт. Машина зарычала и рванула вперед. Путники повернулись к откосу и молча начали подъем.

Когда они выбрались наверх, мир мошкитов сиял всеми оттенками красного. Бесконечные ряды растений качались на ветру. Кустарники, которые росли неподалеку от воронки, проделанной в земле, склонились в разные стороны, будто пьяные.

Но среди них что-то двигалось. Стейли увидел три оружейных приклада. К ним направлялся какой-то мошкит.

— Ничего страшного. Это просто Фермер, — ска-

зал Стейли.

Мошкита Уитбрида вылезла наружу сразу за гардемаринами и тщательно отряхнула свою меховую шкуру.

— Здесь много Фермеров. Они могут даже зарыть воронку. Они, конечно, не слишком сообразительны, но им это и не нужно. Что теперь, Хорст?

— Будем идти, пока есть силы. Если увидите самолеты… гм-м…

— Берегитесь. У них имеются инфракрасные детекторы, — подсказала мошкита.

— У вас есть тракторы на полях? — спросил Стейли. — Можем мы захватить один?

— Сейчас они наверняка стоят в сарае. После заката не работают, хотя Фермеры могут пригнать трактор, чтобы заровнять дыру.

Стейли на мгновение задумался.

— Значит, отпадает. Будем надеяться, что на инфракрасных экранах мы смахиваем на местных Фермеров.

Они двинулись по тропинке, а Фермеры (их уже было несколько) начали возиться с растениями и разравнивать почву вокруг корней. Они пересвистывались между собой, но мошкита Уитбрида ничего не переводила. Стейли лениво размыш-

лял о том, действительно ли Фермеры говорят нечто вразумительное или просто ругаются, но уточнять не стал.

Небо померкло, прямо над головой зажглась красная точка: Глаз Мёрчисона. Впереди виднелось желтое зарево города. Птичий пересвист Фермеров продолжался. Люди шли молча, гардемарины отдельной группой с оружием наготове, а мошкиты следом, то и дело оборачиваясь.

Наконец Стейли обратился к мошките:

— Я никак не пойму, что вам в этом?

— Боль. Усилие. Унижение. Смерть.

— В том-то и дело. Но почему вы прилетели за нами?

— Хорст, вы правда не можете понять, почему здесь нет вашей финч'клик? — ответила вопросом на вопрос мошкита Уитбрида.

Хорст покосился на нее и даже замедлил шаг. Он был поражен.

Интересно, что делает его напарница, пока Демоны охотятся за ним и его товарищами? Но эта мысль причинила ему лишь тупую боль. Он опять посмотрел на мошкиту.

— Мы обе обязаны повиноваться, Хорст, ваша финч'клик и я. Но ваша финч'клик отдает долг, если так можно выразиться, своему старшему

офицеру. Гэвин…

— Да?

— Я пыталась убедить вашу финч'клик присоединиться к нам, но она одержима идеей Безумного Эдди, будто можно покончить с Циклами, отправив излишек населения к другим звездам. Что ж, значит, никто из финч'клик не будет помогать Воинам разыскивать нас.

— А они способны на такое?

— Хорст, ваша мошкита должна точно знать, где вы. Она бы сразу все поняла, если бы увидела мертвых Воинов. А живые Воины выколотили бы из нее дополнительную информацию.

— Вот как! В следующий раз вам лучше бросить монетку, чтобы ничего заранее не предполагать. Иногда ничего не знать — даже лучше, — попытался пошутить Хорст.

— По своей воле она не станет сотрудничать с Воинами. Никто и не надеется, что Посредник захочет помогать Воинам.

— А разве *вы* не обязаны повиноваться приказам Хозяина? — спросил Стейли.

Мошкита резко повернулась всем телом. Теперь в ней не было ничего человеческого.

— Посредников вывели, чтобы прекратить войны, — сказала она. — Мы представители

Принимающих Решения. Мы говорим за них. Но, выполняя свою работу, мы проявляем в ограниченной мере объективную рассудительность. Генетические эксперименты привели к равновесию. Если независимость, образно говоря, зашкалит, мы не сможем должным образом представлять наших Хозяев. Мы откажемся от них, и тогда новых кровопролитий не избежать.

— Верно! — вмешался Поттер. — Но несвобода тоже заставит вас неукоснительно следовать их желаниям, и войны все равно начнутся. — Поттер умолк, а затем добавил: — Но если покорность — особенность вида, значит, вы просто не можете проявить инициативу. Вы отдадите нас другому Хозяину, ведь у вас нет выбора.

Стейли крепче сжал ракетомет.

— Поттер прав?

— Отчасти, — призналась мошкита Уитбрида. — Не все так, как вы думаете, но действительно, легче сделать выбор, исходя из многих приказов, чем не выполнить ни одного.

— Что намерен делать Король Петр? — требовательно спросил Стейли. — Что нас ждет?

Чарли что-то чирикнула, мошкита Уитбрида ответила. Разговор продолжался несколько минут — очень долго для мошкитов. Глаз Мёрчисона

засверкал в сто раз ярче, чем спутник Земли в полнолуние. Других звезд в Угольном Мешке не было. Поля стали пурпурными с изломанными тенями.

— Честность, — вымолвила наконец Чарли. — Мой Хозяин считает, что мы должны быть честны с вами. Лучше жить по древнему образцу Циклов, чем выбрать всеобщее уничтожение и гибель своих потомков.

— Но… — Поттер смущенно замолчал. — Но почему невозможно колонизировать звезды? В Галактике всем хватит места. Ведь вы не собираетесь атаковать Империю?

— Конечно, не собираемся! — с жаром подтвердила мошкита Уитбрида. — Мой Хозяин хочет купить землю под базы на планетах Империи! Но, вероятно, мы бы колонизировали миры вдоль границ Империи. Между нами и вами могла бы начаться торговля. Вряд ли мы стали бы делить одни и те же планеты.

— Тогда почему… — начал Поттер и осекся.

— Сомневаюсь, что вы бы сконструировали столько космических кораблей на Мошке, — вставил Уитбрид.

— Мы бы построили их на колонизированных мирах и отправили бы обратно, — ответила мош-

кита. — Или наняли бы торговые суда у людей вроде Бери. Мы можем заплатить за них больше, чем кто-либо. Но задумайтесь о неизбежном. Колонии захотят получить независимость, оттуда примутся стартовать корабли в поисках новых колоний. И на каждой планете, какую мы заселим, возникнет демографическая проблема. Представляете, что будет через триста лет?

Уитбрид задумался. Гигантские корабли, напоминающие летающие города. Миллионы таких кораблей. И Сепаратистские войны вроде той, что разрушила Первую Империю. И огромное число мошкитов.

— Сотни миров, населенных мошкитами, и каждый пытается перевезти свою растущую популяцию на другие планеты! Миллиарды Хозяев, воюющих за территории! Придет время использовать ваш двигатель Безумного Эдди. Появится возможность проверить все системы в поисках других точек Безумного Эдди… и у нас будет топливо, чтобы реализовать свои планы. Мошкитам станет тесно на отведенной им территории, и мы направимся в самое сердце вашей Империи!

— Угу, — буркнул Уитбрид и пошел вперед.

Остальные просто молча посмотрели на мошкитов, после чего побрели следом за Уитбридом.

Стейли продолжал сжимать ракетомет, тяжесть которого даже доставляла ему удовольствие. Иногда он притрагивался к кобуре и касался рукояти собственного оружия.

— Принять такое решение будет легко, — произнесла мошкита Уитбрида. — Нам поможет зависть.

— К нам? К противозачаточным таблеткам?

— Да.

Стейли фыркнул.

— Но развязкой станет не это! Допустим, что в будущем мошкиты переселятся на сотни или даже тысячи пригодных для них планет… но у мошкитов, обитающих в центральных звездных системах, не будет никакой возможности добраться до края Галактики, и они начнут воевать друг с другом. Бесконечные сражения, бесконечное разрушение цивилизаций. Подозреваю, что стандартным способом борьбы станет обрушение астероида во вражеское солнце, а позже — повторное заселение планет. И сфера влияния мошкитов будет неумолимо расширяться. Вообразите подобное будущее!

— Но вы не сумеете навредить Империи, — заметил Стейли.

— С нашими темпами разведения Воинов?

Впрочем, неважно. Быть может, вам удастся избавиться от нас! В таком случае вы оставите нескольких из нас для зоопарков, уверенные, что нас нечего опасаться, ведь в неволе нашу рождаемость можно контролировать. Меня это не волнует. Есть немало шансов на то, что вы уже нажали на спусковой крючок и вскоре начнется коллапс. Не забывайте, что теперь мы сумеем создать настоящие космические корабли, которые будут безошибочно перемещаться в пространстве.

— Если вы не планируете войну с Империей, — сказал Стейли, — то почему нам троим грозит смертный приговор?

— Четверым. Мой Хозяин жаждет снять с меня голову не меньше, чем с вас… а может, и нет. Вы понадобитесь для анатомирования.

Стейли устало пожал плечами.

— Кроме того, у вас достаточно сведений, работающих против нас. Так что в основном Хозяева придерживаются мнения, что вас нужно уничтожить. Они боятся, что, если вы ускользнете, ваше правительство увидит в нас паразитов, стремящихся захватить Галактику и, возможно, вытеснить Империю.

— А Король Петр? Он не хочет нас убить? —

спросил Стейли. — Почему?

Мошкиты снова защебетали, и мошкита Уитбрида произнесла:

— Буду с вами откровенна. Он может принять такое решение. Но он хочет загнать джинна обратно в бутылку. Если у людей и мошкитов есть хоть какая-нибудь возможность вернуться к прежнему равновесию, которое было нарушено, когда вы обнаружили наш зонд Безумного Эдди, он постарается добиться этого. Циклы лучше, чем… целая Галактика Циклов!

— А вы? — осведомился Уитбрид. — Как расцениваете ситуацию вы?

— Так же, как и вы, — осторожно вымолвила мошкита. — Я сужу о своих соплеменниках беспристрастно. Но я не предательница, — в ее голосе зазвучали жалобные нотки. — По-моему, общение между нами приведет лишь к взаимной ненависти: у нас — к вашим таблеткам, контролирующим рождаемость, у вас — к нашей, скажем так, технической подкованности. Вы хотите возразить?

— Нет. Продолжайте.

— Полагаю, расселение мошкитов в космосе повлечет за собой ненужный риск и никоим образом не покончит с циклами, зато может сделать

каждый коллапс еще более чудовищным. Мы будем размножаться быстрее, чем расселяться, и, в конце концов, разрушение охватит множество планет.

— Но вы пришли к этому беспристрастному суждению, усвоив нашу точку зрения, точнее, точку зрения Уитбрида, — сказал Поттер. — Вы идеально копируете речь и манеры Джонатона и поэтому порой даже ставите нас в тупик! А что произойдет, когда вы отринете точку зрения людей? Может, ваша рассудительность… Ой!

Мошкита вцепилась в Поттера левой рукой и быстро притянула его к себе. Теперь их лица находились на одном уровне.

— Никогда так не говорите, — прошипела мошкита, поблескивая глазами. — И никогда так не думайте. Выживание нашей цивилизации — да и любой другой — всецело зависит от понятия справедливости. Мы понимаем и увязываем все точки зрения воедино. Если какие-то Посредники пришли к выводам, отличным от моих, это их дело. Возможно, они не владели массивом фактов или у них иные цели. Я сужу исключительно по тому, что видела сама.

Она отпустила его, и Поттер отшатнулся. Пальцами правой руки мошкита отвела ствол оружия

Стейли от своего уха.

— В применении физической силы не было необходимости, — выдавил Поттер.

— Но мне удалось привлечь ваше внимание, не так ли? А теперь надо поторопиться, мы теряем время.

— Минутку. — Стейли говорил негромко, но все услышали его в ночной тишине. — Если я понял правильно, то этот Король Петр милостиво разрешит нам… либо не разрешит использовать какое-нибудь мошкитское устройство для связи с «Лениным». Так дело не пойдет. Нам нужна конфиденциальность.

— Но разве у вас здесь вообще что-нибудь получится? — возразила мошкита Уитбрида. — И без нас вы отсюда не выберетесь. Надеюсь, вы не задумали какую-нибудь глупость и не возьмете нас в заложники? Имейте в виду, что я вас не боюсь, иначе меня бы не было рядом с вами.

— Но…

— Хорст, вбейте себе в голову, что единственная причина, почему «Ленин» еще цел, заключается в том, что мой Хозяин и Король Петр согласились не трогать его! Мой Хозяин хочет, чтобы доктор Хорват и мистер Бери не пострадали. А они, кстати сказать, будут весьма убедительно ратовать за

свободную торговлю и мирное сосуществование с нами!

— Да, — пробормотал Поттер. — А без нашего послания у них появится оппозиция! Но почему бы Королю Петру самому лично не переговорить с Кутузовым?

Чарли и мошкита Уитбрида застрекотали, и Чарли ответила:

— Король Петр опасается, что Империя решит уничтожить мир мошкитов, как только узнает правду. И пока он не убедится…

— Постойте! — воскликнул Стейли. — А с нами он, значит, хочет общаться, да? Но меня гложут сильные сомнения, и если бы Его Величество спросил моего мнения, я бы ничего не смог ему посоветовать. Послушайте, мы просто три гардемарина с линейного крейсера! Мы не можем говорить от имени Империи.

— Точно! Способны ли мы брать на себя ответственность за судьбу нашего мира? — встрял Уитбрид. — Я всерьез сомневаюсь, что Империя сумеет уничтожить вас!

— О боже, Уитбрид! — запротестовал Стейли.

— А когда «Ленин» вернется обратно, у вас уже появится поле. Так?

Обе мошкиты пожали плечами, идеально под-

ражая Уитбриду.

— Конечно, наши Инженеры будут работать над ним днем и ночью, — подтвердила мошкита. — Но у нас уже есть кое-какой опыт ведения войны в космосе. Идемте же! И вы даже не представляете, насколько мы близки к войне! А вдруг мой Хозяин пожелает атаковать корабль? Если Короля Петра не удастся убедить, что можно отпустить вас живыми, он, вероятно, отдаст такой же приказ.

— А если мы не поторопимся, «Ленин» рванет домой, к Новой Каледонии, — добавил Поттер. — Мистер Стейли, у нас нет выбора. Нужно найти Хозяина Чарли прежде, чем другие Хозяева найдут нас.

— Джонатон? — произнес Стейли.

— Хотите совет, сэр? — неодобрительно закудахтала мошкита Уитбрида.

Джонатон Уитбрид с досадой взглянул на нее и усмехнулся.

— Да, сэр, я согласен с Гэвином. Что еще нам остается? Мы не можем сражаться со всей проклятой планетой, как не можем сделать экранированный передатчик из подручных материалов.

Стейли опустил оружие.

— Тогда вперед, — он оглядел свой маленький

отряд. — Нам выпала незавидная участь быть послами человеческой расы.

И они двинулись через темные поля к ярко освещенному городу.

37
Урок истории

Вокруг города — его название напоминало птичий пересвист — тянулась трехметровая стена из камня или твердого пластика (в красном свете Глаза Мёрчисона трудно было разглядеть структуру). За стеной виднелись продолговатые здания с желтыми окнами.

— Ворота должны охранять, — заявила мошкита Уитбрида.

— Наверняка, — буркнул Стейли. — Хранитель живет здесь?

— Да. На конечной станции подземки. Хранители не дают возделывать свои земли… и на всякий случай предпочитают селиться подальше.

— А как становятся Хранителями? — поинтересовался Уитбрид. — Вы постоянно говорите о соперничестве между Хозяевами, но как они соперничают?

— Раны господни, Уитбрид! — взорвался Стейли. — Подумайте лучше, что нам делать со стеной!

— Мы пройдем насквозь, — сказала мошкита

Уитбрида, обменявшись несколькими птичьими трелями с Чарли. — Но поднимется тревога, и сюда прибудут Воины охраны.

— А почему бы не перелезть через нее?

— Мы угодим под луч рентгеновского лазера, Хорст.

— Чего они так боятся?

— Продовольственных бунтов.

— Ладно. Есть подходящее место?

Мошкита пожала плечами — опять в точности как Уитбрид.

— Пожалуй, в полукилометре отсюда. Там проходит скоростная трасса.

Отряд двинулся вдоль стены.

— Но как же они соперничают? — не унимался Уитбрид. Ведь говорить пока больше не о чем.

Стейли что-то проворчал себе под нос, но тоже прислушался.

— А как соперничаете *вы?* — встрепенулась мошкита Уитбрида. — Все определяет эффективность. У нас есть коммерция. Мистер Бери удивился бы, узнав, до чего проницательны некоторые наши торговцы. Хозяева покупают себе обязанности отчасти из желания показать, что действительно могут руководить. Они привлекают к сотрудничеству других могущественных

отдающих приказы, а Посредники улаживают остальное. Заключенные контракты публикуются в печати. В общем, некоторые из отдающих приказы работают на других, но никогда — напрямую. Они получают работу, которой обязаны заниматься, и консультируются с Хозяевами относительно политики, которой надо придерживаться. Авторитет Хозяина растет, если другие отдающие приказы начинают спрашивать у него совета. И, конечно, им помогают дочери.

— Звучит сложновато, — сказал Поттер. — В земной истории не было ничего подобного!

— Нас иногда трудно понять, — кивнула мошкита Уитбрида. — Но подумайте сами, разве может Принимающий Решение зависеть от кого-либо? Вот что свело с ума финч'клик капитана Блейна. Ваш капитан — полновластный хозяин на корабле, но стоит кому-то с «Ленина» квакнуть, и мистер Блейн начинает прыгать по мостику.

— Вы когда-либо отзывались о капитане таким образом? — прорычал Стейли, посмотрев на Уитбрида.

— Отказываюсь отвечать — на основании того, что меня могут аннигилировать, — отозвался Уитбрид. — Кстати, мы уже почти добрались до цели.

— Мы на месте, мистер Стейли, — сказала мошкита Уитбрида. — Дорога проходит за стеной.

— Всем назад!

Хорст поднял ракетомет и выстрелил. После второго разрыва пролом расширился. На гребне стены вспыхнули огни, в полях загорелись фонари, и Стейли увидел кустарники, растущие вдоль стены.

— Ладно, теперь вперед, — приказал Стейли.

Они проскользнули в пролом и очутились на шоссе. Машины и грузовики со свистом проносились мимо людей, съежившихся у стены. Трое мошкитов смело ступили на дорожное полотно.

Уитбрид вскрикнул и попытался схватить свою финч'клик. Та нетерпеливо отмахнулась и зашагала через проезжую часть. Машины проносились почти впритирку, ловко объезжая мошкитов и даже не притормаживая.

Оказавшись на другой стороне, Пестрые замахали левыми руками, вне всякого сомнения, показывая: *живее!*

Из дыры в стене ударил луч света. Следовало поторопиться. Стейли тоже махнул остальным: переходите — и выстрелил в пролом. Ракеты с грохотом взорвались метрах в ста от стены, и свет угас.

Уитбрид и Поттер уже находились рядом с мошкитами. Стейли зарядил ракетомет последним снарядом, но стрелять не стал. За стеной все стихло. Он шагнул вперед и пошел через дорогу. Ему очень хотелось побежать, но он заставлял себя идти медленно, с постоянной скоростью. Внезапно мимо него, как ураган, пронесся грузовик. Потом еще один. Спустя, наверное, целую вечность он оказался на другой стороне. Живой.

Никаких тротуаров не было. Они по-прежнему стояли на мостовой, прижимаясь к серой бетонной стене.

Неожиданно мошкита Уитбрида сделала странный жест тремя руками сразу, и громадный грузовик с лязгом затормозил. Мошкита что-то прощебетала водителям: Коричневые тотчас вылезли, направились к заднему борту и принялись вынимать из кузова ящики. Вокруг продолжалось обычное движение.

— Это необходимо, — объяснила мошкита Уитбрида. — Воины придут осмотреть дыру в стене.

Люди живо забрались внутрь. Коричневая, которая терпеливо следовала за ними от самого музея, вскарабкалась на правое водительское кресло. Мошкита Уитбрида хотела занять место рядом, но Чарли что-то прощебетала. Некоторое

время они переговаривались, Чарли яростно жестикулировала. Наконец, мошкита Уитбрида забралась в грузовой отсек и захлопнула дверь. Законные водители между тем неторопливо брели по мостовой, удаляясь от грузовика.

— Куда они? — спросил Уитбрид.

— Лучше скажите, о чем был спор? — потребовал Стейли.

— По очереди, джентльмены, — начала мошкита Уитбрида, но вдруг грузовик тронулся.

Машину сильно трясло, а моторы непрерывно гудели, заглушая рев других автомобилей.

Уитбрид втиснулся между жесткими пластмассовыми ящиками в нишу, размерами не превышавшую гроб. У других места было не больше, и Уитбриду стало любопытно, придет ли им в голову то же сравнение. Его нос находился в паре сантиметров от крыши.

— Коричневые придут в транспортный парк и доложат, что их машину затребовал Посредник, — произнесла мошкита Уитбрида. — А спор был о том, кто останется в кабине с Коричневой. Я проспорила.

— Почему вы сцепились? — осведомился Стейли. — Вы не доверяете друг другу?

— Я верю Чарли, а она мне не верит… Да и как

иначе? Ведь я ушла от Хозяина. По ее понятиям, я — Безумный Эдди, и лучше взять инициативу в свои руки.

— Куда мы едем? — спросил Стейли.

— На территорию Короля Петра. Кратчайшим путем.

— Нам нельзя долго оставаться в машине, — заметил Стейли. — Как только Коричневые обо всем доложат, ее начнут искать… у вас же должна быть полиция? Есть разные способы обнаружить угнанный грузовик. Вы ведь совершили преступление, да?

— Не в том смысле, какой вы в это вкладываете. Фактически у нас нет никаких законов, но есть отдающие приказы, чье правосудие требует возвращения пропавшей собственности. Они будут искать грузовик за вознаграждение, что даст моему Хозяину время для переговоров. Вероятно, Хозяин должен втолковать им, что я сошла с ума.

— А поблизости нет космопорта? — спросил Уитбрид.

— Есть или нет, но нам туда все равно не сунуться, — мрачно пробурчал Стейли.

В воздухе повисла пауза, которую нарушил Поттер.

— Знаете, о чем я тут подумал?.. Если наш визит к Королю Петру может спровоцировать атаку на «Ленин», мы здесь застрянем, причем надолго.

— Значит, мы не попадем домой? — воскликнул Уитбрид. Он просто не мог не спросить.

— Старая песня, — печально ответил Поттер. — Мы узнали слишком много, а наши жизни ничего не стоят, верно, мистер Стейли?

— Да.

— Но ведь вы толком ничего не узнали, не так ли? — раздался из темноты голос Уитбрида, и прошло несколько секунд, прежде чем люди поняли, что с ними говорит мошкита. — Не бойтесь. Полагаю, что Король Петр сохранит ваши жизни и позволит вам вернуться на «Ленин». Если убедить его, что так будет лучше, он, пожалуй, согласится. Но вы не сумеете послать сообщение линкору без нашей помощи.

— Вы были искренни с нами, — произнес Стейли. — Я и правда так считаю — поэтому не стану кривить душой: если есть возможность отправить сообщение и обойтись без вашей поддержки, я так и поступлю.

— И будь что будет, — добавил Поттер.

И они снова прислушались к гулу уличного движения.

— У вас не будет ни единого шанса, Хорст, — возразила мошкита голосом Уитбрида. — Никакими угрозами нам с Чарли не принудить Коричневого изготовить необходимое вам оборудование. А использовать наши передатчики вы вообще не сможете. Даже я не могу воспользоваться этими механизмами без технической консультации Коричневых. Главное же препятствие состоит в том, что нужного устройства, возможно, пока не существует.

— Бросьте! — заявил Стейли. — У вас полно космических передатчиков, а в электромагнитном спектре те же частоты.

— Да. Но у нас ничто не стоит без дела. Если нам что-то нужно, Коричневые собирают конкретное устройство, а когда потребность в нем исчезает, разбирают его на запчасти. А вам требуется нечто такое, чтобы связаться с «Лениным» тайно от всех.

— И мы получим такую возможность. Если предупредить адмирала, «Ленин» отправится обратно, — вырвалось у Хорста.

«Ленин» — всего один корабль, но когда-то линкоры президентского класса побеждали целые военные флотилии. Мошкитам, не имеющим поля, его не одолеть. Почему он не сообразил? А

если вернуться в музей и поискать какие-нибудь электронные схемы? Они могли бы собрать простенький передатчик. Нет, поздно. И почему он послушался мошкитов!

Они ехали почти час, стиснутые со всех сторон ящиками, в кромешной темноте. У Стейли пересохло в горле, и он помалкивал. Голос мог выдать его страх, а он не хотел, чтобы хоть кто-то об этом догадался. Он жаждал действий, любых: сражения, погони, чего угодно…

Внезапно грузовик резко дернулся и затормозил. Люди затаили дыхание. Наконец дверь распахнулась, и Стейли увидел Чарли, озаренную ярким светом.

— Не двигаться, — велела она.

За ее спиной стояли Воины с оружием наготове. Их было четверо.

Хорст Стейли зарычал от ненависти. Предательство! Он потянулся за пистолетом, но теснота помешала ему достать оружие.

— Нет, Хорст! — воскликнула мошкита Уитбрида и что-то прощебетала. Чарли загудела в ответ. — Ничего не делайте, — добавила мошкита Уитбрида. — Чарли получила самолет. Воины принадлежат ее Хозяину и не будут вмешиваться, если мы пойдем прямо к самолету.

— Но кто они? — спросил Стейли, не убирая руки с пистолета. Шансы слишком неравны — Воины были начеку и выглядели внушительно.

— Я объясню, — затараторила мошкита. — Это телохранители. Они есть у всех Хозяев, точнее, почти у всех. А сейчас выходите не спеша и держите руки подальше от оружия. Не делайте ничего, что они могли бы истолковать как попытку нападения. Если вы их ослушаетесь, то погибнете. Как и мы!

Стейли прикинул свои возможности — убого! Будь здесь вместо него парней Келли и еще кто-нибудь из космодесанта…

— Ладно, — сказал он. — Делаем так, как она говорит. — И он медленно вылез из фургона.

Похоже, они находились в багажном секторе аэродрома. Воины не шелохнулись и лишь слегка подались, широко расставив шипастые ноги.

«Прямо как каратисты», — пронеслось у Стейли в голове. Краем глаза он уловил какое-то движение у стены — там, в укрытии, ждали по меньшей мере вдвое больше Воинов. Какое счастье, что он не попытался прорваться.

Воины следовали за странной процессией из Посредников, троих людей и Коричневой, внимательно следя за ними. Оружие они держали на

изготовку, правда, ни на кого не направляя — и то хорошо!

— А Принимающий Решения доложит вашему Хозяину о нашем отлете? — спросил Поттер.

Мошкиты обменялись фразами. Воины стояли в сторонке. Могло показаться, что им нет никакого дела до людей, но это, конечно, было не так.

— Чарли говорит, что да. Принимающий Решения известит и моего Хозяина, и Короля Петра. Кроме того, в нашем распоряжении его самолет.

Личный самолет Принимающего Решения выглядел как обтекаемый клинок, а возле трапа сгрудились несколько Коричневых. Чарли что-то им просвистела, и они принялись возиться с раскладными сиденьями, которые стояли неподалеку, работая с поразительной скоростью. Полдюжины малышей промчались под днищем самолета. Заметив их, Стейли вполголоса выругался. Они стояли возле трапа и ждали, а Воины следили за ними.

— С трудом верится, — сказал Уитбрид. — А сам Принимающий в курсе, что мы беглецы?

Мошкита Уитбрида кивнула.

— Но не от нас. Он разрешил нам воспользоваться багажной секцией аэропорта. — *Птичий пересвист.* — Он не собирается присваивать себе

прерогативы моего Хозяина. Он также поговорил с управляющим аэропортом, — *птичий пересвист*, — и они решили, что не хотят, чтобы мой Хозяин и Король Петр сражались здесь. Поэтому нам лучше поскорее улетать отсюда.

— Ну и странные же вы существа! — выпалил Поттер. — И почему у вас зашкаливает анархия? — Он оборвал себя на полуслове и смущенно замолчал.

— Вы правы в своей оценке, — согласилась мошкита Уитбрида. — Однако промышленный феодализм приносит свои плоды.

В конце концов Коричневые пригласили их подняться на борт самолета. Очутившись в салоне, люди обнаружили справа раскладную кушетку, приспособленную для мошкитов. Один из Коричневых сразу же направился к ней. Впереди было два кресла для людей, затем по одному для человека и мошкита. Чарли и второй Коричневый прошествовали в кабину пилотов. Поттер и Стейли, не сговариваясь, предоставили Уитбриду и его мошките возможность сесть рядом. Это напомнило гардемарину недавнее более приятное путешествие.

Самолет выпустил гигантские крылья и взлетел по вертикали. Город, сияющий огнями, остался

внизу, однако он казался огромен. Долгое время они летели над бесконечными огнями к темным фермерским землям, которые расстилались впереди. Стейли посмотрел в иллюминатор и решил, что видит городскую границу — за ней не было ничего, кроме черноты. Наверняка там угодья Фермеров.

— Значит, у каждого Хозяина есть Воины, — вспомнил Уитбрид. — Почему мы не видели никого из них прежде?

— В Городе Замка — а я буду называть его именно так, если никто из вас не возражает, — нет ни одного Воина, — с нескрываемой гордостью ответила мошкита.

— Вообще ни одного?

— Да. В любом другом месте и землевладельцы, и крупные администраторы появляются вместе со своими телохранителями. Даже несовершеннолетних из касты Принимающих Решения охраняют отряды их матерей. Однако Воины слишком бросаются в глаза, поэтому мой Хозяин и те из Принимающих, кто интересуется вами, выдвинули идею Безумного Эдди и заставили прочих жителей Города Замка согласиться с тем, что Воинов нужно убрать, дабы вы не узнали о нашей склонности воевать.

Уитбрид рассмеялся.

— Я сейчас подумал о докторе Хорвате, — произнес он.

Мошкита хихикнула.

— У него была та же мысль, да? Скрыть вашу тягу к насилию от миролюбивых мошкитов, чтобы не вводить нас в состояние шока. А я говорила вам, что зонд Безумного Эдди развязал войну?

— Нет. Расскажите!

— Она оказалась самой кровопролитной. Но попробуйте угадать, какова была главная неувязка? Кто должен стать ответственным за пусковые лазеры? Любой Хозяин или их коалиция вполне могли использовать оружие, чтобы захватить для своего клана территорию побольше. Если бы монтаж пусковых лазеров осуществляли Посредники, любой Принимающий Решения забрал бы у них смертельное оружие!

— И вы бы отдали его первому же Хозяину по его приказу? — недоверчиво спросил Уитбрид.

— Джонатон, конечно, нет! Да он бы и не стал требовать. Но Посредники слабы в тактике. Мы не умеем руководить батальонами Воинов.

— Но управляете планетой!

— Для Хозяев. Ведь если Хозяева лично встречаются для переговоров, это *всегда* кончается

войной. Но вернемся к рассказу о войне. В конце концов коалиция Белых получила в свои руки лазеры, хотя одновременно с этим их детей взяли в заложники! Но, честно говоря, Белые уже достигли к тому моменту преклонного возраста, и у них было столько детей, что они особо не переживали. А Посредники обманули Белых: они даже не сказали им, сколько времени необходимо разгонять зонд Безумного Эдди. Потом началась путаница, и кое-кто из Хозяев посчитал, что Посредники уничтожили лазеры на пять лет раньше, чем следовало. Умно, да? Но…

— Что «но»?

— В действительности Коалиция ухитрилась спасти пару лазеров. Мошкиты из Коалиции допустили к ним Коричневых, и те усовершенствовали оружие. Поттер, вы ведь из системы, на которую был нацелен зонд, да? У ваших предков должны быть видеозаписи, показывающие, насколько мощными были лазеры!

— Они смогли затмить Глаз Мёрчисона. Возникла даже новая религия. Кстати, у нас тоже своих войн хватало.

— Итак, лазеры оказались достаточно мощными и для того, чтобы уничтожить цивилизацию. Из-за них коллапс произошел раньше срока, и мы

погрузились в пучину варварства. Посредникам следовало предвидеть такой поворот.

— Вы всегда так поступаете? — выдохнул Уитбрид.

— Как, Джонатон?

— В любую секунду ожидаете всеобщей гибели? И учитываете ее?

— Так ведут себя мошкиты, кроме Безумных Эдди. Полагаю, классическим случаем синдрома Безумного Эдди стала машина времени. Помните экскурсию в городской музей?

— Да.

— Некий специалист-историк решил, что коренной поворот в истории произошел двести лет назад. Если бы он сумел тогда вмешаться, мировая история мошкитов с тех пор была бы идиллической. По крайней мере, он верил в это и попробовал доказать свою правоту. У него были данные: старые меморандумы, секретные договоры…

— Что за коренной поворот?

— Тогда жила некая весьма могущественная Императрица. Всех ее родственников убили, и она унаследовала права на огромную территорию. Ее мать уговорила докторов и Посредников создать гормон, который действовал подобно ва-

шим противозачаточным таблеткам. Несколько уколов, и она превращалась в мужчину, причем бесплодного. Когда ее мать умерла, Посредники, у которых имелся запас гормонов, незамедлительно ввели их Императрице.

— У вас были способы контролировать рождаемость? — воскликнул Уитбрид. — Вы могли использовать их для ограничения численности населения!

— Безумный Эдди предлагал такой вариант… так что на протяжении трех поколений мы использовали гормоны. Мы стабилизировали численность. Имейте в виду, что в те годы Хозяев было не так уж много, и они отличались миролюбивым нравом. Но на соседних континентах произошел демографический взрыв, те Хозяева объединились и вторглись на имперскую территорию вместе с сотнями тысяч Воинов, которые слушались своих Хозяев. Империя пала. А наш строитель машины времени загорелся идеей и попытался сделать так, чтобы Империя контролировала Мошку-1! — Мошкита Уитбрида с отвращением фыркнула. — Какой абсурд! Кто бы заставил Хозяев стать бесплодными мужчинами? Конечно, подобной участи не избежать, но кто захочет, чтобы это случилось раньше, чем он

обзаведется детьми? В тот единственный раз в ход пошли гормоны.

— О!..

— Да. А если бы император завоевал Мошку целиком и добился постоянной численности населения, планета подверглась бы атаке с астероидов.

— Но *человек* — это и есть *начало* всего! — воскликнул Уитбрид. — Должен быть какой-то способ…

— Я — не человек, и такого способа нет. Вот вторая причина, по которой я не хочу контакта между нашими расами. Вы — Безумные Эдди. Вы воображаете, будто у любой проблемы есть решение.

— У человеческих проблем есть по меньшей мере одно решение — в последней инстанции, — мягко сказал Гэвин Поттер, сидевший впереди.

— У человеческих — возможно, — отозвалась мошкита. — Но есть ли души у мошкитов?

— Философия — не по моей части, — ответил Поттер, устраиваясь поудобнее. — Я — не представитель бога.

— Ваш священник тоже не ответил. И разве я могу надеяться на то, что когда-нибудь получу ответ на свой вопрос? Здесь необходимо Боже-

ственное вдохновение, а я сомневаюсь, что оно снизойдет на вас… или на нас.

— Значит, у вас нет религии? — недоверчиво осведомился Гэвин.

— У нас — тысячи культов, Гэвин. Коричневые и прочие полуразумные касты не меняют веру, но каждая новая цивилизация Хозяев придумывает нечто новое. Они часто тешат себя вариациями переселения душ с упором на выживание с помощью своих отпрысков. Вы понимаете почему.

— Вы не упомянули Посредников, — произнес Уитбрид.

— Но у нас нет детей. Впрочем, Посредники принимают идею переселения. Перевоплощения в Хозяев. Судя по тому, что я слышала о земных религиях, ближе всего к нашей — ваш буддизм. Я побеседовала с отцом Харди. По его словам, буддисты верят, что смогут «оторваться» от некоего Колеса Жизни и обрести свободу. Похоже на Циклы, не так ли? И кстати, Джонатон… я размышляла о перевоплощениях, но… никто ведь не знает, что будет после смерти.

— А как насчет христианства? — спросил Поттер.

— У нас есть своего рода Спаситель, который завершает конкретный Цикл… В общем, Цикл для

нас — основа основ, Гэвин. Вряд ли мы поверим в существование вашего Спасителя.

Внизу тянулся бесконечный город. Поттер откинулся на спинку сиденья и начал тихо посапывать. Уитбрид изумленно уставился на него.

— Вам тоже нужно поспать, — чирикнула мошкита. — Вы чересчур долго бодрствовали.

— Я слишком напуган. Вы устали не меньше меня, и вам нужен сон.

— Это *я* слишком напугана.

— Брат, вот теперь я точно испугался.

«С чего бы это я назвал его братом? — удивленно подумал Уитбрид. — Точнее, *ее*. Ну и ладно, и черт с ней».

— А ваши музеи напичканы разными диковинками, — сказал он, чтобы сменить тему.

— Да. У нас выставлены редчайшие экспонаты. Например, «Избиение Докторов». Старое происшествие, сейчас почти легенда. Некий император решил истребить Докторов на планете. — Мошкита потянулась. — Как хорошо говорить с вами, когда не нужно лгать! Мы не любим лгать, Джонатон.

— А зачем убили врачей?

— Чтобы остановить рост населения, болван! Разумеется, их уничтожение ничего не дало. Не-

которые Хозяева втайне сохранили жизни своих Докторов, и после очередного коллапса они…

— …были на вес иридия.

— Они положили начало коммерции. Как и крупный рогатый скот на Столешнице.

Наконец внизу показалась городская граница, и самолет полетел над угодьями Фермеров. Поля тускло озарял багровый свет Глаза Мёрчисона. Красная звезда садилась, гибельно пылая над горизонтом, а на востоке вставали другие звезды, заметные под чернильным краем Угольного Мешка.

— Если они собираются сбить нас, здесь самое место! — заметил Стейли. — Крушение в этом районе не привлечет внимания. Вы знаете, куда мы направляемся?

Мошкита Уитбрида пожала плечами.

— В сферу влияния Короля Петра. Если сможем попасть. — Она покосилась на Поттера. Гардемарин свернулся в кресле, слегка приоткрыв рот, и посапывал. Освещение в самолете было слабым, и все выглядело мирным, за исключением ракетомета, который Стейли сжимал между колен. — Вам тоже нужно вздремнуть.

— Да, — Хорст зевнул и закрыл глаза. Однако его руки не ослабили хватки.

— Даже спящий он настороже, — подытожил Уитбрид. — Вон как старается. Полагаю, Хорст испуган не меньше нашего.

— Мы попали в переделку, — посетовала мошкита. — И сейчас мы близки к полному упадку цивилизации. Между прочим, мы не успели показать вам кое-какие любопытные экземпляры нашего зоопарка. Взять хотя бы тех же мясных животных… Разновидность мошкитов почти без рук, неспособная защититься от нас, но неплохо приспосабливающаяся к окружающей среде. В давние постыдные времена мошкиты разводили их ради пищи…

Уитбрид вытаращил глаза.

— А в наши дни вы не людоедствуете?

— Нет!

— Тогда зачем вы их оставили? В назидание потомкам?

— Эта проблема связана со статистикой, и совпадение вы можете счесть интересным. На планете нет зоопарка, в котором не разводили бы Мясных, и стада до сих пор растут…

— Вы не перестаете думать о следующем коллапсе?

— Вы правы.

Глаз Мёрчисона исчез. Восток пылал крова-

во-красной зарей, и это зрелище не переставало поражать Уитбрида. Красный рассвет — редкость на обитаемых планетах.

Они пролетели над цепью островов. Впереди, где было еще темно, сияли огни. Там раскинулся город — похожий на тысячу Спарт, — и кое-где рассеченный полосками возделанной земли. На заселенных людьми мирах это были бы парки, здесь — запретные территории, охраняемые Демонами.

Уитбрид помотал головой и посмотрел на мошкиту.

— А я назвал вас братом.

— Да. Вы хотели сказать «сестра». Пол важен и для нас. Вопрос жизни и смерти, сами понимаете!

— Не уверен, что я имел в виду нечто подобное. Думаю, я хотел сказать «друг», — с неловкостью объяснил Уитбрид.

— Финч'клик знаменует близкие отношения, но я рада быть вашим другом и по человеческим меркам, — ответила мошкита. — У меня не было возможности узнать вас получше. Но сейчас все изменилось.

Уитбрид ничего не сказал. Вскоре тишина в салоне стала невыносимой.

— Пожалуй, разбужу остальных, — пробормотал Уитбрид.

Самолет вдруг тряхнуло, и он повернул на север. Мошкита Уитбрида посмотрела на город, раскинувшийся внизу, потом кинулась к иллюминатору с другой стороны, уточняя, где солнце, и приникла к стеклу. Спустя мгновение она встала, побежала в кабину пилотов и что-то защебетала. Чарли тотчас отозвалась, и они зачирикали на пару.

— Хорст, — произнес Уитбрид. — Мистер Стейли, проснитесь.

Хорст Стейли с трудом разлепил веки. Он был по-прежнему напряжен, как статуя, ракетомет стоял между коленями, руки крепко сжимали оружие.

— Да?

— Что-то стряслось. Мы изменили курс! — торопливо проговорил Уитбрид.

Мошкиты пересвистывались, их чириканье становились громче.

38
Окончательное решение

Мошкита Уитбрида вернулась на свое место.

— Началось, — пискнула она, уже не копируя интонации Уитбрида. Сейчас это был голос чужака. — Война.

— Между кем и кем? — уточнил Стейли.

— Между моим Хозяином и Королем Петром. Остальные не присоединились к ним, но присоединятся…

— Война из-за нас? — недоверчиво спросил Уитбрид.

Он побелел. Новость явно шокировала его.

— За обладание вами, — вымолвила мошкита. Она попыталась расслабиться и вновь заговорила голосом Уитбрида: — Но дела обстоят не слишком плохо. Пока все ограничивается только набегами отдельных отрядов. Каждый хочет показать противнику, на что способен, не разрушая ничего действительно ценного. А Принимающие Решения будут стремиться сохранить такое положение вещей. Им не хочется превратиться в радиоактивные осадки.

— Тогда нам надо поворачивать обратно, брат, — сказал Уитбрид и сглотнул слюну.

— Что делать? — спросил Стейли. — Куда мы летим?

— На нейтральную территорию — в Замок.

— Замок? — повторил Хорст. — Но ведь он принадлежит вашему Хозяину! — и он непроизвольно сжал рукоять пистолета.

— Нет. Вы думаете, другие дадут моему Хозяину *такую* власть над вами? Все Посредники, кого мы встречали, были из моего клана, но Замок принадлежит бесплодному мужчине. Хранителю.

Стейли не поверил объяснению.

— А что потом?

Мошкита пожала плечами.

— Будем ждать и наблюдать за схваткой. Если победит Король Петр, то он постарается отправить вас на «Ленин». Полагаю, война убедит Империю, что лучше оставить нас в покое. Возможно, вы даже сможете нам немного помочь, — и мошкита с отвращением махнула рукой. — Что я несу?.. Вероятно, я тоже превращусь в Безумного Эдди, и Циклам уже не будет конца!

— Значит, ждать? — проворчал Стейли. — Я не собираюсь стоять в сторонке! Где ваш Хозяин?

– *Опомнитесь!* — воскликнула мошкита. —

Хорст, я не намерена помогать вам в ваших эскападах! И вам не пройти сквозь барьер Воинов! Они свое дело знают, Хорст, и получше ваших десантников. А кто вы? Трое младших офицеров с небольшим опытом и оружием из старого музея.

Стейли посмотрел в иллюминатор. Впереди раскинулся Город Замка. Стейли заметил Космопорт — блеклое серое поле. За ним виднелся Замок — шпиль-минарет, окруженный балконом. Замок резко выделялся среди безобразного и бесконечного промышленного городского пейзажа.

А там, в багаже, хранились передатчики. Когда члены экспедиции собирали свои вещи, Реннер поступил по-другому. Он оставил в Замке все, забрал только свои записи. Он не объяснил почему, но теперь Стейли догадался: Реннер намекал мошкитам, что он обязательно вернется.

Значит, у них будут необходимые детали! Они соберут мощный передатчик и выйдут на связь с «Лениным».

— А можно приземлиться на улице? — выпалил Стейли.

— На улице? — Мошкита заморгала. — Но почему бы и нет? Если Чарли согласится. — Мошкита Уитбрида громко защебетала, и из кабины пило-

тов раздалось ответное гудение и щелканье.

— Вы уверены, что Замок в безопасности? — спросил Стейли. — Уитбрид, вы доверяете мошкитам?

— Я верю своей мошките. Хотя, возможно, я просто к ней привязался, Хор… мистер Стейли. В общем, думайте, что хотите.

— Чарли говорит, что Замок пуст, а запрет на Воинов в Городе Замка еще сохраняется, — сообщила мошкита Уитбрида. — Она также заявила, что Король Петр побеждает, но она слушает только те сообщения, которые передают его слуги.

— Самолет сядет возле Замка? — спросил Стейли.

— Полагаю, что да. Но сначала нужно пролететь над улицей, чтобы Коричневые взглянули наверх. — И мошкита снова защебетала.

Рокот мотора упал до шепота. Крылья снова простерлись в разные стороны, и самолет рывком снизился. Он пронесся мимо Замка (Стейли увидел балкон совсем близко). По улице мчались машины; Стейли взглянул на какого-то Белого, бредущего по навесной пешеходной дорожке. Хозяин торопливо нырнул в ближайшее здание.

— Демонов нет, — сказал Стейли. — Кто-нибудь заметил Воинов?

— Нет.

— Нет.

— И у меня ни одного.

Самолет дернулся и снова упал ниже. Уитбрид, широко раскрыв глаза, уставился на прочные бетонные стены, проносившиеся мимо. Люди высматривали Воинов, но никого не увидели.

Самолет сбавил скорость и теперь держался всего в двух метрах от земли. Он скользил к Замку, подобно чайке над волнами. Стейли покрепче ухватился за подлокотники кресла и затаил дыхание. Машины на дороге разъезжались в стороны, чтобы избежать столкновения.

«Они собираются врезаться в Замок, — внезапно сообразил он. — Неужели Коричневый хочет протаранить здание?» В следующую секунду самолет содрогнулся от рывка — включились тормоза и реверсоры. Они были прямо под стеной Замка.

— Давайте поменяемся, Поттер! — произнес Стейли, забирая рентгеновский лазер. — А теперь выходим!

Однако дверь не поддавалась, и они были вынуждены позвать на помощь мошкиту.

Та широко распахнула дверь. Между кончиками крыльев и стеной оставалось два метра

пространства, но крылья уже начали складываться. Мошкита выскочила наружу.

Люди рванулись за ней, Уитбрид перехватил свой «волшебный меч» левой рукой.

Двери Замка полагалось быть закрытой, но против *этого* она не могла устоять.

И дверь действительно была заперта. Уитбрид решил разрубить ее пополам, но мошкита знаком велела ему отойти. Она изучила два диска, размещенных на створке, взялась за них правыми руками и, повернув, дернула за рычаг.

Дверь медленно распахнулась.

— Людей здесь нет, — сказала мошкита.

Холл оказался пуст.

— Есть тут что-нибудь, чтобы забаррикадировать проклятую дверь? — прокричал Стейли. Голос его звучал глухо, потому что из холла убрали всю мебель. Не получив ответа, Стейли передал Поттеру рентгеновский лазер. — Оставайтесь поблизости. Мошкиты предупредят вас, если появятся враги. Уитбрид, за мной, — и он ринулся вверх по ступеням.

Уитбрид неохотно последовал за ним. Хорст поднимался стремительно, и, когда они добрались до этажа, где находилась апартаменты, Уитбрид совсем запыхался.

— Вы что-то имеете против лифтов? — спросил он. — Сэр?

Стейли промолчал. Дверь в комнату Реннера была открыта, и Хорст влетел туда.

— Проклятие!

— Что случилось? — тяжело дыша, спросил Уитбрид.

Они увидели голые стены. Из комнаты убрали даже кровати. Не было и оборудования, оставленного Реннером.

— Я надеялся найти передатчики, чтобы связаться с «Лениным»! — рявкнул Стейли. — Давайте все проверим. Может, хоть что-нибудь найдем…

Однако они ничего не обнаружили. Тогда они начали осматривать соседние комнаты, но везде видели одно и то же: портьеры, кровати, мебель — все исчезло. Замок превратился в пустую оболочку. Наконец они спустились в холл.

— Мы одни? — спросил Гэвин Поттер.

— Да, — ответил Стейли. — Скоро мы начнем голодать, и это еще в лучшем случае. Замок словно разграбили.

Обе мошкиты синхронно пожали плечами.

— Меня это не удивляет, — пискнула мошкита Уитбрида и обменялась птичьими трелями с Чар-

ли. — Она тоже не знает, почему так произошло. Но Замок, вероятно, уже не будут использовать по назначению.

— Но они знают, где мы находимся, — заявил Стейли. Он снял с пояса шлем и присоединил провода к своему передатчику. Затем надел шлем.

— «Ленин», говорит Стейли. «Ленин», «Ленин», «Ленин», говорит гардемарин Стейли. Прием.

— Мистер Стейли, где вы? — в динамике раздался голос капитана Блейна.

— Капитан! Слава богу! Кэп, мы… Минутку, сэр!

Мошкиты переговаривались между собой, а потом мошкита Уитбрида обратилась к нему, но Стейли не слушал. Она повторила опять, и у Стейли как будто что-то щелкнуло в голове.

— Сэр, откуда вы получали свой «Айриш мист»? Прием.

— Стейли, перестаньте ломать комедию и докладывайте! Прием.

— Простите, сэр, но я должен услышать ответ. Вы поймете, почему я спрашиваю. Откуда вы получали ваш «Айриш мист»? Прием.

— Стейли, мне надоели ваши дурацкие шутки!

Хорст снял шлем.

— Это не капитан! — воскликнул он. — Там

мошкита, которая говорит голосом капитана. Одна из ваших? — спросил он у мошкиты Уитбрида.

— Вероятно. Глупая уловка. Вашей финч'клик следовало бы знать, что номер не пройдет. Значит, она не сотрудничает с моим Хозяином.

— Мы не сможем оборонять Замок, — процедил Стейли, осматривая опустевший холл площадью около трехсот квадратных метров. Драпировки и картины, украшавшие стены, тоже исчезли. — Наверх, — решил Хорст. — Там у нас будет больше шансов. — Он повел их в жилую часть здания, и они заняли позицию в глубине лестничной площадки, откуда могли следить за самой лестницей и лифтом.

— А теперь? — спросил Уитбрид.

— Ждать, — в унисон ответили мошкиты.

Так прошел долгий час.

Шум, доносящийся с улицы, постепенно стих. Людям потребовалось время, чтобы это осознать. Стейли задумался.

— Нужно кое-что проверить, — сказал он.

Стейли вошел в комнату и осторожно выглянул в окно, стоя так, чтобы его не могли заметить снаружи.

По улице, пригнувшись, бежали Демоны. Они

двигались на удивление быстро, а затем словно по команде вскинули ружья и принялись стрелять. Вскоре Хорст увидел и второй отряд Воинов — те покидали укрытие. На дороге валялись три трупа.

Толстое стекло приглушало звуки боя.

— Что там, Хорст? — окликнул Уитбрид. — Похоже на выстрелы!

— Точно. Сражаются две группы Воинов. Интересно, они на нашей стороне?

— Несомненно, на нашей, — откликнулась мошкита Уитбрида. — Вы понимаете, что это означает? — Она говорила слишком уж кротко. Не дождавшись ответа, мошкита продолжила: — Я вам сейчас объясню… итак, ваши соплеменники никогда сюда не вернутся. Они покинули систему…

— Не верю! — закричал Стейли. — Адмирал не бросит нас! Он сдвинет эту чертову планету с орбиты…

— Нет, Хорст, — возразил Уитбрид. — Вам известны его приказы.

Хорст понуро покачал головой: Уитбрид был прав.

— Мошкита Уитбрида! — позвал он. — Идите сюда и скажите мне, кто есть кто!

— Нет.

Хорст оглянулся.

— Почему? Мне нужно знать, в кого стрелять!

— Я не хочу, чтобы меня ранили.

Мошкита Уитбрида струсила!

— А разве в меня не будут целиться? Просто не высовывайтесь!

— Хорст, если на глаза им покажетесь вы, — донесся до него голос Уитбрида, — Воины не станут стрелять. Никому не надо убивать вас прямо сейчас. И они вроде бы не применяют артиллерию. А вот в *меня* они стрелять будут.

— Ладно. Чарли! Идите сюда и…

— Нет уж.

Хорст даже не выругался. Не трусы, а обычные меховые твари. Придет ли его мошкита?

А Воины между тем нашли себе укрытия: брошенные или припаркованные автомобили, дверные проемы, ниши в стенах зданий. Воины передвигались от укрытия к укрытию с молниеносностью земных насекомых, к примеру, тех же мух. Однако события не развивались гладко, пока один Воин стрелял, другой падал замертво. Особой пальбы не было, но две трети Воинов в поле зрения Хорста были мертвы. Мошкита Уитбрида не преувеличивала их искусность. Они

проявляли нечеловеческую меткость.

Почти под самым окном, откуда смотрел Хорст, лежал, раскинув правые руки, мертвый Воин. Какой-то Демон дождался затишья, опрометью бросился к ближайшему укрытию — и вдруг мертвый ожил. Все происходило чересчур быстро. Двое Воинов столкнулись, как пара циркулярных пил, и разлетелись в стороны, как сломанные куклы, дергая ногами и истекая кровью.

Что-то громыхнуло, у подножия лестницы раздался шум, и по мраморным ступеням застучали копыта. Мошкиты защебетали, Чарли громко засвистела. Снизу пришел ответ, а затем голос Дэвида Харди заговорил на чистом англике:

— Немедленно сдавайтесь. С вами будут хорошо обращаться.

— Мы проиграли! — воскликнула Чарли.

— Это войска моего Хозяина. Что вы делаете, Хорст?

Вместо ответа Стейли скорчился в углу, направив ствол рентгеновского лазера на лестницу, и знаками велел гардемаринам спрятаться.

Пестрый мошкит вышел из-за угла и замер в коридоре. У него был голос отца Харди, но манеры священника он, похоже, пока скопировать не сумел. Зато мог похвастаться образцовым знанием

англика и звучным голосом Харди. Посредник был без оружия.

— Будьте благоразумны. Ваш корабль улетел. Ваши офицеры поверили в вашу гибель. У нас нет причин причинять вам вред. Послушайте меня, выходите и примите нашу дружбу.

— Убирайтесь к черту!

— Но чего вы добьетесь? — патетически произнес мошкит. — Мы просто хотим, чтобы вы…

Внезапно снизу донеслась стрельба, по комнатам и коридорам Замка прокатилось эхо. Посредник с голосом Харди засвистел и защелкал, обращаясь к соплеменникам.

— Что он говорит? — спросил Стейли. Он посмотрел на мошкиту Уитбрида: та сидела возле двери, свернувшись калачиком.

— Не приставайте к ней! — крикнул Уитбрид. Он подбежал к своей мошките и положил руку ей на плечо. — Что нам делать?

Стрельба продолжались, и внезапно в коридоре появились два Воина. Стейли прицелился и выстрелил. Он не промахнулся: Воин упал замертво. Стейли начал перемещать луч к следующему Демону, но тот опередил его, и Стейли отшвырнуло к дальней стене. Новые Демоны ворвались в коридор, который озарился ослепи-

тельными вспышками. Стейли зажмурился и каким-то образом смог устоять на ногах. Затем он ощутил острую боль, как будто все его тело терзали челюсти какого-то древнего дракона. Стейли покачнулся и рухнул на пол.

Поттер выстрелил из ракетомета. Снаряд взорвался в конце коридора. Стены частично обрушились, усеяв пол обломками и обгорелыми трупами Посредника и Воинов.

— Мне кажется, что, независимо от того, кто выиграет сражение внизу, нам скоро придется совсем несладко, — медленно произнес Поттер. — Нам известно о поле Лэнгстона, и нам несдобровать. Как думаете, мистер Уитбрид? Вы теперь — наш командир.

Джонатон молчал. Его мошкита оцепенела.

Поттер сжал рукоять пистолет. В коридоре кто-то скребся. Шум схватки на первом этаже утихал.

— Ваш друг прав, брат, — прошептала мошкита Уитбрида. Она взглянула на неподвижное тело финч'клик Харди. — Он тоже был братом…

Поттер вскрикнул, и Уитбрид повернулся к нему.

Выронив пистолет, Поттер недоверчиво уставился на свою руку, размозженную от запястья

до локтя. Потом взглянул на Уитбрида глазами, которые заволокло туманом боли, и сказал:

— Один из Демонов постарался.

В холле снова стало шумно. Похоже, туда ввалился очередной отряд Воинов и другой Посредник. Они медленно приближались.

Уитбрид вытащил «волшебный меч», который мог резать камень и металл. Занес его и чиркнул лезвием по шее Поттера… Поттера, чья вера запрещала самоубийство. Впрочем, как и его собственная. Уитбрид поднес лезвие к своему горлу, но внезапно что-то вспыхнуло у него перед глазами, и на его плечи обрушился могучий удар. Джонатон Уитбрид упал и больше не двигался.

Сперва человека не трогали, только сняли у него с пояса оружие. Они ждали Доктора, пока их боевые товарищи сдерживали атаку противника, сопротивляясь отрядам Короля Петра. Посредник коротко поговорила с Чарли и — поскольку здесь уже не было ничего ценного, за что бы стоило сражаться, — предложила ей коммуникатор. Мошкита Уитбрида сидела возле своего финч'клик.

Доктор быстро ощупала плечи Уитбрида. Хотя раньше она никогда не анатомировала людей, сейчас она знала о человеческом строении прак-

тически все (спасибо мошкитам с посольского корабля!). Ее руки были ловкими, а прикосновения бережными и аккуратными. Как же ей пригодились навыки, отработанные ее потомками в течение многих тысяч лет! Ее пальцы мягко пробежались по раздробленным суставам, а глаза моментально замечали повреждения и раны Уитбрида, несмотря на хлещущую кровь. Затем ее руки коснулись позвоночника, этого удивительного органа, который с недавних пор она изучала только по моделям.

Хрупкие шейные позвонки оказались раздроблены.

– У него очень тяжелые повреждения, — прогудела она ожидающему Посреднику. — Удар уничтожил спинную струну. Он мертв.

Доктор и двое Коричневых спешно монтировали искусственное сердце, чтобы спасти мозг, но тщетно. Общение между Инженерами и Доктором то и дело стопорилось: тело человека все-таки было для них слишком странным, и у них под рукой почти не было нужного оборудования.

Наконец, они забрали Уитбрида вместе с его мошкитой в космопорт, который контролировал их Хозяин. Теперь война закончилась, и Чарли могла вернуться к Королю Петру. Требо-

валось наградить героев, заняться устранением последствий сражения и подумать о том, как удовлетворить требования Хозяев, понесших ущерб. Когда люди прибудут сюда в следующий раз, среди мошкитов должно быть единство.

Хозяин не узнала правды, так же как и ее белоснежные дочери. Но среди других дочерей — Пестрых отпрысков Посредников, служивших ей, — шепотком передавали, что одна из их сестер совершила такое, чего никогда не делал ни один Посредник за все минувшие Циклы. Когда Воины устремились к чужаку, мошкита Уитбрида коснулась его, но не слабыми правыми руками, а мощной левой.

Она была наказана за непослушание и умерла в одиночестве. Ее сестры не возненавидели ее — просто не могли заставить себя заговорить с той, которая убила своего финч'клик...

Часть четвертая
Решение безумного Эдди

39
Отступление

— Адмирал, со шлюпок докладывают, что никаких следов гардемаринов не обнаружено, — в голосе капитана Михайлова звучали виноватые нотки: немногие офицеры рисковали докладывать Кутузову о неудаче.

Адмирал бесстрастно сидел в командирском кресле на мостике «Ленина». Взяв стакан с чаем, он отпил небольшой глоток и что-то пробурчал, давая понять, что принял информацию к сведению.

Затем Кутузов повернулся к остальным, занявшим вокруг него свои места. Род Блейн по-прежнему сидел в кресле флаг-лейтенанта: он был старше командора Бормана по званию, а Кутузов проявлял щепетильность в подобных вопросах.

— Восемь ученых, — сказал Кутузов. — Восемь ученых, пятеро офицеров, четырнадцать членов экипажа и космодесантников. Все убиты мошкитами.

— Мошкиты! — Доктор Хорват развернул крес-

ло к Кутузову. — Адмирал, почти все эти люди оставались на борту «Макартура», когда вы уничтожили его. Некоторые, возможно, были еще живы. Что касается гардемаринов, которым хватило глупости войти в атмосферу на спасательных шлюпках… — Он осекся, когда Род устремил на него свой тяжелый, но какой-то мертвый взгляд. — Простите, капитан. Я… Мне очень жаль… Как трагично! Мне очень нравились ваши ребята, но ведь нельзя и обвинять мошкитов во всех наших бедах! Мошкиты пытались помочь нам и могли многое сделать для нас. Адмирал, когда мы сможем вернуться на посольский корабль?

Фырканье, которое издал Кутузов, должно было обозначать смех.

— Ха! Доктор, как только шлюпки соберутся, мы отправимся домой. Я полагаю, что выразился достаточно ясно.

Министр науки поджал губы.

— Я надеялся, что к вам вернется здравый смысл, — процедил Хорват ледяным тоном. — Адмирал, вы разрушаете мечты человечества! Технология, которую мы могли бы купить — которую они отдали бы нам! — в тысячи раз превосходит все наши многовековые достиже-

ния. А мошкиты проявили по отношению к нам, чужакам, неслыханное гостеприимство! Если бы вы не запретили рассказывать им о сбежавших малышах, уверен, они бы помогли нам и в этом тоже! Но вы хранили свои проклятые секреты, и из-за вашей дурацкой ксенофобии мы потеряли корабль-наблюдатель и бесценные приборы! Вы проявляете к мошкитам враждебность, хотя они планируют продолжить контакты с людьми! Господи, да будь они воинственными, ничто не могло бы спровоцировать их лучше, чем ваши действия!

— Вы закончили? — презрительно спросил Кутузов.

— Да. Но мне будет еще что сказать, когда мы вернемся!

Кутузов коснулся кнопки на подлокотнике кресла.

— Капитан Михайлов, пожалуйста, проверьте координаты точки Олдерсона. Ускорение полтора *g*, капитан.

— Так точно, сэр.

— Значит, вы решились на очередную глупость! — прорычал Хорват. — Блейн, не могли бы вы воздействовать на него?

— У меня тоже есть обязательства перед людь-

ми, доктор, — сказал Кутузов.

Если реплика адмирала и произвела на Хорвата впечатление, он никак этого не показал.

Кутузов повернулся к Роду.

— Капитан, я с радостью приму ваш совет, но не сделаю ничего в ущерб безопасности корабля и не позволю экипажу общаться с мошкитами. У вас есть предложения или возражения, капитан Блейн?

Род слушал разговор без особого интереса, его мысли путались. «Что я могу сделать?» — постоянно спрашивал он себя. Больше его ничто не интересовало. Адмирал просил его совета, но исключительно из вежливости. Род перестал быть командиром и не имел никаких обязанностей. «Макартур» уничтожен, карьера Блейна завершилась, едва начавшись. Впрочем, незачем жалеть себя.

— Я думаю, сэр, нужно постараться сохранить доброжелательное отношение мошкитов. Но мы не можем принимать решения. У нас есть правительство…

— Вы так расцениваете мои поступки? — спросил Кутузов.

— Нет, сэр. Но вполне вероятно, что Империя захочет торговать с Мошкой. Как сказал доктор

Хорват, мошкиты не сделали ничего враждебного.

— А ваши гардемарины?

Род с трудом сглотнул.

— Не знаю, сэр. Возможно, Поттер или Уитбрид не справились с управлением шлюпок, а Стейли попытался спасти их. Это на него похоже…

Кутузов нахмурился.

— Три спасательные шлюпки, капитан. Значит, они одновременно входят в атмосферу и тотчас сгорают… — Он взглянул на экраны.

Шлюпки уже затаскивали лебедками на ангарную палубу «Ленина», где космодесантники продували их ядовитым газом. Ни один чужак не должен проникнуть на *его* флагманский корабль!

— О чем бы вы хотели поговорить с мошкитами, доктор?

— Я не скажу им того, что *хотел* бы сказать, адмирал, — отрезал Хорват. — Но я поведаю им вашу байку о чуме. Ведь это почти правда! «Малышовая» чума. Но, адмирал, вы должны дать нам шанс. Экспедиция должна возобновиться.

— Они поймут, что вы лжете, — жестко заметил Кутузов. — Блейн, как по-вашему? Как вы думаете, мошкиты очень проницательны… или нет?

«Неужели он не понимает, что я не хочу думать о мошкитах?! Вообще ни о чем! Что хорошего может быть в моей болтовне. Я потерял свой корабль!»

— Адмирал, разрешите министру Хорвату поговорить с мошкитами, — Род подчеркнул слово «министр», поскольку Хорват был не только членом Совета, но и имел прочные связи с Лигой Человечества и влияние в Имперской Торговой Ассоциации. Этот союз был почти столь же могущественным, как и военно-космический флот. — Кто-то должен поговорить с ними, и не имеет особого значения, кто именно. На борту нет человека, способного обмануть свою финч'клик.

— Что ж… капитан Михайлов, пожалуйста, вызовите посольский корабль Мошки. Доктор Хорват будет на связи.

Экраны засветились, транслируя изображение мошкиты. Род скорчил гримасу, быстро поглядел наверх и удостоверился, что перед ним микрофона нет.

Мошкита посмотрела на Хорвата.

— Финч'клик.

— Наконец-то! Но, к сожалению, нам придется покинуть вас, причем срочно.

Улыбка мошкиты нисколько не изменилась.

— Это уже и так ясно, Энтони, однако мы искренне огорчены. Нам требовалось столько обсудить: торговые соглашения, аренду баз в вашей Империи…

— Но мы не уполномочены подписывать договоры или торговые соглашения, — запротестовал Хорват. — Мы многое успели сделать, но теперь должны улететь. На «Макартуре» вспыхнула эпидемия, какой-то жуткий вирус, и пока мы не уверены, уничтожен ли очаг инфекции или инфекция еще будет распространяться. А поскольку «Ленин» — наша единственная возможность вернуться домой, адми… наш Принимающий Решения считает, что медлить нельзя! Все-таки экипаж еще на ногах и здоров. Но мы вернемся!

— И вы тоже? — спросила мошкита.

— Если получится. Мне бы хотелось, — с пылом произнес Хоравт.

— Мы с радостью примем вас. Примем всех людей. Мы возлагаем большие надежды на торговлю между нашими расами, Энтони. Есть многое, чему мы можем научиться друг у друга. Кстати, о наших подарках — может, вам не забирать их на корабль?

— Почему… спасибо… я… — Хорват покосился на Кутузова. Адмирал еле сдерживался и замотал

головой.

— Увы! — печально произнес Хорват. — Пока мы не выясним, что спровоцировало эпидемию, мы не будем брать на борт ничего лишнего!

— Как жаль, Энтони. Но мы заметили, что ваши инженеры — как бы выразиться деликатнее? — в своей профессиональной области продвинулись не столь далеко, как мы. Вероятно, все дело в специальных навыках. Мы думали частично исправить недочеты, предложив вам особые подарки.

— Я… подождите минутку, — пролепетал Хорват. Отодвинув микрофон, он обратился к Кутузову: — Адмирал, мы упускаем такую возможность! В ваших руках — судьба и процветание Империи!

Прищурив темные глаза, адмирал склонил голову набок.

— Это так же верно, как и то, что мошкиты, имеющие доступ к полю Лэнгстона и к движителю Олдерсона, могут стать угрозой для всего человечества, министр Хорват.

— Понятно! — фыркнул Хорват и посмотрел на мошкиту: — Боюсь, что…

Мошкита перебила его:

— Энтони, давайте тогда поступим по-другому!

Изучите наши подарки, сфотографируйте их, а потом решайте сами, взять их на борт или нет. Мы можем сделать для вас дополнительные дубликаты… на всякий случай. Надеюсь, что члены экспедиции, побывавшие на нашей планете, тоже будут довольны.

Хорват напряженно думал. Он *должен* заполучить дары мошкитов! Микрофон снова был отодвинут в сторону, и Хорват улыбнулся адмиралу.

— А ведь она права. Нельзя ли впихнуть их в катер?

Кутузов скривился, как будто попробовал скисшее молоко, но кивнул. Хорват с облегчением вздохнул.

— Спасибо! А у меня есть отличная идея! Если вы разместите подарки на катере, мы изучим их по дороге, а через две с половиной недели в точке Безумного Эдди вы сможете их забрать обратно, а катер — в качестве ответного подарка.

— Вот и хорошо, — тепло сказала мошкита. — Но вам не нужен катер. Один из наших подарков — космический корабль с управлением, приспособленным для человеческих рук… и человеческого разума. Все остальное будет на его борту.

Изумленный Кутузов снова кивнул. Хорват отметил это и приободрился.

— Чудесно! Мы тоже привезем вам подарки, когда вернемся. Нам не хочется быть у вас в долгу! Вы проявили такое гостеприимство!

Адмирал Кутузов что-то пробормотал.

— Простите? — прошептал Хорват.

— Спросите о гардемаринах, — многозначительно произнес адмирал.

Хорват собрался с духом.

— Есть какие-нибудь новости о наших гардемаринах?

В голосе мошкиты прозвучала тоскливая нотка:

— Откуда им быть, Энтони? Они погибли, пытаясь войти в атмосферу: спасательные шлюпки сгорели дотла. Мы отправляли вам снимки — разве вы не получили их?

— Я их не видел, — ответил Хорват — и не солгал. Проклятый адмирал не верил ничему! Неужто Кутузов считает, что парней взяли в плен и теперь пытают, чтобы получить информацию? — Простите, но мне приказали спросить.

— Мы понимаем. Люди так заботятся о молодых Принимающих Решения! Впрочем, как и мы. У наших рас столько общего! Приятно было

побеседовать с вами, Энтони. Надеемся, мы скоро увидимся!

Внезапно прозвучал тревожный сигнал. Адмирал Кутузов насупился и помрачнел. Спустя несколько секунд до Хорвата донесся голос старшины:

— Корабельные шлюпки закреплены, сэр! Мы готовы к отправлению.

Мошкита, очевидно, тоже все услышала, потому что сразу же затараторила:

— Подаренный корабль сможет догнать вас, если ваше ускорение не превысит… — последовала пауза, — …три ваших *g*, — сказала мошкита и умолкла.

Хорват вопросительно взглянул на адмирала. Тот напряженно думал о чем-то и слегка кивнул.

— Наше ускорение составит полтора *g*, — отрапортовал Хорват.

— Тогда наши подарки будут у вас через пять часов, — резюмировала мошкита.

Экраны вспыхнули, и микрофон Хорвата отключился.

— Мне сообщили, что какой-то корабль покинул Мошку-1 и направился к точке Олдерсона с ускорением в одну целую семьдесят четыре сотых *g*, — проскрипел Кутузов. — Это две стан-

дартные силы тяжести Мошки. Будьте любезны, попросите у них объяснений, — властным тоном добавил адмирал.

Хорват повернулся к мошките, и его экран снова «ожил». Старательно подбирая слова, чтобы случайно не обидеть собеседника, он передал вопрос Кутузова и напоследок произнес:

— Вам об этом известно?

— Конечно, — ответила мошкита. — Хозяева отправили наших послов в Империю для встречи с вами. Их трое, и мы просим доставить их в столицу Империи, где они будут представлять нашу расу. У них есть полномочия вести переговоры на столь высоком уровне.

Кутузов втянул ноздрями воздух. Его лицо побагровело от гнева, и Хорвату показалось, что адмирал сейчас заорет, но он лишь тихо произнес:

— Скажите им, что мы сейчас все обсудим. Капитан Михайлов, ускорение по готовности!

— Так точно, сэр.

— Нам пора, — обратился Хорват к мошките. — Я… мы… должны обсудить вопрос о послах. Это для нас неожиданность… Я надеялся, что вы полетите сами. А может, послом стала хоть одна из наших финч'клик?

— Времени хватит для любых необходимых обсуждений, — заверила мошкита. — Что касается вашего вопроса, то ни один посол мошкитов не отождествляется с каким-либо определенным человеком — ведь они должны представлять нашу расу в целом. Надеюсь, вы меня понимаете, Энтони? В общем, нашим послам единогласно дано право заключать любые соглашения от имени мошкитов. А насчет вируса не волнуйтесь: послы не покинут корабль, пока вы не убедитесь, что они не представляют опасности для вашего здоровья… — По «Ленину» разнесся громкий вой сирены. — Прощайте, Энтони. Передайте наилучшие пожелания всем остальным. И возвращайтесь поскорее.

Прозвучал последний предупредительный сигнал, и «Ленин» начал полет. Некоторое время Хорват молча смотрел на темный экран, а присутствующие удивленно перешептывались за его спиной.

40
Прощание

Линкор Его Императорского Величества «Ленин» оказался загружен под завязку, на борту яблоку негде упасть: сюда переместились ученые и команда «Макартура». Члены экипажа довольствовались одним гамаком на двух-трех человек, десантники спали в коридорах, а офицеры теснились по трое в каютах, предназначенных для одного. Вдобавок на ангарной палубе разместили спасенные с «Макартура» артефакты мошкитов, которые Кутузов требовал держать в вакууме, под постоянной охраной и с периодическими осмотрами. На борту не осталось места, где могла бы собраться вся команда.

«Ленину» надлежало оставаться в полной боевой готовности до тех пор, пока он не покинет систему Мошки, даже во время похоронной службы, проведенной Дэвидом Харди и священником с «Ленина» Джорджем Алексисом. Для обоих это было довольно необычно, хотя на военных космических судах часто проводились подобные обряды. Облачившись в черную епитрахиль

и повернувшись к требнику, который один из рядовых держал перед ним открытым, Дэвид Харди подумал, что, вероятно, проводил больше отпеваний, чем обычных церковных собраний.

По кораблю пронесся трубный звук.

— Экипаж, вольно! — негромко скомандовал главный боцман.

— Даруй им вечный покой, Господи! — пропел Харди.

— И пусть пребудет над ними Свет Вечный, — отозвался Алексис.

На мгновение воцарилась тишина.

— Я есмь Воскресение и Жизнь, рек Господь. Верующий в Меня, если и умрет, оживет, и всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек.

Слова молитвы знал всякий, кто служил в военно-космическом флоте.

Служба продолжалась. Экипаж отвечал с боевых постов, и по кораблю разносился негромкий хор голосов.

— И услышал я голос с небес, говорящий мне: «Отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе. Ей, успокоятся от трудов своих».

«Успокоятся, — мысленно повторил Род и содрогнулся. — Я видел десятки погибших кораблей, и множество людей под моим командованием

забиралось за сотни парсеков от дома. Почему же я думаю именно о “Макартуре”». Он глубоко вздохнул, но стеснение в груди не исчезало.

Огни на борту «Ленина» потускнели, и спустя секунду включилась запись хора Имперского военного оркестра. Хор исполнял псалом, к которому присоединились и члены экипажа.

— Тот день, день гнева, в золе развеет земное. Свидетелями Давид с Сивиллой…

«Сивилла? — подумал Род. — Господи, что за древность?»

Пение мужских голосов продолжалось и завершилось славословием.

«А верю ли я?.. — задумался Род. — Харди верит, и это написано у него на лице. И Келли, готовый спасти своих друзей любой ценой, даже если для этого ему придется вышвыривать их в открытый космос через торпедный аппарат, тоже верит. Почему я не такой, как они? Но я ведь тоже верю, только по-своему… Я всегда верил, что во Вселенной должен быть какой-то смысл… А Бери? Он — иной веры, но служба захватила и его. Интересно, о чем он сейчас думает?»

Гораций Бери не отводил взгляда от торпедного аппарата. Четыре тела и отрезанная голова! Голова десантника, которую «домовые» исполь-

зовали для своего троянского коня. Бери не мог забыть этого жуткого зрелища, когда экипаж «Макартура» спешно эвакуировали. В его памяти навсегда запечатлелось все: и стальные коридоры, и облака тумана, и квадратные челюсти, и широкие вялые рты и блестящие мертвые глаза мошкитов.

Да будет милостив к нему Аллах, и пусть легионы *Его* опустятся на Мошку!

«Салли держится лучше, чем я, — продолжал размышлять Род, — а ведь она из гражданских. Но она тоже скорбит по погибшим. Почему меня не тревожит судьба остальных? Пятеро космодесантников пожертвовали собой, но спасли ученых с «Макартура»… Но все было бы не так плохо, если бы гардемарины, к примеру, получили смертельные ранения во время сражения… Высылая катер со спасательным отрядом, я уже приготовился к потерям. А ведь я даже не был уверен в том, что ребята сумеют покинуть «Макартур». Но они смогли, и какое-то время были в безопасности!»

— Господи Всемогущий, прими души наших усопших братьев, а мы вверим их тела глубинам космоса и не усомнимся в их воскресении и вечной жизни у Господа нашего Иисуса Христа…

Келли нажал на клавишу: последовало мягкое *ху-уш-ш*, потом еще и еще — всего пять раз. Из двадцати семи погибших и пропавших без вести удалось найти только четыре тела и одну голову.

— Экипаж, внимание! Пли!

— Огонь!

«А как воспримут церемонию мошкиты?» — вдруг подумал Род.

Два портовых залпа, направленных в никуда… и третий, испаривший тела, выброшенные в открытый космос долю секунды назад. На этом настоял адмирал, никто не возражал.

Трубачи «Ленина» и «Макартура» закончили свой дуэт, звуки труб стихли.

Казалось, что все затаили дыхание.

— Экипаж, разойдись!

Офицеры молча выходили из торпедного отсека. Огни в коридорах ярко вспыхнули, люди заторопились на свои места согласно боевому расписанию. Кое-кто шагал к переполненным кают-компаниям.

«Продолжается обычная жизнь Космофлота, — сказал себе Род. — Похороны всегда проходят по уставу. В “Книге” есть правила для всего: рождения на борту корабля, регистрации брака, похорон — с телами или без оных… а также

инструкции для капитана, лишившегося своего корабля. В таком случае требуется военный трибунал».

— Род, подождите, пожалуйста!

Оклик Салли вернул его в реальность. Они находились в коридоре: офицеры и члены команды огибали их с двух сторон. Род хотел влиться в поток, вернуться в свою уединенную каюту, где никто не спросит, что стряслось на борту «Макартура». Но это все-таки была Салли, и какая-то его часть хотела поговорить с ней или хотя бы постоять рядом с ней несколько секунд…

— Род, доктор Хорват утверждает, что мошкиты отправили послов нам навстречу в точку Безумного Эдди, но адмирал Кутузов не позволяет им подняться на борт!

«Проклятие! — мысленно выругался он. — Мошкиты, опять мошкиты…»

— Так и есть, Салли. — И он двинулся вперед по коридору.

— Род, подождите! Нужно что-то предпринять! Род, куда вы? — Салли смотрела ему вслед. Род ускорил шаг.

«Что же теперь делать?» — в отчаянии подумала Салли.

Дверь каюты Блейна была закрыта, но индика-

тор показывал, что она не заперта. Кевин Реннер помедлил, затем постучал. Никакого ответа. Он подождал и постучал снова.

— Войдите.

Реннер распахнул дверь и потоптался на пороге. Он пока еще не привык к новому статусу Блейна. Странно как-то: ни часового на посту, ни ореола таинственного, окружающего капитана.

— Кэп, вы не против, если я присоединюсь к вам?

— Конечно, нет. Я могу вам чем-то помочь? — безразличным тоном произнес Блейн и уставился в стену.

Кевин замялся. Интересно, а что было бы, отнесись он к вежливому предложению Рода серьезно? Например, он мог бы попросить выпить…

Впрочем, нет. Сейчас не время давить на кэпа — по крайней мере пока. Реннер сел и огляделся.

Каюта у Блейна оказалась просторной. На корабле только у четверых мужчин и одной женщины были отдельные каюты, но Блейн не использовал преимуществ драгоценного пространства. Похоже, он часами сидел в кресле — вероятно, с тех пор, как завершилась похоронная служба, — не меняя позы. Он позаимствовал у

капитана Михайлова запасной мундир, который явно был ему не по размеру.

Они молчали. Блейн был погружен в свои мысли и ни на что не реагировал.

— Я перечитал работу Бакмана, — брякнул наобум Реннер. Следовало завязать разговор, а эта тема была не связана мошкитами.

— Да? Ну и как? — вежливо спросил Блейн.

— По-моему, чересчур. По его словам, в Угольном Мешке формируется протозвезда. Через тысячи лет она будет светить самостоятельно. Правда, доказать мне это он не может, поскольку я не знаю математики.

— Угу.

— Как дела? — Реннер вовсе не выказывал желания уходить. — Наслаждаетесь свободой от обязанностей?

Блейн наконец поднял голову.

— Кевин, почему наши парни рискнули войти в атмосферу?

— Ох, кэп! — только и сумел вымолвить Реннер.

«А он, похоже, крепче, чем я думал», — пронеслось у него в голове.

— Может, вы расскажете мне, что случилось.

Реннер изумленно вытаращил глаза, но Блейн

явно приготовился слушать.

— Кэп, корабль заполонили «домовые»… Они были всюду, куда ни глянь, и наверняка проникли в хранилище спасательных шлюпок задолго до… до тех событий… Сэр, как бы вы переделали спасательные шлюпки, будь вы мошкитом?

Блейн даже улыбнулся.

— А вы уже поставили себя на их место, верно?

Реннер усмехнулся, но сразу же посерьезнел.

— Кэп, я имел в виду, что у них прямо руки чешутся — так они хотят все переделать! Но вернемся к шлюпке. В глубоком космосе шлюпка должна вовремя затормозить, а еще у нее должен быть канал связи. Знаете, ведь всякое бывает… Иногда надо оставаться около орбиты газового гиганта и ждать помощи. Кстати, здесь и пригодится режим автопилота, потому что пассажиры или пилот могут быть ранены или без сознания… Ну а если вас занесло к обитаемой планете, то вам нужно просто приземлиться.

— Что? — Блейн нахмурился.

В его глазах зажглась искра жизни. Реннер затаил дыхание.

— Но, Реннер… значит, тогда что-то пошло не так? Если «домовые» переделали шлюпки, то весьма преуспели в своей работе! Кроме того,

шлюпки не должны были входить в атмосферу.

Реннер пожал плечами.

— Можете вы с первого взгляда разобраться в пульте управления мошкитов? Я не могу и не сомневаюсь, что парни тоже не сумели. Но «домовые» рассчитывали на шлюпки. Кэп, вдруг они их доделали? А может, они были повреждены в ходе сражения?

— Вы правы…

— А если они были рассчитаны только на «домовых»? Тогда, чтобы разместиться внутри, парням пришлось выдрать с корнем дюжину пятнадцатисантиметровых сидений! А у них оставалось слишком мало времени из-за торпед, которые должны были взорваться через три минуты.

— Проклятые торпеды! А ведь корпуса кишели «домовыми» и крысами! Если бы туда кто-нибудь заглянул…

Реннер кивнул.

— Но кто мог знать, что надо заглянуть?

— Я.

— Почему? — спросил Реннер. — Кэп, там…

— Я — не кэп.

«Ага!» — подумал Реннер.

— Да, сэр. На флоте не нашлось бы человека, который догадался бы это сделать. Ни одного.

Я — в их числе, сэр. Даже Царя устроила ваша процедура дезинфекции корабля. И не только его. Зачем же винить себя в общей ошибке?

Блейн взглянул на Реннера. Штурман раскраснелся. Почему он так разволновался?

— Есть кое-что еще, — произнес Род. — Допустим, спасательные шлюпки были переделаны на сто процентов, наши парни благополучно приземлились, и мошкиты лгут.

— У меня мелькала подобная мысль, но я ее отверг, — признался Реннер. — А вы сами-то верите, сэр?..

— Нет. Но хотел бы убедиться, что ничего не упустил.

— Если бы вы знали мошкитов так же хорошо, как я, то вы бы не мучились. Сэр, позвольте дать вам совет! Изучите данные по мошкитам. На борту — куча документов, и время у нас есть. Сейчас вы — величайший эксперт военно-космического флота по мошкитам.

— Я?.. — Род рассмеялся. — Кевин, я не эксперт ни в чем. Когда мы вернемся, мне предстоит встреча с военным трибуналом…

— К черту трибунал! — нетерпеливо воскликнул Реннер. — Кэп, почему вы до сих пор терзаете себя?

— А о чем, по-вашему, я должен думать, лейтенант Реннер?

Кевин покачал головой. Лучше такой Блейн — раздраженный и злой, чем тот, каким он был минуту назад.

— Скажем, о том, почему Салли пребывает в мрачном настроении… Полагаю, ей плохо оттого, что вы, похоже, рассердились на нее. Можно поразмышлять и о ближайшем будущем… скажем, о том, что вы сделаете, когда Кутузов погонит прочь послов мошкитов. О мятежах и гражданских войнах в колониях, или о цене на иридий, или об инфляции кроны!

— Реннер, ради бога, замолчите!

Усмешка Кевина стала шире.

— …а может, о том, как вышвырнуть меня из каюты. Кэп, давайте рассуждать логически. Допустим, суд признает вас виновным в халатности — ужасно, да? Но вы-то не сдали корабль врагу, верно? А некоторые жаждут вашей крови и повесят вину на вас. Худшее, что они могут сделать, — это разжаловать вас. Вы подадите в отставку, по-прежнему оставаясь двенадцатым маркизом Круцисом.

— Да. Ну и что?

— Ну и что? — Реннера охватила ярость. Его

брови сошлись, кулаки сжались. — Капитан, я — обычный шкипер торгового судна. И мои предки тоже этим занимались, причем с превеликим удовольствием. Но затем я пошел во флот… и не жалею об этом ни секунды! Мы делаем свое дело, капитан, и надеемся, что вы, при всех ваших привилегиях, тоже будете делать свое!

— Хорошо, — Блейна смутила вспышка Реннера. — Я вас слушаю.

— Вы спрашиваете, что делать? Вы, единственный аристократ в Империи, кто осведомлен о мошкитах, и спрашиваете меня, как вам поступить? Кэп, я думал, что вы вмешаетесь в эту историю. Империи нужна разумная политика по отношению к мошкитам, а влияние военно-космического флота велико! Нельзя допустить, чтобы флот принял сторону Кутузова! Подумайте о послах мошкитов, которых адмирал хочет оставить на бобах.

— А вы действительно многое разнюхали!

Реннер ухмыльнулся.

— Вроде того. И повторяю, у вас еще есть время. Поговорите с Салли, перечитайте рапорты, которые мы посылали с Мошки-1. Изучите их досконально, а когда адмирал встретится с вами и снова начнет гнуть свою линию, вы сможете

дать ему отпор! Мы должны взять мошкитских послов с собой!

Род скривился. Мошкиты на борту корабля!

— И перестаньте предаваться унынию, — произнес Реннер. — Они не будут размножаться и не заполонят весь «Ленин». Просто не успеют. Сэр, простите, но включите мозги! Адмирал выслушает вас. Выслушает — хотя бы в пику Хорвату, поскольку доктор предлагает Царю повернуть обратно!

Род нетерпеливо отмахнулся.

— Разве мое мнение будет иметь какой-то вес? Да и остальные будут возражать.

— Что с вами, кэп? Знаете, что о вас думают ваши офицеры и экипаж? Неужели у вас нет никаких соображений? Капитан, из-за таких вот чучел вроде вас… — Кевин осекся, смущенный тем, что сказал больше, чем намеревался. — Ладно. Царь поинтересуется вашим мнением. Конечно, он не примет совета ни от вас, ни от Хорвата, но официально побеседует с вами обоими. Такой пункт есть и в инструкции экспедиции…

— А вы-то сами почему в курсе?

— Капитан, моя команда занималась спасением с «Макартура» судовых журналов и сборников приказов! На них не было грифа «Секретно».

— Не было?

— Наверное, освещение было плохое, и я не заметил. Кроме того, следовало убедиться, что мы взяли те самые сборники, верно? Так или иначе, но док тоже знает об этом распоряжении. Он собирается настоять на созыве военного совета, прежде чем Кутузов примет окончательное решение насчет послов.

— Ясно, — Род потер переносицу. — Кевин, а кто вас прислал сюда? Хорват?

— Хорват? Нет. Сам додумался, — Кевин кашлянул. — Впрочем, не без некоторой сторонней поддержки, капитан. — Он помолчал, ожидая вопроса, но Блейн лишь молча смотрел на него. Реннер фыркнул. — Иногда диву даешься, почему аристократы не вымерли в принципе, если большая их часть кажется такими глупцами! Почему бы вам не увидеться с Салли? Она сидит у себя в каюте и пытается изучать документы, но у нее это плохо получается. — Реннер резко поднялся со стула. — А дружеское участие ей сейчас тоже не помешает.

— Салли? Она беспокоится о…

— Боже мой, — буркнул Реннер, развернулся, открыл дверь и выскочил в коридор.

41
Дареный корабль

«Ленин» шел к точке Безумного Эдди с ускорением в полтора *g*. Туда же следовал и дареный корабль.

Он представлял собой обтекаемый цилиндр с утолщением на носу и смахивал на минарет, водруженный на столб пламени термоядерного синтеза. Салли Фаулер и отец Харди очень веселились, глядя на него, но остальные не замечали или делали вид, будто не видят никакого сходства с фаллосом.

Кутузов ненавидел дареный корабль. Послы мошкитов, с которыми предстояло иметь дело, просто исполняли приказы, но с кораблем все обстояло иначе. Он догнал «Ленина», разместился в трех километрах от военного судна и принялся передавать бодрые сообщения, пока канониры «Ленина» следили за ним. Кутузов успокаивал себя тем, что на корабле не может быть достаточно мощного оружия, чтобы пробить поле «Ленина».

Впрочем, имелась и другая причина для ненависти: корабль как будто искушал Кутузова

нарушить приказ. Добровольцы из команды «Макартура», осматривавшие его, восторгались всем, что увидели. Управление напоминало управление катером Космофлота, однако привод был стандартным ядерным приводом мошкитов — с длинным направляющим жалом, вдоль которого текла плазма. Были и другие весьма любопытные «мелочи». Адмиралу Кутузову хотелось взять дареный корабль с собой.

Но в то же время он боялся пускать туда своих людей.

После того как корабль проверили офицеры, на борт поднялись ученые. Кутузов осознавал, что постоянные перемещения серьезно подрывают легенду о чуме на «Макартуре», но ему хотя бы не требовалось объяснять это мошкитам. Пусть Хорват зачитывает эксплуатационные приказы и требует военного совета — пока Кутузов жив, ни одного чужака на борту «Ленина» не будет. Впрочем, сам корабль…

Адмирал взглянул на его изображение на экранах — на борт уже перебирались штатские. Они собрались на «Ленине» на похороны, а теперь спешили изучить новую игрушку, которая находилась на чужом борту.

Кутузов прочитал десятки рапортов: корабль

просто изобиловал чудесами и мог оказаться бесценным для Империи, но иногда Кутузова охватывали сомнения. Почему он согласился на мошкитский подарок? Кутузову бы помог капитан Блейн, но Род был сломлен и все глубже погружался в размышления о своем несчастье, став бесполезным именно тогда, когда требовался его совет. А Хорват был ослеплен верой во всеобъемлющую доброжелательность мошкитов. Оставался только Бери с его не менее слепой ненавистью, несмотря на все доказательства того, что мошкиты дружественны и безвредны.

— Вероятно, так и есть, — пробурчал Кутузов.

Гораций Бери вздрогнул и вопросительно уставился на адмирала. Они вместе пили чай на мостике, разглядывая подарок.

— Вероятно, мошкиты дружественны и безвредны, — повторил Кутузов.

— Вы тоже верите в эту чушь? — воскликнул Бери.

Кутузов пожал плечами.

— Я говорил другим: не имеет значения, во что я верю. Моя задача — обеспечить правительству максимум информации. При наличии одного корабля его потеря означает потерю всех данных. А подарочек мошкитов наверняка представляет

огромную ценность, не так ли, мистер Бери? Сколько бы вы заплатили военно-космическому флоту за лицензию на производство кораблей с таким приводом?

— Я заплатил бы гораздо больше, лишь бы увидеть, что с угрозой мошкитов навсегда покончено, — серьезно ответил Бери.

— Гм, — адмирал был склонен согласиться.

В Трансугольном секторе и без того хватало забот. Одному богу известно, сколько колоний бунтует и сколько присоединится к ним против Империи. Чужаки стали очередной проблемой, совершенно ненужной военно-космическому флоту.

— И все-таки технология… торговые возможности… я думал, вы заинтересуетесь.

— Нельзя им доверять, — произнес Бери, стараясь говорить спокойно. Адмирал не любил людей, не умеющих владеть собой. Бери прекрасно его понимал — сказалось отцовское воспитание.

— Адмирал, они убили наших гардемаринов. Надеюсь, вы не поверили сказочке о вхождении в атмосферу? Не забудьте, что именно мошкита-шахтер запустила на «Макартур» мелких тварей, которые расплодились и едва не пробрались на борт «Ленина». — Торговец содрогнулся,

вспомнив крошечные горящие глаза монстров. — Конечно, вы не позволите чужакам проникнуть в Империю. И не позволите «домовым» проникнуть на борт своего корабля.

Мошкиты! Читающие мысли чудовища… Телепаты они или нет, но мысли они точно читают. Бери попытался скрыть отчаяние: если даже адмирал Кутузов поверит чужакам, какое будущее ждет Империю? Новая технология беспримерно взбудоражит Имперскую Торговую Ассоциацию, и только у военно-космического флота хватит влияния, чтобы справиться с требованиями, предъявляемыми ИТА. Клянусь бородой пророка, нужно что-то делать!

— Я начинаю подумывать, не оказывает ли на вас чрезмерное влияние доктор Хорват? — вежливо осведомился Бери.

Адмирал нахмурился, и Гораций Бери улыбнулся. Хорват. Вот и ключ — игра Хорвата против адмирала.

А Энтони Хорват чувствовал себя довольным и счастливым, несмотря на ускорение в полтора *g*. Дареный корабль оказался просторным, и изучать его можно было неторопливо и без лишней спешки. Хорват обнаружил душ с полудюжиной сменных насадок, устанавливаемых под разны-

ми углами, и молекулярное сито для фильтрации воды. Запасы замороженных завтраков, которые требовалось сунуть в микроволновую печь, чтобы спустя мгновение получить готовое горячее блюдо… Ну, а явные недочеты в кулинарном искусстве мошкитов привели Хорвата в умиление.

Кроме того, Хорват мог выпить кофе, синтетического, но неплохого на вкус. Вдобавок, когда он распахнул дверцы одного из шкафчиков, то увидел целый ряд бутылок с вином.

В общем, теперь Хорвату казалось, что «Ленин» вместе с Кутузовым отдалился на изрядное расстояние. На борту линкора царила тесноста: прямо как в грузовых трюмах торгового судна. Каюты были переполнены, и некоторые члены экипажа спали в коридорах, тогда как здесь Хорват мог с удовольствием развалиться в кресле или плюхнуться на кровать. Он переставил микрофон поближе, удовлетворенно вздохнул и начал говорить.

— Большинство конструкций у мошкитов — многофункциональны, — изрек он, посматривая на компьютер. — Полагаю, что корабль является неким тестом на сообразительность, и неважно, было у мошкитов такое намерение или нет. Они успели хорошо нас изучить. Мошкиты внима-

тельно наблюдали за нами во время нашего визита на их планету. Теперь же нам надо разобраться в работе корабельного двигателя. Думаю, что для этого нам потребуется несколько дней… или больше?.. Здесь надо сделать краткое отступление. Коричневые, к примеру, пособразительнее, чем мы. Но — будем честны — Коричневым не нужно сутками пялиться в экраны и следить за индикаторами. А нам без этого пока не обойтись. Кстати, люди, технически образованные, находят подобное времяпрепровождение невыносимо скучным: они, конечно, предпочитают другие сложные задачи… А если говорить о социальной структуре на борту военного корабля… на вахте, к примеру, дежурят младшие члены экипажа, а офицеры являются к ним лишь по срочному вызову, чтобы справиться с возникшими проблемами. В общем, разница культур — налицо. Итак, мы реагируем медленнее, и нам требуется больше персонала для выполнения заданий, которые отдельный мошкит сочтет примитивными.

А мошкиты… они столько рассказали о себе! В данной связи я бы хотел вновь поговорить о различии между нами и мошкитами. У нас люди «дублируют» автоматические системы, хотя мы часто пренебрегаем автоматикой. Мы поступаем

так, чтобы обеспечить постоянную занятость людей, к примеру, тех же спасателей. В остальное время — они оказываются не у дел. Но у мошкитов есть свои минусы. Они оказались не слишком сильны в компьютерах, и автоматика нередко ставила их в тупик. Вместо механизмов они используют один или более подвидов в качестве «биокомпьютеров» и, похоже, располагают достаточным количеством таких работников. Едва ли это оставляет низшему звену право выбора.

Хорват умолк и оглядел помещение.

— А теперь — о статуэтках. — Хорват поднял одну и улыбнулся. Он выстроил их на столе перед собой, как игрушечных солдатиков: дюжину статуэток мошкитов из прозрачного пластика. Внутренние органы были обозначены яркими красками во всех подробностях. Он еще раз довольно осмотрел их и чуть поморщился: статуэтки следовало отправить обратно на планету мошкитов.

Вообще-то в этом не было особой необходимости. Пластик не представлял собой ничего особенного, а фигурки были изучены вдоль и поперек. Любой штамповочный автомат мог производить тысячи таких в час, вероятно, именно так их и изготовили мошкиты. Но они были

чужими и дареными, и Хорват хотел, чтобы они красовались у него на столе или в Музее на Новой Шотландии. Пусть Спарта довольствуется копиями!

Большинство мошкитов Хорвату удалось опознать с первого взгляда: огромный Носильщик, сверхмускулистый Инженер, кто-то с широкими короткопалыми руками и большими плоскими ступнями — скорей всего, Фермер. Крошечный Часовщик (проклятые «домовые»! И дважды проклятый адмирал, не позволивший мошкитам помочь в их уничтожении). Был здесь и Доктор с мелкой головой и длиннющими пальцами, и веретенообразный Посыльный, состоявший, казалось, из одних ног… Хорват продолжил говорить.

— Голова Посыльного невелика, но имеет отчетливо выступающий лоб. По-моему, Посыльный не наделен разумом, но способен запоминать и передавать устные сообщения. Вероятно, он способен выполнять и простые инструкции. Думаю, Посыльных специально вывели как курьеров еще до того, как цивилизация обзавелась телефонной связью, и сейчас сохраняют скорее в силу традиции, чем по необходимости. Из структуры мозга совершенно ясно, что «домовые», или Ча-

совщики, не способны запомнить или передать послание. Их теменные доли неразвиты.

Это для Кутузова.

— Статуэтки тщательно сделаны и разбираются, как головоломки. Можно рассмотреть все внутренние органы. Хотя нам пока не известно их назначение, я не сомневаюсь, что они существенно отличаются от анатомии людей. Вероятно, что многие культурные обычаи мошкитов напрямую или косвенно связаны с их анатомическим строением. Мы уже опознали сердце и легкие, состоящие из двух долей равной величины.

На пороге застыл отец Харди: ускорение корабля уменьшилось, а затем резко возросло. После того как инженеры выровняли его, Харди покачнулся, вошел в кают-компанию и уселся в кресло. Хорват махнул ему рукой.

— Единственное в статуэтках, что остается неясным, — это пресловутые половые органы. — Хорват улыбнулся и подмигнул священнику. Он действительно был доволен. — Мошкиты всегда сдержанны относительно секса. А статуэтки могут быть образовательными игрушками для детей и тогда, конечно, производятся большими партиями. Если так, то нужно спросить при случае мошкитов, значит, культура чужаков имеет

некоторое сходство с человеческой.

Хорват нахмурился. Сексуальное воспитание молодежи являлось сложной задачей для разумного человечества. Иногда оно охватывало почти весь массив молодых людей, но порой находилось под строгим запретом. В цивилизованных районах Империи тему широко раскрыли в книгах, однако на недавно колонизированных планетах вопрос оставался табуированным для подростков.

— Это может быть связано и с некими рациональными соображениями, — продолжал вещать Хорват. — Демонстрация различий половых органов потребует втрое больше статуэток, чем я вижу сейчас: комплект для мужчин, для женщин и, собственно, для фазы воспроизводства. Кстати, я заметил, что развитые молочные железы имеются у всех изваяний. Что ж, вероятно, любой мошкит способен кормить грудью детеныша. — Хорват перевел дух и ткнул пальцем в компьютер. По экрану поползли слова. — Итак, «рабочий» сосок расположен всегда справа или, по крайней мере, на стороне, противоположной сильной руке мошкита. Думаю, детеныша держат как раз крепкой левой рукой, тогда как слабые правые верхние конечности ласкают его — что

весьма логично, учитывая плотность нервных окончаний на правых руках мошкита.

Хорват прокашлялся и потянулся к бокалу с бренди, знаком приглашая Харди последовать его примеру.

— Поэтому сосок неопровержимо доказывает, что у высших каст мошкитов рождение нескольких детенышей одновременно — исключительная редкость. Но это явление должно быть обычным для Часовщиков. И несомненно, что неразвитые соски на правом боку малышей в один из периодов их развития превращаются в «рабочие», иначе невозможно объяснить столь резкое увеличение числа «домовых» на борту «Макартура». — Хорват посмотрел на Харди. — Как дела, Дэвид?

— Отлично. Статуэтки восхищают меня. Несомненно, это превосходная логическая игрушка! Один игрок, руководствуясь определенными правилами, просто сортирует статуэтки, исходя из неких категорий, а второй пытается обосновать его выбор. Очень любопытно.

— Мистер Бери захочет продавать их.

Харди пожал плечами.

— Церкви не мешало бы купить несколько штук для обучения богословов, которые будут контак-

тировать с мошкитами. Правда, я сомневаюсь, что статуэтки вызовут всеобщий интерес. Слишком сложно, — Харди наморщил лоб. — Между прочим, среди них кого-то явно не хватает.

Хорват кивнул.

— Нет неразумного мошкита, которого мы видели в зоопарке. А пока мы гостили в Замке, мошкиты вообще не говорили о нем.

— Да и после тоже, — добавил Харди. — Я спрашивал свою финч'клик, но она словно воды в рот набрала.

— Вот очередная тайна для будущих исследователей! — воскликнул Хорват. — Но нужно избегать щекотливой темы при мошкитах. И не следует расспрашивать их послов. — Он выжидательно замолчал.

Дэвид Харди улыбнулся, но ничего не ответил.

— Ладно, — сказал Хорват. — Мошкиты не слишком скрытные, но и у них есть свои секреты. Но все-таки странно, что они обходили стороной данный вопрос. И я уверен, что существа, подобные той зверюге из зоопарка, не являлись прародителями мошкитской расы. Это не то же, что для нас обезьяны.

Харди отхлебнул бренди. Тот оказался хорош, и священник задумался, где мошкиты добыли об-

разец. Бренди, несомненно, был синтетическим, и Харди стало интересно, сумел бы он отличить его от настоящего или нет.

— Великолепный бренди! Мошкиты преподнесли нам замечательный подарок! — и он сделал еще глоток.

— К сожалению, бренди тоже придется оставить, — вздохнул Хорват. — Впрочем, мы сделали подробнейшие описания всех подарков, включая и корабль. Рентген, изометрия, радоновое излучение. Механизмы, которые можно было разобрать, мы разобрали и сделали голограммы составных частей. Нам помог командор Синклер… иногда и от военных есть польза. Всегда бы так.

Харди покрутил в руках бокал.

— А вы не пытались взглянуть на проблему с позиций военно-космического флота? Если ошибетесь вы, то вы потеряете некую информацию, а если ошибку допустят они, то опасность будет грозить всей Империи.

— Глупости! Одна планетка, населенная пришельцами? Как бы они ни были развиты, они не смогут причинить Империи вред, Дэвид!

— Да, Энтони, я с вами в принципе согласен. Хотя я не верю, что они такие простые и открытые, как мы думаем. Я долго размышлял…

— Ну и?.. — спросил Хорват. Ему нравился отец Харди. У него были оригинальные идеи.

Конечно, Харди умел убеждать собеседника, ведь этого требовала его профессия, но он не был типичным священником… впрочем, как и типичным военно-космическим долдоном.

Харди усмехнулся.

— Знаете, иногда я чувствую, что мошкиты завели меня в тупик. Лингвистическая археология? Я даже не изучил язык чужаков! Когда меня вызовет церковная комиссия, сомневаюсь, что наберется достаточно доводов, дабы прийти к конкретному решению. Должность корабельного священника отнимает у меня совсем мало времени, вот я и провожу дни и ночи, размышляя о мошкитах. — Он рассмеялся. — А еще я раздумываю о проблемах миссионеров, которые явятся сюда со следующей экспедицией…

— Значит, Церковь пошлет сюда миссию?

— А почему бы и нет? Никаких богословских возражений явно не предвидится! Да и бесполезно это, скорее всего… — Харди хихикнул. — Хотите расскажу анекдот? На Небесах встретились недавно почившие миссионеры. Они обсуждали свои достижения: кто-то говорил о тысячах обращенных, а кто-то хвастал целой планетой

падших, которых вернул в лоно Церкви. Наконец, они повернулись к неприметному человечку и спросили, сколько душ он спас. «Одну», — ответил тот. Сейчас эту историю считают иллюстрацией морального принципа и честности, но вряд ли миссионерам на Мошке-1 удастся претворить его в жизнь.

— Дэвид, — вымолвил Хорват, и в его голосе прозвучала настойчивость. — У Церкви огромный авторитет, и имперские политики всегда прислушиваются к иерархам. А когда вы явитесь в Новый Рим, кардинал, естественно, сочтет ваш доклад чрезвычайно важным. Понимаете ли вы, что ваши выводы о мошкитах окажутся столь же влиятельными, как… В общем, ваши слова повлияют на политический курс по отношению к мошкитам больше, чем наши научные отчеты и даже военные донесения!

— Вы угадали, — кивнул Харди. — Энтони, влияние и власть меня не волнуют, но ситуация мне понятна.

— Хорошо. — Хорват не был настырным (или старался не быть, хотя иногда забывался. Впрочем, с тех пор как Хорват занялся администрированием, он научился бороться за бюджет). Он помолчал и сменил тактику. — Я хочу, чтобы вы

помогли мне прямо сейчас. Я собираюсь забрать статуэтки с собой.

— А почему не весь корабль? — спросил Харди. — Я бы взял. — Он отхлебнул и прочистил горло. Гораздо легче говорить с мошкитами, чем об имперской политике. — Я заметил, что вы уделяете особое внимание именно статуэткам, — лукаво произнес он.

Хорват нахмурился.

— Да? Возможно…

— Скажите мне откровенно, вас не удивляет то, что иногда мошкиты просто-напросто отмалчиваются?

— Пожалуй, нет.

— А меня весьма удивляет.

Хорват хмыкнул и плеснул бренди себе, а потом и отцу Харди. Не имело смысла экономить алкоголь, его ведь тоже придется оставить на борту подарочного корабля.

— Они считают, что их сексуальная жизнь нас не касается. Может, они и правы. Но много ли подробностей открыли им *мы*? — спросил Хорват.

— Много! — заявил Харди, у которого развязался язык. — И вот что я скажу… я прожил долгую и счастливую супружескую жизнь, конечно, я не эксперт в области человеческого счастья, но знаю

достаточно и могу читать мошкитам лекции по культурным вопросам. Я не скрывал ничего и велел Салли Фаулер поступать точно так же. В конце концов, они — *чужаки*, и едва ли мы способны разжечь их похоть.

Хорват ответил задумчивой улыбкой.

— Дэвид, а почему адмирал требовал сжигать тела после похорон?

— И ведь никто не протестовал! Мы не хотим, чтобы чужаки анатомировали тела наших товарищей.

— Да. Мы ничего не собирались прятать, но нам противна мысль о чужаках, препарирующих наших погибших собратьев. Вот — единственное, в чем я согласен с Царем. Послушайте, Дэвид: может, мошкиты думают в том же ключе, когда мы спрашиваем их про размножение?

Харди почесал затылок.

— Хорошая мысль! Взять хотя бы некоторые человеческие сообщества: они относятся подобным образом к фотокамерам и боятся, что вместе со снимками чужак способен заполучить душу. — Он снова отпил бренди. — Но, Энтони, я в это не верю. Я не могу предложить ничего лучше, но и поверить у меня не получается. Что нам действительно нужно, так это долгая беседа

с антропологом.

— Но адмирал не пускает Салли на корабль, — проворчал Хорват, но его гнев быстро улетучился. — Держу пари, Салли еще сердится.

42
Мешок битого стекла

Однако Салли не сердилась — свой словарный запас она исчерпала еще раньше. Пока Харди, Хорват и остальные с энтузиазмом изучали мошкитские подарки, ей приходилось довольствоваться голограммами и устными рапортами.

Но сейчас она не могла сосредоточиться. Обнаружив, что в пятый раз читает один и тот же абзац, Салли швырнула доклад на пол. Проклятый Род Блейн! Зачем было осаживать ее таким образом — и заставлять думать о нем!

В дверь каюты постучали, и Салли торопливо открыла.

— Да… Ой, здравствуйте, мистер Реннер.

— Вы ждали кого-то другого? — с улыбкой спросил Реннер. — У вас вытянулось лицо при виде меня, Салли. Не слишком лестно для меня.

Затем Реннер что-то неразборчиво пробормотал.

— Простите. Нет, я никого не ждала. Вы что-то сказали?

— Нет.

— Мистер Реннер, мне почудилось, что вы сказали про какое-то «угасание», — невпопад пролепетала Салли.

— Вы над чем-то работаете? — произнес Реннер, окидывая взглядом каюту.

Стол Салли, обычно содержавшийся в порядке, был завален бумагами, диаграммами и компьютерными распечатками. Один из докладов Хорвата лежал на полу возле переборки. Реннер усмехнулся.

Салли проследила за его взглядом и покраснела.

— Пожалуй, нет, — призналась она.

Реннер говорил ей, что собирается навестить Рода, и она ждала, когда о нем зайдет речь. Пауза затянулась, и Салли сдалась.

— Ладно. Я ничего не делаю, а как он?

— Он — мешок с битым стеклом.

— О!.. — заявление застало ее врасплох.

— Он потерял корабль, и ему очень плохо. Салли, не слушайте того, кто скажет вам, что потерять корабль — все равно что лишиться собственной жены. Потеря корабля сходна с гибелью вашей родной планеты.

— Думаете, я могу как-то помочь?

Реннер уставился на нее.

— Угасание, я же именно так и сказал. Конечно, можете. Например, взять его за руку или сесть с ним рядом. Если он и дальше будет разглядывать переборку, значит, его определенно ударило по голове.

— Ударило? Он ранен?

— Разумеется, нет. Он, должно быть… Давайте-ка сменим тему. Просто навестите его, Салли.

И Кевин вывел девушку из каюты и, нимало не заботясь о ее чувствах, увлек Салли за собой. Когда она изумленно воззрилась на Кевина, он показал ей на дверь.

— А я пойду чего-нибудь выпью.

«Значит, теперь капитан торгового флота будет учить аристократов, как им вести себя друг с другом!» — возмутилась Салли. Однако околачиваться в коридоре не было смысла. Она постучала.

— Войдите.

Салли так и поступила

— Привет, — выпалила она. Блейн выглядел ужасно. И этот мешковатый мундир… что-то нужно было делать. — Вы не заняты?

— Нет. Я обдумывал слова мистера Реннера. В глубине души Кевин Реннер действительно верит в Империю.

Салли осмотрелась по сторонам. Вряд ли ей предложат сесть. И потому она села без приглашения.

— Он же офицер военно-космического флота?

— Да, и он *поддерживает* Империю, иначе не прошел бы комиссию… но он истово верит в то, будто мы знаем, что делаем. Представляете?

— А разве это не так? — робко спросила она. — Если нет, человечеству, возможно, грозит опасность.

— Верно, — произнес Род.

Разговор принял нелепый оборот. Из множества тем, которые стоило обсудить с единственной на десять парсеков девушкой, он выбрал наихудшую, а именно — политику.

— Вы прекрасно выглядите, Салли. Как вам такое удается? Ведь вы наверняка не успели захватить с собой вещи.

— Наоборот, у меня осталась моя дорожная сумка, набитая битком. А платье я получила от мошкитов, помните? — не в силах сдержаться, она рассмеялась. — Род, простите, вы так глупо выглядите в мундире капитана Михайлова! Он вам слишком велик, Род! Нет уж, довольно! Пора браться за ум, Род Блейн! — добавила Салли, и на ее лице появилось строгое выражение.

Это длилось мгновение, но Салли победила. Она все поняла, когда Род посмотрел на складки на измятом кителе (Род сам их сложил, чтобы китель не смахивал на плащ-палатку). Он усмехнулся.

— Да, Салли. Мою кандидатуру не стоит выставлять на конкурс самых изысканно одетых мужчин при дворе, верно?

— Верно, Род.

Они помолчали. Салли судорожно искала тему для разговора. Почему ей так трудно общаться с Родом?

«Дядя Бен упрекал меня в болтливости. А сейчас у меня в голове совсем пусто», — подумала она.

— И о чем же говорил мистер Реннер?

— Он напомнил мне о моем долге. Я и забыл, что еще не вполне свободен. Полагаю, он прав, и жизнь продолжается даже для капитана, потерявшего свой корабль.

Последовала очередная пауза, во время которой воздух в каюте словно сгустился.

Салли покусала губы.

— Вы… вы провели на «Макартуре» много времени?

— Три года. Два — помощником капитана и год — капитаном. А теперь его нет. Впрочем, хватит обо мне. Чем заняты вы, Салли?

— А вы уже спрашивали, Род! Я изучаю данные с Мошки-1 и доклады с дареного корабля. Обдумываю, как убедить адмирала взять пословмошкитов с собой. А убедить его надо, Род. Я хочу, чтобы после того, как мы покинем систему Мошки, нам было о чем еще рассказать — у нас будет для этого куча времени.

«И еще хочу, чтобы мы провели его вместе, теперь, когда «Макартур» погиб. Впрочем, не знаю. Неужели я рада уничтожению соперника? Нет, нельзя, чтобы он хотя бы заподозрил меня в этом», — мысленно добавила Салли.

— Только сейчас, Род, у меня нет вообще никаких мыслей.

Блейн потер пальцами переносицу.

«Что касается времени, — подумал он, — перестань корчить из себя обиженного героя, пора действовать, как пристало будущему двенадцатому маркизу».

— Ясно, Салли. Посмотрим, как можно подойти к вопросу. Надеюсь, вы не откажетесь разделить со мной завтрак?

Она широко улыбнулась.

— Милорд, вы так обходительны!

43
Жалоба торговца

Гораций Бери страдал.

Если команде «Макартура» тяжело было иметь с ним дело, то на «Ленине» все обстояло еще хуже. Экипаж «Ленина» был напичкан екатерининцами — имперскими фанатиками, — служащими под началом адмирала и капитана с их родной планеты. Даже Спартанское братство было не столь влиятельно.

Бери знал об этом заранее и чувствовал привычную необходимость контролировать собственное окружение при любых обстоятельствах. Но на борту «Ленина» возникли новые трудности.

Его положение оказалось столь шатким! Капитан Михайлов и адмирал были в курсе, что Бери передан под личный контроль Блейну — не обвиненный ни в каком преступлении, но с запретом предоставлять ему свободу. Михайлов быстро решил проблему. Он назначил Бери денщиков из космодесанта и поставил старшим над ними канонира Келли. Таким образом, когда бы Бери ни покинул каюту, за ним повсюду следовал хвост.

Бери пытался поговорить с членами экипажа «Ленина» — но его выслушали лишь несколько человек. Вероятно, до парней дошли слухи о том, что Бери может им предложить, и они боялись, как бы космодесантники «Макартура» не проведали об этом (и не доложили бы начальству). А может, они подозревали Бери в измене и уже возненавидели его.

Торговцу необходимо терпение, и у Бери было его более чем достаточно. Однако тяжело контролировать себя, когда тебе вообще не оставили никакого выбора и нужно просто сидеть и ждать, когда переменится ветер. Временами его вспыльчивость находила выход в гневных воплях и крушении мебели в каюте, но никогда — при свидетелях. На людях Бери был спокоен, расслаблен и обаятелен. Он сумел даже пару раз приятельски побеседовать с адмиралом Кутузовым.

Последнее помогло Бери увидеться и с офицерами «Ленина», хотя они держались особняком. Когда Бери, к примеру, затевал разговор, они вспоминали о каком-нибудь срочном задании и улетучивались. Вскоре Бери выяснил, что есть всего три безопасные темы: карточные игры, мошкиты и чай. Если «Макартур» заправлялся кофе, то людской ресурс «Ленина» работал ис-

ключительно на чайной заварке. И поклонники этого напитка знали о предмете гораздо больше, чем кофеманы.

Корабли Бери торговали чаем наряду с прочими товарами, пользующимися спросом. Но Бери не возил его с собой и не пил.

Посему Бери проводил бесконечные часы за столом на мостике «Ленина». Когда же магнат покидал мостик, офицеры и с «Ленина», и с «Макартура» предпочитали заглядывать к Бери в гости, находя его каюту просторной и уютной. И вот здесь Бери проявил свои ораторские способности, а офицеры «Ленина» легко пошли на контакт! Они охотно говорили о мошкитах и проявляли к вопросу искренний интерес. Проведя десять месяцев в системе Мошки, большинству из них не удалось увидеть ни одного живого чужака, но каждому хотелось послушать о мошкитах, а Бери охотно удовлетворял их любопытство.

Промежутки между робберами растягивались, когда Бери принимался делиться со своими карточными партнерами историями о чужаках. Он говорил о Часовщиках, о Хозяевах и о Посредниках (те наверняка умели читать мысли, хотя и отрицали данный факт). Он поведал офицерам об экскурсии в зоопарк, живописал во всех красках

гостевой Замок и неприступные поместья мошкитов, похожие на крепости, — Бери, конечно, сразу отметил и эту деталь.

Правда, когда речь заходила о потенциальной агрессии мошкитов, Бери напрягался. Да, мошкиты не торгуют оружием, — твердил он, — но они просто не показывали его гостям, поскольку замышляли нападение и старались ввести людей в заблуждение. Чужаки успели заселить «Макартур» хитрыми «домовыми» — вот первое, что сделала мошкита-шахтер, которую доставили на борт, — а «полезные» и якобы милые зверьки захватили корабль и едва не удрали на нем со всеми военными секретами Империи. Только бдительность адмирала Кутузова предотвратила катастрофу.

Вдобавок мошкиты представляли себя разумнее человеческой расы. Они считали людей безмозглыми животными, которых можно приручить (если получится, лаской), а потом превратить в низшую касту, которая будет прислуживать вездесущим Хозяевам.

Вот тогда Бери говорил о мошкитах с ненавистью. Страшные картины проносились перед его внутренним взором (иногда — если он просто думал о мошкитах и всегда — когда он пытался

уснуть). Его преследовали кошмары о скафандрах и боевом обмундировании. Твари приближались к нему, три пары крошечных глазенок пялились на Бери сквозь лицевую пластину. Иногда сон обрывался на том, что туча паукообразных шестилапых монстров погибала в вакууме и тела плавали вокруг отрезанной человеческой головы… В такие минуты Бери мог уснуть, но иногда кошмар завершался тем, что Бери сорвавшимся голосом звал охрану «Ленина», а мошкиты в скафандре все приближались и приближались к кораблю. Бери просыпался в холодном поту.

В общем, следовало предупредить екатерининцев.

Они выслушали его, но явно не поверили. Они слышали его отчаянные вопли, когда Бери только попал на борт «Ленина», и знали о его ночных кошмарах. Наверное, они считали его сумасшедшим.

Уже не единожды Бери благодарил Аллаха за Бакмана. Астрофизик был странным, но с ним можно было общаться на равных. Сперва «почетный караул» космодесанта у дверей каюты Бери удивлял Бакмана, но вскоре ученый перестал замечать охрану, так же как Бери не замечал самых необъяснимых поступков своего приятеля.

Бакман изучал работы мошкитов, касающиеся Глаза Мёрчисона и Угольного Мешка.

— Потрясающе! Кое-что хотелось бы проверить лично, кроме того, меня не устраивают кое-какие их предположения… но Кутузов не дает мне воспользоваться телескопом!

— Бакман, возможно ли, что мошкиты разумнее нас?

— Видите ли, те, с кем я имел дело, поумнее многих людей… Скажем, мой зять туповат… Впрочем, вы, конечно, спрашиваете в целом, верно? — Бакман задумчиво поскреб подбородок. — Они работают быстрее, чем я, и делают работу чертовски хорошо, но они более ограниченны, чем думают. За миллион лет они смогли изучить только две звезды.

Таким образом, представления Бакмана о разумности тоже оказались весьма ограниченны.

Вскоре Бери оставил попытки предупредить Бакмана об угрозе со стороны мошкитов. По мнению Бери, ученый был безумным. Впрочем, безумным Бакмана считали все.

Хвала Аллаху за Бакмана.

Остальные ученые держались довольно дружелюбно, но в отличие от Бакмана хотели от Бери только одного: подробного аналитического

описания того, как можно будет торговать с мошкитами. У Бери имелся краткий ответ.

– Надо покончить с ними, пока они не покончили с нами!

Однако даже Кутузов находил суждение Бери преждевременным.

Поэтому Бери снова встретился с Кутузовым. Адмирал вежливо выслушал Бери, и магнат решил, что наконец-то сумел его убедить. «Пусть послы мошкитов летят обратно! — думал Бери. — Лишь идиоты вроде Хорвата способны пригласить вражеских пришельцев на борт военного корабля!» Кроме того, необходимо было предупредить Империю об опасности вторжения. В общем, следовало быть настороже.

Вот так Гораций Бери и проводил свои дни. Он продолжал испытывать собственное терпение. Если оно и дало трещину, догадывался об этом только Набиль, который уже ничему не удивлялся.

44
Военный совет

В офицерской кают-компании «Ленина» висел портрет императора. Леонид IX, обрамленный декоративной рамкой из имперских флагов и боевых стягов, как будто все время пристально наблюдал за происходящим. В кают-компании были и другие полотна: картины, изображающие военные баталии из истории Первой и Второй Империй, висели на всех переборках. В углу перед иконой Святой Екатерины теплилась свеча. Имелась даже специальная вентиляционная система, чтобы поддерживать ее горение при нулевой силе тяжести.

Дэвид Харди не сумел сдержать улыбку при виде иконы. Подобная вещь на борту «Ленина» изрядно забавляла. Харди полагал, что Кутузов ничего не знал об истории коммунизма — в конце концов, это же седая древность! — а может, верх взяли его русские корни. Похоже, именно первое предположение оказалось верным: для имперцев Ленин являлся легендарным героем — но не более того. Кстати, в героях недостатка не было:

Цезарь, Иван Грозный, Наполеон, Черчилль, Сталин, Вашингтон, Джефферсон, Троцкий, почти все — современники (для всех, кроме дотошных историков). Доатомная история имела тенденцию к самопроизвольному сжатию.

Офицерская кают-компания начала заполняться: ученые и офицеры рассаживались за длинным стальным столом. Космодесантники зарезервировали два места — одно во главе стола, второе как раз справа, хотя Хорват и пытался занять его. Когда десантник возразил ему, протараторив что-то по-русски, министр науки пожал плечами и направился к другому концу. Он вытеснил какого-то биолога, а затем попросил пересесть очередного физика, освободив место *справа от себя* — и «зарезервировав» стул для Дэвида Харди. Если адмиралу захотелось поиграть в престиж — пожалуйста, но Энтони Хорват тоже ценил себя и своих друзей.

Он смотрел, как собираются остальные. Каргилл, Синклер и Реннер вместе ввалились в кают-компанию. Сразу после них появились Салли Фаулер и капитан Блейн. «Странно, — подумал Хорват, — теперь Блейн входит в переполненное помещение без всяких церемоний». Десантник указал им на стулья слева от адмиральского, но

Род и Салли устроились подальше.

«Блейн может себе многое позволить, — решил Хорват. — Он был рожден для этой должности. И мой сын тоже будет таким. А меня, конечно, внесут в почетный список…»

— Внимание!

Офицеры встали, некоторые ученые тоже. Хорват на мгновение замешкался, после чего поднялся. Он глазел на дверь, ожидая увидеть адмирала на пороге, но там появился капитан Михайлов.

«Значит, нам придется пройти через это дважды», — сообразил Хорват.

Однако адмирал одурачил его. Он явился, как только Михайлов плюхнулся на стул, и буркнул:

— Продолжайте, джентльмены.

Десантник не успел объявить о появлении адмирала! Если кое-кто и хотел осадить Кутузова, им оставалось ждать другого случая.

— Командор Борман, зачитайте извлечение из экспедиционного задания, — холодно вымолвил Кутузов.

— Раздел двенадцать. Военный совет. Параграф первый. Вице-адмирал должен спрашивать совета у научного персонала или старших офицеров «Макартура» за исключением случаев, когда за-

держка с принятием решения может поставить под угрозу безопасность линкора «Ленин».

Параграф второй. Если глава научной экспедиции не согласен с вице-адмиралом, он может потребовать официального военного совета. Глава также может…

— Достаточно, командор Борман, — перебил Кутузов. — В соответствии с распоряжениями и по официальному требованию министра науки Хорвата данный военный совет созван для обсуждения вопроса о чужаках, попросивших доставить их в Империю. Предупреждаю, что все будет внесено в протокол. Министр Хорват, если вы готовы, можете начинать.

«Красота, — пронеслось в голове Салли. — Торжественно, как в храме Святого Петра во время мессы в Новом Риме. Подобные формальности должны запугать любого, не согласного с Кутузовым».

— Благодарю, адмирал, — вежливо произнес Хорват. — Принимая во внимание, что заседание может затянуться — ведь мы обсуждаем проблему, решение которой может оказаться важнейшей для Империи, — полагаю, что нам не помешают закуски и напитки. Капитан Михайлов, могут ваши люди предложить нам кофе?

Кутузов нахмурился, но причин для отказа не было.

А Хорват разрядил обстановку. Суета стюардов, разносящих подносы с закусками, кофе и чаем, оказалась как нельзя кстати. В кают-компании сразу снизилось напряжение.

— Спасибо, — поблагодарил Хорват. — Итак, мошкиты попросили перевезти трех их послов в Империю. Чужаки уполномочены представлять свою цивилизацию, имеют право подписывать договоры о сотрудничестве, включая и торговлю, могут согласовать решения о совместных научных разработках… думаю, можно не продолжать. Полагаю, выгоды очевидны. Нет возражений?

Послышалось согласное бормотание. Кутузов сидел прямо, темные глаза под кустистыми бровями сузились, лицо напоминало маску из красной глины.

— Очевидно и то, что в любых обстоятельствах мы должны проявлять в отношении послов учтивость и доброжелательность. Ваше мнение, адмирал Кутузов?

«Адмирал угодил в собственную ловушку, — подумала Салли. — Все протоколируется, и он должен это понимать».

— Мы потеряли «Макартур», — грубо отрезал

Кутузов. — У нас остался только «Ленин». Доктор Хорват, вы присутствовали на конференции, когда вице-король Меррилл планировал экспедицию?

— Да.

— Меня там не было, но мне рассказывали. Разве тогда не говорилось, что чужаки не должны попасть на борт корабля? Я имею в виду прямой приказ вице-короля.

— Вы правы, сэр. Но потом были внесены некоторые коррективы. Чужакам запрещалось находиться на борту «Ленина», поскольку мы не могли исключить враждебное поведение мошкитов. Поэтому «Ленину» следовало оставаться в безопасности. Но сейчас ситуация изменилась. Нам известно, мошкиты *не враждебны*. Также напомню вам, сэр, что Его Высочество лично дал вам разнарядку по поводу мошкитов, а в документах об экспедиции нет конкретного запрета, связанного с их пребыванием на борту.

— Значит, это оставлено на мое усмотрение! — восторжествовал Кутузов. — И устные инструкции тоже имеют вес! Капитан Блейн, вы присутствовали при той беседе. Разве Его Высочество не сказал: «Чужаки не должны попасть на борт “Ленина” ни при каких обстоятельствах?»

Блейн глотнул.

— Да, сэр, но…

— Думаю, вопрос исчерпан, — рявкнул адмирал.

— Нет! — воскликнул Хорват. — Капитан Блейн, вы хотели что-то добавить… Мы вас слушаем.

Наступила тишина.

«Скажет или нет? — подумала Салли. — А что может сделать ему Царь? Осложнить службу на флоте…»

— Адмирал, Его Высочество в тот момент намечал только общую линию поведения. Если бы он намеревался связать вас обязательствами, то не оставил бы вам выбора, сэр. Он приказал бы официально запротоколировать свое замечание.

«Слава Богу!» — мысленно зааплодировала Салли.

Зрачки Кутузова сузились. Он сделал стюарду знак подавать чай.

— А решение, принятое вами, свидетельствует о том, что вы не доверяете Его Высочеству! — встрял Хорват, посмотрев на Кутузова. Прозвучало неискренне, и Хорват осадил себя. Ему требовалась поддержка Харди или Блейна, но оба были слишком независимы, и Хорват побоялся обрабатывать их перед присутствующими.

Адмирал улыбнулся.

— Спасибо. Осмелюсь возразить, что вы ошибаетесь на этот счет, доктор. Вы считаете, что я действую против четко выраженных желаний вице-короля. Разумеется, я не поступлю столь легкомысленно, но и не буду предпринимать опрометчивые поступки. А члены следующей экспедиции, если она состоится, могут вдоволь пообщаться с чужаками и даже пригласить их на свой корабль.

— Но мошкиты воспримут отказ взять их на борт «Ленина» как оскорбление! — вырвалось у Салли, и все посмотрели на нее. — Адмирал, мошкиты просят немногого. Их просьба вполне разумна.

— Вы уверены, что они действительно обидятся?

— Я… не знаю, адмирал. Может, обидятся. Очень сильно.

Кутузов наклонил голову набок.

— Понимаю, мэм, но думаю, нам не стоит рисковать. Командор Каргилл, вы подготовили то, о чем я вас просил?

— Да, сэр, — бодро ответил Джек Каргилл. — Адмирал просил меня оценить военный потенциал мошкитов, предположив, что они владеют

секретом движителя и поля. Взгляните на график… — Он кивнул младшему офицеру, и на экране интеркома появилась картинка.

Поначалу кривые круто шли вверх, показывая превращение пассажирских и грузовых кораблей мошкитов в военные, затем сглаживались и снова начинали подъем.

— Угроза высока, — объяснял Каргилл. — В течение двух лет мошкиты могут собрать флотилию, способную бросить вызов Имперским военно-космическим судам.

— Чушь! — запротестовал Хорват.

— Нет, сэр, — ответил Каргилл. — Я не переоцениваю индустриальный потенциал мошкитов. У нас есть счетчики нейтрино и объективная оценка их энергетических ресурсов — количество ядерных реакторов, термальная производительность… причем эффективность я считал не выше нашей, хотя подозреваю, что она — выше. Как известно, у мошкитов нет недостатка в опытных рабочих.

— А где они возьмут металлы? — спросил Де Вандалья. Геолог казался сбитым с толку. — Они вычерпали все, что было на планете и, если верить им, на астероидах.

— Переработка наличного материала. Пред-

меты роскоши, лишние транспортные средства. Сейчас у каждого Хозяина множество машин и грузовиков, которыми можно пожертвовать. Им придется, образно говоря, туго завязать пояса, но не забывайте — они отличные разработчики. — Каргилл говорил бойко, как будто ждал подобных вопросов. — Для создания флотилии, конечно, потребуется большое количество металла, но не столь значительное по сравнению со всеми индустриальными ресурсами цивилизации.

— Ладно, — фыркнул Хорват. — Поздравляю вас: вы подготовили прекрасную речь! Но почему вы твердите, что мошкиты опасны? Они вообще не представляют угрозы!

Каргилл недовольно посмотрел на него, словно Хорват был назойливой мухой.

— В данном случае я употребил слово «угроза» в качестве технического термина. Угроза подразумевает способность…

— Но не намерение! Адмирал, выслушайте меня! Если мы будем обходительными с послами, им не придется строить военные корабли!

— Данный вопрос вне моей компетенции, — произнес Кутузов.

Сейчас он казался менее властным, и его голос смягчился, то ли потому, что Кутузов хотел

выглядеть дипломатом, то ли оттого, что он почувствовал себя увереннее.

— По-моему, мы должны быть крайне осторожными. И нельзя допускать, чтобы мошкиты завладели секретом поля Лэнгстона.

Воцарилась тишина. Графики Каргилла пугали своей простотой. Флот мошкитов — пока еще только теоретический — был гораздо больше, чем все корабли мятежников в одном секторе.

— Род… он прав? — спросила Салли.

— Цифры верны, — мрачно буркнул Блейн и заговорил громче: — Адмирал, я не уверен, что мы вообще сумеем защитить поле.

Кутузов повернулся к нему и застыл.

— Во-первых, сэр, — осторожно продолжал Род, — есть вероятность, что мошкиты уже получили нужную им информацию. От «домовых». — Лицо Рода исказилось, и ему пришлось сделать усилие, чтобы не начать тереть переносицу. — Не стоит исключать такую возможность. Во-вторых, мошкиты могли вытрясти сведения о поле от пропавших гардемаринов. Уитбрид и Стейли знали достаточно, чтобы обеспечить им хороший старт…

— А мистер Поттер был докой! — поддержал его Синклер. — Он был способным парнем, сэр.

— Значит, и от Поттера, — согласился Род. — Такой вариант тоже вполне реален.

— Что за нелепость!

— Блейн — параноик, как и Царь…

— Они мертвы…

Несколько гражданских заговорили одновременно. Салли стало интересно, что сделает Род, и она затаила дыхание.

— В конце концов, мошкиты осведомлены о том, что поле существует. Мы видели, на что они способны! Они могут создать поверхности без трения или с различной степенью проницаемости, могут перестраивать молекулярные структуры… Вспомните, что сделали «домовые» с генератором «Мака»! Адмирал, что, если они уже изучили поле? Тогда вопрос только в том, когда их Инженеры создадут его! Поэтому при всей важности защиты наших технологических секретов нам нельзя ограничиваться только директивами. Нужно рассмотреть вопрос детально.

Вокруг стола послышался возбужденный шепот, но адмирал не слушал. Кутузов погрузился в раздумья.

Хорват хотел заговорить, но сдержался. Блейн произвел впечатление на адмирала, а Хорват был в достаточной степени реалистом и понимал

— что бы он, Хорват, сейчас ни сказал, его предложение автоматически отринут. Он толкнул локтем Харди.

— Дэвид, не могли бы вы что-нибудь сказать? — умоляющим тоном прошептал он.

— Мы можем позволить себе любые меры предосторожности, — заметила Салли. — Они сразу приняли историю об эпидемии на «Макартуре». Они утверждают, что послы согласны пройти карантин. Так что мошкиты не избегнут внимания вашей службы безопасности, адмирал. Кроме того, их пребывание на борту будет недолгим, ведь мы можем совершить прыжок сразу по их прибытии.

— Да, — пробормотал Харди. — И мы можем разозлить мошкитов, приняв их послов… и не вернув их.

– *Такого* мы не сделаем! — выкрикнул Хорват.

— Энтони, судите сами… Если Его Высочество решит, что мошкиты опасны, а военно-космический флот — что чужаки знают слишком много, им никогда не позволят вернуться обратно.

— Значит, риска нет, — вставила Салли. — Мошкиты на карантине не причинят «Ленину» вреда. Адмирал, нужно взять послов на борт! В таком случае мы не оскорбим мошкитов, а принц

Меррилл — или Его Величество — определят дальнейший характер наших отношений с Мошкой.

— Гм, — Кутузов отхлебнул чаю и оживился. — Вы умеете убеждать, мэм. И вы, капитан Блейн. — Он сделал паузу. — Мистера Бери на совещание не приглашали. Полагаю, надо выслушать и его. Боцман, приведите мистера Бери в кают-компанию.

— Есть, адмирал!

В ожидании Бери ученые и флотские встрепенулись и зашумели, переговариваясь между собой.

— Род, вы выступили *блестяще*, — поздравила Салли и под столом пожала руку Блейна. — Спасибо.

Вскоре вошел Бери в сопровождении неизбежного эскорта десантников. Кутузов отпустил парней.

Каргилл встал и уступил Бери свое место.

Бери внимательно выслушал командора Бормана. Если магната и удивило услышанное, то он не подал виду. Его лицо по-прежнему выражало вежливый интерес.

— Я прошу совета, ваше превосходительство, — произнес Кутузов, когда Борман закончил свою речь. — Признаться, я не хотел бы видеть мошкитов на борту «Ленина», однако у меня, к

сожалению, нет оснований отказывать министру науки Хорвату в его просьбе.

Бери погладил бороду, пытаясь собраться с мыслями.

— А вы в курсе, что мошкиты способны читать мысли?

— Смешно! — фыркнул Хорват.

— Едва ли, док, — спокойно парировал Бери. — Да, в это трудно поверить, но у меня есть определенные доказательства. — Хорват начал возражать, но Бери продолжал: — Разумеется, вы можете со мной не согласиться, но я хочу отметить, что здесь не обязательно подразумевается телепатия. Мошкиты успели изучить и ученых, и команду «Макартура». Они идеально подражали людям, копировали манеру их поведения и даже голоса! Вы наверняка сами видели рядовых и десантников «Макартура», автоматически повинующихся мошкитам, которые общались с ними по голосовому каналу связи и притворялись офицерами?

— Ну и что с того? — уныло спросил Хорват. Едва ли можно было оспаривать слова Бери.

— Итак, посредством ли телепатии или путем полного отождествления себя с человеком мошкиты читают мысли и поэтому обладают пре-

красным даром убеждения. Они проницательны, знают наши намерения и подбирают доводы, которые разят наповал.

— По-вашему, они способны уговорить нас отдать им «Ленин»? — вспылил Хорват.

— Вы уверены, что *этого не произойдет*, док?

Дэвид Харди откашлялся. Все повернулись в его сторону, и священник смущенно улыбнулся.

— Знание классиков имеет практическую ценность. Кто-нибудь из вас читал «Республику» Платона? Думаю, нет. Ничего страшного. Сейчас я расскажу вам одну историю из этой книги. Сократу, уверенному, что он владеет даром убеждения лучше всех на свете, его друзья говорят, что либо он добровольно останется с ними на целую ночь, либо они вынудят его к этому. Сократ спрашивает, нельзя ли как-нибудь иначе — не может ли он убедить их отпустить его домой. Однако он терпит поражение, потому что друзья просто не слушали его.

Последовала короткая пауза.

– *Точно!* — воскликнула Салли. — Если мошкиты никогда лично не общались ни с адмиралом Кутузовым, ни с капитаном Михайловым, вообще ни с кем из экипажа «Ленина», как им убедить их в чем-либо? Надеюсь, мистер Бери не вообра-

жает, что они уламывали команду «Макартура» *молча?*

Бери пожал плечами.

— Миледи, при всем уважении к вам, — представляете ли вы, что могут предложить мошкиты? Нечто более ценное, чем то, чем располагает Империя. Люди продавались гораздо дешевле…

«Твоими стараниями», — подумала Салли.

— Если они такие умники, то почему до сих пор ничего не сделали?

Голос Кевина прозвучал насмешливо и непочтительно. В ожидании увольнения по возвращении на Новую Шотландию Реннер мог позволить себе любую выходку.

— Вероятно, пока им это не нужно, — сказал Бери.

— Или просто не могли, — заявил Реннер. — А если они умеют читать мысли, то им уже известны наши секреты. Они общались с Синклером, а он починит любой неисправный механизм Космофлота. Они назначили финч'клик лорду Блейну — а ему ведомы политические тайны.

— Но другие мошкиты никогда не вступали в прямой контакт с капитаном Блейном, — произнес Бери.

— Зато они вступали с мисс Фаулер, — Реннер

хихикнул над невольной шуткой, — а она разбирается в имперской политике получше, чем мы. Мистер Бери, мошкиты хороши, но не настолько, чтобы читать мысли или гипнотизировать окружающих.

— Я склонен согласиться с мистером Реннером, — добавил Харди. — Хотя меры предосторожности, предложенные мисс Фаулер, явно не помешают. Нужно допустить к контактам с чужаками ограниченный круг лиц — например, меня. Едва ли им удастся подкупить меня, но, даже если это случится, у меня нет властных полномочий, верно? Затем придет черед мистера Бери, если он, конечно, будет не против. К мошкитам не следует допускать доктора Хорвата, а также никого из ученых, имеющих дело со сложным оборудованием. И никаких рядовых и десантников, за исключением случаев, когда контакт происходит под надзором — и прямым, и по общей связи. Мошкиты могут выказать недовольство, зато мы не будем рисковать.

— Гм… Мистер Бери? — спросил Кутузов.

— Но… говорю же вам, они опасны! Они слишком хитрые и изворотливые! Верить им нельзя! Они могут сконструировать смертельное оружие из любых железок, которые найдут на борту

«Ленина»! Лазерные пушки, «жучки», какие-нибудь вредоносные штуки!.. — запричитал Бери в панике.

— Мистер Бери, вы можете не встречаться с мошкитами, — сказал Харди. — Сомневаюсь, что обе стороны переживут подобный эксперимент. Примите мои извинения, мистер Бери.

Бери выругался вполголоса по-арабски и запоздало вспомнил, что Харди — лингвист.

— О, безусловно, нет, мистер Бери, — с улыбкой вымолвил Харди. — Я-то как раз знаю своих предков.

— Я вижу, адмирал, что мои слова не произвели на вас впечатления, — произнес Бери, придя в себя. — Прошу прощения, но я думал исключительно о благополучии Империи. Если бы меня интересовала только выгода… Я не принижаю торгового потенциала мошкитов и ценности того, что от них можно получить, но считаю чужаков величайшей опасностью для человечества — причем такой, с какой мы еще никогда прежде не сталкивались.

— Да, — решительно сказал Кутузов. — С вами, пожалуй, трудно не согласиться, но я бы хотел уточнить, что опасность чужаков пока является потенциальной. Итак, мы собрались здесь,

чтобы решить, как свести риск к минимуму, и я полагаю, что наименьшее из зол — взять послов на борт «Ленина». Однако при этом мы должны соблюдать условия, предложенные отцом Харди. Доктор Хорват, каково ваше мнение?

— Ничего не поделаешь. Но я считаю, что стыдно обращаться с ними столь неуважительно.

— Капитан Блейн?

Блейн погладил переносицу.

— Да, сэр. Мы может пригласить их на борт «Ленина». А если мошкиты из Хозяев задумали что-нибудь… нехорошее, мы все равно будем оставаться в неведении. Зато можно надеяться на то, что послы случайно что-нибудь упомянут.

— Мэм?

— Я согласна с доктором Хорватом.

— Благодарю, — Кутузов страдальчески скривился, словно съел целый лимон. — Капитан Михайлов, приготовьте каюты, чтобы содержать мошкитов в изоляции. Предлог — угроза чумы. И следите, чтобы они не удрали. Капитан Блейн, сообщите мошкитам, что мы возьмем послов на борт. Допускаю, что их не устроит наше предложение. Если же они согласятся, проводите их на борт, но сперва устройте их тщательный досмотр. Никаких инструментов. Никакого оружия. Багаж

будет опечатан и недоступен для них на протяжении всего полета. Никаких малышей или других низших каст, только послы. Сообщите им в какой угодно форме, но перечисленные условия изменению не подлежат. — Кутузов резко поднялся.

— Адмирал, а как быть с подаренным кораблем? — спросил Хорват. — Нельзя ли нам взять… — Его голос утонул в поднявшемся гомоне.

Кутузов встал, горделиво выпрямился во весь рост и покинул кают-компанию.

45
Прыжок Безумного Эдди

Кутузов называл это место точкой Олдерсона, но беженцы с «Макартура» предпочитали выражение «точка Безумного Эдди», и кое-кто из команды «Ленина» тоже последовал их примеру. Сама точка располагалась под плоскостью системы Мошки, и обычно находили ее с трудом. Однако на сей раз не должно было возникнуть никаких проблем.

— Представьте себе траекторию корабля мошкитов, пересекающего прямую между Мошкой и Глазом Мёрчисона, — объяснял Реннер капитану Михайлову. — Это будет достаточно близко к цели, сэр.

— У них настолько точная навигация? — недоверчиво спросил Михайлов.

— Да. Высчитывание нужных координат может кого угодно довести до безумия, а мошкитам все нипочем! Предлагаю постоянное ускорение.

— От Мошки к точке движется еще один корабль, — сказал Кутузов. Он протянул руку, подрегулировал экраны мостика, и перед ним

вспыхнули векторы направлений.

— И он явно с большим запасом топлива, — уверенно произнес Реннер. — Готов поспорить, что корабль с послами на вид кажется таким безвредным, что никто ни в чем его не заподозрит, сэр.

— Даже я? — прогудел Кутузов, и Реннер не заметил на его лице ни тени улыбки. — Спасибо, мистер Реннер. Продолжайте помогать капитану Михайлову.

«Троянцы» астероиды остались позади, но ученые на борту мечтали добраться до телескопов «Ленина», чтобы изучить объекты. Адмирал не стал возражать. Может, боялся внезапной атаки с астероидов и хотел, чтобы его предупредили об опасности, или же заразился стремлением гражданских узнать нечто новое о мошкитах. Так или иначе, но у Бакмана и остальных появился шанс.

Впрочем, Бакман вскоре потерял к ним интерес. Астероиды являлись окультуренными объектами с измененными орбитами, и ничего любопытного в них уже не было. Коллеги Бакмана не разделяли точку зрения ученого. Они наблюдали за вспышками ядерных двигателей мошкитов, измеряли потоки нейтрино от энергетических станций, разглядывали пятна света, отграничивавшие темные полосы вокруг

зеленых хлорофилловых полос, и недоуменно пожимали плечами. Единственный возможный вывод был таков: огромные плантации накрыты куполами. Кроме того, на каждом крупном астероиде имелся характерный одиночный кратер, свидетельствующий о том, что астероид действительно перемещали.

Но однажды интерес вернулся и к Бакману. Делая одолжение Хорвату, он изучал орбиты астероидов, и его глаза вдруг заблестели. Он лихорадочно ввел в компьютер данные и подождал результата.

— Невероятно!

— Что невероятно? — терпеливо спросил Хорват.

— Каменный Улей был мертвенно холоден.

— Да? — Хорват уже научился вытягивать информацию у Бакмана.

— Предположим, остальные астероиды тоже. Их орбиты совершенны… И я уверен, что они никогда — *никогда* — не пересекутся. Да, эти камешки, должно быть, очень древние…

Хорват вышел, бормоча что-то себе под нос. Насколько же стара астероидная цивилизация? Бакман думал в поистине космических масштабах! Ничего удивительного, что Каменный Улей

холоден: мошкиты не корректируют орбиты. Они просто выводят астероиды туда, куда им нужно.

«Пора возвращаться на дареный корабль, — подумал он. — Хотя вскоре нам придется бросить его. А добился Блейн хоть какого-то успеха?»

Род и Салли в эту минуту беседовали с адмиралом. Они собрались на мостике: насколько знал Род, в свою каюту Кутузов допускал лишь стюарда. Возможно, хозяин тоже никогда там не бывал, ведь казалось, что Кутузов постоянно находится на мостике, разглядывает экраны, подобно маньяку-ревнивцу, который вечно выискивает признаки измены.

— Очень жаль, — говорил Кутузов. — Корабль наверняка весьма ценен. Но нам нельзя рисковать, взяв его с собой. Там полно загадочных механизмов, к тому же — с мошкитами на борту…

— Да, сэр, — вежливо произнес Род. Он сомневался, что дареный корабль несет угрозу, однако назначения некоторых его агрегатов не понимал даже Синклер. — Но я думал о другом. О мелочах. К примеру, о статуэтках, которые понравились отцу Харди. Мы можем залить все пластиком, поместить в запаянные стальные контейнеры и разместить на корпусе, внутри поля. Если у мош-

китов найдется нечто такое, что повредит нам после всех принятых мер, нам, пожалуй, вообще не стоит возвращаться домой.

— Гм, — адмирал пригладил бороду. — Вы полагаете, что статуэтки могут быть ценными? — многозначительно проговорил Кутузов.

Род понял намек.

— Да, сэр, — ответил он. — Чем быстрее мы разгадаем технологии мошкитов, тем лучше мы будем подготовлены в случае нападения чужаков.

— Капитан, я хотел бы услышать ваше мнение. Что вы думаете о мошкитах?

Салли с трудом сдержала улыбку. Что же теперь скажет Род? Он уже доказал, что он — абсолютный гений в общении с адмиралом.

Род задумался.

— Я согласен и с доктором Хорватом, и с вами, сэр. — Когда глаза Кутузова изумленно округлились, Род торопливо добавил: — Они могут быть весьма и весьма опасны, но не следует упускать из виду тот факт, что нам, вероятно, крупно повезло. Что, если контакт с мошкитами — величайшая удача, подвернувшаяся нам? Но проблема, конечна, двояка. Повторюсь, сэр, в любом случае, чем больше мы о них знаем, тем лучше, разумеется, с

учетом принятых предосторожностей.

— Угу. Спасибо за честность, капитан. Если я дам разнарядку, возьмете ли вы на себя личную ответственность за нейтрализацию любой угрозы со стороны послов-мошкитов? Мне нужно не просто ваше повиновение, я надеюсь на ваше добровольное сотрудничество, капитан.

«Значит, Хорват разочаруется во мне и не найдет во мне союзника, — пронеслось у Рода в голове. — Поначалу министр науки обрадуется, что может взять хоть какие-нибудь подарки, но потом выдвинет свои условия, на которые я не соглашусь».

— Да, сэр. Я должен отправиться туда и увидеть все лично. И мне необходима мисс Фаулер.

Кутузов прищурился:

— Вы будете отвечать за ее безопасность?

— Так точно, сэр.

— Хорошо. Вы свободны.

Род и Салли удалились, а командор Борман уставился на адмирала. Неужели Кутузов лукаво улыбался? Нет, быть такого не может! Ему просто померещилось.

Но Кутузов не хотел вдаваться в подробности. Адмирал не собирался обсуждать капитана — и будущего маркиза — с Борманом. А его невыска-

занный ответ звучал бы приблизительно так: «Чтобы поддержать активность Блейна, стоило рискнуть мисс Фаулер. Блейн — прекрасный офицер, когда не слишком много думает». Пусть Кутузов никогда не покидал мостика, но следить за моральным состоянием подчиненных входило в его обязанности, и он всегда относился к этому очень серьезно.

Конфликты вспыхнули с новой силой. Хорват хотел взять все подарки и полагал, что Род не пожелает снова тревожить адмирала. Когда Хорват понял, что на Рода не действуют увещевания, министр был вынужден признать, что «медовый месяц» закончился. Терзаясь гневом и страхом, он наблюдал, как люди Блейна начинают разбирать подаренный корабль, разрезая на части хрупкие агрегаты и пакуя их в пластиковые контейнеры.

Для Рода это было время возвращения к полезной деятельности — уже в обществе Салли. В свободное время они разговаривали и пили бренди — иногда в компании отца Харди. Слушая споры Салли и Харди о теоретических тонкостях культурного развития, Род начал усваивать азы антропологии.

Когда корабль добрался до точки Безумного Эдди, Хорват впал в неистовство.

— Вы ничуть не лучше адмирала, — мрачно произнес он, глядя, как техник подносит резак-горелку к агрегату, который генерировал поле, изменяющее молекулярную структуру очередного чудо-кофейника (тот стоял неподалеку). — Кстати, у нас уже есть один кофейник. Может, вы дадите мне и этот?

— Нет, мистер Хорват, — ответила Салли с улыбкой. — Мало ли что может случиться.

— Мошкиты — гении своего дела! — фыркнул Хорват. — А вы еще осторожнее Блейна. Надеюсь, вы знаете, что делаете.

Салли развела руками.

— Пожалуй, разрежьте и здесь тоже, — сказала она технику.

— Да, мисс, — мужчина передвинул резак.

— О!.. — Хорват уныло отправился на поиски Харди.

Священник взял на себя роль миротворца — и слава богу, — иначе связь с катером прервалась бы в течение часа.

Техник завершил работу и уложил все детали в подготовленный ящик. Залив его пластиком, он запечатал крышку.

— Снаружи стальной кожух, сэр. Пойду заварю его.

— Отлично, — кивнул Блейн. — Я осмотрю все позднее. — Когда техник покинул помещение, Род повернулся к Салли: — Забавно, но Хорват прав. Вы действительно стали осмотрительной. Почему?

Салли пожала плечами.

— Пусть вас это не волнует.

— Ладно.

Салли выключила свет.

— Вот и протозвезда Бакмана, — произнесла она, взяла Блейна за руку и подвела к иллюминатору. — Мне никогда не надоедает смотреть на нее.

Некоторое время, пока их глаза привыкали к темноте, Угольный Мешок казался сгустком тьмы. Затем Род различил багровое свечение и заметил крошечные красные водовороты, мерцающие на черном фоне.

Они стояли совсем рядом. В последнее время так бывало часто, и Роду это нравилось. Он провел пальцами по ее спине и дотронулся до завитка ее волос возле уха.

— Скоро вам придется общаться с послами мошкитов, — прошептала Салли. — Вы уже подготовились, Род?

— В принципе, да. Может, надо предупредить

послов, хотя, с другой стороны, риск очень велик… да и план адмирала продуман.

— Вы правы. Как хорошо будет вернуться обратно, туда, где много звезд! Род, как по-вашему, на кого похожи послы мошкитов?

— Понятия не имею. Но мы скоро это узнаем. Вам не кажется, что вы слишком много болтаете?

— То же самое говорит дядя Бен.

Род ничего не ответил, и они оба замолчали и еще долго стояли у иллюминатора.

— Внимание! Прибывают!

— ОТКРЫТЬ ДВЕРИ АНГАРНОЙ ПАЛУБЫ! ВЫДВИНУТЬ ЛИНЕЙНЫЕ СТАПЕЛЯ!

— ПОДГОТОВИТЬ ЛЕБЕДКИ!

Шлюпка скользнула в утробу «Ленина». Вторая шлюпка — с багажом — ждала своей очереди: на нее переправили даже скафандры мошкитов. Пассажирская шлюпка, лязгнув, опустилась на стальную палубу.

— Экипаж, ВНИМАНИЕ!

— Космический десант, НА КАРАУЛ!

Воздушный шлюз открылся, и сразу же грянул целый хор боцманских дудок. Люди увидели одного посла, затем другого. Когда два Посредника были снаружи, появился третий мошкит — Белый

с шелковистыми пучками волос под мышками и блекло-серыми — на торсе и на голове.

— Старейший Хозяин, — выдохнул Блейн.

Салли кивнула. Действие космического излучения на волосяные луковицы мошкитов ничуть не отличалось от воздействия на волосы человека.

Хорват, стоящий в конце шеренги космодесантников, сделал шаг вперед.

— Добро пожаловать на борт «Ленина»! — произнес он. — Я счастлив вас видеть! Это исторический момент!

— Надеемся, для обеих рас, — добавил первый Посредник.

— От имени военно-космического флота приветствую вас на борту, — сказал Род. — Должен извиниться за карантинные предосторожности, но…

— Не беспокойтесь, — прочирикала первая мошкита (Род решил, что она — женского пола). — Меня зовут Джок. А это Чарли, — она указала на второго Посредника. — Имена достаточно удобны — вы не смогли бы произнести наших настоящих. — Джок посмотрела на Хозяина, прощебетала что-то и, пискнув на англике «капитан Родерик Блейн и министр Энтони Хорват», снова повернулась к людям. — Господин министр Хо-

рват, представляю вам главного посла. Он просит называть его «Иван».

Род поклонился. Он никогда не видел мошкитов лицом к лицу и испытывал неудержимое желание погладить мягкий мех чужака.

— Почетный караул проводит вас к вашим апартаментам, — вымолвил Род. — Надеюсь, они окажутся для вас просторными и комфортными. Мы выделили вам две смежные каюты.

Род не сказал, что сперва им пришлось выселить оттуда четырех бранящихся офицеров. Круги от этого перемещения до сих пор расходились по «Ленину», а какой-то младший лейтенант, который заглянул в кают-компанию гардемаринов «Ленина», только подлил масла в огонь.

— Нам бы хватило одной каюты, — прощебетала Чарли. — Нам не требуется уединение. Мы привыкли к совместному проживанию, — что-то в голосе насторожило Рода, наверное, интонации или тембр, он пока не понял, что именно.

Мошкиты дружно поклонились, идеально копируя поведение придворных, и Род невольно задумался, где они научились великосветским манерам. Он ответно поклонился, так же как Хорват и прочие на ангарной палубе, а затем первый отряд космодесантников замаршировал

к выходу, возглавив процессию. За ним семенили мошкиты. Второй отряд замыкал шествие.

Род смотрел им вслед. Отец Харди должен был встретить процессию в «гостевых апартаментах».

— Мужчина, — буркнула Салли.

— Джок назвала его «главным послом», хотя прежде мошкиты говорили о равных правах для всех троих. Уж не собираются ли они и договоры подписывать втроем?

— А может, Джок и Чарли не являются *его* Посредниками, — пробормотала Салли. — Я спрошу у них… наверняка представится случай. Род, вы уверены, что мне нельзя присоединиться к ним?

Он улыбнулся.

— У вас еще будет такая возможность. А сейчас пусть с ними пообщается Харди.

Ангарная палуба быстро опустела. Теперь нигде не было видно никого из экипажа «Ленина».

Грузовую шлюпку втянули лебедками на место и опечатали.

— ВНИМАНИЕ ВСЕМ. ЗАНЯТЬ ПРЫЖКОВЫЕ МЕСТА. ПРИГОТОВИТЬСЯ К ВКЛЮЧЕНИЮ ДВИЖИТЕЛЯ ОЛДЕРСОНА. ЗАНЯТЬ ПРЫЖКОВЫЕ МЕСТА.

— А он не теряет времени, верно? — произнесла

Салли.

— Точно. Нам надо поспешить, — Род взял ее за руку и повел к своей каюте. «Ленин» начал замедлять вращение, снижая силу тяжести до нулевой. — Полагаю, мошкиты не будут испытывать сильного дискомфорта, — заметил Род, когда они добрались до двери каюты. — Но таков адмирал. Если собрался что-то делать, делай хорошо…

—

ПРИГОТОВИТЬСЯ К ВКЛЮЧЕНИЮ ДВИЖИТЕЛЯ ОЛДЕРСОНА. ЗАНЯТЬ ПРЫЖКОВЫЕ МЕСТА.

— Входите, — поторопил Род. — Мы еще успеем вызвать по интеркому каюту мошкитов. — Он принялся щелкать переключателями, и, наконец, на экране появилась одна из кают мошкитов.

Говорил отец Харди.

— Если вам что-нибудь понадобится, пожалуйста, не стесняйтесь. В коридоре всегда будут дежурить дневальные, а эти кнопки и выключатель соединят вас непосредственно с моей каютой. Я с радостью помогу вам в вашем первом космическом перелете.

Раздался громкий сигнал, и Харди нахмурился.

— Я должен оставить вас. Вероятно, вам все будет в диковинку. Советую занять койки и не покидать их, пока… перемещение не закончится.

Харди заставил себя замолчать, чтобы не сболтнуть лишнего. Ему дали предельно четкие инструкции: мошкиты не должны узнать ничего лишнего, пока корабль не покинет их родной системы.

— Долго это продлится? — спросила Джок.

Харди улыбнулся.

— Нет. До свидания!

— Ауфвидерзеен, — чирикнула Джок.

— Ауфвидерзеен, — ответил Харди и вышел, совершенно сбитый с толку.

Где они могли научиться *этому?*

Койки были плохо подогнаны, слишком жесткие и сделанные без учета индивидуальных различий между мошкитами. Джок развернулась всем корпусом и махнула нижней правой рукой, выражая недовольство ситуацией. Но она не сомневалась в том, что самое трудное ждало их впереди.

— Ее явно сделали для Коричневых, — уверенно заявила она, похлопав рукой по матрасу. — Хотела бы я иметь возможность привести сюда своего Коричневого.

— Я тоже, — отозвалась Чарли. — Но Коричневые чрезмерно любопытны и, конечно, переделали бы койки снова, — она хотела добавить что-то

еще, но ее перебил Хозяин.

— Был ли среди тех, кто встречал нас, Хозяин людей? — осведомился Иван.

— Нет. Проклятие! — выругалась Джок. — Я так хотела изучить его, но до сих пор не видела его и даже не слышала его голоса! Вдруг это целый людской комитет. У людей такая странная иерархия. Однако даю всю свою анатомию на отсечение, что это все-таки один-единственный человек!

— Похоже, нам не удастся связаться с Хозяином «Ленина» самостоятельно, — сказал Иван. — Имейте в виду, если мы встретим его, вы не станете его финч'клик. Вы ведь не забыли, что бывает с финч'клик людей?

Отвечать не было необходимости. Хозяин знал, что его услышали, следовательно, Посредники выполнят приказ. Он подошел к своей койке и с отвращением уставился на нее.

Взревели сирены, и из громкоговорителя донесся человеческий голос.

— Подготовиться к включению движителя Безумного Эдди. Последнее предупреждение, — перевела одна из Посредников.

Мошкиты улеглись на койки. Завыли сирены.

А затем произошло нечто ужасное.

46
Лично и срочно

— Род! Род, взгляните на мошкитов!

— Что?

Блейн отчаянно боролся с отказывающимся повиноваться телом. Прийти в себя было непросто, сосредоточиться — невозможно. Он посмотрел на Салли, затем проследил за ее взглядом, устремленным на экран интеркома.

Сперва мошкиты бились в конвульсиях. Потом они выплыли из своих коек. Теперь посол летал по всей каюте, полностью дезориентированный. Отскочив от переборки, он поплыл в другую сторону. Двое Посредников таращились на него, не способные ничего предпринять. Наконец, Джок осторожно потянулась к Хозяину, но ее рука соскользнула с густой меховой шкуры.

Через несколько секунд все трое беспомощно плавали по отсеку.

Джок первая ухватилась за поручень. Она засвистела, зафыркала, и Чарли поплыла к Хозяину. Чарли вцепилась в белый мех, а Джок, держась за переборку правыми руками, тянула вперед

левую, пока Чарли не впилась в нее пятерней. Затем они втроем с трудом добрались до коек. Джок привязала Ивана ремнями безопасности, и они с Чарли тоже улеглись, свистя и щелкая.

— Не могли бы мы им помочь? — спросила Салли.

Род вздохнул и попытался извлечь квадратный корень из двухзначного числа. Потом попытался заняться интегралом, вроде бы получилось правильно. Способность соображать восстановилась, и сейчас он мог сосредоточиться на Салли и мошкитах.

— Нет. Мы ничего не можем сделать. И вообще такое всегда случается с новичками… кроме тех немногих, кто сходит с ума и навсегда выпадает из реальности.

— Пожалуй, мошкитам последнее не грозит, — убежденно сказала Салли. — Они действуют целеустремленно, хотя и не слишком уверенно. Зато нам не привыкать к прыжкам, верно, Род?

— Приятно сознавать, что хоть в чем-то мы опытнее мошкитов. Отец Харди тоже должен прийти в себя. Впрочем, он старше, и у него это отнимает больше времени.

— ПРЕДУПРЕЖДАЕМ ОБ УСКОРЕНИИ. ПРИГОТОВИТЬСЯ К СИЛЕ ТЯЖЕСТИ В ОДНО *g*.

ПРЕДУПРЕЖДАЕМ ОБ УСКОРЕНИИ.

Посредник что-то прощебетала, и Хозяин ей ответил.

Салли наблюдала за мошкитами.

— И все-таки не похоже, что они испытывают серьезные трудности, хотя Хозяин немного подергивается.

Завыла сирена. «Ленин» содрогнулся, и Салли ощутила нормальную силу тяжести. Они возвращались домой. Род и Салли переглянулись и улыбнулись. Домой!

— А как бы мы могли помочь Хозяину? — спросил Род.

Салли беспомощно пожала плечами.

— Думаю, никак. Мошкиты просто *иные*. И, Род, как бы вы поступили, будь вы «главным послом», который должен налаживать контакт с пришельцами? Что бы вы сделали, если бы вас заперли в тесной каюте и устроили бы за вами постоянную слежку?

— Постарался бы разбить чертовы штуковины. Безусловно, мошкиты видят камеры, но ведь мы не старались ничего прятать. Но если они пожалуются Харди, придется прекратить наблюдение.

— Они ведут себя так, словно камеры их не беспокоят. Уединение им не свойственно, помни-

те? — Салли вздрогнула. — Да… они действительно иные.

Раздалось жужжание. Род машинально обернулся к двери каюты и только спустя мгновение понял, что звук донесся из интеркома. Какая-то из мошкит осторожно подошла к двери и приоткрыла ее. На пороге появился отец Харди.

— Вы в порядке? — спросил он.

— Вам следовало предупредить нас, — невозмутимо произнесла Джок: она лишь констатировала факт. — Движитель Безумного Эдди и на людей действует таким же образом?

— Простите? — невинно уточнил Харди.

— Дезориентация. Головокружение. Неспособность сосредоточиться. Потеря контроля над мышцами. Тошнота. Желание смерти.

Харди вроде бы удивился. «Вероятно, так и есть», — подумал Род. Священник не наблюдал за мошкитами исподтишка, хотя за происходящим на экране каждую вахту следили полдюжины пар глаз.

— Да, движитель негативно сказывается на людях, — сказал Харди, — но вы сгустили краски. Включение движителя вызывает дезориентацию и неспособность сосредоточиться, но дискомфорт быстро проходит. Мы не знали, как движитель

повлияет на вас, но в нашей истории известно лишь несколько случаев необратимого воздействия, и то… э… психического характера.

— Ясно, — чирикнула Чарли. — Доктор Харди, простите, но мы еще не готовы к беседе. Нельзя ли ненадолго отложить встречу? В следующий раз, когда вы вновь запустите вашу машину Безумного Эдди, мы обязательно займем свои койки и привяжемся ремнями безопасности.

— Хорошо, — кивнул Харди. — Можем ли мы… вам что-нибудь нужно? Как себя чувствует Иван?

— Неплохо, спасибо.

Харди убрался восвояси, а мошкиты побрели к койкам, продолжая щебетать и пересвистываться между собой.

— И это все? — произнес Род. — Я рассчитывал на нечто более интересное, чем наблюдение за мошкитами, которые болтают без умолку на своем языке.

«Нельзя упускать такой шанс, — мысленно возразила Салли. — Как ни странно, на борту нет никого, кто занимался бы изучением мошкитов… только мы, и то по собственной инициативе».

— Род, если вы не против, наблюдать за мошкитами буду я, — сдержанно сказала она.

Несмотря на кубические километры желтого пламени вокруг корабля, на «Ленине» царило веселье. Кутузов ослабил бдительность и впервые после уничтожения «Макартура» позволил экипажу возобновить обычные вахты. Путь «Ленина» проходил в пределах солнечной орбиты, на корабле имелся изрядный запас топлива, а потенциальные проблемы были проанализированы командой со всех сторон. Жизнь возвращалась в привычную колею. Даже ученые перестали досадовать из-за того, что Мошка-1 осталась далеко позади вместе с кучей загадок и нерешенных вопросов: члены экспедиции успели соскучиться по родному дому.

Единственная женщина на десять парсеков при любых обстоятельствах должна была стать объектом соперничества. Стычки могли вызывать два вопроса: *«Каковы мои/его шансы?»* и *«Испорченная ли она?»*. Но Салли уже явно выбрала себе мужчину. Это облегчило жизнь и тем, кого беспокоила данная проблема, и тем, в чьи обязанности входило прекращать кулачные бои.

В первый же вечер после прыжка Кутузов устроил званый ужин. Прием был официальный, и гости не слишком веселились: разговоры за столом адмирала ограничивались профессио-

нальными интересами. Однако Кутузов вскоре ушел, и тогда присутствующие несколько оживились.

Род и Салли провели на приеме три часа. Всем хотелось поговорить о мошкитах, и Род с удивлением отметил, что рассуждает о них совершенно спокойно. Ноющая боль, от которой сдавливало грудную клетку всякий раз, как он думал о чужаках, куда-то исчезла. Энтузиазма Салли хватало на двоих. Кроме того, девушка беспокоилась не только за чужаков, но и за Блейна. Она даже потратила пару часов, перешивая мундир Михайлова, и теперь он был Роду почти впору.

Но когда Салли и Блейн наконец встали из-за стола и отправились в свои каюты, никто из них не упоминал ни о Мошке, ни о мошкитах.

А «Ленин» продолжал идти по проложенному курсу. Постепенно желтизна за полем сменилась оранжевым, затем кирпично-красным, и зонды «Ленина» сообщили, что температура поля — горячее, чем фотосфера. Ученые и члены команды с равным нетерпением смотрели на экраны, и, когда на черно-красном фоне появились звезды, все выпили в честь этого события. Кутузов присоединился к ним, широко улыбаясь.

Спустя некоторое время радист вышел на связь

с ожидавшим танкером. Еще их ждал курьерский корабль, укомплектованный парнями в отличной физической форме. Кутузов продиктовал сообщение, передал его с двумя гардемаринами, и курьер с ускорением три *g* отправился к точке Олдерсона, откуда должен был совершить прыжок в систему Новой Каледонии и доставить рапорт о первом контакте человечества с инопланетной цивилизацией.

Танкер доставил почту и новости годичной давности. В секторе вспыхнуло еще несколько восстаний. Бывшие колонисты объединились с вооруженными внешними системами и открыто не повиновались Империи. Нью-Чикаго оккупировали войска, и, хотя экономика пришла в норму, население было недовольно имперской заботой. Инфляцию кроны взяли под контроль. У Его Императорского Величества родился сын Александр, и отныне кронпринц Лисандр не являлся единственным наследником правящей линии. Новости породили очередное торжество на борту «Ленина», причем Михайлову пришлось заменять своих людей членами экипажа «Макартура».

А затем вернулся курьер со следующей порцией новостей. В столице сектора кипела жизнь,

вице-король планировал гала-прием для послов мошкитов. Военный министр Армстронг прислал лаконичное «Молодцы» и тысячу вопросов.

Нашлось послание и для Рода Блейна. Род изучал его, когда ординарец Кутузова передал ему вызов в каюту адмирала.

— Началось, — проворчал Род, посмотрев на Салли. — Теперь меня будут держать под арестом до тех пор, пока я не предстану перед военным трибуналом.

— Не глупите, — ободряюще улыбнулась Салли. — В любом случае я вас дождусь.

— Тогда до встречи. Надеюсь, что мне позволят вернуться в свою каюту, — Род повернулся к десантнику. — Я готов, Иванов.

В каюте адмирала Род пережил потрясение. Он полагал, что попадет в убогую комнатушку, функциональную и неуютную, а вместо этого увидел многоцветную яркость восточных ковров, гобелены на стенах, неизбежную икону и огромный портрет императора. Над столом Кутузова на полке красовались переплетенные в кожу книги. Адмирал указал на стул, сделанный из розового тиса Спарты.

— Хотите чаю? — предложил он.

— Да… спасибо, сэр.

— Два стакана чаю, Кемун.

Стюард наполнил хрустальные чашки из серебряного термоса, сделанного в виде старинного русского самовара, и подал.

— Вы свободны, Кемун. Капитан Блейн, я получил приказ относительно вас.

— Да, сэр, — сказал Род, едва не поперхнувшись.

Мог бы подождать, пока я хотя бы допью чай.

— Вам надлежит покинуть «Ленин». Как только курьерское судно приблизится, вы перейдете на него и вернетесь на Новую Каледонию с максимальным ускорением, какое сочтет возможным корабельный врач.

— Да, сэр. Неужели они *так* спешат поставить меня перед военным трибуналом?

Кутузов прищурил глаза.

— Военный трибунал? Вряд ли, капитан. Разумеется, формальный разбор обстоятельств дела должен состояться — так предписывает Устав. Но я бы искренне удивился, если бы вас в чем-то обвинили.

Кутузов повернулся к резному столу. На полированной деревянной поверхности лежала лента с сообщением.

— А вот и послание, адресованное вам. Под

грифом «ЛИЧНО И СРОЧНО». Оно, несомненно, все объясняет.

Род взял ленту.

— Послание шифрованное, — добавил адмирал. — Если хотите, мой флаг-секретарь поможет.

— Благодарю.

Адмирал вызвал по общей связи лейтенанта, который ввел ленту в шифровальную машину. Вскоре из нее выдвинулся узкий бланк.

— Это все, адмирал? — спросил лейтенант.

— Да. Капитан, оставляю вас, чтобы вы могли прочесть сообщение. — Адмирал с лейтенантом вышли из каюты.

Шифровальная машина гудела, выдавая расшифровку послания.

Род оторвал кусок и с растущим изумлением начал читать.

Во второй раз он прочел сообщение, возвращаясь к себе. Увидев Рода, Салли встрепенулась.

— Род, что-то случилось?

— Я получил письмо, — пробормотал он.

— Есть какие-то новости?

— Что-то вроде того.

Салли попыталась рассмеяться.

— И как там дела? Ваш отец здоров?

Род казался очень нервным, взвинченным и одновременно был чересчур весел для плохих новостей. Что же вывело его из равновесия? Может, он получил важное задание, которое его пугало?

— Моя семья в полном порядке. И ваша тоже, Салли. Впрочем, скоро сами узнаете. Сенатор Фаулер на Новой Шотландии.

Салли недоверчиво посмотрела на него.

— Дядя Бен здесь? Но почему?

— Он утверждает, что тревожится за вас. О вас некому позаботиться, поэтому он…

Салли показала Роду язык и потянулась за бланком послания. Несмотря на ускорение в полтора *g*, Род ловко увернулся.

— Ладно, — произнес он со странной улыбкой. — Его прислал император. В качестве своего личного представителя, председателя Имперской чрезвычайной комиссии по переговорам с мошкитами. — Род сделал паузу. — Мы оба вошли в состав комиссии.

Салли вытаращила глаза.

— Поздравляю с назначением, — сказал Род. Он взял Салли за запястья и удерживал на расстоянии вытянутой руки. — Лорд-председатель Чрезвычайной комиссии Его Величества спрашивает меня и о том, когда мы поженимся. Полагаю,

вопрос вполне уместный.

— Но… Я… Род… Мы… — Салли с трудом переводила дыхание.

— Боже, я предоставил вам возможность говорить, а вы молчите! — Пользуясь удобным случаем, он поцеловал ее. Потом еще раз. И еще.

Наконец Салли опомнилась.

— Думаю, мне лучше самой прочесть письмо, — сказала Салли, когда они разомкнули объятия. — Если позволите.

— А как же вопрос Лорда-председателя Чрезвычайной комиссии? — парировал Род. — Салли, пока вы не ответите на него, я не дам вам прочесть письмо.

– *Вопрос?* — Глаза Салли вспыхнули. — Род Блейн, если я и выйду за кого-то замуж — запомните: *если!* — этот человек сам попросит моей руки!

— Хорошо. Леди Сандра Лидделл Леоновна Брайт-Фаулер, выйдете ли вы за меня замуж? — шутливые интонации исчезли из голоса Рода, и его улыбка угасла. Сейчас он смахивал на мальчугана, впервые сидящего на коленях у Санта-Клауса. — Когда мы вернемся на Новую Шотландию…

— Да, конечно, я выйду за вас! Новая Шотлан-

дия? Род, ваш отец наверняка захочет, чтобы мы поженились при дворе. Все наши друзья на Спарте!

— Прочитаем послание, дорогая. Мы можем вообще не попасть на Спарту. — Род вручил ей письмо и присел на подлокотник кресла, в которое опустилась Салли. — Вот здесь. — Он указал пальцем.

НЕСОМНЕННО ПЕРВОЙ РЕАКЦИЕЙ БЫЛО СДЕЛАТЬ ВАС ГЕРОЕМ ИЛИ ЗЛОДЕЕМ ТЧК ПОТЕРЯ МАКАРТУРА НЕ ВЫЗВАЛА ОСОБОЙ РАДОСТИ У АДМИРАЛТЕЙСТВА ТЧК КРАНСТОН ВНЕ СЕБЯ ТЧК АРМСТРОНГ СКАЗАЛ КВЧ ЧЕРТ ПОБЕРИ КАК МОЖНО ПОТЕРЯТЬ ЛИНЕЙНЫЙ КРЕЙСЕР ЗАКРЫТЬ КВЧ ТЧК АБЗАЦ

ДОКЛАД КУТУЗОВА В ВАШУ ПОЛЬЗУ ТЧК ВСЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОТЕРЮ КУТУЗОВ ВЗЯЛ НА СЕБЯ ТЧК ПО ЕГО СЛОВАМ ВЫСШИЕ КАСТЫ МОШКИТОВ ВЕРОЯТНО МОГЛИ ОЧИСТИТЬ МАКАРТУР ОТ ПАРАЗИТОВ НО ОН РЕШИЛ ЧТО РИСК УТРАТЫ ИМПЕРСКИХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ СЕКРЕТОВ СЛИШКОМ ВЕЛИК ТЧК КУТУЗОВ ЕЩЕ НЕ ПРИШЕЛ К ОКОНЧАТЕЛЬНОМУ ВЫВОДУ ОБ УГРОЗЕ СО СТОРОНЫ МОШКИТОВ НО ПРЕДЛОЖИЛ АДМИРАЛТЕЙСТВУ СОБРАТЬ КРУПНЫЙ ВОЕННЫЙ ФЛОТ ТЧК В ДОКЛАДЕ

ХОРВАТА МОШКИТЫ ПРЕДСТАВЛЕНЫ ВПОЛНЕ ДРУЖЕЛЮБНЫМИ НИКАКОЙ ФЛОТ НЕ НУЖЕН И МОШКИТЫ КВЧ ВЕЛИЧАЙШИЙ СЛУЧАЙ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ЗАКРЫТЬ КВЧ ТЧК РЕШЕНИЕ ЗА МНОЙ ТЧК АБЗАЦ

— И за нами, — резюмировал Род. — Давайте дальше.

СОГЛАСНО ПРИКАЗУ МОНАРХА Я СЕЙЧАС ЛОРД-ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИМПЕРСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО ПЕРЕГОВОРАМ С ЧУЖАКАМИ ТЧК ПО ЛИЧНОМУ РАСПОРЯЖЕНИЮ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА НА ПОСТ СНАЧАЛА ПРОЧИЛИ ЛОРДА РОДЕРИКА БЛЕЙНА НО ВЫ ПОЧТИ ВСЕ ИСПОРТИЛИ ПОТЕРЯВ КОРАБЛЬ ТЧК СОВМЕСТНО С ЛЕДИ САНДРОЙ БРАЙТ ВЫ НАЗНАЧЕНЫ ЧЛЕНАМИ КОМИССИИ ТЧК КОМИССИЯ ИМЕЕТ ПРАВО ДЕЙСТВОВАТЬ ОТ ИМЕНИ МОНАРХА ТЧК ЧЛЕНЫ КОМИССИИ БУДУТ ОСТАВАТЬСЯ НА НОВОЙ КАЛЕДОНИИ ЕСЛИ НЕ ОКАЖЕТСЯ ЧТО РАЗУМНЕЕ ПЕРЕПРАВИТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЧУЖАКОВ НА СПАРТУ ТЧК АБЗАЦ

ЕСЛИ КОМИССИЯ ПРИДЕТ К ВЫВОДУ О ВОЗМОЖНОЙ ОПАСНОСТИ ЧУЖАКОВ ДЛЯ ИМПЕРИИ ТО ДЕЙСТВУЯ С СОГЛАСИЯ ВИЦЕ-КОРОЛЯ ТРАНСУГОЛЬНОГО СЕКТОРА

ДОЛЖНА ПРИНЯТЬ ЛЮБЫЕ МЕРЫ КАКИЕ СОЧТЕТ НЕОБХОДИМЫМИ ТЧК ЕСТЬ ЛИ У ВАС ПРЕДЛОЖЕНИЯ ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК АБЗАЦ

РОД ЕСЛИ МОШКИТЫ НЕ ПРОСТЫЕ ФЕРМЕРЫ И НЕ МИРНЫЕ ГОРОЖАНЕ А ИХ ЗОНД КАК РАЗ УБЕЖДАЕТ НАС ЧТО ЭТО НЕ ТАК ТО ВАС С САЛЛИ ОЖИДАЮТ НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАДЕЮСЬ ВЫ СОХРАНИЛИ ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ ВЛЮБИВШИСЬ В САЛЛИ ТЧК КОГДА СВАДЬБА ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК ВАШ ОТЕЦ ПОСЫЛАЕТ ВАМ БЛАГОСЛОВЕНИЕ ТЧК Я ТАКЖЕ ТЧК МАРКИЗ УВЕРЕН ЧТО КОГДА УВИДИТ ВАС ВЫ УЖЕ БУДЕТЕ МУЖЕМ И ЖЕНОЙ ТЧК ЕСЛИ ВЫ ДУМАЕТЕ ЧТО МЫ С МАРКИЗОМ ОБСТРЯПАЛИ ЭТО ТО ВЫ НИЧЕГО НЕ ПОНЯЛИ ТЧК ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО НАСТАИВАЕТ НА СВАДЬБЕ ПРИЧЕМ НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО ТЧК ВАША МАТЬ И ИМПЕРАТРИЦА ПРИСЛАЛИ БЛАГОСЛОВЕНИЯ ТЧК

— А если бы я сказала «нет»? — спросила Салли. — Ничего более высокомерного я в жизни не читала!

— Но вы же согласились, — и Род наклонился, чтобы поцеловать ее.

Салли вырвалась, и он заметил, что она действительно разозлилась.

— Надо же! — воскликнула она низким кон-

тральто. — Значит, Его Величество настаивает! А если бы я отклонила ваше предложение, меня бы, конечно, обвинили в государственной измене!

— Но я же спросил вас, — напомнил Род. — И вы сказали «да».

— Род, перестаньте! Какой же вы наивный! Да, я хочу за вас замуж. Однако мне не нравится, когда мне *приказывают* что-то делать — даже то, что я хочу.

Род изучающе взглянул на нее.

— Вы надолго оторвались от светской жизни. А я ее и не начинал.

— Что?

— Я об обязательствах, которые налагает титул. Сначала вы решили изучать примитивные культуры — и то был ваш свободный выбор. Я же отправился в Академию, повинуясь зову долга. Затем вы оказались в лагере, но даже в той проклятой дыре никому не подчинялись, и вас уважали, — Род подбирал слова с большой осторожностью, Салли слушала, красная от гнева.

— Потом «Макартур». В качестве гостьи — и под моим командованием. И вы смирились.

— Да, и я испугалась, когда вы захватили зонд Безумного Эдди. Вы знаете почему.

— Верно. Затем Новая Шотландия, где не

нашлось практически никого выше вас по положению. Вы наслаждались своей независимостью, правда? Полдюжины чиновников высшего ранга вообще не интересовались, чем вы занимаетесь. И на Мошке-1 вы делали, что хотели. Итак, Салли, вы отвыкли от светского общества. А теперь вас снова сажают в ящик.

— Примерно это я и чувствую.

Род коснулся бумаги в ее руке.

— Согласен, написано чересчур высокопарно. Меня тоже раздражает этот стиль, но меньше, чем вас. Я долгое время подчинялся приказам. Всю жизнь.

— Полагаю, вам впервые приказывают жениться.

— Да. Но мы оба ждали чего-то подобного, не так ли? С точки зрения Империи наш брак является выгодным союзом для всех заинтересованных сторон. Мы получили привилегии, собственность, титулы, а сейчас надо расплачиваться по счетам. Судьбе было угодно, чтобы мы полюбили друг друга, однако мы в долгу…

— Перед кем? — перебила Салли.

Род беспомощно улыбнулся. Мысль казалась невероятно забавной.

— Перед Кевином Реннером.

На лице Салли появилось выражение благоговейного страха.

— Неужели?.. Боже мой! Ведь именно он приказал мне пойти в вашу каюту!

— Что?! Он *что?*..

Салли хихикнула.

— Фантастика! Нужно будет спросить его, и посмотрим, что он ответит. А пока надо дочитать послание, Род.

Я
ПОЛУЧИЛ СВОБОДУ ДЕЙСТВИЙ В НАЗНАЧЕНИИ ДРУГИХ ЧЛЕНОВ КОМИССИИ ТЧК НАДЕЮСЬ ВЫ ПОМОЖЕТЕ МНЕ ТЧК КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК В РАДИУСЕ ПЯТИДЕСЯТИ ПАРСЕКОВ ХОЧЕТ ОКАЗАТЬСЯ В ЕЕ СОСТАВЕ ТЧК ВАШИМ ПЕРВЫМ ЗАДАНИЕМ БУДЕТ НАБОР ЧЛЕНОВ КОМИССИИ ТЧК ВО-ВТОРЫХ НЕОБХОДИМО УПОРЯДОЧИТЬ СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ И СПИСОК СВИДЕТЕЛЕЙ ТЧК АБЗАЦ
АДМИРАЛУ
КУТУЗОВУ ПРИКАЗАНО ПЕРЕПРАВИТЬ ВАС НА БОРТ КУРЬЕРСКОГО СУДНА ДЛЯ СКОРЕЙШЕГО ВОЗВРАЩЕНИЯ НА НОВУЮ ШОТЛАНДИЮ ТЧК ВОЗЬМИТЕ С СОБОЙ САЛЛИ ЕСЛИ СЧИТАЕТЕ ЧТО ТАК БУДЕТ ЛУЧШЕ ТЧК ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ГОРАЦИЯ БЕРИ АДМИРАЛ БЕРЕТ НА СЕБЯ ТЧК

ПОЦЕЛУЙТЕ ЗА МЕНЯ САЛЛИ ТЧК С УВАЖЕНИЕМ БЕНДЖАМИН БРАЙТ-ФАУЛЕР ЗПТ СЕНАТОР ОТКРЫТЬ КРУГЛУЮ СКОБКУ ЛОРД-ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИМПЕРСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ДЕЙСТВУЮЩИЙ ОТ ИМЕНИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ЛЕОНИДАСА IX ЗАКРЫТЬ КРУГЛУЮ СКОБКУ КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ

— Выходит, я отправляюсь на курьерский корабль? — спросила она.

— Все зависит от вас. Хотите?

— Да! Но есть множество дел, которые нужно уладить… А как же наши мошкиты? Сколько на меня всего навалилось — и мошкиты, и будущая свадьба! Род, вы понимаете, как важна свадьба наследников Круцис-Корта и Фаулера, которую сыграют в провинциальной столице? Мне понадобится как минимум три помощника! Дядя Бен не собирается оказывать никакой помощи, а мы должны подготовиться к приему мошкитов и… Ладно. Род, что нам делать? Род?

47
Возвращение домой

Кутузов и Михайлов приняли живейшее участие в подготовке прощального приема для жениха и невесты. Корабельные коки «Ленина» целый день готовили традиционный екатерининский банкет: дюжины закусок и горячих блюд, супы, десерты и прочие деликатесы. Ученых, в частности, поразили виноградные листья с гидропонных плантаций, фаршированные мясом, ну а стопки водки горячо приветствовались как военными, так и штатскими. Во время ужина говорить было невозможно: стоило разделаться с одним блюдом, как стюарды «Макартура» несли следующее. А время от времени — наверное, чтобы дать передышку желудкам гостей, — десантники «Ленина» пускались в пляс. Сам танец смахивал на русскую чечетку, которая, хоть и в несколько видоизмененном виде, получила второе рождение на Святой Екатерине. Вот уже девятьсот лет эти танцевальные па передавались из поколения в поколение фанатиками русской истории, к коим относил себя и Кутузов.

Наконец оркестранты ушли, а стюарды убрали посуду со стола, оставив гостям только чай и водку. Младший гардемарин «Ленина» произнес тост в честь императора, а капитан Михайлов — в честь царевича Александра.

— Похоже, Царь будет толкать речь, — прошептал Реннер Каргиллу. — Интересно, за кого нам надо будет выпить теперь?

Адмирал встал и поднял рюмку.

— Позвольте и мне кое-что сказать, — произнес Кутузов. Возможно, изрядное количество алкоголя сказалось и на адмирале, правда, никто не поручился бы за это. — Капитан Блейн, когда мы встретимся в следующий раз, наши роли поменяются. Тогда вам придется объяснить мне, что делать с мошкитами… и я вам не завидую.

— Почему это Хорват скорчил такую физиономию? — прошептал Каргилл. — Словно обнаружил у себя в койке лягушку.

— Может, он надеялся получить место в Комиссии? — спросил Синклер.

— Держу пари, что да, — вставил Реннер. — А я, кстати, на это и не рассчитывал…

— Как и остальные, — встрял Каргилл. — А теперь давайте послушаем.

— Мы должны поздравить лорда Блейна и не

только, — вещал Кутузов. — Но я не силен в тостах, поэтому передаю слово отцу Харди. Прошу вас, отец Харди!

Дэвид Харди встал, тепло улыбаясь.

— Леди Сандра оказала мне честь, разрешив официально объявить о ее помолвке с лордом Блейном, — произнес Харди. — Разрешите мне первым поздравить вас со столь знаменательным событием!

Все заговорили одновременно, но адмирал знаком потребовал тишины.

— А теперь мой тост, — вымолвил он. — За будущую маркизу Круцис.

Зарумянившаяся Салли осталась сидеть, но остальные тотчас встали и подняли свои стопки.

«Теперь уже не отвертишься, — подумала она. — Отступление невозможно, даже если бы я и захотела. Конечно, я не хочу, но теперь свадьба *неизбежна*».

— А также за леди — члена Комиссии, — добавил Кутузов. Гости снова выпили. — И за лорда — члена Комиссии. Долгой вам жизни и многих детей. Защищайте нашу Империю в переговорах с мошкитами.

— Благодарю, — произнес Род. — Я самый счастливый человек в Империи.

— Может, ее милость хочет что-нибудь сказать? — спросил Кутузов.

Салли встала и замялась.

— Спасибо вам всем, — смущенно проговорила она и села.

— Снова куда-то делись нужные слова? — лукаво спросил Род. — А вокруг столько людей! Пожалуй, я упустил редкий случай!

На этом формальности закончились, и приглашенные на прием столпились вокруг жениха и невесты.

— Желаю всяческого счастья и покоя, — заявил Каргилл, энергично встряхивая руку Рода. — От всего сердца, сэр! Империя сделала наилучший выбор, включив мисс Салли и вас в состав Комиссии!

— Но вы ведь не поженитесь до нашего возвращения? — осведомился Синклер. — Так будет нечестно: играть свадьбу в моем городе — и без меня!

— Мы пока еще не назначили дату, — ответила Салли. — И сперва «Ленину» надо вернуться домой. Конечно, мы всех вас приглашаем на свадьбу.

«И мошкитов, — мысленно добавила она. — А как они воспримут эту новость?»

Интерес к жениху и невесте не утихал: Род и Салли продолжали быть в центре внимания. Стол из офицерской кают-компании убрали на палубу, чтобы помещение стало попросторней. Стюарды забегали туда-сюда с подносами, предлагая гостям чай и кофе.

— Вы, конечно, позволите мне вас поздравить, — мягко произнес Бери. — И, получив свадебный подарок, не подумаете, что я пытаюсь вас подкупить, не так ли?

— А с чего бы нам так думать? — невинно спросила Салли. — Спасибо, мистер Бери.

Хотя первая ее фраза прозвучала двусмысленно, доброжелательная улыбка скрыла это. Салли не беспокоила репутация Бери, вдобавок магнат оказался приятным человеком. Ему бы только избавиться от своей фобии, связанной с мошкитами!

А Род тем временем нашел доктора Хорвата, забившегося в угол кают-компании.

— Вы весь день избегали меня, док, — вежливо сказал Род. — Но почему?

Хорват попробовал улыбнуться, но у него на лице появилась лишь жалкая гримаса. Брови Хорвата на мгновение сошлись, потом лоб снова разгладился.

— Буду искренен с вами, Блейн. Сначала я выступал против того, чтобы вы принимали участие в экспедиции — по причинам, известным нам обоим. Ваш человек — мистер Реннер — убедил меня, что с зондом у вас не было другого выхода. Кроме того, хотя мы с вами — совершенно разные люди, меня полностью устраивал ваш стиль руководства на «Макартуре». С учетом вашего звания и опыта, вы неизбежно должны были получить место в Комиссии.

— Я и не рассчитывал на подобное повышение, — ответил Род. — Но, с точки зрения начальства Спарты, вы, вероятно, правы. И поэтому вы обижены на меня?

— Нет, — признался Хорват. — Наши разногласия были неизбежны, да и на законы природы я не обижаюсь. Но я рассчитывал на место в Комиссии. Я возглавлял научную часть экспедиции и сражался за каждую крупицу полученной нами информации. Если уж членам экспедиции дают два места, то одно заслужил я!

— А Салли — нет? — холодно спросил Род.

— Салли прекрасно поработала, — сказал Хорват. — Ваша невеста очаровательна и сообразительна, и вам трудно быть объективным по отношению к ней… но, Блейн, вы действительно

сравниваете ее компетенцию с моей?

Род перестал хмуриться и широко улыбнулся. Профессиональная зависть Хорвата не была ни комичной, ни наивной, только неизбежной, такой же неизбежной, как вера доктора в то, что должность определяет компетенцию ученого.

— Успокойтесь, доктор, — вымолвил Род. — Салли оказалась в Комиссии не из-за своих научных способностей. Император оценивал ее… рвение, — Род едва не ляпнул «преданность», но благоразумно воздержался. — И не переживайте, что вас не сделали членом Комиссии, — заявил Блейн. — Это можно рассматривать как своего рода *комплимент*, — многозначительно добавил он.

Брови Хорвата поползли вверх.

— Простите?

— Вы ученый, доктор. Ваша жизненная философия — объективность, верно?

— Да, — кивнул Хорват. — Но с тех пор как я покинул лабораторию…

— Вы боролись за ассигнования. Даже вовлеченный в политику, вы находили свободное от административных обязанностей время и помогали коллегам.

— Спасибо, — искренно произнес Хорват.

— Поэтому и ваше отношение к мошкитам должно быть объективным и далеким от политики. Но данная позиция является не лучшим курсом для Империи, верно? Ваши действия не отвечали бы требованию момента. Кроме того, Его Величество понимает, что мы с Салли ставим Империю превыше всего. Нам внушали это с первого дня жизни. Мы не можем претендовать на научную объективность там, где затронуты интересы Империи.

Род умолк. Он как мог позолотил пилюлю для дока и уже выбился из сил.

Но это сработало. Да, Хорват не развеселился и, похоже, не собирался отказываться от дальнейших попыток получить место в Комиссии, зато перестал дуться на весь свет. Хорват даже сердечно улыбнулся и пожелал счастья Роду и его невесте. Род счел, что свободен, и с чувством выполненного долга вернулся к Салли.

— Нельзя ли хотя бы сказать мошкитам «до свиданья»? — умоляюще спросила Салли. — Род, вы не сможете убедить его?

Род беспомощно взглянул на адмирала.

— Миледи, — сурово отчеканил Кутузов, — не хочу обманывать вас. Когда мошкиты прибудут на Новую Шотландию, ими займетесь вы, а не я,

и вы будете указывать мне, что с ними делать. Но сейчас я отвечаю за мошкитов, и я не буду отступать от правил. Пусть отец Харди передаст им послание от вашего имени.

«Что бы он сделал, если бы мы с Родом приказали ему пропустить нас к мошкитам? — подумала она. — Мы как-никак члены Комиссии. Нет, разразился бы скандал… Кстати, ведь Род считает Кутузова полезным человеком, а после склоки они бы уже никогда не смогли работать вместе. Даже если я начну ныть, Род точно не пойдет мне навстречу».

— Имейте в виду, что послы еще не стали нашими близкими друзьями, — напомнил Харди. — Между прочим, Иван почти не контактировал с людьми. Ничего, все изменится, когда мы прибудем на Новую Шотландию. — Харди помолчал и сменил тему: — Не сомневаюсь, что вы сдержите слово и подождете с женитьбой до возвращения «Ленина».

— Пожалуйста, обвенчайте нас! — выпалила Салли. — Мы будем ждать вас!

— Спасибо.

Харди собирался добавить что-то еще, но кают-компанию пересек Келли и отсалютовал Роду.

— Капитан, я перенес ваши вещи и вещи леди

Салли на «Гермес». Команда «Гермеса» просит поторопиться.

— Келли стал моей совестью, — вздохнул Род. — Ладно, Салли, нам пора. Но после такого банкета нам придется туго. Три *g* — это не шутки!

— Мне тоже пора, — сказал Кутузов и смущенно улыбнулся. — Прощайте, мэм. И вы, капитан. Желаю удачи. Вы были отличным офицером.

— Почему… Спасибо, сэр. — Род обвел взглядом кают-компанию и посмотрел на Бери. — Келли, адмирал принимает ответственность за мистера Горация Бери.

— С вашего разрешения, канонир Келли продолжит командовать космодесантниками, несущими охрану, — проговорил Кутузов.

— Да, сэр. Келли, будьте постоянно начеку. Бери может замыслить побег. Я, конечно, не представляю, что он задумал, но приказ вам ясен: нужно и дальше содержать его под стражей. Он способен попробовать подкупить ваших людей.

Келли фыркнул.

— С моими парнями у него такой номер не пройдет.

— Что ж, до свидания, Келли. Не давайте Набилю всадить кинжал в ваш бок. Я хочу увидеть вас на свадьбе целым и невредимым.

— Да, сэр. И будьте осторожны, кэп. Маркиз убьет меня, если с вами что-нибудь случится. Он так и сказал перед вашим отъездом из Круцис-Корта.

Кутузов громко откашлялся.

— Наши гости должны срочно покинуть нас, — объявил он. — Поздравим их еще раз.

Род и Салли покинули кают-компанию под громкие возгласы, среди которых слышались и пьяные голоса. Прием, похоже, заканчивался.

Курьерский корабль «Гермес» был маленьким и юрким — общая площадь жилого пространства была сравнима с жилыми отсеками катера «Макартура». За системами жизнеобеспечения размещались баки с топливом и двигатели, а также узкие, но вполне проходимые лазы. С трудом преодолев их, Салли и Род оказались внутри.

Заняться на крошечном суденышке было особенно нечем, да и высокое ускорение не настраивало на рабочий лад. Помощник судового врача в течение восьми часов наблюдал за пассажирами, чтобы убедиться, что они нормально переносят ускорение, а затем одобрил просьбу Рода увеличить его до трех с половиной *g*. При такой силе тяжести лучше всего было спать и ограничить умственную активность до минимума.

Когда они достигли точки Олдерсона, пылающий Глаз Мёрчисона был далеко позади, а мгновением позже превратился в красную точку, горящую на фоне Угольного Мешка. В самом центре Глаза Мёрчисона желтела крошечная мошка.

48
Штатский

Они перебрались на борт посадочной шлюпки сразу после того, как «Гермес» вышел на орбиту Новой Шотландии. Салли едва успела попрощаться с экипажем курьера.

— ПОСТОРОННИМ ПОКИНУТЬ ПОСАДОЧНУЮ ШЛЮПКУ. ПАССАЖИРАМ ПРИГОТОВИТЬСЯ К ВХОЖДЕНИЮ В АТМОСФЕРУ.

Воздушный шлюз со щелчком захлопнулся.

— Готовы, сэр? — спросил пилот.

— Да.

Взревели двигатели. Посадка прошла не слишком гладко — пилот очень торопился. Когда они парили над городом, скорость была чересчур велика, и пилот был вынужден сделать два круга, прежде чем лодка затормозила, зависла, а затем опустилась на посадочную площадку на крыше Адмиралтейства.

— Дядя Бен здесь! — воскликнула Салли, бросаясь к нему в объятия.

Бенджамину Брайт-Фаулеру уже исполнилось восемьдесят стандартных лет — на столько он

и выглядел. Не прошедшие регенерационную терапию люди могли бы подумать, что ему пятьдесят и он находится в самом расцвете сил (по крайней мере, интеллектуальных). Последнее предположение, впрочем, было верным.

Рост его составлял сто семьдесят четыре сантиметра, вес — девяносто килограммов: полный, невысокий, практически лысый, с бахромой темных седеющих волос вокруг сверкающего купола темени. Он никогда не надевал шляпу — только в холодную погоду, — поскольку обычно забывал о головном уборе.

Одевался сенатор Фаулер старомодно. Он почти всегда предпочитал появляться на людях в мешковатых брюках, мягких кожаных ботинках и изрядно поношенном коротком пальто из верблюжьей шерсти. Одежда была дорогая, но за ней никогда не следили должным образом. Мечтательные глаза (которые часто слезились) и взъерошенность не лишали его облик внушительности, и политические противники не единожды ошибались, делая вывод о его способностях по внешнему виду. Иногда, в достаточно важных случаях, сенатор позволял камердинеру подобрать ему костюм — и тогда хотя бы несколько часов выглядел как должно: в конце концов,

он был одним из самых могущественных людей Империи. Но, как правило, сенатор надевал первое, что находил в гардеробе, а с тех пор как он запретил слугам выкидывать то, что ему нравилось, часто носил старые, привычные вещи.

Сенатор заключил Салли в медвежьи объятия, а она поцеловала его в лоб. Салли была выше дяди, и ей постоянно хотелось еще подрасти, чтобы чмокнуть его в макушку. Бенджамин Фаулер не обращал внимания на свою внешность, но злился, если кто-нибудь напоминал ему об этом, однако лысина мало его беспокоила. Он наотрез отказался подвергать ее косметическим процедурам.

— Дядя Бен, как я рада видеть тебя! — Салли отстранилась и с притворным гневом произнесла: — Ты перевернул мою жизнь! Твоя радиограмма заставила Рода сделать мне предложение!

Сенатор Фаулер вроде бы удивился.

— Значит, к тому моменту он этого еще не сделал? — Он внимательно оглядел Рода. — А с виду — вполне нормальный, — грубовато произнес он. — Вероятно, где-то имеется скрытый изъян. Как поживаете, Род? Прекрасно выглядите. — Он пожал Роду руку. Хватка у него была сильной, и Род, пожалуй, мог скривиться от боли.

Тем временем Фаулер извлек из складок своего необъятного пальто карманный компьютер.

— Нужно бежать, ребятки, мы опаздываем. Идемте же скорей! — и сенатор заспешил к лифту.

Салли и Род последовали примеру сенатора.

Лифт поехал вниз. Когда загорелась кнопка с цифрой двенадцать, двери разъехались в стороны, Фаулер повел Салли и Рода за собой по длинному коридору. В конце концов они добрались до небольшого холла с несколькими дверями: возле одной на посту дежурили десантники.

— Сюда, — сказал сенатор. — Нельзя заставлять сборище капитанов и адмиралов так долго ждать. Прошу вас, Род!

Десантники отсалютовали, и Род рассеянно им ответил. Переступив порог, он оторопел. Просторная комната была обшита деревянными панелями, почти все свободное пространство занимал огромный мраморный стол. За ним сидели пять капитанов и два адмирала. За маленьким столиком разместились клерки и офицер-юрист с диктофоном.

Как только Род вошел, кто-то произнес:

— Открываем заседание следственной комиссии. Выйдите вперед и примите присягу.

Назовите ваше имя.

— Что?

— Ваше имя, капитан, — резко повторил адмирал, сидевший в центре стола. Род не знал его: он вообще знал от силы половину присутствующих. — Как вас зовут?

— Адмирал, меня не предупредили, что я прибуду прямо на следственную комиссию.

— Теперь вы в курсе. *Пожалуйста, назовите ваше имя.*

— Родерик Гарольд, лорд Блейн, капитан, Имперский военно-космический флот, бывший капитан ИКК «Макартур».

— Благодарю.

А потом его забросали вопросами.

— Капитан, когда вы впервые поняли, что так называемые «домовые» способны выполнять технические работы любой степени сложности?

— Капитан, пожалуйста, опишите процедуру предпринятой вами фумигации.

— Как, по-вашему, капитан, знали ли чужаки вне корабля, что «домовые» расплодились на «Макартуре»?

Род старался отвечать спокойно и развернуто. Иногда кто-то из офицеров задавал вопрос, но его тут же перебивал другой:

— Но это есть в рапорте! Вы что, его до сих пор не прослушали?

Процедура допроса продвигалась с молниеносной быстротой и вскоре закончилась.

— Можете ненадолго выйти, капитан, — произнес председательствующий адмирал.

В холле Рода ждали Салли и сенатор Фаулер. Рядом с ними стояла молодая женщина в юбке из шотландки и с портфелем.

— Мисс Макферсон, моя новая секретарша, — представили ее Салли.

— Приятно познакомиться с вами, лорд. Леди, мне, пожалуй, лучше…

— Да, конечно, благодарю вас.

Макферсон удалилась, щелкая подковками каблуков по мраморному полу. У нее была прелестная походка.

— Род, вы знаете, на скольких приемах мы должны побывать? — произнесла Салли.

— Приемы! Салли, там решается моя судьба, а вы…

— Ерунда! — фыркнул сенатор Фаулер. — Все решено несколько недель назад. Когда Меррилл, Кранстон, Армстронг и я изучили рапорт Кутузова. Можно сказать, что ваше назначение было у меня в кармане — и вдруг вы теряете корабль!

Вам повезло, что Кутузов оказался настолько честным человеком. Он дал вам замечательную характеристику, Род.

Дверь приоткрылась.

— Капитан Блейн? — позвал клерк.

Род вошел и встал перед столом. Адмирал взял лист бумаги и откашлялся.

— Особая комиссия, созданная для изучения обстоятельств гибели линейного крейсера Его Императорского Величества «Макартур», единогласно постановила следующее. Первое. Комиссией установлено, что корабль погиб ввиду случайного проникновения на борт чуждых форм жизни и был уничтожен во избежание заражения ими других кораблей. Второе. Комиссия полностью отклонила обвинение капитана Родерика Блейна, ИВКФ, в халатности. Третье. Комиссия приказывает уцелевшим офицерам «Макартура» подготовить подробный рапорт о том, как произошла гибель, во избежание повторения подобного инцидента в будущем. Четвертое. Комиссия отмечает, что осмотру и фумигации «Макартура» мешало присутствие на борту большого числа ученых, а также их оборудования и что министр Энтони Хорват, глава научной части, протестовал против фумигации и требовал минимального

вмешательства в эксперименты. Пятое. Комиссия отмечает, несмотря на сложности, упомянутые в пункте четвертом, капитан Блейн не отступал от Устава, потому предлагает ограничиться выговором. Решение принято единогласно. Комиссия распускается. Капитан, вы свободны.

— Благодарю, сэр.

— Да. В будущем вам следует быть более осмотрительным, Блейн.

— Да, сэр.

Интересно, сколько еще мне придется думать об этом?

— Однако вы проявили себя наилучшим образом. С толпой штатских на борту корабль наверняка напоминал сумасшедший дом! — В комнату заглянул Фаулер, и адмирал улыбнулся: — Сенатор, капитан Блейн полностью в вашем распоряжении. В комнате шестьсот семьдесят пять все готово.

— Спасибо, адмирал! — Фаулер вытолкал Блейна в холл и повел обратно по коридору к лифту, где уже стоял навытяжку младший офицер.

— И куда мы теперь? — требовательно спросил Род. — Шестьсот семьдесят пять? Да это ведь отставка!

— Разумеется, — произнес сенатор. Они вошли

в кабину. — Уж не думаете ли вы, что можно оставаться в военно-космическом флоте и одновременно быть членом Комиссии? Вот почему мы так торопились со следствием. Пока оно не было закончено, вас не могли отправить в отставку.

— Но, сенатор!

— Зовите меня Бен.

— Да, сэр. Бен, я *не хочу* уходить! Военно-космический флот — мое поприще!

— Теперь нет, Род. — Лифт остановился, и Фаулер опять вытолкнул Рода наружу. — Вам бы пришлось уйти в любом случае, Род. Семья — важнее. Не может пэр, пренебрегая правлением, всю жизнь гоняться за противником и палить из лазерных пушек! И вы сами понимали, что у вас нет выбора.

— Да, сэр. После смерти моего брата вопрос был решен. Но не сейчас! А если мне попросить временный отпуск?

— Не дурите, Род! А как же контакты с мошкитами! Спарта слишком далеко, чтобы разбираться в этом вопросе. Зато мы, то есть Салли и вы, здесь.

И Фаулер увлек его за собой.

Бумаги о его отставке были готовы. «Родерику Гарольду, лорду Блейну, присваивается звание контр-адмирала, и он увольняется в отставку по

приказу Его Императорского Величества».

— Куда пересылать пенсию, сэр?

— Что?

— Вы имеете право на пенсию. Куда прикажете посылать ее, ваша милость? — Для клерка Род уже превратился в штатского.

— Могу я пожертвовать ее в фонд помощи военно-космическому флоту?

— Да, сэр.

— Тогда так и сделайте.

Клерк быстро записал что-то. Были и другие вопросы, все достаточно тривиальные. Документы были переданы Роду, клерк держал наготове ручку.

— Подпишите здесь, милорд.

Сама ручка показалась ему скользкой и холодной, и у Рода даже окоченели пальцы.

— Подписывайте, вас ждет еще дюжина встреч, — буркнул сенатор Фаулер. — Ну, давай, парень, ставь автограф!

— Да, сэр.

Нет смысла медлить, а спорить бесполезно.

Если император назначил меня в эту проклятую Комиссию… Род быстро нацарапал свою подпись и приложил к бумаге большой палец.

Такси везло их по узким улочкам Новой Шот-

ландии. Трафик был плотным, а на кэбе отсутствовали проблесковые маячки, которые бы открывали им дорогу. Род не привык путешествовать подобным образом. Как правило, он пользовался флаером Космофлота, перелетавшим с крыши на крышу, а в прошлом году после прибытия на Новую Шотландию вообще получил собственную шлюпку с пилотом и техником на борту. Теперь можно попрощаться с флотскими привилегиями.

— Мне надо купить флаер и нанять шофера, — заявил Род. — Как член Комиссии, я получу лицензию на воздушный транспорт?

— Вы получите все, что захотите, — улыбнулся сенатор Фаулер. — Фактически ваша должность означает номинальное баронство. Конечно, это не означает, что оно вам нужно, но выгода, конечно, налицо, Род.

— И сколько же будет членов Комиссии?

— Здесь у меня тоже полная свобода. Не слишком много. — Такси накренилось: водитель чудом избежал наезда на пешехода. Фаулер достал карманный компьютер. — Снова опаздываем. Встречи во дворце. Вы остановитесь в дворцовых покоях, Род. Комнаты для прислуги наверняка переполнены, но вашего человека мы втиснем. У

вас кто-то есть… или пусть мой секретарь уладит вопрос?

— Келли с «Ленина». Я бы хотел, чтобы он остался со мной.

Еще один хороший человек потерян для флота.

— Келли? Как поживает старый негодяй?

— Отлично.

— Вот и хорошо! А я как раз вспомнил, что ваш отец просил узнать о нем. Между прочим, он мой ровесник. Я помню его в мундире, когда ваш батюшка служил лейтенантом, а это было *очень давно*.

— А где Салли?

Когда Рода отпустили, она уже ушла. Он только порадовался данному факту: карман кителя оттопыривали бумаги об увольнении, и Рода совсем не тянуло разговаривать на щекотливую тему.

— Побежала по магазинам! К счастью, вам это не грозит! Один из моих людей попросил выписку из ваших личных документов и уже прикупил вам парочку костюмов.

— Вы слишком торопитесь, Бен, — осторожно произнес Род.

— Увы! Когда «Ленин» выйдет на орбиту, нам следует получить некоторые ответы. А вам надо изучить политическую обстановку. Все связано

в тугой узел, Род. ИТА намеревается торговать с мошкитами, а Лига Человечества грезит о культурном обмене. Армстронгу надо, чтобы его флот занялся внешними системами, но его пугают мошкиты. В общем, со всеми проблемами нам нужно разобраться прежде, чем Меррилл продолжит покорение Трансугольного сектора. Фондовые биржи отсюда до Спарты лихорадит — как повлияет технология мошкитов на экономику? Какие акционерные компании потерпят крах? Какие обогатятся? Судьба Империи в наших руках, дружище. Мы устанавливаем политический курс, Род.

— Ого! — смысл происходящего только теперь начал доходить до Блейна. — А как насчет Салли? И остальных членов Комиссии?

— Не будьте глупцом. *ВЫ* и *Я* и есть Комиссия, Род. Салли сделает то, что потребуется.

— Точнее, вы хотите, чтобы она повиновалась. Но я не уверен. У Салли есть собственное мнение.

— Разумеется! Я достаточно долго жил с ней в одном доме. Но и вы независимы, Род, и я не смогу диктовать вам свои условия.

«Пока что вы делаете все наоборот, причем весьма успешно», — мысленно возразил Род.

— Вы волнуетесь из-за Комиссии, да, Род? — проворчал Бен. — Есть много подводных камней. К примеру, Парламент интересуют имперские прерогативы. Однако, по моему мнению, нам нужно быть готовыми обороняться от чужаков, в случае потенциальной опасности, конечно. А если мошкиты настроены мирно, тогда все будет в порядке. Тем не менее Парламент хочет сказать свое слово и по поводу будущих торговых контрактов. А император не собирается выносить вопрос о мошкитах из кулуаров, поскольку сперва нам надо действительно убедиться в том, что чужаки не являются нашими врагами. Но император находится в Спарте, которую он не может покинуть — ведь его отъезд породит множество проблем и кривотолков в столице! Парламент не возражает против передачи дела кронпринцу Лисандру, но парень еще так молод! Положение безвыходное. Его Величество — это одно, а назначение агентов, облеченных властью императора, — совсем другое… Признаюсь, что я бы не хотел отдавать власть над Империей никому, кроме правящей фамилии. Власть — сложная вещь, Род, и вы сами скоро все поймете. Да и назначать на высокие посты доверенных людей надо тоже очень осторожно…

— А Меррилл? Это его сектор.

— Меррилл?.. Те же возражения, что и против любого другого. Обязанности вице-короля детально разработаны, и общение с чужаками в них не входит. Меррилла сдерживают, чтобы он не попробовал основать собственную маленькую Империю. То же и с Комиссией. Парламент не одобряет делегирование власти одному человеку, даже мне. Меня сделали председателем, поскольку я получил большинство голосов. Затем подключили мою племянницу — мой брат был популярен, — но нам требовалась женщина! Вдобавок Салли побывала на Мошке… Но я не могу оставаться здесь чересчур долго, Род. Поэтому требовалось найти мне замену. И вы, Род, оказались идеальной кандидатурой.

— Ясно. А можно объяснить — почему я?

— Во-первых, для создания Комиссии потребовалась поддержка вашего отца. Кроме того, сам маркиз весьма популярен — он приложил много стараний к объединению своего сектора. Это тоже необходимо учитывать. А еще в ваших жилах, Род, течет королевская кровь. Вас можно рассматривать как отдаленного претендента на трон…

— Я иду под двадцать восьмым номером! — рассмеялся Род. — У сына моей сестры гораздо

больше прав!

— Ну и что, Род? Пэры верят вам. Баронам нравится ваш отец. Народу тоже, и никто не думает, что вам захочется стать королем здесь и потерять Круцис-Корт. Поэтому сейчас надо найти пару-тройку местных болванов, которые получат свое баронство и будут работать с вами в мое отсутствие. Прежде чем отправиться домой, вам придется найти себе замену, но, думаю, вы сумеете. Я ведь сумел, — и Фаулер ухмыльнулся.

Перед ними смутно вырисовывались очертания дворца. Вдоль ограды выстроились гвардейцы в парадных мундирах и килтах. Кэб затормозил. Офицер, сверивший их документы со списком и махнувший рукой, чтобы их пропустили, был космодесантником.

— Нужно спешить, — сказал сенатор Фаулер, когда кэб поехал по круговой аллее к подножию яркой красно-желтой каменной лестницы. — Род, если мошкиты будут угрожать нам, сможете ли вы приказать Кутузову отправиться к Мошке во главе военного флота?

— Сэр?

— Вы слышали меня. Чему вы улыбаетесь?

— Я говорил с одним из моих офицеров, вернувшихся с Мошки-1. Да, сэр. Мне не хочется, но в

экстренных обстоятельствах я поступлю именно так. Выбирать не приходится. — Род сделал паузу. — Хотя Салли бы со мной не согласилась.

— Понимаю. На Салли нечего рассчитывать. Она упрямая с малолетства и имеет по каждому вопросу свое мнение. Знаете, я изучал ваши рапорты, пока не ослеп и не оглох, и не нашел в них ничего плохого… впрочем, что-то там и было. Взять хотя бы ваших гардемаринов. Мне с трудом удалось проглотить кое-какую информацию о парнях…

— Мне тоже.

Кэб остановился, водитель вышел из салона и распахнул пассажирские дверцы. Род порылся в кармане в поисках денег, чтобы расплатиться по счету. Сенатор заметил, что Род дал шоферу не слишком щедрые чаевые — такси было Блейну явно в диковинку.

— Что-то еще, милорд? — спросил официант.

Род взглянул на экран портативного компьютера.

— Минутку… Мы опаздываем, Салли, — однако он даже не пытался встать. — Ангус, принесите, пожалуйста, кофе. С коньяком.

— Да, милорд.

— Род, мы действительно опоздаем! — Салли

тоже не делала попыток встать. Они переглянулись и рассмеялись. — Когда в последний раз мы обедали вместе? — поинтересовалась она.

— Неделю назад? Или две? Не помню. Салли, никогда в жизни я не был так занят. Боевые учения стали бы для меня облегчением. — Род скривился. — А вечером будет очередной прием. Леди Риордан. Пойдем?

— Дядя Бен говорит, что у барона Риордана огромное влияние в Новой Ирландии и нам понадобится его поддержка.

— Тогда предлагаю нанести визит Риорданам.

На пороге комнаты появился Ангус с подносом. Род попробовал кофе и довольно вздохнул.

— Ангус, лучшего кофе с коньяком я еще не пил. Это потрясающе!

— Спасибо, милорд. Кофе привезли во дворец специально для вас.

— Для меня? Это, наверное, твоя инициатива, Салли?

— Я здесь ни при чем! — удивилась Салли. — От кого вы получили кофе, Ангус?

— Некий торговый капитан лично принес упаковку в Дом правительства, миледи. Сказал, что это подарок для лорда Блейна. Шеф-повар продегустировал его и решил, что можно подавать.

— Так и есть, — с энтузиазмом согласился Род. — Что за капитан?

— Я узнаю его имя, милорд.

— Какой-нибудь соискатель теплого местечка, — задумчиво пробормотал Род, когда Ангус ушел. — Любопытно. — Он опять посмотрел на экран компьютера. — Но нам пора, Салли. Нельзя заставлять вице-короля ждать так долго.

— Мы тоже имеем вес, Род! Правда, вы с дядей Беном отвергли мое предложение и…

— Дорогая, давай поговорим об этом позже.

Вице-король требовал от Комиссии немедленного вердикта по поводу мошкитов. И не только он. Военный министр Армстронг рвался в бой. Он желал знать, большой ли флот потребуется, чтобы завоевать мошкитов, и, похоже, хотел задействовать в военной операции адмирала Кранстона.

Члены Имперской Торговой Ассоциации тоже не дремали — с трепетом выслушали подробный доклад Бери о чужаках и мечтали вступить с мошкитами в деловые переговоры. Глава Церкви Его Имени хотел получить доказательства того, что мошкиты — ангелы. Другая группа егоистов выражала уверенность, что они дьяволы (император засекретил основную информацию о

пришельцах, но слухи о мошкитах уже просочились на все планеты). Кардинал Рэндольф, представитель Имперской церкви, требовал транслировать записи о жизни мошкитов по радио и тривизии, чтобы раз и навсегда покончить с егоистами.

И все в радиусе двух сотен парсеков жаждали получить место в Комиссии.

— По крайней мере, мы сможем видеться время от времени, — вымолвила Салли.

— Верно. — Их апартаменты во дворце находились по соседству, но Род с Салли встречались изредка, да и то — лишь на приемах.

В общем, жениху и невесте пока не очень везло.

Ангус вернулся и поклонился.

— Капитан Андерсон, «Рагнарек», милорд.

— Спасибо, Ангус. Салли, он с корабля «Империал Автонетикс».

— Значит, сам мистер Бери прислал нам кофе! Как мило с его стороны!

— Да. Салли, к сожалению, нам пора.

Они направились к двери. Покинув комнату, Салли и Род направились к лестнице, которая привела их в длинный коридор. Здесь и располагался кабинет вице-короля Меррилла. Сенатор

Фаулер, военный министр Армстронг и адмирал флота Кранстон с нетерпением ждали их.

— Это был наш первый за две недели совместный обед, — объяснил Род. — Приношу свои извинения.

— Когда вернется «Ленин», станет полегче, — заявил сенатор Фаулер. — Ученые Хорвата возьмут на себя большую часть публичных выступлений. Они с удовольствием возьмутся за это дело.

— Допустим, вы разрешите им выступать, — протянул принц Меррилл. — Но вы же не позволите им слишком много болтать?

— Простите, Ваше Высочество, я спешу, — произнес адмирал Кранстон. — Что мне делать с прибытием «Ленина»? Корабль выйдет на орбиту через шесть часов, и я должен отправить приказ Кутузову.

— Давайте вы примете мое предложение, — перебила его Салли. — Мы поселим мошкитов во дворце, назначим к ним прислугу и охрану, и пусть они *сами* решают, кого они хотят видеть.

— Логично, — заметил Меррилл. — В конце концов, мошкиты — представители суверенной власти. Трудно будет объяснить, почему их содержат взаперти! Поднимется ненужный шум, кутерьма…

— Адмирал Кутузов убежден, что мошкиты опасны, — прогудел военный министр. — По его словам, они очень хитры и умеют убеждать. Уверен, если они будут общаться с разными людьми, у нас сразу же возникнут крупные неприятности политического характера! А это, Ваше Высочество, нам ни к чему.

— А по-моему, три мошкита совершенно безвредны! — не сдавалась Салли.

Бенджамин Фаулер нахмурился.

— Меня волнует не военная угроза! Если дать мошкитам полную свободу, они *займутся* сделками! Я читал доклад мистера Бери! Может образоваться лобби чужаков. Начнутся бесконечные переговоры…

— Комиссия наложит вето на любые соглашения, дядя Бен.

— А если мошкиты именно таковы, как представляет их Хорват, — миролюбивы, хотят отдать или продать нам свои технологии, не стремятся к завоеванию наших планет, не представляют угрозы и не намерены заключать союз с мятежниками…

Адмирал Кранстон глухо рыкнул.

— Даже если и так, то ситуация не изменится. Мошкиты останутся источником проблем. Их

технология способна разрушить нашу Империю! Нельзя, чтобы ноу-хау мошкитов получили широкое распространение, по крайней мере пока.

— Кстати, рабочие примут такое решение на ура, — сухо сказал Меррилл. — Менее часа назад тут был президент ИФЛ. Он требовал спрятать мошкитов до тех пор, пока его люди не изучат проблемы безработицы. Он — не против новых технологий, но, похоже, растерян. Не могу его в этом упрекнуть.

— Я вас понял, — добавил Род. — Вчера вечером на приеме у леди Малькольм двое торговцев признались мне, что побаиваются мошкитов. — Род пригладил лацканы своего кардигана. Гражданская одежда была ему к лицу и красила Рода даже больше, чем мундир военно-космического флота, но пока он к ней еще не привык. — Но я не знал, как им возразить! У меня не нашлось аргументов. Я был так занят бессмысленными речами, собраниями — пропади они все пропадом! — и не имел возможности придумать ничего конструктивного.

— Конечно, — успокоил его Меррилл. — Но, милорд, приказ Его Величества ясен. Я должен получить официальную рекомендацию. И я с нетерпением жду очередного заседания Комис-

сии. Леди Сандра…

— Салли, если вас не затруднит,

Ей никогда не нравилось имя Сандра, хотя почему, она объяснить не могла.

— Леди Салли предложила хоть что-то! Сенатор, от вас с Блейном требуется не просто жаловаться на малую осведомленность!

— Для моего флота это неважно, — вставил Армстронг. — Я должен знать, могут ли линкоры Кранстона вернуться к преследованию врагов Империи или должны оставаться здесь? Мятежи умножатся даже в самых глухих провинциях! Нам надо быть начеку!

— Мятежники чего-то требуют? — спросил Род.

— Да. Им нужны корабли. И возможность вмешиваться в имперскую политику, но главное — корабли! Можно свихнуться! Они, видите ли, хотят свободы в своих делах и недовольны высокими налогами! Когда там заваривается каша, они зовут нас на помощь, и мы приходим. А теперь еще и чужаки, милорд! Могу сказать одно: если монстры с Мошки-1 будут нам угрожать, я изыщу дюжину военных линкоров, пусть даже мне лично придется горбатиться на верфях Макферсона!

— Выходит, нам чуть ли не выгодно, чтобы

мошкиты оказались враждебными, — задумчиво произнес Меррилл. — Подлинная угроза Империи должна объединить провинции. Интересно, как все примут бароны?

— Ваше Высочество! — воскликнула Салли.

— Просто мысли вслух.

— Мы собьем их с толку чрезмерной суетой, — буркнул Фаулер, и присутствующие повернулись к нему. — Послушайте, когда прибудет «Ленин», мы устроим шоу, какого Новая Шотландия еще не видела. Торжественный прием для мошкитов. Множество церемоний, парадов, обзоров, экскурсий. Встречи с людьми из Министерства внешних сношений. Никто не станет возражать против подобной мишуры, не так ли? Мошкиты будут появляться на публике, народ будет ахать от изумления, а мы тем временем будем усердно работать. Ваше Высочество, мы подготовим рекомендацию, но, скажу честно, Леон… Его Величество послал меня сюда не для того, чтобы принимать необдуманные решения. Мы должны узнать максимум инфорции, так что пока мы будем собирать сведения.

49
Парад

Высокий жалобный визг реактивных струй перешел в низкий гул, а потом и вовсе замер, и на крышу дворца села посадочная шлюпка. Снизу донесся барабанный бой. Затем в кабину проникли другие звуки: они усилились, когда люк открылся.

Дэвид Харди вылез наружу и уставился на разноцветную каменную кладку дворца. Он вдохнул свежий воздух (как он отличался от корабельного, пропитанного запахами людских тел и машинного масла!) и улыбнулся. Вот она — Новая Каледония. Наконец-то он очутился дома.

— ПОЧЕТНЫЙ КАРАУЛ, ВНИМАНИЕ!

«Пора», — подумал Дэвид. Он расправил плечи и двинулся вниз по специально сделанному пандусу, глядя на оператора, который направил на него камеру. Прочие офицеры и штатские шли следом за Харди. Последним брел доктор Хорват: когда он появился, Дэвид кивнул ответственному офицеру.

— НА КАРАУЛ!

Раз, два! Пятьдесят пар ладоней, затянутых в белые перчатки, синхронно хлопнули по прикладам оружия. Пятьдесят пар пурпурных рукавов, тяжелых от золотого шитья, ярко сверкали и переливались. Барабанная дробь стала мощнее.

Чужаки быстро спустились вниз по пандусу, щурясь от яркого солнца Новой Каледонии. Зазвучали трубы. Спустя минуту фанфары смолкли вместе с барабанами. Теперь тишину нарушал только шум уличного движения, доносившийся из-за дворцовой ограды. Репортеры, стоящие на специальной платформе, затаили дыхание.

Мошкиты энергично завертелись на месте, изучая обстановку.

«Интересно! Вот и мир чужаков — и люди, которые им управляют. И все-таки, что они делают?» — подумал Иван.

Мошкиты смотрели на две шеренги окаменевших космодесантников (в каждой было по двадцать пять новобранцев). Они стояли навытяжку, не шевелились и, конечно, никому не угрожали, но Иван машинально повернулся, отыскивая своих Воинов.

Справа от Ивана стояли другие десантники: оружия у них не имелось, зато были какие-то громкие инструменты. Некоторые из людей

держали в руках знамена, чуть-уть наклонив их к земле. Неподалеку стояли трое космодесантников и четвертый — со стягом побольше. Молодой мужчина держал стяг строго вертикально, но Иван различил на полотне уже знакомые символы: корону и космический корабль, орел, серп и молот.

А впереди маячили люди в безумных одеяниях. Они явно собирались говорить с мошкитами, но пока помалкивали.

– Вот и капитан Блейн и мисс Фаулер! — прощебетала Джок. — А рядом с ними те, кто заслуживает уважения. Я догадалась, Хозяин. Об этом свидетельствует их поза.

Дэвид Харди оглянулся и поманил мошкитов за собой. Чужаки поморщили носы и, переговариваясь между собой мелодичными голосами, пошли за Харди.

— Если атмосфера Новой Каледонии вызывает у вас дискомфорт, можно использовать фильтры, — произнес Дэвид. — Хотя я не заметил, что корабельный воздух плохо на вас сказывался, — добавил он, вновь набрав полную грудь драгоценного чистого воздуха.

— Он просто чуточку едок и безвкусен, — чирикнула Джок. Или не Джок? (Отличить одного

мошкита от другого было невозможно.) — Но, вероятно, нам понадобится дополнительный источник кислорода.

— А как обстоят дела с гравитацией?

— Неплохо, — мошкита искоса взглянула на солнце. — Нам также нужны темные очки.

— Конечно.

Они добрались до конца почетного караула. Харди поклонился Мерриллу, и оба Посредника сделали то же самое, с удивительной точностью скопировав его движения. Белый на мгновение замер, после чего тоже сделал поклон, но не столь низко, как остальные.

Доктор Хорват встрепенулся.

— Принц Стефан Меррилл, вице-король, наместник Его Императорского Величества в Трансугольном секторе! — объявил он. — Ваше Высочество, посол с Мошки-1. Его зовут Иван.

Меррилл церемонно поклонился и указал на Бенджамина Фаулера.

— Сенатор Бенджамин Брайт-Фаулер, лорд-председатель Имперской чрезвычайной комиссии. Сенатор Фаулер уполномочен говорить с вами от имени Его Императорского Величества. Он также зачитает вам послание Его Величества.

Мошкиты склонили головы.

На сей раз сенатор Фаулер позволил камердинеру одеть его как должно: по-видимому, запись судьбоносной встречи чужаков и людей просмотрит все человечество. На сенаторе был темный китель без украшений, но с маленьким вышитым золотым солнцем на левой стороне, новый шарф и идеально подогнанные брюки, заправленные в мягкие начищенные сапоги. Сунув под мышку резную черную трость с золоченым набалдашником, он принял от Рода Блейна пергамент.

Фаулер начал читать голосом «для официальных выступлений»: в спорах он бывал груб, зато в публичных выступлениях — высокопарен. Не стал исключением и сегодняшний день.

— Леонид IX, милостью Божьей Император Человечества, приветствует и поздравляет представителей цивилизации Мошки. Тысячи лет мы искали во Вселенной братьев по разуму. Мы мечтали о них на протяжении всей нашей истории…

Послание оказалось длинным, казенным, и мошкиты стихли. Слева от чужаков толкались и перешептывались какие-то мужчины: они направляли на мошкитов специальные устройства. Мошкиты решили, что это плохо сделанные тривизийные камеры. Камер было много, а лю-

дей еще больше. Зачем столько людей для такой примитивной задачи?

Наконец Фаулер перевел дух и посмотрел на пришельцев.

— Джентльмены из прессы, — буркнул он. — Мы постараемся, чтобы они не слишком вам надоедали. — Он поднял пергамент, демонстрируя имперскую печать, и передал развернутый свиток мошкитам.

– Они явно ждут ответа. Вот одно из «официальных» событий, о которых предупреждал Харди. Но как с ними общаться, я пока не представляю. Может, Джок попробует?

– Нет. Но что-то сказать нужно, — просвистела Джок.

– А что они говорили нам? — спросил Хозяин.

– Могу перевести, но их речи бессмысленны. Они приветствуют нас от имени императора, кажется, их Сверххозяина. А тот толстяк как раз и есть его Посредник.

– Ага. Наконец-то мы нашли кого-то из высшей касты. Скажите ему нечто в его стиле…

– Но что?

– Придумайте сами.

— Мы искренне признательны вашему императору! Мы верим, что первая встреча наших рас

станет судьбоносным событием, возможно, наиважнейшим в историях обеих цивилизаций. Нам бы хотелось начать торговлю, взаимовыгодную для мошкитов и для человечества.

– Вы говорите как Хорват.

– Разумеется. Это его слова. Он часто использовал их до того, как люди уничтожили свой корабль. Интересно, почему они все-таки так поступили?

– Нельзя спрашивать про корабль, пока мы не узнаем о людях больше.

Пауза затянулась. Мошкиты топтались на месте и тихонько чирикали между собой.

— Несомненно, вы устали в дороге, — произнес Меррилл, — и до парада захотите отдохнуть в своих апартаментах.

Мошкиты никак не прореагировали, Меррилл махнул рукой. Оркестр заиграл марш, и мошкитов повели к лифту.

— Мы избавим вас от прессы, — проворчал Фаулер.

Сенатор повернулся к репортерам и расплылся в улыбке. То же сделали остальные: теперь они стояли перед журналистами, осклабившись. Мошкиты тем временем уже скрылись во двор-

це.

Когда репортеры бросились за ними вдогонку, было уже поздно.

В апартаментах вроде бы не было камер слежения, а двери запирались изнутри. Мошкиты осматривали отведенные им покои: целую анфиладу комнат с высоченными потолками. Три спальни оказались меблированы специально для нужд чужаков (сбоку к ним примыкали три отдельные ванные комнаты, полностью оборудованные и с санузлами). Была в апартаментах и просторная кухня с холодильником, плитой и микроволновкой. Холодильник ломился от различных продуктов, в том числе и от провизии, привезенной мошкитами. В ящиках буфета аккуратно лежали столовые приборы и какое-то оборудование непонятного назначения.

В гостиной стояли полированные стол и стулья разного калибра — для людей и для мошкитов.

Мошкиты были потрясены.

– Экран тривизии! — воскликнула Джок.

Она ткнула пальцем в кнопку и замерла: на экране какой-то мужчина зачитывал императорское послание. По другим каналам либо передавали то же самое, либо очередной мужчина говорил о прибытии мошкитов, либо…

Джок отшатнулась. На экране появился здоровяк в балахоне. Он что-то возмущенно кричал.

— Дьяволы! Их нужно уничтожить! Божественные Легионы должны выступить против Легионов Ада!

Крикуна убрали, и появился другой мужчина, тоже в просторных одеждах, но он не кричал, а говорил спокойно.

— Вы слышали человека, который называет себя Его Голосом. От имени Церкви заверяю вас, что мошкиты не ангелы и не дьяволы, а просто разумные существа, во многом подобные нам. Если они и представляют угрозу для человечества, то вовсе не духовную, и слуг Его Величества вполне достаточно, чтобы справиться с ними.

— Кардинал Рэндольф, определила ли Церковь статус мошкитов? Их место в теологии?

— Пока нет. Но вряд ли их можно причислить к сверхъестественным созданиям.

Кардинал Рэндольф рассмеялся, и комментатор последовал его примеру. А здоровяк куда-то пропал.

– Выключите его, — заявил Хозяин. — Нам нужно подкрепиться.

Джок опять ткнула пальцев в кнопку. Экран

погас, и мошкиты уселись за столом. Чарли принесла зерно из их запасов провизии.

– Чувствуете, какой воздух? — чирикнула Джок. — Он чист! На планете наверняка почти нет людей! Здесь хватит места для миллиарда Хозяев со всеми подчиненными!

– Слишком яркий солнечный свет слепит нас, а гравитация укоротит наши жизни. — Чарли глубоко вздохнула. — Но тут и пища, и металл. Хотя гравитация и солнечный свет будут проклятием. Но в целом планета пригодна для жизни.

– Но разве мы можем отнять у них планету? — Джок покачала головой. — Они так гостеприимно встретили нас!

– Однако люди подводят меня к мыслям о Безумном Эдди! Вы видели? Слышали? Посредник императора питает отвращение к операторам тривизийных камер, но широко улыбается и одновременно оттесняет их в сторону! Зачем он ведет себя подобным образом?

– Зато нас показывают по тривизии, — произнес Хозяин.

– Понятно, что люди на нас смотрят! Вы заметили, что снаружи столпились представители многих Хозяев? — Джок фыркнула от удовольствия. — Скоро я разузнаю, как живут чужаки и

какова их социальная структура.

– Странно, что у нас есть доступ к источнику информации — я имею в виду тривизию, — который они так плохо контролируют, — добавил Хозяин. — Что это означает?

Посредники молчали.

– А если мы не добьемся успеха, нам не разрешат вернуться, — бесстрастно продолжал Иван. — Но нам было все известно еще до момента прибытия. А сейчас мы должны изучить обстановку и начать торговлю с людьми или расценить подобные сношения с ними как нежелательные и найти способ предотвратить их. И быстро.

Джок и Чарли кивнули. Посредники, предложившие поездку, и Хозяин, согласившийся на нее, знали, что время строго ограничено. Причин было две: жизненный цикл Посредников недолог, да и Хозяину предстояло умереть примерно в то же время. Гормональный дисбаланс, сделавший его бесплодным мужчиной, убивал Ивана. Но в качестве послов идеально подходили именно «мулы» и бесплодный Хранитель: Хозяева не доверяли никому, кроме Хранителей, которые не размножались и четко выполняли свои задачи.

Второе ограничение в сроках было не столь

предсказуемым, но оттого не менее жестким: цивилизация Мошки вновь была обречена. Завершался очередной Цикл, и, несмотря на попытки Безумных Эдди, ничто не могло предотвратить катастрофу. После коллапса людям предстояло узреть мошкитов, впавших в варварство: расу, которая будет почти или полностью беспомощна… что тогда сделают люди?

Никто не знал, и ни один Хозяин не хотел рисковать.

– Люди обещали обсудить возможность торговли. Я полагаю, с нами будет общаться какой-нибудь местный Посредник, а также, вероятно, мистер Бери или кто-то вроде него. — Джок встала со стула и осмотрела обшитые панелями стены.

Среди филиграни были спрятаны кнопки; она нажала одну из них. Панель скользнула в сторону, открыв второй тривизор, и Джок занялась им.

– Что еще обсуждать? — спросил Хозяин. — Нам нужны пища и земля — а потом пусть нас оставят в покое. Не забудьте, что мы должны скрывать свои потребности. Кроме идей, мы мало чем можем торговать — у нас нет полезных ископаемых. Если людям нужны товары длительного пользования, им придется поставлять

нам металл — вот тогда они получат в свое распоряжение совершенные машины.

Иван понимал, что любое выкачивание из Мошки ресурсов наверняка продлит последствия коллапса, — что было недопустимо.

— Флот продолжает хранить молчание по данному поводу, однако мы уже можем сказать, что у мошкитов есть технологии, превосходящие все, чем располагала Первая Империя, — испуганно тараторил комментатор на экране.

– Люди утратили большую часть того, что имели, — подытожила Джок. — Когда-то в эпоху, которую они называют Первой Империей, у них была удивительно производительная машина, превращавшая в пищу любые отбросы. Ей требовались только энергия и биомасса: мусор, трава, даже умершие животные и люди. Яды удалялись или перерабатывались.

– Вам известны принципы ее работы? Имела ли она широкое распространение? Почему ее теперь нет у людей? — спросил Хозяин.

– К сожалению, у меня мало информации. Никто из людей не рассказывал мне о машине подробно.

– Но я кое-что слышала, только не про машину,

а про самих чужаков! — пискнула Чарли. — Рядовой по имени Дубчек пытался скрыть очевидный факт, что у людей тоже есть Циклы!

– Мы знаем про Циклы, — заявил Иван. — Они парадоксальны и неравномерны.

– Я слышала предсмертные речи гардемаринов! Из них можно было многое почерпнуть! Людей почему-то пугает могущество Первой Империи и не слишком восхищают их прежние цивилизации. Странно, да? Возможно, тривизия позволит нам разобраться в вопросе.

– Может, у людей сохранились чертежи той пищевой машины? — пробормотал Иван.

– Да. Если бы у нас был Коричневый, мы бы справились… Хорошо бы найти сведущих людей…

– Доставьте мне радость перед сном, — перебила ее Чарли, — перестаньте мечтать о Коричневых.

– Увы! Когда я лежу на неудобной койке, сижу на неудобном стуле, мысли мои почему-то обращаются именно к Коричневым!

– Но судьба любого Коричневого неизбежна. Двум Коричневым нужно непрерывно размножаться, а если это невозможно, они скоропостижно умирают. И хватит о Коричневых.

– Хорошо. А ведь пищевая машина могла бы от-

срочить новый Цикл на половину от ста сорока четырех лет!

– Узнайте все, что только можно, — распорядился Иван. — А теперь давайте отдохнем и переделаем кровати, которые нам приготовили.

Переполненная трибуна располагалась перед дворцовыми воротами. Насколько могли видеть мошкиты со своего места в первом ряду, вдоль дороги в обе стороны тянулись и другие временные сооружения. Вокруг них сновали люди.

Иван сохранял невозмутимость. Цель происходящего была непонятна, но люди пытались соблюсти приличия. Когда мошкиты покинули апартаменты, их сопровождали мужчины с оружием, но они не разглядывали мошкитов — они непрерывно следили за окружавшей их толпой. Сами десантники не произвели особого впечатления на мошкитов (в схватке с Воинами они были бы не лучше Мясных) — но, по крайней мере, местные Хозяева позаботились о телохранителях. Они старались проявить вежливость.

Посредники щебетали. Иван внимательно слушал. Беседы Посредников всегда были интересны и познавательны.

Джок:

– Сверххозяева распоряжаются на этой плане-

те и на двенадцати других планетах. И они часто спорят. Почему?

Чарли:

– У меня есть теория, связанная со структурой их общества и понятием «уважение». Видите, как они подходят к своим местам: вице-король Мерилл помогает Салли подняться по ступеням. Одни титулы в разговорах опускаются, другие всегда проговариваются вслух, а дикторы произносят все почетные регалии. «Джентльмены из прессы», похоже, вообще не имеют статуса, но те, кого они останавливают, выражают удовольствие. Хотя им запрещено ходить туда, куда им хочется, их не наказывают за попытки прорваться.

Джок:

– И какие же можно сделать выводы?

Иван:

– Да, какие?

– Пока у меня есть только вопросы, — прочирикала Чарли.

Иван:

– Тогда позвольте мне сделать свои наблюдения.

Джок перешла на современный язык троянских астероидов:

– Что вы видите?

Чарли на том же языке ответила:

– Сложную сеть обязанностей и пирамиду власти. Нет никого полностью независимого, но с приближением к вершине власть усиливается. Впрочем, ее редко используют полностью. Есть цепочки обязанностей, которые тянутся во всех направлениях: вверх, вниз, в стороны — совершенно чуждым для нас образом. Так или иначе, но все люди работают друг для друга. Вице-король Меррилл подчиняется приказам сверху и имеет четкие обязанности по отношению к нижним уровням. Коричневые, Фермеры, Воины и Рабочие требуют и получают периодические отчеты о деятельности своих Хозяев.

Джок изумилась:

– Как сложно! Надо поподробнее узнать, предсказуемо ли поведение людей!

Чарли:

– Кроме того, структура меняется. В ней есть позиция, называемая «формальность»... Смотрите... столкновение!

Джок:

– Да! Какой-то детеныш пробежал перед машиной. А люди в машине потрясены, может, даже пострадали. Автомобиль резко затормозил.

Какие прерогативы могут быть у женщины?

Джок:

– Если детеныша уводят родители, значит, он — будущий прото-Инженер. Но пока он не вырос, он является обычным детенышем женского пола. Машина Хозяина остановилась, чтобы избежать столкновения, однако ущерб был нанесен именно Хозяину. Теперь я понимаю, почему их финч'клик сходят с ума.

Трибуна заполнилась под завязку, и Харди вернулся к мошкитам. Чарли спросила:

— Не могли бы вы еще раз объяснить, что здесь все-таки происходит?

Харди погрузился в размышления. Любой ребенок знал, что такое парад, но никто и не думал объяснять это детям — их просто брали туда. А детям нравятся подобные шумные мероприятия — там всегда может случиться столько удивительного и интересного! Взрослые же… взрослые — другое дело.

— Мимо нас промаршируют колонны мужчин, — наконец, произнес он. — Некоторые будут играть на музыкальных инструментах. Затем проедут автомобили с платформами, на которых будут продемонстрированы ремесленные изделия, образцы сельскохозяйственной продукции

и произведения искусства. Потом опять промаршируют одинаково одетые мужчины.

— А с какой целью?

Харди рассмеялся.

— Чтобы оказать честь вам и друг другу. Показать свое умение. — *А может, и свою мощь…* — Мы устраиваем парады с незапамятных времен, и нет никаких причин отказываться от них.

— То есть мы присутствуем на одной из официальных церемоний, о которых вы говорили?

— Да, но парад является и своего рода развлечением для людей. — Харди благосклонно улыбнулся своим подопечным. Те выглядели прелестно — густой пестрый мех и выпуклые черные очки на ремешках: у мошкитов не было носов, чтобы удерживать обычные очки. Темные выпуклости придавали чужакам весьма торжественный вид.

Харди оглянулся на возню позади. Свои места занимали представители Адмиралтейства. Харди узнал адмирала Кутузова и адмирала флота Кранстона.

Мошкиты защебетали: их голоса делались то выше, то ниже, руки так и мелькали в воздухе…

– Вот он! Хозяин «Ленина»! — Джок вскочила и возбужденно застрекотала.

Чарли изучала поведение людей, когда те продвигались по трибуне. Кто кому уступает? Каким образом? Люди в строгой униформе реагировали предсказуемо, а сам покрой их одеяний определял их статус. Блейн когда-то носил примерно такую же униформу, и пока это продолжалось, хозяйничал на своем корабле. Теперь Блейн щеголял в совершенно другом костюме, и — надо же! — само поведение Блейна изменилось. Даже Кутузов поклонился ему.

Чарли тоже пристально наблюдала за людьми.

– Вы правы. Но с Блейном надо быть начеку, — тихо сказала она.

– Уверены, что это Блейн? — требовательно спросил Иван.

– Да! Он тот, кого я изучала так долго, но на расстоянии — исключительно по поведению тех, кто исполнял его приказы. Взгляните на широкую нашивку на его рукаве и на круглый символ планеты на груди!.. А какое уважение ему оказывают космодесантники «Ленина»... конечно, это он! Иначе и быть не может! — верещала Джок.

– Перестаньте. Сядьте, наконец.

– Нет! Мы должны знать, каков этот тип людей! Блейн относится к представителям класса,

который командует военными кораблями. Но его одежда… она стала другой! Почему?

– Отвернитесь.

– Вы Хозяин, но вы не мой Хозяин.

– Повинуйтесь, — велел Иван. Он не умел спорить.

Зато Чарли умела. Пока Джок дергалась, пытаясь разрешить внутреннее противоречие, Чарли перешла на древний, полузабытый язык — не столько для того, чтобы скрыть смысл слов, сколько желая напомнить Джок, что в обществе людей надо быть поосторожней.

– Будь у нас много Посредников, можно было бы рискнуть, но если вы сейчас сойдете с ума, то политикой придется заниматься нам: Ивану и мне. Опомнитесь!

– Но опасность, угрожающая нашему миру…

– Подумайте о своих сестрах. Кстати, Посредник Салли Фаулер собирается убедить Хозяев, что, если они попытаются ограничить свою плодовитость, мы сможем наладить взаимовыгодное сотрудничество. Но Посредник Горация Бери…

– Нам надо узнать…

– Послушайте! Бери отправил письма самым могущественным Хозяевам, предлагая им свои

услуги и указывая на ценность информации, которой он располагает. Посредник Джонатона Уитбрида предала своего Хозяина и убила собственного финч'клик! — Чарли покосилась на Ивана.

Хозяин наблюдал за ними, но не должен был ничего понимать.

Чарли перешла на обычный язык:

– Посредник капитана, лорда Родерика Блейна, превратилась в Безумного Эдди. Вы при этом присутствовали. Посредник Гэвина Поттера — Безумный Эдди. Посредник Синклера полезна для общества, но тоже безумна.

– Верно, — неожиданно подал голос Иван. — Мы возложили на нее ответственность за создание защитного поля, подобного тому, какое есть у людей. Она работает с Коричневыми и с толком использует инструменты. Но со своим Хозяином и сестрами-Посредниками она говорит так, словно ее теменные доли повреждены.

Иван сел прямо, глядя вперед.

Чарли продолжала:

– Только Посредник Хорста Стейли осталась нормальной по всем меркам. Вы не должны отождествлять себя ни с одним человеком.

Джок снова перешла на современный троян-

ский:

– Но что же мне делать? Может, стать финч'клик Ивана?

– Вы не должны становиться ничьими финч'клик, — тотчас заявил Иван.

Чарли молча покачала головой.

«О чем бы они ни совещались между собой, — подумал Харди, — я рад, что это кончилось». Разговор мошкитов длился меньше минуты, но был слишком эмоциональным и напряженным. Дэвид в этом не сомневался, хотя научился только дюжине простейших фраз на каком-то из мошкитских языков. Вообще-то он лишь недавно понял, что этих языков несколько.

— Сюда идут вице-король и члены Комиссии, — произнес Харди. — И оркестры двинулись. Парад начался.

Роду показалось, что каждый дворцовый камень завибрировал от этого звука. Сотни барабанщиков дружно маршировали под барабанную дробь. Их сменил духовой оркестр. Когда грянул старинный марш времен СоВладения, зрители оживились.

Мужчина, возглавляющий парад, поднял жезл, и оркестр зашагал обратно, а гости на трибуне

вежливо зааплодировали. Вскинутые жезлы девушек — те тоже участвовали в шествии — завертелись в воздухе.

— Посол спрашивает, Воины ли это? — крикнула Чарли.

Род едва не расхохотался, но вовремя спохватился и взял себя в руки.

— Нет. Перед вами прошел оркестр Высшей школы Джона Мюира — как раз самая младшая группа. Возможно, некоторые из этих ребят в будущем станут десантниками, а остальные будут фермерами или инженерами.

— Спасибо! — прощебетала Джок.

«Мы отлично справились, да и воины у нас тоже есть», — подумал Род. Устраивая празднество, которое обещало собрать максимальную в истории Империи тривизийную аудиторию, Меррилл не собирался упускать случай показать на мгновение и бронированный кулак. Пусть потенциальные мятежники подумают дважды. Тем не менее устроители повели себя мудро: юные девушки с жезлами и цветами радовали взоры зрителей, но космодесантники и простые рядовые, которые принимали участие в параде, тоже получили свою порцию аплодисментов.

А параду, казалось, не было конца. Каждый про-

винциальный барон хотел пустить пыль в глаза, каждая гильдия, корпорация, город, школа, ложа — все хотели прошествовать перед трибуной с мошкитами. В итоге сенатор Фаулер разрешил участвовать в параде всем желающим.

За оркестром школы Джона Мюира проследовал полубатальон войск Союза Горцев — в килтах, с барабанами и завывающими волынками. Дикая музыка действовала Роду на нервы, но он старался сдерживаться: хотя Союз располагался по другую сторону Угольного Мешка, горцы были на Новой Шотландии весьма популярны. В общем, их встретили громовыми аплодисментами.

Горцы, вооруженные мечами и пиками, были в почти метровых киверах на медвежьем меху. Яркие пледы накрывали их плечи. Они имели репутацию отчаянных воинов, но сейчас выглядели вполне мирно. Род знал, что ни одна из инопланетных армий не хотела бы иметь с ними дело, когда они снимут парадные украшения и облачатся в боевое обмундирование.

— Это войска? — прокричала Чарли, повернувшись к Роду.

— Да. Часть церемониальной гвардии вице-короля Меррилла! — громко ответил Род. Пока разноцветный отряд вышагивал мимо трибуны,

Род стоял по стойке «смирно» и чуть было не поднял в приветствии руку. Потом опомнился и снял шляпу.

Вскоре проехала украшенная цветами платформа барона Новой Ирландии и вереница автомобилей гильдии ремесленников, прошли и другие войска, на сей раз — фридлендерцы. Они маршировали неуклюже, поскольку служили в артиллерии и не привыкли к строевому шагу, зато в их распоряжении были смертоносные машины, разящие наповал. Очередное напоминание провинциям о боевой мощи Империи Его Величества пригодилось и теперь.

— А как мошкиты воспринимают парад? — осведомился Меррилл, посматривая на сенатора.

— Трудно сказать, — пожал плечами Фаулер.

— Важнее, как все воспримут провинции, — произнес Армстронг. — Парад значительно ценнее визита линейного крейсера. И гораздо дешевле.

— Дешевле для правительства, — фыркнул Меррилл. — Мне даже думать неприятно, во сколько обошлось торжество. К счастью, содержимое моего кошелька осталось в неприкосновенности.

— Род, вы свободны, — заметил сенатор Фаулер. — Харди извинится за вас перед мошки-

тами.

— Спасибо, — сказал Род и скользнул в сторону.

А парад продолжался.

— Никогда в жизни не слышала столько барабанов! — воскликнула Салли.

— Глупости, Салли! А как же день рождения Его Величества? — напомнил ей сенатор.

— Да, но такого размаха еще никогда не было!

— Что за день рождения? — переспросила Джок, обернувшись к Салли.

Когда Салли взялась объяснить Джок смысл подобных патриотических мероприятий, мимо трибуны во всем своем гэльском великолепии двинулась сотня трубачей. Род Блейн уже их не видел — он покинул торжество.

50
Искусство ведения переговоров

Группа людей шла в полном молчании. Атмосфера была напряженной. Враждебность Горовица, который уводил их все глубже под землю, была заметна невооруженным глазом.

«Я самый компетентный ксенолог в Трансугольном секторе, — думал он. — Им бы пришлось лететь на Спарту, чтобы найти кого-нибудь лучше, но этот чертов молодой лорд и его дурно воспитанная леди сомневаются в моем профессиональном мнении. Почему я должен терпеть такое отношение!»

Горовиц понимал, что ему надо смириться. Ректор университета лично побеседовал с ним накануне.

— Ради бога, Зигги, не спорьте с ними! Комиссия имеет огромное влияние! Они могут урезать весь наш бюджет, не говоря уже о вашем отделе! Мы полностью зависим от них! Вдруг они скажут, что мы не хотим сотрудничать, и запросят помощи со Спарты?

Ладно, по крайней мере теперь юные аристо-

краты знают, что он ценный сотрудник и его время дорого стоит. Пока они шли к лаборатории, он повторил им это дюжину раз.

Лаборатория находилась глубоко под землей — в самой старой части университета, и они ступали по холодным каменным плитам, источенным временем. Сам Мёрчисон бывал здесь — и это чистая правда! Университетская легенда гласила, что тут порой можно увидеть его призрак, который бродит по переходам: фигура в капюшоне с одним-единственным горящим красным глазом.

Но почему парочка аристократов насела на Горовица? Почему нахальная девица по имени Салли настолько взбудоражена?

Лаборатория оказалась высечена в скале. Горовиц махнул рукой, и его ассистенты подбежали к морозильному контейнеру. Спустя мгновение оттуда выскользнул длинный стол.

На гладком белом пластике лежало вскрытое тело пилота зонда Безумного Эдди. Внутренности чужака представляли собой мешанину самых невероятных форм и расцветок. Посредник напоминал человека, подорвавшегося на гранате.

Род почувствовал, как его желудок судорожно сжался.

Он содрогнулся, когда Салли нетерпеливо наклонилась к чужаку. Ее лицо приняло мрачное выражение.

— Ну что? — торжествующе спросил Горовиц. Костлявый палец ученого ткнул в болотно-зеленые, размером с земляной орех утолщения в брюшной полости мошкита. — Здесь наверняка находятся яички! У прочих разновидностей мошкитов тоже есть внутренние яички.

— Да, — согласилась Салли.

— Этого мало? — с презрением произнес Горовиц.

— Нам не хватает информации, — призналась Салли. — У статуэток отсутствуют репродуктивные органы. А мелкие мошкиты, которых препарировали биологи еще на «Макартуре», оказались малышами. На борту, правда, еще некоторое время жила взрослая особь — из Коричневых… а ведь есть еще и Белые, и Пестрые…

— Я видел малышей, — самодовольно сказал Горовиц.

— Яички у мелких особей были достаточно велики, — откликнулась Салли.

— Гораздо больше, чем у погибшего пилота, да? Впрочем, неважно. В этих не может созревать сперма — что я недавно и доказал! Наш пилот

являлся мулом, — Горовиц хлопнул в ладоши. — Мулом!

Салли огорченно смотрела на вскрытого мошкита. Род наблюдал за своей невестой.

— Мошкиты стартовали мужчинами, затем превращались в женщин, — шептала Салли. — Может, он был незрелый?

— Пилот?

— Да, конечно, — Салли вздохнула. — Вероятно, вы правы. Он ростом со взрослого Посредника. Может, это причуды природы?

— Ха! Вы смеялись надо *мной*, когда я сделал предположение о мутации. Но все гораздо сложнее. Пока вы совершали увеселительную поездку, мы работали не покладая рук. Я изучил его хромосомы, также я сумел выделить геном, отвечающий за половое созревание. Итак, наш пилот оказался бесплодным гибридом: отпрыском двух разных типов мошкитов, которые, естественно, могли размножаться.

— Верно. Сами мошкиты говорили Реннеру, что Посредники — гибриды, — произнес Род.

— Взгляните, — потребовал Горовиц.

Он включил компьютер и принялся нажимать на кнопки. По экрану поплыли изображения. Хромосомы мошкита походили на плотно упа-

кованные диски, соединенные в столбики. На дисках виднелись какие-то ленты… и тут Салли с Горовицем заговорили на языке, которого Род не понимал. Он рассеянно слушал их, пока не заметил, что девушка-ассистентка варит кофе. Она любезно предложила Роду чашку, второй ассистент — юноша — присоединился к ним, а потом Рода опять заставили рассказывать о мошкитах.

Через полчаса они покинули лабораторию. Самонадеянный Горовиц говорил очень убедительно, но Салли осталась недовольна.

— Почему вы так расстроились, дорогая? — спросил Род. — Горовиц прав. Посредники — это мулы.

Род скривился. Он вспомнил слова Горовица о том, что Посредники-мулы не должны проявлять склонность к семейственности.

— Однако моя финч'клик утверждала, что… В общем, мы затронули тему секса и воспроизводства, и она сказала…

— Что?

— Сейчас, Род, я сохранила, — Салли вытащила из кармана портативный компьютер и принялась нажимать на кнопки.

Устройство загудело, после чего тональность изменилась, сообщая, что для связи с дворцовым

банком данных необходимо использовать более мощный радиоприемник автомобиля.

— Где же это… — забормотала Салли раздраженно. — Я сделала много перекрестных ссылок…

— Не волнуйтесь попусту, Салли. Кстати, после обеда у нас будет встреча с мошкитами. Почему бы вам не задать им все интересующие вопросы?

Салли усмехнулась.

— А вы покраснели.

Салли хихикнула.

— Помните, как мелкие мошкиты впервые совокуплялись? Это был явный намек на отношения полов у взрослых особей, и я *помчалась* вниз, в кают-компанию! Доктор Хорват до сих пор считает меня сексуальной маньячкой!

— Хотите, чтобы спросил я?

— Если я впаду в ступор. Но, Род, моя финч'клик не лгала! Она просто не *могла* так поступить.

После обеда Род распорядился подать кофе с коньяком. Сделав глоток, он задумчиво произнес:

— Вместе с этим кофе пришло послание…

— От мистера Бери? Вы виделись с ним, Род?

— Я только поблагодарил его. Военно-космический флот по-прежнему не отпускает своего почетного гостя, так что я был немногословен. Но я сразу понял, что сам кофе является посланием.

Дело в том, что Бери, пожалуй, мог рассылать такие «сообщения» еще до того, как «Ленин» приблизился к орбите Новой Шотландии.

Салли вытаращила глаза

— А почему мы не догадались?

— Мы возились с мошкитами. И всякий раз, как я задумывался об этом, я гнал досужие мысли прочь. Вопрос вот в чем, Салли: сколько подобных посланий Бери уже успел отправить во все концы Галактики… и зачем ему нужно, чтобы я знал об этом?

Салли поджала губы.

— Я лучше буду анализировать действия чужаков, чем ломать голову над намерениями мистера Бери. Он не простой человек.

— Верно. И он не глупец, — Род встал. — Нам пора, дорогая.

Они вошли в лифт, который должен был доставить их на этаж, где располагались апартаменты мошкитов. Встреча предполагалась рабочая. Сенатор Фаулер был занят текущими политическими делами, поэтому Род и Салли могли расспрашивать чужаков обо всем без лишних свидетелей (отец Харди и Реннер, присутствующие на рандеву, были не в счет).

— Я рада, что вы выбрали в советники мистера

Реннера, — сказала Салли, посмотрев на Рода. — У него несколько иная точка зрения на мошкитов.

— Вот именно.

Род привлек к сотрудничеству и других членов экспедиции: отца Харди, Синклера и еще десяток ученых. Впрочем, доктора Хорвата они задействовать не смогли — сенатор Фаулер возражал против его просьбы стать членом Комиссии. Хорват, конечно, затаил обиду, но оказался бессилен.

Десантники, щелкнув каблуками, стали по стойке «смирно», когда к двери подошли Род и Салли.

— Вы слишком встревожены, Салли, — произнес Род, ответив на приветствие. — Может, мошкиты жалуются на охрану?

— Джок говорила мне, что Послу *нравится* охрана, — ответила Салли. — Полагаю, он побаивается нас.

Род пожал плечами.

— Они смотрят слишком много тривизийных передач. Бог знает, что они думают о человеческой расе.

Род и Салли очутились в гостиной в момент оживленного диалога.

— Я и не рассчитывал на такое, — говорил отец

Харди, — но был приятно удивлен, обнаружив нечто конкретное: Священное Писание, религию вроде нашей… Поразительно, правда?

— Но есть и другие проблемы, — чирикнула Чарли. — К примеру, вопрос о душе. Если бы передо мной стояла задача доказать, что у людей есть душа, я бы не знала, с чего начать!

Харди пожал плечами.

— Я тоже. Но вернемся к вашим верованиям. Итак, мошкиты полагают, что они обладают бессмертной душой.

— Одни действительно так считают, а другие — нет, — ответила Чарли. — Большинство Хозяев верит в это. Подобно людям, мошкиты не считают, что их жизнь вечна. Хотя, с другой стороны, кое-кого из Хозяев очень привлекает теория о бессмертной душе. Здравствуйте, Салли! Здравствуйте, Род! Садитесь, пожалуйста.

— Спасибо, — Род кивнул, здороваясь с Джок и Иваном.

Развалившийся на краю своего ложа посол смахивал на сюрреалистического ангорского кота. Хозяин легонько хлопнул правой нижней рукой — жест, который, насколько успел понять Род, означал что-то вроде «Я вижу вас». Несомненно, в арсенале Ивана имелись и другие приветствия,

но они предназначались соплеменникам (в особенности Хозяевам), а не чужакам, с которыми обсуждают дела низшие Посредники.

Род включил карманный компьютер, чтобы ознакомиться с повесткой дня. Итак, следовало обсудить два официальных пункта и коснуться весьма щепетильного вопроса, который сформулировал сенатор (Фаулер хотел получить развернутый ответ, но предупредил Рода, что тот должен проявить дипломатичность). Вопрос звучал так: почему мошкиты не интересуются пропавшим зондом Безумного Эдди?

Род тоже хотел получить ответ — не меньше, чем сенатор Фаулер. Однако он предпочел бы, чтобы мошкиты задавали этот вопрос сами и немного попозже — когда он будет готов объяснить, что сделал с зондом.

— Прежде чем мы начнем, я бы хотел сказать следующее, — неуверенно начал Род. — Дело в том, что Министерство торговли просит вас сегодня вечером прибыть на прием. Его устраивают бароны и представители нашего Парламента.

Мошкиты защебетали.

— Благодарим за честь, — церемонно ответила Джок.

— Прекрасно. А теперь давайте вернемся к об-

суждению насущных проблем. Людей интересует, представляете ли вы угрозу для Империи и как скажутся ваши технологии на нашей экономике.

— Странно! — произнесла Джок. — Но те же вопросы волнуют и нас! Мы часто думаем, опасны ли *вы* для мошкитов?

— И пока мы не можем решить ни один из них, — заметила Салли.

— Тогда отложим до поры вопросы об угрозе, ибо, пока мы не узнаем, что нам продадут наши друзья, экономисты не смогут предсказать, как это скажется на нас, — рассудительно сказал отец Харди. — И у мошкитов наверняка те же трудности.

— В чем я не уверен, — буркнул Реннер. — Знаете, Салли, похоже, мы много говорим и мало делаем.

— Тогда приступим, наконец, — произнес Род и посмотрел на монитор компьютера. — Первый вопрос — сверхпроводники. Наши физики счастливы, но представители экономического сектора требуют данных о стоимости, — Род коснулся экрана, на котором высветились пресловутые экономические вопросы.

— Вы мулы? — внезапно спросила Салли.

Воцарилась тишина. Харди сощурился, но боль-

ше ничем не выдал себя. Реннер выгнул левую бровь. Затем Харди, Реннер и Род уставились на Салли, после чего перевели взгляд на мошкитов.

— Вы имели в виду Посредников? — уточнила Джок. — Да. Конечно.

Снова пауза.

— Все вы? — брякнул Реннер.

— Да. Мы гибридные виды. Похоже, вы удивлены. Салли, почему вы так обеспокоены? Посредники появились позже, чем остальные виды в нашей цепочке, а различные сообщества эволюционируют так же, как и отдельные индивиды. Так происходит и у людей, да?

Харди кивнул.

— И не только. Это встречается и у неразумных форм жизни.

— Благодарю. Мы полагаем, что племена выживали с Посредниками лучше, чем без них. Мы никогда не видели Посредника, способного к размножению, но если бы такая особь появилась, она стала бы действовать в интересах своих отпрысков, а не племени, — мошкита пожала плечами. — Хотя зачем рассуждать о том, чего нет? Наша история достаточно сложная. Мне бы хотелось иметь детей, но я понимаю, что… — мошкита вздохнула. — И все-таки жаль. Половой

акт — вот главное наслаждение! Нам это известно. Мы глубоко сопереживаем это… с Хозяевами.

И вновь воцарилась тишина. Харди откашлялся.

— Салли, полагаю, вы должны спросить кое-что еще.

«Уныние здесь — хоть ножом режь, — подумал Род. — Почему нас так угнетает положение Посредников?»

— По сравнению с вашими видами наши — короткоживущие. Нас троих выбрали за опыт и интеллект, а не за молодость. Нам осталось меньше десяти лет…

– *Что!* — ужаснулась Салли. — Не может быть!

— Увы, я бы не стала затрагивать столь болезненную тему, но мы решили быть откровенны с вами. Ваши парады и всякие официальные приемы больше расстраивают нас, чем радуют. Мы очень заинтригованы и хотим понять, ради чего вы устраиваете подобные торжества. Однако сперва мы обязаны установить с вами выгодные торговые и дипломатические отношения, и у нас определенный лимит времени!

— Да, — сказала Салли. — Меньше десяти лет!

Джок взмахнула руками.

— В среднем Посредники живут двадцать пять

лет, порой чуть больше или меньше. У вас, вероятно, есть собственные трудности, — в голосе чужой появилась нотка мрачного удовлетворения. — Например, войны, терзающие вас из-за недостатка Посредников.

Мошкита посмотрела на ошарашенных людей.

— Я расстроила вас. К сожалению, должна была это сказать. Позвольте, мы продолжим встречу завтра. — Мошкита издала высокий чистый звук, и Чарли с Иваном проследовали за ней в соседнюю комнату.

Дверь за ними мягко закрылась.

Пока они направлялись к рабочему кабинету Ивана, Чарли разговаривала с Хозяином.

Войдя, она затворила за собой дверь и огляделась по сторонам. Хотя мошкиты не сомневались, что здесь нет камер слежения и подслушивающих устройств, они пока еще не могли расслабиться в чуждой обстановке. Тем не менее они, как всегда, проявили осторожность — все-таки они находились на чужой планете.

Поза Хозяина означала: требую объяснений.

– Не было времени для консультации! — воскликнула Джок. — Я заговорила сразу, прежде чем они осознали важность вопроса.

– Вы ответили «да», — рявкнул Иван. — А долж-

ны были заявить «нет». Или «может быть». Или «одни — да, другие — нет»...

Чарли:

– Вы должны были сказать им, что у нас не обсуждают подобные вещи. Вам известно, что люди не любят открыто говорить о вопросах пола.

– Но говорят, если есть желание, — запротестовала Джок. — А следующая их просьба может звучать так: позвольте, чтобы вас осмотрели наши ксенологи. Мы уже имели дело с их медиками, как бы мы могли отказаться теперь?

Иван:

– Их ксенологи ничего бы не обнаружили! Мужчина может потерпеть фиаско со своей спермой, но вы — женщины!..

Чарли выразила в пантомиме ритуальную печаль.

– Обстоятельства вынуждают меня возразить, Хозяин. Их первые осмотры проводились без четкой цели. Можно ли ручаться, что сейчас люди проявят меньшую дотошность? Вдруг они догадаются, что мы страдаем от гормонального дисбаланса? — Руки Чарли двигались — она извинялась за то, что напомнила Хозяину о его бесплодии. — Того же дисбаланса, какой они

обнаружили у мошкиты-шахтера! Дисбаланса, которого не было, когда они встретили ее, но который возник перед ее гибелью на борту «Макартура»!

Остальные задумались, а Чарли безжалостно продолжила:

– Они не глупы и могут хорошо увязать гормональные нарушения с половым воздержанием. Что они узнали о Часовщиках? А возможность изучать их у них имелась: шахтер захватила Часовщиков на борт.

– Проклятие! — выругался Иван. — Может, они держали Часовщиков раздельно?

Оба Посредника заверещали.

– Сейчас Джок повела себя правильно, — сказала Чарли, немного успокоившись. — А если вернуться в прошлое… полагаю, что люди сразу забрали тело, которое обнаружили на борту зонда Безумного Эдди. Пилот наверняка был один и обязательно — молодой. У этого Посредника впереди была целая жизнь, но он не смог даже поприветствовать чужаков…

– Нет, Посредник должен был умереть! — встряла Джок. — А как же иначе? И хорошо, что люди ничего не узнали от него. К сожалению, мы не владеем всем объемом информации. У нас так

мало записей...

Если бы у нас были записи... Если бы у нас был Коричневый... Если бы чужаки объяснили нам, куда они дели зонд... Если бы они объяснили, почему уничтожили «Макартур»...

– Прекратите молоть чепуху! Вы должны все выяснить у людей, — приказал Иван. — Как вы считаете, они провели вскрытие пилота? — добавил он.

Чарли:

– Наверняка! Их ученые-биологи — весьма осведомленные личности. Они рассуждают о генной инженерии, а у нас нет о ней сведений ни в одном музее, и вряд ли мы добьемся успеха в этой области в нынешнем Цикле. Полагаю, их ксенобиологи быстро поймут, что пилот был стерилен. Финч'клик Реннера сболтнула ему, что Посредники — гибриды.

– Безумный Эдди... уже тогда, — проворчал Иван. — А теперь она постоянно спорит со своим Хозяином. — Он задумчиво помолчал и посмотрел на Джок: — Да, вы поступили правильно. Они в любом случае обнаружили бы, что мы бесплодны. Главное, чтобы они не поняли, насколько это важно. Но меня беспокоит другое. Что, если чужаки, в конце концов, поймут, что финч'клик

лгали им?

Наступила тишина, которую нарушила Джок.

– Финч'клик Салли говорила с ней о сексе, но разговор велся на борту корабля. У нас нет записей, только косвенные свидетельства.

– Переданные Безумным Эдди, — резюмировал Иван.

– Я сделала все возможное, чтобы отвлечь их, — пискнула Джок.

– Но успешно ли?

– Да. Это было видно по их лицам.

Иван не слишком хорошо разбирался в физиогномистике, но знал, что вокруг глаз и рта людей имелись мышцы, с помощью которых выражались чувства (мошкиты для данной цели пользовались руками). Читать по лицам умели Посредники.

– Продолжайте.

– Уважение к половому акту замедлило течение их мыслей. Далее их озадачил тот факт, что наша продолжительность жизни имеет четкие сроки. Теперь долгоживущие чужаки будут жалеть нас.

– Верно, — подтвердила Чарли.

– Они будут ужасаться тому, что перед нами стоит столько преград! Они даже захотят со-

здать для нас лекарство.

Иван повернулся к Джок.

– Вы верите, что они способны на такое?

– Хозяин, разве я Безумный Эдди?

Иван присмирел…

– Внимательно изучите вопрос. Обсудите все в мельчайших деталях и будьте внимательны. На борту посольского корабля, встретившего «Макартур», оказалось два Инженера?

Джок:

– Да.

– А сколько было детей-Посредников, когда они вернулись?

– У меня четыре сестры.

– Проклятие! — Иван хотел сказать что-то еще, но сдержался: столь бурная реакция навсегда лишила бы его верности Джок и могла шокировать бывалую Чарли.

Иван потряс головой. Значит, Посредники отождествляют себя с Хозяевами и перенимают отношение Хозяев к детям!

Бесплодный с ранних лет, Иван отличался невосприимчивостью по отношению к родственным связям. Он знал: своих отпрысков мошкитам следовало выбрасывать в открытый космос.

51
После бала

— Нет смысла здесь сидеть, — заметил Реннер.

— Да, — согласился Род и направился в офис Комиссии, который находился во дворце. Салли молча последовала за ним.

— Келли, принесите нам чего-нибудь выпить, — сказал Род, когда они сели за стол. — Мне — двойную порцию.

— Да, милорд. — Келли изумленно посмотрел на Рода. Неужто леди Салли доставляет ему неприятности? И уже до свадьбы!

— Двадцать пять лет! — воскликнула Салли, и в голосе ее звучали горечь и гнев. — Двадцать пять лет? — повторила она, обращаясь к отцу Харди и ожидая, что он объяснит ей смысл Вселенной, в которой столько несправедливости.

— Возможно, эту цену они платят за большую, чем у людей, сообразительность, — произнес Реннер. — Тяжело.

— Это компенсация, — отозвался Харди. — Их техническая подкованность и их любовь к жизни поразительны. Они говорят очень быстро и, веро-

ятно, думают — тоже. Мошкиты многое успевают за свою недолгую жизнь.

Воцарилась тишина. Вернулся Келли с подносом. Он поставил стаканы и вышел, всем своим видом выражая неодобрение.

Реннер покосился на Рода. Тот сидел в позе «Мыслителя» древнего скульптора Родена: локоть на подлокотнике кресла, подбородок подперт сжатым кулаком, лицо серьезно. Кевин поднял бокал.

— Сидим как на поминках, — проворчал он.

Никто не ответил. Род оставил свой бокал нетронутым. «Человек может получить удовольствие от жизни, даже если ему отпущено всего четверть века, — подумал он. — Интересно, сколько лет жили люди в доатомное время? Но с другой стороны, такое существование не могло быть полноценным. Мне уже стукнуло двадцать пять, а я еще не обзавелся семьей, не жил с женщиной, которую люблю, и не начал политическую карьеру…»

Он посмотрел на Салли: она встала и принялась расхаживать по комнате. О чем она размышляет? Пытается решить проблему мошкитов? Но разве это в наших силах?

— Мы в тупике, — пробормотал Реннер и снова

поднес бокал к губам. — Если Посредников не огорчает, что они короткоживущие мулы, то почему мы… — Он осекся на полуслове. — Мулы? А дети-Посредники на посольском корабле… детеныши двух Коричневых и скрывающегося Белого…

Все взоры обратились на него. Салли прекратила расхаживать и плюхнулась на стул.

— Когда мы вернулись на Мошку-1, у них было четверо детей, — сказала она.

— Да, — подтвердил Харди, взбалтывая коньяк в своем бокале. — У них высокий темп рождаемости.

— Но у них было мало времени! — возразила Салли.

— Скажите, Харди, что вы думаете об этическом аспекте? — спросил Реннер. — Допустим, вы собираетесь вступить в контакт с загадочными пришельцами. Вы находитесь в хрупком, как игрушка, космическом кораблике. Вы безоружны, а вас со всех сторон окружают дети инопланетян!

— Понял, — перебил его Дэвид Харди. — Возможно…

Ему помешал удар кулака по столу. Даже двух кулаков. Воскликнув: «Мамочка!», Салли схватила стилус и принялась что-то черкать на экране

портативного компьютера.

Устройство загудело.

— Мы ждали корабль, чтобы высадиться на планету! Я уверена, что поняла все правильно. Я просто не могла ошибиться.

Харди удивленно взглянул на Салли. Реннер вопросительно посмотрел на Рода. Тот пожал плечами и повернулся к девушке.

— Ее мошкита никогда не говорила ей, что они мулы, — объяснил он остальным.

Компьютер продолжал гудеть. Салли кивнула и нажала несколько кнопок. На экране появилась картинка: Салли Фаулер беседовала с Пестрым.

Девушка сделала звук погромче.

Мошкита:

— Точно. Вы выходите замуж, чтобы растить детей. А если кто-то растит детей вне брака?

— Да. Сейчас это своего рода благотворительность.

— И *вы* никогда…

Салли:

— Конечно, нет!

Настоящая Салли покраснела, но оставалась мрачной.

Мошкита:

— Как «нет»? Я имею в виду не *почему*, а *с какой*

целью?

— Я не хочу усложнять свою жизнь. И у нас… в общем, мужчина и женщина вступают в половую связь, чтобы зачать ребенка, — так же, как и у вас. Я вас вполне достаточно изучила, не так ли?

— Видимо, недостаточно, — прокомментировал Харди.

— Видимо, нет, — сказала Салли. — Тс-с…

Мошкита:

— Да. Но вернемся к вам. Если вы не замужем, то не должны соглашаться на близость?

— Верно. Конечно, есть таблетки, которые женщина будет принимать, если любит мужчину, но не хочет последствий.

— Таблетки? Как они действуют? Гормонально?

— Да.

Мошкита:

— Но настоящие женщины не пользуются ими?

— Нет.

Мошкита:

— А когда вы выйдете замуж?

Салли:

— Когда найду подходящего мужчину. Возможно, уже нашла.

Кто-то хихикнул. Салли оглянулась и увидела, что Род блаженно беспечен, Харди мягко улыбается, а Реннер смеется. Она гневно уставилась на штурмана, но тот наотрез отказался превращаться в облако черного дыма.

Мошкита:

— Тогда почему вы не выходите за него замуж?

Салли:

— Не хочу прыгать в никуда. Я могу выйти замуж в любой момент. В ближайшие пять лет. Если за это время я не найду мужа, то стану старой девой.

Мошкита:

— Старой девой?

Салли:

— Женщиной, которая считает брак ненужным. А если мошкита не хочет детей?

Мошкита:

— У нас нет половых отношений.

Послышались какие-то щелчки, и экран погас.

— Вот-вот, — буркнула Салли и процитировала: — «У нас нет половых отношений». И нет никакой альтернативы.

— В самом деле? — спросил Дэвид Харди. — Подобное заявление вместе с нашим вопросом вводит в заблуждение!

— Она говорила неохотно, — заявила Салли. — И запутала меня окончательно.

— А я всегда понимал свою мошкиту правильно, — гордо произнес Реннер. — И вообще у нас было полное взаимопонимание.

— Перестаньте!

— В тот день мы отправились на Мошку-1. Вы были знакомы уже несколько месяцев, — продолжал Реннер. — Что скажете, отец Харди?

— Мне нечего сказать.

— А вы, Салли?

— На что вы намекаете, мистер Реннер? Прекратите! — рассердилась Салли.

Род приготовился к неизбежному: к ледяному холоду или взрыву. А может, и к тому и к другому.

— Я не намекаю, Салли, — возразил Реннер с внезапной решимостью. — Я говорю прямо. Ваша мошкита лгала вам. Сознательно и обдуманно.

— Ерунда. Она просто была в замешательстве!

Харди едва заметно покачал головой. Салли посмотрела священнику в глаза.

— Я могу вспомнить только один случай, когда мошкита пришла в замешательство, — проговорил Дэвид. — В музее. Они тогда повели себя совершенно одинаково. Наверное, наши расспро-

сы их озадачили. А ваша мошкита вас провела, Салли. Боюсь, что Кевин прав.

— Но зачем? — настаивала Салли. — Зачем моей… моей почти сестре… понадобилось лгать мне?

Все молчали. Салли удовлетворенно кивнула. Она не могла огрызаться на отца Харди из уважения не столько к его занятию, сколько к нему самому. На Реннера данные ограничения не распространялись.

— Дайте мне знать, когда найдете ответ на этот вопрос, мистер Реннер.

— Разумеется, — выражение лица Реннера превратилось в маску.

Харди заметил, что таким же иногда выглядел и сам Бакман.

«Мистер Бери узнал бы эту мину немедленно», — подумал Харди.

Штурман почти не слушал женщину.

Они при первой возможности покинули бальный зал. Оркестр наяривал очередной вальс, а мошкитов представляли бесконечной веренице гостей — провинциальным баронам, парламентским лидерам, торговцам, людям со связями в дипломатическом корпусе и множеству пробравшихся сюда без приглашения.

Каждому хотелось поглазеть на мошкитов.

Пока они брели по пустынным коридорам дворца к своим апартаментам, Род держал Салли под руку. Звуки музыки стали приглушенными и вскоре стихли совсем.

— Они живут так мало, а мы тратим их время на мишуру! — возмущалась Салли. — Род, как все-таки непорядочно с нашей стороны!

— Они — послы, дорогая. Какая им польза от контрактов и деловых переговоров, если ни их, ни нас не поддержит баронство? Нам нельзя расслабляться, Салли, даже если нас поддерживает Его Величество. Надо проявлять осторожность в политических играх. Мошкиты — в таком же положении, как и мы.

— Вероятно, — Салли прижалась к его плечу и остановилась, глядя в окно.

Угольный Мешок уже поднялся над горизонтом и, казалось, разглядывал их обоих. Во дворе слышался плеск фонтана.

Салли и Род замерли.

— Я люблю вас, — прошептала Салли. — Как вы меня терпите?

— Это совсем нетрудно. — Он наклонился, чтобы поцеловать ее, но, не встретив отклика, выпрямился.

— Род, я в ужасном положении. Как бы мне извиниться перед Кевином?

— Перед *Кевином?* Вы шутите! Разве Реннер хоть перед кем-нибудь извинялся? Просто забудьте об этом. Когда в следующий раз встретите его, заговорите с ним так, как будто ничего не случилось.

— Но он *прав,* Род!

Он увлек Салли за собой. Их шаги эхом разносились по коридору. Даже в тусклом свете каменные стены переливались радужными красками. Угольный Мешок продолжал пылать, поглядывая на людей с высоты.

Наконец, Род и Салли добрались до подножия лестницы.

— Я тоже заподозрил, что кое-что неладно, когда читал доклады и просматривал записи разговоров со *своей* мошкитой. Сегодня днем я кое-что проверил. Да, они лгали.

— Но для чего, Род?

Следующий лестничный марш они прошли в молчании.

— Вам не понравится ответ, — произнес Род после паузы. — Она была Посредником, а Посредники представляют Хозяев. Ей приказали обманывать нас.

— Но почему? Зачем они скрывали, что они мулы?

— Надеюсь узнать. — «Или уже знаю, — подумал он. — Но не стоит говорить этого Салли, пока нет полной уверенности». — Не принимай ничего близко к сердцу, дорогая. Кроме того, мы тоже лгали им.

Они остановились у двери его апартаментов, и Род приложил ладонь к идентификатору. Дверь скользнула в сторону, явив им Келли в расстегнутом кителе, развалившегося в кресле. Десантник тотчас вскочил.

— Боже, Келли! Я же говорил вам, что вы свободны! Отправляйтесь к себе!

— Важное сообщение, милорд! Скоро прибудет сенатор Фаулер. Он просил вас дождаться его и хотел удостовериться в том, что вам это передали.

— Да, — скривился Род. — Передали. Спасибо.

— Я буду на подхвате.

— Незачем. Нет смысла еще и вам не спать всю ночь. Ступайте. — Род смотрел десантнику вслед.

Салли громко расхохоталась.

— Не вижу ничего смешного! — буркнул Род.

— Он защищал мою репутацию, — произнесла Салли. — Что, если бы вы не получили сообщения и дядя Бен пришел сюда, а мы…

— Верно. Хотите выпить?

— В ожидании дяди Бена, который может нагрянуть в любую минуту? Нет, спасибо, я тоже отправляюсь к себе. — Она улыбнулась. — Не засиживайтесь.

— Салли, — он обнял ее за плечи и поцеловал — раз, другой, — я могу сделать так, что он не войдет…

— Спокойной ночи, Род.

Он смотрел на нее, пока она не скрылась в своих апартаментах.

Затем Род вздохнул и направился в гостиную — прямо к барной стойке. Вечер получился долгий, нудный, и единственной мыслью было уйти с приема пораньше и отдохнуть.

— Черт! — выругался Род и залпом выпил содержимое до краев наполненного бокала. — Будь оно все проклято!

Сенатор Фаулер и озабоченный Кевин Реннер появились после того, как Род налил себе вторую порцию спиртного.

— Простите за поздний визит, Род, — произнес Фаулер непринужденным тоном. — Кевин сказал, что сегодня произошло нечто интересное!

— Да? И предложил встретиться? — Когда

Бенджамин Фаулер кивнул, Род повернулся к штурману: — Я вам это припомню! Вы…

— У нас нет времени резвиться, — перебил его Фаулер. — Есть еще виски?

— Да, — Род налил им обоим, залпом выпил свою порцию и плеснул себе снова. — Садитесь, Бен. Вы тоже, мистер Реннер. Побудьте с нами.

— С удовольствием, — откликнулся Реннер. Поглощенный какими-то мыслями, он опустился в кресло и изумленно улыбнулся. Никогда еще он не сидел в массажном кресле, и это ему явно нравилось.

— Отлично, — проговорил сенатор Фаулер. — Расскажите-ка, что вы обо все этом думаете?

— Давайте я сначала покажу вам запись.

Род вытащил из кармана портативный компьютер и повернул его к стене, которая тут же преобразовалась в огромный экран. Качество изображения оставляло желать лучшего — запись делали камерой, скрытой в булавке для галстука, и поле обзора было невелико. Зато звук оказался великолепным.

Фаулер внимательно просмотрел запись.

— Ну-ка еще раз, — попросил он.

Род нажал на кнопку. Пока Фаулер и Реннер просматривали запись вторично, Род подошел к

барной стойке и задумался, не выпить ли еще, но потом решил повременить с алкоголем.

— А теперь объясните, почему вы решили, что все так адски важно, — потребовал Фаулер.

— Вот первое доказательство того, что они лгали. Кстати, что еще они могут скрывать?

— Наверняка они о многом умалчивали, — согласился Фаулер. — Значит, они нас обманывали?

— Да, — тихо вымолвил Род. — Во всяком случае, они темнят. И еще надо учитывать непонимание обеих сторон. У нас накопилось много записей разговоров, в которых мошкиты что-то невнятно лопочут, а затем наблюдают за нашими реакциями и сами себя поправляют. Так что мошкита Салли действовала совершенно сознательно.

— Значит, у Посредников не бывает детей… Ну и что с того? — спросил Фаулер.

— А то, что у двух Коричневых и Белого появилось четверо детей, — выпалил Реннер. — На маленьком кораблике, где было полным-полно мошкитов. В экстремальных условиях.

— Верно. — Бен Фаулер встал, одернул пиджак и поправил воротник рубашки — ткань оказалась застиранной и старательно заштопанной в трех

местах. — Род, а что думают мошкиты о своих детях? Может, они считают их никем, пока те не научатся разговаривать?

— Что за ерунда! — воскликнул Реннер.

— Чтобы вежливо не согласиться с сенатором, — произнес Род, — нужно сказать: «Это не совсем так».

Реннер вспылил.

— Как мило! Короче говоря, сенатор ошибается. Но мошкиты думают о своих детках! Мошкиты утверждают, что у них есть религия, допускающая возможность перерождения. В общем, души их предков переходят в новорожденных потомков… как-то так… Да, мошкиты практически поклоняются малышам!

— Угу, — Фаулер протянул Роду бокал, чтобы ему налили еще, и нахмурился. — Может, им настолько нравится сам процесс, что они делают детей при любой возможности?

— Может быть, — согласился Род. — Но отсюда вытекает угроза…

— Именно! — пробасил Фаулер. — Получается, что их планета *перенаселена* и мошкиты должны постоянно сталкиваться с сопутствующими проблемами, о которых мы даже не догадываемся!

— Вероятно, они способны контролировать

рождаемость, — заметил Род. — Иначе они очень скоро до отказа забили бы всю систему.

— А что нам известно об истории мошкитов? — спросил Фаулер.

— Не много, — ответил Реннер. — Но их цивилизация очень и очень древняя. Уже десять тысяч лет назад они собирали астероиды в группы. Боюсь даже думать о том, какова их история. — Кевин поерзал в кресле, чтобы получить полное удовольствие от массажа. — У мошкитов было полно времени, чтобы решить проблему народонаселения. Иначе они бы наводнили всю систему со времени запуска зонда Безумного Эдди до сегодняшнего дня! Однако ничего подобного не случилось! Следовательно, они умеют контролировать рождаемость.

— Но, похоже, не слишком этого хотят, — заметил Бен. — Предположим, что к нам в гости прилетит сотня мошкитов. Интересно, сколько месяцев или недель понадобится, чтобы они превзошли нас численно? — сенатор Фаулер задумчиво потирал пятно на рубашке. — Возможно, они пытаются скрыть высокие темпы рождаемости и нежелание решать вопрос кардинальным образом. — Он резко поднялся. Задумчивости как не бывало. — Род, привлеките ваших людей! Надо

разузнать побольше о корнях мошкитов.

— Да, сэр, — невесело ответил Род.

— Вы говорите как обвинитель на процессе об убийстве! — воскликнул Реннер. — Боже правый, сенатор, у них *долгая* история! И они пытаются контролировать процесс.

— Отлично. Но как? — фыркнул Фаулер.

— Спросите у них, — пожал плечами Реннер.

— Последую вашему совету. Кстати, думаю, что наши отношения с мошкитами могут осложниться: ведь они лгали нам как отъявленные политиканы, — подытожил Фаулер. — Ладно, за дело. Я хочу иметь на руках все козыри, прежде чем говорить с мошкитами.

– Для обеих сторон открываются просто невероятные возможности для взаимовыгодной торговли, — прочирикала Джок и всплеснула всеми руками. — Но люди неописуемо бестолково используют свои ресурсы. У них нет чутья, и они неумело обращаются со сложными механизмами.

– Неужели? — спросил Иван.

– Да. — Джок указала на экран. — Вдобавок они тратят много времени на обучение молодежи и даже транслируют образовательные программы с помощью тривизора.

– У них есть время учиться, — возразила Чарли. — Они живут дольше любого Хозяина.

– Да, но проявляют расточительность! У них нет Коричневых и нет Часовщиков.

– Вы уверены, что у них нет Часовщиков? — перебил Иван.

– Мы не заметили нигде никаких следов местных Часовщиков. У людей нет индивидуально изготовленных личных вещей.

– А вот и нет. Охранники, которых приставили к нам на «Ленине», носили такую обувь.

– Переделанную нашими Часовщиками.

– Верно, — сказал Иван. — Теперь ясно, почему они уничтожили «Макартур». И почему боятся нас.

Посредники возбужденно затараторили. Иван снова оборвал их:

– Вы согласны? — спросил он тоном, не терпящим возражений.

– Да! — ответили они хором.

Затем Чарли торопливо заговорила, опередив Джок:

– Шахтер из Коричневых, которую люди взяли на борт, должно быть, захватила с собой пару Часовщиков. А потом они сбежали. Люди столь легкомысленны и дали им время адаптировать-

ся!

– Однако чужаки упоминали, что у них есть свои Часовщики, — произнес Иван.

Джок на мгновение замерла, после чего прощебетала:

– Нет. Вероятно, Салли ввела нас в заблуждение. Когда ее финч'клик предположила, что Часовщики людей, должно быть, крупнее, Салли согласилась.

– И гардемарины казались испуганными, когда мы спрашивали о конструкции их спасательных шлюпок, — добавила Чарли.

Наступила тишина.

– Они сообразили, что у нас есть плодовитые подвиды, — наконец проговорил Иван.

– Они боятся, что мы сознательно пытались уничтожить «Макартур», — запричитала Чарли. — Но мы могли бы предупредить их об опасности, и людям нечего было бы бояться! Ну почему им попалась Коричневая мошкита? Почему?

– Они утверждали, что на «Макартуре» возникла угроза эпидемии, — буркнула Джок. — Так и было, хотя сперва мы не поверили чужакам. Но чума Часовщиков — это была реальность… Однако если люди решили, что мы устроили с по-

мощью Часовщиков диверсию на корабле, почему они отмалчивались? Почему не попросили нас о поддержке?

– Они скрывали свою уязвимость, — отозвалась Чарли. — Кроме того, чужаки никогда не признают поражения. Даже в свои последние предсмертные минуты гардемарины отказывались сдаться.

Снова воцарилась тишина, которую нарушил Иван:

– Итак, люди не хотели, чтобы мы знали о размножившихся Часовщиках на «Макартуре» и намеревались сами расправиться с ними. На мой взгляд, люди чересчур самоуверенны и многое скрывают от нас. Какие странные создания!

– Да! — воскликнула Чарли. — Но Часовщики, получившие время для адаптации, способны уничтожить любой корабль! Они способствуют коллапсу! Не будь они такими полезными, пришлось бы их истребить на корню.

– Уже пробовали, — тихо сказала Джок. — У нас ничего не получилось. Какой-нибудь Хозяин прятал их…

– Вернемся к вопросу о чужаках, — заявил Иван. — Они боятся нас. Но это иногда меня удивляет…

– Знаете, что люди называют «вымыслом»? — произнесла Чарли. — Сознательно созданные легенды. И те, кто слушает, и те, кто рассказывает, понимают, что это неправда.

Иван и Джок закивали.

– Вчера вечером передавали тривизийное шоу-вымысел под названием «Иштван умирает». Ее ведущий говорил так убедительно, словно в основе истории лежали реальные события, — продолжала Чарли.

– Я ее не смотрела, — встряла Джок. — Вице-король Меррилл хотел, чтобы перед приемом для баронов я встретилась с торговцами. Но бесконечные формальности совершенно бесполезны и не приносят никакого толка!

– Между прочим, главный актер в том шоу определенно изображал адмирала Кутузова, — добавила Чарли.

Джок замахала руками, сожалея об упущенной возможности.

– Вы поняли суть? — полюбопытствовал Иван.

– Да. Адмиралу приказывали делать то, что он явно не желал делать. Началась война… Она шла между теми, кто подчиняется Империи, и людьми, обитающими на внешних границах… в общем, мятежниками.

– Нельзя ли нам договориться с мятежниками? — спросила Джок.

– Как? — спросил Иван. — Нас строго контролируют. Если люди что-то заподозрят, они постараются нам помешать. Нечего и думать о таких вещах. Но расскажите мне об этом шоу поподробнее.

– В ту войну на одной планете вспыхнуло восстание. Другие планеты тоже могли взбунтоваться со дня на день. Случись так, маленькая война переросла бы в очень большую и охватила бы всю систему. Адмирал придумал, как избежать катастрофы, и решил, что должен выполнить свой долг. В его распоряжении было пять кораблей, похожих на «Ленин», и он уничтожил все живое на планете, населенной десятью миллионами людей.

Чарли замолчала.

– Они способны на такое? — спросил Иван.

– Я верю, что да, — ответила Чарли. — Я — не из Коричневых и не испытываю сомнений, но…

– Обдумайте увиденное. И не забывайте, что чужаки нас боятся. Помните: им известно, что у нас есть плодовитые виды, и будьте осторожны, если вам на пути попадется Кутузов. Он крайне опасен для нас. Судьбы ваших Хозяев находятся

в ваших руках.

Иван направился в свою спальню, а Посредники заговорили — быстро, но еле слышно.

52
Право выбора

По небу Новой Шотландии плыли тяжелые тучи. Потом они разошлись, позволив ярким лучам Новой Каледонии согреть зал для собраний, облицованный деревянными панелями. На мгновение, пока окна не поляризовались, светлая мебель в помещении словно полыхнула огнем.

Сад был укрыт тенями, но яркие солнечные лучи уже озаряли узкие улочки. Толпы людей в килтах сновали взад и вперед, чиновники сектора торопились домой к семьям, выпивке и тривизии.

Род Блейн уныло уставился в окно. Внизу хорошенькая секретарша, выскочив из дворца, заспешила к автобусу и едва не сбила с ног старшего клерка.

«Бежит на свидание, — подумал Род. — А у клерка наверняка есть семья… и у тех парней — тоже. А я несу перед ними ответственность. Но это может оказаться чертовски скверно для мошкитов».

За его спиной послышался шум.

— Вы договорились о том, чем кормить мошкитов? — спрашивал Келли.

— Да, сэр, — ответил стюард. — Шеф хотел сварганить нечто особенное из той ерунды, которую они едят… знаете — пряности, зерна… но потом вывалил мясо и крупу в котел и все вскипятил.

— Он продемонстрирует свое кулинарное мастерство в другой раз. Членам Комиссии не нужно подавать сегодня ничего сверхъестественного. Просто надо их накормить до отвала, если они того пожелают, — Келли покосился на чудо-кофейник, желая убедиться, что тот полон, затем посмотрел на соседний пустой поднос. — А где шоколад? — воскликнул он.

— Несут, мистер Келли, — оправдывался стюард.

— Сервируйте все до прихода мошкитов! А они появятся здесь уже очень скоро. — Келли взглянул на настенные часы. — Ладно, вроде бы все… И пусть шоколад будет самым лучшим!

Впервые попробовав на борту «Ленина» горячий шоколад, мошкиты пристрастились к нему. Это был один из немногих людских напитков, который пришелся им по вкусу. Но как они его пили! Келли содрогнулся. Конечно, на борту корабля они сами добавляли в шоколад сливочное

масло — но капля *машинного* масла в каждую чашку?!

— А для нас все готово, Келли? — спросил Род.

— Да, милорд, — заверил Келли.

Он занял место у барной стойки и нажал кнопку: сигнал, что конференцию можно начинать.

«Что-то беспокоит босса, — решил он, — но дело не в его невесте. Слава богу, у меня нет его проблем».

Дверь распахнулась, и в зал вошли члены Комиссии в сопровождении нескольких ученых Хорвата. Они заняли места за инкрустированным столом и положили перед собой карманные компьютеры. Раздалось мягкое гудение: участники совещания начали проверять соединение с системой головного дворцового компьютера.

Хорват и сенатор Фаулер вошли, не прекращая спора.

— Доктор, нужно время, чтобы обработать данные!

— Почему? — возмущался Хорват. — Ведь Спарта вас не проверяет!

— Значит, именно *мне* и нужно некоторое время, — раздраженно бросил Фаулер. — И тогда я точно буду знать, что могу сделать для вас — к следующему дню рождения. Вы подняли шум

еще до отправления экспедиции к Мошке. Но, доктор, я не уверен, что ваш пылкий нрав уместен в должности… — Он замолчал, заметив, что присутствующие навострили уши. — Договорим позже.

— Хорошо, — буркнул Хорват и направился к стулу. Сев напротив Бена, он что-то зашептал ученым: похоже, министр науки отдавал последние указания своим людям.

В зале появились и остальные участники совещания — Кевин Реннер и капеллан Харди, оба в мундирах флота. За ними показался секретарь в сопровождении стюардов, после чего возникла некоторая суматоха — Келли начал раздачу кофе.

Заняв свое место, Род нахмурился, но сразу же улыбнулся: он заметил торопливо входящую Салли.

— Простите за опоздание, — произнесла она, тяжело дыша.

— Ничего страшного, садитесь, — сказал Род, показывая на стул рядом с собой.

— А что вообще происходит? — спросила Салли. В поведении Рода было что-то тревожившее ее, и она внимательно приглядывалась к Блейну. — Почему дядя Бен заинтересовался историей

Мошки? Что случилось вчера вечером?

— Сейчас поймете.

«Надеюсь, что мы поступаем правильно, дорогая, но сам я в этом сомневаюсь. Что нас ожидает? — подумал Род и мрачно посмотрел на присутствующих. — А как поживает моя финч'клик? Как она себя чувствует? Было бы здорово послать к ней представителя и...»

— Позвольте начать, — отрывисто сказал сенатор Фаулер. — Заседание Чрезвычайной комиссии, представляющей Его Императорское Величество перед жителями системы Мошки, объявляется открытым. Пожалуйста, напечатайте ваши имена и организации, которые вы представляете. — Тишину, установившуюся после его слов, нарушало мягкое гудение компьютерных соединений.

— Нам многое предстоит сделать, — продолжал сенатор. — Прошлой ночью стало известно, что мошкиты лгали нам в некоторых ключевых вопросах...

— Не более, чем мы им! — рявкнул доктор Хорват.

«Нужно лучше держать себя в руках, — осадил он себя. — Цель должна быть достигнута, но если сенатор по-настоящему разозлится, то криками

его не проймешь».

– *Они* действительно обманывали нас, док, — произнес Фаулер. Он стиснул зубы, и Роду на мгновение показалось, что вокруг сенатора сгустилась некая сила. Коренастый пожилой человек в мешковатой одежде исчез, теперь говорил премьер-министр. — Довожу до общего сведения: мне нравятся неофициальные беседы. Если вам есть что сказать, валяйте, но сначала дайте мне закончить. — Он коротко, холодно улыбнулся. — Можете перебивать кого-нибудь другого, если достаточно влиятельны. Итак, доктор Хорват, что же мошкиты скрывают от нас?

Энтони Хорват нервно пригладил редеющие волосы.

— Я в недоумении, сенатор. До сегодняшнего утра мне и в голову не приходило, что мошкиты способны на такое. — Хорват посмотрел на отца Харди, но тот ничего не сказал.

— Это стало сюрпризом для всех нас, — продолжил Фаулер. — Кроме того, мы получили сведения, что мошкиты размножаются с чудовищной быстротой. Вопрос в том, сможем ли мы запретить им увеличивать свою численность, если они того не захотят? Род, допускаете ли вы, что мошкиты могли скрывать от нас, к примеру,

какое-либо мощное оружие?

Род пожал плечами.

— Бен, они могли спрятать все, что угодно.

— Но они не воинственны, — запротестовал Хорват. — Сенатор, безопасность Империи интересует меня не меньше, чем всех присутствующих! Уверяю вас, что, как министр сектора, я серьезно отношусь к своему долгу ученого и чиновника.

«Вы говорите так не для нас, а для протокола, — подумал Келли. — Капитал Блейн это понимает, он тоже не дурак. Но почему босс на взводе? Он прямо готов ринуться в бой».

— У нас нет никаких доказательств военной активности мошкитов, — заявил Хорват.

— Не совсем, — вставил Реннер. — Док, мошкиты нравятся и мне, но откуда-то взялись Посредники, улаживающие всяческие разногласия.

— Конечно, — спокойно произнес Хорват. — В древности мошкиты наверняка сражались как львы. Вполне подходящая аналогия. Территориальный инстинкт сохранился до сих пор, взять хотя бы их архитектуру или социальное устройство. Но сражения отошли вглубь времен.

— Насколько давно это было? — уточнил сенатор Фаулер.

Хорват смутился.

— Возможно, миллион лет назад.

В воздухе повисла пауза. Салли печально покачала головой. Тесниться в одной крошечной системе миллион лет! Боже мой! Каким терпением надо обладать!

— И ни одной войны в течение столь длительного срока? — осведомился Фаулер.

— Разумеется, у них были войны, — ответил Хорват. — Я знаю, по крайней мере, о двух серьезных конфликтах, схожих с теми, которые произошли на Земле еще перед созданием СоВладения. Но сейчас мошкиты изменились! — Хорват повысил голос: люди за столом встрепенулись и принялись перешептываться.

— Даже одной из войн хватило, чтобы сделать Землю почти необитаемой, — проговорил сенатор Фаулер. — Давно это было? Тоже миллион лет назад?

— Сотни или тысячи лет назад, — пробурчал Хорват.

— Вероятно, тысячи, — добавил отец Харди. — Или меньше. Салли, вы ведь пересмотрели данные? Что вы скажете о тех артефактах, которые вы обнаружили в ходе раскопок на Мошке? Каков возраст примитивной цивилизации мошкитов?

Салли не ответила.

— Вношу поправку для протокола, — проговорил сенатор Фаулер. — Отец Харди, вы присутствуете здесь как член Комиссии?

— Нет, сэр. Кардинал Рэндольф просил меня представлять в Комиссии Церковь.

— Благодарю.

И снова наступила тишина.

— Им было некуда деваться, — выпалил Энтони Хорват, поеживишись. Кто-то хихикнул, но Хорват продолжал, не обращая ни на кого внимания: — Естественно, их первые войны имели место быть около миллиона лет назад. Это можно высчитать. Доктор Горовиц изучил анатомию мошкитов и… впрочем, расскажите сами, Зигмунд.

Горовиц торжествующе улыбнулся.

— Изучая пилота зонда, я подумал, что это, вероятно, мутация. И не ошибся. Однако первичные органические формы жизни Мошки-1 были двусторонне симметричны, как на Земле и почти повсюду. Первые несимметричные мошкиты явились результатом резкой мутации. Почему они не вымерли? Я думаю, потому что прилагались сознательные старания добиться несимметричности. Да и все остальное тоже мутировало. Борьба за существование была не

слишком напряженной.

— Значит, уже тогда была развитая цивилизация, — добавила Салли.

Улыбка Горовица стала шире.

— А как насчет Глаза? — допытывалась Салли. — Став сверхгигантом, он наверняка облучал систему Мошки!

— А вот это уже дело прошлое, — отмахнулся Хорват. — Мы проверили. В конце концов, данные с наших исследовательских кораблей — эквивалент пятисотлетних наблюдений за Глазом и подтверждаются информацией, полученной гардемарином Поттером от мошкитов. Глаз был сверхгигантом шесть миллионов лет назад, и мы не можем ручаться за то, что происходило в такой древности.

— Но что тогда явилось причиной мутации? — спросила Салли.

— Войны, — объявил Горовиц. — Общее повышение уровня радиоактивности на планете… и размножение с направленным генетическим отбором.

Салли неохотно кивнула.

— Хорошо, у них были ядерные войны. Как и у нас. Если бы СоВладение не изобрело движитель Олдерсона, земляне бы самоуничтожились. —

Впрочем, ее не удовлетворил ответ ученого. Салли было тяжело это принять. — А не было на Мошке другого доминантного вида, который уничтожил себя, а мошкиты развились позднее?

— Нет, — отрезал Хорват. — Вспомните, леди Салли: вы сами показали нам, как хорошо руки мошкитов приспособлены к использованию различных инструментов. Пользующиеся инструментами могли запустить мутацию или контролировать ее. А может, и то и другое.

— Таким образом, именно война и сделала мошкитов теми, кем они являются сейчас, — вымолвил сенатор. — Но вы говорили о двух.

— Да, сэр, — печально согласился Хорват. — И мошкиты снова применили ядерное оружие. Позднее начался новый виток развития, который разделил на касты и цивилизованные виды, и так называемых животных. И промежуточные, вроде Часовщиков. — Хорват виновато покосился на Блейна, но лицо Рода ничего не выражало.

Зигмунд Горовиц откашлялся. Он явно наслаждался происходящим.

— Я думаю, что Коричневые были первичным видом. Когда Белые стали доминировать, они вывели другие подвиды, чтобы использовать их. Контроль над эволюцией налицо. Но некоторые

виды изменились самостоятельно.

— То есть несимметричные животные — не предки мошкитов? — полюбопытствовал сенатор Фаулер.

— Это дегенеративные виды. — Горовиц потер руки и коснулся карманного компьютера. — Могу показать вам схему генного механизма.

— Не утруждайте себя! — быстро сказал сенатор. — Итак, две войны. Предположим, Посредники появились после второй.

— Лучше считать, что войн было три, — перебил Реннер. — Даже если допустить, что во время второй обошлось без радиоактивного заражения.

— Почему? — жестко спросила Салли.

— Вы видели планету и приспособленность мошкитов к нахождению в открытом космосе, — сказал Реннер, выжидательно глядя на Хорвата и Горовица.

Горовиц рассмеялся.

— Вновь ваша же работа, леди Салли! Мошкиты приспособлены к космосу так хорошо, что вам захотелось узнать, не развиваются ли они там. Так и было. — Ксенобиолог прищурился. — Но не раньше, чем прошла длительная эволюция на самой планете. Хотите, мы представим доказательства?

Механизмы адаптации к низкому давлению и невесомости, интуитивная навигация!

— Я верю вам, — тихо произнесла Салли.

— Марс! — воскликнул Род Блейн. Все посмотрели на него. — Марс. Именно об этом вы думали, Кевин?

Реннер кивнул. В нем боролись противоречивые чувства: мысль рвалась вперед, но сам Реннер явно хотел сдержаться.

— Да, — наконец сказал он. — Там, конечно, была война, и не простая, а с применением тяжелой артиллерии в виде астероидов. Достаточно взглянуть на поверхность Мошки-1, пестрящую перекрывающимися круговыми кратерами. Мошкиты едва не уничтожили свою планету. Это так испугало уцелевших, что они собрали все астероиды в одно место, чтобы исключить возможность их использования в подобных целях.

— Мошкиты понесли огромные потери, но жизнь продолжалась, — добавил Горовиц. — Поэтому спустя некоторое время количество мошкитов-мутантов, приспособленных к нахождению в открытом космосе, увеличилось. В общем, с населением все было в порядке.

— Седая древность, — пробормотал Хорват. — Астероидные кратеры холодны, а орбиты остав-

шихся астероидов постоянны. С тех пор утекло много воды.

Но Хорвата не слишком порадовали его собственные выводы. «Плохо дело, — подумал Род. — Но должно же быть еще какое-то объяснение».

— И они еще могли сражаться с теми, кто затаился на астероидах, — продолжал Хорват. — Если бы захотели. Это бы потребовало изрядного количества энергии со стороны противников, но пока астероиды находились в пределах системы, ими можно было управлять. У нас нет доказательств ведения современных войн, и их поиски ничего не дадут. Когда-то мошкиты сражались между собой, а затем вывели касту Посредников, чтобы прекратить войны. Это сработало. Сейчас они покончили с войнами.

— Может, да, а может, и нет, — буркнул сенатор Фаулер.

— Они были гостеприимны с *нами*, — настаивал Хорват.

— Но мошкита-шахтер запустила на линейный крейсер «домовых», — напомнил Фаулер. — Ладно, избавьте меня от объяснений. И еще гардемарины… я слышал много историй на данный счет. Факт остается фактом, док: если мошкиты воюют

друг с другом, они могут найти себе союзников и среди наших мятежников. Они способны даже *поддержат*ь восставших, что нам совершенно ни к чему! Кроме того, меня тревожит кое-что еще. Есть у них планетарное правительство?

Последовало долгое молчание.

— Салли? — спросил сенатор. — Это твоя область.

— У них есть что-то вроде юрисдикции. Хозяин или группа Хозяев захватывают юрисдикцию над чем-либо, а остальные их поддерживают.

Бен Фаулер нахмурился.

— Да мы и гражданским не позволяем бродить по Вселенной, пока у них нет планетарного правительства! А что, если какая-нибудь колония мошкитов взбунтуется или объединится против нас? — Сенатор сурово оглядел сидевших за столом. — Эй, не смотрите на меня так, словно я хочу застрелить Санта-Клауса! Я собираюсь торговать с чужаками, но не позволю никому забыть о Первой директиве Империи!

— Нам нужно время! — запротестовал Хорват. — Нельзя принимать решение с кондачка!

— Но времени нет, — тихо произнес Род. — Вы должны понимать сложность ситуации, док, ведь вы сами помогли создать ее. Каждая заинтере-

сованная группа людей в этом секторе требует немедленных действий. — Род ежедневно получал воззвания Лиги Человечества и был уверен, что информацией ее снабжал сам министр Хорват.

— Вас беспокоят высокие темпы их рождаемости, — сказал Хорват. — Но вы же понимаете, что они *должны* уметь контролировать процесс. Иначе они бы столько не протянули!

— А если они попросту не хотят сокращать свою численность? — возразил Фаулер. — Можно ли их *заставить*? Род, ваш командор Каргилл пытался оценить такую возможность?

— Он только перепроверил первичные расчеты, сенатор. Но выводы оказались неутешительны.

— Значит, нам нужно надавить на мошкитов. Думаю, потребуется провести операцию с участием нашей флотилии… это при их нынешних ресурсах! Какие же проблемы мы оставим нашим внукам, если позволим мошкитам основать колонии?

— Нельзя мешать им выбраться оттуда! — запротестовал Хорват. — Капи… лорд Блейн тщательно изучил данный вопрос! Мошкиты обязательно разберутся с принципами работы поля Лэнгстона и покинут границы своей систе-

мы. Прежде чем это случится, *нужно* обязательно установить с ними дружеские отношения. Давайте заключим дюжину выгодных контрактов и будем решать проблемы по мере их возникновения. Мы же разумные создания.

— У вас нет других идей? — спросил Фаулер.

— Нет, сэр. Лига Человечества, имперские торговцы сразу бы со мной согласились.

— Но не все представители Лиги, — перебил Род. — Даже местный совет торговцев отмежевался. Кое-кто явно не намерен сотрудничать с мошкитами.

— Потому что технология мошкитов может уничтожить нашу промышленность, — сказал Хорват, пожав плечами. — Но мы в состоянии преодолеть трудности! Сенатор, мошкиты неизбежно создадут нечто такое, что позволит им вырваться на свободу. Необходимо опередить их и привязать к Империи, чтобы наши интересы стали взаимными.

— То есть ввести Мошку-1 в состав Империи и действовать с чужаками, — пробурчал Фаулер. — Я думал об этом накануне. Если они не желают контролировать численность своего населения, мы, пожалуй, можем им помочь…

— Они на многое способны! — воскликнул Хо-

рват. — Их цивилизация древнее нашей, и они научились… — Он на мгновение примолк, после чего продолжил: — Вам не приходило в голову, что у них могут быть определенные периоды размножения? Что, если мошкиты на корабле оказались перед выбором — завести детей сейчас или не заводить вовсе. Поэтому на «Макартуре» и расплодились «домовые»!

— Гм-м, — промычал сенатор Фаулер. — Вы правы. Мы… Я спрошу у мошкитов, когда они придут. Доктор Харди, вы смахиваете на астронавта, парящего в невесомости. Что еще случилось?

— Крысы, — ответил священник.

Хорват посмотрел по сторонам и покорно кивнул.

— Они и вас заинтересовали, Дэвид?

— Конечно. Вы сами найдете запись, док?

— Найду, — вздохнул Хорват и принялся стучать по клавиатуре своего карманного компьютера.

Тот зажужжал, и на стене появилось изображение…

…разрушенного города мошкитов. Перевернутые машины ржавели на заваленных обломками улицах. Самолет врезался в руины обгоревшего здания. Из трещин в тротуаре торчали сорняки.

В центре виднелась наклонная насыпь из булыжника: сотня маленьких черных «зверьков» спешила скрыться за ней.

— Это не то, чем кажется, а один из зоопарков мошкитов, — объяснил Хорват.

Он коснулся переключателей, и изображение придвинулось, сфокусировавшись на одном из существ. Картинка увеличивалась, пока присутствующие не разглядели жутковатое создание во всех подробностях. У него была удлиненная, похожая на крысиную мордочка со злобным оскалом, крупное мембранное ухо и пять конечностей. Самую длинную с правой стороны нельзя было назвать пятой лапой: люди видели гибкую подвижную руку, которая заканчивалась когтями, напоминающими крючковатые кинжалы.

— Ого! — вырвалось у Горовица, и ученый с упреком взглянул на Хорвата. — Вы не показывали мне такого! Последствия войн на Мошке были поистине трагическими. Во время сражений погибало столько мошкитов, что на планете постепенно появились пустые экологические ниши. А у вас есть живой образец?

— К сожалению, нет.

— Откуда же взялась подобная дегенеративная форма? — недоумевал Горовиц. — Долгий путь

от мошкита разумного к… настоящему *монстру*. Есть ли у мошкитов касты, которых вы мне не показывали?

— Вы видели все, — ответила Салли.

— Никто не мог вывести их сознательно, — вслух рассуждал Горовиц. — Они наверняка возникли в результате естественного отбора. — Он улыбнулся. — Еще одно доказательство, если потребуется. Кровопролитная война почти опустошила их планету. И очень давно.

— Да, — произнес Реннер. — Пока всякие твари занимали Мошку-1, цивилизованные мошкиты коротали время на астероидах. И они жили там в течение долгих лет — Белые Хозяева, Коричневые с их Часовщиками и, возможно, другие касты, о которых нам пока ничего не известно, поскольку мы не посетили астероиды.

— Но все же это дела давно минувших лет, — сказал Хорват. — Доктор Бакман был одержим астероидами и делал расчеты. Но я допускаю вероятность того, что Посредников вывели специально, причем еще до того момента, как они снова заселили планету. И они пригодились Белым!

— А Белые остались столь же воинственными, — заметил сенатор Фаулер.

— Но сейчас у них есть Посредники, дядя Бен, — встряла Салли.

— Да. И, быть может, они справились с приростом населения. Доктор, да уберите вы проклятых тварей с экрана! Меня от них трясет. Почему кому-то взбрело в голову помещать в зоопарк макет разрушенной городской улицы?

Изображение мутантов исчезло, и все с облегчением вздохнули.

— Некоторые из мошкитских видов отлично приспособились к городской среде, а в зоопарке должно было хватить места для всех, поэтому «крыс» туда и поместили, — весело пояснил Хорват.

— Что за дикость!

— Думаю, это напоминает им о том, что случилось, когда они не прислушались к Посредникам, — вымолвила Салли. — Страшный пример того, что может произойти, если разразится очередная война.

— И весьма действенный, — добавил Реннер, вздрогнув.

— Мошкиты должны прийти с минуты на минуту, поэтому позвольте мне суммировать сказанное, — заявил Фаулер. — Первое. Их потенциал воспроизводства огромен, и они способны

размножаться чуть ли не в геометрической прогрессии. Второе. Мошкиты лгали нам, чтобы скрыть высокий потенциал рождаемости. Третье. Мошкиты воевали. Мы можем говорить о трех глобальных войнах, а то и больше. Четвертое. Они долго жили в изоляции, а это доказывает, что они контролируют численность населения. Мы не знаем, каким образом, но, наверное, все упирается в то, что они заводят детей в экстремальных условиях. Нужно поговорить с ними обстоятельно. Вас все устраивает?

Фаулеру ответил согласный хор голосов.

— Вопрос в том, что должны будем сделать *мы?* Конечно, мы можем по совету доктора Хорвата заключить с чужаками торговые соглашения. Мошкиты просили предоставить им постоянный политический статус и дать возможность заселить необитаемые планеты в пределах и за границами Империи. Они не настаивают на заселении внутреннего пространства, помимо прочего, им нравятся астероиды, которые у нас, образно говоря, простаивают без дела. А в обмен они предлагают многое.

Фаулер сделал паузу, ожидая комментариев, но остальные молчали, довольные тем, что сенатор взял на себя труд подвести итоги заседания для

протокола.

— Но тогда количество мошкитов быстро увеличится, не так ли? А когда они получат в свое распоряжение целые планеты, мятежники наверняка начнут с ними мелкую торговлю. Нам придется конкурировать с ними, верно? Значит, проявив великодушие сегодня, завтра мы сорвем большой куш. Срочное заключение договора поддерживает член Комиссии Сандра Брайт-Фаулер. Пока вас все устраивает?

Снова согласные кивки и утвердительные ответы. Некоторые ученые с любопытством поглядывали на Салли. Доктор Хорват ободряюще ей улыбнулся.

— Рассмотрим и другую возможность. Мошка-1 будет включена в состав Империи, после чего мы назначим генерал-губернатора в одну колонию мошкитов или же на саму Мошку-1. Это обойдется дорого, вдобавок мошкиты могут воспротивиться и взбунтоваться. Их военный потенциал чертовски высок.

— Полагаю, это неразумно! — перебил Энтони Хорват. — Едва ли мошкиты покорятся легко!

— Да, док. Но я просто перечисляю разные возможности. Но я бы хотел отметить, что последний вариант получил предварительное одобрение

как Военного Министерства, так и Министерства Колоний. Никто из членов Комиссии пока не высказался за него, но я намерен преподнести его мошкитам. А вдруг они скажут «да»?

— Если они добровольно войдут в состав Империи, я поддержу их, — произнес Хорват.

— Я тоже, — присоединилась к нему Салли.

— А вот меня гложут сомнения, — признался сенатор. — Обычно мы управляем через местных, но трудно представить вознаграждение, которое можно предложить за сотрудничество против целой расы. Но мы спросим.

Фаулер перестал улыбаться и стал серьезным.

— И третья возможность. Так называемый действенный способ борьбы с ящуром.

Хорват стиснул зубы.

— Это то, о чем я подумал, сенатор?

— Да. Там, где нет ни одного больного ящуром, их и не будет. Нет ни одного мошкита — нет и проблемы мошкитов.

Голос Дэвида Харди звучал глухо, но твердо:

— Церковь решительно воспротивится, сенатор. Любыми доступными нам методами.

— Знаю, святой отец. Понимаю я и чувства Лиги Человечества. Конечно, неспровоцированное уничтожение не является альтернативой. Не то

чтобы мы не могли сделать этого физически, но политически — нет. Такого не случится, если мошкиты не окажутся прямой и немедленной угрозой Империи.

— Ничего подобного не произойдет, — отчеканил Хорват. — Мошкиты — шанс для человечества, и у меня найдется еще много аргументов в пользу пришельцев.

— Естественно, док. Но зачем гадать? Я лишь перечислил варианты. Итак, готовы мы к приему мошкитов или у кого-нибудь есть вопросы?

Род внимательно посмотрел на погрустневшую Салли.

— Сенатор, вы не забыли о раскопках Салли? О том, что она нашла артефакты, связанные с примитивным сообществом мошкитов, которое существовало примерно тысячу лет назад? Как вы считаете, откуда взялись те примитивные мошкиты?

Молчание.

— У них были войны, да? — спросил Род.

— У мошкитов есть зоопарки, — встрепенулась Салли. — Думаю, я нашла, скажем так, резервацию для примитивных существ. У нас они есть по всей Империи — культурные заповедники для людей, которые не хотят быть частью технологи-

ческой цивилизации.

— Простые сообщества — после миллиона лет цивилизованной жизни? — фыркнул Реннер. — Леди Салли, разве такое возможно?

Салли пожала плечами.

— Мошкиты — чужаки.

— Хорошо, мы обсудим и это, — произнес сенатор. — Но, Салли, твое замечание — глупость. Мошкиты научились изменять орбиты астероидов давным-давно! А исходя из твоей теории можно предположить, что во время нашего СоВладения они снова оказались в каменном веке! Что еще за парадокс!

— Несомненно одно: будь мы на их месте, у нас бы произошло то же самое, — уперлась Салли.

— Забавно, но тут есть смысл, — протянул Фаулер. — И будь я членом Комиссии мошкитов, я бы не позволил людям выходить в космос без провожатых. Кто-нибудь еще желает высказаться?

— Да, сэр, — сказал Род. — Салли, мне это тоже не нравится, но…

— Продолжайте, — проворчал Фаулер.

— Да, сэр. — «Неужели я потеряю Салли из-за мошкитов? Но я не могу молчать». — Доктор Хорват, вы вроде бы почувствовали себя неуютно после того, как мы решили, что цивилизация

мошкитов насчитывает тысячелетия. Почему?

— В общем-то, без особых причин, но… мне нужно кое-что проверить, вот и все.

— Как министр науки вы отвечаете за технологические прогнозы, не так ли? — спросил Род.

— Да, — неохотно признал Хорват.

— Где мы относительно Первой Империи?

— Еще не догнали ее. Но догоним в следующем веке.

— А где мы были бы, не начнись Сепаратистские войны? Если бы старая Империя развивалась без помех?

Хорват кисло улыбнулся.

— Вы правы, милорд, это беспокоит и меня. Сенатор, член Комиссии Блейн имеет в виду, что мошкиты недостаточно развиты для миллиона лет цивилизации. Или даже для десяти тысяч. А может, и тысячи.

— Но нам известно, что они меняли орбиты астероидов по крайней мере десять тысяч лет назад! — взволнованно воскликнул Реннер. — Они должны были снова колонизировать Мошку примерно в то время, когда на Земле открыли движитель Олдерсона! Значит, мошкиты ненамного старше нас!

— Есть и другое объяснение, — заметил отец

Харди. — Они колонизировали ее гораздо раньше — но каждое тысячелетие у них бывают войны.

— Или чаще, — добавил сенатор Фаулер. — Значит, мы догадались, как они контролируют свою численность! Док, что вы сейчас нам посоветуете?

— Я… я не знаю, — заикаясь, выдавил министр науки. Он принялся грызть ногти, но поймал себя на этом и положил руки на стол: теперь его ладони безвольно лежали на гладкой поверхности, словно раненые зверьки. — Думаю, нам нужно убедиться в данной гипотезе.

— Что я и делаю, — подытожил сенатор. — И пусть нам не помешают никакие обстоятельства. Род, завтра вы работаете с Адмиралтейством.

— Напоминаю вам, сенатор, что Церковь запретила священнослужителям участие в уничтожении мошкитов, — сказал Харди.

— Это граничит с изменой, святой отец.

— Возможно.

— В общем-то, я имел в виду другое. Нам нужно принять Мошку в состав Империи независимо от того, хотим мы этого или нет. Кстати, если мы заявимся к ним в гости с флотилией кораблей, они подчинятся нам без сопротивления.

— А если нет?

Сенатор Фаулер не ответил.

Род взглянул на Салли, затем на сидящих за столом и, наконец, на обшитые панелями стены.

«Какое заурядное помещение, — подумал он. — Да и в людях, собравшихся здесь, нет ничего необычного. И вот тут, в дурацком конференц-зале малозаселенной планетки, мы решаем судьбы инопланетной расы, которая вступила с нами в контакт!

Мошкиты не собираются сдаваться, а если они таковы, какими мы их себе представляем, победить их не удастся. Но ведь у них — всего одна планета и несколько астероидов! А если мы вступил с ними в конфронтацию…»

— Келли, пригласите мошкитов, — произнес сенатор Фаулер.

Последние лучи заходящего солнца осветили зал, и людей окутали лиловые тени.

53
Джинны

По коридорам дворца они шли с эскортом. По дороге Джок сказала Послу:

– Что-то изменилось. Десантник, которого прислали за нами, смотрит на нас как-то иначе. Так мог бы смотреть Воин на другого Воина.

Они вошли в конференц-зал. Море человеческих лиц…

– Да, — кивнула Джок. — Многое изменилось. Нужно быть настороже.

– Что они могут узнать? — осведомился Иван.

Джок повела головой: дескать, понятия не имею.

– Некоторые боятся нас. Другие жалеют. И все пытаются скрыть перемену своего эмоционального состояния.

Десантник провел мошкитов к неумело сделанным стульям, стоящим во главе длинного стола для переговоров.

– Люди любят такую мебель, — прощебетала Чарли. — Иногда их форма имеет символическое значение, которого я до сих пор не способна

понять.

Последовали бессмысленные приветствия — люди называли их «формальностями»: неискренние вопросы о состоянии здоровья, туманные благословения и пожелания благополучия — все это компенсировало отсутствие у людей Посредников. Чарли придумывала ответы, тогда как Джок продолжала общаться с Хозяином.

– Люди на противоположном конце стола — мелкие чиновники. А рядом с нами сидит главный чужак. Он связан с императором и наверняка принял решение насчет нас. Лорд Блейн неохотно поддерживает его. Салли не согласна, совсем, но спорить не может. Она хочет найти причины, чтобы возразить. Возможно, потребуется подсказать их ей. Напротив императорского представителя сидят ученые, они разделяют чувства Салли. Они ощущают меньшую причастность к решению главного чужака. Остальные не важны, за исключением священника. Я еще не определила, какова его роль здесь, но его значимость возросла с тех пор, как мы видели его в последний раз. Он может быть опасен для нас больше всех прочих…

– Он понимает наш язык? — спросил Иван.

– Нет, если говорить быстро и не придержи-

ваться правил грамматики. Он улавливает элементарное эмоциональное содержание и знает, что мы обмениваемся огромным количеством информации за малое время.

– Определите, что беспокоит чужаков.

Иван постарался поудобнее устроиться на стуле и с отвращением огляделся по сторонам. Люди оказались чересчур словоохотливы, но говорили без толку, что всегда вызывало у Ивана неприятие. При этом переговоры проходили с болезненной медлительностью. Мысли чужаков текли подобно жидкому гелию, и часто люди не понимали собственных интересов.

Он должен быть начеку и следить за Посредниками. Они непостоянны, поэтому их нужно контролировать непосредственно. А расу непременно нужно сохранить.

— Надеюсь, наша сегодняшняя встреча будет более приятной, чем предыдущие, — чирикнула Чарли.

Сенатор Фаулер выглядел обескураженным.

— С чего вы взяли?

— По вашим лицам мы сделали вывод, что на собрании уже приняты важные решения, — ответила Чарли. — Вы предупредили нас, что мероприятие будет долгим, и потому мы отказа-

лись от обеда. Мы успели посмотреть новости по вашей тривизии и узнали, что на вас давят другие люди. Кое-кто хочет подписать с нами срочный договор о сотрудничестве, но есть и недовольные. Мы изучаем ваши привычки, причем с удовольствием: ведь цель нашей миссии — достигнуть взаимопонимания. Но пока вы старательно избегали откровенных разговоров.

— Ничего себе, — вполголоса буркнул Фаулер.

«Она что, собирается тебя смутить, а, приятель?»

— Для начала нам нужны сведения из вашей истории.

— О… — Чарли на секунду замялась, потом перевела взгляд на Джок и Ивана, которые оживленно жестикулировали. — Вас интересуют наши войны?

— В яблочко, — согласился сенатор Фаулер. — Вы утаили почти всю свою историю. Рассказывая, вы лгали нам.

Люди за столом неодобрительно зашептались. Доктор Хорват брезгливо покосился на Фаулера. Неужели сенатор не может быть дипломатичным? Может, конечно, тем более удивительна его грубость.

Чарли пожала плечами.

— Так же, как лгали вы, сенатор. Значит, вы хотите узнать нашу историю. Хорошо. Как и у вас, людей, у нас бывали войны. Часто религиозного характера. Последние крупные сражения отгремели несколько ваших веков назад, но с тех пор нам удавалось держать себя в руках. Но иногда у нас вспыхивают восстания. Хозяева, похожие повадками на ваших мятежников, обитающих на планетах рядом с внешней границей Империи, ставят независимость выше блага расы, и тогда нам приходится сражаться с ними.

— Почему вы не признались в этом сразу? — спросил Род.

Мошкита снова пожала плечами.

— А как еще мы могли поступить? Пока вы не пригласили нас сюда и не позволили увидеть вас такими, какие вы есть, мы должны были проявлять… как бы сказать, некоторую щепетильность. Кроме того, мы стыдимся своих конфликтов не меньше, чем вы своих. Вы должны понимать, что почти все Посредники служат Хозяевам, никак не связанным с войной. Мы получили инструкции убедить вас в нашем миролюбии. А наши внутренние стычки не должны вас беспокоить.

— И поэтому вы спрятали свое оружие? — спросил Род.

Чарли взглянула на Джок. Та ответила:

— Именно. Мы жители одной звездной системы, милорд. Прежде мы никогда не вступали в контакт с представителями иной инопланетной расы, и потому на военные корабли потрачена малая часть наших ресурсов. Наши военные силы похожи на вашу полицию, а не на военную флотилию и космодесант. — Мошкита умолкла.

На ее губах блуждала мягкая улыбка. Каким-то образом Джок удалось выразить главную мысль: нужно быть глупцами, чтобы выдать людям, насколько велики или малы их вооруженные силы.

Салли радостно рассмеялась.

— Я ведь говорила, дядя Бен!

Сенатор Фаулер кивнул.

— Еще один вопрос, Чарли. Как часто размножаются представители ваших каст?

Чарли замялась, и вновь ответила Джок. (Дэвид Харди с интересом посмотрел на нее — пожалуй, они прибегают к языку жестов.)

— Когда им это позволяют, — сказала Джок. — Разве у вас иначе?

— Что?

— Вы контролируете численность населения с помощью экономических рычагов и прину-

дительной эмиграции. Мы не можем поступать подобным образом, но и наше регулирование размножения не менее строго, чем ваше. Хочу также добавить, что наши Хозяева размножаются, когда могут.

— Иными словами, у вас есть официальные механизмы ограничения рождаемости? — уточнил Хорват.

— Разумеется.

— А почему вы помалкивали? — спросил сенатор Фаулер.

— Вы не спрашивали.

Доктор Хорват усмехнулся, Салли тоже. Обстановка разрядилась, вот только…

— Вы намеренно ввели в заблуждение леди Салли, — произнес отец Харди. — Пожалуйста, объясните почему.

— Та мошкита из Посредников служила Хозяину Джок, — объяснила Чарли. — Пожалуйста, извините, но я должна пересказать Послу наш диалог. — И Чарли защебетала.

– Джок, вы должны быть очень внимательны. Нам нужно завоевать их доверие. Сейчас они симпатизируют нам. Они почти так же добродушны, как Посредники, когда те пребывают в хорошем настроении. Но помните, их состоя-

ние нестабильно и может измениться в любую секунду.

– Ясно, — ответил Иван. — Сделайте все возможное, чтобы успокоить чужаков. Еще неизвестно, будем ли мы подчиняться людям в будущем, но, так или иначе, сейчас мы должны стать для них незаменимым звеном, полезным в экономическом отношении. У людей есть могущественные сообщества торговцев.

— Она чувствовала, что правда огорчит вас, — прочирикала Джок. — Не поручусь за то, что именно было сказано, — со мной ничего не обсуждали. Мы редко касаемся проблемы пола и воспроизведения внутри своих семейных групп и почти никогда — вне их. Как бы вам объяснить… Мы испытываем нечто сродни вашему смущению, но не совсем. Кроме того, вы должны понимать, как близко отождествляет себя Посредник со своим финч'клик. Леди Салли было нелегко затрагивать такие темы, и она не получала никакого удовольствия от беседы с Посредником. Да и ее Посредник испытывала те же чувства. И она сразу догадалась, что знание о бесплодии Посредников огорчит Салли и всех остальных людей, пребывающих на корабле. Но я говорю об этом без уверенности — мне вопрос

пола никогда не казался важным.

— Значит, вы хотели уберечь меня от… — смущенно улыбнулась Салли и резко замолчала. — Хорошо, что мы все, наконец-то, выяснили.

Мошкита пожала плечами.

— Несмотря на наши способности, непонимание между культурами неизбежно. Помните туалеты в Замке?

— Да. — Салли заметила, что Бен Фаулер хочет задать очередной вопрос, и торопливо выпалила: — Спасибо за развернутый ответ. А можно задать вам еще один вопрос? Что *делают* Хозяева, если не хотят иметь детей? — произнесла Салли и покраснела.

Доктор Хорват с любопытством поглядывал на нее. «Старый развратник», — подумала она (разумеется, несправедливо).

Мошкиты обменялись птичьими трелями.

— Обычно воздерживаются, — пискнула Джок. — К тому же у нас есть химические и гормональные способы, подобные вашим. Желаете обсудить конкретные методы?

— Меня больше интересуют рычаги регулирования, — мрачно проговорил Фаулер. — Что произойдет с Хозяином, Коричневым или кем бы то ни было, если они начнут рожать детей

каждые полгода?

— Вы расценили бы это как выбор личной независимости в ущерб интересам расы? — спросила Джок.

— Да.

— У нас так же.

— Вот как у вас начинаются войны, — заключил доктор Хорват. — Сенатор, при всем уважении к вам я полагаю, что мы получили ответы. Мошкиты контролируют численность своего населения. Когда отдельные индивидуумы отказываются подчиняться, возникают конфликты. Порой они приводят к войнам. Разве у людей иначе?

Бенджамин Фаулер рассмеялся.

— Доктор, вы стараетесь заставить меня принять вашу точку зрения, основанную на этических представлениях. Нельзя увидеть яму, которой нет. Я вовсе не утверждал, что человеческая раса превосходит мошкитов этически, интеллектуально или как-то еще. Я лишь сказал, что это — моя раса и я в ответе за защиту интересов человечества. — Сенатор снова обратился к мошките: — Теперь, когда вы увидели нас в деле, — продолжал он, — что вы скажете об Империи?

Джок хихикнула.

— Сенатор, что вы надеетесь услышать? Мы в вашей власти — и мы трое, и весь наш народ. Ваши военные корабли контролируют точку Безумного Эдди, дающую доступ в нашу систему. Вероятно, вы можете уничтожить нас. Я слышала по тривизору такие призывы.

— Те ребята не имеют никакого влияния, — отмахнулся Энтони Хорват. — Профаны и чудаки!

— Конечно. Но что сказано, то сказано. Поэтому любой мой ответ на вопрос сенатора будет отражать только мое личное представление. А как иначе?

– Отлично сказано, — прощебетал Иван. — Люди, похоже, прислушиваются к принципиальным собеседникам. А сейчас надо соблюдать особую осторожность. Будьте начеку!

– Не сомневайтесь во мне, Хозяин. Видите, большинство успокоились, хотя священник и офицер по имени Реннер недовольны. Посредник императора сейчас в нерешительности, но когда мы вошли в комнату, он был настроен против нас.

Чарли:

– Я боюсь. Не лучше ли выложить им всю правду, если они уже узнали довольно много? Как мы сумеем сохранить наши Циклы и секреты нашего воспроизводства? Мой Хозяин давал мне указания

быть дипломатичной, но не лгать…

– Вы будете молчать и позволите Джок вести переговоры с людьми. Адресуйте вопросы, которые тревожат вас, к ней.

– Слушаюсь. Мне приказали повиноваться вам. Но я по-прежнему считаю, что мой Хозяин прав.

– А если он неверно оценивает чужаков? — чирикнула Джок. — Вдруг они видят в нас угрозу и вдобавок беспокоятся за своих потомков? Не уничтожат ли они нас сейчас, пока у них имеется такая возможность?

– Тихо. Говорите с людьми.

— Посол утверждает, что, поскольку Империя является самым могучим объединением людей, расположенным в пределах досягаемости, союз с вами отвечает нашим интересам, каково бы ни было наше мнение. Мы подчиняемся.

— Понятно, — кивнула Салли. — Дядя Бен, у нас есть проект соглашения, разработанный экономистами. Нельзя ли изложить его подробно?

Фаулер выглядел напряженным: его выдавала скованность движений и стиснутые кулаки. В Империи хватало забот и без мошкитов. Если в руки мятежников перекочуют ноу-хау чужаков, может разразиться катастрофа.

— Это проект соглашения, — в конце концов

вымолвил сенатор. — Прежде чем ввести вас в курс дела, я бы хотел кое-что узнать. Какие интересы вы преследуете, присоединяясь к Империи? Например, намерены ли вы войти в состав Империи на правах системы первого класса? Требуется ли вам представительство на Спарте и доступ к крупнейшим имперским рынкам?

— Мы должны изучить вопрос. Нам нужно время на рассмотрение деталей.

— Нет! — рявкнул сенатор Фаулер. — Мы не можем такого допустить! — Он опомнился и заговорил мягче. — Извините, но мы не дадим вашим Инженерам создать защитное поле и построить военный флот. Первым условием должен быть немедленный доступ имперских наблюдателей в любую точку вашей системы.

— Разоружение и вера в ваши добрые намерения — вот что самое главное в наших переговорах, — парировала Джок. — Должны ли мы подчиниться на таких условиях?

— Вы? Я не говорил ничего подобного. Это ваши слова.

– Ну как? — прощебетала Чарли.

– Мы не можем принять их предложение, — заявил Иван. — Мы же будем абсолютно беспомощны. Допустим, люди искренни, а Империя не

уничтожит нас, когда выявится наша истинная природа. Но можно ли надеяться, что новые поколения чужаков отнесутся к нам столь же благосклонно? Нет, нам нельзя рисковать. Нашей расе надо обеспечить выживание.

– И нам нужны гарантии!

– Поэтому мы должны вырваться из нашей системы и выйти в космос. Когда мы прочно закрепимся на других планетах, люди не посмеют напасть ни на одну из них, — резюмировала Джок, нетерпеливо всплеснув всеми руками.

– Вы убеждены, что принять их предложение нельзя? — спросила Чарли.

Джок:

– Необходимо его обсудить… А люди будут последовательны. Они прикажут нам разоружить Воинов. И что произойдет, если Хозяева не подчинятся? Тогда начнется война. Люди не глупы, и их военные чины побаиваются нас, но от чужаков всего можно ожидать. К нам полетят их наблюдатели — и не только… и вместе с ними на нашей планете высадятся отряды космодесантников, а на орбите будут кружить военные корабли. Но даже если мы притворимся, что согласны, они сочтут, что вправе уничтожить нас: вспомните судьбу мятежников-неудачников, поднявших

восстание. У нас мало времени.

– Тогда отвечайте, как мы условились, — произнес Иван.

— Посол сожалеет, но подобное соглашение выходит за рамки его полномочий. Мы имеем право говорить от имени всех мошкитов, но только в определенных границах: зависимость нашей расы от вашего милосердия — вне их.

— Нельзя ставить им это в вину, — проговорил доктор Хорват. — Будьте благоразумны, сенатор.

— Я пытаюсь быть благоразумным, и я, конечно, не виню их. — Сенатор посмотрел на чужаков. — Планеты присоединялись к Империи и против своей воли, не получая ничего похожего на привилегии, которые я предложил вам.

Джок покачала головой.

— Даже не представляю, что сделают Хозяева, если вы вздумаете завоевывать нашу систему. Полагаю, они будут драться.

— Вы проиграете, — бросил сенатор Фаулер.

— Не уверена.

— Но, проигрывая, вы утянете нас за собой, — задумчиво пробормотал Фаулер. — *Мы* потеряем большую часть этого сектора. Тогда объединение отдалится на целый век. Завоевания дорого обходятся. — Сенатор не добавил, что стерилизации

не будет, и невысказанная мысль продолжала давить на него.

Атмосфера в зале снова наэлектризовалась.

— Можно сделать встречное предложение? — спросила Джок. — Позвольте нам разместить производственные центры на необитаемых планетах. Мы сделаем их пригодными для жизни: за каждую планету, которую вы отдадите нам, мы переделаем другую — специально для вас. Что касается экономических нарушений, то вы можете создать компании с монополией на торговлю с нами. Часть товаров будет в свободном доступе. Равновесие будет поддерживаться с помощью механизма компенсации, а значит, ваши компании и сотрудники предприятий практически не пострадают. В таком случае вам не надо будет бояться конкуренции. Думаю, данные меры снизят любые отрицательные риски.

— Великолепно! — воскликнул Хорват. — Полагаю, мои люди будут довольны! А как вам идея насчет торговли только с уполномоченными компаниями и имперским правительством?

— Прекрасная идея. Мы также готовы платить Империи за защиту наших колоний. Нам бы не хотелось держать флотилию в ваших секторах пространства. А в будущем вы сможете осматри-

вать наши верфи.

— А Мошка-1? — поинтересовался Фаулер.

— Контакт между Мошкой-1 и Империей должен быть минимальным. Ваши наблюдатели и послы могут наносить нам визиты, но мы бы не хотели видеть в небе ваши военные крейсеры. Кстати, нас весьма обеспокоил ваш громадный линкор. Не вызывало сомнений, что на его борту имеется оружие, способное испепелить Мошку-1. Однако мы смирились с этим и пригласили вас в гости, желая показать, что нам нечего скрывать. Мы не представляем угрозы для вашей Империи, леди и джентльмены. Все обстоит как раз наоборот, и вам это, конечно, известно. Но мы можем договориться о взаимовыгодном сотрудничестве и достигнуть обоюдной безопасности, без излишних заверений одной расы, что она-де благожелательна к другой.

— И вы переделаете для нас по одной планете за каждую отданную вам? — спросил Хорват.

Он думал о прибылях — несметных. В нескольких звездных системах — полным-полно обитаемых планет. Межзвездная торговля обходится баснословно дорого по сравнению с космическими перелетами-путешествиями, но операции по освоению планет стоят еще дороже.

— Неужели вам и этого недостаточно? — изумилась Джок. — Наверняка вы оцените нашу позицию. — Тут Джок, подражая людям, махнула левой рукой и продолжила: — Итак, у нас есть одна планетка, несколько астероидов и, естественно, газовый гигант, который не покоряется даже нам. Чтобы удвоить то, чем мы располагаем, нам потребуются непропорционально огромные капиталовложения. И это очевидно, хотя подчеркну, что ваша торговля обычно не признает невыгодных сделок. С другой стороны… — Мошкита уставилась на свои правые верхние конечности. Люди невольно сделали то же самое, и в конференц-зале раздался смех. — Ваши необитаемые планеты едва ли ценны для вас, иначе вы бы уже переделали их сами. Если вы согласитесь на наше предложение, то получите нечто весомое практически за бесценок, а мы получим очень много, но ценой огромных усилий. Выгодная сделка?

— Еще бы! — сказал Род. — Особенно для флота. По сути, у нас будет новая флотилия за счет мошкитов.

— Подождите! — перебил его Фаулер. — Мы спорим о цене, еще не выяснив, кто вы такие!

Джок повернулась к Фаулеру.

— Я просто Посредник, вот и все. — Ее подражание голосу сенатора и его манерам вызвало новый взрыв смеха.

Бен Фаулер насупился, но потом присоединился к остальным.

— Ладно, — произнес он. — Не знаю, как вы, а я проголодался. Келли, подайте нашим гостям горячий шоколад и позвоните на кухню. Пусть нам принесут обед. Продолжим заседание после трапезы.

54
Вырваться из бутылки

— Сенатор почти согласился, — доложила Джок. — Салли согласна.

– А Блейн? — уточнил Иван.

– Он сделает так, как захочет сенатор, хотя, скорее, согласен с Салли. Мы нравимся ему, и он видит выгоду для флота. Жаль, что его финч'клик сошла с ума, она бы очень пригодилась нам сейчас.

– Справимся ли мы, Джок? — заволновалась Чарли. — Прежде чем возникнут новые колонии, они увидят нас в истинном свете! Посетят нашу систему и узнают. И что тогда?

– Они ничего не узнают, — заверила ее Джок. — Им помешает их собственный военно-космический флот. Конечно, у них мощное оружие, но несколько кораблей с десантниками на борту не станут для нас помехой. Чужаки не сумеют в совершенстве овладеть нашим языком. Мы подготовимся к их визиту. И не позволим людям увидеть Воинов. И не забудьте о наших преимуществах! Люди понятия не имеют, как быстро

мы можем основывать колонии и конструировать корабли. Тогда мы окажемся в гораздо более выгодном положении — в контакте со множеством людей — и сможем предложить им все, что угодно. Мы приобретем союзников и влияние. Империя не сможет уничтожить нас. Без уверенности в своем успехе они и пытаться не станут. Именно так рассуждают люди.

Келли принес шоколад, и мошкиты с удовольствием выпили обжигающий напиток. Подобно людям, мошкиты были всеядны, но предпочитали специфическую пищу. Шоколад же, изобилующий углеводами и напоминающий по вкусу воду их родной планеты, был великолепен.

– Судите сами, — произнесла Джок, отставив пустую чашку в сторону. — Что они сделают, если мы все им расскажем? Вдруг вышлют флотилию, чтобы та уничтожила нас на корню?

– Понимаю, — сказал Иван. — Ваш Хозяин тоже одобрит ваше предложение, как вы считаете?

Чарли, которая погрузилась в размышления, встрепенулась.

– Одобрит, — сказала она. — И мне тоже нравится предложение Джок. Однако нашей расе грозит опасность.

– Угроза существует с тех пор, как люди впервые появились в системе Мошки, — защебетала Джок. — Но теперь она уменьшилась.

Иван внимательно наблюдал за ними. Посредники стали взбудоражены. Напряжение возросло, и, несмотря на внешнее самообладание, мошкиты (по человеческим меркам) находились на грани нервного срыва. Желать малосбыточного не было им свойственно, но Иван надеялся, что усилия вывести более стабильных Посредников увенчаются успехом. Трудно работать с существами, которые способны внезапно представить себе несуществующую Вселенную и делать выводы, основываясь на шатких теориях. Схема всегда была одинаковой. Сначала они хотели невозможного, потом стремились к цели, уже сознавая ее недостижимость, и, наконец, поступали так, словно этой цели можно добиться. Какое легкомыслие.

С Посредниками такое случалось чаще, чем с представителями другой касты, впрочем, подобной участи не избегали и Хозяева.

Итак, Посредники на взводе, но они должны выдержать, сказал себе Иван. Расу надо сохранить.

— Спорю на тысячу крон, я знаю, о чем вы сейчас думаете, — заявила Салли. Ее глаза сияли от

счастья и… облегчения.

Род отвернулся от окна и улыбнулся своей невесте. Зал был просторным, и им никто не мешал. Остальные участники мероприятия сгрудились возле барной стойки — все, кроме Харди, тот сидел рядом с мошкитами и прислушивался к их щебету, как будто мог уловить хоть какой-то смысл в их птичьих трелях.

— Вы очень щедры, — произнес Род.

— Могу себе это позволить. Я заплачу сразу после свадьбы!

— Из доходов Круцис-Корта. Я еще не получаю их и не настолько нетерпелив, чтобы убить отца из-за наследства. Мы годами можем жить, пользуясь его богатством.

— Род, а если без шуток? О чем вы думаете?

— За что голосовать, если сенатор упрется.

Салли кивнула.

— Разумеется!

— Я могу потерять вас после голосования, да?

— Не знаю, Род. Все будет зависеть от причины, по которой вы отклоните их предложение. И от того, что вы сможете предложить взамен. Но вы же согласитесь на их условия, Род? Что в них плохого?

Род повертел в руках свой бокал, Келли принес

некую разновидность безалкогольного коктейля — встреча была слишком важна, чтобы хлестать виски.

— Может, и ничего. Глядите, — Род указал вниз — на улицы Новой Шотландии.

Сейчас они практически пустовали. Одинокие пешеходы, которых заметил Род, наверняка шли на театральное представление. Кое-какие зеваки приникли к дворцовой ограде, чтобы поглазеть на здание, сияющее в сумерках. На постовых тумбах замерли гвардейцы в килтах и меховых киверах.

— Если мы ошибемся, их дети погибнут.

— Если мы ошибемся, военно-космический флот возьмет это на себя, — медленно проговорила Салли. — Род, нам надо предусмотреть любой вариант развития событий. Что, если мошкиты вырвутся на свободу и через двадцать лет заселят дюжину планет? Построят корабли и станут угрожать Империи? Что ж, это будет очень печально, хотя в таком случае флот сумеет справиться с ними!

— Вы уверены? Я — нет. Вряд ли даже сейчас мы сможем победить их. Уничтожить — да, но победить? Через двадцать лет, значит? Каков же будет список потерь? Новая Шотландия окажется

в нем — она лежит на их пути. А еще какие меры можно будет предпринять?

— Но что вы предлагаете взамен? — опять спросила Салли. — Я тоже беспокоюсь за… за наших будущих детей. Но нельзя же начинать войну с мошкитами только потому, что однажды они *могут* стать опасными!

— Согласен. А вот и наш обед! Надеюсь, я не испортил вам аппетит, дорогая.

Когда подали десерт, за столом началось веселье. Мошкиты устроили настоящее шоу: изображали наиболее известных персонажей новошотландской тривизии. Через пару минут люди задыхались от смеха, с трудом переводя дух.

— Как вы это делаете? — спросил доктор Харди, утирая слезы.

— Мы изучаем ваше настроение, — ответила Чарли, — а затем чуть преувеличиваем характерные черты. Если наша теория верна, общий эффект должен быть поразительным — вероятно, так и есть.

— Вы могли бы заработать целое состояние даже без торговли, — пропыхтел Хорват.

— Но наше, скажем так, лицедейство мало скажется на вашей экономике. Кстати, нам по-

требуется ваша помощь — нам нужно соблюдать очередность, передавая в ваше распоряжение наши технологии.

Хорват посерьезнел.

— Я рад, что вы оценили проблему. Если просто вывалить все, чем вы располагаете, на рынок, начнется хаос.

— Поверьте, доктор, мы не хотим создавать вам сложности. Если вы считаете знакомство с нами удачей, представьте, как смотрим на вас мы! Вырваться из системы Мошки спустя столько тысячелетий! Вырваться из бутылки! Наша благодарность беспредельна.

— Но сколько же лет вашей цивилизации? — воскликнул Харди.

Мошкита пожала плечами.

— У нас есть фрагменты записей, относящихся к эпохе, минувшей сотни тысяч лет назад, отец Харди. В то время астероиды уже крутились на своих орбитах. Имеются и другие, даже более древние источники, которые нам пока еще не удалось расшифровать. Однако мы можем утверждать, что наше сообщество стало развиваться примерно десять тысяч лет назад.

— И у вас были взлеты и падения? — спросил Харди.

— Да. А как же иначе?

— А у вас остались какие-нибудь документы, относящиеся к эпохе астероидной войны? — осведомился Реннер.

Мордочка Джок оставалась непроницаемой, зато руки несколько раз судорожно взмахнули.

— Только легенды. У нас есть… нечто схожее с вашими песнями или эпическими поэмами. Попробую передать вам суть, пользуясь лингвистическими приемами вашего языка. Сомневаюсь, что это можно перевести, но… — Мошкита на мгновение задумалась и застыла, а затем напевно произнесла:

Пришел холод, и кончилась пища,
Демоны бродят по земле.
Наши сестры умерли, и воды вскипели,
Когда демоны обрушили небо.

Мошкита сделала паузу.

— К сожалению, получилось не слишком складно, но на большее я не способна.

— Очень неплохо, — похвалил ее Харди. — У нас тоже есть подобные стихи, истории об исчезнувших цивилизациях, о доисторических катастрофах. В основном они произошли до извержения вулкана около четырех с половиной

тысяч лет назад. Когда происходит нечто подобное, у людей возникает мысль, что господь, вероятно, вмешивается в их дела. Создавая циклы, сезоны и все остальное.

— Интересная теория, а она не опрокинула ваши религиозные верования?

— С чего бы? Разве господь не может с одинаковой легкостью вызвать природный катаклизм и нарушить законы мироздания? В самом деле, что удивительнее: морской прилив или одно-единственное сверхъестественное явление? Впрочем, не думаю, что у нас есть время обсуждать теологию, — ответил Харди.

Сенатор Фаулер посмотрел на отца Харди и перевел взгляд на мошкитов.

— Что ж, обед мы закончили. Если позволите, я удалюсь на несколько минут, а затем мы продолжим.

Бен Фаулер увел Рода и Салли в кабинет за конференц-залом.

— Ну? — спросил он.

— Мое мнение запротоколировано, — сказала Салли.

— Верно. Род?

— Мы должны что-то сделать, сенатор. Ситуация выходит из-под контроля.

— Да, — согласился Бен. — Мне надо выпить. Род?

— Спасибо, я — пас.

— Если я не могу мыслить трезво с доброй порцией виски в желудке, значит, Империя уже гибнет. — Фаулер шарил в ящике стола. Найдя бутылку, усмехнулся при виде марки и наполнил до краев кофейную чашку. — Одно ставит меня в тупик, — проворчал он. — Почему спокойна ИТА? Я ожидал сильного давления, а они что-то присмирели. Слава милосердному господу! — Фаулер одним глотком выпил содержимое чашки и вздохнул.

— Чем плохо немедленное подписание соглашения? — спросила Салли. — Ведь мы можем изменить свое мнение, если обнаружим что-то подозрительное.

— Черт побери, котенок! — фыркнул Бен. — Иногда ты меня поражаешь! Кстати, если говорить о ребятах из ИТА, то здесь нужно держать руку на пульсе… Они будут долго думать, прежде чем расстаться с кроной, но уж если выложат монету, то потом их нельзя будет остановить… Я был уверен, что ты знакома с азами политики. И чему вас нынче учат в университетах? Но вернемся к мошкитам. Род, как, по-вашему, продвигаются

переговоры?

Род коснулся своего перебитого носа.

— Бен, хватит юлить с мошкитами. Они должны узнать, что творится за кулисами. Возможно, они поймут, под каким давлением мы находимся, и потребуют начать все заново. Но я хочу дать им свободу выбора.

— Вот вы какой! Ха! В любом случае жену вы порадуете.

— Он делает это не ради меня! — вмешалась Салли. — Перестаньте дразнить Рода!

— Ладно. — Сенатор почесал лысину, плеснул в кофейную чашку виски и поставил ее на стол. — Нужно проверить еще пару обстоятельств. В бой!

Джок жестами выражала восторг и волнение.

– Они готовы согласиться! Мы спасены!

Иван холодно посмотрел на Посредника.

– Сдержаннее, пожалуйста. Мы еще только в начале пути.

– Да, но мы спасены! Чарли, разве не так?

Чарли разглядывала людей — их лица, позы.

– Да. Но сенатор еще не убежден, а Блейн встревожен и… Джок, взгляните на Реннера.

– Почему вы не рады? Мы спасены! — повторила Джок.

– Взгляните на Реннера.

– Узнаю этот взгляд. Он смотрел так, когда играл в покер и неожиданно получил преимущество над соперниками. Реннер нам не поможет. Но у него нет власти, Чарли! Реннер — бродяга без чувства долга.

– Верно. Но мы жонглируем бесценными яйцами при переменной силе тяжести. Я боюсь. И буду бояться до самой смерти.

55
Козырь Реннера

Фаулер грузно опустился на стул и посмотрел на присутствующих. Разговоры моментально прекратились, и все выжидающе уставились на сенатора.

— Полагаю, сейчас мы узнали, кто вы такие, — произнес он, обратившись к чужакам. — Пришло время поговорить о цене. Итак, о принципах. Первое и главное: вы согласны не вооружать колонии и позволить нам инспектировать их с целью убедиться, что там не вооружаются?

— Да, — с готовностью прочирикала Джок и обменялась трелями с Хозяином. — Посол согласен. Предполагается, что взамен Империя станет защищать наши колонии от наших врагов.

— Разумеется. Следующее. Вы согласны отдать исключительные права на торговлю компаниям, получившим привилегии от правительства?

— Да.

— Это главное, — заметил Фаулер. — Есть небольшое «но», но, полагаю, мы уладим все, так сказать, в процессе… Мистер Реннер, у вас есть

возражения?

— Могу ли я спросить, какого рода колонии они собираются основывать? — произнес Реннер вполголоса.

— Что? Конечно.

— Спасибо. Вы намерены перевезти туда представителей всех ваших каст?

— Да, — Джок замялась. — Все зависит от условий, мистер Реннер. Едва ли мы станем транспортировать Фермеров на планеты, пока Инженеры не возведут там купола.

— Ясно. Позвольте мне кое-что вам продемонстрировать.

Реннер включил портативный компьютер и развернул его к собравшимся. Они увидели искаженное изображение Новой Каледонии, сделанное из космоса. Справа от планеты картинка становилась белесой и расплывалась.

— Видите вспышку? Именно тогда зонд и выстрелил в «Макартур» капитана Блейна.

— Что? — спросила Джок и склонилась к мошкитам. — Нас интересовала судьба зонда. Откровенно говоря, мы не сомневались, что вы уничтожили его, и потому не хотели спрашивать.

— Логично, — кивнул Реннер. На экране вспых-

нуло новое изображение. Солнечный парус, по которому шла рябь. — А это произошло непосредственно перед тем, как он выстрелил в нас. У меня даже есть видео. Сейчас…

— Но зонд не мог стрелять в вас! — запротестовала Джок.

— Он выстрелил, — ответил Род. — Видимо, пилот счел корабль неопознанным летающим объектом.

По экрану поплыли темные фигуры. Парус зарябил, опять сверкнула вспышка, и все исчезло. Реннер отматывал запись назад, пока силуэты не стали более четкими, после чего нажал на «Стоп».

— Должна предупредить, что нам мало известно о зонде! — пропищала Джок. — Конструирование — не наша специальность, и у нас не было возможности перед отлетом с Мошки-1 изучить все данные!

Сенатор Фаулер нахмурился.

— Чего вы добиваетесь, мистер Реннер?

— Сэр, меня удивляет вот что. — Реннер взял со стола световую указку. — Это различные касты мошкитов, да?

Джок нерешительно молчала.

— Похоже.

— Конечно, так и есть. Тут Коричневый, верно? А рядом — Доктор.

— Верно. — Световая указка передвинулась. — Посыльный, — произнесла Джок. — Хозяин.

— И Часовщик, — процедил Род с нескрываемым отвращением. — Следующий смахивает на Фермера. Трудно сказать, но… — В его голосе внезапно зазвучало смущение. — Реннер, а кто стоит чуть подальше?

Воцарилась тишина. Указка остановилась на очередном силуэте мошкита. Худощавый и высокий, он имел нечто вроде шипов на коленях и локтях и острые шпоры на пятках.

— Мы видели их однажды, — равнодушно произнес Реннер.

Так мог говорить человек, идущий на пари через ночное кладбище, или дозорный, поднимающийся по холму на вражескую территорию. Холодный, решительный, полностью контролируемый голос. Совсем не в характере Реннера.

Экран разделился, появилось новое изображение: скульптурная композиция из музея. Битва за машину времени. Сама машина походила на мешанину из бракованных электронных схем, которую окружили воинственные чужаки.

Впервые увидев Ивана, Род испытал почти

непреодолимое желание коснуться шелковистого меха мошкита. Теперешний его порыв был не менее силен: ему захотелось встать в стойку карате. Вооруженные чужаки, изваянные скульптором, могли напугать кого угодно. Мошкиты казались твердыми как сталь и напоминали сжатые пружины. А что это у них под левой рукой? Нож с широким лезвием?

— Это же Демон! — воскликнула Джок. — Наверное, в грузовом отсеке хранились куклы, представлявшие все наши виды. Такие статуэтки позже даже специально сделали для Посредников, чтобы им было легче с вами общаться.

— Значит, куклы, да? — выдавил Род. — Корабль, груженный манекенами в натуральную величину?

— Откуда нам знать, какой величины они были? — прощебетала Джок.

— Отлично. Допустим, это манекены, — сказал Реннер и неумолимо продолжал: — Однако здесь мы видим модели ныне существующих каст мошкитов. За исключением этого шипастого. Почему Демон оказался в общей группе? С какой стати?

Ответа он не получил.

— Спасибо, Кевин, — произнес Род, не решаясь взглянуть на Салли. — Джок, ответьте нам, пожа-

луйста, к какой касте относится Демон?

— И еще, кэп, — сказал Реннер. — Приглядитесь получше к Фермеру. Видите, какой у него большой живот!

Род вытаращил глаза. «Не может быть, — пронеслось у него в голове. — Это же...»

— Это не Фермер, а Фермерша, и она беременна! — опередила его Салли. — Боже мой? Но, Джок, объясните, что все это означает?

— Вот именно, — отчеканил Род.

Однако привлечь внимание Джок не удалось.

– Стоп! Ни слова больше! — рявкнул Иван.

– Но что я могу сделать?! — запричитала Джок. — На борту оказался Воин! Мы пропали, а ведь минуту назад в наших руках была вся Вселенная! — И мошкита в отчаянии стиснула кулаки.

– Тихо! Следите за собой. А теперь, Чарли, расскажите, что вам известно о зонде. Что за болваны его создали?

Жесты Чарли выразили замешательство, сменившееся уважением по отношению к Ивану.

– Слушаюсь. Создатели зонда знали, что возле этой звезды живут существа другого разумного вида. Таким образом, они наверняка предположили, что эти существа похожи на нас — если не внешне, то по сути.

– Циклы. Они наверняка догадались о Циклах, — пробормотал Иван. — Тогда мы еще не знали, что не все расы обречены на них!

– Именно, — прочирикала Чарли. — Гипотетические существа выжили, значит, действительно находились на высокой ступени развития. Но они контролировали свой рост населения не лучше нас, поскольку далеко не все упирается в контроль. В общем, зонд запускали с расчетом на то, что, когда он прибудет в пункт назначения, иная цивилизация будет в упадке.

Иван задумался.

– Безумные Эдди погрузили на борт зонда беременных каждого вида. Идиоты!

– Надо отдать им должное, — заметила Чарли. — Они предусмотрели множество вариантов развития событий. В случае ответного сигнала пилот зонда должен был среагировать мгновенно, но, конечно, исходя из ситуации. Например, если бы гипотетические чужаки технически оказались более подкованны и охотно бы пошли на контакт, ни о каком конфликте не могло быть и речи. Тогда с пришельцами должен был контактировать Посредник, посланный с мирными целями. — Чарли умолкла. — Надеюсь, я вас не слишком запутала? Но зонд, конечно, был запро-

граммирован и на то, чтобы убить Посредника и не дать чужакам узнать слишком много. Такое бы произошло в случае конфронтации. Ведь это вполне логично, Хозяин.

– Я — не Безумный Эдди, чтобы запускать зонд в открытый космос. Данная стратегия себя не оправдала. Теперь мы должны как-то ответить людям.

– Я за полную откровенность, — произнесла Чарли. — Мы и так запутались в собственной лжи.

– Подождите! — вмешался Иван. Прошли считаные секунды, но Джок вновь успокоилась. Люди с любопытством смотрели на мошкитов. — Нужно сказать что-нибудь важное. Харди понимает, что мы разволновались.

– Да, — подтвердила Чарли.

– Какое открытие могло так вас взбудоражить?

– Позвольте мне! — заверещала Джок. — Еще не все потеряно!

— Поклоняющиеся Демонам! — продолжала она уже на английском. — Мы говорили вам, что не имеем расовых врагов, однако у нас есть религиозные группировки — тайные, — сделавшие богами Демонов! Они злобны и очень опасны. И

они захватили зонд до того, как он покинул пояс астероидов! Конечно, тайно!

— Значит, пассажиры и экипаж были живы? — уточнил Род.

Чарли пожала плечами.

— Думаю, да. Должно быть, они совершили самоубийство. Почему? Нам неизвестно! Например, решили, что мы хотим судить их. Что вы сделали, когда настигли их?

— Изучали, — кратко ответил Род. — Вы уверены, что они были живы?

— Откуда нам знать? — спросила Джок. — Не стоит беспокоиться из-за *них!* — воскликнула она. — Они не были истинными представителями нашей расы. Их ритуалы включают жертвоприношения разумных видов!

— И много у вас таких почитателей Демонов? — осведомился Харди. — Я никогда не слышал о них.

— Нам незачем ими гордиться, — понурилась Джок. — А вы — разве вы рассказали нам о ваших мятежниках на внешних границах Империи? Или о системе Саурона? Разве вам приятно, что мы узнали, что люди способны на такое?

В ответ послышалось смущенное бормотание.

— Проклятие, — выругался Род. — Они были

живы, — сама мысль об этом была неприятной.

— Вы расстроились, — добавила Джок. — Вам повезло, что вы не успели пообщаться с ними до того, как встретили нас. Ваша экспедиция носила бы совсем иной характер, если бы вы…

Она замолчала, с любопытством наблюдая за происходящим. Доктор Зигмунд Горовиц поднялся с места и подался к экрану. Нажал на кнопку, и на мониторе вновь появилось изображение скульптурной композиции из музея мошкитов. Горовиц увеличил картинку и уставился на статую одного из Демонов, возле которого виднелась маленькая скульптурка (при увеличении выяснилось, что это «крыса», присевшая возле Демона).

— Ага! — торжествующе воскликнул Горовиц. — Я никак не мог понять, что за предки были у «крыс»! Оказывается, дегенеративные формы этих… — Он повернулся к мошките. Похоже, им двигало только любопытство, он как будто и не слышал предшествующего разговора. — Для чего вы используете данную касту? — вопросил ученый. — В качестве солдат, да? На что еще они годны?

— Они — просто миф.

— Вздор. Демоны с оружием? Отец Харди, вы

можете представить себе дьяволов, вооруженных бластерами или чем-то подобным? — Горовиц нажал на кнопку, и на экране опять появились ломаные силуэты из зонда. — Борода Авраама! И никакие это не статуи, а настоящие мошкиты! Почему вы спрятали их? Прелестно! Никогда не видел никого, так хорошо приспособленного к… — Горовиц умолк.

— Итак, у вас есть каста Воинов, — медленно произнес Бен Фаулер. — Неудивительно, что вы прятали их от нас. Доктор Горовиц, вы полагаете, они столь же плодовиты, как и прочие мошкиты?

— Конечно!

— Да говорю же, это демоны из легенд! — настаивала Джок. — Из поэмы. Доктор Харди, вы помните поэму? Существа, что обрушили небо…

— Верю, однако сомневаюсь в их исчезновении, — вымолвил Харди. — Вы держите их потомков в зоопарках. Энтони, я хочу задать вам один вопрос. Если среди мошкитов есть весьма плодовитая агрессивная каста Воинов и если их Хозяева защищают свою независимость как львы… а также, если на планете уже произошло несколько опустошительных войн и теперь мошкиты, образно говоря, заперты в пределах

своей системы, — каково их наиболее вероятное будущее?

Хорват скривился.

— Это будет похоже на ситуацию с «Макартуром», — печально проговорил Хорват. — Допускаю, что сотрудничество Хозяев должно ослабить чересчур тяжелое давление популяции… *если* воинская каста действительно существует, Дэвид.

— Повторяю, это демоны из легенд! — запротестовала Джок.

— Боюсь, не стоит верить тому, что вы нам внушаете, — сказал Харди. — И не думайте, что я принимал за чистую монету все, что вы твердили до сих пор. Священники слышат много *лжи*. Мне с самого начала было любопытно, что вы скрываете от нас. Лучше бы вы показали нам что-то вроде военных или полицейских сил… Увы! — он махнул рукой в сторону экрана. — Теперь мы обнаружили *их*.

— Род, — прогудел сенатор Фаулер, — вы здорово помрачнели.

— Да, сэр. Я вообразил, каково будет сражение с расой, которая десять тысяч лет специально разводит Воинов. Они наверняка приспособлены и к космическим схваткам. Дайте мошкитам технологию поля, и… Бен, едва ли мы сумеем

победить их! Да это будет грандиозная битва с миллионом сауронских киборгов! Война может продлиться столетие!

Салли беспомощно всплеснула руками.

— А вдруг Джок не обманывает нас? У них была каста Воинов, но она вымерла, и стоящие вне закона мошкиты пожелали ее возродить.

— Полагаю, нам надо все выяснить, — буркнул Фаулер. — И лучше поскорее, прежде чем Коричневые построят флот и нападут на людей.

— Если мошкиты его уже не построили, — заявил Род. — Они работают с бешеной скоростью! Переделали посольский корабль, пока тот летел от планеты к «Макартуру», причем целиком и полностью — и всего с двумя Коричневыми и несколькими Часовщиками. Сенатор, оценка командора Каргилла была слишком умеренной!

— Возможно, — откликнулся Реннер. — Но представьте себе линкор с экипажем из адмиралов Кутузовых на борту.

— Точно сказано. Итак, Джок, надеюсь, вы нас поняли, — проговорил сенатор.

— Вовсе нет. — Мошкита подалась вперед: мех на ее загривке встал дыбом.

— Тогда я объясню. У нас нет возможности сражаться с миллионом воинственных пришельцев.

Мы даже можем проиграть!.. А если вы разводите своих Воинов, значит, вы нуждаетесь в них — на Мошке, похоже, нет нахлебников. Так что вы, вероятно, по какой-то веской причине продолжаете воевать.

— Теперь я вас поняла, — пискнула Джок.

— Слушайте дальше! — прорычал сенатор. — Вам известно кое-что о системе Саурона, да? Эх, Джок!.. Если у мошкитов и впрямь огромные армии Воинов, то и мы сами волей-неволей станем воспринимать вас как сауронцев! Вы станете нашими врагами. Между прочим, в Империи ненавидят сауронцев и их идею о сверхлюдях.

— Что же будет? — спросила Джок.

— Для начала я намереваюсь посетить вашу планету.

— Вы думаете обнаружить у нас Воинов?

— Вы знаете ответ, — произнес сенатор Фаулер и вздохнул. Передышка для размышления была короткой — не более секунды.

Затем сенатор встал и тяжелой поступью направился к экрану интеркома.

– Что делать? Остановить его? — прохныкала Джок.

Иван сохранял спокойствие.

– Неплохо бы, но не стоит. Кстати, тот де-

сантник не Воин, но вооружен, и его рука лежит на оружии. Он боится нас.

– Но…

– Погодите.

— Вызывает конференц-зал, — сказал Фаулер, обратившись к дворцовому оператору. — Дайте принца Меррилла и военного министра Армстронга. Вызов срочный.

— Да, сенатор. — Девушка была совсем юной, и ее испугала грубость Фаулера. Она потянулась к пульту управления.

Наконец на экране появилось изображение.

Министр Армстронг сидел в рабочем кабинете. Китель снят, рубашка расстегнута. Стол завален бумаги. Министр раздраженно поднял голову, увидел, кто его вызывает, и проворчал:

— Да?

— Минутку, — отрезал Фаулер. — Я жду подключения вице-короля. — Потянулись секунды ожидания.

Вскоре появился Его Высочество, на экране крупным планом возникло лицо. Вице-король явно запыхался.

— Да, сенатор?

— Ваше Высочество, вам известны мои полномочия, данные императором?

— Да.

— Вы подтверждаете мои полномочия во всех вопросах, касающихся чужаков?

— Конечно.

— Как представитель Его Императорского Величества приказываю вам незамедлительно собрать военный флот сектора. Командовать им назначьте адмирала Кутузова и ждите моих приказов.

С экранов не доносилось ни звука, и люди в конференц-зале принялись приглушенно переговариваться. Бен властным жестом потребовал тишины, и все смолкли.

— Сенатор, — осторожно произнес Меррилл, — мне нужно подтверждение приказа от еще одного члена Комиссии.

— Подтвердишь, Род?

«Началось, — подумал Род, не смея взглянуть на Салли. — Раса Воинов? Независимые Хозяева? Мы не можем позволить мошкитам вторгнуться в нашу систему. Мы не продержимся и столетия».

Он посмотрел на мошкитов, те буквально окаменели.

«Они поняли, что мы их раскусили. Бесконтрольное размножение. А их Демоны, которые выглядят как монстры из ночных кошмаров!

Но мне *нравятся* мошкиты! Впрочем, нет, мне нравятся Посредники, а с другими я пока даже не встречался. Но они не контролируют цивилизацию Мошки». Род покосился на Салли. Та была неподвижна, как мошкиты. Род глубоко вздохнул.

— Ваше Высочество, я подтверждаю.

56
Последняя надежда

Гостевые апартаменты показались им тесными и неуютными. Ничто не изменилось: из кухни по-прежнему приносили изысканные деликатесы Империи, одно нажатие кнопки вызывало дюжину слуг-людей, десантники в коридоре были вежливы и почтительны.

Однако они находились в ловушке. Где-то на краю системы Новой Каледонии, на базе под названием Дагда собирались имперские военные корабли, и когда они прибудут туда…

– Им не убить всех, — пробормотала Чарли.

– Убьют, — голосок Джок задрожал.

– У нас есть Воины. Флот людей, несомненно, потеряет свои корабли, но командующим назначен Кутузов. Но станет ли он рисковать? Кто знает? Пощадит кого-нибудь из нас или превратит нашу планету в звездную пыль?

– Астероиды тоже? — захныкала Чарли. — Да… Не было ни одного Цикла, в котором бы гибло и то, и другое. Хозяин, нужно что-то сделать! Нельзя допустить вооруженного конфликта!

Если бы мы были честны с ними…

– Их флот все равно получил бы приказ выдвинуться, — возразила Джок. — Но мы бы как-нибудь справились. Привлекли бы других Посредников и добились бы своей цели! — Она сжала три пальца щепотью. — Они согласились, а потом… — Она медлила, пребывая на грани безумия, но затем взяла себя в руки. — Думаю, еще можно что-то предпринять.

– Надо сказать им правду, — предложила Чарли. — Чем это повредит? Сейчас они смотрят на нас как на злейших врагов. По крайней мере мы объясним, почему лгали.

– Изучите их интересы и думайте, как их соблюсти, не допуская уничтожения расы! — приказал Иван.

– Нужно помочь им? — чирикнула Джок.

– Да. Помогать обезопасить себя от нас!

– Они боятся Воинов. А если Хозяева согласятся уничтожить Демонов? Тогда мы могли бы присоединиться к Империи.

– Безумный Эдди! — воскликнула Чарли. — А сколько Хозяев сохранят Воинов на всякий случай?

– Это уже пытались сделать, — напомнил Иван. — Нужна другая идея.

– Нельзя ли заставить их поверить, что мы не способны создать поле? — спросила Чарли.

– Нет, это просто глупо. Давайте посмотрим на развитие событий… Скоро их флотилия вторгнется в нашу систему. Дюжины линкоров! А что произойдет дальше? Начнется сражение, и наша раса погибнет. Люди не должны послать флот в нашу систему. ***Не должны!***

Джок перешла на древний полузабытый язык, неизвестный Хозяину.

– Он вот-вот заболеет.

– Как и мы, — Чарли корчилась от горького беззвучного смеха. — Бедняга! Его страхи — это наши страхи плюс опасение, что мы сойдем с ума. Без нас он будет лишь молча глазеть на людей, не в силах им воспрепятствовать.

– Думайте! — выкрикнул Иван. — Они посылают Кутузова! Он уничтожил планету людей — какую же милость проявит он к чужакам? Не допустите самого страшного!

Когда Салли ворвалась в кабинет Рода, он разговаривал по выделенному каналу связи и не видел ее. На мгновение она замешкалась, затем остановилась, прислушиваясь.

— Согласен, Лаврентий. Цивилизацию астероидов следует уничтожить в первую очередь. Она

может быть их главной военной базой.

— Не люблю разделять флот, — ответил басовитый голос. — Вы поручаете мне, лорд Блейн, две несовместимые задачи. Обрушиться на мошкитов без предупреждения и покончить с ними — да, такое в принципе возможно. Но предложить им атаковать прежде, чем мы сможем отреагировать… Это будет стоить нам потерянных кораблей и жизней, которые мы не сумеем сберечь.

— Выполняйте приказ.

— Да, милорд. Утром мои люди принесут вам предварительный план. И расчет возможных потерь. Какого офицера поставить командиром корабля-приманки, милорд? Вашего одноклассника? Постороннего? Жду предложений.

— Черт побери!

— Прошу прощения за дерзость, милорд. Ваши распоряжения будут выполнены.

Экран погас. Род сидел не шевелясь, пока Салли не подошла к нему. Род вздрогнул и обернулся.

Салли сглотнула: перед ее внутренним взором до сих маячил мошкитский Демон.

— Вы слышали?

— Кое-что… Все так плохо, Род?

Блейн пожал плечами.

— Пока неизвестно, с какими трудностями мы

столкнемся. Одно дело — внезапно вторгнуться к чужакам и испепелить их планету дотла с помощью нашего оружия. Но послать туда наши военные корабли, предупредить об этом мошкитов и ждать, пока они атакуют нас? На первый же враждебный ход может последовать ответ из лазерной пушки, с помощью которой запустили зонд!

Салли с жалостью посмотрела на жениха.

— А зачем нам так поступать? Почему бы просто не оставить их в покое?

— Чтобы однажды они выбрались оттуда и уничтожили наших внуков?

— Поэтому мы должны уничтожить их?

— Салли, у вас есть сомнения? Относительно того, что представляют собой мошкиты?

— Они — не чудовища!

— Нет. Просто враги.

Салли покачала головой.

— И что должно произойти?

— Флот войдет в их систему, и мы потребуем, чтобы мошкиты покорились Империи. Возможно, они согласятся… или нет. Если — да, команда самоубийц отправится наблюдать за разоружением. Если мошкиты предпочтут сражаться, флот атакует.

— А кому придется высадиться на Мошке-1? Кто будет нести ответственность за… *Нет, Род!* Я запрещаю!

— Послушайте, Салли, у нас нет выбора. Каргилл, Сэнди Синклер и я — вся наша старая компания с «Макартура» возьмется за дело. Может, мошкиты сразу же сдадутся. Кто-то должен дать им шанс.

— Род, я…

— Давайте поскорее сыграем свадьбу? Ни у одной из наших семей нет наследника.

– Какая ирония! — пропищала Чарли. — Миллионы лет мы жили в бутылке, что являлось источником всех наших бед. Теперь, когда мы нашли выход, в горлышко хлынет военно-космический флот — и погубит нашу расу!

Джок усмехнулась.

– Какое у вас живое поэтическое воображение!

– Какое наслаждение — ваши деловые советы! Вы… — Чарли резко умолкла.

Походка Джок изменилась. Она передвигалась, как-то странно заломив руки, наклонив голову и ставя ноги близко друг к другу: рискованная людская поза.

Чарли узнала Кутузова и повелительным жестом заставила Ивана воздержаться от ком-

ментариев.

– Мне нужен аналог термина, который бы употребил человек, — пояснила Джок. — А… вот оно! Мы должны ПОСТУПИТЬ НА СЛУЖБУ, — произнесла она голосом Кутузова.

Чарли с радостью согласилась.

Сенатор Фаулер сидел за столом в небольшом кабинете, примыкающем к конференц-залу. На дубовой барной стойке красовалась бутылка «Нью-Эбердин Хайленд Крим». Дверь распахнулась: в проеме появился доктор Хорват, который не рискнул зайти внутрь и теперь топтался на пороге.

— Выпьете? — спросил Фаулер.

— Нет, спасибо.

— Правильно. Ваша просьба о включении в состав Комиссии отклонена.

Хорват ссутулился.

— Понимаю.

— Сомневаюсь. Проходите и присаживайтесь, — Фаулер вытащил из ящика стола два бокала и наполнил их до краев. — Держите, док. Притворитесь, что пьете со мной. Тони, я хорошо к вам отношусь.

— Что-то не очень заметно.

— Неужто? Ну и ладно. Итак, Комиссия собира-

ется уничтожить мошкитов. Трагично, да, док? А вы сами, Тони, *хотите* нести за это ответственность?

— Уничтожить? — переспросил Хорват. — Но я полагал, приказ касается их включения в Империю.

— Док, послушайте. Все очень сложно. Политическое давление слишком велико, поэтому мы не можем просто вторгнуться в их систему и стереть мошкитов в порошок. Выходит, что я позволю мошкитам — и людям — пролить много крови. Может пострадать и мой будущий родственник. — Сенатор помолчал. — А мошкиты будут сражаться, док. Надеюсь, что мы победим и Род вернется домой. Вы хотите быть замешанным в это?

— Я не мог вам ответить. Но спасибо за объяснения.

— Не за что. — Фаулер сунул руку в карман кителя и достал оттуда коробочку. Он на секунду открыл ее, заглянул внутрь, снова закрыл и передал Хорвату. — Держите. Она ваша.

Хорват открыл крышку и увидел кольцо с крупным тускло-серым камнем.

— К следующему дню рождения можете вырезать на нем баронский герб, — сказал Фаулер. —

Довольны?

— Да. Благодарю, сенатор.

— Не стоит! Вы хороший человек, Тони. А теперь давайте узнаем мнение мошкитов.

Конференц-зал гудел. Здесь были члены Комиссии, ученые Хорват, Харди, Реннер и… адмирал Кутузов.

Сенатор Фаулер занял свое место.

— Лорды-члены Комиссии, представляющей Его Императорское Величество, в сборе. Запишите свои имена и организации. — Сенатор ненадолго умолк, после чего продолжил: — Мошкиты попросили меня провести данное заседание, однако пока не объяснили причины, по которой оно должно состояться. Надеюсь, они введут нас в курс дела. Но прежде чем они появятся здесь, я бы хотел спросить у присутствующих — есть у кого-нибудь замечания или предложения? Нет? Келли, пригласите мошкитов.

Мошкиты вошли в конференц-зал гуськом и молча взгромоздились на стулья. Они выглядели настоящими чужаками — подражание людской мимике исчезло. На лицах застыли вечные полуулыбки, густой мех поблескивал в свете ламп.

— Предоставляю вам слово, — произнес сенатор. — Но предупреждаю, что вряд ли мы вам

поверим.

— Лжи не будет, — ответила Чарли.

Даже ее голос стал другим: он был спокойным и еще более мелодичным. Род был обескуражен: недавний акцент мошкиты полностью исчез. Теперь он слышал совершенный, идеальный англик.

— Время лжи — в прошлом. Мой Хозяин с самого начала считал, что вас не надо обманывать, но у Хозяина Джок было другое мнение на этот счет. В итоге наши переговоры застопорились. Думаю, вы поймете меня — вы же знаете, что такое субординация, поскольку зависите от императора?

— Сторонник честности, да? — усмехнулся Фаулер. — Жаль, мы не встретились с вашим боссом. Сейчас уже поздновато!

— Возможно. Но сейчас я буду говорить от лица Хозяина. Называйте его Король Петр — гардемарины «Макартура» называли его именно так.

— Что?! — Род вскочил со стула, и тот, отлетев назад, загрохотал. — Когда?

— Перед тем как их убили Воины, — произнесла Чарли. — Наскоки на меня не дадут вам информации, милорд, кроме того, их убили Воины *не моего* Хозяина. Тем, кто это сделал, было приказано взять людей живыми, но гардемарины не

сдались и в результате погибли.

Род осторожно вернул на место стул и сел.

— Да, — пробормотал он. — Хорст не мог сдаться.

— Как Уитбрид и Поттер. Вы можете гордиться ими, лорд Блейн. Они были лучшими из лучших — настоящими героями, — безо всякой иронии добавила мошкита.

— Но почему мошкиты убили этих мальчиков? — воскликнула Салли. — Род, мне очень жаль!

— Твоей вины здесь нет. Чарли, леди задала вопрос.

— Они узнали правду о нас. Спасательные шлюпки доставили их на нашу планету, на тот фермерский участок, возле которого находился музей — но не такой, который вы посетили во время своего визита, — ответила Чарли глухим голосом.

Она рассказала обо всем: о музее и споре между мошкитами и гардемаринами, о полете на самолете и о начале войны между фракциями, о приземлении возле Замка, о засаде и о последнем сражении.

— Мои Воины проиграли, — вымолвила она. — Если бы они победили, Король Петр отпустил бы

гардемаринов и они бы вернулись на корабль. Но они были мертвы, и мы решили, что лучше обмануть вас.

— Боже мой, — прошептал Род. — Значит, это и есть ваша тайна. Мы держали в руках ключи к разгадке, но…

Отец Харди что-то неразборчиво пробормотал.

— А вы решили покаяться, так? — осведомился сенатор Фаулер. — Думаете как-то выкрутиться?

Чарли пожала плечами.

— Если вы решите уничтожить нас, вам все же следует знать правду. Я пытаюсь объяснить, что Хозяева тоже не сдадутся. Король Петр — возможно, но он не правит Мошкой-1 и уж тем более — цивилизацией астероидов. Кто-то обязательно станет сражаться.

— Как я и предсказывал, господа, — прохрятел Кутузов. — Наши люди, которых пошлют на Мошку предложить капитуляцию, будут обречены. Наш флот пострадает. Противника нужно атаковать!

— Ох, ребята, — пробурчал сенатор Фаулер, остывая, — я понял, что вы задумали. Вам кажется, что нам не хватит духу начать неспровоцированную атаку и мы не отправим корабли с самоубийственным заданием. Плохо вы изучили

людей, Чарли. Вы добились только того, что адмирал хочет поступить именно так… Простите, но я буду вынужден согласиться… это единственный выход, какой я вижу.

Голос сенатора гулко разнесся по конференц-залу.

— Адмирал Кутузов, держите флот в боевой готовности и без моего личного одобрения не вступайте в контакты ни с кем! Повторяю: *ни с кем*. Ясно?

— Да, сенатор. — Кутузов поднял коммуникатор к губам. — Вызываю Михайлова. — Он заговорил по-русски: быстрыми тягучими слогами. — Готово, сенатор.

— Я еще не закончила, — произнесла Чарли. — У вас есть альтернатива.

— Какая? — спросил Фаулер.

— Блокада.

57
Искусство измены

Они долго стояли на балконе апартаментов Рода, слушая шум ночного города. Человек-в-Капюшоне высоко поднялся над горизонтом и равнодушно взирал на них губительным пылающим оком: двое влюбленных собираются послать эскадры кораблей непосредственно в Глаз Мёрчисона и держать их там до своей старости.

— Она совсем крошечная, — проговорила Салли, приникнув к Роду и чувствуя, как его руки обнимают ее. — Просто желтое пятнышко… мошка в Глазу Мёрчисона. Род, у нас получится?

— Блокада? Конечно. И нам пригодился совет Джона Каргилла: эскадра возле Глаза использует выгоды послепрыжкового шока. Мошкиты ни о чем не догадаются, и их корабли несколько минут будут неуправляемыми. Даже если они попытаются что-то предпринять, им будет только хуже.

Она содрогнулась.

— Я имела в виду другое, Род. План в целом… сработает ли он?

— А разве у нас есть выбор?

— Нет. И я рада, что ты согласился. Я не смогла бы жить с тобой, если бы… не смогла бы, и все!

— Да, — ответил Род.

«Поэтому я благодарен Чарли, сказавшей о блокаде, — подумал Род. — Ведь мы не можем позволить им вырваться из системы. Галактическая чума. Есть всего два лекарства от этой болезни: карантин или уничтожение. По крайней мере, тогда у нас был выбор».

— Они… — Салли замолчала и посмотрела на него. — Я боюсь говорить тебе об этом, Род. Я не смогу жить в мире с собой, если мы так поступим… если блокада не поможет.

Он ничего не ответил. Откуда-то снизу донесся смех.

— Они могут проскочить мимо эскадры в звезде, — сказала Салли с полным спокойствием.

— Да. И мимо мин, сделанных Сэнди Синклером, тоже. Но куда им деваться, Салли? Есть только один выход из системы Глаза. Они не знают, где он, а когда найдут, их будут ждать военные корабли. И потом, не забывай, они будут внутри звезды. Возможности избавиться от лишней энергии там нет, и потому вероятны повреждения. Не волнуйся, мы все предусмотрели. Это надежная блокада, иначе я не согласился бы на нее.

Салли снова расслабилась и прижалась к его груди. Род обнял ее. Так они и стояли, глядя на Человека-в-Капюшоне и его один-единственный багровый глаз.

— Они не прорвутся, — добавил Род.

— Они живут там уже миллион лет… Интересно, какими станем мы через миллион лет? — задумалась она. — Похожими на них? Есть что-то очень важное, чего мы не понимаем в мошкитах. Фатализм, какой я не могу себе представить. После нескольких неудач они могут сдаться.

Он пожал плечами.

— В любом случае мы продолжим блокаду. А лет через пятьдесят войдем в систему и посмотрим, как обстоят дела. Если упадок будет полным, как предсказала Чарли, мы примем их в Империю.

— А потом?

— Там видно будет…

— Да, — Салли выскользнула из его объятий и воскликнула: — Я знаю! Род, нам нужно взглянуть на проблему реально. Мы можем помочь мошкитам.

Род удивленно уставился на нее.

— Полагаю, над этим вопросом размышляют лучшие умы Империи.

— Да, но ради Империи, а не ради мошкитов.

Нам нужен институт. Учреждение, управляемое людьми, которые *знают* мошкитов и далеки от политики! И мы можем основать его. Мы богаты, Род!

— Что?

— Давай потратим половину того, что у нас есть!

Салли сорвалась с места, выскочила в коридор и бросилась в свои апартаменты. Род последовал за ней и увидел, что она роется в груде свадебных подарков, которыми был завален стол из розового тиса в прихожей. Отыскав карманный компьютер, Салли довольно хмыкнула.

«Должен ли я сейчас рассердиться? — сказал себе Род. — Пожалуй, надо радоваться, когда она такая. Надеюсь, у меня будет время ко всему привыкнуть».

— Мошкиты тоже не сидят сложа руки, — напомнил он.

Салли посмотрела на него с легкой досадой.

— Фу! Они не видят себя со стороны! Фатализм, помнишь? К тому же они бы сами на такое не согласились — у них столько каст… Кроме того, между Хозяевами могли возникнуть серьезные разногласия. — Она уткнулась носом в экран компьютера. — Разумеется, нам понадобится

Горовиц. Он говорил, на Спарте есть подходящие люди — нужно будет послать за ними. И доктор Харди нам тоже пригодится.

Род смотрел на нее со страхом и удивлением.

— Хорошо. — «Лучше принять ее такой, какая она есть, если я хочу быть рядом всю жизнь. Кстати, на что похожа жизнь в эпицентре торнадо?» — Если тебе нужен отец Харди, ты его получишь. Кардинал поручил ему проблему мошкитов, и у него есть в запасе кое-что еще. Харди давно должен был стать епископом, но у него нет права на митру. Он будет доволен своей миссией. Первый папский посланник, просвещающий пришельцев, или что-то вроде того.

— Значит, в правление войдем мы с тобой, доктор Хорват, отец Харди и… Иван.

— Иван?

«А почему бы и нет? Если уж мы взялись за дело, нам понадобится влиятельный мошкит. И, конечно, отличный исполнительный директор. Салли нельзя загружать административной работой, а у меня нет времени. Может, Хорват?»

— Салли, ты представляешь, на что мы ополчились? Чего стоит одна биологическая проблема «как превратить женщину в мужчину без беременности или стерилизации»? Но даже если мы

найдем метод, как заставить мошкитов применять его?

Она почти не слушала.

— Мы найдем метод. Мы справимся!

— Мы с трудом управляем империей людей!

— Но ведь у нас получается, верно? Пусть и кое-как.

Салли отодвинула в сторону кипу разноцветных свертков, освобождая место. Какая-то коробка едва не упала, и Род подхватил ее. Салли продолжала вводить данные в память компьютера.

— Как мне выйти на раздел «*ученые Империи*»? — спросила она. — На Мэйдзи есть крупный специалист по генной инженерии, а я не могу вспомнить его имя.

Род тяжело вздохнул.

— Я найду его для тебя. Но с одним условием.

— Каким? — Салли с любопытством взглянула на него.

— Ты займешься мошкитами на следующей неделе, потому что, если ты возьмешь компьютер в свадебное путешествие, я выкину эту чертову штуковину в преобразователь массы!

Она расхохоталась, но Рода вовсе не убедил ее смех. Ну и ладно. Компьютеры не слишком

дороги. Если бы он поступил столь радикальным способом, это бы ничего не решило. И ему, пожалуй, придется иметь дело с Бери: магнат тоже может оказаться незаменимым.

Гораций Бери брел по дворцовым коридорам за десантником, демонстративно игнорируя тех, кто следовал за ним по пятам. Его лицо было спокойным, и только вглядевшись в глаза, можно было заметить снедавшее его отчаяние.

«На все воля Всевышнего», — подумал он и немного приободрился. Возможно, и в повиновении есть своя прелесть. Впрочем, это малоутешительно. Космодесантники спрятали его багаж и не допускали к нему верного Набиля. Однако Набиль успел шепнуть своему господину, что новости Джонаса Стоуна дошли до дворца.

Стоун еще оставался на Нью-Чикаго, но что бы он ни сказал военной разведке, это было достаточно важно, чтобы послать курьерский корабль. Информатор Набиля не знал, о чем говорил главарь мятежников, — в отличие от проницательного Бери. Увы, послание — зашифрованное или нет — наверняка было коротким, но содержало смертный приговор Горацию Бери.

Итак, конец всему. С изменниками Империя расправляется быстро: в несколько дней или

недель, не больше. Возможностей побега никаких. Десантники вежливы, но бдительны. Они предупреждены, и их слишком много. Кто-нибудь из них согласился бы взять взятку, но не на глазах у боевых товарищей.

На все воля Аллаха. Но как жаль… Если бы я не был столь обеспокоен из-за чужаков и не вел бы пустопорожние переговоры с торговцами, я бы давным-давно сбежал. Левант велик, но мне пришлось бы покинуть Новую Шотландию, а решения принимают именно здесь. И какой смысл скрываться, если мошкиты могут уничтожить Империю?

Сержант космодесанта довел Бери до конференц-зала и держал дверь открытой, пока Бери не вошел. Затем — невероятно! — охрана удалилась. В помещении, кроме Бери, было два человека.

— Доброе утро, милорд, — магнат поприветствовал Рода Блейна.

Бери говорил ровным голосом, хотя во рту пересохло, а когда он поклонился другому человеку, то в горле появился едкий привкус.

— Я не представлен сенатору Фаулеру, но, конечно, Империя знает его в лицо. Доброе утро, сенатор.

Фаулер кивнул, не вставая со своего стула.

— Доброе утро, ваше превосходительство. Садитесь, — он указал на стул напротив.

— Спасибо. — Бери подчинился и изумленно покосился на Блейна, который принес ему кофе.

Бери осторожно понюхал напиток и убедился, что кофе именно тот, который он послал дворцовому шеф-повару, чтобы тот готовил его специально для Салли и Блейна.

«*Всевышний,* они играют со мной, но каков будет финал игры». Он почувствовал гнев и страх, но по-прежнему никакой надежды. И обуздал дикий клекочущий смех, зародившийся где-то в желудке.

— Нам только что стали известны определенные вещи, ваше превосходительство, — изрек Фаулер.

Он сделал знак, и Блейн включил настенный экран. Появилась грузная фигура Джонаса Стоуна. Его лоб и скулы покрывала испарина, а голос то гудел, то звучал умоляюще.

Бери бесстрастно слушал, презрительно кривя губы. Сомнений не было: теперь флот получил более чем достаточно оснований казнить Бери как изменника. Но улыбка не исчезла с лица Бери. Он не доставит им такой радости. Не будет ползать перед ними на коленях.

Наконец запись кончилась. Фаулер снова махнул рукой, и изображение вождя мятежников исчезло.

— Об этом известно лишь нам троим, мистер Бери, — осторожно произнес Фаулер.

Чего они хотят? Может, у меня есть шанс?

— Не думаю, что вопрос требует детального обсуждения, — продолжал сенатор. — Давайте лучше поговорим о мошкитах.

— О! — выдавил Бери и с трудом сглотнул.

«Вы хотите заключить сделку или просто посмеяться напоследок над моими страхами?» Прежде чем заговорить, он отпил кофе, чтобы смочить гортань.

— Уверен, сенатор осведомлен о моей точке зрения. Я считаю мошкитов величайшей угрозой, с какой когда-либо сталкивалось человечество. — Бери посмотрел на двоих напротив, но по их лицам невозможно было ничего прочесть.

— Мы с вами согласны, — вымолвил Блейн.

Пока в глазах Бери разгоралась искра надежды, Фаулер добавил:

— Верно. У мошкитов наблюдаются постоянные демографические скачки, а когда обстановка на их планете накалится до предела, разразится очередная война. А если они вырвутся из своей

системы… Бери, у них есть разновидность солдат, которые заставят покраснеть от стыда сауронских суперменов. Вы же сами видели их!

Блейн нажал несколько клавиш на своем портативном компьютере, и на стене возникла новая фотография: скульптурная композиция, изображающая битву за машину времени.

— Но мой мошкит утверждал… — Бери умолк и вдруг рассмеялся, как человек, которому нечего терять.

«*Мой* мошкит! Ну надо же!..»

— Вот именно, — усмехнулся сенатор. — Не думаю, что вашему мошкиту можно доверять. Бери, мы можем потерять все планеты. Мошкиты, причем не только пресловутые «домовые», размножаются как бактерии. Это просто не с чем сравнить. Впрочем, вы в курсе.

— Да. — Бери взял себя в руки. Лицо его вновь стало непроницаемым, но перед мысленным взором сверкали крошечные глазенки «домовых».

«И ведь я сам чуть не вынес их наружу! О Всевышний!»

Бери поежился.

— Перестаньте трястись, — приказал Фаулер.

— Прошу прощения. Вы слышали о моей встрече с «домовыми». — Бери взглянул на Блейна и

позавидовал его выдержке. Капитан «Макартура» наверняка ненавидел Часовщиков. — Хорошо, что Империя осознала опасность.

— Да. Мы устраиваем мошкитам блокаду. Закупорим пришельцев в их родной системе.

— А не лучше ли уничтожить их, пока возможно? — тихо произнес Бери, и его темные глаза загорелись.

— Уничтожить?

Бери кивнул.

— Конечно, возникнут политические осложнения. Но я могу найти людей для такой экспедиции на Мошку-1, и, получив нужные приказы…

Фаулер махнул рукой.

— Если потребуется, я отправлю туда моих агентов.

— Мои будут значительно менее ценными, но они выполнят задачу. — Бери посмотрел на Блейна.

— Пожалуй, да, — Фаулер примолк, и Блейн напрягся, а сенатор продолжал: — К добру или к худу, но мы решились на блокаду. Правительство боится обвинений в ксеноциде. И лично меня не устроит идея агрессивного нападения на разумных существ. Мы поступим так, как решили.

— Но угроза! — Бери подался вперед, не пытаясь

скрыть фанатичный блеск в глазах. Он знал, что близок к безумию, но его это теперь не заботило. — Вы думаете, что загнали джинна обратно, если пробка вставлена в бутылку? А если следующее поколение посмотрит на мошкитов иначе? Если они опять выпустят джинна на свободу? Представьте себе тучи мошкитских кораблей, обрушившихся на Империю… и каждый под командой многорукой твари, думающей как адмирал Кутузов! Специально выведенные Воины, превосходящие сауронских «мертвоголовых»! И вы позволите им жить? Их надо истребить!

«*Нет!* Этих так просто не убедить». Бери глубоко вздохнул.

— Но вы приняли решение. Чем я могу помочь?

«Чего вы вообще от меня хотите?»

— А вы нам уже помогли, — сказал Блейн и отхлебнул кофе. — И спасибо за подарок.

— Блокада — наиболее дорогая из военных операций, — буркнул Фаулер. — И всегда непопулярная.

— А-а… — Бери расслабился. Совсем недавно его жизнь висела на волоске, но он был им нужен. Вероятно, ему удастся сохранить гораздо больше, чем жизнь. — Вас беспокоит Имперская Торговая

Ассоциация.

— Именно.

«Огромное облегчение… Я воздвигну мечеть. Кто знает, может, Аллах все-таки существует». Клекочущий смех застрял в горле. Бери кусал губы. Он понимал, что если начнет смеяться, то остановиться не сможет.

— Я указал коллегам на невыгодность неограниченной торговли с мошкитами. По-моему, я добился успеха, хотя многие торговцы напоминают человека, который последовал за Аладдином в волшебную пещеру. Несметные богатства делают их слепцами.

— Вы правы. Но сумеем ли мы удержать их — тех, кто намерен саботировать наши решения? Сможем ли мы спутать их планы?

Бери пожал плечами.

— Мне потребуется помощь. И средства. Полагаю, придется использовать секретные фонды.

Фаулер ухмыльнулся.

— Род, что еще говорил Стоун? Что-то о…

— Вовсе не обязательно обсуждать бред этого человека, — запротестовал Бери. — Я достаточно богат. — Он задумался: интересно, что у него останется, когда дело будет сделано? Фаулера не тревожит, что Бери может разориться. — Но,

возможно, потребуются ресурсы, превосходящие мои!

— Подробности мы обсудим позже, — сказал Фаулер. — Допускаю, что мы будем вынуждены обратиться к Мерриллу и позаимствовать его ресурсы… А ведь он предполагал пустить их на объединение Трансугольного сектора. Мне представляется, что умный торговец мог бы наладить связи с мятежниками. И убедить их присоединиться. К нам. Конечно, я не представляю, как это сделать.

— Понимаю.

Фаулер кивнул.

— Вот и хорошо. Род, спрячьте, пожалуйста, это видео в архив. Оно пока не понадобится.

— Да, сэр, — Род склонился над компьютером.

Устройство загудело, знаменуя новый период в жизни Горация Бери.

«Возможности уклониться не будет, — подумал Бери. — Фаулеру нужны реальные результаты, а не извинения, и ставка в игре — моя жизнь. Нелегко быть политическим агентом этого человека. А какой у меня выбор? На Леванте я могу только в страхе ждать, а здесь, по крайней мере, буду в гуще событий, а может, даже повлияю на политический курс, связанный с мошкитами».

— И еще, — добавил сенатор.

По его знаку Род распахнул дверь кабинета. В конференц-зал вошел Кевин Реннер.

Все они впервые видели штурмана в гражданской одежде. Реннер выбрал яркие брюки и китель кричащего оттенка. Его шарф, сотканный из шелковистого материала, казался натуральным, но, вероятно, был синтетикой. Замшевые ботинки, аксессуары — короче говоря, Реннер смахивал на преуспевающего капитана торгового судна.

Бери и Реннер удивленно уставились друг на друга.

— Да, сэр? — произнес Реннер после паузы.

— Рановато мы тебя вызвали, да, Кевин? — заметил Род. — Ваша отставка с сегодняшнего дня недействительна.

Реннер осклабился.

— Неужто, кэп? Доброе утро, мистер Бери.

— Я вижу, вы знакомы, — сказал Фаулер. — И это замечательно, поскольку отныне вы будете часто видеться.

— Что? — насторожился Реннер.

— Сенатор имеет в виду, — объяснил Род, — что хочет просить вас об одолжении. Кевин, вы помните условия своего контракта?

— Конечно.

— Четыре года службы. Они могут продлиться до окончания критической ситуации первой категории или до окончания войны на внешних границах, — сказал Род. — Сенатор объявил ситуацию с мошкитами критической ситуацией первой категории.

— Минуточку! — воскликнул Реннер. — Вы не можете поступить со мной таким образом!

— Могу, — заявил Фаулер.

Реннер рухнул на стул.

— Боже!

— Широко об этом еще не объявлено, — продолжал сенатор Фаулер. — Мы не хотим паники. Но вы официально извещены. — Фаулер прервался, чтобы отпить глоток. — Разумеется, у вас есть выбор…

— Спасибо

— Лихо, правда? — произнес Род, улыбаясь.

В ту секунду Реннер ненавидел его.

— Вы очень нас обяжете, Реннер, — проговорил Фаулер. — Да что я… Вся Империя будет носить вас на руках. И я привез с собой чистые бланки имперских патентов… Не хотите встретить следующий день рождения бароном?

— Нет! Это не для меня! Светские визиты отни-

мут у меня все время!

— Но привилегии вы найдете приятными, — ввернул Род.

— Проклятие! Нет, сэр, вам не сделать из Кевина Реннера аристократа! Слишком много еще нужно изучить во Вселенной! У меня нет времени на всякие глупости!

— Допускаю, что титул может нарушить течение вашей беззаботной жизни, — кивнул сенатор Фаулер. — Но, во всяком случае, разнообразие вам будет обеспечено: приятные мелочи будут сопровождать вас повсюду… А уж как вам будут завидовать, мистер Реннер! Но, помимо прочего, вы очень полезны для нас. Итак, я объявляю о критической ситуации первой категории…

— Но… но…

— Капитан гражданского судна, — сказал Фаулер, — в рыцарском звании и всецело понимающий проблемы мошкитов. Да, вы — тот, кто нам нужен.

— Нет у меня никакого рыцарского звания.

— Значит, будет. Это неизбежно. Мистер Бери требует, чтобы у его личного пилота был орден Святого Михаила или Святого Георгия. Не правда ли, мистер Бери?

Бери вздрогнул. «Империя назначит челове-

ка следить за мной, причем того, кто запросто найдет язык с капитанами торговых кораблей. Но клоун Реннер? Борода Пророка, этот человек невыносим! Но он хотя бы неглупый клоун. Может, он окажется полезен».

— Я думаю, сэр Кевин — идеальный кандидат. Он будет безупречным пилотом моего корабля, — доброжелательно произнес Бери и лишь чуточку скривил губы. — Добро пожаловать в «Империал Автонетикс», сэр Кевин!

— Но… — Реннер начал беспомощно озираться по сторонам.

Род Блейн держал в руках какую-то бумагу… что это еще такое? Конечно, приказ об отставке! Пока Реннер смотрел, Блейн разорвал документ в клочья.

— Черт возьми, ладно! — Ждать милости не приходилось. — Но как гражданское лицо!

— Естественно, — промурлыкал Фаулер. — Вы получите полномочия от военной разведки, но негласные.

— Пуп господень! — Эта фраза заставила Бери вздрогнуть. Реннер усмехнулся. — В чем дело, мистер Бери? Вас что-то напугало?

— Я предвижу интересные времена, — медленно сказал Бери. — Для нас обоих.

58
А может, лошадь запоет

Яркие лучи озаряли крышу дворца. Пушистые белоснежные облака неслись по небу, но на посадочной площадке дул лишь слабый ветерок. Солнце приятно пригревало.

Адмирал и два капитана стояли у люка посадочной шлюпки, глядя на маленькую группу гражданских: трех чужаков в выпуклых черных очках и четырех вооруженных десантников. Демонстративно не замечая мошкитов и их сопровождающих, адмирал поклонился людям.

— Простите, миледи, и вы, милорд, что дела не позволят мне присутствовать на свадьбе. Сожалею, что вынужден так скоро забрать ваших друзей с собой, — он указал на капитанов и поклонился еще раз. — Теперь я оставлю вас, чтобы вы могли попрощаться.

— Удачи, адмирал, — тихо произнес Род.

— Спасибо, милорд, — откликнулся Кутузов и полез в шлюпку.

— Никогда не пойму этого человека, — сказала Салли.

— Чистая правда, — заметила Джок.

Салли изумленно уставилась на мошкиту, повернулась к офицерам и протянула руку.

— Удачи вам, Джон. И вам, Сэнди.

— Вам тоже, Салли. — Каргилл искоса глянул на нашивки на рукаве. Четыре кольца, означавшие должность капитана, были совсем новенькими. — Спасибо, что дали мне корабль, Род. Я думал, что навсегда застряну в оперативном отделе.

— Спасибо адмиралу, — ответил Род. — Я рекомендовал вас, но решал он. Сэнди единственный, кому придется попотеть. Он пойдет на флагмане.

Синклер пожал плечами.

— Я судовой механик, а потому надеюсь проводить время на других кораблях, — признался он. — Лучший наблюдательный пункт для разработки всяких хитростей — внутри Глаза. Все в принципе складывается неплохо. Сомневаюсь, что корабль этого парня рассыплется в прах после моего пребывания на борту.

Каргилл пропустил его слова мимо ушей.

— Жаль, что пропущу свадьбу, Салли. Впрочем, пользуясь правом приглашенного, хочу кое-что сказать. — Он наклонился и коснулся губами зарумянившейся щеки Салли. — Если устанете от

Рода, на флоте есть и другие капитаны.

— Точно, — подтвердил Синклер. — И мои полномочия подписаны на две минуты раньше. Не забывай, Джон.

— Как можно! Но и ты помни, что «Паттон» — *мой* корабль. Лучше нам держаться порознь, кэп. До свидания, Джок, Чарли. — Каргилл замешкался, затем неуклюже козырнул.

— Прощайте, — ответила Чарли. Иван защебетал, и Джок добавила: — Посол желает вам удачи.

— Надеюсь, он подразумевает именно это, — произнес Каргилл.

— Конечно, мы подразумевали именно это, — закивала Чарли. — Мы хотим, чтобы вы чувствовали себя *в безопасности*.

Каргилл повернулся и поднялся на борт шлюпки. Синклер последовал за ним, и рядовые задраили люк. Двигатели загудели, люди и мошкиты спрятались в укрытие. Они молча смотрели, как шлюпка взлетела и превратилась в черную точку на фоне синего неба.

— Это сработает, не так ли? — пискнула Джок.

— Вы читаете мысли, да? — спросил Род, глядя в небо: теперь там не было ничего, кроме облаков.

— Конечно! Должно! — выпалила Салли, отве-

тив на вопрос и Рода, и мошкиты.

— Похоже, я, наконец, поняла людей, — сказала Чарли. — Вы изучали вашу историю?

Род и Салли непонимающе переглянулись.

— Только в университете, — проговорила Салли.

— Доктор Харди показывал нам книги, — сказала Чарли, ожидая, пока придет лифт. Двое десантников первыми зашли в кабину и ждали остальных. Чарли продолжала свой рассказ, словно вооруженной охраны там и не было: — Один из ваших древних писателей, историк по имени Геродот, повествует о воре, которого должны были казнить. И тот заключил сделку с императором: он обязался в течение года научить любимую лошадь императора петь гимны.

— Неужели? — озабоченно спросила Салли: Чарли вроде бы казалась совершенно спокойной, но доктор Харди говорил, что тревожится за чужаков…

— Другие узники смотрели, как вор распевает для лошади, и смеялись над ним. «Ты ничего не добьешься, — твердили они. — И никто не добьется». А вор ответил: «У меня есть год, и кто знает, что случится за это время. Император умрет, умрет лошадь или я умру. А может, лошадь

запоет».

Послышался вежливый смех.

— Я пока еще не слишком хороший рассказчик, — скромно добавила Чарли. — Не подумайте, что я пытаюсь острить. Но эта история помогла мне понять, насколько вы, люди, *иные*.

Воцарилось смущенное молчание. Когда лифт остановился, Джок спросила:

— Как ваш Институт?

— Чудесно. Мы уже послали за несколькими главами отделов, — смутилась Салли. — Мне нельзя медлить: после свадьбы Род не разрешит мне думать об Институте. Вы приглашены на торжество. Вы приедете?

Посредники одновременно пожали плечами и кивнули в сторону десантников.

— Мы будем счастливы, — церемонно произнесла Джок. — Но у нас нет подарка. Здесь нет Коричневых, которые бы создали нечто, а мы…

— Обойдемся, — улыбнулся Род.

Дверцы лифта открылись, но люди и мошкиты не покидали кабину и ждали, когда десантники осмотрят коридор.

— Спасибо, что позволили мне встретиться с адмиралом Кутузовым, — вымолвила Джок. — Мне хотелось поговорить с ним с тех пор, как наш

посольский корабль кружил возле «Макартура».

Род вытаращил глаза. Диалог Джок и Кутузова был весьма кратким, а важнейшим из вопросов, заданных мошкитой, стал: «Любите ли вы чай с лимоном?»

«Они чертовски цивилизованны и милы, и потому они будут вынуждены пару лет жить под охраной, пока информационный отдел не перестанет поносить их и их расу. Мы даже наняли известного писателя — сочинить сценарий пьесы о последних часах жизни моих гардемаринов».

— Это была короткая встреча, — резюмировал Род. — Мы…

— Да, вы не можете отпустить нас домой, — голос Чарли изменился: теперь она виртуозно подражала говору молодого новошотландца. — Мы знаем о людях чересчур много, чтобы быть в безопасности.

Она сделала знак десантникам, и те направились вглубь коридора. Мошкиты последовали за ними. Остальные охранники шагали позади. Процессия двигалась по коридору, пока не достигла жилища чужаков.

Дверцы лифта мягко стукнулись друг о друга, и Род уже не мог наблюдать за мошкитами.

Эпилог

«Дерзкий» неподвижно завис у внешнего края системы Мёрчисона. Другие корабли группировались вокруг «Дерзкого» в боевом строю: справа чернел «Ленин», похожий на разбухшее яйцо. По меньшей мере половину флота держали в постоянной готовности, а другие корабли ждали где-то внизу, в красном пекле Глаза. «Дерзкий» только что закончил перелет с Эскадрой Безумного Эдди.

Данный термин стал почти официальным. Вообще, люди старались использовать побольше выражений мошкитов. Например, когда человек выигрывал в покер, он обычно восклицал: «Финч'клик!»

«Но практически никто из нас никогда не сталкивался с мошкитами нос к носу, — подумал капитан Герб Колвин. — Мы лицезреем только их суденышки: мишени, беспомощные после перехода».

Из Глаза появилось несколько таких кораблей, но они были настолько сильно повреждены, что едва ли годились для космического перелета.

Дозорные всегда успевали предупредить капитанов, что на подходе очередной корабль чужаков (если того не убивал Глаз).

Последние суда возникли из точки Безумного Эдди с начальной скоростью тысяча километров в секунду. Каким образом мошкиты находили точку Прыжка при таких показателях? Неизвестно. Так или иначе, но флот не смог перехватить их. Впрочем, этого и не требовалось, ведь экипажи мошкитов были беспомощны после Прыжка и не могли ничего сделать, чтобы просто затормозить: черные шары всякий раз взрывались. Если мошкиты использовали свое уникальное расширяющееся поле, то взрывались быстрее, с большей скоростью поглощая тепло из желтой фотосферы.

Герб Колвин уже составил рапорт о технике мошкитов. Колвин всегда указывал на ничтожные шансы мошкитов. Они не могли устоять против флота и движителя Олдерсона, флота, который стерег их, не подозревающих о послепрыжковой дезориентации. Ему стало почти жалко мошкитов.

Колвин достал из шкафчика на переборке своей наблюдательной кабины бутылку и искусно налил в стакан жидкость — кориолисово ускорение

не являлось помехой. Взяв стакан, он добрался до кресла и уселся. На столике лежал пакет с почтой. Самое свежее письмо от жены Колвин уже вскрыл и мельком проглядел: плохих новостей не было, значит, он мог спокойно прочитать послание. Колвин поднес стакан к фотографии Грейс, стоявшей на столике, и улыбнулся.

Грейс мало что слышала о положении на Нью-Чикаго, но, судя по последнему письму сестры, ничто не предвещало беды. Почтовая служба Новой Шотландии работала неторопливо. Коттедж, который подыскала жена, находился вне защитной системы, но Грейс ни о чем не тревожилась, поскольку Колвин заверил ее, что мошкиты не смогут прорваться. Она взяла коттедж в аренду на целых три года, которые они намеревались здесь провести.

Герб согласно кивнул — деньги нужно беречь. Три года блокады, а затем домой, где он станет коммодором флота Нью-Чикаго. На «Дерзком» будет новенький движитель Олдерсона, и корабль станет флагманом. Несколько лет ведения блокады — малая цена за уступки, на которые шла Империя.

«И все это благодаря мошкитам, — подумал Колвин. — Без них мы бы еще сражались. Остают-

ся другие миры вне Империи, но в Трансугольном секторе объединение прошло на удивление мирно. Было, конечно, много стычек, но они — не чета сражениям. Спасибо мошкитам».

На глаза Гербу Колвину попалось имя: лорд Родерик Блейн, представитель Имперской Чрезвычайной Комиссии. Колвин рассеянно посмотрел на переборку и увидел привычную трещину на ней: очередной след после битвы с «Макартуром».

«Да, призовая команда Блейна задала нам жару. Он опытный парень, — неохотно признал Колвин, — но наследование — не лучший способ выбирать предводителя. Мятежная демократия Нью-Чикаго тоже работала не слишком хорошо».

Колвин снова вернулся к письму Грейс.

У лорда Блейна родился второй наследник: Грейс помогала в Институте, основанном леди Блейн. Она часто говорила с леди Салли и даже была приглашена в их поместье посмотреть на детей.

Письмо все никак не заканчивалось, и Колвин продолжал покорно читать. Неужели Грейс никогда не надоест рассуждать об аристократии?

«Мы никогда не сойдемся в политике, — подумал он и ласково посмотрел на фотографию. —

Боже мой, я теряю тебя…»

На корабле пробили склянки, и Герб спрятал письмо в конверт. Пора заняться работой — завтра на борт прибудет командор Каргилл с инспекцией. Колвин в предвкушении потер руки. На сей раз он покажет Империи, каким должен быть корабль. Победитель смотра получит дополнительное время к очередному отпуску, и Колвин хотел добиться заслуженного отдыха для своей команды.

Когда он встал, в иллюминаторе промелькнуло яркое желтое пятнышко. «Однажды мы войдем туда, — сказал себе Герб. — В Империи над этой задачей бьются самые талантливые ребята, а значит, мы обязательно найдем способ решить нашу глобальную проблему. Мы сможем общаться с мошкитами. Как мы тогда будем себя называть? Империя человечества и мошкитов?»

Колвин усмехнулся и отправился осматривать свой корабль.

Поместье Блейн-Майнор было громадным, деревья в саду защищали от яркого солнца. Им выделили чудесные апартаменты, и Посредники начали привыкать даже к вечному присутствию десантников. Иван, как обычно, относился к парням, как к собственным Воинам.

Вдобавок они работали не покладая рук. Они ежедневно встречались с учеными Института, Посредниками стали дети Блейна. Старший знал азы их языка и читал жесты мошкитов не хуже молодого Хозяина.

Тем не менее заключение оставалось заключением, и по ночам они смотрели на пылающий Глаз и его крошечную Мошку. Угольный Мешок висел высоко в ночном небе и смахивал на Хозяина в сползшем на один глаз капюшоне.

– Я боюсь за свою семью, цивилизацию, свой вид и мир, — прочирикала Джок.

– Надо думать о великом, — сказала Чарли. — Зачем люди растрачивают свои способности по мелочам? — Ее голос и поза изменились — она заговорила о серьезном. — Мы сделали что могли. Институт Салли — обычный провальный проект, но мы продолжаем сотрудничать, демонстрируя, насколько мы дружелюбны, безвредны и искренни. Тем временем блокада сохраняется и никогда не будет снята. В ней нет ни одной лазейки.

– Есть, — возразила Джок. — Никто из людей не подумал о том, что Хозяева могут добраться до Империи через обычное пространство.

– В блокаде нет лазеек, — повторила Чарли,

выразительно сложив руки. — Ни единой бреши до очередного коллапса. Проклятие! Кто построит новый зонд Безумного Эдди, прежде чем начнется голод? И куда им отправить его? Сюда, в лапы к флоту? — Она презрительно фыркнула. — Или в Угольный Мешок, к сердцу Империи? Вы думаете, лазерам хватит мощности, чтобы справиться с пылью Угольного Мешка? Нет. Мы потерпели фиаско, и Циклы начнутся снова.

– Тогда как нам предупредить их? — Правые руки Джок были согнуты, левая вытянута, ладонь открыта: готовность к нападению и риторическая безжалостность. — Может, они безуспешно пытаются понять эту блокаду? Напрасные усилия, которые ускорят упадок. Начнется длительный период, когда Империя может почти забыть о нашем существовании.

– Возникнут новые технологии, наступательные, как все развивающиеся технологии. На Мошке должны знать о человечестве. Может, удастся изобрести новое поле. Достигнув вершины своей мощи, мошкиты двинутся вперед, завоевывая все на своем пути. И Империю в том числе.

Чарли искоса взглянула на Хозяина. Иван бесстрастно лежал на диване и слушал щебет Посредников. Так часто делали Хозяева на Мошке.

Невозможно было понять, о чем он думает.

– Завоевание, — продолжила Джок. — Но чем большего прогресса мошкиты достигнут по сравнению с Империей, тем более ультимативным будет ее ответ. Однако нас много. И при всех разговорах об ограничении популяции мы будем более чем люди. Нас заперли в бутылке, дожидаясь, когда мы расплодимся до такой степени, что не уместимся на планете! Они ждут, когда разразится катастрофа! Этого нельзя допускать!

Колени Чарли были поджаты к животу, правые руки — к груди, левая защищала голову. Новорожденный, явившийся в беспощадный и жестокий мир. Голос ее звучал глухо.

– Если у вас есть лучшая мысль, развивайте ее.

– Нет. У меня нет лучшей мысли.

– Но мы выиграли время — сотни лет. У Салли и ее дурацкого Института тоже есть время для изучения проблемы, которую мы поставили перед людьми. Кто знает, может, лошадь научится петь гимны.

– Вы уверены?

Чарли посмотрела на жестикулирующую Джок.

– При таких шансах? Конечно!

– Безумный Эдди!

– Да. Решение Безумного Эдди. А что еще остается? Так или иначе, Циклам конец. Безумный Эдди выиграл свою внутреннюю войну против Циклов.

Джок покосилась на Ивана, но тот пожал плечами. Чарли превратилась в Безумного Эдди. Впрочем, теперь ее поведение не имело никакого значения, кроме того, ее безумие было милым и безобидным: вера, что на все вопросы есть ответы и ничто не лежит вне пределов досягаемости сильной левой руки, хватательной.

Зато люди никогда не узнают, каков будет итог: они будут блуждать в потемках, раздумывая над тем, что они действительно хотят обнаружить. Но, быть может, их дети вырастут, зная мошкитов не только по легендам.

И лишь два семейства из многих не питают ненависти к мошкитам.

Если кто-то и способен научить лошадь петь гимны, то это Посредник.